

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1949

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1 (27)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1949 · ЛЕНИНГРАД

В. И. ЛЕНИН

ЛЕНИН И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Четверть века назад умер Владимир Ильич Ленин — создатель большевистской партии, вождь и организатор Великой Октябрьской социалистической революции, творец и руководитель Советского государства, великий корифей науки.

Всепобеждающее учение и революционная деятельность Ленина оказали решительное влияние на весь ход исторического развития человечества.

Определяя роль Ленина в освободительной борьбе трудящихся, товарищ Сталин говорил: «Величие Ленина в том, прежде всего, и состоит, что он, создав республику Советов, тем самым показал на деле угнетенным массам всего мира, что надежда на избавление не потеряна, что господство помещиков и капиталистов недолговечно, что царство труда можно создать усилиями самих трудящихся, что царство труда нужно создать на земле, а не на небе» (Соч., т. VI, стр. 48).

Двадцать пять лет, истекшие со дня смерти Ленина, подтверждают величие и всемирноисторическое значение ленинских идей для дела коммунизма, которому он отдал всю жизнь. Под водительством товарища Сталина советский народ разрешил величайшие исторические задачи построения социализма в нашей стране, завершил ликвидацию эксплуататорских классов, провел коллективизацию сельского хозяйства, закончил гигантское строительство первых пятилеток, победоносно разгромил гитлеровский фашизм, добился величайших успехов в мощном хозяйственном и культурном строительстве послевоенных лет. Советский народ и трудящиеся всего мира живут, борются и побеждают, идя по ленинскому пути под руководством товарища Сталина.

После второй мировой войны, окончившейся великой победой Советского Союза, от лагеря империализма отпал ряд стран, которые, руководствуясь историческим опытом ленинско-сталинской партии большевиков, вступают ныне на путь строительства социализма. Растет и крепнет антиимпериалистический и демократический лагерь во всем мире, ширится национально-освободительное движение в колониальных и зависимых странах, идеи ленинизма, идеи коммунизма все более овладевают массами трудящихся за рубежом. Силы империалистической реакции слабеют, силы нового общества, силы социализма неодолимо растут.

За год до своей смерти В. И. Ленин, оценивая новый период всемирной истории, наступивший с победой Великой Октябрьской социалистической революции, писал, что социалистический строй может «доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития» (Соч., т. XXVII, изд. 3-е, стр. 415).

И действительно, за годы, истекшие со дня смерти В. И. Ленина, социализм показал воочию, какие гигантские исторические силы он пробудил к творческой деятельности.

Агенты буржуазии из числа всяких ревизионистов и оппортунистов старались похоронить учение Маркса, убить великие идеи коммунизма. Гений Ленина в борьбе с многочисленными врагами рабочего класса отстоял и развил революционное учение Маркса. Гений Ленина обогатил революционную науку — марксизм величайшими открытиями. Ленин показал, что капитализм переживает последнюю стадию своего развития, что мир вступил в эпоху империализма и пролетарских революций, что победа социализма возможна в одной, отдельно взятой, стране. Это учение было всесторонне развито товарищем Сталиным и дало пролетариату силу ориентировки в сложившейся исторической обстановке, дало уверенность в победе, мобилизовало и организовало массы на борьбу и победу.

Новейшая история человечества неразрывно связана с именами Ленина и Сталина — гениев революционной мысли и революционного действия. Ленин и Сталин выковали не только идейное, но также и организационное и тактическое оружие пролетариата.

Великий Ленин «первый в истории марксизма разработал учение о партии, как руководящей организации пролетариата, как основного оружия в руках пролетариата, без которого невозможно победить в борьбе за пролетарскую диктатуру» (С т а л и н).

Ленин и Сталин выпестовали ту могучую силу современной истории — революционную партию рабочего класса, партию большевиков, без которой невозможно было бы ни свержение ига капитализма, ни создание и укрепление социалистического строя, невозможно было подлинное движение истории вперед.

Четверть века назад прозвучали слова клятвы товарища Сталина в том, что дело Ленина будет выполнено. Эти слова зажгли сердца миллионов трудящихся, озарили великими идеями умы, укрепили волю трудящихся к борьбе за светлое будущее. Руководимый товарищем Сталиным советский народ в своих исторических делах неуклонно продолжает выполнять эту клятву, осуществляя великую задачу нашего времени — построение коммунизма. Под руководством большевистской партии, под гениальным водительством товарища Сталина советский народ добился всемирноисторических успехов. За двадцать пять лет создана величайшая мировая держава с мощной социалистической промышленностью, самым передовым, колхозным сельским хозяйством, с дружной семьей народов — страна, построившая социализм и строящая коммунизм.

Все эти успехи всемирноисторического значения были достигнуты благодаря водительству товарища Сталина. Товарищ Сталин обобщил и дальше развил теорию марксизма-ленинизма, развил ленинскую идею социалистической индустриализации и ленинский кооперативный план, разработал пути ликвидации эксплуататорских классов, продолжил и всесторонне развил созданную Лениным теорию социалистического государства, обосновал необходимость сохранения государства при коммунизме в условиях существования капиталистического окружения.

Когда умер В. И. Ленин, большевистская партия стояла перед разрешением труднейших исторических задач, не освещенных еще историческим опытом. В стране сохранилось несколько хозяйственных укладов, не были еще выкорчеваны до конца эксплуататорские классы, существовал океан мелких частнособственнических крестьянских хозяйств, рождавших ежегодно и ежечасно капитализм, существовало противоречие между самым высоким типом производственных отношений, самым передовым

политическим строем и отсталой технико-экономической базой. Однако все трудности были преодолены партией большевиков, советским народом под водительством товарища Сталина.

Победа социализма в СССР есть воплощение идей ленинизма. В нашей стране созданы невиданные по своей мощи производительные силы, открыты гигантские перспективы для дальнейшего роста производительных сил.

В своей речи 9 февраля 1946 г. товарищ Сталин начертал программу дальнейшего развития советской страны к коммунизму. Эта программа день за днем выполняется самоотверженным трудом миллионов советских людей. Советский народ уже разрешил важнейшую историческую задачу, добившись того, что наша промышленность в 1948 г. превысила довоенный уровень на 18 %, что наше сельское хозяйство, несмотря на неблагоприятные подчас метеорологические условия, достигло довоенного уровня, что все наше хозяйство уверенно, бурными темпами идет вперед. Советский народ, руководимый большевиками, великим Сталиным, осуществляет гигантские задачи по переделке природы, — задачи, которых еще не знало и никогда не решало человечество. Массовый трудовой подъем советского народа в послевоенный период показывает силу ленинских идей о роли масс в историческом процессе, о значении правильного большевистского руководства массами для выполнения великих исторических задач.

В нашем советском государственном строе заложена великая сила политической активности миллионов, сила исторического творчества масс. Великая советская демократия служит путеводной звездой для трудящихся во всем мире, завоевывает все новые массы приверженцев среди трудящихся за рубежом.

Социалистическая сознательность советского народа стала решающей силой в деле постепенного перехода нашей страны к коммунизму. Партия Ленина — Сталина неустанно воспитывала и воспитывает эту сознательность советских людей, социалистическое отношение к труду, к общественной собственности, глубокое понимание политики партии, безграничную любовь и преданность советской родине, делу Ленина — Сталина, делу коммунизма.

Ленин доказал, что только на основе победы социалистической революции возможна подлинная культурная революция в массах народа, невиданный расцвет культуры. За истекшие четверть века расцвела советская культура, советская литература, советское искусство, советская наука. Мощь и значение советской культуры, советской науки определяются тем, что она проникнута великими идеями ленинизма. Громадными тиражами издаются и расходятся в СССР произведения классиков марксизма. За 31 год их произведения вышли на 101 языке общим тиражом в 754 миллиона экземпляров, в том числе 174 миллиона экземпляров произведений Ленина. Сталинские «Вопросы ленинизма» изданы почти 17-миллионным тиражом, «Краткий курс истории ВКП(б)» имеет тираж в 34,5 миллиона экземпляров.

Неизмерим тот вклад, который внесли Ленин и Сталин в область общественных наук. Научные прогнозы Ленина и Сталина всегда блестяще подтверждались жизнью. Выводы Ленина и Сталина всегда базируются на изучении и обобщении громадного фактического материала. Достаточно вспомнить хотя бы о том, какое громадное количество самых разнообразных источников было всесторонне использовано Лениным в таких, например, трудах, как «Развитие капитализма в России» или «Империализм, как высшая стадия капитализма», чтобы понять, сколь глубоко обосновано фактическим материалом каждое ленинское положение. Еще в 1920 г., критикуя книгу М. Н. Покровского, Ленин требовал, «чтобы

не было верхоглядства, чтобы знали факты — чтобы учились сравнивать старую науку и новую» (Соч., т. XXIX, изд. 3-е, стр. 442). Как известно, Ленин неоднократно говорил и всячески подчеркивал, что «коммунистом стать можно только тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (Соч., т. XXV, изд. 3-е, стр. 388).

Однако Ленин решительно разоблачает объективистское фактособирательство буржуазных ученых. С каким презрением Ленин отзывается об ученых профессорах, способных собирать факты, но которым нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии (Соч., т. XIV, стр. 328). Каким убийственным сарказмом проникнута ленинская характеристика геллертерской работы П. Струве «Хозяйство и цена» с примечаниями, «надерганными из наилучших немецких библиографических указателей» (Соч., т. XVII, изд. 3-е, стр. 278).

Высокая принципиальность, глубокая партийность отличают подход Ленина к любому из разбираемых им вопросов. Идет ли речь о борьбе линий Платона и Демокрита в античной философии, о восстании ли Спартака, о формах античного государства, — всюду, в любом вопросе, устами Ленина говорит пламенный трибун революции, который и в анализе событий далекого прошлого защищает правильную, партийную оценку исторического развития. Уже в одной из своих первых работ — «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин дает уничтожающую характеристику буржуазного объективизма: «Основная черта рассуждений автора... это его узкий объективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма, — объективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс» (Соч., т. I, стр. 477). «Материализм, — говорит в той же работе Ленин, — включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (там же, стр. 380—381).

Ленинский завет о партийности науки — руководство в работе для всех советских историков. Именно теперь, в период перехода от социализма к коммунизму, когда так гигантски выросла роль социалистического сознания советского народа в строительстве коммунизма, когда империалистическая реакция в отчаянной злобе открыто готовит войну против нашей Родины, а буржуазные историки, сбросив маску аполитичности, активно включились в клеветническую кампанию против Советского Союза в защиту умирающего капитализма, превратились в апологетов американского и иже с ним империализма, особенно важна непримиримая партийность советской исторической науки.

Краеугольным камнем исторического анализа Ленин считал учение марксизма об общественно-экономических формациях. Уже в своей гениальной работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин отмечал, что только «материализм дал вполне объективный критерий, выделив «производственные отношения», как структуру общества... Анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие общественной формации» (Соч., т. I, стр. 122—123).

Отметив в этой работе, что уже Маркс путем применения материалистической диалектики дал исчерпывающий анализ капиталистической общественной формации, Ленин делает непреложный вывод о том, что материа-

листическое понимание истории перестало быть гипотезой, а стало научно-проверенной теорией. «Совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации» (там же, стр. 128).

Гениальные мысли Ленина об античной философии показывают советским историкам философии, как нужно изучать борьбу материализма с идеализмом, начиная с древнейших времен. Ленинские указания учат нас, историков древнего мира, по-ленински оценивать важнейшие проблемы древней истории и философии, общий характер рабовладельческой формации, различные формы античного государства, причины и значение войн в древности, историю классовой борьбы рабов и эксплуатируемых.

Марксистско-ленинская теория развития и углублена товарищем Сталиным, который обогатил ленинское учение об общественно-экономических формациях, о развитии всемирноисторического процесса. Теоретические работы товарища Сталина — неоценимый вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма.

В своем докладе на XVIII съезде партии товарищ Сталин говорил: «есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки, — это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма» («Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 598). Если знание законов общественного развития необходимо для математиков, ботаников, химиков, то тем более, разумеется, оно необходимо для историков.

Товарищ Сталин дал нам в «Кратком курсе истории ВКП(б)» гениальный по глубине мысли, классический по ясности изложения и четкости формулировок очерк марксистско-ленинской философии. Работа товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» — новая блестящая глава в развитии марксизма. Она обобщает и развивает далее марксистско-ленинское учение о закономерностях исторического развития и одновременно дает ряд новых великих открытий. Отныне доказано, что «наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 109).

Останавливаясь на первой из трех особенностей производства, товарищ Сталин указывает, что «историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов» (там же, стр. 116). Задача исторической науки — изучать и раскрывать законы производства, законы экономического развития.

Огромное принципиальное значение имеет для правильного исторического анализа блестящее сталинское определение роли географического фактора в историческом процессе.

Товарищ Сталин учит, как надо овладевать марксистско-ленинской наукой. «Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит усвоить существо этой теории... значит уметь обогащать эту теорию новым опытом революционного движения, уметь обогащать ее новыми положениями и выводами, уметь развивать ее и двигать вперед» (там же, стр. 339—340). Образец такого творческого развития марксизма дает во всех своих трудах товарищ Сталин.

ЦК ВКП(б) и лично товарищ Сталин неоднократно указывали на недо-

четы и промахи в работах советских историков. Историческое постановление о преподавании гражданской истории от 16/V 1934 г., замечания товарищей Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспектов учебника по истории СССР и по новой истории, письма товарища Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и составителям учебника истории ВКП(б) мобилизовали советских историков на преодоление вреднейших установок «школы» Покровского с ее голым социологизированием, бесплодным схематизмом и превозношением экономического материализма, а также всех других извращений в исторической науке.

Преодоление этих установок создало предпосылки для бурного подъема подлинной марксистской исторической науки в СССР. По инициативе товарища Сталина было введено преподавание гражданской истории, в том числе и истории древнего мира, в вузах и средних школах нашей страны.

Советские историки древнего мира вооружены в своей исследовательской и преподавательской работе гениальными высказываниями Ленина и Сталина о докапиталистических формациях вообще и по вопросам древней истории в частности. В своей знаменитой лекции «О государстве» Ленин устанавливает, что через общество, основанное на рабстве, «прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим две тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света» (Соч., т. XXIV, изд. 3-е, стр. 366). Это указание Ленина показало советским историкам место рабовладельческого строя в истории человечества, дало им возможность определить социально-экономический строй народов древнего мира. Первым в мире государством было рабовладельческое государство. Огромное принципиальное значение имеет ленинское указание о формах рабовладельческих государств, установление сущности рабовладельческой демократии («О государстве», «Карл Маркс», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Государство и революция» и др.). Государства древности различались по формам управления, но «учреждалась ли монархия, это была монархия рабовладельческая, или республика — это была республика рабовладельческая. В них всеми правами пользовались рабовладельцы, а рабы были вещью по закону» (Соч., т. XXIV, изд. 3-е, стр. 370). Следовательно, историк-ленинец должен обращать свое основное внимание на классовый характер государств древности. Наиболее демократическая афинская республика времен Перикла была государством рабовладельцев: и в Афинах рабы не имели никаких прав, оставались угнетенным классом и даже не признавались за людей. Разоблачая ренегата Каутского, Ленин дает краткую яркую характеристику античного государства: «Восстания или даже сильные брожения рабов в древности сразу обнаруживали сущность античного государства как диктатуры рабовладельцев. Уничтожала ли эта диктатура демократию среди рабовладельцев, для них? Всем известно, что нет» (Соч., т. XXIII, изд. 3-е, стр. 340).

Высказывания Ленина о движении Спартака (Соч., т. XXIV, изд. 3-е, стр. 371; т. XXIII, изд. 3-е, стр. 192) дают блестящую характеристику Спартака, как «одного из самых выдающихся героев», его восстания — как самой крупной из «гражданских войн в эпоху рабовладения», характеризуют Римскую империю как «целиком основанную на рабстве».

Ленин указывал на восстание Спартака как на пример справедливой войны, поднятой «из-за интересов угнетенных... для защиты поработенного класса», и на Пунические войны, как образец захватнических войн с обеих сторон (Соч., т. XXI, изд. 3-е, стр. 305). Громадное значение имеет принципиальная ленинская оценка классов в древности, особенно же роли античного люмпенпролетариата, о котором Ленин говорит: «класс не-

имуших, но не трудящихся, не способен ниспровергнуть эксплуататоров» (Соч., т. XIII, стр. 61).

Товарищ Сталин, развивая и углубляя учение Ленина, дал нам ведущее указание о причинах падения рабовладельческого общества, отметив, что революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Сталинское указание на XVII съезде партии о значении объединения «варваров» в разгроме Римской империи освещает ярким светом весь период падения Римской империи. Советские историки древности в своей работе руководятся замечательной характеристикой, данной товарищем Сталиным государствам Кира и Александра, как случайным и мало связанным конгломератам групп, распадавшимся и объединявшимся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя. Четкое и исчерпывающее сталинское определение нации как исторической категории обязывает советских историков древности проследить процесс образования народов в эпоху докапиталистических формаций. Указания товарищей Сталина, Жданова и Кирова о необходимости разграничения дофеодального и феодального периода в истории Руси дают возможность исследователям древности лучше понять далекое прошлое нашей Родины.

Работы Ленина — Сталина открыли новый ленинский этап в исторической науке. Идеи Ленина и Сталина оплодотворили советскую историческую науку.

За последние годы вышел ряд учебников и учебных пособий по древней истории для вузов и средних школ (В. В. Струве, В. С. Сергеев, А. В. Мишулин, Н. А. Машкин, С. И. Ковалев и др.). С особым удовлетворением необходимо отметить, что только за 1948 г. вышло четыре лекционных курса по древней истории для вузов. Теоретический уровень и насыщенность фактами большинства этих книг значительно выше, чем довоенных наших изданий. Возобновлен изданием «Вестник древней истории». Кроме того, вышел целый ряд крупных монографических исследований по самым различным вопросам древней истории.

Значительно выросло за послевоенные годы число диссертаций по древней истории. По неполным данным, только за последние три года (1946—1948) было успешно защищено около 75 кандидатских и 25 докторских диссертаций по древней истории. Налицо громадный размах научно-исследовательской работы, принявший большие государственные масштабы.

В крупнейших учебных заведениях нашей страны, в Московском и Ленинградском университетах, ведется широкая научно-исследовательская и педагогическая работа по древней истории.

Самым крупным достижением советских историков древности, несомненно, является изучение далекого прошлого нашей родины. Из года в год все с большим размахом проводятся во всех уголках Советского Союза археологические раскопки, масштабы которых показали бы утопией русским дореволюционным ученым. Благодаря этим работам открыт ряд совершенно новых страниц в истории народов СССР. Блестящие итоги дали Хорезмская экспедиция С. П. Толстова, раскопки Б. Б. Пиотровского на Кармир-блуре, Б. А. Куфтина в Триалети.

Развивая марксистско-ленинские положения о рабовладельческой формации, советские ученые твердо определили социально-экономический строй древневосточных обществ как рабовладельческий и в настоящее время, выполняя указание товарища Сталина о создании истории непосредственных производителей материальных благ, успешно изучают специфический характер домашнего рабства на Востоке в отличие от античного рабства.

В области истории древнего Рима советская наука за последние годы

добилась первых успехов в разработке очень сложного и важного вопроса о плебейх и патрициях, осветила историю революционных движений рабов и бедноты. Достигнуты успехи также в изучении массовых движений III—V вв. н. э.

Советские историки древнего мира усилили за последние годы борьбу против буржуазной историографии, фальсифицирующей историю в интересах империалистов США и Англии. Особенно ярким проявлением буржуазной идеологии является безродный космополитизм, представляющий собой в настоящее время духовное оружие англо-американского империализма, стремящегося к уничтожению национальной независимости народов и к установлению своего мирового господства. Наша партия и весь советский народ недавно разоблачили группы безродных космополитов в театральной критике, искусстве, философии и истории, которые пытались задержать развитие советской и русской культуры и науки. Это обязывает и нас, историков древнего мира. Советские историки в борьбе против космополитизма руководствуются ленинским указанием в его знаменитой статье «О национальной гордости великороссов». Тогда в конце 1914 г. Ленин писал: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. 9/10 *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Мы гордимся тем, что ... эта среда (великороссов) выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс» (Соч., т. XVIII, изд. 3-е, стр. 81).

В борьбе против безродного космополитизма советские историки несомненно достигнут успеха и добьются нового подъема советской и русской исторической науки.

Надо еще более решительно и непримиримо вскрывать все пороки буржуазной историографии, ее прислужничество перед империалистической реакцией. Надо еще более решительно двигать вперед советскую историческую науку, заботясь об издании исторических памятников, создавая исследования, учебные пособия по всем важнейшим разделам истории.

Надо обратить большее внимание на узловые вопросы древней истории, создать марксистско-ленинские исследования о рабовладельческих государствах, более подробно изучать классовую борьбу и народно-освободительные движения в древности и в тесном контакте с историками философии дать партийное изложение борьбы линий Демокрита и Платона в античной философии.

Важнейшая задача археологов и историков, изучающих юг СССР, состоит в том, чтобы полностью использовать достижения советской археологии как исторический источник и создать подлинно марксистско-ленинскую историю далекого прошлого нашей Родины.

Отеческая забота партии и лично товарища Сталина об ученых и науке создает все предпосылки для того, чтобы советские историки древности с честью выполнили те огромные задачи, которые ставит перед ними ленинский этап в исторической науке.

Проф. А. Ранович

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЭЛЛИНИЗМА

Эллинизм — целая эпоха в истории древности. Он обнимает три столетия — от 336 г. (год воцарения Александра) до 30 г. до н. э. (год завоевания Римом последнего крупного эллинистического государства — Египта). Он охватывает почти весь тогдашний цивилизованный мир — от Сицилии до Индии, от Нубии до Боспора и Скифии; его влияние проникло до Италии и Испании на Западе, до Китая — на Востоке. Можно сказать, что история эллинизма — это всемирная история того времени. В нем зародились идеи — научные, философские, этические, религиозные, которые веками владели миром. Произошли значительные сдвиги в экономике, в политических формах, в общественном сознании, в культуре. Независимо от той или иной исторической оценки происшедших изменений, их нельзя, очевидно, игнорировать историком, стремящемуся осмыслить исторический процесс. Интерес к эллинизму в конце концов должен был возникнуть.

Буржуазная историография, однако, до последнего времени не только не создала единой стройной системы истории эллинизма, не только не установила единства взглядов на сущность эллинизма и его историческую роль, но даже не достигла единомыслия в определении географических и хронологических границ его. Д р о й з е н довел изложение — главным образом политической, даже только военно-политической — истории эллинизма до 222 г. до н. э. Б е л о х в третьем томе «Истории Греции» считает границей эллинизма 217 г. до н. э., когда римляне вступили впервые на территорию Балканского полуострова (в Иллирии), начав, таким образом, римский период древней истории. Чаще всего концом эллинизма считают 146 г. или 30 г.

По отдельным эллинистическим странам и по отдельным проблемам истории эллинизма написаны за последние десятилетия обширные исследования, но об эллинизме в целом серьезных трудов не появилось.

В небольшой книжке об эллинистической религии, вышедшей в 1937 г., В. Ш у б а р т пишет: «Понятие «эллинизм» в отличие от «эллиинства», благодаря как научной работе, так и открытиям за сто лет, стало настолько отчетливым, что при рассмотрении его по существу требуется всего лишь несколько слов, чтобы уверенно наметить основные линии»¹.

Слова эти звучат насмешкой. В действительности до сих пор буржуазные историки не только не пришли к общему мнению в определении сущности эллинизма, но и не нашли пути, по которому можно прийти к удовлетворительному пониманию этой сущности.

«Что такое эллинизм? — спрашивает Т а р н². — Для одних это — новая

¹ W. Schubart, Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus, стр. 3—4.

² «The Hellenistic civilisation», 1927.

культура, сложившаяся из греческих и восточных элементов; для других — проникновение, распространение греческой культуры на Восток; для иных эллинизм — продолжение чистой линии древнегреческой цивилизации, для других — та же цивилизация, видоизмененная в новых условиях». Во всех этих определениях, по мнению Тарна, содержится истина, но не вся истина. Но все эти определения трактуют эллинизм лишь как явление культуры, что при современном состоянии нашего знания этой эпохи явно недостаточно, не говоря уже о том, что эта культура сама требует объяснения в материальных условиях жизни. Сам Тарн ограничивается формальным определением: «Эллинизм — условное обозначение цивилизации трех столетий, в течение которых греческая культура воссияла вдали от родины». Правда, вслед за этим Тарн, устанавливая две стадии эллинизма, дает им более содержательную характеристику; первая стадия — творческая, созидаящая новое в философии, науке, литературе, в политике и государственных формах, с независимым греко-македонским миром, несущим свою цивилизацию на Восток; вторая стадия характеризуется иссяканием творчества, духовной и материальной реакцией Востока на Запад, греко-македонцы оказываются зажатыми между этим воздействием Востока и Римом. Но окончательное суждение о сущности эллинизма Тарн оставляет на усмотрение читателя.

Другие буржуазные историки ищут корни эллинизма и причины его упадка в особых свойствах греческого интеллекта, в господстве тех или иных идей. В этом отношении типична небольшая работа Эд. Мейера «Die Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien» (Б., 1925). Упадок эллинизма с конца III в. Мейер объясняет «внутренним распадом греческого духа», разлагающим действием восточных монархий и восточных религий, ослаблением культуры в результате ее вульгаризации, упадком творческого духа (стр. 60).

Психологическое, даже мистическое начало в качестве объяснения исторической эпохи свидетельствует о «внутреннем распаде» и «упадке творческого духа» Эд. Мейера, но никак не может удовлетворить даже буржуазного ученого, стремящегося выйти за границы чистого описания, притом субъективного.

Публикация эпиграфических и папирологических источников, дающих обильный, хотя и не всегда достаточный, материал о социально-экономических отношениях в период эллинизма, вызвала появление ряда специальных работ, посвященных экономическим проблемам эллинизма в отдельных странах в отдельные периоды. Таковы работы М. М. Хвостова: «История восточной торговли греко-римского Египта», «Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте». В известной мере итогом изучения эллинизма в буржуазной историографии является трехтомный труд М. Ростовцева о социально-экономической истории эллинистического мира, вышедший в 1941 г.

Ростовцев расходится с большинством буржуазных историков в оценке эллинизма как явления лишь культурно-исторического. Напротив, именно в области культуры эллинизм не принес, по мнению Ростовцева, ничего принципиально нового. В другом своем труде, «The social and economic history of the Roman Empire», он подчеркивает, что эллинистическая культура — не греко-восточная, а греческая со слабой примесью восточных элементов. Новое в ней — лишь космополитическая окраска. Восток сохранил свою культуру; эллинизм был лишь внешним налетом на ней, да и то замечен только в городах. Эллинистическая культура — раздел в истории греческой культуры.

Особенно решительно формулирует эту точку зрения Шубарт, хотя он, в противоположность М. Ростовцеву, считает эллинизм явлением только

культурным, причем «эллинский дух» творил на восточной основе, не сливаясь с ней. Эллинизм, по Шубарту, означает выход эллинских сил на широкую арену. Эллинизм — это развертывание эллинства, его превращение в мировое явление, он — спонтанное завершение («gewollte Vollendung») эллинского духа.

Эллинизм как продолжение эллинской культуры рассматривает в одной из своих популярных работ С. А. Жебелев: «Эллинистическая культура не представляет собой какого-то вырождения по сравнению с предшествующей ей культурой эллинской, а является прямым ее продолжением и дальнейшим развитием, протекавшим эволюционно»¹.

В своем новом труде М. Ростовцев по-новому определяет содержание эллинизма. Эллинистический мир надо рассматривать не как некое культурное только единство, а как единство политическое и экономическое. «В III в., несмотря на войны, распри, соперничества и т. д., эллинистический мир составлял единое целое как в политическом отношении, так и в отношении цивилизации... Если не представлять эллинистический мир как единое целое, его политическое развитие в III в. едва ли может быть понято до конца» (стр. 25). Эллинизм — это прогрессивный этап в истории античности. «Старомодное представление о периоде упадка греческой цивилизации и жалкого угасания греческой политической жизни не обосновано и, по крайней мере, односторонне и обманчиво. Напротив, творческая деятельность проявляется в это время во всех областях, возникает много — иногда коренных — новшеств в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии древнего мира. Под его благотворным влиянием другие народы перестроили свои собственные установления и благодаря этому достигли блестящих результатов во многих направлениях» (стр. VII). И Ростовцев на протяжении всего своего труда подробно изучает экономику различных эллинистических государств на всех этапах эллинизма.

Однако М. Ростовцев не сумел обнаружить и показать какие-либо закономерности, найти основную линию развития эллинистической экономики. Эта задача оказалась Ростовцеву не под силу вследствие буржуазной ограниченности его установок. Как и все буржуазные историки, М. Ростовцев не видит основного, — что общество — это совокупность производственных отношений; он противник учения о социально-экономических формациях; отсюда — неумение ввести отдельные явления в систему, усмотреть за разнообразными и противоречивыми факторами связующее их единство и, наоборот, обнаружить специфичность и разновидность сходных по видимости явлений.

Непонимание существа социально-экономических формаций неизбежно ведет к модернизации древней истории, к смещению принципиально различных экономических категорий, к перенесению в античность отношений феодального и, особенно, буржуазного общества. Тарн перечисляет ряд черт эллинизма, сближающих его с буржуазной современностью: существование различных государств с единой культурой; колебание цен и заработной платы; забастовки и революции; рост идей гуманности и братства и одновременно — жестокая борьба; эмансипация женщин и падение рождаемости; вопросы свободы и представительства; эмиграция и пролетариат; точные науки и рядом — суеверие; огромная литература по всем отраслям знания, но нет уже великих людей прошлого; распространение образования и в результате — масса полуобразованных людей.

¹ «Древняя история», ч. II, «Эллинизм», Птб., 1922, стр. 9.

Правда, Тарн отмечает, что сходство — не тождество, что египетские и современные забастовки, нынешний и стоический коммунизм — разные вещи. Но это тривиальное замечание не устраняет основного ошибочного представления об отсутствии принципиальной грани между античностью и современностью. Все же Тарн, как мы видели, считает необходимым никогда не упускать из виду существования рабства при изучении эллинизма. М. Ростовцев не делает различия между свободным и рабским трудом. Для характеристики социальных отношений в период эллинизма он применяет термины «буржуазия», «пролетариат», «феодалы», «крепостные», не задумываясь над спецификой сходных лишь по видимости явлений, над решающими особенностями общественных отношений в античности.

Отрицание социально-экономических формаций — основной порок буржуазной историографии. Тщательность исследования при эмпирическом рассмотрении деталей сменяется полной беспомощностью, когда дело доходит до широких исторических обобщений; здесь детали заслоняют целое, которое оказывается бесцветным, лишенным исторического своеобразия; история превращается в сумму отдельных событий, не связанных какими-либо историческими закономерностями. Это все равно, как если бы сводить сложные машины различной конструкции к сумме колес, рычагов и т. д.

Эмпиризм буржуазных ученых отнюдь не свидетельствует только о неумении понять исторический процесс в целом; за ним скрывается буржуазная классовая установка — признание вечности и неизменности социальных категорий капиталистического общества и тем самым вечности самого этого общества.

Изучить эллинизм как историческую эпоху и понять его во всем его своеобразии нельзя без учета того основного факта, что эллинизм — этап в истории рабовладельческого общества, что он, следовательно, не представляет какого-то неисповедимого сцепления случайностей, а был исторически необходимым результатом всего предшествующего развития античной Греции с ее специфическими закономерностями рабовладельческого строя жизни. Конечно, многое эллинизм сохранил от классического периода. Ведь даже коренная революция не порывает полностью с прошлым; новое общество получает в наследство производительные силы, людей, идеи, знания и опыт, а также немало противоречий, трудностей, заблуждений, болезней; эллинизм же в целом представлял хотя общественный переворот, но не революцию, оставив в неприкосновенности основную структуру общества, и изучать его следует в связи с историей рабовладельческого общества в целом.

В первую очередь, естественно, необходимо подвергнуть анализу те изменения во всех областях экономики, политики и идеологии, которые характерны для этого периода, и найти материальное объяснение происшедших изменений.

Причины возникновения и упадка эллинизма надо искать в основных противоречиях рабовладельческого строя древней Греции.

Греческие города-государства развивались неравномерно. Наряду с крупными городами, как Афины, Коринф, Мегара, с развитым ремеслом и торговлей, существовали отсталые районы, еще не ликвидировавшие пережитков родового строя, с примитивными формами хозяйства, со слабыми зачатками городской жизни. Обособленность городов-государств способствовала длительному сохранению бок о бок рабовладельческих общин разного типа. Форма апроприации личности непосредственного производителя также была различна. Илоты в Спарте, пенесты в Фессалии характеризуют неразвитые типы рабовладельческого общества, в соответствии с общей отсталостью экономики и общественного строя в

этих областях. Наивысшего расцвета античная рабовладельческая формация достигла в Афинах, где поэтому отчетливее выступают основные исторические закономерности и основные противоречия рабовладельческого общества. В хозяйственном отношении мы здесь наблюдали максимальную в античности степень преодоления натурального хозяйства; здесь достигнута и наивысшая для античности политическая форма рабовладельческой демократии. Эксплуатация рабского труда здесь представлена в наиболее чистом виде.

В V в. Афины достигли вершины своей экономической и политической мощи, дали миру величайшие достижения в области культуры. Но с этой вершины начинается неуклонное падение, наступает кризис.

Это не случайное явление. Только коммунистическое общество, где уничтожены общественные антагонизмы, имеет беспредельные перспективы развития. В классово-эксплуататорском обществе внутренние классовые противоречия делают развитие возможным лишь в ограниченных пределах. Внутри известных границ возможны величайшие достижения, расцвет культуры, рост производительных сил. Но наступает момент, когда эти границы становятся тесны, и тогда либо их прорывает социальная революция, либо общество должно развалиться.

В рабовладельческом обществе пределы развития ограничены существованием рабства. Рабский труд служит препятствием для роста производительности труда, для развитого общественного разделения труда. Говоря о производстве, основанном на рабстве, Маркс отмечает: «Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 217, примеч. 17); «...правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действительная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (*human cattle*) возможно большую массу труда в возможно меньший промежуток времени» (там же, стр. 293). Технический прогресс в античности поэтому был совершенно ничтожен.

Рабский труд не стимулировал технической мысли не только потому, что при неограниченных возможностях добывания рабов и подневольном характере их труда расширение производства достигалось главным образом увеличением числа занятых в производстве рабов. Само отношение к труду, как к рабскому занятию, презрение к труду было серьезным препятствием росту производительных сил. Правда, труд земледельца не считался зазорным; ведь основу древних полисов составлял коллектив землевладельцев. В идиллиях и буколиках идеализировали труд земледельца, а анекдот о Цинциннате, шествующем за плугом, и сейчас преподносится в буржуазной школе как достойный образец. Но концентрация земельной собственности в руках немногих, появление значительных земельных владений, обрабатываемых рабами, сделали и труд земледельца мало почетным занятием; *ῥοικος*, как и лат. *rusticus*, означает крестьянина и вместе с тем грубого, невежественного мужлана. При таком отношении к труду, как к рабскому занятию, не только ремесло, но и сельскохозяйственный труд сохранял рутинную технику. Только военное дело и искусство обнаруживают технический прогресс. Великие греческие мыслители и ученые не ставили себе задачи совершенствовать орудия труда, изобретать новые, овладевать новыми видами энергии. Рабский труд делал это не только ненужным, лишним, но и не заслуживающим внимания ученого. Производство поэтому, хотя оно и достигало в отдельных отраслях высокого мастерства (производство керамики, ткани, вина), в общем сохраняло традиционные приемы. «Современная промыш-

ленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативным» (К. Маркс, Капитал, Соч., т. XVII, стр. 533—534).

Указанные особенности рабского способа производства неизбежно должны были привести в древней Греции к торговому кризису. В основном производство в древности носит натуральный характер, и бытие людей как товаропроизводителей играет подчиненную роль. Но в некоторых греческих городах-государствах, например, в Афинах или Коринфе, товарность хозяйства была высока, и торговля была жизненно необходимым условием экономического благополучия. В частности, Аттика нуждалась в привозном хлебе, а для ввоза хлеба надо было вывозить товары, чтобы иметь деньги. Но при рабском способе производства расширение рынка возможно только экстенсивное и уже в силу этого не может быть беспредельным. Кроме того, несложное производство легко осваивается потребителями товаров, что приводит к вытеснению привозных товаров местными. Археологические исследования последнего времени выясняют все более значительную роль местного производства в Северном Причерноморье, одном из важнейших рынков сбыта греческих товаров.

Относительное и абсолютное сужение рынков приводит к ожесточенной конкуренции между греческими городами по мере того, как они втягиваются в торговый оборот; таким образом, падение торговли осложняется острыми противоречиями и военными столкновениями между греческими городами-государствами. Экономическая автаркия полиса превращается с течением времени в стеснительные оковы, в источник тревог, волнений, разорения, обнищания.

В процессе развития рабовладельческого общества изменяются также отношения собственности. Развитие рабства, денежных отношений, обмена разлагает традиционные отношения, которые мыслились, по крайней мере, в идеале, как равенство членов рабовладельческого класса; господство этого класса в целом и было воплощено в афинской демократии. Но «там, где уже имеется налицо отделение членов общины как частных собственников, от самих себя, как городской общины и как людей, распоряжающихся территорией города, там появляются также и такие условия, в силу которых отдельный человек может лишиться своей собственности, т. е. может лишиться того двойного отношения, которое делает его равноправным гражданином, членом коллектива и собственником» (К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, ВДИ, 1940, № 1, стр. 24). Классовая борьба между богатыми и бедными, борьба внутри рабовладельческого класса становится, таким образом, исторически неизбежной, усложняя классовую борьбу между рабовладельцами и рабами. Социальные утопии Платона были выражением стремления рабовладельческого класса преодолеть, хотя бы в мечтах, борьбу классов.

Ограниченность рамок, в которых развивается рабовладельческое общество, не допускает — внутри этих рамок — воспроизводства беспредельно. «Но это воспроизводство является в то же самое время по необходимости производством заново старой формы и разрушением ее» (Маркс, там же, стр. 23). «В самом акте воспроизводства меняются не только объективные условия, так что, например, деревня становится городом, дебри — очищенным от леса полем и т. д., но производители сами меняются, вырабатывая в себе новые качества, развивая самих себя благодаря производству, переделывают себя, создавая новые силы и новые представления,

новые способы общения, новые потребности и новый язык» (там же). «Определенная ступень развития производительных сил трудящихся субъектов (которой соответствуют определенные отношения их между собой и к природе) — вот в чем, в конечном счете, причина разложения как коллектива, в который они организованы, так и основанной на нем собственности. До известной точки — воспроизводство. Затем переходит в разложение» (там же, стр. 24). Разложение способа производства, таким образом, — неизбежный продукт диалектического развития рабовладельческой социально-экономической формации, а вследствие узости, ограниченности и связанности ее экономической базы это разложение сказывается довольно быстро.

В Греции кризис наступил уже в конце V в., после Пелопоннесской войны. С особенной отчетливостью проявляется кризис политический. Самодовлеющий полис, вполне удовлетворявший интересам рабовладельцев при относительно ограниченном производстве, стал тесен с ростом производства, с расширением обмена и денежных отношений, с увеличением товарности хозяйства. Углубление противоречий внутри рабовладельческого класса, усиление классовой борьбы, принявшей открытые формы (бегство 20 000 рабов в Декелею на сторону спартанцев в Пелопоннесскую войну), привели к тому, что полис перестал давать своим гражданам устойчивость против гнетущих общественных сил, уверенность в себе, в своих силах. Жизнерадостность и гармоничность, чарующие нас в классическом греческом искусстве, были выражением той прочности существования, которую гарантировал гражданину полис, хотя только в пределах полиса. В IV в. полис экономически и политически не соответствовал больше тем условиям, которые вызвали его к жизни и давали ему устойчивость и силу.

Обеднение граждан, многие из которых уже не в состоянии были сами снаряжать себя в поход, привело к тому, что народное ополчение все больше и чаще заменяется наемным войском. В Аттике уже в начале IV в. Ификрат выступает как вождь наемников и соответственно этому реорганизует военную тактику. Создание наемного войска из солдат-профессионалов отрывало гражданина от его полиса, а в руках полководца оно могло служить орудием, направляемым и против собственного народа. Служба в войске из обязанности и привилегии гражданина превращается в профессию, и гражданство соответственно лишается реальной силы и политического значения в полисе.

Кризис полиса, необходимость прорвать рамки его ограниченности были осознаны раньше всего. Это отразилось вначале лишь в философских идеях и в публицистике, рассчитанной на узкий круг верхов рабовладельческого класса. Уже софист Горгий в своем выступлении в Олимпии призывал греков к единомыслию (*ὁμόνοια*), к единению против общего врага — персов. Аристотель, считающий полис нормальной и правильной формой государственной организации, отмечает, однако, в «Политике» (IV, 6), что эллинизм могло бы править миром, если бы добилось единого государственного устройства. А Исократ в своем сочинении, обращенном к Филиппу Македонскому, уже прямо призывает его стать арбитром по всем греческим делам. У Зенона-стоика идея единства — и не только греков, но и всего человечества — приняла характер социальной утопии. По словам Плутарха, «достойная удивления политика основоположника школы стоиков сводится к тому пункту, чтобы мы жили не по полисам и по демам, различаясь каждый своими особыми законами (*δικαίους*), но чтобы мы считали всех людей демотами и гражданами, чтобы был один образ и строй (*ἥσυχος*) жизни, подобно тому, как стадо пользуется по общему закону общим пастбищем» (De fort. Alex., I, 6).

Больше всего стремление выйти за пределы полиса выразилось в новом представлении об эллинской культуре как общеэллинском или даже общечеловеческом достоянии. В «Панегирике», написанном в 380 г., Исократ пишет (гл. 50): «благодаря эллинской культуре имя «эллин» означает уже не происхождение, а духовный склад (διάνοια); эллинами теперь называют уже не людей, связанных кровным родством, а приобщившихся к нашему просвещению». Впоследствии Александру и его преемникам стали приписывать сознательную программу объединения Востока и Запада для создания единой мировой культуры. По Диодору, Александр практиковал «синоикизмы городов и переводы людей из Азии в Европу и, наоборот, из Европы в Азию, чтобы брачными союзами и общением привести оба величайших материка к общему единомыслию и родственной дружбе» (XVIII, 4,4). По Плутарху (De fort. Alex., I, 6), Александр «не последовал совету Аристотеля — обращаться с эллинами, как вождь (ἡγεμονικῶς), а с варварами, как деспот, о первых пещись, как о друзьях и близких, а этих использовать, как животных или растения... Но, считая, что он явился по божьей воле (θεοῦ ἐκ) устройтелем и примирителем (ἁρμονιατὴς καὶ διαλλακτὴς) для всех, он, кого не мог соединить путем убеждения, тех принуждал силой оружия, сводя в одно, как в кратере дружбы, людей стовсюду, смешав быт и нравы, браки и образы жизни, предписал всем считать отечеством вселенную, акрополем и крепостью — лагерь, родными — хороших людей, чужими — дурных, различать людей не по одежде..., а видеть эллинство в добродетели, варварство — в пороке».

Вряд ли действительно Александр отчетливо сформулировал те задачи, какие ему приписывает Плутарх, но объективные результаты завоеваний Александра были именно таковы. Ф. Г. Мищенко в его чрезвычайно содержательном введении к Полибию: «Федеративная Эллада» писал: «Успехи эллинизма в македонский период вовсе не входили в планы Александра, Селевкидов, Птолемаидов, Антигонидов; об этом лучше всего свидетельствует обращение их с собственной Элладой, откуда возможно было ждать еще серьезного противодействия. Могущественные владыки, поддаваясь обаянию эллинской образованности, старались украсить свои столицы и дворцы произведениями эллинского ума, применяли к новым городам испытанные уже формы правления, но никому из них и на мысль не приходило организовать производительные силы этой самой нации для независимого, достойного существования» (стр. XXXVIII—XXXIX).

Сами завоевания Александра были подготовлены в предшествующее время. Идея реванша была политической формой, в которой выразилось вызванное кризисом стремление к единству. Война с Персией была решена в 337 г. на заседании Коринфского союза, и уже в 336 г. Парменион и Аттал переправились в Азию. Нет смысла строить догадки о том, как пошли бы дела, если бы Филипп не был убит в 336 г. и сам руководил бы военными операциями, или если бы не Александр, а Пердикка или Антипатр оказались во главе войска. Важно то, что задача завоевания Востока была поставлена в порядок дня. Александр разрешил ее блестяще; другой на его месте, за исключением, быть может, Филиппа, разрешил бы ее не так быстро и успешно, конкретные результаты были бы иные. Но Александр сумел проявить свои способности потому, что материальные условия жизни поставили перед ним грандиозную задачу.

Рабовладельческое общество в Греции IV в. дошло до предела своего возможного развития и вступило в полосу экономического и политического кризиса. Выходом для рабовладельцев могло быть только создание, путем завоевания, более обширного экономического единства, дающего

возможность воспроизвести старый процесс развития на более высокой ступени. Основные противоречия классового общества при этом не устраняются; рабовладельческий класс получает лишь кратковременную передышку, и новый кризис неизбежен. «Там, где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными [(Греция была покорена Македонией, а позже Римом)]. До тех пор пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец [(Рим)], не был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства» (Ф. Энгельс, Диалектика природы, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 450).

Завоевание Александром Востока было в интересах не только Греции и Македонии, но и господствующего класса наиболее развитых областей Востока. Здесь, правда, рабство не играло такой роли, как в Греции; сохранение общины приводило к застойности общества, движение совершалось медленно, противоречия нарастали вялыми темпами. Но и здесь в крупных торговых центрах с высокоразвитым рабовладельческим хозяйством ощущалась потребность в расширении экономической базы. Этим, вероятно, надо объяснить сравнительно легкое покорение Вавилона Киром, почти не встретившим сопротивления. Но Персидская монархия была «случайным конгломератом» народов, не спаянных, а лишь искусственно связанных силой завоевания. То была относительно еще более низкая ступень объединения, чем держава Александра, и покорение Персии Александром означало для нее переход на несколько более высокую ступень. Поэтому торговые города Востока, и в первую очередь богатые слои населения, быстро эллинизировались и были опорой завоевателей. Из аморгской надписи (279 г.) мы узнаем, что одним из организаторов островитян, собравшихся на Самосе, чтобы провозгласить учреждение Птолемеем II праздника в честь Птолемея Сотера, был сидонский царь Филокл. Недавно открытые в Уруке клинописные таблички рисуют примкнувшего к новой власти вавилонянина Унубалита. Как нам хорошо известно, в Иудее так наз. «эллинисты», сторонники сближения с эллинской культурой, представляли собой иерусалимскую знать, вплоть до первосвященников. Конечно, на основании таких отдельных фактов рискованно делать обобщения о социальной опоре Александра и его преемников на Востоке. Но эти факты симптоматичны.

Связи между Востоком и Западом были и до Александра. Финикийцы проникли далеко на Запад, а в Греции имели свои торговые фактории. Навкратис была форпостом греческой цивилизации в Египте. Малоазиатские приморские города находились в тесных экономических связях с материковой Грецией и островами. Но торговцы в чужих странах оставались чужаками, их правовое положение было непрочным, их операции не могли достигнуть большого размаха. В глубь Азии эллинское влияние не проникало. В Сирии не было ни одной греческой колонии. Включение Востока в систему эллинистических монархий открыло широкий простор для торговли не только греков на Востоке, но и Востока в Греции.

Что касается Греции, то она прежде всего потеряла политическую независимость. Те греческие политические деятели, которые пропагандиро-

вали идею панэллинского союза под гегемонией Македонии (Исократ, Эсхин), вряд ли обманывались насчет последствий этого «союза». Но классовый интерес побуждал жертвовать политической независимостью в надежде найти под эгидой монархии защиту против трудящихся. На Коринфском конгрессе 338 г. было принято решение, по которому союзному совету поручается иметь наблюдение, «чтобы в союзных государствах не происходило изгнаний или казней вопреки существующим законам, конфискаций, отмены долгов, раздела имущества и освобождения рабов с целью переворота». Во имя этого классового интереса рабовладельцы согласны были отдать свою свободу.

Но они обманулись в расчетах. Классовые противоречия в Греции в период эллинизма не сгладились, а обострились. Лозунги раздела земель и погашения долгов (γῆς ἀνάδασις καὶ ὑρεῖν ἄποκοτῆς) не сходили с порядка дня, движение рабов приняло массовый характер. Острая классовая борьба развертывалась и в отсталых ранее областях Греции — в Спарте, Этолии, Беотии — и в эллинистических государствах Востока. В Египте эллинизация осложнила классовую борьбу этническими и религиозными противоречиями, которые и сами приняли классовый характер, поскольку господствующий класс составляли греко-македонцы и эллинизированные египтяне. В Иудее борьба между эллинизированной аристократией и народными массами, несомненно, ускорила взрыв народного движения Маккавеев, приведшего в конце концов к освобождению Иудеи из-под власти Селевкидов.

Следует при этом иметь в виду, что и монархия Александра была «случайным и малосвязанным конгломератом», а образовавшиеся на территории державы Александра меньшие монархии также не обладали внутренней прочностью. Границы царства Птолемеев и особенно Селевкидов были неустойчивы, постоянно менялись. Наряду с силами, втягивавшими восточные страны в орбиту эллинизма, действовали и центробежные силы. Переход из одной коалиции в другую, борьба за политическую независимость, образование новых государств — такими событиями наполнена история царства Селевкидов. А между тем народы и государства, стремившиеся освободиться от власти Сирии, были в то же время носителями эллинистической культуры и ее поборниками. Возможно, что отпадение Бактрии в середине III в. в сущности имело своим назначением концентрацию усилий эллинизма против варваров. Во всяком случае позднее, в 206 г., в переговорах с Антиохом III бактрийский царь Евтидем указывал, что свободная и сильная Бактрия нужна также самой Сирии как оплот против угрожающих и Сирии и Бактрии «огромных полчищ кочевников»; и Антиох признал это положение правильным (П о л и б и й, XI, 34).

Эллинизм сыграл в социальном отношении прогрессивную роль в том смысле, что благодаря смешению эллинов между собой и отчасти с восточными народами в значительной степени была подорвана этническая разрозненность, покоившаяся еще на неизжитых естественно-родовых связях.

Особенно отчетливо это выразилось в создании общегреческого языка — κοινῆ. Единственный греческий папирус, дошедший до нас от времени Александра, написан в основном на ионийском диалекте с отдельными доризмами и аттицизмами. В III в. многочисленные известные нам греческие папирусы написаны на κοινῆ. Конечно, классический язык Софокла, Эврипида, Платона, Фукидида, Ксенофонта не вышел из употребления; он оставался образцовым литературным языком, и «аттицисты» в течение многих веков, вплоть до византийского времени, культивировали язык классиков и тщательно ему подражали. Но живым

языком был язык *κοινὴ*; на нем к эллинистической культуре приобщались народы Востока; на этом же языке восточные народы делали свои вклады в эллинистическую культуру.

Многие старые и новые восточные города стали греческими центрами — Александрия, Пергам, Антиохия, Селевкия, Тир и др. Эллинизм не ограничивается больше Элладой, а в самой Элладе происходит перемещение политических, экономических и культурных центров. Афины уступают место Коринфу, вместо Афинского и Пелопоннесского союзов создаются союзы Этолийский и Ахейский, втянувшие в сферу активной политической жизни самые отсталые области Эллады. Происходящий, таким образом, процесс нивелирования, с одной стороны, выявлял еще не использованные производительные силы, вводил интенсивную городскую жизнь там, где она раньше едва замечалась, и тем способствовал некоторому подъему экономики Греции в первый период эллинизма. С другой стороны, он был необходимым условием для того, чтобы подготовить переход к более прогрессивной общественно-экономической формации.

Однако успехи эллинизма в этом направлении, особенно на Востоке, были не так грандиозны, как это представляется с первого взгляда. Множество греков и македонцев устремилось на Восток; но и вместе с эллинизированными представителями высших классов местного населения они составляли меньшинство. В Египте на 7 с лишком миллионов населения к концу эпохи эллинизма приходилось всего около 1 миллиона «эллин» — главным образом за счет города Александрии. В царстве Селевкидов эллины составляли совсем незначительную прослойку — почти исключительно в городах. Александр и его преемники создали много новых городов или реорганизовали по образцу полисов старые. На основании имеющихся реальных данных Александром, Антигоном, Лисимахом, Селевком I и Антиохом I, Антиохом IV, Атталидами и Птолемеями основано в общей сложности 176 городов (из них 23 сомнительных). Это, конечно, большое число. Проникая в самые удаленные уголки эллинистического мира, эти полисы разлагали старинные формы общественного строя, несли в них не только иную, более высокую культуру, но и иные хозяйственные отношения; товарность начинает появляться там, где раньше натуральное хозяйство господствовало безраздельно. И все же на необъятной территории эллинистических государств Востока эти города были небольшими оазисами, обширные области оставались не затронутыми новым порядком вещей.

Социально-экономические достижения эллинизма бросаются в глаза прежде всего в области торговли. Расширение внутренней торговли и рост внешнеторговых связей несомненны. Об этом свидетельствует прежде всего бурный рост таких городов, как Александрия, Селевкия на Тигре, Антиохия, развитие морского дела и судостроения. Около 100 г. мореход Гиппал открывает муссоны: это не только содействовало укреплению торговых связей с Индией, но и было результатом этих связей. Греческие и восточные товары проникают в глубь Азиатского материка. Недавние раскопки обнаружили сирийские ткани в Монголии. О том, в какой мере втягивались в торговый оборот отдаленные области, можно судить по количеству греческих слов, проникших в языки семитских народов Передней Азии. Много слов, обозначающих не только продукты ремесла, но и животных, растения, рыб, могло быть заимствовано из греческого языка только потому, что обозначаемые ими предметы поступили в торговый оборот и местные разнообразные названия рыб, растений и т. п. были включены в единую греческую товарную номенклатуру.

Другим косвенным показателем роста торговли служат монеты, их символы, легенды, стандарт и ареал распространения. В капиталистиче-

ческом обществе функция денег как средства обращения приобретает все большую роль, а их функция как средства накопления становится ничтожной. В древности, особенно на Востоке, мы имеем обратное положение: деньги служат главным образом средством накопления. Превращение сокровищ Дария в звонкую монету, унификация монеты в отдельных эллинистических государствах, конкуренция между аттическим и финикийским стандартами — все это говорит о росте денежного обращения. Конечно, и в виде монеты деньги могли служить также и для образования сокровищ. По свидетельству Аппиана, Птолемей Филадельф оставил в своей казне 740 000 талантов; даже если эта цифра сильно преувеличена, она все же очень солидна.

Рост денежных отношений и товарности хозяйства приводил к углублению классовых противоречий, к обогащению богатых и разорению бедных. Скрытые формы эксплуатации обнажались, что содействовало более открытому проявлению классовых противоречий.

Образование новых полисов с приписанной к ним сельской территорией разлагало старый общинный уклад, подрывало веками установившиеся формы зависимости. На Востоке появляются латифундии с работающими на них рабами. Растет применение рабского труда в городах. У нас нет статистических данных, но если во II в., по исчислению Галена, в Эфесе было 40 000 рабов, то позволительно думать, что и в эллинистический период их было много. Рост купеческого капитала и развитие рабства приводит к тому, что и на Востоке возникает «рабовладельческая система, направленная на производство прибавочной стоимости» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XIX, ч. I, стр. 360).

Стремлением к расширению торговли приходится объяснять и войны между эллинистическими государствами. Сирия, Палестина и Финикия, к которым Египет стремился еще во времена Тутмоса III, в условиях эллинистического хозяйства были жизненно необходимы как для Египта, так и для царства Селевкидов; это привело к длительным войнам между соперничавшими державами. Борьба за господство над Эгейским морем была причиной многих войн, так же как борьба за торговые пути на Востоке. Преемники Александра в сущности продолжали его политику, а на Западе попытки создать большую греческую державу предпринимают Атафокл и Пирр. Рим также втягивается в орбиту эллинистической экономической политики. В 268 г. римский сенат вводит новую денежную единицу — серебряный денарий, почти равноценный греческой драхме.

Достижения эллинизма в экономической жизни обнаруживаются при рассмотрении эллинистического мира в целом. Но не следует ожидать этих достижений в каждом из эллинистических государств в отдельности. Именно единство эллинистического мира означает, что старые деления утратили силу, и старые экономические центры теряли свое значение, если они не оказывались случайно в благоприятном положении по отношению к эллинистическому миру в целом. Афины были центром для Атики, но не для эллинистических стран, вместе взятых. Даже для Греции они перестали быть центром, уступив место Коринфу. Зато Родос пережил период расцвета. Его морское превосходство выразилось между прочим в том, что его морской кодекс стал международным, и еще рескрипт императора Антонина разъяснял: «Я владыка мира, но на море господствует закон; вопрос надо разрешить по родосскому морскому закону» (Dig., XIV, 2, 9).

Материковая Греция не извлекла пользы из нового объединения и за исключением небольшой передышки она неуклонно падала; даже центры науки переместились в Александрию и Пергам, хотя Афины продолжали

по традиции считаться философским центром — скорее по привычке, чем по праву.

Возникший в результате кризиса греческого (и восточного) рабовладельческого общества, эллинизм не разрешил и не мог разрешить ни одного социального противоречия. Он мог дать лишь вспышку некоторого подъема, главным образом в восточных областях, но результаты его не были и не могли быть ни продолжительными, ни прочными. А для того чтобы привести к смене рабовладельческого общества более прогрессивной общественно-экономической формацией, эллинизм не создал достаточных условий и потому в свою очередь пришел к кризису, который разрешился римским завоеванием. Римское завоевание было неизбежным результатом кризиса эллинистической экономики, выступающего уже в конце III в. и ставшего угрожающим во II в.

Основной порок рабовладельческой экономики — консерватизм технической базы — не мог быть преодолен, поскольку общество продолжало оставаться рабовладельческим. Воспроизводство было возможно опять-таки в ограниченных пределах, не вглубь, а вширь.

Эллинизм установил иные формы государства вместо восточной деспотии и эллинского полиса. Но эллинистические монархии на Востоке, Македонская коалиция, Ахейский и Этолийский союзы на Балканах не ликвидировали греческого полиса с его узкими интересами. Самый процесс эллинизации Востока проводился путем организации полисов. Конечно, то не были независимые города-государства, а лишь пользовавшиеся большей или меньшей автономией города; но существование их связывало граждан еще со старыми учреждениями полиса, поддерживало местный патриотизм, принимавший порою, вследствие отсутствия подлинной общественной жизни, уродливые формы; а в новых городах и в греко-македонских колониях новые греческие поселенцы долго сохраняли отношения с родиной, создавали землячества, культовые объединения и т. п. За исключением Египта, где македоняне застали централизованный бюрократический аппарат, на Востоке центральная власть не могла руководить повседневной жизнью городов. Из одного Зеноновского папируса мы узнаем, что в небольшом городе Калинде (на юго-западе Малой Азии), входившем в состав царства Птолемеев, существовали должности стратега и эконома, руководивших от лица центрального правительства военным и хозяйственным управлениями. Но в этой же Калинде действует местное самоуправление, возглавляемое пританом и секретарем; как видно из содержания папируса, стратег и экомон вынуждены считаться с древней конституцией полиса (PCZ, 591).

С другой стороны, и восточная деспотия не была ликвидирована. Александр, как известно, вовсе не хотел эллинизировать всех варваров, а оставил в неприкосновенности старые государственные институты в ряде областей своей державы, где он сам хотел быть восточным деспотом. Преемники Александра продолжали действовать подобным же образом. Для египетских крестьян Птолемен были теми же фараонами, и сирийские *λχοί* вряд ли заметили ощутительную разницу между персидским и селевкидским владыкой.

Процесс уравнивания, уничтожения старых племенных, этнических, государственных перегородок также был только намечен в период эллинизма, но не был на этой ступени доведен до конца, не сделал решающих успехов. Даже в области культуры, где эллинизм означал коренной поворот, не произошло действительного слияния; не были поглощены восточные культуры, не была забыта эллипская культура классического периода. Отмечено, в частности, интересное явление — на поздних папирусах сохранились многочисленные отрывки из произведений клас-

сической греческой литературы, но совершенно не встречается произведений литературы эллинистическо-римской — Полибия, Посидония, Страбона, Диодора, Плутарха, Лукиана, Климента, Оригена, Плотина.

Таким образом, эллинизм можно расценивать как прогрессивный этап в истории античности, но с существенной оговоркой. В его начальный период были созданы некоторые новые формы экономической, политической и духовной жизни, содействовавшие переходу рабовладельческого общества на такую стадию, когда становится возможным революционный переход к более высокой социально-экономической формации. Но изменения, совершившиеся во всех областях жизни в эллинистический период, были недостаточно глубоки, причины, приведшие к кризису эллинистических государств, не были преодолены, и эллинизм сам пришел, и довольно быстро, к такому же кризису. Выходом оказалось римское завоевание и переход на новую, более высокую ступень. Завоевание Востока Римом не было, следовательно, выполнением какой-то провиденциальной миссии; оно не было и проявлением какого-то особого присущего римлянам «духа». Римская экспансия на Восток была выражением, наиболее грубым и беспощадным, общей закономерности рабовладельческого общества, где расширенное воспроизводство возможно только путем экспансии вовне. А причины успеха римлян на Востоке надо искать в первую очередь не в римской военной доблести, дипломатической ловкости, воинской выучке, а в том, что эллинистический мир быстро исчерпал себя.

Конечно, эллинистические государства оказывали сопротивление Риму. Но провал — не только военный, но и политический — Митридата VI показывает, что поражение Востока было неизбежно. Если это не сознавалось, быть может, современниками отчетливо, то смутно ощущалось, и недаром с начала II в. в Греции и на Востоке возникают проримские настроения, проримские политические течения, и малые города и государства ищут «покровительства» Рима.

Эллинистический мир был поглощен Римом, за исключением восточной периферии, которая нашла силы отстоять свою независимость и, усвоив многое из эллинистической культуры, строить свою дальнейшую социально-экономическую жизнь самостоятельно. Но, подчинившись Риму и слившись с ним в одно целое в политическом и экономическом отношении, эллинизм сохранил основные элементы своей культуры и даже развил их дальше.

Изменения в экономике и социальных отношениях эллинистического мира — не только Греции, но и Востока — привели к столь существенным изменениям в области духовной культуры, что многие историки, как мы видели, до сих пор продолжают видеть в эллинизме лишь этап в культурной истории человечества.

Связи с эллинской культурой были на Востоке и до Александра. Галикарнасский династ Мавзол оставил нам прекрасный вещественный памятник этих связей. Сидонские цари отражали в своих мраморных саркофагах влияние греческого искусства. Гермий, династ Атарны в Малой Азии, отдал город Асс в распоряжение философов-платоников Эраста и Кориска, и сам Аристотель после смерти Платона поработал в этом философском городе три года.

Но лишь в период эллинизма наблюдается широкое распространение и внедрение эллинской культуры во всех странах Востока, входивших в сферу политического и экономического влияния эллинистических держав, — внедрение настолько прочное, что оно оставило неизгладимые следы. С греческим языком можно было пройти всю ойкумену. Греческое искусство, литература, философия были широко распространены.

Но сама греческая культура изменилась. Эллинистическая культура

продолжала традиции классического периода, поскольку она сохранила греческий язык и все наследие эллинизма, и у некоторых историков создается даже, как мы видели, впечатление, будто она и по существу не представляет чего-либо принципиально нового, что она даже — наивысшее, наиболее совершенное выражение эллинизма. В действительности же мы имеем здесь совершенно новое историческое явление, невозможное в классический период эллинизма.

Так же, как политические и экономические центры, переместились и центры культуры. Не Афины, а Александрия, Пергам, Антиохия, Берит, Сиракузы и др. создавали философские, литературные, юридические научные школы, и деятели культуры часто — выходцы с Востока. Зенон из Кития, Хризипп из Сол, Посидоний из Апамен, Филодем из Гадары, наш соотечественник Бион Борисфенит («Днепровский») и многие эллинизовавшиеся люди Востока играют выдающуюся роль в создании новой культуры. Это — не только результат распространения эллинистической культуры на Восток, но и показатель влияния Востока на Грецию.

От слияния культур Греции и Востока выиграл прежде всего Восток. Восточная деспотия, господствовавшая над бесправными угнетаемыми массами трудящихся, создавала атмосферу духовного гнета во всех сферах умственной жизни. Литература была почти исключительно религиозной, а сама религия — грозной, суровой, требовавшей безвольной покорности воле богов и могущественных жрецов. Даже искусство подавляло грандиозностью дворцов, храмов и статуй, чудовищными образами богов и демонов.

В эллинистический период появляется проникнутая философскими идеями эллинизма книга «Экклезиаст», эротическая поэма «Песнь песней», хотя и включившая древние элементы народной свадебной лирики, но оформленная как единое поэтическое творение именно в это время. Под влиянием греческой философии в ее вульгаризованной форме устанавливается окончательно иудейский монотеизм, в свою очередь оказавший влияние на другие эллинистические религии.

Греческая драма, игры, празднества, греческое искусство внесли элемент жизнерадостности в мрачную идеологию Востока, образы греческой пластики и архитектуры оказали влияние на черты восточного искусства.

Восток не мало дал и эллинизму. Самый факт близкого общения с народами Востока не только расширил горизонт перед взорами эллинов и раздвинул границы ойкумены, — он показал им своеобразную культуру, в некоторых отношениях более высокую и во всяком случае более древнюю. На Востоке греки застали высокоразвитые науки — астрономию, математику, медицину, иные приемы и объекты сельскохозяйственной техники, развитые средства транспорта и связи. Литература Востока, своеобразная и непонятная, стала доступна грекам благодаря тому, что греческий язык стал языком образованных людей Востока. Иудеи не только переводят библию на греческий язык, но и пишут на этом языке новые книги, даже религиозно-философскую диатрибу в духе стоиков — так наз. IV кн. Маккавеев, которую сам автор характеризует как λόγος φιλοσοφικός. В списке произведений Теофраста значится Ἀχίχαρος — несомненно, восточный роман об Акихаре, текст которого найден, в частности, среди арамейских папирусов в Элефантине.

Новые религиозные настроения, возникшие у греков в новых условиях, нашли в религиях Востока для своего выражения готовые формы культа, готовые образы универсальных богов, мистерии и ритуальные тексты, разработанную астрологию и магию. В процессе слияния культур Греция была не только дающей стороной, но и берущей.

Как в экономической и политической области, эллинизм и в сфере интеллектуальной жизни не довел до конца тех начал, которые наметились после завоеваний Александра. С одной стороны, греческая культура была достаточно устойчивой не только для того, чтобы противостоять культуре Востока, но и для того, чтобы сохраниться под властью Рима и стать основой византийской культуры. С другой стороны, и страны Востока — Сирия, Палестина, Аравия, Парфия, Армения, даже Египет — не были поглощены эллинизмом, но сохранили свои самобытные черты, свой язык, религию, исторические предания. Манефон пишет на греческом языке, но историю своего, египетского народа. В Парфии и даже в Индии чеканится монета греческого типа, даже с греческой легендой; но эти страны отстаивают свою политическую независимость и усваивают наследие эллинизма, чтобы создать и развивать свою культуру.

Успехи эллинизма в области культуры были неравномерны, и их историческое значение неодинаково для разных стран эллинизма в разное время. Для Востока это был несомненный подъем.

Другое дело — Греция. Здесь тоже эллинизм означал более высокий тип развития культуры, но политический и экономический упадок привел к тому, что эта культура выросла во многих отношениях хилой, болезненной. Несомненный упадок переживает философия. Грандиозные системы мировоззрения и произведения их творцов даже забываются; в I в. до н. э. Андроник должен вновь приступить к систематизации и изданию сочинений Аристотеля. Характерно для эллинистической философии, что она выдвигает в качестве конечной цели стремлений человека не положительный идеал *εὐδαιμονία* (счастье), а отрицательный *ἀλυψία*, *ἀοχλυσία*, *ἀταραξία*, *ἀπάθεια* (безмятежность, беззаботность, бесстрастие и т. п.).

Школа перипатетиков и вовсе перестала заниматься философией, отдавшись всецело филологии и биографическому жанру. Сенека имел право сказать, имея в виду перипатетиков, что «то, что было раньше философией, стало теперь филологией». Другие философы предаются беспринципному скепсису, хотя и сильному и плодотворному в области критики и отрицания, но не создавшему ничего положительного.

Только материалистическая философия, всегда имеющая опору в живой реальности, пережила период расцвета. Но и школа Эпикура превратилась в замкнутую общину, ушедшую от активного участия в общественной жизни.

В этот период некоторые науки достигли высокого уровня, о чем говорят такие имена, как Архимед, Эвклид, Эратосфен, Полибий, Аристарх Самосский, Гиппарх, Аристарх Самофракийский, не говоря уже о ближайших учениках Аристотеля, в первую очередь о Теофрасте. Наука перестала быть уделом узкого круга избранных. Александрийский музей с его богатейшими библиотеками в Серапеуме и Брухейоне имел целью широкое распространение знания, а не был рассчитан на интерес владыка-царя, как библиотека Ашшурбанипала.

Необходимо, однако, отметить, что в области техники — за исключением военного дела и строительства — эллинистическая наука заметных успехов не делала; в рабовладельческом обществе мысль ученого не направлялась в эту сторону.

В греческой литературе надо констатировать явный упадок. Со сцены вместе со старыми богами уходят и большие проблемы, волновавшие великих трагиков V в. Аристофанова политическая комедия уступает место комедии бытовой, рисующей мелкие интересы и думы среднего человека. Лирика вырождается в искусственное выражение мелких страстей, приправленное риторикой и налетом учености. Процветают буколика, эпи-

грамма, жанровые сценки и картинки. Эллинизм не дал ни одного крупного писателя, которого можно было бы даже с натяжкой поставить в один ряд с Софоклом, Эврипидом, Алкеем, Анакреонтом, Аристофаном.

Резкий перелом совершился в религии. С падением полисов падали и боги их. «Все религии древности были первобытными, племенными, а позднее национальными религиями, которые выросли из общественных и политических условий каждого народа и тесно срослись с ним. Раз была разрушена эта их основа рушилась и связанная с ними религия»¹.

Но не только боги пришли в упадок. Изменилось и отношение к богам. Прежняя религиозность, носившая скорее формальный характер и связанная с политическими учреждениями и политическими воззрениями, в изменившихся условиях существенным образом изменилась. Предоставленный самому себе, индивид стремится к более тесному общению с божеством, от которого он ждет уже не только благоденствия отечества, победы оружия родного полиса, но и личного спасения. Старые боги и их культ не удовлетворяют больше эллина, религиозные потребности которого изменились. Поэтому эллинизм — период религиозных поисков.

Старым богам пытаются придать характер универсальных богов; создаются отвлеченные божества, новые боги. Восточные боги с универсальными функциями проникают в греческую религию. Боги получают новые, главным образом общественные, атрибуты и новые эпитеты, связывающие их не со стихиями природы, а с их отношением к человеку — «спаситель» (Σωτήρ), «благодетель» (Εὐεργέτης) и т. п. Культ принимает все больше характер мистерий; при этом используются опять-таки восточные культы богов-спасителей.

Но все эти новые явления в эллинистической религии не получили законченного развития. Для создания единой религии эллинистический мир не обладал достаточным экономическим и политическим единством. Старые боги потеряли кредит, но не сошли со сцены, уживаясь с новыми богами и новыми веяниями. Старые культы еще продолжали играть некоторую политическую роль. В обстановке непрерывных внутренних войн древние святилища могли еще предоставлять право убежища и неприкосновенность, не всегда соблюдавшееся воюющими, но дававшее все же некоторую гарантию безопасности. Так же как эллинистические монархии использовали привычную форму полиса для проведения своего влияния на Востоке, они использовали и древних эллинских богов, постройку храмов, организацию игр в их честь для прославления своего величия и провозглашения своей божественности.

Эллинизм не имел достаточной базы для создания мировой религии. Но он создал предпосылки для нее, и христианство при своем возникновении, уже в условиях Римской империи, имело налицо в готовом виде почти все основные элементы мировой религии.

«Греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву»². Падение древних богов, превращение мифологии из предмета наивной веры в объект научного исследования и рационалистического толкования должно было отразиться на искусстве. Изображения богов занимают большое место в греческом искусстве и в эллинистический период, но боги для скульптора — лишь повод для разрешения чисто художественной проблемы, он творит не антропоморфного бога с божественными атрибутами, а скорее божественно-прекрасного человека с человеческими чувствами и переживаниями. Портрет, жанровые группы и статуэтки занимают все больше места в творчестве художников.

¹ Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство, Соч., XV, стр. 607—608.

² К. Маркс. К критике политической экономии, Соч., т. XII, ч. I, стр. 203.

Строительство храмов почти прекратилось, зато растет градостроительство, гражданская архитектура. Монументальность, грандиозность восточного искусства, сочетавшись с гармоничностью, изяществом и внутренней правдивостью классического греческого искусства, создали мировое эллинистическое искусство, продолжавшееся затем в Римской империи.

Во всех областях культуры эллинизм означает поворот всемирноисторического значения. Многое было только намечено, эллинистическая экономика не создала условий для окончательной переработки классического наследия, для создания на его основе нового цельного мировоззрения, целостной, гармонической культуры. Противоречия рабовладельческого общества после краткого периода подъема сказались очень быстро и привели к тому, что развитие шло лихорадочными темпами, с кратковременными взлетами и длительными периодами упадка; в некоторых областях — философии, литературе — упадок стал хроническим. Но в целом эллинистическая культура — новая стадия в культурной истории человечества, повлиявшая на весь дальнейший ход ее.

Понять сущность эллинизма, его подъем и падение можно только из анализа движения античной рабовладельческой социально-экономической формации. Становится ясной и историческая роль его как одного из этапов, на которых подтачивалась социально-экономическая ограниченность рабовладельческого общества, создавались, хоть в недостаточной степени, предпосылки для более прогрессивной общественно-экономической формации. Созданная на этой базе эллинистическая культура была принципиально новой. Но эллинистическая культура не должна заслонять тех материальных основ, на которых она возникла. Напротив, именно в аспекте общественных отношений становится ясной ее сущность и ее историческая роль.

Проф. М. И. Артамонов

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВОСПОРСКИХ СПАРТОКИДОВ

Античные колонии — явление более сложное, чем их изображали ранее. Уже в самом начале своего существования они представляли собой соединение элементов местных с пришедшими извне, с большим или меньшим преобладанием тех или других из них, к тому же в соотношении не постоянном, а меняющемся со временем в силу различных причин. До тех пор, пока раскопки преследовали задачу отыскания художественных вещей для музеев, пока археология была на службе формалистической истории искусств, можно было не замечать того громадного количества форм чисто местного происхождения, которые переполняют античные города Северного Причерноморья, например, Ольвию. Теперь отвлечься от этого материала уже невозможно. В истории колоний, их материального производства и культуры нельзя не учитывать того значения, которое имел местный элемент. Колонии необходимо изучать уже не только с точки зрения их влияния на местную среду, но и с точки зрения той роли, которую в их истории играло туземное население.

Античные колонии далеко не всегда, — можно сказать, лишь как исключение — возникали на пустом месте. Как правило, они основывались в пунктах туземного заселения, в местах, которые и до колонизации были средоточием местной жизни¹. Особенно интересен и поучителен в этом отношении пример древнего Танаиса, который благодаря слабости античной колонизации хорошо сохранил свой туземный облик². Возникнув сначала как рыбацкий поселок на одном из островов дельты реки Дона (городище у станицы Елизаветовской), он в дальнейшем благодаря своему удобному положению стал средоточием кочевого населения Подонья. Сюда, в дельту реки, обильную подножным кормом, пригоняли кочевники свои стада на зиму. В Танаисе они основывали свои зимние жилища, здесь по островкам вокруг поселения раскинулось большое курганное кладбище.

Исследования курганного могильника у Танаиса показали весьма интересную и важную для изучения скифского общества V—III вв.

¹ А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947.

² Т. Н. Книпович, Опыт характеристики городища у ст. Елизаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г., ИГАИМК, вып. 104 (1934). «Из истории Боспора».

до н. э. картину имущественного расслоения¹. Самое же интересное в данной связи заключается в том, что в большей части погребений этого могильника положение покойника имеет направление на зимний восход. Следовательно, большинство погребений в этом могильнике устроено зимой. Тем самым подтверждается значение Танаиса как зимнего становища для кочевников, летом уходивших со своими стадами к северу вдоль реки. В Танаисе селились ремесленники, снабжавшие кочевников несложными произведениями местного мастерства. Сюда же скоро явились и греческие торговцы, основавшие торговую факторию, разросшуюся затем в колонию. В дальнейшем, с обмелением рукава Дона, на котором стоял древний Танаис, эта колония была перенесена на новое место — на коренной берег реки у станции Недвиговской².

Танаис вовсе не исключение ни как зимнее становище кочевников, ни как колония с туземным населением в основе. Подобные ему «города» — зимние ставки кочевников известны и в других местах, хотя еще очень слабо изучены, например, Каменское городище на Днепре близ Никополя³. В них, несомненно, рано образовалось постоянное население, возникли производства, обслуживавшие потребности варваров, появились прочные жилища кочевой знати с постоянно живущими в них слугами, а в некоторых обосновались и греческие колонии. Еще чаще основой для последних служили туземные поселки оседлого рыболовецкого или земледельческого населения. Так, на месте греческого поселения на острове Березани существовал рыбачий поселок туземцев⁴, на месте Ольвии, вероятно, было туземное поселение. Н. Я. Марр полагал, что в основе названия «Ольвия» лежит местное слово, означающее «город-поселение»⁵. С. А. Жебелев убедительно показал, что греческое имя этого города действительно представляет осмысление местного слова «Ольба», означавшего поселение⁶. То же надо сказать о многих других греческих колониях, сохранивших местные наименования (Пантикапей, Китей, Тиритака, Тирамба, Корокондама и др.). Греческие города, таким образом, в ряде случаев выступают перед нами как наслоения на туземную основу, далеко не всегда заглушающие местную жизнь с ее особыми, собственными путями развития, конечно, опосредствованными античным влиянием, но, в свою очередь, влиявшими на историю самих греческих колоний.

Античные колонии стали уже изучаться как аппарат колониальной эксплуатации туземцев, но они все еще остаются в глазах исследователей обособленными и независимыми от туземного общества в своей внутренней истории. Для нас же колонии должны быть особенно интересны именно с точки зрения взаимодействия античного и варварского миров. Для нас особенно интересны те перемены в социально-экономическом строе

¹ Л. Леонтьев, Разыскания в устьях Дона, «Прописи», IV, 504 сл.; «Извлечения из отчета об археологических раскопках в 1853 г.», СПб., 1855, 116 сл.; Раскопки Хицунова, ОАК, (1870—1871) XLII сл.; Раскопки И. Ушакова, Дело АК, 1901, № 240; Раскопки А. А. Миллера, ИАК, 35, 86 сл.; ОАК (1908), 129 сл.; (1909—1910), 141 сл.; ИАК, 56, 220 сл.; ОАК (1911), 46 сл.; «Труды XIV АС», III, 83 сл.

² А. А. Миллер, «Сообщения ГАИМК», 1932, № 9—10, 66 сл.

³ Б. Граков, Скифы, Київ, 1947, стр. 55, 61; «Материалы к всесоюзному археол. совещанию», М., 1945, стр. 49; Б. Н. Граков, Археологические раскопки близ Никополя, ВДИ, 1939, № 1. Он же. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, XXII, стр. 38 сл.

⁴ О. А. Артамонова, Древнейшее поселение на острове Березани. КСИИМК, 1940, стр. 5, 49 сл.

⁵ Н. Я. Марр, Ольвия и Альба Лонга, ИАН, 1925, стр. 665 сл.; он же, Значение и роль изучения наменьшинств в краеведении, «Краеведение», 1927, № 1, 13 сл.

⁶ С. А. Жебелев, Счастливые города (филологическая справка), «Из истории докапиталистических формаций», Сб. статей к сорокалетию Н. Я. Марра, М.—Л., 1933, стр. 355 сл.

и в культуре колоний, которые, находясь в связи с социально-экономическим развитием туземного общества, превращают первоначально совершенно чуждое, постороннее туземному обществу тело в виде античного города в его составную, органическую часть.

Особенно существенно проследить отношения между античными колониями и туземными племенами на примере Боспора. Его крупное значение в культурной и политической истории нашей страны совершенно бесспорно. Вместе с тем греко-варварский состав этого государства не оставляет никаких сомнений. Однако роль туземного элемента в этом государстве остается совершенно не освещенной, и большинство исследователей отводит туземцам только служебное, подчиненное положение. В действительности это не так. Боспорское государство было греко-варварским не только по составу населения, но и по содержанию всей своей истории, и об этом лучше всего говорят наиболее объективные свидетели — археологические памятники.

В противоположность другим греческим городам Северного Причерноморья в Пантикапее и других колониях Боспора рано появляется туземная знать. Если в окрестностях древней Ольвии встречаются только рядовые, изредка средние туземные погребения, то с представлением о Боспоре прежде всего ассоциируются воспоминания об его богатейших курганах типа Куль-оба, Павловского, Кекуватского, Близицы и др. Достаточно приглядеться к расположению боспорских, например пантикапейских, курганов, чтобы убедиться во всей вздорности теории об их греческом происхождении. Где это видано, чтобы греки, жители городов, устраивали кладбища вдали от города, в степи, да еще располагали курганы так, как они размещаются обычно у кочевников, т. е. по сыртам, вдоль водораздельных хребтов? Уже одно это расположение должно указать каждому внимательному наблюдателю на тесную связь погребенных со степью, а не с городом. Характерно, что позднейшие боспорские курганы, относящиеся к тому времени, когда туземное население срослось с городами, теснятся возле самого города и уже не тянутся вдоль по возвышенностям, а образуют беспорядочные группы, безразличные к рельефу окружающей местности.

Кроме местоположения, можно указать ряд особенностей в устройстве погребального сооружения, в составе погребального инвентаря, в обряде похорон, которые выдают принадлежность боспорских курганов туземному населению и во многих своих чертах соответствуют могилам, не вызывающим в этом отношении никаких сомнений. Сторонников греческой принадлежности этих погребений смущает то, что в составе могильного инвентаря преобладают вещи античного стиля, греческого типа, что там имеются принадлежности греческого культа. Но такие вещи есть и в бесспорно скифских могилах. Все дело только в количестве, в степени «эллинизации» местного населения, которую отнюдь не приходится отрицать.

В боспорских курганах преобладают вещи греческого происхождения. Это бесспорно. В самом обряде погребения, в элементах погребальной обстановки также сказывается греческое влияние. Однако делать на этом основании вывод о принадлежности боспорских курганных погребений грекам, по меньшей мере, поспешно, так как наряду с отмеченными элементами греческого обряда, греческого быта и греческой религии встречаются такие черты, которые явно выпадают из их числа и для выведения которых из Греции или от греков приходится прибегать к натяжкам и необоснованным допущениям и гипотезам. Зато эти явления находятся в полном соответствии с обычаями туземного мира. Так, например, с греческим инвентарем и даже с признаками греческого похоронного обряда

сочетаются погребения лошадей или наложниц и слуг, в составе похороненных в могилу вещей оказываются предметы туземного обихода, как то: местное оружие, шейные гривны, каких греки не носили, и т. п. Таким образом, находящиеся в погребении вещи греческого происхождения отнюдь не являются признаком, достаточным для определения этнической, и именно греческой, принадлежности покойного.

Но зато благодаря этим находкам можно проследить процесс быстрой эллинизации варваров, усвоения ими сначала только предметов греческого обихода, а в дальнейшем и некоторых элементов греческого быта и греческих идеологических представлений. Замечательно, что, несмотря на сильную эллинизацию определенных слоев туземного населения Боспора, в быту, как это видно из погребального обряда, еще долго можно заметить пережитки местных скифских обычаев. Мы не имеем возможности в настоящей работе заняться рассмотрением в высокой степени поучительного процесса эллинизации варварского населения Боспора, заметим только, что в первую очередь усваиваются такие черты, которые не противостоят туземным обычаям и представлениям, так что и под греческим колоритом не трудно вскрыть их старую местную основу. Это относится к древнейшим боспорским курганам V и отчасти IV вв., в которых варварский характер погребения еще сохраняется в своих основных чертах, хотя отдельные части погребального сооружения и инвентаря в большей или меньшей степени носят на себе отпечаток греческого влияния или даже прямо греческого происхождения. В дальнейшем происходит более тесное сближение. В связи с греческим влиянием происходит переобразование старого скифского обряда, отражающее новый бытовой уклад туземной знати, пронизанный эллинскими привнесениями и античными религиозными представлениями. Само собой разумеется, что благодаря тесному соприкосновению туземцев и греков на Боспоре, перекрестным бракам между теми и другими, возникновению в конце концов, по крайней мере, в составе господствующего класса, новой этнической группы полу-скифов-полугреков, боспоранцев, вполне вероятно, что боспорский обряд погребения применялся не только в отношении туземцев, но и в отношении этого смешанного населения и даже чистокровных греков. Для нас важно установить, что это обряд, вобравший в себя много эллинских элементов, сложился на основе местной традиции и вошел в быт господствующего класса Боспора вместе с представителями туземного населения, занявшими в нем настолько видное место, что свойственные им обряды могли быть приняты и греческой частью этого класса. Именно благодаря устойчивости местной традиции становится возможным возрождение варварских форм в позднеэллинистическое и римское время, которые на самом деле никогда не умирали, а были лишь заслонены греческими привнесениями. Так называемая варваризация Боспора отнюдь не связана с появлением здесь нового этнического элемента, а только с ослаблением роли античной культуры.

Боспорские курганы, в состав которых входят не только памятники этого рода из окрестностей Пантикалея и других городов Керченского полуострова, но и курганы Тамани, во многом похожи на курганы Кубани, а именно в самых основных чертах устройства погребения. На этом основании можно предполагать, что и туземное население Боспора этнически стояло ближе к племенам Кубани, нежели к племенам степного Крыма или нижнего Днепра. Поэтому наименование «скифы» может быть распространено на это население только с той степенью условности, с какой оно распространяется иногда на все варварское население Причерноморья.

Итак, в составе населения боспорских городов рано появляется весьма значительный слой туземной знати, могущественной и богатой, как о том

свидетельствуют боспорские курганы. Что это была за знать и в каком отношении находилась она к колонизаторам? Ответом на этот вопрос может прекрасно служить титул боспорского царя: архонт греков и царь варваров.

Какое политическое устройство имели греческие колонии Боспора в первое время своего существования, остается неизвестным, хотя едва ли они в этом отношении существенно отличались от других колоний в Причерноморье. В 480 г. до н. э., по Д и о д о р у (XII, 31, 1), к власти на Боспоре пришли Археанактиды, греческая фамилия, стоявшая во главе не только Пантикапея, но и других городов на Керченском проливе вплоть до 438 г. до н. э.

Правление Археанактидов началось много позже основания Пантикапея и других боспорских колоний. Так как Археанактиды «царствовали над Боспором», т. е. не только над Пантикапеем, но и над другими городами, расположенными по обеим сторонам Керченского пролива и основанными не одними милетцами, а и теосцами и, как полагают, митиленцами (Гермонасса) и даже клазоменцами (Киммерик), надо допустить, что для объединения этих городов в одно «царство» были весьма серьезные причины, ставившие под угрозу возможность дальнейшего существования каждого из них в отдельности. Известно, какое упорное сопротивление оказала Феодосия Спартокидам — Сатиру и Левкону при ее подчинении, хотя она была основана так же милетцами, как и Пантикапей. Основываясь на этом примере, законно усомниться в возможности объединения колоний без насущной и ясной для каждой из них потребности. Эта же объединявшая греков опасность могла явиться условием для возникновения сильной наследственной власти — династии Археанактидов. Возможно, что Археанактиды объединили греческие колонии Боспора и захватили в свои руки верховную власть над ними в связи со столкновениями этих колоний с местным варварским населением. Если Ольвия вынуждена была покупать свою безопасность постоянными подарками предводителям скифских племен, то греки-колонисты на Боспоре, оказавшись между враждующими скифами и меотами, попали в еще более трудное положение. В интересах борьбы с туземцами грекам пришлось не только объединиться, но и терпеть единоличную наследственную тиранию Археанактидов.

Исходя из учета исторической обстановки в античном мире в первой четверти V в., можно допустить, что положение греческих колоний на Боспоре особенно осложнилось в связи с разгоревшейся в это время борьбой между эллинами и персами. В 499 г. до н. э. греческие города Ионии подняли восстание против Персидской державы и вслед за тем были жестоко разгромлены персами. Поскольку боспорские города были связаны с малоазиатской Грецией, это обстоятельство не могло не отразиться на их экономическом положении; торговля с Ионией сократилась, и ухудшение экономического положения боспорских колоний усиливало опасность для них со стороны местных варваров. Опасность, нависшая над греческими колониями со стороны туземцев, и могла прежде всего побудить их к объединению.

Судя по словам Диодора об Археанактидах, «царствовавших в Азии над Киммерийским Боспором», можно думать, что первоначальным центром Боспорской симмахии была Фанагория. Объединенным под властью Археанактидов греческим колониям Боспора удалось продержаться до 438—437 гг., когда власть над ними перешла в руки новой династии — Спартокидов. Как и при каких обстоятельствах совершился переворот, неизвестно, но нет никакого сомнения, что новая династия была не греческого происхождения. Основываясь на сходстве таких имен предста-

вителей этой династии, как Спарток или Перисад с фракийскими именами, обычно полагают, что Спартокиды ведут свое происхождение из Фракии, что основатель династии Спарток был предводителем фракийских наемников на службе у Археанактидов и захватил власть на Боспоре в порядке дворцового переворота¹.

Такое предположение мало вероятно, хотя Боспор, без сомнения, был связан с Фракией, и возможность наличия в нем фракийских наемников отнюдь не исключается. Больше того, определенно известно, что в IV в. до н. э. в войске боспорских царей были фракийские наемники. Тем не менее, исходя из общей оценки отношений Боспора с туземными племенами в той роли, какую, судя по археологическим данным, играл в боспорских городах местный, в особенности кубанский, этнический элемент, вероятнее полагать, что Спартокиды были династами местного происхождения. Они были представителями тех туземных варварских племен, которые не только окружали греческие города Боспора, не только составляли основу их экономического процветания, но, в лице своей аристократии, были кровно заинтересованы в состоянии дел в колониях, в их торговых связях и международных отношениях.

Опираясь на засвидетельствованные Геродотом родственные связи между скифскими и фракийскими (одрисскими) царями и на тождество некоторых скифских и фракийских имен, можно было бы предположить, что и на Боспор фракийские имена проникли в таком же порядке. Однако в такой гипотезе нет надобности, ибо среди варварских имен Северного Причерноморья, особенно Приазовья, известно не мало имен, близко сходных с фракийскими. Здесь имеются в виду имена с такими же, как в слове Спартокос (Спартоко) окончанием на «онос» — «акос», которое сблизается с имеющимися в кавказских языках окончаниями «око», «окво» — сын². Не исключена возможность, что Спарток не был фракийцем даже по имени.

Возможно, что объединение греческого Боспора с варварами было ответом на экспансию Афин, в 40-х — 30-х гг. V в. до н. э., распространившуюся на Северное Причерноморье, где они сумели захватить Тиру и Ольвию, а из владений Боспора — Нимфей³. Переход власти к Спартокидам (в 438 г. до н. э.) мог явиться естественной реакцией Боспора на притязания Афин, надо полагать, поддержанной вождями местных племен, экономически уже тесно связанными с греческими колониями. В результате усилившийся Боспор не только сохранил свою самостоятельность по отношению к афинской гегемонии, но при Сатире (407—387) вернул Нимфей, а при Левконе (387—347) захватил и Феодосию, не принадлежавшую ранее Боспору.

По свидетельству Геродота (IV, 12) и Страбона (I, 2, 9; 4, 3; XI, 1,5), на берегах нынешнего Керченского пролива (Боспора Киммерийского) долго жила память о предшественниках скифов по политическому значению в Северном Причерноморье — киммерийцах. Весьма вероятно, что меотские племена Прикубанья, в пределах расселения которых находился Киммерийский Боспор, представляли собою остатки Киммерийского союза, если не собственно киммерийцев. Новелла Геродота о детях скифских рабов, сопротивлявшихся за вром вернув-

¹ С. А. Жебелев, Боспорские этюды, I. Образование Боспорского царства, ИГАИМК, вып. 104 (1934), «Из истории Боспора», стр. 13, особенно прим. 1.

² И. А. Джавахишвили, Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи, ВДИ, 1939, № 4, стр. 30 сл.

³ С. А. Жебелев, Афины, Нимфей и измена Гилона, ИГАИМК, вып. 104 (1934), «Из истории Боспора», стр. 24 сл.

шимся из Азии скифам (IV, 1—3), возможно, является отдаленным и искаженным отражением той борьбы, которую вели киммерийцы со скифами на Боспоре.

На Керченском полуострове до сих пор имеются три вала со рвами¹; один из них отгораживает восточную оконечность полуострова в том месте, где пролив представляет наименьшую ширину и нередко замерзает. У нас нет достоверных археологических данных о времени построения этих валов. Судя по тому, что Нимфей находится за пределами первого из них с востока, К. Гриневич предполагает, что он возник еще до включения этого города в состав Боспорского царства, т. е. до конца V в. до н. э.² Последний к западу — Асандров (?) вал естественнее всего относить ко времени после распространения европейской территории Боспора до пределов тавров, т. е. после завоевания Феодосии при Левконе. Валы, следовательно, означают этапы расширения Боспорского царства на запад. Самым древним в таком случае, действительно, мог бы быть самый восточный вал, прикрывающий переправы через Керченский пролив. В. Ф. Гайдукевич датирует его киммерийским временем на том основании, что южный конец его находится у древнего поселения с негреческим именем — Тиритака, и что при раскопках последнего были находимы предметы доантичной эпохи³. К киммерийскому времени он относит и другой, так наз. Аккосов вал, пересекающий Керченский полуостров от Аджибая до Узунларского озера и здесь оканчивающийся возле местечка Киммерик. Такая датировка, распространяющаяся на все три вала, представляется наиболее вероятной потому, что сооружение длинных валов по границе с воинственными скифами являлось весьма распространенной и обычной формой обороны от неожиданных набегов кочевников в раннескифское время. Геродот знает в Скифии киммерийские укрепления (IV, 12) и едва ли не подразумевает под ними тот «широкий ров на всем протяжении от Таврических гор до озера Меотиды, где оно наиболее широко», который, по его же словам, выкопали дети скифских рабов (IV, 3), которых еще Аммиан Марцелин (XXII, 8, 41) отождествлял с синдами; синды же, по нашему мнению, тождественны с киммерийцами.

По словам Страбона, «киммерийцы некогда имели большую силу на Боспоре, вследствие чего и Боспор был назван Киммерийским..., но затем скифы изгнали киммерийцев из этой страны, а скифов — эллины, основавшие Пантикапей и прочие города на Боспоре» (XI, 2, 5). В этих словах сжато сформулировано основное содержание политической истории Боспора до начала греческой колонизации включительно. Можно думать, что скифами, подчинившими своей власти Боспор, были не ближайшие соседи — крымские кочевые племена, а скифы нижнего Поднепровья — скифы царские. Очерчивая области, занятые этими скифами, Геродот не случайно указывает в качестве восточной границы их владений ров, выкопанный потомками скифских рабов (IV, 20), хотя степной Крым занимала другая группа скифов — скифы-номады. Ров, выкопанный рабами, очевидно, стал восточной границей скифов после того, как на берегах Керченского пролива утвердились греки, изгнавшие отсюда, по словам Страбона, скифов. Однако с появлением греческих городов набеги скифов на восточную сторону Боспора не прекратились. По сведениям Геродота, зимою, когда Боспор Киммерийский замер-

¹ Р. В. Шмидт, К исследованию боспорских оборонительных валов, СА, VII, рис. 1 (карта), стр. 269.

² К. Э. Гриневич, Оборона Боспора Киммерийского, ВДИ, 1946, № 2, стр. 160 сл.

³ В. Ф. Гайдукевич, Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия, ВДИ, 1947, № 3, стр. 189 сл.

зает, «скифы, живущие по сю (т. е. по западную) сторону рва, идут в поход по льду и на повозках переезжают на ту сторону в землю синдов» (IV, 28). Ясно, что опасность со стороны скифов грозила не только синдам, но и греческим колонистам.

Экономически Боспор в раннее время, да и позже, был теснее всего связан с Кубанью. В меотских племенах Прикубанья греки нашли вместе с тем естественных союзников против воинственных кочевников, приходивших из степей нижнего Поднепровья и Крыма. Но этот союз стал надежным и постоянным только в результате подчинения Боспора меотским племенам или, точнее, одному из их вождей, основателю династии Спартокидов.

Из вынужденного обстоятельства объединения греческих колоний Боспор при Спартокидах превратился в греко-варварское государство, включавшее в свой состав целый ряд туземных племен нижней Кубани и Приазовья. Существенно отметить, что первые Спартокиды представляли себя представителями традиционной власти и именовались архонтами греческих городов Боспора, а после присоединения при Левконе Феодосии включили в свою титулатуру и специальный титул архонта этого города. Отсюда можно заключить, во-первых, что появление Спартока на боспорском престоле не было результатом вооруженного захвата власти, а носило видимость добровольного призвания, а во-вторых, что греческие города при Спартокидах некоторое время сохраняли свои специфические особенности в государственном устройстве и могли рассматривать своих варварских правителей как наследственных архонтов; институт архонтов, прикрывавший монархическую власть, был достаточно обычным для греческого полиса и существовал на Боспоре еще при Археанактидах. По отношению к варварам Спартокиды также сначала занимали очень осторожную позицию. Ставя в своем титуле названия этих племен на втором месте, после греческих городов, они вместе с тем включали в него названия всех, по крайней мере, наиболее крупных, племен. Таким образом, эти племена, находясь в составе Боспорского царства, как бы сохраняли свою внутреннюю самостоятельность. Боспорское царство строилось, следовательно, по принципу федерации племен.

К сожалению, неизвестно, на какие племена распространялась власть Спартока и его ближайших преемников. Первая надпись, включающая варварские племена в титул царя, относится к Левкону (387—347), который именуется в этой надписи не только архонтом Боспора и Феодосии, но и царем синдов, торетов, дандариев и псессов (IOSPE, II, 6). Впрочем, имеется и другая надпись с именем этого царя, где он значится только архонтом Боспора и Феодосии (IOSPE, II, 343). Такое ограничение в титулатуре, однако, отнюдь не означает, что в какое-то время правления этого царя владения Боспорского царства не простирались на варварские племена Прикубанья. Оно, вероятно, относится ко времени, когда Левкон правил вместе с братом Горгиппом, владевшим азиатской частью царства, где жили варварские племена¹. Деление Боспорского царства на части между братьями известно и позже и также отражено в надписях. Так, например, сын Левкона, Перисад, правивший совместно с братом Спартоком, назван в надписи архонтом Феодосии и царем синдов и фатеев (IOSPE, II, 8); Пантикалеем и другими местными племенами в это время, вероятно, владел Спарток. Вообще говоря, едва ли было время, когда Спартокиды именовались только архонтами Боспора; они с самого начала были одновременно и царями варварских племен.

¹ В. В. Латышев, История Боспорского царства. *Понтика*, СПб., 1909, стр. 75.

У Полиена (VIII, 55) имеется занимательная романтическая новелла о меотянке Тиргатао; из этой новеллы следует, что во время правления на Боспоре Сатира царем синдов был некий Гекатей. Этого Гекатея, низложенного с престола, Сатир снова поставил во главе синдов и для закрепления союза выдал за него свою дочь. Кем был низложен Гекатей, — Полиен не сообщает, но не исключена возможность, что низложил его тот же, кто и возвел вновь, т. е. боспорский царь. После смерти Гекатея место его во главе синдов занял сын Сатира, вышеупомянутый Горгипп. Следовательно, в начале IV в. боспорский царь распоряжался в Синдике, как в своем владении, и своею властью назначал и сменял ее царей — своих наместников. В титулатуре боспорских царей синды всегда стоят во главе перечня подвластных племен. Синды жили ближе всех к Боспору, занимая не только черноморское побережье в районе Анапы, но и Таманский полуостров (в то время еще острова кубанской дельты). Весьма вероятно поэтому, что боспорская династия Спартокидов вышла именно из их среды, хотя для полного доказательства этого предположения нет достаточных данных.

Вслед за синдами, в титулатуре боспорских царей называются: дандарии, тореты, псессы, фатси, досхи, причем позже все они объединяются под общим именем майтов (меотов). Замечательно, что и в это время название синдов все же сохраняется в титулатуре царя и, как всегда, стоит на первом месте (IOSPE, II, 10, 11). Синды, следовательно, занимали особенно важное положение среди меотских племен, едва ли не потому, что еще до возникновения греко-меотского Боспорского царства возглавляли меотский, может быть, даже киммерийский, союз и дали Боспору спартокидскую династию.

В начале III в. до н. э. в титулатуре боспорского царя наблюдается новое¹ существенное изменение. Спарток IV именуется иногда архонтом (IOSPE, II, 13), иногда архонтом и царем (IOSPE, II, 348, 349) и, наконец, только царем (IOSPE, II, 14). Никаких упоминаний в его титуле Феодсии или отдельных подвластных племен уже нет. Очевидно, к этому времени даже номинальное различие между архонтом и царем исчезло; отпала надобность проводить различие между подданными и по этническому признаку. Процесс сложения Боспорского царства закончился, боспорские правители сделались неограниченными монархами.

Сильная в отношении греков своими традиционными связями с туземным населением, опираясь на дружину, на наемное войско и поддержку греческих городов, царская власть делается независимой и от туземного населения. Вместе с тем меняется и положение той туземной племенной знати, которая стояла во главе более мелких подразделений Боспорского царства. Она также приобретает новое значение, исходящее уже не из народного избрания и не из обычного порядка родовой организации на последних этапах варварства с ее наследственной аристократией, а из пожалования царя. Царь назначает своих наместников; он заменяет традиционные племенные власти своими ставленниками или же превращает племенных вождей в своих покорных слуг. Словом, родовая демократия заменяется государственным строем. Все это, без сомнения, в сильнейшей степени ускоряет процесс экономической дифференциации туземного общества и рано или поздно приводит к полной ликвидации родового строя, если не по форме, то по существу экономических и социальных отношений;

Известно, что боспорский царь был крупным экспортером хлеба¹,

¹ А. Кацевалов, Торговля хлебом греческих колоний Северного Черноморья, «Научные записки», 1928; С. А. Жебелев, Основные линии экономического раз-

что в его хозяйстве были большие керамические мастерские, изделия которых, например черепицы с именем царя, широко распространялись¹. Хозяйство туземной знати росло, представители ее превращались в землевладельцев и рабовладельцев. Вместе с тем несомненно, что те колоссальные количества хлеба, какие собирались в руках боспорского царя, поступали не только из его собственных имений, из царского хозяйства, — вероятно, значительную часть этого зерна царь получал от туземного населения в виде натурального налога. Точно так же и правители отдельных областей, царские наместники, иногда назначавшиеся из числа вступивших на службу царю греков, эксплуатировали подчиненное им население прежде всего в форме натуральных налогов.

В надписи римского времени из Фанагории упоминаются «пелаты», переданные вместе с землей во владение святилища Афродиты². Античные авторы называют термином «пелаты» как наемных рабочих, так и зависимых земледельцев, которые за долги должны были работать на полях богатей. В римское время этим термином пользовались для обозначения клиентов и других зависимых людей. Очевидно, и на Боспоре имелись зависимые земледельцы, которые переходили от владельца к владельцу вместе с землей, на которой они сидели. Это были предшественники колонов, при Спартокидах, возможно, еще не утратившие личной свободы. Они были обязаны выплачивать налоги и аренды, являвшиеся основным источником той массы товарной продукции, какой располагали боспорские цари и окружавшая их аристократия.

То место и та роль, которую получил туземный господствующий класс в Боспорском царстве, не могли не сказаться на его культурном облике. Туземная знать быстро эллинизировалась, усваивала греческий бытовой уклад, античную идеологию. Уже следующий за Спартоком царь, Селевк, носит греческое имя. В дальнейшем у боспорских царей преобладают чисто греческие имена. Но было бы неправильно полагать, что варварская знать усваивала греческую культуру без всяких изменений, что это было только усвоение, а не переработка в соответствии с местными традициями и условиями. Так, например, в религии наибольшее развитие получают на Боспоре такие греческие культы, которые имели соответствия в туземной религии, а именно, культы женских божеств плодородия, растительных сил. В искусстве точно так же распространяются мотивы, родственные туземным.

Потребности туземного господствующего класса вызывают развитие художественных производств на Боспоре. Имеются предметы этих производств в виде золотых и серебряных изделий, резьбы по дереву и кости, скульптуры из камня, керамики и терракот, наконец, живописи, не говоря уже об архитектуре, известной, к сожалению, пока лишь, главным образом, по погребальным сооружениям (каменные склепы). Все эти произведения представляют более или менее значительные особенности не только в технике, но и в формах, и в мотивах, и даже в стиле по сравнению с греческими. Часть их является стилистической переработкой под знаком античного искусства туземных форм и мотивов, часть видоизменением и приспособлением к местным условиям и потребностям обыч-

вития Боспорского государства, ИАН ООН, 1934, № 8—9; Г. М и щ е н к о, Торговые сношения Афинской республики с Боспорским царством, «Изв. и Уч. зап. Казанского ун-та», XIV, (1879), № 7.

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Строительные керамические материалы Боспора, ИГАИМК, вып. 104 (1934). «Из истории Боспора», 266; Б. Н. Г р а к о в, Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее, там же, 202 сл.

² IOSPE, II, 353; С. А. Ж е б е л е в, Основные линии..., 598 сл.

ных греческих типов. Эти изделия пользовались распространением не только в пределах Боспорского царства, но и далеко за его границами, проникая широкой струей в скифские области.

Заканчивая краткую, далеко не всестороннюю характеристику Боспорского царства, история которого выходит за границу поставленной нами темы, следует подчеркнуть, что античные колонии сыграли решающую роль в его образовании и истории. Без них Боспорское государство в то время и в том виде, в каком его знает история, не возникло бы. Вместе с тем Боспорское царство не следует отождествлять с колониями. Они составляли только часть его, тогда как в остальном это было туземное государственное образование, интересное для нас как древнейший пример возникновения классового, рабовладельческого общества и государства в Северном Причерноморье. Само собой разумеется, что путь возникновения государства, намеченный Боспором, не единственный, и история Северного Причерноморья как раз и показывает, что наряду с ним имели место и другие пути, обусловленные историческими особенностями места и времени, в которых совершался этот процесс¹.

¹ М. И. А р т а м о н о в, Скифское царство в Крыму, «Вестник ЛГУ», 1948, № 8, стр. 56.

*Посвящается памяти незабвенного друга
АБРАМА БОРИСОВИЧА РАНОВИЧА*

Проф. А. В. Мишулин

О ВОЗНИКНОВЕНИИ РИМСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИСПАНИИ

I

К вопросу о разделении Испании

Назначение новых римских наместников в Испанию в 198 г. на следующий, 197, год является весьма важным как в смысле развития государственно-правовых отношений, так и для судьбы Испании в дальнейшем.

Во время выборов 198 г. число преторов, избранных на следующий год, увеличилось до шести, тогда как до этого было только четыре претора. Два новых выбирались теперь специально для Испании. Это собственно и кладет начало провинциальной эры Испании, которая официально превращается в новую римскую провинцию¹. Число «два» вначале было установлено, потому что один из римских полководцев командовал сухопутной армией, а другой — флотом. Когда такое разделение фактически перестало быть необходимо, в Испанию все-таки попрежнему продолжали назначать два должностных лица. Пока война с карфагенянами еще не закончилась, такое назначение вызывалось, очевидно, опасностью и затруднениями этой войны. Известно, что и карфагеняне также держали в Испании постоянно двух, иногда и трех, полководцев. И после окончания войны с карфагенянами римляне поручали управление Испанией не одному, а двум наместникам, что вызывалось и успевшей уже установиться

¹ Нельзя согласиться с E. Albertini, Les divisions administratives de l'Espagne, Paris, 1923, стр. 11, а также и с Шультемом (см. A. Schulten, CAH, VII, 306) относительно разделения Испании на «Ближнюю» и «Дальнюю» и принятия провинциальной эры, т. е. превращения Испании в провинцию, уже в 205 г. Во-первых, размежевание функций проконсулов (Блазиона и Стертиния) по областям Испании («Ближней» и «Дальней», впервые фигурирующих в тексте в качестве «Citerior» et «Ulterior») указывается только для 199 г. (Liv., XXXIII, 27, 1). Во-вторых, на этот счет еще не было официального постановления. И, наконец, до учреждения претуры для Испании управление последней проводилось не промагистратами, наделенными imperium proconsulare. Неправильная трактовка продолжает встречаться, например, у Sutherland'a The Romans in Spain, 1940, стр. 45.

традицией, и трудностями управления Испанией, и рядом других весьма важных соображений. Следует обратить внимание на то, что к моменту назначения в Испанию двух римских магистратов не была еще установлена граница обеих провинций. Римский сенат, вполне возможно, учитывал пространство завоеванной провинции и трудность для одного человека справиться с административным управлением страны со столь разнообразным и беспокойным населением. Вот почему в 197 г. до н. э. двум первым преторам Испании — К. Семпронию Тудитану и Гельвину — официально и впервые было отдано распоряжение произвести размежевание Испании с соблюдением примерных границ Ближней и Дальней провинций¹, которые практически уже устанавливались римскими полководцами в ходе военных операций.

В размежевании Испании географические соображения сыграли немалую роль. В первой фазе римско-карфагенской войны, когда Публий и Гней Корнелий Сципионы командовали римскими войсками, линия Эбро отмечала самый дальний пограничный пункт оккупированной римлянами территории. Только до этого пункта римляне имели консолидированную территорию, где власть и влияние их были более или менее прочными. И поэтому попытка Сципионов распространить власть римлян за пределы этой территории в направлении долины Батиса повела к их поражению. Было немало причин для трагического исхода экспедиции обоих Сципионов. Одной из таких причин было пренебрежение двумя жизненными обстоятельствами, которые были потом оценены преемниками Сципионов. Первое — это большое расстояние между Эбро и Батисом, между которыми где-то должен был находиться форпост. Такой форпост, вроде опорной базы, был создан потом со взятием Нового Карфагена. Второе — любая база такого рода должна была опираться на неоспоримое морское господство вдоль восточного побережья Испании, и это правильно было учтено Сципионом Африканским. Из этой сильной передовой базы — Нового Карфагена — завоевание долины Батиса было хотя и трудным, но возможным делом, которое требовало только времени, выдержки и уменья. Важно было это сделать без лишних потерь. Эта цель была достигнута во второй фазе войны под руководством Сципиона Африканского.

Следует, однако, сказать, что географическими факторами не приходилось пренебрегать и при установлении административной системы управления. Территория, завоеванная Римом в Испании, была ограничена, но в то же время и весьма неудобно вытянута. От Пиренеев до Эбро она состояла из клина, который опасным образом входил между Эбро и Новым Карфагеном, и оттуда коммуникации к Кастулону и долине Батиса шли через труднопроходимую и гористую страну. Препятствия, задерживавшие расширение этого клина, — «провинции Citerior», — были различны. Ее северный предел подходил к горной внутренней стране, издавна населенной воинственными и фанатичными в борьбе народами. Между тем вдоль побережья было много поселений, дружественных Риму и достаточно сильных, чтобы в минуту опасности для римлян быть верными римскими союзниками. Что же касается юго-запада долины Батиса, то там находились отдельные конфедерации иберийских общин-городов (как, например, под властью Кулхаса), управляемые мелкими царьками или военными вождями, далеко не дружественными по отношению к римлянам. Причем враждебное отношение к последним все возрастало. Таким образом, вся эта вытянутая

¹ Li v., XXXII, 28, 11 (FHA, III, 174; коммент. 174—175): praetoribus in Hispanias... terminare iussi, qua ulterior citeriorve provincia servaretur.

от Пиренеев на Севере и до устья Бэтиса и Атлантики на юге территория жила на непрочном социальном базисе.

Римские командиры пытались преодолевать эти трудности. Они прибегали к силам туземных племен, к использованию иберийских наемников. Это, однако, было рискованным шагом и уже стоило жизни одному Сципиону. Эпоха «военной демократии» формировала сознание иберов и усиливала их борьбу за независимость, за свои земли, дома и накопленные богатства. Иберы в эту эпоху не были склонны поступать в наемники к врагам своего народа; они формировали собственное войнство, своих командиров и полководцев, зачатки своей государственности. Этот момент, являвшийся источником фанатизма и преданности делу освобождения своей страны от господства чужеземцев, будь то карфагеняне, или римляне, или кто другой, был, повидимому, учтен Сципионом Африканским. Возможно, что именно потому Сципион проявил достаточную осторожность и избегал брать наемников в свои войска: он посылал их главным образом в Италию в качестве вспомогательных войск¹. К иберийским же добровольцам он относился с подозрительностью и не доверял иберийским отрядам. При таком положении вещей римская экспансия в Испании могла быть облегчена лишь примирительной политикой со стороны римских полководцев. Именно благодаря такой политике Гней Сципион получил значительную поддержку туземцев. Сципион Африканский также не пренебрегал методами примирительного обхождения с туземцами и их вождями, как это и было в отношениях с Индибиллом и Мандонием. Трагический урок кампании Сципионов и победоносный опыт второй кампании Сципиона Африканского должны были быть учтены римлянами в их военной и административной политике на вновь завоеванной территории. Однако, как известно из всей последующей военной истории Рима и Испании, римские командиры, как правило, оказывались бездарными, терпевшими поражения во время героических выступлений иберов, которые причиняли Риму немало неприятностей. Наиболее сильные удары по престижу Рима и по его военной славе нанесли не только вожди иберов в Кельтиберии, Лузитании и Нуманции, но также, может быть, и не в меньшей мере, сами римские полководцы. Один только опыт был учтен к моменту установления ранней римской системы администрации в Испании; это опыт двойного командования до 205 г. С 205 по 197 г. этот опыт становился уже административным экспериментом в установлении системы двух провинций. Несомненно, такой эксперимент на протяжении восьми лет, с 205 г. по 197 г., требовался, ибо первоначально было все-таки сомнение, в какой мере могло быть практически достигнуто соглашение или кооперация двух правителей двух отдельных провинций в управлении Испанией. Необходимо было установить также, в какой мере эта система двух правителей является необходимостью. Но этот именно опыт себя оправдал. Правда, кооперация двух правителей или командующих в Испании достигалась иногда с трудом, но она часто все-таки достигалась, особенно в годы, предшествующие 197 г. до н. э., когда система двух правителей была официально утверждена.

Первые проконсулы, действовавшие в качестве первых провинциальных уполномоченных (commissiones), по прибытии в Испанию занимались

¹ Liv., XXVII, 38. «Из Испании присланы были П. Сципионом в Ливию вспомогательные войска... 8000 испанцев и галлов, 2000 воинов из легиона, 1000 всадников — нумидийцев и испанцев; эти войска привез на судах М. Лукреций, а из Сицилии Г. Мамий прислал до 3000 стрелков и пращников» (вероятно, с Балеар.— А. М.). Цит. по русск. перев. Адрианова, IV, стр. 165.

определением междупровинциальной границы¹. Невзирая на освященную традицией границу на Эбро, уполномоченные сконцентрировали свое внимание на безопасности не Ближней (*Hispania Citerior*), а Дальней Испании (*Hispania Ulterior*). Правитель *Hispania Ulterior* в смысле своей безопасности зависел главным образом от прибрежных позиций, и поэтому наиболее краткое расстояние по берегу сберегало бы его силы и автоматически заслоняло бы всю внутреннюю часть, за безопасность и спокойствие которой правитель собственно и нес ответственность. Сообразно этому *Hispania Citerior* была протянута к западу так, чтобы включить в себя Новый Карфаген. Но как в точности шла граница на крайнем западе от этого города, мы не знаем. Можно полагать, что она, вероятно, шла к востоку от Барии. Первое упоминание о *Hispania Citerior* и *Hispania Ulterior* применительно к 199 г. мы имеем у Ливия². Сообщение о проведении размежевания относится к 197 г.³, а принадлежность Нового Карфагена к Ближней Испании засвидетельствована Ливием для 180 г. до н. э.⁴, а для 100 г. до н. э. — Артемидором⁵. Что же касается того, что Бария относилась к Дальней Испании, то в этом пункте мы можем прочно полагаться на два свидетельства: Плиния (III, 19) и Птолемея (II, 48). Вопрос о точном размежевании границ двух провинций еще недостаточно изучен.

Внутри страны граница шла к востоку от *Saltus Tugiensis* и *Castulo* и в основном осталась без серьезных изменений до самой эпохи Августа, когда Испания подверглась широкой административной реконструкции. Более неопределенной оставалась северная граница каждой провинции; она отмечалась всякий раз наново, как граница римских военных вторжений, хотя для *Ulterior* течение Батиса служило сначала естественной границей.

Ни в одной из обеих провинций не было единства по составу населения. В территориальном отношении посягосторонняя Испания была несколько значительнее прибрежной полосы, тянувшейся примерно на четырнадцать миль и первоначально зависевшей в своей безопасности от двух сильных римских позиций при Тарраконе и Новом Карфагене. Каждый из этих городов являлся форпостом римского военного могущества, и только впоследствии они приобрели торговое значение. Так как эти форпосты отстояли друг от друга на значительном расстоянии, то, естественно, должны были существовать какие-то другие посредствующие звенья в виде других городов и поселений. Главными городами, центрами иберийской культуры в этой провинции, были Сагунт и Дертоза. Римские связи с Сагунтом, вероятнее всего, были коммерческие. Возможно, что серебро из Сагунта образовывало базис для чеканки «викториатов» в Италии между I и II Пуническими войнами. Есть все основания допускать, что Сагунт был туземным иберийским центром на восточном побережье Испании, рано завязавшим торговые связи с греками, а потом с римлянами. В частности, можно считать весьма вероятным, что Сагунт чеканил серебро до римского вторжения в Испанию. Что касается другого иберийского центра, города Дертоза, то это, собственно, не был приморский город в строгом смысле этого слова; это был скорее всего охранитель переправы через реку Эбро. Кроме этих пунктов Ближней Испании, находились к северу от Эбро еще два, где римляне оказались также лицом к лицу с задачей управления: Илерда и Оска. В противоположность цент-

¹ Liv., XXXII, 28, 11 (FHA, III, 174; коммент. 174—175).

² Liv., XXXIII, 27 (FHA, III, 174; коммент. 174—175).

³ Liv., XXXII, 28 (FHA, III, 174; коммент. 174—175).

⁴ Liv., XLI, 10 (FHA, III, 17).

⁵ Steph. Byz., Ἰβερία.

рам в Сагунте и Дертозе, Илерда и Оска представляют собой незначительные пункты внутренней туземной культуры. Главной особенностью этого района было его минеральное богатство, в силу чего римляне так быстро распространили на него свою власть.

Подавление сопротивления покоренных племен, освоение минеральных богатств районов Илерды и Оски, развитие торговых отношений на восточном побережье полуострова, охрана переправы через Эбро и создание в вышеназванных пунктах Ближней Испании оторванных форпостов римского владычества — таковы, в сущности, были политические задачи управления этой провинцией.

Задачи управления Дальней Испанией были несколько иные. Прежде всего территория этой провинции издавна находилась под карфагенским влиянием. Однако в период господства Баркидов не произошло каких-либо существенных изменений в политической системе иберийских общин. В этом районе карфагеняне осваивали и разрабатывали минеральные богатства. Турдетаны и их соседи, стоявшие в культурном отношении выше других иберов, смогли наладить хорошие отношения с карфагенянами, повидимому, считавшимися с историческими традициями туземных народов.

Как показывают археологические памятники, само побережье от Барии до устья Батиса было заполнено большим количеством торговых и рыболовецких стоянок финикийского и карфагенского происхождения, как-то: Абдера, Секси (Альмуньекар), Малака, Суаль (Фуэнхирола), Меллариа и Гадес. Здесь всегда бойко проходила (при финикийцах и карфагенянах) торговля, сюда заходили с востока торговые корабли, здесь часто пользовались финикийской монетой. П л и н и й (III, 4) сообщает, что пунический характер всех этих поселений продолжал сохраняться вплоть до времен империи. Эти поселения, вероятно всего, управлялись по карфагенским образцам; во всяком случае, известно, что во главе Гадеса стояли суффеты. Однако вряд ли карфагеняне вмешивались во внутренние дела туземного населения, в особенности же в дела земледельческих общин долины Батиса. Эти общины представляли собою в одних случаях небольшие, а иногда и значительные, политические объединения под властью местных князей, как, например, Кулхаса и Луксиния. Согласно Ливию, Кулхас, например, объединял 28 турдетанских общин,¹ и только впоследствии под его властью находилось меньше 17 общин².

К северу от долины, между Сьеррой Мореной и Сьеррой Невадой, лежали города знаменитого горнопромышленного округа, центром которого был город Кастулон. К востоку от него тянулась огромная область, где жили кочевники, занимавшиеся нередко грабежом. Чтобы сухопутным путем достичь Нового Карфагена нужно было пересечь эту область. Во всей этой Дальней Испании не было ни одного города-поселения, который был бы подготовлен для романизации. В этом отношении картина здесь была прямо противоположной тому, что мы наблюдаем в Ближней Испании, где уже существовали форпосты римского господства и пункты романизации этой области (Тарракон, Сагунт, Новый Карфаген и т. д.).

Дальновидный Сципион прекрасно отдавал себе отчет в положении вещей в Hispania Ulterior. Он создал там колонию ветеранов, которой дал символическое в известном отношении название Italica. Она находилась в чрезвычайно выгодном месте — в нижней долине Батиса, где река была

¹ Liv., XXVIII, 12 (FHA, III, 135).

² Liv., XXXIII, 1, 6 (FHA, III, 175; там же см. комментарий).

полностью судоходна¹. Но Италика на первых порах не играла никакой роли в качестве форпоста римской культуры в Дальней Испании. Росту ее мешала отдаленность от побережья и торговых путей. Не было римского пункта и на побережье, пока не была основана римская Картея в 171 г. до н. э. Однако процесс романизации проходил здесь менее эффективно, чем в Ближней Испании, ибо здесь в обширной области Турдестании, где в свое время туземная иберийская цивилизация достигла высокого уровня (Тартессийское царство), сильны были туземные исторические традиции в языке, письме, искусстве, в быту и строе жизни местных племен.

Таким образом, Ближняя и Дальняя провинции в Испании являлись и в географическом и политическом отношениях двумя различными организациями, с потенциальными силами местных народов, с одной стороны, и различными возможностями романизации их — с другой. Все это Рим должен был учитывать с самого начала вторжения на Пиренейский полуостров и до завоевания Испании в 205 г. до н. э.

В начале своей агрессии в Испании Рим сумел придать ей характер тактической защиты против Карфагена, заключал формальные союзы с различными туземными группами в Испании. Однако иберы относились к чужеземцам — карфагенянам и римлянам — со все возрастающей оппозицией и неприязнью. Нельзя никак согласиться с Сазерлендом², что иберы отличались «вечной неспособностью проникнуться сколь-нибудь постоянным и твердым стремлением к объединению», под которым автор, очевидно, разумеет политическое объединение, или государство. Политические тенденции к объединению, созданию конфедераций племен, единой власти у группы племен в эпоху так называемой «военной демократии» мы уже имели случай рассмотреть (ВДИ, 1948, № 1) и установить, что именно римская оккупация больше, чем какая-либо другая, обрывала этот наметившийся тогда процесс исторического развития иберов. После завоевания Испании Рим считал своей главной задачей не допускать каких-либо политических объединений, поскольку последние могли являться у иберов средством борьбы их с римской оккупацией.

После изгнания карфагенян испанцам стало ясно, что их освободители от карфагенского ига — римляне были покорителями не только Карфагена, но и самой Испании. Это прекрасно понимал и Рим, который стремился к распространению своего господства на все области Испании.

¹ См. CIL, II, 1168, 1180, 1182—3.

² Sutherland, ук. соч., стр. 52. Автор страдает явно неисторическим подходом в трактовке столь важных исторических проблем, как, например, вопрос о возможности политических объединений у иберов. Отрицая самое существование этих объединений у иберов, он говорит о возможной политической конфедерации общин в долине Бэтисы под руководством Кулхаса. Индибил, вождь илергетов и соседних племен, также возглавлял такое объединение. Самое происхождение иберийской цивилизации связано с возникновением царства Тартесса. Автора, очевидно, не смущают его собственные противоречия в этом вопросе. В статье о военной демократии у иберов мы уже касались этого вопроса. В ходе исторического развития к моменту карфагенского, а потом и римского завоевания иберийские общины вступали на путь политических объединений и организации централизованной власти (см. нашу статью, ВДИ, 1948, № 1). Эти тенденции нашли отражение в наших источниках, как литературных, так и археологических. Сазерленду, однако, невдомек, что этот процесс самобытного, т. е. внутреннего, развития иберийских племен неоднократно обрывался, сначала финикийским завоеванием и разрушением Тартесса, затем Баркидами при карфагенском завоевании Испании и, наконец, римлянами, которые огнем и мечом разрушали всякие элементы политической самостоятельности иберов, если только она противостояла римской оккупации. Именно это обстоятельство и подрывало наметившийся процесс иберийских объединений. Но, с другой стороны, именно римская оккупация иногда объединяла иберов для освободительной войны за независимость, поднимала сознание туземных племен в направлении политического объединения, как это было, например, в эпоху Вирвата, этого «первого Ромула испанского народа».

В проведении этой политики и для разрешения задачи подчинения, естественно, нужно было создать гибкую администрацию и военное командование в Испании. Создание двух провинций являлось одним из средств в проведении римской политики завоевания и освоения завоеванных земель, на которых необходимо было создать форпосты римского военного владычества и римского влияния.

II

Административная политика по отношению к испанским общинам

Римская административная система создавалась в Испании без какого-либо предшествующего опыта. Правда, Сицилия, Сардиния и Корсика сделались провинциями республики, но их инкорпорация была еще недавней. О материальных выгодах римляне сперва, быть может, и мало думали, но впоследствии экономические мотивы господства в провинциях, в особенности в Испании, стали превалировать. И административная система, создававшаяся в Испании, преследовала цель экономической эксплуатации провинции.

Завоеванные римлянами провинции рассматривались как *praedia populi Romani*. Поэтому правильно будет на этом основании утверждать, что общины, подчиненные Риму, перестают быть собственниками земли, на которой они были поселены, и должны теперь платить подать за свои земельные участки. Все административные мероприятия по отношению к иберийским общинам должны были таким образом зиждиться на том теоретическом принципе, согласно которому завоеванные в Испании земли рассматривались как собственность римского государства. Главной массой иберийских общин были *civitates stipendiariae*. Они принуждены были платить *stipendium*, т. е. подать в деньгах и т. п., и поставлять *auxilia* для обслуживания римской армии. Общины иберов платили установленную сумму подати по оценке их строений, земли и доходов. *Tributum soli* был прямым налогом; собирали его провинциальные квесторы. Но, повидимому, сборщики, будь то квесторы или их помощники, вымогали больше, чем полагалось по закону, и им приходилось наталкиваться на упорное сопротивление.

В ранние годы римского управления размер податей не был ясно определен. Так, в 205 г. подчинение иберов к северу от Эбро сопровождалось наложением двойного *stipendium*'а и шестимесячной поставки зерна, плащей и тог для армии¹. С другой стороны, подобное обложение можно скорее рассматривать как военную контрибуцию, ибо нормально выплачиваемое *stipendium* было определено соответствующей суммой в монете, что для более бедных общин заменялось определенным количеством зерна или других товаров. Трудно, однако, окончательно разрешить вопрос о характере *stipendium*, взимавшегося с *civitates stipendiariae* в Испании, особенно об его размерах. Но одно можно утверждать для этого раннего периода становления римской административной системы в Испании, — что устанавливающийся *stipendium* являлся одним из тех рычагов, который понуждал к платежу в монете. Нам известно, что, по крайней мере, в *Hispania Citerior* этот налог превратился в регулярную денежную подать². Таким образом, вопрос о денеж-

¹ Liv., XXXIX, 3, 5 (FHA, III, 165—166, комм. 166).

² До сих пор неясным остается вопрос о времени появления в Испании первого римского денария. Немногочисленные римские монеты (серебряные) могли проникнуть в Ибе-

ной подати, об установлении ее и системе взимания¹ связан с вопросами специальными: о появлении в Испании римского денария, о начале чеканки иберийских монет.

В 195 г. Гельвий (Helvius), прежний правитель Ulterior, и Минуций (Minutius), прежний правитель Citerior, привезли домой (помимо очень большого количества серебра в слитках) соответственно 119, 439 и 78 тыс. из того серебра, что Ливий называет «оскским серебром» (*argentum Oscense*)². Применение термина *argentum Oscense* имеет для нас большой интерес. Это совершенно определенно указывает, во-первых, на то, что монетное дело в Оске было широко поставлено; во-вторых, что оно, очевидно, было там поставлено очень рано. Можно, наконец, сделать еще один вывод, именно, что этот термин применим к денариям, привезенным из Ulterior, и что он свидетельствует о хождении оскских монет на большой территории; повидимому, это название стало применяться вообще ко всем иберийским выпускам монет. Подобный вывод не является только гипотезой. Уже Плиний (I, 4—7) свидетельствует нам о том, что монеты, приписываемые Оске, были общепринятыми и девяносто из ста иберских монет относятся к этому типу. Все монеты этого типа имеют легенды иберийского характера, которые читаются как названия племен или их городов, — факт, который можно истолковать как знак римской готовности признавать иберийские общины и иметь дело с иберами на племенной основе. Монеты выбивались аккуратно штампами, а это характерно и для римского денария. Из этого можно сделать два вывода: первый — что происхождение выпуска иберийских денариев связано с римским стандартом, и, во-вторых, что сами римляне, очевидно, тщательно следили за выпуском монет иберийскими общинами. Серебряные монеты сопровождались выпуском бронзовых. Выпуск бронзовых монет наряду с серебряными был более значителен в Секаизе (Secaiza), и монеты этого рода, как и оскские, оказались широко распространенными от Кордубы до Нумандии, долины Эбро и современной южной Франции. По мнению ученых, это, в частности, объясняет, почему Гельвий мог собрать в 195 г. главным образом с не-иберийской территории свыше 119 тыс. иберийских денариев.

Что касается римского происхождения стандарта иберийских монет, то главным подтверждением этого следует считать идентичность рисунка на различных монетах, носящих иберийские надписи; в сопоставлении с тем фактом, что иберы прежних времен не имели монет, это доказывает, что эти монеты были чеканены по настоянию Рима с целью платежа подати монетой и для создания средства обмена в торговле с Испанией. Так как единообразный рисунок монет мог быть предписан только Римом, то и монетный стандарт является римским. К этому нужно добавить, что серебряные монеты имеют вес денария, а медные монеты носят символ асса. Дальнейшее доказательство римского происхождения монеты выявляется из тех фактов, что на монетах *Hispania Citerior* мы встречаем иногда рядом с иберийской также и латинскую надпись (на монетах *Celsa* и *Osicerda*) или римское слово, написанное по-иберийски. Что же касается городов Бетики (кроме финикийских поселений), они имеют на своих

рию в 205—200 г. Однако только для 197—196 г. до н. э. возможно принять появление чеканки римских денариев в Иберии. Известно, что Блазион в 198 г. вернулся из Испании в Рим с 34 500 денариями. До этого у Ливия нет упоминания о приобретении монеты правителями Испании, кроме тех, что Сципион привез домой в 206 г., но эти монеты Сципиона были, без сомнения, карфагенскими деньгами из Нового Карфагена и других пунктов карфагенской торговли.

¹ О фиксированной сумме *stipendium* см. *Li v.*, XXIX, 3, 5 (в отношении 205 г.); *Cicero*, *Verr.*, III, 6, 12; *pro Balbo*, 18, 41. Отсюда название *civitates stipendiariae* у *Plin.*, III, 6; IV, 110.

² *Li v.*, XXXIV, 10, 4 (FHA, 181; коммент. 181—182).

монетах надписи, сделанные латинскими буквами. По подсчетам III у л ь т е н а (САН, VIII, 309), около 100 городов Ближней Испании дают иберийскую надпись на монетах, а около 40 городов Дальней Испании — латинскую. Что касается Лузитании, то она, очевидно, не чеканила монет, что является доказательством ее бедности и более низкого уровня ее развития. Она не имела своего серебра, и, пока она не была завоевана Римом, она не нуждалась в средстве обмена для своей торговли.

Следовательно, распространение римской власти было связано с расширением территории, на которой чеканились и обращались монеты. Чеканка иберийских монет начинается сразу же после первых завоеваний. Самыми ранними монетами с иберийскими надписями были, повидимому, монеты Сагунта, Эмпориона и Илерды. Рисунок общ всем иберийским монетам и изображает голову на лицевой стороне и всадника с копьем — на оборотной. Возможно, что этот рисунок взят с монет Гиерона II Сиракузского, умершего в 215 г. Но наиболее распространенными монетами были податные монеты из Оски, которые чеканятся почти одновременно с выпуском их в Эмпорионе, Илерде и Сагунте. *Argentum Osense*, как уже было замечено, чеканилось одной из иберийских общин в долине Эбро, которая, повидимому, имела значительный монетный двор. К последнему относятся наиболее многочисленные из всех иберийских монет, которые имеют надпись «Klsth», хотя этому названию трудно подобрать что-то общее с Оса.

Не менее 1300 серебряных монет с надписью «Klsth», зафиксированы из клада около Сории. Таким образом, иберийские общины, в частности Ближней Испании, платили свое *stipendium* в оскском серебре, добываемом в рудниках и чеканенном за их собственный счет; монеты вывозились с целью перечеканки в денарии. Известно, что подданным Рима в других местах повсюду было дозволено чеканить только медную монету, но иберийские города выпускали больше серебряной, чем медной или бронзовой монеты. Это объясняется не тем, что иберийские общины в результате установления римской административной системы получали какие-то привилегии, а тем фактом, что Испания имела много серебра, которое римская администрация должна была выкачать из Испании. Уже в 206 г., едва только закончилась римско-карфагенская война в Испании, римские полководцы начали грабить иберийские города. В этом году вывезено было в Рим 14 342 фунта серебра в слитках и большое количество чеканной монеты (последняя, вероятнее всего, была карфагенской)¹; в 200 г., т. е. через пять лет, грабеж Испании имел тенденцию прогрессировать, ибо в этом году римская администрация сумела обеспечить выкачку серебра более чем в 3 раза, в сравнении с 206 г.: одного только серебра — 43 тыс. фунтов и золота — 2 450 фунтов². Если в 199 г. было вывезено всего только 1 200 фунтов серебра и 30 фунтов золота³, то это, должно быть, объяснялось рядом особых обстоятельств, а главное тем, что год этот в истории управления Испанией был переломным. Деление Испании на Ближнюю и Дальнюю в это время лишь намечается, назначение наместников определенно фиксируется по провинциям; по размежеванию территории между этими наместниками поступление в Рим серебра сразу резко поднялось вверх. В 198 г. в Рим было вывезено 20 тыс. фунтов серебра из Ближней Испании, 50 тыс. фунтов в слитках из Дальней, 34 500 в монете и 1515 фунтов золота из Ближней Испании⁴. Ливий дает некоторые сведения о тех

¹ Liv., XXVIII, 38 (FHA, III, 162).

² Liv., XXXI, 20 (FHA, III, 171, коммент. 172).

³ Liv., XXXII, 7, 4 (FHA, III, 173, коммент. 174).

⁴ Liv., XXXIII, 27 (FHA, III, 164).

методах, к каким прибегали римские наместники, грабившие иберийские общины. Он указывает, что Стертиний, претор Дальней Испании, не заявил притязаний на триумф, ибо он заполучил массу золота и серебра с иберов не как военную добычу, а путем обложения и поборов¹. Мы можем полагать, что сбор подобной суммы в течение одного только года не мог обойтись без соответствующего аппарата чиновников и специальных агентов наместника. Главным представителем этой бюрократии являлся, повидимому, префект, который назначался в определенные округа или города богатых иберийских общин, где осуществлял через своих помощников сбор дани. Все эти префекты администривали, очевидно, под наблюдением непосредственных помощников правителя провинции — его квесторов. Вероятно, петиция Гадеса от 199 г. по поводу назначения в этот город префекта вызвана, между прочим, тем, что Гадесу была известна практика этих префектов по сбору *stipendium*. Двумя годами позже отпадение других, без сомнения привилегированных, пунических городов на сторону вождей иберов, поднявших восстание против римлян, может быть объяснено такими же причинами. Весь вопрос в целом о злоупотреблениях римской администрации, в особенности в связи со сбором зафиксированной для общин квоты пшеницы (*vicesima*) был поднят иберийскими городами в 171 г., который известен как «год петиций»². И то, что Римом была обещана отмена одиозной практики сбора податей, свидетельствует, что теперь в самом Риме были известны приемы римских администраторов в Испании. Особенно, повидимому, свирепствовали при сборе податей в *Hispania Ulterior*. Если *Citerior* выплачивала *stipendium* главным образом серебром и дала нарицательное название выплачиваемому римлянам серебру как *argentum Oscense*, то *Ulterior* в ранний период установления римского управления в Испании платила частично туземной монетой, «импортированной» из *Citerior* (чеканка по типу *argentum Oscense*), частично необработанным металлом (в слитках) и, наконец, частично зерном (пшеницей), чем славилась Бэтика. И, вероятно, именно в *Ulterior* особенно часто и совершенно произвольно производились реквизиции зерна в ранние годы установления римской административной системы. Это привело к отпадению иберских общин от союза с римлянами и присоединению их к антиримской оппозиции, а затем и к всеобщему восстанию в 197 г. Кулхаса и Луксиния. *Ulterior* больше всех выносила бремя так называемой *vicesimae*, т. е. подати в виде $\frac{1}{20}$ своего урожая. Суть *vicesima* заключается в следующем: для продовольствования наместника, его администрации и когорты иберы обязаны были поставлять хлеб за вознаграждение по определенным сенатом ценам, т. е. приблизительно по 4 сестерция за меру³. Однако римляне требовали не уплаты хлеба натурой, а взноса денег, причем чиновники назначали произвольную рыночную цену, и разницу между установленной ценой и сенатской таксой присваивали себе. Наоборот, покупая хлеб для казны и за казенный счет, они назначали низшую таксу. Эта практика разоряла иберийские общины. Против нее то и выступали иберийские города в «год петиций» — в 171 г. Произвол, чинимый римскими администраторами, вызвал необходимость в уточнении и развитии административной системы. Уже самый ход и исход петиций 171 г. это показывает очень хорошо. Ливий⁴ в этом отношении

¹ Liv., XXXIII, 27 (FHA, III, 174).

² Liv., XXXII, 2, 5; XXXIII, 21, 6; XLIII, 2 (FHA, III, 173, 175, 227—228, там же комментарии).

³ См. комментарии Адрианова к русск. перев. Ливия, данные в XLIII, 2.

⁴ Данные Ливия в связи с историей вымогательства, практики их и реакции со стороны испанских общин см. в следующих списках: XXXII, 2, 5; XXXIII, 21, 6; XLIII, 2 (FHA, III, 173, 175, 227—228; там же комментарии).

является для нас основным источником. Хотя эпизод с петицией иберийских общин относится к 171 г., т. е. к более позднему периоду, чем рассматриваемый нами, однако есть смысл остановиться на разборе этого случая. Несомненно, что тот произвол, на который жаловались испанские общины, допускался римской администрацией значительно ранее 171 г. Вспыхнувшее в Бэтике под руководством Кулхаса и Луксиния восстание явилось первой быстрой, непосредственной и энергичной реакцией на римскую систему хозяйничания. Если старые свободные племена, объединенные в федерацию, сразу же подняли в знак протеста против римской политики в 197 г. восстание, другие города, где, быть может, стояли римские гарнизоны, сидели чиновники, подавлявшие непосредственные движения населения, и где, вероятно, требовалась длительная подготовка для организованного ответа, снарядили в 171 г. комиссию послов «от нескольких народов обеих Испаний» (Л и в и й). На этот раз, после длительной подготовки, общины не только Дальней, но и Ближней Испании организовались для заявления решительного протеста Риму на чинимый римской администрацией в Испании произвол. Еще Гельвий в 197 г. письменно извещал сенат относительно широкого движения среди иберийских племен во главе с Кулхасом и Луксинием. Уже тогда сенат должен был вынести постановление о том, что претору, который будет избран на следующий, 196, год, поручается составить сенату доклад о возникшей на полуострове испанской войне¹. Но было уже поздно. Еще не прошли комидии, как, не дождавшись избрания новых испанских преторов на 196 г., сенат получил печальное известие о разгоревшейся войне испанцев против римлян. Неудачный для Рима ход борьбы с восставшими иберийскими племенами мало чему научил римских чиновников, которые и потом в прежнем, если не в большем, масштабе продолжали заниматься вымогательствами и в Дальней и Ближней Испании. Каковы были эти вымогательства? На что жаловались иберийские общины? — Иберийские «послы от нескольких народов обеих Испаний» жаловались на «корыстолюбие и высокомерие римских чиновников» (*ii de magistratuum Romanorum avaritia superbiaque conquesti*) и «на коленях просили сенат не допускать, чтобы их союзников обирали и мучили хуже, чем неприятелей»². Жаловались «послы и на другие недостойные поступки, и ясно было, что у них вымогали взятки» (*et alia indigna quererentur, manifestum autem esset pecunias captas*). Так как во всех этих вымогательствах были замешаны влиятельные римские деятели, то хотя и были организованы суды и производилось следствие, однако «прошедшее было замолчано и предано забвению» (там же). Все преступления римских чиновников были, однако, столь очевидны, и тяжелым обвинениям были подвергнуты совершенно явно столь видные римские деятели, что сенат вынужден был на будущее принять какие-то меры. «На будущее время сенат сделал для испанцев то, чего они добивались, именно, чтобы римский чиновник не имел права оценивать хлеб и не принуждал испанцев продавать ¹/₂₀ часть по какой ему угодно цене, а также, чтобы в их города не назначались заведующие сбором денег» (*in futurum consultum ab senatu Hispanis, quod impetrarunt, ne frumentum aestimationem magistratus Romanus haberet; neve cogeret vicesimas vendere Hispanos, quanti ipse vellet; et ne praefecti in oppida sua ad pecunias cogendas imponerentur*) (там же). Это постановление имело непосредственное отношение к Hispania Ulterior, откуда выкачивалось зерно, масло и другие сельскохозяйственные продукты. Из этого постановления видно, что особенно тяжело было для Испании (Ulterior) то, что иберий-

¹ Li v., XXXIII, 21, 6 (FHA, III, 175; коммент. 175—176).

² Li v., XLIII, 2 (FHA, III, 227).

ские общины обязаны были двадцатую часть своего урожая продавать по заниженным, произвольно назначаемым римским чиновником ценам. Корыстолюбие (*avaritia*), высокомерие (*superbia*), другие недостойные поступки (*alia indigna*) и прямые вымогательства — взятки (*resunias carptas*) — такова была картина хозяйничания в обеих Испаниях, и особенно в Дальней (*Uterior*).

В несколько отличном положении находились те общины, которых Рим наградил «*foedus*». К числу таких общин относился греческий Эмпорион (*Emporion*). Этот город находился в союзе с римлянами и сохранил поэтому в некоторой степени свою самостоятельность. Известно, что Эмпорион получил разрешение чеканить свою собственную монету, с греческими легендами, по своему собственному монетному стандарту. Подобная же привилегия была предоставлена некоторым иберийским городам, принятым в союз, как, например, Гадес, Ебузус. Изучение монетного материала позволяет выделить эти общины в отдельную группу по их правовому положению в римской Испании. В этот ранний период римского управления в Испании единственным городом с правом римского гражданства была колония *Italica*, основанная Сципионом Африканским. Естественно, что и этот город, наряду с Эмпорионом, а также и Гадес и Ебузус могли относиться к группе привилегированных городов. Из Ливия¹ известно также, что в 171 г. была образована еще одна латинская колония в Картеие для сыновей римских воинов, находившихся в связях с туземными женщинами. Более четырех тысяч было поселено в Картеие, в городе, находившемся на берегу моря. При этом и местным жителям этого города предоставлялось право колонистов. «Это будет латинская колония и станет называться колонией отпущенников», — говорит Ливий (*Latinam eam coloniam esse libertinorumque appellati*) (там же).

Нам остается сказать о некоторых других изменениях социальной жизни иберийских общин, которые наступили в связи с установлением провинциальной системы управления.

Кроме уплаты налогов, иберы должны были систематически поставлять римлянам на военную службу вспомогательные отряды. До 205 г., до изгнания карфагенян и покорения карфагенской Испании, иберы привлекались римлянами в качестве наемников на добровольных началах². Однако с 205 г. служба наемников должна была потерять прежнее значение, хотя еще Катон пользовался кельтиберами как наемниками, чтобы вызвать раскол среди кельтиберийских племен. Новое положение в завоеванной Испании выражается в том, что теперь иберы доставляли вспомогательные войска в обязательном порядке.

Были внесены изменения и в пользование испанскими рудниками. Как *Citerior*, так и *Uterior* были богаты залежами металлов. Шультен полагает, что *Citerior* была богаче. Однако это вряд ли можно признать справедливым для раннего периода римской оккупации. Богатые залежи на северо-запад от Тага и Дуэро были еще не тронуты, и серебро добывалось в залежах у Бабелов и Нового Карфагена. При этом рудники, особенно в *Uterior*, не были еще в достаточной мере разработаны. Перед римской администрацией стояла задача организовать и усилить разработку испанских рудников. Такая организация была начата Катоном в 195 г. до н. э., по крайней мере в *Citerior*. Ливий³ рассказывает нам, как Катон, «умиротворив провинцию», назначил большие взносы определен-

¹ Liv., XLIII, 3 (FHA, III, 228—229, коммент. 229).

² См. Liv., XXI, 60 (FHA, III, 57—60); XXII, 38.

³ Liv., XXXIV, 21, 7; также Aul. Gell., N A., II, 22, 29 (FHA, III, 185—186, 188; там же комментарий).

ных размеров с железных и серебряных рудников, по установлении чего провинция делалась с каждым днем богаче. Можно предполагать, что некоторые золотые и серебряные рудники были переданы государству, но большинство серебряных рудников, как, например, около Нового Карфагена, свинцовых, медных и железных было предоставлено отдельным компаниям и даже лицам, которые должны были платить определенные налоги и подати с добываемого металла. С разработкой рудников увеличивалась и масса работавших в этой области. Конкретное представление о рабочих в рудниках дает нам известный рельеф из Осун. В государственных рудниках, несомненно, применялся, главным образом, труд рабов. С другой стороны, возможно, что эти рудники, как рудники компаний и частных лиц, применяли также и труд наемных рабочих из свободных испанцев. Позднее же был отмечен приток большого количества италийцев, о чем сообщает нам Диодор (XXXVII, V, 15). Тот же Диодор свидетельствует и о другом: о развивавшейся тенденции к снижению найма свободных и все более растущей массе рабов, привлекавшихся к работе в рудниках в нечеловечески тяжелых условиях.

Вся организация производства в рудниках имела перед собою две задачи, для выполнения которых и применялся пресс римской административной системы в Испании. Во-первых, нужно было обеспечить приток податной монеты и, во-вторых, добыть большое количество слитков, обрабатывавшихся под непосредственным наблюдением римской администрации. Для более потребляющего, чем производящего хозяйства рабовладельческого Рима, для расточительной жизни римского нобилитета требовалось золото и серебро, медь, олово и свинец. Для обеспечения регулярного притока этих металлов римская администрация в Испании должна была, таким образом, все время иметь наблюдение за рудниками.

Такой, в общих чертах, представляется нам административная политика Рима, которая открыла провинциальную эру в Испании. На 197 г. впервые были избраны два новых претора, специально для Испании. При этом в данном году впервые также было проведено размежевание Испании на *Citerior* и *Ulterior*. Установлена была система повинностей, в частности *stipendium*. Чеканка монеты по римскому стандарту, наблюдение за разработкой рудников, установление системы *vicesima* и штата чиновников, собиравших налоги и сочетавших выполнение обязанностей перед государством с системой вымогательства и взяточничества в личных целях и интересах, — такова схема управления в Испании. Провинциальная администрация должна была обеспечить регулярное поступление податей Римскому государству, а с другой стороны, провинциальная администрация в состоянии была выполнять это лишь в условиях мирной обстановки. Вот почему в пределах новой провинции должны были находиться армии, вооруженная сила оккупантов, на которую администрация могла бы полагаться. Таким образом, римская администрация свою деятельность должна была сочетать все время с применением внеэкономического принуждения или открытого насилия. Получался замкнутый круг. Римская администрация могла нормально проводить свою деятельность только в мирных условиях, однако применявшиеся при этом методы открытого насилия сводили на-нет всякие попытки установить мир и влекли за собою открытые восстания туземцев. Римским легионам вновь приходилось завоевывать территорию, занятую восставшими иберами, вновь умиротворять целые области, насаждать вновь римских чиновников и свергнутую было систему провинциального управления в отдельных районах Испании. После этого круг мог повториться на той же самой основе. И это хорошо показывают нам кельтиберийские, лузитанская, нумантийская, серторианские войны, а также мелкие и круп-

ные движения вплоть до конца астурийской и кантабрийской войн при Августе. Римский правитель Испании, как это показывает нам вся провинциальная история до Августа включительно, обычно сталкивался с весьма трудными условиями управления. И, конечно, объективные и субъективные факторы действовали тут нередко вместе, дополняя один другого. Большим препятствием для близости правителя и провинции, для конкретного ее освоения являлся краткий срок управления провинцией. Но не малым препятствием были и субъективные свойства правителей, когда последние, начиная со II в., занялись системой вымогательств, самообогащения. Это было время, когда римляне опьянялись растущим успехом захватнической политики от одного конца Средиземного моря до другого, и результатом этого опьянения было моральное разложение римской аристократии. Сами римляне это знали неплохо, ибо римский сенат не один раз выслушивал жалобы на притеснения провинциальных наместников. Известно также и то, что римское правительство в некоторой степени смотрело на все похождения провинциальных управителей сквозь пальцы, ибо знало, что наместники жалования никакого не получали, а сенат больше заинтересован был в том, чтобы от управителя получить денег в казну, чем из казны давать ему на устройство провинциальных дел. Так продолжалось до самого установления Августом регулярного жалования для римских управителей. Во времена принципата возникла новая, более организованная система вымогательства, которая продолжала существовать и после Августа, хотя, может быть, и в меньших размерах.

III

Испания в первый год провинциальной эры (197 г. до н. э.)

Установление провинциальной системы управления на территории главным образом Карфагенской Испании в 197 г. до н. э., по существу узаконяло проводившийся римскими командующими разбой и грабеж иберийского населения. В известной мере будет правильным считать, что разразившееся в 197 г. восстание и потом продолжавшаяся в течение почти двадцати лет героическая борьба иберов против римской оккупации Испании явились как бы ответом иберов на объявление Испании римской провинцией.

Как выше было замечено, на 197 г. Рим избрал шесть преторов вместо четырех¹. Два новых претора были избраны для Испании. Семпроний Тудитан получил Ближнюю Испанию, Гельвий — Дальнюю Испанию. «Преторам в обе части Испании было назначено по 800 пехотинцев — союзников латинского племени и по 400 всадников, с тем, чтобы они отпустили из Испании прежних воинов»². В этом же постановлении говорилось о поручении установить точные пределы той и другой части Испании. Трудно сказать, кто из этих новых управителей Испании обладал *imperium proconsulare*³, из Л и в и я можно полагать, что и Гельвий и Тудитан имели *imperium* (XXXIII, 25, 9).

¹ «В этот год, — говорит Ливий, — впервые было избрано шесть преторов, так как провинции увеличились и пределы государства расширились. Выбраны были следующие: Л. Манлий Волсон, Г. Семпроний Тудитан, М. Сергей Сил, М. Гельвий, М. Минуций Руф, Л. Атилий» (L i v., XXXII, 27). «Семпроний (Тудитан) получил Испанию Ближнюю, Гельвий — Дальнюю» (L i v., XXXII, 28; F H A, III, 174, коммент. 174—175).

² L i v., XXXII, 28, II (F H A, III, 174, коммент. (174—175)).

³ C I L, I², стр. 75 (Fabula triumphalis), где Гельвий назван *proconsul*.

Назначение новых управителей в Испании совпало с мощным восстанием иберов на сравнительно большой территории¹. Сначала поднялась Турдетания, где свободолюбивые традиции, общая культура и политическая организация иберийских племен находились на большей высоте сравнительно с другими областями Испании. Но через некоторое время поднялась как бы сразу вся и Дальняя и Ближняя Испания. Создавалось впечатление, что восстание готовилось долго, что оно получило поддержку карфагенян и даже самого Ганнибала. И север и юг были охвачены восстанием, но у нас больше сведений о ходе войны в Дальней, чем в Ближней Испании. Все свидетельства начинаются с указания на видную роль Кулхаса и Луксиния как руководителей восстания в Турдетании. Еще во времена Сципиона Африканского они объявили себя союзниками последнего. Тогда актуальным был вопрос о совместных усилиях в борьбе против карфагенян. Однако после разрешения этого вопроса интересы Кулхаса и Луксиния, с одной стороны, и римских наместников — с другой, стали расходиться. Не могло не сыграть своей роли и то обстоятельство, что из 28 городов, которые объединены были под властью Кулхаса, у последнего осталось только 17. Римская оккупация и административная политика по отношению к иберам сыграли не последнюю роль в этом отпадении 11 городов или в отторжении их от федерации Кулхаса. Наложение *stipendium* и особенно *vicesima*, что именно в Бэтике особенно было тяжелым, и другие вымогательства и притеснения со стороны римлян были главными причинами восстания этой федерации иберийских городов. Другая федерация под руководством Луксиния с центром в городе Кармоне (*Carmon*) выступила одновременно. Это второе объединение иберийских племен являлось не только крупным, но и значительным по своим материальным ресурсам. Об этом городе мы встречаем свидетельства у многих писателей древности: Цезаря (*De bel. civ.*, II, 19,5; 57; 64,1), Страбона (III, 22), Птолемея (II, 4, 10), в «Итинерариях» (стр. 414,2; *Rav.*, стр. 315,5) и даже в надписях (*CIL*, II, 188, 848; *MLI*, 166). О значительности этого города и богатстве его дает нам некоторое представление Цезарь (*De bel. civ.*, II, 19,5), который говорит о Кармоне, что «это наиболее мощная община всей провинции» (*longe fortissima totius provinciae civitas*). Что эти два иберийских объединения поддержаны были карфагенянами, видно из того, что два карфагенских города Малака и Секси присоединились к Кулхасу и Луксинию. Отпадение финикийско-карфагенских городов юга Испании и присоединение к восстанию иберов на могло не задеть, очевидно, и позиции Гадеса. За два года до этого восстания, в 199 г., посольство Гадеса в Риме требовало отмены назначенных для этого города префектов. Если Гадес сумел отвратить от себя посягательство Рима назначить управителей в карфагенские города, то вряд ли этого могли достигнуть другие, менее значительные города. Тем более возрастало недовольство в связи с тем, что все эти города должны были выполнять всякие повинности и раздражались постоянно различными поборами римских чиновников. Так складывалась ситуация в области Бэтики (Бэтурии). За несколько лет положение успешно изменилось в корне. Если при Сципионе Африканском Кулхас и Луксиний со всеми своими городами выступили заодно с римскими войсками против карфагенян, за окончательное изгнание их из Испании, то теперь расстановка сил изменилась в обратном отношении. За немногие годы администрирования римляне успели восстановить против себя об-

¹ Главнейшие материалы о событиях этого года см. в *FNA*, III, 174, 175, 176; *Li v.*, XXXII, 27; XXXII, 28; XXXII, 28, II; XXXIII, 19; XXXIII, 21, 6; XXXIII, 25, 8; XXX, 26, XXXIII, 25; *App.*, *Iber.*, 38.

щины Бэтики. Иберы, находившиеся под властью Кулхаса и Луксиния, направили теперь свое оружие против своих бывших союзников—римлян, выступив при этом в союзе с карфагенскими городами.

Положение было столь серьезным, что оно вызвало тревогу и беспокойство в Риме. Ни испанские наместники, ни римский сенат не смогли с достоинством реагировать на создавшееся в Испании положение.

Наместник Дальней Испании Гельвий растерялся. «Он известил письменно сенат, что князья Кулхас и Луксиний взяли за оружие, на стороне Кулхаса 17 городов, а у Луксиния — два сильных города Кармона и Бардон, что в приморской области жители Малаки и Секси, вся Бэтурия и те области, которые еще не обнаружили своих намерений, поднимутся при восстании соседей»¹. Рим в это время находился в тяжелом положении. Этот момент совпал с последними переговорами между Римом и Филиппом, и впереди еще предстояла тяжелая война с Антиохом (Liv., XXXIII, 20—21). И римский сенат не сумел при таком положении ничего изобрести более остроумного, как поручить подготовку «докладной записки об Испанской войне». А в это время в самой Испании события развивались с поразительной быстротой. Не могло заметно улучшить положения и объединение сил Гельвия и Семпрония Тудитана. Восстание захватывало все большую территорию Ближней Испании. Эпитоматор Ливия имел, очевидно, веские основания, чтобы записать, что теперь (через год) «Испания почти вся отложила»². Второе донесение Гельвия в Рим было преисполнено печальных вестей. «Сделалось известным письменное сообщение о том, что Г. Семпроний Тудитан, проконсул Ближней Испании, побежден в сражении, войско его разбито и обращено в бегство, в битве пало много славных мужей, сам Тудитан, вынесенный из сражения тяжело раненным, вскоре умер»³. Такова была судьба первого претора. Не в лучшем положении оказался и второй. Гельвий тяжело заболел, сдал претуру своему преемнику, но вернуться в Италию он смог только в 195 г.⁴ При этом он едва сумел добраться в Рим, ибо в последний момент, при выезде из Испании он подвергся новой опасности. Гельвия сопровождала большая охрана — конвой в 6 тысяч человек. И как только он переехал границу Дальней Испании и вступил в Ближнюю, у города Илитургии ему пришлось встретиться с кельтиберами⁵. Завязалось сражение, в котором Гельвию удалось разбить плохо организованные кельтиберийские отряды (Liv., XXIV, 10). Ссылаясь, очевидно, на разгром кельтиберов, с одной стороны, и на большие взносы серебра в казну — с другой, Гельвий потребовал себе триумфа, но сенат отверг его претензию на том основании, что он «сражался под ауспициями другого лица и в другой [а не в своей] провинции (*quod alieno auspicio in aliena provincia pugnasset*) (там же).

Таков был исход претуры первых наместников во вновь объявленной провинции. Первый год провинциальной эры в Испании прошел при неблагоприятных ауспициях для Рима. Поднявшееся восстание было плохим предзнаменованием для преторов, впервые избранных и приехавших в Испанию для осуществления своей большой административной деятельности в провинции, которая казалась замиренной и теперь нуждавшейся только в устроении. И если восстание для Рима означало срыв программы административной деятельности и провинциального управления Испании, то для иберов оно явилось началом широкого и созна-

¹ Liv., XXXIII, 24, 6; FNA, III, 175.

² Liv., XXXIII, 21 (конец).

³ Liv., XXXIII, 25; FNA, III, 170.

⁴ Liv., XXXIV, 10, 5 (FNA, III, 181, коммент. 181—182).

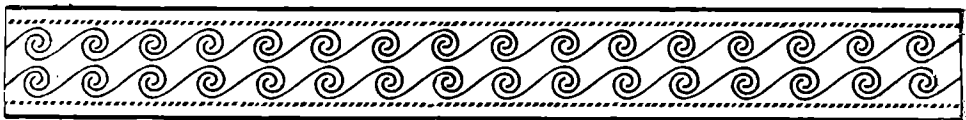
⁵ О ходе этой войны см. статью Л. М. Роголина в ВДИ, 1948, № 4.

тельного движения за свою независимость. С этой точки зрения, народы античной Испании как бы подводили черту под всем своим предшествующим периодом и вступали в новую полосу истории.

Позади оставалась эпоха появления древних иберов, формирования их самобытной культуры, первых встреч с культурой других народов и вступления на порог своей собственной цивилизации. Это был ответственный период в жизни народов Иберийского полуострова.

С начала римской оккупации начинается новый период в жизни древних иберов. Рост самосознания иберов на почве сформировавшейся иберийской культуры подготовил их к отстаиванию своей независимости и борьбе за нее против чужеземцев. Уже столкновение Рима с карфагенянами пробудило иберов и заставило их подняться. Умело используя обстановку, они при содействии римлян изгоняют карфагенян из Испании. Теперь иберы оказались лицом к лицу с Римом. 197 год для Рима открывает позорные страницы из армии на Пиренейском полуострове, для Испании — почти двухвековую героическую борьбу иберов за свою независимость.

Г. А. Меликишвили

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МАНЕЙСКОГО ЦАРСТВА

В эпоху существования Урартского государства вокруг Урарту находилось множество разных политических и этнических образований, с которыми имели интенсивные сношения как Урарту, так и Ассирия. В научной литературе их обыкновенно упоминают лишь в связи с историей Урарту или Ассирии, но некоторые из них по своему значению, несомненно, достойны более подробного и самостоятельного изучения. Это в первую очередь относится к Манейскому царству, которое в продолжение IX—VIII вв. до н. э. представляло самое значительное политическое объединение после Урарту среди «стран Наири», а начиная с конца VIII в., когда Урарту значительно ослабело, Мана, повидимому, становится самой значительной силой в области Наири.

Для истории Манейского царства мы не располагаем местными источниками, а только сведениями, сохранившимися в письменных памятниках соседних народов. В ассирийских источниках интересующие нас сведения мы находим в исторических надписях ассирийских царей начиная с Салманасара III (860—825) до Ашурбанипала (668—624), а также в письмах Куюнджикского архива и в некоторых других документах и религиозных текстах. В урартских надписях Мана многократно упоминается начиная с царя Менуа (810—781) до эпохи Русы II (685—645). Мана упоминается также в позднеавилонских источниках и в Библии. Ассирийские источники дают несколько вариантов в написании названия страны Мана: Ma(n)na, Mannaš¹ или Munna (ARAB, I, 637, 739). Все это, может быть, говорит о том, что название «Мана» — местное название. Интересно, что урартийцы «страной Мана» называли некоторые такие области, которые, по мнению ассирийцев, не были территорией страны Мана; у Саргона, например, мы находим упоминание о том, что граничащую с севера с Мана территорию страны Subi урартийцы рассматривали также как территорию Мана (ЛТ, стк. 172 = ARAB, II, 158). В ассирийских источниках название «Мана» с самого начала выступает как название одного определенного политического формирования, в то время как по происхождению этот термин, вероятно, являлся этническим названием, и страна Subi рассматривалась среди урартийцев территорией Мана именно по этническому признаку.

Основная территория страны Мана находилась в области Урмийского озера. В ассирийских и урартских источниках Мана систематически упоминается в окружении тех «стран», которые находились именно юго-восточнее Ванского озера, южнее или восточнее Урмийского озера. Так,

¹ Салманасара III Обелиск, стк. 168.

например, часто упоминаются рядом с Мана: Parsuaš, Buštu, Hubuškia Ellipi, Allabria, Karalla, Zikirtu, Andia, Gizilbunda, Abdadani, Bit-Kabsi, Zamua, Mušasir, Sumbi, страна мидийцев, Kakmi и др. Согласно источникам, можно утверждать, что многие из этих стран находились в непосредственной близости с Мана; это можно сказать, например, по отношению стран Parsuaš¹, Buštu² Zikirtu и Andia³, Bit-Kabsi и страны мидийцев (ЛТ, стк. 74—75 = ARAB, II, 150), Gizilbunda, (ЛТ, стк. 64—71 = ARAB, II, 149), Kakmi (ЛТ стк. 51—59 = ARAB, II, 148), Mušasir (WRCAE, № 381), Zamua (ARAB, I, 637), Karalla и Allabria (ARAB, I, 637; ЛТ, стк. 31 = ARAB, II, 144) и др. Непосредственно граничила Мана также с Урарту, а в позднюю эпоху, когда Ассирия присоединяет к себе ряд стран, расположенных южнее Мана, она становится непосредственным соседом также Ассирийской империи⁴. Большое значение для локализации Мана имеет надпись из Таш-тепе урартского царя Менуа (CICH, 20), оставленная вблизи южного побережья Урмийского озера, юго-восточнее этого озера (северо-западнее от Миандуаба). В этой надписи говорится о завоевании царем Менуа страны Мана и города Meišta. Район Таш-тепе, вероятно, является территорией того самого города Meišta, о завоевании которого специально идет речь в этой надписи. Если и эта местность являлась территорией страны Мана, то она должна быть периферией Манейской страны, поскольку урартский царь эту территорию непосредственно присоединяет к своему царству; в этой же надписи Менуа сообщает, что он воздвиг (вероятно, именно в районе надписи) ÊKALLU, т. е. цитадель, крепость. Кроме того, обращает на себя внимание то, что в одной надписи царей Ишпуини и Менуа (CICH, 15) город Meišta многократно упоминается в связи со страной Baršua, а о Мана вовсе ничего не сказано. Можно думать, что территория этого Meišta находилась между странами Мана и Baršua: с одной стороны она, повидимому, граничила с Baršua, а с другой — с Мана, так что район Таш-тепе являлся, повидимому, одним из пограничных районов страны Мана⁵. В специальной литературе часто название города Meišta связывается с названием страны Missi, которая, согласно надписям царя Саргона, представляла одну из периферийных областей Мана, пограничную со страной Parsua. Возможно, что город Meišta урартских источ-

¹ Этот факт ясно выступает из текста Луврской таблички, стк. 51 (ARAB, II, 148), а также из сопоставления урартских надписей CICH, 15 и CICH, 20.

² См. в анналах Аргишти I: S a y s e, 39, 43, особенно 43 (24—25).

³ ЛТ, стк. 74—78 (ARAB, II, 150), 79—91 (ARAB, II, 151—152).

⁴ Уже в эпоху Саргона (частично, может быть, даже раньше, особенно начиная с царствования Тиглатпаласара III), на территории, соприкасающейся с Мана с юга, юго-запада и юго-востока, мы встречаем несколько ассирийских провинций. После Саргона II непосредственное соседство между страной Мана и Ассирией — вне всякого сомнения: существовавшие между ними буферные политические образования исчезают; часть их присоединяет к себе усилившееся Манейское царство, большую же часть Ассирия. Известно также, что Ашурбанипал жалуется на то, что манейцы захватили во время царствования его предков некоторые ассирийские пограничные города.

⁵ Согласно сведениям того же Саргона, эта периферийная пограничная со страной Parsuaš, манейская область Missi в то же время находилась вблизи страны Gizilbunda: во время пребывания в ней Саргону преподносят дань от правителей некоторых городов страны Gizilbunda (ЛТ, стк. 51—73; ARAB, II, 148—149). Поэтому обращает внимание то, что у царя Шамшиадада V по соседству со страной Gizilbunda упоминается народ Mes (ai) (надпись на монолите, кол. II, 34-кол. III, 1; ARAB, I, 718—719). Возможно, что крепость Mesu, в которой, согласно сведениям Ашурнасирапа II, в страхе перед ассирийским войском укрываются жители страны Zamua, также находилась на территории этой страны (Анналы, кол. II, стк. 82; ARAB, I, 457). И в надписях Салманасара III упоминается страна Messi (Missi), так же как и у Саргона, по соседству со страной Parsua: войска Салманасара из страны Parsua переходят в страну Messi (обелиск, стк. 120—

ников находился на территории этой Missi. По источникам, как Meišta, так и Missi локализуются на периферии Мана, на границе со страной Parsua. Ясно выступает также сходство между названиями Missi и Meišta (в произношении, вероятно, Mista или Mesta). Это последнее, возможно, содержит окончание названий местностей -ta, которое мы встречаем также в названии столицы Мана — города (J)zirta, а также в названии столицы страны Zikirtu (которая, согласно претензиям манейских царей, являлась составной частью их царства) — Parda.

Из этих местностей, с территории, лежащей южнее Урмийского озера, страна манейцев простиралась, главным образом в северном и северо-восточном направлениях, вдоль восточного побережья Урмийского озера. Об этом говорят нам данные 8-го похода Саргона II¹, в частности текст известной Луврской таблички, которая содержит отчет об этом походе. Здесь ассирийский царь пространно описывает свой поход на территорию Мана, упоминает множество пунктов этой страны, временами указывает также на расстояния, пройденные его войском, и т. д. Установление маршрута этого похода имеет огромное значение для вопроса о распространении территории страны Мана. По тексту Луврской таблички основные районы Мана должны были находиться южнее и восточнее Урмийского озера. С течением времени территория, занимаемая народом Мана и, тем более, территория, находящаяся во владении манейских царей, претерпела много изменений. В эпоху Саргона II — Русы I (последняя четверть VIII в.) Манейское царство кажется территориально очень стесненным, главным образом государством Урарту и его сателлитами. Но когда Саргон II наносит решительный удар могуществу Урарту и этим избавляет Манейское царство от опасного соседа, Мана усиливается и, несомненно, растет территориально. В это время в границы Манейского царства, вероятно, попадают территории лежащих восточнее Мана стран — Zikirtu, Andia и др. или же значительная часть территории этих стран. Кроме того, после экспедиции Саргона Мана возвращает себе свои северные области — Uišdiš и др., захваченные урартскими царями, о которых в надписях Саргона говорится, что это манейские земли, отнятые у манейцев соседними правителями (Анн., стк. 110—111 = ARAB, II, 20). Впоследствии Мана уже своими собственными силами (а также, возможно, благодаря союзу со скифами и киммерийцами) стремится к еще большему росту своей территории и теснит даже грозную Ассирию: Ашурбанипал жалуется, что манейцы во время царствования его предков отняли у Ассирии много городов². Несомненно, еще больший успех имела манейская экспансия в сторону ослабевшего Урарту. Можно думать, что во всяком случае в позднюю эпоху территория Манейского царства распространялась далеко на север, севернее и северо-западнее Урмийского озера. Достоин внимания то обстоятельство, что Мана упоминается в письме царя Ишкигулу Sagastara, адресованном урартскому царю

121; ARAB, I, 581). Страна Mesu упоминается и в надписях Ададнирари III: в своей титулатуре этот ассирийский царь отмечает, что он завоевал Ellipi, Harhar, Araziaš, Mesu, Madai, Cizilbunda, Munna, (= Mана), Parsua, Allabria, Abdadani и др. (IR, 35, № 1, стк. 5—8; ARAB, I, 739). Упоминаемая в надписях этих ассирийских царей страна Mes (Mis) — i/a, и, несомненно, находится в связи с засвидетельствованной в надписях Саргона манейской областью Missi. До Саргона эта страна Mesi (Missi) упоминается самостоятельно от Мана, часто рядом с ней (так, например, у Шамшиадада V: монолит, кол. II, стк. 34 сл.; ARAB, I, 718; у Ададнирари III — IR, 35, № 1, стк. 7—8; ARAB, I, 739). Возможно, лишь в позднюю эпоху удалось правителям Мана присоединить к своему царству эту Missi-Mesa/i (или ее часть).

¹ Вопрос о маршруте 8-го похода царя Саргона детально рассматривается в книге Б. Б. Петровского, История и культура Урарту, 1944, стр. 119 сл.

² Анналы Ашурбанипала (изд. P i e r k o r n а, стр. 52—55).

Русе II, сыну Аргишти (685—645)¹. Правитель находящейся в Закавказье, в районе современного города Ленинакан, области (Iškigulú) оказывается в каких-то сношениях со страной Мана. Возможно, это обстоятельство говорит о значительном распространении Манейской страны в северном направлении.

Об этнической принадлежности населения страны Мана можно сказать очень немного. По этому вопросу единственным источником нашей информации является ономастический материал, имеющий отношение к этой стране. В специальной литературе, в том числе и в сравнительно новых работах, часто можно встретить мнение, что народ Мана — иранское племя, что манейцы родственны мидийцам и т. п. Это ошибочное положение основано на нескольких именах лиц, имеющих отношение к Мана (Bagdatti, Daiukku). Но важно отметить, что в самом манейском царском доме имена иранского происхождения не встречаются; как Bagdatti, так и Daiukku являются правителями периферийных областей страны Мана и враждебно настроены против царского дома. Но имя одного из этих двух правителей, а именно Daiukku (Daiukki), повидимому, не является иранским, несмотря на то, что его носит один из первых мидийских царей (Дейок); скорее, здесь перед нами широко распространенное хурритское имя Taiuki, которое, между прочим, часто встречается среди хурритского населения города Nuzi (современный Керкук) в середине II тысячелетия и которому можно подобрать хорошую хурритскую этимологию². Конечно, то, что Daiukku или какое-нибудь иное имя — по своему происхождению хурритское, вовсе не исключает того, чтобы в эпоху Саргона носитель такого имени по своей племенной принадлежности был иранцем, но само имя, как мы видим, об этом ничего не говорит. Имена всех других лиц, имеющих отношение к Мана, в том числе и имена всех представителей правящей в Мана династии (Ualki, Iranzu, Aza, Ullusunu, Ahšeri, Ualli, Erisinni), не являются ни иранскими, ни семитскими; некоторым из них можно подыскать хурритскую этимологию, например имени царя Ahšeri (Ah-šeri и особенно Erisinni (ср. в хурритских именах Nuzi: Iri-šenni). Такое же положение имеем мы и в топонимике. Огромное большинство названий манейских местностей не является ни иранским, ни семитским, а носит «азианический» облик. Встречаем мы здесь названия явно хурри-урартского характера (таково, например, название одной крепости манейцев — Sinihini) ЛТ, стк. 35 = ARAB, II, 144). Рядом с этим можно и в топонимике указать на несколько названий, имеющих иранский облик. Так, например Ашурбанипал упоминает, как одну из областей Мана, Erišteiana³. Это, повидимому, то же самое название, что и название одного города мидийцев — Erištana⁴, и содержит иранское «stana...» Возможно, что в состав Манейского царства временами попадали те или иные иранские племена. Несомненно, что во всяком случае в VIII—VII вв. «азианическое» население Мана окружено (особенно с юга и с востока) иранскими племенами. Население страны Мана, вне всякого сомнения, находилось в интенсивных сношениях с этими соседними иранскими племенами; часто имели место, вероятно, и военные столкновения между ними, что приводило временами к политическому подчинению то одной, то другой стороны. Этими (и многими другими) путями открывалась

¹ C. F. Lehmann, Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belck und Dr. C. F. Lehmann 1898/99 ausgeführten Forschungsreise in Armenien, надпись № 135 (SBPAW, 1900, I Halbband, Phil.-Hist. Kl. стр. 619—633).

² J. Gelb, P. Purves, A. Масгае, Nuzi Personal Names, Chicago, 1943, стр. 261, 270—271.

³ Анналы Ашурбанипала (изд. Рієркoгн'а стр. 52—53; ARAB, II, 853).

⁴ «Резюме» — надпись Саргона II, стк. 67 (ARAB, II, 58).

дорога не только разным влияниям, но также и процессу этнического смешения. Несомненно, процесс иранизации манейского населения начался уже в ассиро-урартскую эпоху. Возможно, такое же положение мы имеем и в соседней с Мана стране Zikirtu, которую в эпоху Саргона манейские цари рассматривают как часть своего царства: в топонимике Zikirtu вовсе не встречаются иранские названия, но имя царя этой страны (в эпоху Саргона) — Mitatti, возможно, иранское; имя народа Aṣagarta — Σαῦζοῤτιοι, засвидетельствованное в древнеперсидских и древнегреческих источниках, возможно, находится в связи с именем народа Zikirtu. Aṣagarta — Σαῦζοῤτιοι же были, повидимому, иранцами или, по крайней мере, иранизированными «азианитами». Иранизация населения Мана — Зикирту особенно быстрыми темпами пошла, вероятно, после того, как эта территория вошла в состав сперва Мидийского царства, а потом империи Ахеменидов. В эту эпоху, эпоху мидо-персидской гегемонии, значительная часть манейского народа, повидимому, входит в состав иранских племен, претерпевает полную ассимиляцию с ними.

* * *

Первые сведения о стране Мана мы находим в надписях ассирийского царя Салманасара III (860—825). Ассирийское войско попадает в Мана в первый раз на 16-м году царствования Салманасара (ARAB, I, 637), а потом на 30-м году царствования того же царя. Ассирийские надписи сообщают некоторые подробности этого последнего похода: манейский царь Ualki не покоряется ассирийцам, оставляет свой «царский город» Zirta и укрывается в горах¹. Может быть, не случайно, что Манейское царство в первый раз выступает в это время; может быть, именно в эту эпоху происходит формирование крупных объединений манейских племен в приурмийском районе. Определенный толчок к образованию этих крупных объединений, возможно, дало, с одной стороны, резкое усиление ассирийской экспансии, которое наблюдается в эту эпоху в связи с новым укреплением Ассирийской державы, а с другой стороны, образование крупных государственных и племенных объединений в самой Наири (Урартское царство, царство Наири-Хубушкиа и др.), которые становятся не меньшей, чем Ассирия, угрозой для соседних, в том числе и манейских, племен. В эпоху Салманасара III столицей Манейского царства является город Zirta (Zerta), который остается столицей в продолжение последующих веков: в надписях ассирийских царей после Салманасара III этот город в написании Izirtu (Izerta) многократно упоминается как царский город того или иного манейского царя². Повидимому, это крупное объ-

¹ Обелиск, стк. 159 сл.

² В Манейском ономастиконе мы имеем и другие примеры потери начального гласного: так, например, город Zibia (Саргон II, Анналы, стк. 61; ARAB, II, 10), несомненно, тот же город, который в других местах упоминается как Izibia («Резюме» — надпись Саргона, стк. 41; ARAB, II, 56) или Uzbia (изд. P i e r k o r n ' a, стр. 52—53; ARAB, II, 851); кроме того, нам кажется, что распространенное в манейском царском доме имя (или титул) Aza (Azu) должно происходить от касситского титула ianzi («царь»). Что касается окончания этого названия, местной формой, по всей вероятности, является -ta. Izirtu — аккадизированная форма (снабженная знаком аккадского Nominativ'a «и»). Та же основа, которая дана в названии Zirta-Izirtu, по всей вероятности, налицо и в названии одной крепости манейского царя Ullusunu Zirdiakka — Sirdakka (JIT, 52, 71, 74; ARAB, II, 148, 149, 150). Возможно, упоминаемый в урартских источниках как «царский город» страны Мана Sisiriḥadiri также содержит эту основу (ZA, 14, стр. 138). Интересно, что перед нами в источниках колебание между «z» и «s» при передаче начального звука этого названия; в других местах источников также по отношению к названиям местностей Мана встречается колебание между «d» и «z», имеем написания Dugduka (Саргон, Анналы, стк. 32; ARAB, II, 6) и Zuzukka («Резюме» — надпись Саргона, 48,

единение манейских племен образовалось под гегемонией правителей этого самого Zirta-Izirtu.

Некоторые данные ассирийских источников позволяют нам утверждать, что в эту эпоху в приурмийском районе мы имеем дело не с одним, а с несколькими крупными объединениями манейских племен. Определенные манейские родоплеменные единицы, повидимому, остались вне того объединения манейских племен, во главе которого стали правители города Izirtu (Zirta). Интересно в этом отношении одно свидетельство надписей того же Салманасара III: из владений манейского царя Ualki этот ассирийский царь переходит во владения правителя страны Harruna (?) Šu-lu-su-nu. В царствование Саргона II в Мана царствует некий Ulu-su-nu, к имени которого, как мы видим, очень близко стоит имя этого соседнего с Мана правителя — Sulusunu. Вероятно, и этот последний принадлежал к тому же культурно-этническому миру, к которому принадлежали правители города Izirtu. Так что в это время, возможно, мы имеем не одно, а несколько крупных объединений манейских племен; между ними, конечно, происходила борьба за гегемонию, существовал определенный антагонизм. Может быть, это явление обнаруживается и в факте различного отношения царей Ualki и Sulusunu к вторгшимся в их страну ассирийцам: в то время как Ualki (вождь более сильного объединения) обнаруживает непримиримость, не покоряется ассирийцам, Sulusunu покоряется им, становится их данником и с их санкции утверждает за собой управляемую им страну.

Возможно, с этой же точки зрения можно привести и пример страны Mesi — Misi_a, и. Выше мы уже отметили, что в надписях Ашурнасирпала II, Салманасара III, Шамшиадада V, Ададнирари III упоминается страна (иногда также город, крепость), носящая это название (см. об этом выше, стр. 58, прим. 5). Эта страна кажется вполне самостоятельной от Мана, в надписях Шамшиадада V и Ададнирари III, в частности, рядом друг с другом упоминаются страны Mesi и Мана. Можно думать, что здесь мы имеем дело с той же единицей, которая в форме Missi упоминается в царствование Саргона как одна из периферийных областей страны Мана. Выше мы пришли к выводу, что на территории этой Missi должен был находиться город Mista, название которого, повидимому, произведено с тем же суффиксом «ta», который встречаем в названиях столицы Мана — Zirta (Izirta) и столицы Zikirtu — Parda. И это обстоятельство, возможно, указывает на то, что население Misi (Mesi) было также манейским или же этнически близко стояло к нему. И это объединение, как видим, в раннюю эпоху находится вне объединения манейских племен, образовавшегося под гегемонией правителей Zirta (Izirtu), и лишь в позднюю эпоху попадает в состав этого объединения. Таким образом, в раннюю эпоху, например в эпоху Салманасара III, мы, как уже было отмечено, имеем дело с несколькими крупными объединениями манейских племен. Этим объединениям приходится вести борьбу не только с Ассирией или с Урарту, но, несомненно, они ведут борьбу также между собой. Успех в этой борьбе, как мы узнаем из позднее засвидетельствованного положения, был на стороне царей Izirtu. Им удается значительно расширить пределы своего царства, удается присоединить много соседних манейских или не-манейских политических образований.

После Салманасара III соотношение сил между могущественными соседями Мана — царством Урарту и Ассирией чувствительно меняется

ARAB, II, 56). Эти факты, повидимому, указывают на то, что в произношении во всех этих случаях мы имели какие-нибудь местные аффрикаты, звуки, чуждые ассирийской фонетике.

в пользу Урарту. Ассирия слабеет, а для Урарту начинается период наибольшего могущества, продолжавшегося несколько десятилетий (конец IX в. и первая половина VIII в. до н. э., эпоха царей Менуа, Аргишти I, Сардура II). В эту эпоху главным врагом Манейского царства является не Ассирия, а Урарту. Лишь при непосредственных преемниках могучего Салманасара — при Шамшиададе V (825—812), а также в правление царицы Шамурамат (812—803) и царя Ададнирари III (812—783) в ассирийских источниках встречаются некоторые лаконические сведения насчет ассирийской активности в районе Манейского царства¹, после же этого ассирийские источники долго ничего не говорят о стране Мана. Ассирийцы в это время основательно были вытеснены из юго-восточных (как и из других) районов Наири урартийцами. В урартских же источниках в эту эпоху особенно частым становится упоминание страны Мана. Надписи Менуа, Аргишти I, Сардура II полны описаниями походов в страну Мана. Особенно интенсивной кажется борьба между Урарту и Мана в царствование Аргишти I, когда, как мы узнаем из анналов этого царя, урартийцы почти каждый год шли походом против Мана. Обращает внимание также то, что эти частые экспедиции против Манейской страны, повидимому, были сравнительно большого масштаба. На это указывают огромные цифры убитых манейских воинов, а также захваченных в Мана пленных и разной добычи, если бы даже допустить, что эти цифры содержат определенное преувеличение (в анналах царей Аргишти и Сардура упоминаются десятки тысяч убитых или захваченных пленными манейских воинов и десятки тысяч захваченного в Мана мелкого и крупного рогатого скота, коней, верблюдов и т. д.). Урартийцы не только опустошают страну манейцев, уносят добычу, увозят пленных, обязывают местное население платить дань и т. п., но уже с ранних времен стремятся к присоединению отдельных районов Мана. В надписи Таш-тепе (CICH, 20), где царь Менуа говорит о завоевании страны Мана и города Meišta, упоминается также построение (вероятно, в районе завоеванного Meišta) крепости, цитадели (EKALLU). Видно, что урартийцы стараются утвердиться в этом пограничном районе страны Мана: строят крепость, оставляют урартский гарнизон и т. п. Наследник царя Менуа на урартском престоле, Аргишти I, при изложении событий одного своего похода в Мана также упоминает построение (вероятно, на завоеванной, отнятой у манейского царя, территории) города Argištiḫinili (S a y s e, 40 : 72).

Урартийцы, по всей вероятности, теснили страну манейцев не только со стороны территории, лежащей южнее Урмийского озера. Если правильна локализация маршрута 8-го похода царя Саргона, предложенная Тюро-Данженом, в частности, если манейские области Subi, Uišdiš и др. являлись северными районами Мана и находились восточнее и северо-восточнее Урмийского озера, то ясно, что присоединение этих манейских областей к Урарту произошло вследствие урартской экспансии вдоль северных побережий Урмийского озера².

Эта продолжавшаяся почти целое столетие борьба между могучим

¹ Во время одного своего похода в северо-восточном направлении Шамшиадад V получает дань от страны манейцев (ARAB, I, 718); в правление царицы Шамурамат в списках эпонимов (limni) несколько раз упоминается поход против страны Мана (ARAB, II, 1198); Ададнирари II же в одном месте своих надписей, между прочим, называет себя завоевателем страны Мана (Munna) (ARAB I, 739).

² В эпоху Саргона, как известно, и Uišdiš и Subi находятся уже в пределах Урартского царства: Саргон II говорит, что манейскую область Uišdiš захватил царь Урарту — Урса (ЛТ, стк. 91; ARAB, II, 152), лежащая же еще севернее манейская область Subi, которая, возможно, лишь этнически была манейской, политически же никогда и не подчинялась властителям Izirtu, повидимому, уже издавна находится в пределах Урартского царства (ЛТ, стк. 167 сл.; ARAB, II, 158).

Урарту и страной Мана привела не только к потере Манейским царством некоторых территорий, но под влиянием этих событий начался распад самого объединения манейских племен, образовавшегося под гегемонией Izirtu. Благодаря неудачам в борьбе с Урарту сильно пошатнулись позиции Izirtu как гегемона всего объединения манейских племен. Борьба за гегемонию приобретает отныне еще более острый характер. От царей Izirtu стали отпадать многие крупные единицы этого объединения. По-видимому, даже тогда, когда руководящие позиции Izirtu внутри объединения были еще прочными, это объединение не представляло собой тесно сплоченный организм; отдельные составные части этого объединения в своей внутренней жизни продолжали жить самостоятельно. Все это создало благоприятную обстановку для быстрого распада. Из источников эпохи Саргона (722—705) мы узнаем, что процесс такого распада уже далеко продвинулся вперед. Мана, т. е. территория, находящаяся еще во владении царей Izirtu, в эпоху Саргона II окружена с многих сторон враждебно настроенными образованиями. К северу от Мана (восточнее Урмийского озера) мы находим страну *Uišdiš*, правитель которой *Bagdatti* в 716 г. активно участвует в нанесении поражения Манейскому царству и убийстве манейского царя *Aza*¹. В этих событиях участвует также правитель страны *Misiandu*. Южнее Мана находилась *Bit-Daiukki* — страна правителя *Daiukku*, имя которого мы встречаем в событиях 715 г.: он, по-видимому с помощью урартского царя, присваивает определенную территорию Мана (22 крепости)². К востоку от Мана же находились страны *Zikirtu* и *Andia*, которые в эпоху Саргона кажутся самыми непримиримыми врагами Манейского царства. Правители всех этих соседних, враждебно настроенных к Мана стран в эпоху Саргона вовсе не кажутся в какой-нибудь политической зависимости от царей Izirtu. Некоторые из них, напротив, являются более сильными властителями, чем цари самой Мана. Таков, в первую очередь, царь страны *Zikirtu* — *Mitatti*: характерно, например, что в 719 г., взяв его увещаниям, города *Šuandahul* и *Durdukka*, находившиеся во владении манейского царя *Iranzu*, отнали от Мана; царь *Zikirtu* послал им на помощь свою пехоту и конницу; очевидно, что даже при отсутствии непосредственного вмешательства урартийцев на стороне своего вассала — царя *Zikirtu*, царь Мана не в состоянии справиться с положением и «усмирить» отпавшие города, которые поддерживает войско царя *Zikirtu*. *Iranzu* вынужден призвать на помощь своего сюзерена, Саргона II, и только с его помощью ему удастся восстановить свои позиции³. Также, по-видимому, не без непосредственного участия урартских войск, правителям *Zikirtu*, *Uišdiš* и *Misiandu* удается к 716 г. нанести решительное поражение царю Мана — *Aza* и убить его. На манейский престол они возвели брата убитого *Aza* — *Ullusunu*, которого, по всей вероятности, заставили дать клятву на верность урартскому царю⁴. Итак, несомненно, что в эпоху Саргона цари Izirtu не в состоянии были собственными силами противостоять беспокоящим их соседям, часто и тогда, когда эти последние выступают без непосредственной поддержки

¹ «Резюме» — надпись Саргона II, стк. 36 сл. (ARAB, II, 56).

² Анналы, стк. 75 сл. (ARAB, II, 12); «Резюме» — надпись Саргона, стк. 44 (ARAB, II, 56). Вполне возможно, что владением этого *Daiukku*, как не раз отмечалось разными исследователями, являлась именно та территория, которая в событиях 9-го года царствования Саргона II упоминается под названием *Bit-Daiukki* (Анналы, стк. 139 сл. ARAB, II, 23). Здесь, несомненно, дело касается южной периферии страны Мана, территории, находящейся южнее Урмийского озера, вблизи Ассирии (Саргон II, завоевав упоминаемые 22 крепости, включает их в пределы своего царства).

³ Анналы, стк. 32 сл. (ARAB, II, 6); ср. «Резюме» — надпись Саргона, стк. 48, 57 (ARAB, II, 56).

⁴ «Резюме» — надпись Саргона, стк. 36 сл. (ARAB, II, 56).

урартийцев. Именно на фоне такого положения приобретает большой интерес тот факт, что правители всех этих беспокоящих Мана соседних областей (Zikirtu, Uišdiš, Misiandu, Bit-Daiukki) в надписях Саргона рассматриваются как мятежники, непокорные слуги манейских царей. Победителей манейского царя Aza — правителей Zikirtu, Uišdiš и Misiandu Саргон называет «великими наместниками манейского царя — amēl šaknūti māṭ Mannai gabūti¹, Daiukku тоже, согласно Саргону, «манейский наместник» — amēl šaknu māṭ Mannai (Анн., стк. 76 = ARAB, II, 12), а по адресу царя Zikirtu — Mitatti (который по своей силе, как выше было отмечено, намного превосходил царей Мана), у Саргона сказано, что он отпал от манейского царя Ullusunu, своего господина, отверг его службу (ЛТ, стк. 80 = ARAB, II, 151) и т. д. (на самом деле, как выше было отмечено, сам Ullusunu был возведен на манейский престол царем Zikirtu и его союзниками). По отношению же к стране Uišdiš Саргон говорит, что это манейская область, захваченная царем Урарту — Урсой (ЛТ, стк. 91 = ARAB, II, 152) и т. п. Конечно, Саргон во всех этих случаях повторяет претензии манейского царского дома. Эти претензии, возможно, являются отзвуком старого положения, когда объединение манейских племен, существовавшее под гегемонией царей Izirtu, включало в себя все эти, теперь уже ставшие независимыми от манейских царей, крупные единицы.

Происходящая внутри манейского объединения борьба тесно переплеталась с борьбой иностранных держав, Ассирии и Урарту, за район Манейского царства; в эпоху своего могущества, когда цари Урарту ведут постоянные и успешные войны с Манейским царством, урартские правители, вероятно, всеми силами поощряли партикуляристические тенденции среди манейского объединения; поэтому в конце концов все отпавшие от царского дома Izirtu крупные члены манейского объединения подпадают под покровительство урартских царей. В эпоху Саргона, во всяком случае, все эти Zikirtu, Uišdiš, Bit-Daiukki, Misiandu и др. постоянно пользуются урартской поддержкой. При таких обстоятельствах царский дом Izirtu определенно берет ориентацию на поддержку Ассирии, тем более, что с середины VIII в. такая ориентация на Ассирию уже имеет определенные перспективы. Начиная с царствования Тиглатпаласара III (745—727) Ассирия, как известно, выходит из периода слабости, продолжавшегося несколько десятков лет; в борьбе с Урарту Тиглатпаласару удастся достичь больших успехов: его войска оказываются даже перед воротами столицы Урартского государства. Отныне и в юго-восточных районах Наири урартская экспансия встречает сильный отпор со стороны усилившейся Ассирии. Как мы узнаем из документов времени Саргона, позиции Урарту становятся шаткими даже в Мусасире. Возможно, что в это время цари Мана признают свою зависимость от ассирийских царей, так как уже в начале царствования Саргона II (722—705) царь Мана — Iranzu является подданным ассирийцев (Анн., стк. 32 сл. = ARAB, II, 6).

Известно, что в эпоху царя Саргона главной ареной соперничества между Ассирией и Урарту является именно район Манейского царства. В этой борьбе активно участвуют и местные силы: царский дом Izirtu стоит на стороне Ассирии, а все отпавшие от него «страны» (среди них самые значительные: Zikirtu и находящаяся, повидимому, под его политическим влиянием страна Andia)² — на стороне Урарту. Борьба идет

¹ «Резюме» — надпись Саргона, стк. 37—38 (ARAB, II, 56); ср. Анналы XIV зала, стк. 47—48; Анналы, стк. 53 (ARAB, II, 10)

² Страна Andia, так же как и Zikirtu, находилась восточнее Мана. У Ададнирари III Andia упоминается как далекая страна, находящаяся по направлению к «великому

с переменным успехом. Одно время урартской партии удастся добиться решительной победы: поощряемые урартским царем правители стран *Uišdiš*, *Zikirtu* и *Misiandu* восстают против вассала ассирийцев — манейского царя *Aza*, побеждают и убивают его¹. На манейский престол они посадили брата убитого манейского царя — *Ullusunu*, которого, повидимому, заставляют дать клятву преданности по отношению к Урарту. Это означало ликвидацию ассирофильского Манейского царства. Но в то же время это означало, несомненно, и конец гегемонии правителей *Izirtu* в районе старого объединения. Эта гегемония переходит в руки восставших областей, в первую очередь в руки сильного царя *Zikirtu*. Все это, очевидно, хорошо понимал царь *Ullusunu*, и вскоре, как только встретился случай, он поспешил возвратиться к политике своих предков — к ассирийской ориентации.

Позиции урартских царей в районе Мана были так сильны, что здесь часто даже без непосредственного вмешательства урартских вооруженных сил успешно отстаивались урартские интересы. Этого нельзя сказать по отношению к Ассирии; находившийся под ее покровительством манейский царский дом своими собственными силами не был способен расправиться даже с несколькими отпавшими от него городами, которые поддерживали войска *Zikirtu*. Для защиты ассирийских позиций Саргону приходилось систематически совершать походы в Мана. Такие экспедиции имели место в 719, 716, 715 и 714 гг. Особенно роковым для Урарту и его союзников, как известно, был 8-й поход Саргона (714 г. до н. э.). После тяжелых поражений, нанесенных во время этого похода Урартскому государству, Урарту становится второстепенным государством. Таким образом Мана была избавлена от опасного соседа. С помощью Саргона манейским правителям удается достичь некоторого расширения своих владений: Саргон отмечает, что он вернул царю *Ullusunu* манейскую область *Uišdiš* (Анн., стк. 110—111 = ARAB, II, 20), захваченную у манейцев урартским царем (ЛТ, стк. 91 = ARAB, II, 152). Саргон считает также законными претензии царей Мана на страну *Zikirtu* (ЛТ, стк. 80 = ARAB, II, 151) и т. д. Благодаря победам Саргона, вероятно, территория всех этих *Zikirtu*, *Andia* и др. или же значительная часть их в самом деле снова попадает во владение царей *Izirtu*. Таким образом, благодаря союзу с Ассирией правители страны Мана значительно расширяют границы своего царства, укрепляют свои пошатнувшиеся позиции внутри объединения манейских племен.

Усилившееся в эпоху Саргона Манейское царство лишь очень недолго остается лояльным по отношению к Ассирии. Уже очень скоро Мана начинает стремиться к освобождению от ассирийской зависимости и связанных с этим обязательств (ассирийцы, по всей вероятности, наложили на манейцев, между прочим, и обязательство платить дань)². Вскоре после Саргона Мана уже не признает себя подчиненной Ассирии, не платит дани и, наоборот, начинает теснить Ассирию. Уже Синахериб (705—681) жалуется, что манейский народ не был покорным его ярму. Он хвастается тем, что этих непокорных манейцев он увел из их страны (речь идет об уводе пленных в рабство) и заставил таскать кирпичи, т. е. работать на строительных работах³.

морю восходящего солнца» (= Каспийское море) (IR, 35, № 1, стк. 9 сл.; ARAB, I, 738). Население этой страны, возможно, этнически близко к хурритам, если судить по имени царя *Andia* — *Telusina*, которое, очевидно, хурритское.

¹ «Резюме» — надпись Саргона, стк. 36 сл. (ARAB II, 56).

² Саргон II в событиях 9-го года своего царствования упоминает о получении им дани от царя Мана — *Ullusunu* (Анн., 165—168; ARAB, II, 24).

³ D. D. Luckenbill, *The Annals of Sennacherib*, 1924, стр. 95, 104 (ARAB, II, 364, 383).

Существовавшая в эту эпоху вражда между Ассирией и Мана часто упоминается в исторических надписях ассирийских царей и в других документах: так, например, в письме Nabû-rimani (имя которого встречается в документах между 686 и 653 гг.), адресованном к ассирийскому царю (Асархаддону или Ашурбанипалу), говорится, что у посланцев народа Zalipa при проходе манейской территории манейцы отняли коней, которых те вели в качестве дани в Ассирию (WRCAE, № 165).

Характерно, что в продолжение VII в. Мана в ассирийских источниках часто упоминается в связи с киммерийцами или скифами. Из религиозных текстов эпохи Асархаддона мы узнаем, что против Ассирии создается крупная коалиция во главе с Kaštariti (правитель Kar-Kašši в центральном Загре), в которой мы, наряду с мидийцами, киммерийцами и некоторыми другими народами, видим также и манейцев (K n u d t z o n, Gebete, № 1—15.). Одно письмо Куюнджикского архива (WRCAE, № 112) как будто содержит упоминание о походе киммерийцев на Урарту из страны манейцев (если правильно восстановление названия страны «Мана»; оно восстанавливается здесь по одному лишь сохранившемуся окончанию). Из другого письма того же архива (WRCAE, 1237), которое адресовано к Асархаддону, мы узнаем, что киммерийцы активно вмешиваются в происходящую между Ассирией и Мана борьбу на стороне последней. Это обстоятельство было налицо и тогда, когда Асархаддон (681—668) посылал карательную экспедицию против манейского царя Ahširi (K n u d t z o n, Gebete, № 24), с которым впоследствии пришлось вести борьбу и преемнику Асархаддона — царю Ашурбанипалу. В своих анналах Асархаддон хвалится тем, что он рассеял непокорных манейцев, а также одолел скифа Išrakai, союз с которым не спас их (манейцев) от поражения (ARAB, II, 533). Как мы узнаем из вопросов к богу Шамашу, часть скифов во время Асархаддона жила и на территории страны манейцев (K n u d t z o n, Gebete, № 35). Правители Мана, по-видимому, не только не враждуют с вторгшимися с севера скифами и киммерийцами, но и делают их своими союзниками, поселяют их в пределах своего царства и стараются использовать их против своих внешних и внутренних врагов. По-видимому, именно благодаря этому союзу со скифами и киммерийцами цари Мана не только в состоянии эффективно защищаться от Ассирийского государства, находящегося в зените своего могущества, но даже сами теснят Ассирию и отнимают у нее ряд территорий. Ашурбанипал, например, жалуется, что во время царей, его предков, манейцы не платили дани¹ и что они захватили у Ассирии Šagru-ikbi и несколько других городов².

В начале своего царствования Ашурбанипал (668—624) устраивает большой поход против Мана³, где царствует тот же Ahšeri, имя которого упоминалось еще в памятниках времени Асархаддона. Ассирийцы одерживают победу, овладевают многими населенными пунктами, в том числе и столицей Izirtu, захватывают много добычи, пленных и т. д. Этим поражением Ahšeri воспользовались определенные круги манейского населения, которые, по-видимому, по разным причинам были недовольны правлением этого царя. Возможно, что одной из причин недовольства манейцев своим царем было увлечение манейских царей союзом со скифами и киммерийцами, поселение этих последних на манейской земле (что, может быть, принесло чувствительный вред определенной части населения) и т. п.

¹ Изд. Pierkorn'a, стр. 54—55 = ARAB, II, 786.

² Изд. Pierkorn'a, стр. 52—55 = ARAB, II, 853. Ср. Knudtson, Gebete, № 16, 19, 150 и др.

³ Изд. Pierkorn'a, стр. 50 сл. = ARAB, II, 786, 851 сл.

Ашурбанипал рассказывает, что против Ahšeri восстал народ его же страны; Ahšeri, вся его семья и братья были убиты. На манейский престол садится сын этого Ahšeri — Ualli, который, повидимому, коренным образом изменяет внешнюю политику своих предшественников: покоряется ассирийцам, посылает в Ниневию заложником своего сына Erisinni, а в гарем Ашурбанипала свою дочь. Ассирийцам он доставляет старую дань, которую во времена предшественников Ашурбанипала манейцы не посылали ассирийским царям. Ашурбанипал отмечает, что он прибавил еще 30 коней к старой дани (ARAB, II, 786).

Мы почти ничего не знаем об отношениях между Мана и Урарту в эпоху после царствования Саргона II. Повидимому, в это время роли переменились, и наступающей стороной стала Мана. Упоминание страны Мана в письме царя Ишкигулу (район современного города Ленинакан), адресованном к урартскому царю Русе II, сыну Аргишти (Bericht, 135), свидетельствует, возможно, что манейская территория, во всяком случае в эту позднюю эпоху, была распространена довольно далеко на север. Вероятно, цари Мана чувствительно расширили территорию своей страны за счет территории Урарту¹.

После Ашурбанипала в отношениях между Ассирией и Мана наступает новая перемена. В это время создается коалиция Мидии и халдейского Вавилона, направленная против Ассирии. Для Мана теперь более грозным врагом, чем Ассирия, находящаяся на пороге своего падения, стала соседняя Мидия. Поэтому не удивительно, что в это время мы встречаем манейцев в качестве союзников ассирийцев (и Египет, как известно, в это время также изменил свое отношение к Ассирии): вавилонская хроника рассказывает, что в 10-м году царствования царя Вавилона Набупаласара у города Kablini вавилонский царь одолел ассирийское войско. Здесь же он захватил много пленных, в том числе и манейцев, пришедших на помощь ассирийцам.

После падения Ассирийской империи (конец VII в.) ее территория, как известно, была разделена между Мидией и Вавилоном; территория Манейского царства в это время, несомненно, попадает в пределы Мидийского царства, а впоследствии, когда Персия кладет конец независимости Мидии, народ Мана также входит в состав Ахеменидской империи. Эти события, по всей вероятности, очень ускорили процесс иранизации населения страны Мана. Значительная часть манейцев, вероятно, постепенно подвергается полной ассимиляции с иранскими племенами.

* *

Очень немного можно сказать о вопросах экономической и социальной жизни манейского народа. Можно привести довольно большой материал из ассирийских и урартских источников², свидетельствующий

¹ На востоке манейская экспансия, повидимому, имела определенные успехи и по направлению мидийских земель: Саргон II упоминает город Erištana, находящийся на территории мидийской области Ba'it-ili («Резюме» — надпись Саргона, 67—68; ARAB, II, 58). Может быть, упоминаемая у Ашурбанипала на территории Мана область Erišteiana (изд. Pierkorn'a, стр. 52—53; ARAB, II, 853) идентична с районом этого самого города. О большом значении Манейского царства в эту эпоху (VII в. до н. э.) говорит, между прочим, и упоминание его в Библии рядом с царствами Арарата (Урарту), Ашкеназа (скифов) и мидийцев (Иеремия, 51, 1—2, 27—28; ср. ВДИ, 1947, № 1, стр. 273).

² См. особенно данные отчета VIII похода Саргона II (Fr. Thureau-Dangin, Une Relation de la Huitième Campagne de Sargon; ARAB, II, 140—178) и анналов урартских царей Аргишти I (Saussure, 37—44) и Сардура II; определенные сведения находим мы также в анналах Саргона (ARAB, II, 24) и в надписях Салманасара III (Изд. Amiaud et Scheil, стр. 68—69; ARAB, I, 587) и Ашурбанипала (Изд. Pierkorn'a, стр. 50 сл.; ARAB, II, 786, 851).

о том, что у манейцев сильно было развито как земледелие, так и скотоводство. Из видов скотоводства особенно развитым кажется коневодство; что же касается земледелия, то можно обратить внимание на то, что в Мана, повидимому, были широко развиты такие передовые отрасли земледелия, как виноградарство и садоводство; это свидетельствует о том, что в хозяйственном отношении народ Мана стоял на довольно высокой ступени развития.

Население Мана ведет оседлую жизнь. В продолжение веков один и тот же пункт (город Zirta-Izirtu) остается столицей Манейского царства. Кроме того, ассирийские и урартские источники упоминают на территории Мана много разных «городов»: Саргон II, например, хвастается тем, что он в манейской области Uišdiš захватил много городов, которым, как звездам, не было счета (ЛТ, стк. 163—164 = ARAB, II, 157). Под этими «городами» (âlu) ассирийских источников, конечно, подразумеваются вообще всякие населенные пункты, независимо от их величины и значения. Но и ассирийские источники часто проводят различие между этими населенными пунктами, называя одни «укрепленными, обнесенными стенами городами» (âlâni dannuti bit dûrâni), а другие — мелкими, неукрепленными городами (âlâni šihrûti ša limêtišunu), «мелкие города их [=укрепленных городов] окрестностей». Ашурбанипал вблизи столицы Мана, города Izirtu, захватывает укрепленные города манейского царя вместе с (другими) бесчисленными «городами»¹; в стране Zikirtu Саргон II завоевал 12 «укрепленных, обнесенных стенами городов» вместе с 84 другими городами их окрестностей (ЛТ, стк. 89 = ARAB, II, 151); царь Урарту Сардур II во время своего похода в страну Мана захватывает «укрепленные цитадели», крепости (ÊKALLU² agununili manuli и ÊKALLU agununi manu; в текстах Саргона говорится о 22 манейских крепостях (ARAB, II, 12, 56), и в других местах многократно упоминаются отдельные крепости манейцев (ARAB, II, 125, 150, 786, 851). Ассирийцы часто хвастаются разрушением укреплений, стен, тех или иных городов манейцев (ЛТ, 163—165 = ARAB, II, 157) т. д. Обращает внимание то обстоятельство, что при описании захвата и разорения «укрепленных, обнесенных стенами городов» в районе Мана, так же как и в других «странах Наири», ассирийцы отмечают, что были разрушены крепостные стены этих городов, дома же, находящиеся внутри этой ограды, были преданы огню². Что касается «городов» второго типа, мелких неукрепленных населенных пунктов (âlâni šihrûti ša limêtišunu), то в отношении их обыкновенно упоминается лишь сожжение³. Это заставляет нас думать, что в этих случаях ассирийцы имели дело только с жилищными и хозяйственными сооружениями. Укрепления огромного большинства «городов» типа âlâni dannuti bit dûrâni состояли главным образом в той ограде, которая была вокруг них, а «города» типа âlâni šihrûti ša limêtišunu были вообще лишены всяких оборонительных сооружений.

Интересно, что такой же трафарет при описании захвата этих двух типов населенных пунктов имеем мы и в урартских памятниках. И урартские источники, конечно, употребляют идеограмму «ÂLU» для обозначения всяких населенных пунктов, но в определенных случаях в урартских текстах идеограмма «ÂLU» («город») употреблена в противопоставлении

¹ Анналы Ашурбанипала, изд. Pierkorn'a, стр. 50—51 (ARAB, II, 786, 851).

² См. например: ЛТ, стк. 89—90 (ARAB, II, 151), 179—181 (ARAB, II, 158), 194—196 (ARAB, II, 159).

³ См. например: ARAB, I, 598 (Салманасар III, Монолит, кол. I, стк. 24—25); ЛТ, стк. 182 (ARAB, II, 158), 198 (ARAB, II, 159), 268 (ARAB, II, 164).

идеограмме ÊKALLU («дворец»). В таких случаях ÊKALLU употребляется в значении «цитадель, крепость» (иногда ему сопутствует эпитет agununi manu «укрепленный» — ср. ассир. âlâni dannuti bit dûrâni), ÂLU же в значении «мелкий населенный пункт». В то время как ÊKALLU урартские цари, как правило, разрушают (harharšu-), ÂLU они предадут огню (amaštu-); про действия на территории Мана Сардур II, например, говорит: III ÊKALLU¹ agununili manuli gunuša haubi XXXIII ÂLU¹ I û-ME-ni ašgubi ÊKALLU¹ harharšubi ÂLU¹ ŠARÂPU-bi — т. е. «3 крепости («укрепленные дворцы») с боем я взял, 23 населенных пункта («города») в один день я захватил, крепости (ÊKALLU¹) разрушил, населенные пункты же (ÂLU¹) предал огню»¹.

Таким образом, из письменных источников мы видим, что территория Манейского царства, так же как и вообще территория Наири-Урарту этой эпохи, была покрыта укрепленными, обнесенными стенами пунктами, вокруг которых было разбросано множество мелких, лишенных всяких укреплений поселений. Укрепленные пункты представляли собой места укрытия для населения (и его имущества, главным образом, скота) во время войны. Огромное большинство этих укрепленных пунктов, конечно, не представляло ничего значительного: здесь мы, по всей вероятности, имеем дело с пунктами, обнесенными циклопическими стенами и иногда имеющими также внутри стен цитадели (остатки таких сооружений, как известно, часто встречаются на территории древнего Наири). Такие укрепленные пункты лишь при нападении малочисленных и слабо вооруженных врагов представляли эффективные оборонительные сооружения. Войскам ассирийского или урартского царя эти укрепления, конечно, не могли оказывать серьезного сопротивления. Рядом с такими слабо укрепленными пунктами на территории Манейского царства, вероятно, были в малом количестве и сильно укрепленные, снабженные мощными оборонительными сооружениями крепости, которые создаются манейскими царями благодаря своим широким возможностям, сооружения, которые были бы эффективными в новой обстановке, при нападении многочисленных и хорошо вооруженных войск Ассирии, Урарту и других сильных соседей Манейского царства.

Конечно, при исследовании типов населенных пунктов как страны Мана, так и вообще Наири-Урарту вместе с письменными источниками нужно привлечь также данные археологических исследований. Только таким путем можно вложить соответствующее конкретное содержание в трафаретные выражения ассирийских и урартских источников, которые употребляются по адресу многих разных территорий и часто, возможно, в разных местах обозначают разное. Выше мы хотели лишь обратить внимание на некоторые замечаемые в ассирийских и урартских источниках факты, которые имеют определенное значение при изучении этого вопроса².

¹ Употребление ÊKALLU («крепость», цитадель») в противопоставлении к ÂLU («мелкий населенный пункт»), упоминание по адресу первого «разрушения» (harharšu—), а по отношению второго «сожжения» (amaštu—) в урартских источниках многократно встречается при описании походов урартских царей в разные области Наири. См. например: Sa u s e 37 : 7, 38 : 19, 38 : 44, 39 : 57, 40 : 58, 41 : 7, 43 : 24, 43 : 38, 45 : 6—7, 50 : 15—17.

² По отношению к Закавказью урартской эпохи для изучения этого вопроса большая работа проделана советскими учеными — см. например: И. И. М е щ а н и н о в, Циклопические сооружения Закавказья, ИГАИМК, XIII (1—2), вып. 4—7; о н ж е, Восточное Закавказье времен халдских завоеваний, ВДИ, 1937, № 1; Б. Б. П и о т р о в-

Во главе страны манейцев стоит царь. Власть манейских царей, вероятно, выросла из власти племенных вождей, но в эпоху, фиксируемую источниками, цари Мана, несомненно, имеют очень мало общего с вождями родового строя. Царская власть в Мана является наследственной, составляет монополию одного дома: после Iganzu престол занимает его сын Aza¹, после свергнутого с престола и убитого Aza на манейский престол садится его брат Ullusunu², после также свергнутого и убитого Ahšeri воцаряется его сын Ualli³ и т. д.

Часто ассирийцы берут сыновей манейских правителей заложниками. И это обстоятельство указывает на то, что здесь мы имеем дело с суверенными правителями. Так, например, Саргон II берет сына царя Ullusunu заложником, причем Ullusunu обнаруживает особую заботу о том, чтобы его сын не потерял прав на престол: с этой целью он приготавливает специальную надпись (ЛТ, стк. 54 = ARAB, II, 148). Повидимому, за овладение царским престолом в Мана шла борьба между отдельными представителями царского дома, за спиной которых, вероятно, часто стояли разные партии манейской аристократии. Наследника престола, находящегося вдали от Мана, в Ассирии, конечно, было бы легче всего устранить от власти. Все это заставляет, вероятно, царя Ullusunu заблаговременно принять меры для обеспечения престола за своим сыном.

Существование в Мана развитой царской власти уже а priori подразумевает существование здесь довольно сильного аристократического слоя. Источники вполне подтверждают это предположение. Явившегося перед Саргоном царя Мана Ullusunu сопровождают «вельможи» (*amêl gabâni*), «старейшины» (*šibi*), «советники» (*maliki*), которые являлись членами царского рода (*zêr bît abi-šu* «семя дома его (= царя) отца»), но вместе с ними находятся также разные должностные лица, правители отдельных областей страны, которые не принадлежали к царскому роду (*šakkanakkê, ridê* и др.) (ЛТ, стк. 31 сл. = ARAB, II, 144). Текст Луврской таблички и в другом месте упоминает манейских вельмож (*amêl gabâni*), должностных лиц — правителей, царских наместников манейской страны (*amêl šaknu*) (ЛТ, стк. 58 = ARAB, II, 148).

Что касается правителей отдельных крупных составных частей манейского объединения, правителей крупных манейских областей (которых Саргон, выражая, вероятно, точку зрения царей Мана, называет *amêl šaknûti mât Mannai gabûti* «великие (царские) наместники страны Мана»), в их лице мы, по всей вероятности, не имеем дела с вождями родоплеменных единиц. Характерно с этой точки зрения, что у одного такого «манейского правителя» Daiukku урартский царь берет заложником сына (ARAB, II, 12); это, повидимому, указывает на то, что здесь мы имеем дело с суверенным, может быть, даже наследственным правителем. Свою власть правители таких крупных составных частей манейского объединения (округов), вероятно, не получали из рук царей Izirtu. Их власть, повидимому, является плодом такого же самостоятельного развития из власти племенного вождя, как и власть самих манейских царей. В эпоху Саргона мы встречаем целую плеяду таких «манейских правителей» (царь страны Zikirtu — Mitatti, Bagdatti из Uišdiš'a, Daiukku, правитель страны Misiandu), которые, вопреки претензиям манейских царей, вполне независимы от них, а некоторые из них обладают большей силой, чем сами цари

ский и Л. Т. Гюзальян, Крепости Армении доурартского и урартского времени, ПИМК, 1933, № 5—6 и др.

¹ «Резюме» — надпись Саргона II, 36—37 (ARAB, II, 56).

² Ани., стк. 57 (ARAB, II, 10); «Резюме» — надпись Саргона II, 38—39 (ARAB, II, 56).

³ Изд. P i e r k o g n'a, стр. 54—55 (ARAB, II, 786).

Мана. Рядом с этими правителями в Мана, конечно, были и такие, власть которых (управление отдельными частями Манейского царства, а также многое другое) была получена из рук царей Izirtu. В соседнем Урарту, так же как и в Ассирии, в эту эпоху мы встречаем институт назначенных царем «правителей округов» (*bêl paḥâti*), а также много других центральных или местных должностей. Вероятно, было все это и в Мана. Саргон, как мы указали выше, упоминает манейских царских наместников (*šak-ni*) — вероятно, назначенных царями правителей отдельных областей Манейского царства, а также других, более низших должностных лиц. И этот слой манейской аристократии, вероятно, активно вмешивался в дела царского двора, в борьбу за престол, когда представлялась для этого возможность. Такие ситуации, как мы узнаем из источников, в манейской стране возникали не редко (например, эпоха Aza — Ullusunu, Ahšeri — Ualli и т. д.).

Существование суверенной, наследственной царской власти и сильной аристократии, ожесточенная борьба, происходящая вокруг царского престола, наблюдаемые в стране Мана, указывают, что процесс классовой дифференциации манейского населения в эпоху, засвидетельствованную ассирийскими и урартскими источниками, продвинулся уже далеко вперед. Несомненно, что здесь существовало резкое различие по экономическим и политическим возможностям среди свободного населения. Основную же массу эксплуатируемого населения в стране Мана, так же как и соседних государств, несомненно, составляли рабы, которых в большом количестве доставляли непрекращающиеся войны. К сожалению, за неимением соответствующих источников мы лишены возможности представить более рельефно классовую структуру манейского общества.

И. Д. Амусин

К ЭДИКТУ ТИБЕРИЯ ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРА
(OGIS, П, 669)

В эдикте префекта Египта, знаменитого Тиберия Юлия Александра (68 г. н. э.), читается (§ 7): «μελήσει δέ μοι καὶ τὰς στρατηγίας μετὰ διαλογισμὸν πρὸς τριετίαν ἐνχ(ε)ρίζειν τοῖς κατασταθησομένοις». Это место надо перевести следующим образом: «Я позабочусь о том, чтобы и должности стратегов вручать на три года вновь назначаемым лицам после проверки». Понимание этого места было затруднено до сих пор тем, что оставалось неясным, относится ли διαλογισμός к смещаемым или ко вновь назначаемым магистратам. Неясным оставалась также правовая основа πρὸς τριετίαν¹.

Действительный смысл этого места эдикта может быть теперь понят в свете знаменитого письма императора Клавдия к александрийцам (Par. Lond., 1912) от октября 41 г. н. э.

В строках 62—66 этого письма читается: ὑπὲρ δὲ τοῦ τὰς πολιτικῶν ἀρχῶν τριετίς εἶναι καὶ πάν[υ] ἐμοὶ καλῶς βεβουλευσθαι δοκεῖται, ὃ γὰρ [ἄρ]-χοντες φάβω τοῦ δῶσειν εὐθύνας ὧν κακῶς ἤρξαν μετρίωτεροι ὑμεῖν προσενη-θῆσονται τὸν ἐν ταῖς ἀρχαῖς χρόνον, т. е., «относительно того, чтобы общественные должности были трехгодичными, то мне кажется, что это очень хорошо придумано; ведь магистраты в страхе перед необходимостью дать отчет за дурное управление будут вести себя более умеренно по отношению к вам (ὑμεῖν-ὑμῖν) во время пребывания в должностях». Таким образом ясно, что источником и юридической основой этой административной реформы префекта Тиберия является письмо императора Клавдия к александрийцам.

Но в свою очередь указание императора Клавдия о сроке службы магистратов достаточно двусмысленно и понимание его облегчается эдиктом префекта Тиберия.

Прежде всего неясно, что имеется в виду под πολιτικῶν ἀρχῶν. Как известно, должностная иерархия в Египте римского времени подразделялась на две группы: а) городские чиновники λειτουργοῦντες (λειτουργιῶν χωρικῶν) во главе с гимнасиархом (γυμνασίαρχος, ἐξηγητής, κοσμητής и т. д.); государственные чиновники во главе со стратегом (στρατηγός, πράκτωρ, σιτολόγος и др.). Во время как деятельность государственных чиновников протекала совершенно независимо от городской общины, все должностные лица последней находились в полной зависимости от стратега,

¹ Ср. А. Б. Р а н о в и ч, Первоисточники по истории раннего христианства. Материалы и документы, Москва, 1933, стр. 28—29.

осуществляющего свое руководство от имени префекта. Источники не дают ясного представления о способе выбора или назначения городских магистратов. Однако известно, что городские магистраты (гимнасиархи, косметы и др.) в конечном счете избирались и утверждались в должности стратегом на основе списков, представляемых римской властью городской общиной.

Характерно, что даже после 202 г. н. э., когда снова была восстановлена βουλή, за римской властью (стратеги, эпистратеги) сохранились эти высшие прерогативы назначения и утверждения чисто городских магистратов. Таким образом, Клавдий, несомненно, имел в виду введение трехлетнего срока службы только для первой группы чиновников. В пользу этого говорит и употребленный им термин οἱ ἄρ ἄρχοντες. Для совокупности всех городских должностных лиц, избираемых из среды τῶν ἀπὸ γυμνασίου, засвидетельствован (правда, для более позднего времени) термин κοινὸν τῶν ἀρχόντων¹.

Эта просьба alexandрийцев об ограничении срока службы магистратов связана с другим их ходатайством — об учреждении βουλῆς. Этим самым alexandрийцы стремились получить самоуправление и избавиться от страшного произвола бесконтрольных чиновников. Из недавно опубликованных гиссенских папирусов² стало известно, что alexandрийцы пытались, повидимому, явочным порядком, учредить сенат и добивались утверждения его Калигулой. Так как Калигула отклонил это притязание alexandрийцев, оно было повторено в псефисме, переданной alexandрийским посольством Клавдию. В своем письме к alexandрийцам Клавдий решительно, по существу, но в дипломатичной форме отказал alexandрийцам в учреждении сената (P. Lond., 1912, 66—72). Преследуя, однако, цель умиротворения Египта после недавних потрясений и восстания (στάσις — πόλεμος — ταραχή, строки 73—74), Клавдий в своем компромиссном письме согласился с требованием alexandрийцев сократить срок службы магистратов, распространив эту меру, очевидно, только на городские магистратуры.

Однако в период времени от 41 до 66 г. н. э. положение в Египте обострилось. Произвол римских чиновников, граничивший с грабежом, незаконные поборы, сверхмерное отягощение налогами и податями, принудительный откуп и аренда государственной земли и т. д. — все это отражено в эдикте Тиберия Александра. При его вступлении в должность префекта ему пришлось столкнуться с ростом открытого и массового недовольства. Об этом он красноречиво сообщает в преамбуле своего эдикта: σχεδὸν δὲ ἐξ οὗ τῆς πόλεως ἐπέβην καταβωόμενος ὑπὸ τῶν ἐντυγχάνοντων καὶ κατ'ὀλίγους καὶ κατὰ πλῆθη <с> τῶν τε ἐνθάδε εἰσχημοεστάτων καὶ τῶν γεωργούντων τὴν χώραν μεμφομένων τὰς ἐγγύστα γενομένας ἐπηρείας (II, 10—11): «...почти с самого моего прибытия в город мне приходилось выслушивать громкие жалобы населения — как одиночные, так и массовые — со стороны местных почтеннейших людей и земледельцев, ропшущих на недавние притеснения...»

Префект пытался по мере сил исправить создавшееся напряженное положение (οὐ διέλιπον μὲν κατὰ τὴν ἐμαυτοῦ δύναμιν τὰ ἐπείγοντα ἐπανορθούμενος — II, 12) и отвечал на вполне конкретные жалобы успокоительными распоряжениями. В одном из них он затронул и вопрос о трехгодовалном сроке службы стратега.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. В § 7 эдикта говорится μελύσει δὲ μοι καὶ τὰς στρατηγίας κτλ. Возможно, что союз

¹ См., например, P. Оху., I, 54, 10—12.

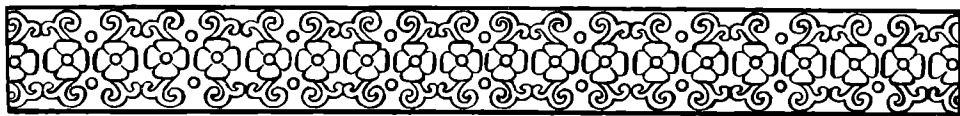
² P. Giss. 308, опубликованный в 1939 году.

καὶ поставлен здесь не случайно. Как было указано, Клавдий в своем письме имел в виду ограничить срок службы не всех магистратов. На государственных чиновников его распоряжение, повидимому, не распространялось. Между тем должность стратега была самой решающей должностью после префекта, так как стратегу подчинялись все остальные чиновники¹. В надежде смягчить невыносимый гнет и произвол чиновников население добивалось, чтобы ограничение Клавдия распространялось и на стратега. Из других мест эдикта (§ 4) также видно, что народ апеллировал к нарушенным распоряжениям Клавдия, а префект обязался сохранить в силе эти распоряжения. В данном случае требование о сроке службы стратега выходило за рамки, установленные Клавдием, и префект поэтому говорит, что он позаботится о том, чтобы также и должность стратега была трехгодичной.

Следует отметить еще следующее. Эта мера Клавдия была действительно не только для Александрии, но, как видно из эдикта Тиберия Александра, это нововведение в муниципальной жизни Александрии распространилось практически на весь Египет.

¹ Значение должности стратегов заключается в том, что они, являясь преимущественно финансовыми чиновниками, играли главную роль при сборе податей и налогов.

А. Д. Дмитриев

ПАДЕНИЕ ДАКИИ

(К вопросу о связи освободительных движений в Римской империи с вторжениями варваров)

Из всех провинций Дакия была последней покоренной римским оружием страной, и вместе с тем она была первой провинцией, которую римляне вынуждены были уступить варварскому миру.

Потеря Дакии нанесла римской мощи на Дунае тяжелый удар и имела весьма большие последствия для дальнейших судеб империи. Именно из Дакии, постепенно наводняемой северными варварами, начались первые массовые вторжения различных варварских народностей в дунайские области, на Балканский полуостров и в Малую Азию; эти вторжения в глубь Римской империи стоили ей большого напряжения и больших людских и материальных жертв. Немецкая шовинистическая историография, излагая эти вторжения, тенденциозно ставит повсюду на первое место готов — германцев, которые якобы вели за собой все другие негерманские племена. Поэтому и весь период этих вторжений в буржуазной науке получил название «готских войн». При этом самое завоевание Дакии и дальнейшие успешные вторжения варваров в глубь римской территории немецкие историки обычно объясняют «смелой отвагой и дикой храбростью германцев, которые столь часто внушали римлянам страх». Они постоянно подчеркивают у готов-германцев их «девственную энергию», их «всесокрушающую силу», их превосходство перед римским войском и ставят перед собой определенную задачу на примере этих вторжений показать не только «доблесть германского оружия», но и якобы «врожденное древним германцам стратегическое дарование, их природное стратегическое искусство»¹, которого якобы не имели все другие негерманские и, в частности, сарматские племена. Так, например, N. Jorga по поводу сармато-гетских вторжений II—III вв. писал: «эти многочисленные gentes Sarmatarum сами по себе никогда не представляли серьезной опасности для Рима... Только у германцев была действенная, угрожающая и всепобеждающая сила варварства... И только когда на границах империи появились новые варвары германской крови, начался всесокрушающий поток вторжений»². Однако такая трактовка событий извращает их истинную сущность и совершенно не соответствует действительности. Объективное и научное изучение источников позволяет сделать вывод, что готы-германцы в эпоху вторжений III в. еще плелись в хвосте

¹ Г. Дельбрюк, История военного искусства в римской политической истории, II, М., 1937, стр. 238 сл.

² N. Jorga, Geschichte des Rumänischen Volkes, I, Gotha, 1905, стр. 40.

других варварских народностей карпато-дунайского района и что самые вторжения этих народностей часто сливались с встречными волнами освободительной антиримской борьбы покоренных народов Дакии, Месии, Фракии, Паннонии и Иллирии, что ослабляло и изнуряло изнутри римскую военную мощь и обеспечивало варварам успех.

История продолжительной борьбы за Дакию и ее падение ясно обнаруживают перед нами эту связь и органическое слияние варварских вторжений с освободительной антиримской борьбой поработенных народов. Мы видим, что римская Дакия была не только первым плацдармом, откуда поток варварских народностей стал постепенно заливать империю, она была вместе с тем и первым местом, где поработенное туземное население консолидировалось с окружающим варварским миром для совместной борьбы против римского хищника и насильника.

Что представляла собой римская Дакия к моменту первых вторжений варваров в эту страну?

Опустошенная ужасными войнами Траяна, в которых погибла лучшая часть храбрых туземцев, Дакия после ее покорения была колонизована с большой поспешностью римскими и романизированными элементами, переселенными «ex toto orbe romano»¹. Из Далмации для разработки золотых рудников было переселено значительное количество рабочих. Большое число переселенцев прибыло из провинции Азии, из Вифинии, Карики, Галатии, Сирии, а также из Италии.

Процент римского населения, прибывшего сюда с самого начала оккупации, был таким значительным, как ни в одной из других провинций. На месте разгромленных многочисленных дакийских *davae* образовались новые колонии и города, в которых обосновалась чрезвычайно пестрая этнически масса императорских чиновников, ветеранов, сборщиков налогов, греческих и восточных купцов, ремесленников, скупщиков рабов, спекулянтов, авантюристов и других всякого рода больших и малых дельцов. По праву победителей вся пахотная земля была захвачена, как «*praedium populi Romani*», и полностью распределена между колонистами. Так как страна была богата и доставляла для колонистов большие выгоды, то в городах скоро образовалась многочисленная прослойка рабовладельцев, которая в качестве крупных землевладельцев и богатых торговцев стала играть первостепенную роль.

Вместе с тем Дакия сделалась главным форпостом римских владений на севере. В системе римской обороны она была превращена в военно-стратегический опорный пункт, в огромную военную крепость, предназначенную запира́ть проходы для варваров с востока на запад, и с севера на юг. Пока Дакия была в руках Рима, до тех пор были невозможны массовые вторжения северных варваров в дунайские области и на Балканский полуостров.

Вот почему Дакия была военизирована и покрыта целой сетью мощных оборонительных сооружений, превративших ее в военный лагерь и в весьма сильную военную крепость. Кроме *legio XIII Gemina*, который имел главную стоянку в *Arulium*, к моменту широких варварских вторжений сюда был переведен из Нижней Месии *legio V Macedonica* и были размещены еще 9 ал, 24 когорты и 2 *numeri*, которые в совокупности состояли из 26 000 человек. Они были размещены преимущественно на границах Дакии, которые были весьма сильно укреплены.

Так, от нынешних местностей *Alsó-Posva* и *Alsó-Kosály* вплоть до местности *Tihó* к югу от Быстрицы вдоль всей северной границы были

¹ Eutrop., VIII, 6: Traianus victa Dacia ex toto orbe romano infinitas eo copias hominum transtulerat ad agros et urbes colendas.

воздвигнуты очень мощные по тому времени оборонительные сооружения, простиравшиеся в длину на 65—70 км (Meszes — линия). Они состояли из двойной линии валов, 7—8 м шириной, впереди которых был вырублен в скалистых перилах глубокий ров. На возвышенных точках этих валов были сооружены вдоль всей линии каменные башни (*castella*), которые были заняты когортами и алами. Два легиона — XIII Gemina и V Macedonica, находясь в Apulum и Potaissa, оказывались в центре этой обширной сети кастелей, расположенной веером.

На востоке Дакии все проходы Карпат были защищены линией кастелей, которые прикрывали открытые долины рек, служившие воротами для варварских вторжений. Точно так же были укреплены каменными башнями и западные границы Дакии. Система защиты дакийского плато была непосредственно соединена с обороной Верхней и Нижней Месии двойной линией кастелей, прикрывавшей южную Дакию с востока и запада. Кроме того, были обеспечены укрепленными башнями и стоянками военных отрядов (*stationes*) все главные дороги внутри провинции.

Все эти пограничные валы, рвы и каменные башни, опоясывавшие дакийский *limes*, вместе с военными *stationes* должны были представлять действительно мощную систему оборонительных сооружений, надежно обеспечивавшую империю от вторжений варваров. Но, несмотря на это, линия римской обороны была вскоре прорвана, а вслед за тем пала и сама, казалось бы, неприступная, дакийская крепость, обороняемая двумя легионами со множеством вспомогательных войск.

Скудные источники не позволяют нам говорить подробно о событиях, связанных с падением этого форпоста римской мощи на Дунае. Но все же они дают нам возможность заключить, что оборона дакийской крепости была подорвана не столько внешней варварской, сколько внутренней силой. Этой силой была освободительная борьба поработанного дакийского народа, сливавшаяся с напором варварских народностей Карпато-дунайского района.

Дакийский народ в двух тяжелых войнах был разгромлен и понес огромные потери. Многие тысячи уцелевших даков были захвачены победителями и проданы в рабство с торгов или окончили свою жизнь на арене цирка¹. Многие из молодых даков были угнаны в далекие страны во вновь созданные вспомогательные войска, согласно основному правилу римлян: *provinciarum sanguine provincias vinci* (Т а с., Hist., IV, 17). Еще больше погибло при замирении страны после войны. Нам прекрасно известны террористические приемы римских «усмирителей» во вновь завоеванных провинциях.

То же происходило и в Дакии после ее завоевания, как это можно видеть на знаменитой Траяновой колонне. На многих местах колонны изображаются сцены поджога дакийских изб (сегм. 21, 40, 92, 112 и др.), разрушение каменных зданий в дакийских городах (сегм. 56 и др.). На сегментах 28 и 57 весьма ясно представлено, как римские легионеры выгоняют даков из их жилищ и последние, безоружные, с женами, стариками и грудными младенцами в ужасе бегут, спасаясь от мести завоевателей. На сегментах 106, 107, и 110, 111 мы видим, как преследуемые и не успевшие спастись от римского меча даки достигнуты в горах и лесах конными легионерами, которые отнимают у них скот, вяжут им руки, берут их в плен и гонят через горы и леса для продажи в рабство.

«Космополитическая переплавка всех наций и племен в римлян», о которой так любят говорить буржуазные историки, коснулась далеко не

¹ Только в течение одного лишь триумфа Траян бросил на арену цирка, по словам Диона Кассия, десять тысяч пленных даков (D i o, XVIII, 15).

всего туземного населения Дакии, уцелевшего от меча Траяна, а только его верхушечного слоя. Остатки дакийской аристократии со временем оправившись от тяжелых ударов судьбы, которая обрушилась на их страну, и снова поднялись. Эти даки и их потомство хотя и находились под властью римлян, но не восставали против них. Рядом с чуждыми колонистами они скоро примирились с римским господством, ибо получали выгоду от него. Они спешили доказать свою лояльность и свою покорность оккупантам, с охотой служили в войсках римлян, которые также охотно предоставляли им высшие военные звания. Победители были милостивы к таким подданным, которые отрекались от всего родного и с смирной воспринимали все блага римской цивилизации, принимали римские имена, римские обычаи и традиции и гордились тем, что они *Romani*, а не *extranei*. Надписи часто называют нам имена таких романизированных даков, и уже ко времени так наз. «тридцати тиранов» один из них, Регалиан, мнимый потомок храброго Децебала, мог объявить себя «римским императором»¹.

Но простой дакийский народ относился с непримиримой ненавистью к римским оккупантам и римской культуре. Для него эта культура была символом утраты свободы и независимости и означала жалкую жизнь рабов, обязанных воздвигать дома и лагеря, прокладывать дороги, строить для чуждых колонистов великолепные города и обрабатывать их поля. С такой культурой уцелевшие остатки дакийского народа и его потомство никогда не могли примириться. Часть оставила свои разгромленные очаги и ушла искать нового отечества вне границ римской Дакии, на севере и северо-востоке, где проживали их единоплеменники — сабоки, косто-боки и карпы и где образовались многочисленные поселения этих так называемых «свободных даков»². Часть бежала в горы и леса и оттуда мстила римским захватчикам, ведя против них неутомимую партизанскую борьбу. В глазах римской юстиции эти даки, не желавшие подчиняться римскому игу, были только «разбойниками» (*latrones*). Большое количество дошедших до нас из Дакии и Верхней Месии надписей от II—III вв. о нападениях этих *latrones* на города и виллы³ свидетельствует об их интенсивной деятельности, и мы, конечно, должны рассматривать эти выступления не как простой бандитизм, а как особую форму освободительной антиримской борьбы дакийского народа⁴.

Оставшиеся в глубинных районах провинции поработанные даки хранили все время непримиримую ненависть к римским колонистам. Особенно в отдаленных восточных и юго-восточных областях, где почти не было римских войск, в течение всего времени оккупации росла и ширилась среди туземного элемента реакция против римского господства и угнетающих римских порядков. Там не раз поднимался дакийский народ на открытую борьбу против оккупантов, встречая поддержку «свободных даков» и *latrones*, облегчая соседним варварам проникновение в страну и нередко действуя совместно с ними.

Первое восстание даков, засвидетельствованное источниками, относится к 139 г. В это время римляне вели тяжелую войну с сарматскими племенами, которые поселились западнее Дакии между Тиссой и Дунаем (Ptolem., III, 7). Воспользовавшись затруднительным положением римлян, покоренные даки подняли восстание в тылу римских войск. Однако источники для изучения истории этого и других восстаний очень

¹ SHA, Trig. tyr., 10, 8: fuit ... gentis Daciae, Deceballi ipsius ut fertur adfinis.

² Daci liberi, Δάχοι ῥεῖστοροι, см. Dio, LXXVIII, 27, 5.

³ CIL, III, 1559, 1579, 1585, 2544, 80009, 8021, 8242, 8830, 14587; ср. также CIL, III, 6733, 10312, 10313 и AEр, 1901, № 18; 1934, №№ 72, 179, 203.

⁴ Такую же трактовку движениям *latrones* в Дакии дает и И. Кругликова в своей статье «К вопросу о романизации Дакии», ВДИ, 1947, № 3, стр. 229.

скудны. Известна только одна монета с именем Дакии, датируемая 139 г., которая, очевидно, относится к этому восстанию.

В конце 143 г. Антонин Пий снова вынужден был вести настоящую войну против восставших даков. Об этом восстании кратко упоминают Элий Аристид в своем панегирике Риму, произнесенном в апреле — июле 144 г.¹, а также биограф Антонина Пия в суммарном перечне военных действий в правление этого императора (SHA, Anton. Pius, 5, 4) и Полиен в своем приветствии Марку Аврелию и Веру². Кроме этих литературных свидетельств, имеются еще довольно ясные следы этого восстания даков в надписях. Так, один военный диплом от 144 г. показывает, что как раз в этом году гарнизоны *Dacia Superior* были усилены новыми вспомогательными войсками, к чему, конечно, принудило это восстание, с которым местные силы, очевидно, справиться не могли³. Именно на подавление этого восстания были брошены стоявшие в Месии и Паннонии когорты *cohors I Alpinorum*, *cohors II Gallorum Pannonica*, *cohors IV Hispanorum*, *cohors I Thracum sagittariorum* и, вероятно, также *cohors I Vindelicorum miliaria*. В связи с этим восстанием, возможно, стоит также и спешное укрепление новыми оборонительными сооружениями долины Малого и Большого Самоша, где находился один из главных очагов римской колонизации (AEP, 1906, № 112).

Мы можем также с большой вероятностью предположить, что этому серьезному восстанию даков сопутствовало вторжение соседних варварских народностей и, прежде всего, этнически близких им карпов. За это, как будто, говорит участие в операциях сравнительно значительных римских военных сил и выражение биографа Антонина Пия «*Dacos et multas gentes... contudit*». Кроме того, имеется одна надпись, правда, не датированная, о награждении Антонином Пием одного солдата за исключительную храбрость в войне с карпами (AEP, 1900, № 155).

В 156—157 гг. опять вспыхнуло новое большое восстание в северной части Дакии, которое подавил легат Антонина Пия M. Statius M. f. Cl. Priscus Licinius Italicus⁴. И это восстание, очевидно, приняло большие размеры, так как постоянных оккупационных войск Дакии оказалось недостаточно и в район восстания были переброшены вспомогательные войска из других провинций; из Нижней Месии — *ala I Gallorum et Pannoniorum catafractaria*, из Нижней Паннонии — *ala I Tungrorum Frontoniana* и *cohors I Augusta Nerviana velox*, которая в 107 г. числилась в войсках Мавритании Цезарианской⁵. Точно так же *cohors II Hispanorum scutata Cyrenaica*, стоявшая в южной Дакии, была переброшена отсюда на север в район восстания. Вполне вероятно, что три дакийских диплома от 156/157, 158 и 159 гг. были выданы солдатам военных частей, действовавших против восставших. Солдаты, очевидно, после подавления восстания были уволены и получили право гражданства *ob virtutem* и, следовательно, можно думать, что только в 159 г. восстание было повсеместно и окончательно ликвидировано. Несомненно, и легион XIII Gemina принимал участие в подавлении восстания, и поэтому вполне вероятно, что он именно после успешной ликвидации этого восстания мог

¹ Aristid., XXVI, 70, K, ed. Dindorf, I, стр. 350.

² Polyæn., Strateg., VI, praefat., ed. Woelfflin,² стр. 277; ср. «Orac. Sybill.», XII, 180 сл.

³ CIL, III, стр. 1983, Dipl. LVIII.

⁴ CIL, III, 7882; 1061 = Dessau, ILS, II, 4006; ср. CIL, III, 940, 1416; VI, 1523 = Dessau, ILS, I, 1092.

⁵ CIL, III, 1989, ср. 2328⁶⁴, Dipl. LVIII от 8 июля 158 г. = Dessau, ILS, I, 2006.

заслужить почетное прозвище *pia fidelis*, которое ему было присвоено, как показывают надписи между 8 июля 158 г. и 27 сентября 159 г. (CIL, VI, 1523; III, 17041). Сам Антонин Пий после победы над восставшими даками получил почетное прозвище «*Dacicus*», о чем говорят две африканские надписи, датируемые 157—161 гг.¹ А множество монет, отчеканенных в ознаменование этой победы, свидетельствует, насколько грозным для империи было это восстание и насколько важной считалась победа². Среди монет с различными символическими изображениями особенно интересны бронзовые монеты, на которых мы видим изображение Дакии в виде рабыни, сидящей покорно у ног воинственного Марса, который держит в правой руке *Troaeum*, а правой ногой попирает рабыню (ук. изд. F. Gnecchi, там же таблица).

Но эта рабыня не смирилась. Правда, Антонин Пий принял ряд чрезвычайных мер для предотвращения восстания дакийского народа. С этой целью вскоре после подавления последнего восстания *Dacia Superior* и *Interior* была разделена на три военных округа, названных *Apulensis*, *Malvensis* и *Porolissensis*; во главе каждого округа был поставлен императорский прокуратор, наделенный чрезвычайными полномочиями. Однако ни введенный свирепый военный режим, ни наличие сильных гарнизонов не обеспечили полного спокойствия в провинции. Надписи снова упоминают о широких движениях, во время которых были убиты высшие должностные лица Дробеты и других городов³. Возможно, эти движения относятся уже к периоду так наз. Маркоманнской войны при Марке Аврелии. Эта война, естественно, пробудила у поработанных даков надежды на освобождение от римского гнета, и они приняли в ней активное участие, оказывая то скрытую, то открытую поддержку наступавшим варварам и подрывая изнутри оборону дакийского плацдарма.

Здесь на правом фланге огромного фронта Маркоманнской войны против Рима сплоченно выступал большой союз этнически родственного карпато-дунайского варварского мира. К этому этнически единому миру принадлежали и даки, оторванные от этого единства Траяном.

Биограф Марка Аврелия называет нам некоторые из этих народностей, принимавшие участие в Маркоманнской войне. Это были буры, бессы, сабоки, костобоки и бастарны-певкины⁴. О буре упоминает Дион Кассий как о союзниках даков еще во время Траяновых войн⁵. Кроме этих народностей, в Маркоманнской войне на левом фланге варварского фронта принимал участие целый ряд других гето-дако-фракийских племен Карпато-дунайского района⁶, среди которых наиболее многочисленными были карпы (*καρπίνοί* и *Ἄρτιοι*). Таким образом, в то время как на левом фланге и в центре огромного римского фронта в Маркоманнской войне против Рима стояла коалиция германо-сарматских племен, на правом фланге образовался могучий союз гето-дако-фракийских народностей, перешедших от самообороны к наступлению. Военная

¹ CIL, VIII, 12513 = Dessau, ILS, I, 345; VIII, 20424.

² См. в изд. F. Gnecchi, *I medaglioni romani*, II, Milano, 1912, 17, 70 = Tab. 50, 7; H. Mattingly and E. A. Sydenham, *The Roman imperial coinage*, III, London, 1930, стр. 57, 89, 58, 59, 143—147.

³ Надписи: M. J. Aschner und Fr. Müller, *Die römischen Inschriften in Dacien*, Wien, 1865, № 38, стр. 8: *Lucio Julio, Lucii filio, Sergia Basso decurioni municipii Drobetae, quaestori, interfecto a latronibus*; № 887, стр. 192: *Publio Aelio Ariorto, quatuorviro annali municipii Diniernium, hic caesa a latronibus*; ср. CIL, III, 1579, 8009, 8021.

⁴ SHA, Marc., 22, 1; ср. восстановление текста у Ф. Брауна, *Разыскания в области гето-славянских отношений*, «Сборник Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук», 64 (СПб., 1899) стр. 161.

⁵ Dio, LXXVIII, 8; ср. LXXI, 18 и LXXII, 2, 4 и 3, 1, 2.

⁶ SHA, Marc., 22, 1: *gentes omnes ab Illyrici limite usque in Galliam conspiraverant*

крепость — Дакия была взята в клещи, и это именно и создавало грозную опасность для римской оборонительной линии на всем огромном театре военных действий. Опасность увеличивалась еще тем, что внутри самой Дакии навстречу наступающему врагу поднималось на борьбу поработенное туземное население.

Мы знаем, что уже в 168—169 гг. вождь «свободных даков» Тарб, вторгшись в Дакию, дошел до самой Децебаловой столицы Сармизегетызы (D i o, LXXI, 11). И как раз во время этого вторжения вспыхнуло восстание в Дакии против римских оккупантов. Гарнизоны укрылись в укрепленных городах, а открытые места подвергались опустошению. Одна надпись уведомляет нас о том, что столице Дакии угрожала «двойная опасность»¹. Эта двойная опасность могла произойти только вследствие восстания даков, в то время как извне вторглись в глубь Дакии «свободные даки». Город *Alburnus major* (ныне *Verespatak*) в горном золотопромышленном районе был сожжен, и пришедшие рудокопы должны были оттуда бежать. (CIL, III, 1289). Вполне возможно, что туземные жители, скрывавшиеся в этих горах от римского гнета («*latrones*»), теперь выходили из своих убежищ на борьбу совместно с пришедшими соплеменниками, что и нашло свое отражение в целой серии надгробных надписей, поставленных на могилах знатных колонистов, убитых «разбойниками». По крайней мере после окончания Маркоманнской войны для безопасности рудников потребовалась полная военизация их, и вместо императорских вольноотпущенников прокураторами рудников стали назначаться высшие офицеры — *beneficiarii* (CIL, III, 1289).

Нельзя забывать и того, что ко времени Маркоманнской войны в тылу Дакии, а именно в Месии жили тысячи даков, переселенных туда римлянами в качестве рабов и колонов. Об этих скромных *vernaculi* дакийского происхождения часто упоминают надписи из Нижней Месии². И теперь, во время событий в Дакии, и для этих не поддававшихся романизации бедных *vernaculi* блеснул луч надежды на возможность лучшей жизни, которую можно было добыть только кровавой борьбой. Они, несомненно, поднимали восстания в тылу римских войск.

У нас есть указания, что Нижнемесийский *legio V Macedonica*, мобилизованный и отправленный на дакийский фронт, тем не менее вел свои военные операции, оставаясь в тылу Дакии, в Верхней Месии; и сам легат *Moesiae Superioris et Daciae trium M. Claudius Tib. f. Quirin Fronto*, командовавший правым флангом, после единственного счастливого сражения погиб в борьбе на территории Месии (в 170 г.)³.

Очевидно, пламя опустошительного восстания слилось с вторжением и разлилось по всей Месии. Линия Дуная была прорвана, и война для римлян теперь приняла характер не столько борьбы с наступающим внешним врагом, сколько ожесточенной борьбы с освободительным движением поработенных народов Дакии, Месии и Фракии. Этой поддержкой угнетенных масс дунайских провинций были сильны варвары, и, наоборот, эта поддержка ослабляла силу римских войск.

Только эта внутренняя освободительная борьба позволила костобокам в 170 г. совершить глубокий рейд на Балканский полуостров. П а в с а н и й (X, 34, 5), как современник, сообщает, что костобоки не встречали нигде серьезного сопротивления. Мы знаем также, что когда костобоки устремились в Малую Скифию (Добруджу), то местные даки — *vernaculi*

¹ «Eph. épigr.», IV, № 188.

² CIL, III, 7437 (= 6150), col. I, 1, 52 и col. II, 1, 19.

³ CIL, III, 1457, 7505 = D e s a u, ILS, 2311, 1097, 1098. В Сармизегетузе ему был воздвигнут памятник: *fortissimo duci, amplissimo praesidi*.

захватывали земли у римских колонистов. Гельвий Пертынакс, наместник двух Месий, затем Дакии и позднее император, пацифицировал Малую Скифию после нашествия костобоков. Он утверждал повсюду старый римский порядок и возвращал захваченные даками земли их прежним владельцам — колонистам (CIL, III, 14437, 2).

Мы знаем также, что в это время прорыва варварами дакийского фронта происходили волнения угнетенных масс даже в глубоком тылу, далеко от театра военных действий. В Малой Азии народ волновался, ожидая скорой гибели ненавистного Рима. Как Марик во времена Вителлия в Галлии и как пророчицы во время Нерона в Британии, так и сейчас в Малой Азии вставали пророки и, проповедуя о скором конце римского господства, возбуждали народ.

В поэзии «Сивиллиных оракулов» запечатлелись эти гневные речи народных пророков, отражавших в своих речах чувство гнева, которым террористический режим империи переполнял народные сердца.

*«Вот приблизилась уже, царь, к тебе смерть,
как родимый брат,
Не избежишь в тебя пущенной острой стрелы»¹.*

*«Как же будешь горевать ты тогда, гордая царица.
Заменится черной одеждою мантия пурпурная твоя,
Оставишь ты царскую пышность свою навсегда,
И падут из рук легионов твоих орлы, чтоб не встать
никогда.*

*Где же помощь тогда ты найдешь? Кто захочет тебя
защитить?»*

*Защитить ту, кто так долго весь мир принуждал
Подчиняться несправедной власти твоей»².*

Эсхатологические чаяния христианских масс переводились на язык реальной действительности, и надежды на скорое освобождение от римского гнета связывались с вторжениями и победами варваров. Ширились все более толки, что эти варвары положат конец Риму, что они идут как мстители бога и что под их ударами скоро рухнет весь мир неправды и зла и страшные муки постигнут этих гордых и знатных римлян, угнетающих народ. Массы, возбуждаемые пророками, не только идеологически, но и во внешнем поведении обнаруживали величайшую непокорность властям и готовность помочь варварам.

Хотя борьба за Дакию, происходившая в период Маркоманнской войны, окончилась поражением варваров, однако даки³ не прекратили освободительной борьбы. Восстания даков происходили и при Коммодe. В 180 г. в союзе с бурами и другими соседними племенами Дакии протосы вторглись в провинцию, но были разгромлены легатом Сибинианом⁴. По словам Диона Кассия, эти даки в количестве 12 000 надеялись освободить Дакию от римлян, но были побеждены и поселены в провинции для обработки земли и уплаты дани (D i o, LXXII, 3).

В 184 г. в союзе с соседними карпато-дунайскими племенами дакийское туземное население снова поднялось против римлян. Это было серьезное восстание, в подавлении которого участвовали лучшие офицеры Коммодa, Песцений Нигер и Клодий Альбиц, по словам Диона Кассия,

¹ «Oraс. Sybill.», XIV, 222—223 (ed. A. R z a c h).

² «Oraс. Sybill.», VIII, 71, 81—83, 86—87.

³ S y n c., стр. 665 (ed. D i n d o r f): «Ρωμαίοι... Δάκες... κατεπάχισαν».

⁴ Ср. «Prosop. imp. Rom.», III, стр. 413, № 339.

отличившиеся в этой войне¹. Об участии даков в этой войне ясно говорит биограф Коммоды (SHA, Commod., 13,5). О серьезном характере восстания можно заключить из того, что в Дакию был тогда переброшен для операций весь легион IV Flavia, которым командовал Клодий Альбин. Несомненно также, что общее тревожное положение в Дакии после подавления восстания побудило Коммоду усилить внутри провинции военный режим и провести ряд предохранительных мер для пресечения связи даков с пограничными варварскими народностями. Коммод покрыл Дакию широко разбросанной сетью охранительных сторожевых постов, а вдоль границ, в глухих местах, откуда «latrunculi» имели возможность переходить к варварам, приказал сооружать специальные наблюдательные башни (burgi) и расставил военные заставы².

Энергичный и дальновидный Септимий Север продолжал его политику и провел целый ряд мероприятий по усилению военного режима в Дакии. При нем был переведен из Нижней Месии в Potaissa на постоянную стоянку легион V Macedonica (CIL, III, 160 сл), число castra praetoria и burgi было удвоено, и была усилена сеть сторожевых постов (stationes)³. Эти мероприятия имели главной целью обезопасить Дакию от внутренних восстаний туземного населения, и, по крайней мере, в правление Септимия Севера мы не слышим ничего о новых восстаниях.

Однако его сын и преемник Каракалла снова должен был вести тяжелую войну против восставших даков, опустошивших провинцию (D i o, LVIII, 27,5). Восстание сопровождалось вторжением союза карпато-дунайских племен, во главе которого стояли карпы, и распространилось на Месию и Фракию. Весной 214 г. Каракалла на своем пути на Восток с большой армией направился в Месию и Дакию и разбил врагов в ожесточенном и кровопролитном сражении⁴; при этом в обеспечение спокойствия провинции он взял у даков заложников. В Oescus, в Нижней Месии, была найдена надпись, содержащая панегирик одному primipilaris, который участвовал в войне Каракаллы в Месии и боролся с большой храбростью против врагов (adversus hostes Carpos et res prospere et valide gestas). Эта исключительная храбрость (alacritas virtutis) доставила ему, кроме награды от императора, широкую известность в месийских городах, и Oescus избрал его председателем своего сената (princeps ordinis), а другие города присвоили ему звание сенатора (buleata) (CIL, III, 14416). Это свидетельствует, как серьезна была война и как сильно угрожала она благополучию римских колонистов. После войны в Дакию посылались императорские чиновники-усмирители, и еще при Макрине в 217 г. туда был послан прокуратор Narcisus Claudius Agrippa, который для пачификации дакийских туземцев был наделен чрезвычайными судебными полномочиями (D i o, LXXVIII, 13, 2).

Так в течение продолжительного времени вслед за оккупацией Дакии не прекращалась борьба дакийского народа против римского господства.

В своей неравной борьбе они, естественно, опирались на вторгавшиеся, этнически близкие им, племена и народности. Для них эта борьба на стороне варварского мира приобретала полный действенного порыва смысл освободительной борьбы. В этом упорном сопротивлении покоренных

¹ D i o, LXXII, 8; ср. Z o n a r., XII, 4, стр. 533 (ed. N i e b u h r); М а л а л а, XII, стр. 281 (ed. Bonn) неправильно предполагает, что война велась против генидов.

² CIL, III, 10313, ст. III, 7494, 6733, 3751, 3769—3772, 1069; AEp, 1905, № 144.

³ Cp. T e r t u l l., Apol., 2: statio militaris latronibus investigandis per universas provincias: SHA, Sever., 18, 6: latronum ubicumque hostis.

⁴ SHA, Caracall., 10, 6: et Gothi Getae dicerentur, quos ille, dum ad orientem transit, tumultuariis proeliis devicerat. Здесь месийские геты-даки ошибочно названы готами.

народов провинций римскому господству мы видим ахиллесову пятую римской военной мощи, несмотря на блестящую организацию военного дела и на безусловное превосходство римских вооруженных сил перед многочисленными, но нестройными толпами варваров.

И только в результате этой внутренней освободительной борьбы мощная оборона дакийской крепости к началу так наз. «готских войн» на Дунае была, по сути дела, уже подорвана, и удержать ее было весьма трудно. Когда началось широкое вторжение варваров в дунайские области, римское правительство еще серьезно надеялось удержать Дакию. Мы знаем, что в 235 г. на территории Дакии происходили ожесточенные битвы Максимиана с сарматами и даками¹. Точно так же и при Филиппе в 245 еще продолжались эти битвы за Дакию². Но это были уже последние отчаянные усилия сохранить этот важный военно-стратегический плацдарм. Уже при Галлиене большая часть Дакии была наводнена северными варварами, и римские войска среди враждебного туземного населения не могли больше сдерживать их напор.

Галлиен должен был частично эвакуировать Дакию³. Войска были отведены с севера этой провинции, оставив плато Трансильвании и сосредоточившись в южной части для прикрытия линии Дуная. Множество римских колонистов бежало на правый берег Дуная, зарывая свои сокровища в землю, вероятно, в надежде на возвращение⁴. Но общая ситуация не улучшалась. Малая Скифия (Добруджа) вслед за Дакией сделалась в это время настоящей *via gentium*, и коммуникации между Дакией и Месией, наводняемой варварами, были разорваны. Нельзя было более пытаться удержать Дакию, лежавшую по той стороне Дуная, ибо в тылу ее, в Месии, разыгрывались события, подобные происходившим ранее в Дакии. Это заставило Аврелиана окончательно эвакуировать Дакию. Он вывел оттуда легионы XIII Gemina и V Macedonica и все вспомогательные войска. За римской армией потянулись и колонисты: чиновники и их семейства, ветераны, жрецы, служащие, землевладельцы, купцы, спекулянты и все, существование и благополучие которых было связано с римским господством⁵. Туземное поработненное население Дакии осталось у своих бедных очагов. Они ничем не рисковали, оставаясь в родной земле среди варваров-завоевателей. Напротив, это завоевание знаменовало для него освобождение от террористического режима Римской империи.

Так пала Дакия — этот форпост римской мощи на Дунае. Она пала под двойным ударом внутренних и внешних врагов Римского государства. И тот поток прежде неведомых Риму народностей, который устремлялся из нее в глубь римской территории, возбуждал у покоренных народов Месии, Фракии, Паннонии, Иллирии, Македонии, Греции, Малой Азии, как и у даков, надежду на скорое освобождение от угнетающего римского господства и поднимал их на борьбу.

¹ Максимиан с 235 г. носит титул «Sarmaticus max., Dacicus max.», см. CIL, III, 3735, 3736, 3740; V, 8076, XII, 5559.

² Zosim., 120, 2; Evagr., Hist. eccl., V, 24; ср. CIL, III, 1054.

³ Eutrop., IX, 8; Aur. Vict., Caes., XXXIII, 3; Oros., VII, 22, 7.

⁴ CIL, III, 161 — о множестве найденных римских монет от этого времени.

⁵ SHA, Aurel., 39, 7; ср. Eutrop., IX, 15; Rufus, Brev., VIII; Malal., XII, стр. 301.

Проф. М. Е. Сергеев

КАТОНОВСКАЯ „ШКАЛА ДОХОДНОСТИ“ РАЗНЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УГОДИЙ*

Давая советы относительно покупки имения, Катон заканчивает первую главу своего «Земледелия» таким образом: «Если ты спросишь меня, какое имение будет первым, то я скажу так: сто югеров земли в самом хорошем месте со всякими участками: во-первых, с виноградником, если он дает хорошее вино или много вина; во-вторых, с поливным огородом; в-третьих, с лозняком, в-четвертых, с масличным садом; в-пятых, с лугом; в-шестых, с хлебным полем; в-седьмых, с лесом, где режут листья скоту; в-восьмых, с виноградником, где лозы выются по деревьям; в-девятых, с лесом, дающим желуди».

Архаический стиль Катона, сделавший трудным его понимание уже для ближайших поколений, был виной того, что Варрон понимал это место как определенную шкалу, по которой располагаются различные хозяйственные угоды. «Катон, — говорит один из участников его диалога «О сельском хозяйстве», — располагая по ступеням один участок над другим, установил девять разных категорий: первым он поставил тот, где могут быть виноградники, дающие много хорошего вина; вторым, где будет поливной огород, третьим, где лозняк»... и т. д. (I, 7, 9—10). Плиний, говоря о лозняке, пишет: «Катон при расценке имения определил ему третье место впереди маслинников и впереди хлебного поля и лугов» (XVI, 176). Западная наука ни одной минуты не усомнилась в правильности понимания катоновского текста его античными читателями: от Моммзена и до Тенни Франка седьмой параграф первой главы «Земледелия» являлся основой для расценки различных хозяйственных статей; выводы о том, что хлебопашество в Италии, начиная со II в. до н. э., теряет всякое значение и основывается в значительной степени на неправильном толковании этого параграфа.

Присмотримся внимательно к этому знаменитому месту и попробуем проанализировать его — насколько это возможно при нашем очень скудном материале — именно с точки зрения сравнительной доходности некоторых из перечисленных участков.

Оставим за виноградником его место: исходя из общей хозяйственной ситуации, изображенной Катонем, мы должны признать, что виноградарство было статьей, несомненно, доходной, но у нас нет материала ни для того, чтобы оставить его на первом месте, ни для того, чтобы его оттуда сдвинуть. Самым честным здесь будет сказать: *non liquet*. Но поливной огород, стоящий по своей доходности рядом с такой выгодной отраслью, как виноградник, вызывает живейшее недоумение. Плиний, восторгавшийся простотой доброго старого времени, вздыхает об испорченности

* В порядке обсуждения.

современников: «умудрились провести границу даже между травой, и богатство создало разницу в пище, цена которой грош! есть овощи, которые растут не для народа: есть капуста, настолько крупная, что на столе у бедняка она не помещается. Природа создала дикую спаржу: пусть каждый собирает ее, где хочет. И вот смотрите: вот выхоленная спаржа, которую в Равенне кладут по три штуки на фунт? О чревоугодие! удивительно было бы, если бы скотине запретили есть артишоки: а вот простому человеку это запрещено» (XIX, 54). Нет основания не верить фактам, послужившим основой для этой декламации. Но ведь Плиний писал два века спустя после Катона; мы знаем, как изменились за этот срок и времена и нравы. Тот же Плиний вспоминает о старине: «в Риме огород был именем для бедняка. Огород простому человеку заменял рынок» (XIX, 52). Исконная дешевизна овощей этими словами засвидетельствована, как засвидетельствовано предыдущей цитатой и то обстоятельство, что высокое искусство огородников, научившихся выращивать диких овощей по своим размерам и качествам, датируется поздним временем. Катон говорит о посеве репы и редьки (VI, 1; XXXV, 2), порея (47), чеснока (XXXII, 2) и мака (XXXVIII, 4); кроме того, у него упоминаются разные острые травы: укроп, рута, мята, анис, тмин, кориандр. И эта нехитрая огородинка давала доход, далеко превышавший доходность хлебной нивы и масличного сада и уступавший только доходности виноградника? трудно поверить. Кроме того, огород, требует близкого и верного места для сбыта; таким был, конечно, Рим. «Под Римом выгодно широко заниматься огородами», — пишет Варрон (I, 16,3), и Катон также рекомендует в подгородном имении «сажать всякие овощи» (VIII, 2). В I, 7, однако, речь идет не о suburbanum, так как «в имении под Римом выгоднее всего иметь arbustum — виноградник, где лозы вьются по деревьям» (VII, 1), а в нашей «шкале доходности» этому виду виноградника отведено восьмое — предпоследнее — место. Больше того, в самом пригородном имении огород отнюдь не стоит рядом с виноградником: это место занимают разные фруктовые деревья и маслины столовых сортов. Катон подробно перечисляет те сорта фруктов, которые найдут в силу своих качеств хороший сбыт (отличаются особой величиной; оказываются первинками или, наоборот, очень поздними сортами и, следовательно, особо ценятся, как фрукты «не сезонные»; могут долго лежать (см. Плиний, XV, 49—56). Не забыта даже скромная рябина. Так естественно было бы назвать те овощи, которые принесли бы хозяину особый доход. Этого нет. Овощи были, конечно, по выражению Плиния, «грошовой вещью» (XIX, 52)¹. Имело, пожалуй, смысл послать в Рим вместе с фруктами и маринадами из маслин и корзинку-другую овощей: спрос на них, разумеется, был, и что-то хозяин со своего огорода получал, но доход этот, вероятно и отдаленно не мог равняться с доходом от виноградника, а тем паче масличному саду огород в отношении доходности должен был смиренно уступить место, а не стоять впереди. Исключительное внимание, которое Катон оказывает маслине, свидетельствует о том, что для этой отрасли хозяйства наступила в его время золотая пора: значительно расширившийся рынок делал маслиноводство выгоднейшей хозяйственной статьей. Возможно ли представить себе, чтобы редька или укроп оказались доходнее, чем масличное дерево?

Пример с огородом столь красноречив, что уже он один может поколебать уверенность в том, что, перечисляя различные хозяйственные угодия, Катон имел в виду их сравнительную доходность. Проведем, однако,

¹ Вспомним, что относительно дорогая спаржа была, по замечанию Плиния, для Катона «неожиданной новинкой» (XIX, 147), с которой он познакомился поздно.

нашу работу и дальше, насколько это позволяют данные, имеющиеся в нашем распоряжении.

Третье место в «шкале доходности» занимает лозняк. Лозняк в итальянском хозяйстве был растением подсобным: «следует теперь рассказать и о том, как позаботиться о кольях, переплетах и обвязке для виноградника. Все это готовится заранее, как некое приданое для лоз. Если у хозяина всего этого нет, то незачем ему и заводить виноградник: ему придется искать все необходимое за пределами имения: на него лягут бременем не только расходы на покупку, но и очень трудная доставка. Привозить ведь все придется в самое неподходящее зимнее время» (К о л у м е л л а, IV, 30, 1—2). Поэтому, прежде чем насадить виноградник, рекомендуется отвести участок под деревья, из которых можно будет натесать кольев, и под ивняк для подвязывания лоз. Югер лозняка давал достаточно материала для 25 югеров виноградника (К о л., IV, 30, 2; П л и н и й, XVII, 147). Если принимать обычное толкование катоновского текста, то окажется, что хозяин, засадивший сто югеров лозняком, должен был знать, что по соседству с ним имеется 2500 югеров виноградника, нуждающегося в «приданом». Всегда ли обязательно такое соседство? Посмотрим, сколько лозняка сажал в своем хозяйстве сам Катон. Кроме ивняка, необходим был для виноградника и тростник, чьи длинные крепкие стебли употреблялись для переплетов, по которым вились виноградные лозы. К а т о н упоминает о нем дважды (VI, 3 и 47). Одного югера тростника хватало на 20 югеров виноградника (К о л., IV, 30, 2). Исходя из этих расчетов, Катону надлежало для своего стоюгерного виноградника отвести под лозняк 4 югера и под тростник 5. В винограднике у него имелся один человек, ведавший ивой и, разумеется, и тростником (XI, 1); так как оба растения требуют ухода тщательного, то вряд ли на долю «саликтария» приходилось значительно больше 9 югеров, нужных Катону для собственного виноградного хозяйства (виноградника на каждого рабочего приходилось по 10 югеров: XI, 1). Катон, как и следовало ожидать, обеспечивал себя всем необходимым, и так же поступал, разумеется, каждый хороший хозяин, которому полагалось быть «любителем продавать, а не покупать». В а р р о н сто лет спустя, когда торговый обмен значительно усилился и отдельные хозяйства значительно больше специализировались на определенных сельскохозяйственных отраслях, осторожно писал: «Выгодно, если по соседству есть такие города или деревни, а также богатые имения и виллы, откуда можно недорого купить то, в чем имение нуждается и которым можно продать свои излишки, например колья, шесты и тростник для виноградника» (I, 16, 3). К а т о н советовал, сажая иву, сообразить, нужна ли она хозяину, или ее можно продавать (9).

Повидимому, покупатели были далеко не всегда налицо, и в продажу шли преимущественно остатки от собственного хозяйства. При наличии одного «саликтария» таких излишков у Катона было мало. Старый цензор, очевидно, не стремился расширять свой ивняк, «стоявший по доходности впереди маслинников». Лозняк требовал для себя определенного места: «обильного водой, сырого, тенистого, возле рек» (9), и размеры площади, под него отведенной, определялись, во-первых, его собственными требованиями, а во-вторых, потребностями хозяина и рыночным спросом. Мы видели, что последний не мог быть велик. Можно вполне допустить, что лозняк и вообще «приданое» для виноградника стоило дорого. К о л у м е л л а, правда, два века спустя после Катона, клал на то, чтобы засадить югер земли виноградными лозами и снабдить его кольями и обвязкой, 2000 сестерций (III, 3, 8). Сомнительно, однако, чтобы Катон, говоря о доходности участка, имел в виду какую-то абсолютную доходность, вычисляемую в математиче-

ски-отвлеченных цифрах. Доходность определялась для него, конечно, чистой выручкой, которую он рассчитывал получить в обстановке совершенно конкретной, в реальных условиях собственного хозяйства и его окружения. Лозняк, может быть, и продавался дорого, но это не значит, что он мог принести большой доход: продажа его ограничивалась местным рынком, спрос на него был случаен (хозяйства, не имевшие лозняка в данный момент, могли через некоторый срок им обзавестись) и не велик. Мог ли он по своей доходности стоять впереди масличного сада, продуктам которого был обеспечен и верный сбыт и обширный рынок?

Займемся теперь последними «ступенями» катоновской шкалы: «на седьмом месте *silva caedua*, на восьмом — *arbustum*, на девятом — лес, дающий желуди». Ни один текст не говорит прямо, что такое *silva caedua*, но из сопоставления ряда их (В а р р о н, 1, 37, 1; П л и н и й XVII, 59; К о л., III, 3, 1) ясно видно, что это такое. Это не лес в нашем смысле слова, а скорее подлесок — невысокие деревца, которые нарочно держали низкими, чтобы удобнее было резать с них листву на корм скотине. Листья в тех хозяйствах, которые имеет в виду Катон, составляли существенную часть кормов. Использование их в качестве кормового материала было и предусмотрительно и экономно: печатать строгой бережливости, граничащей со скупостью, лежит на всем хозяйстве Катона. Напрасно было бы, однако, думать, что положение с кормами в его хозяйстве и в тех хозяйствах, которые он имел в виду, когда писал, было критическим, и что листья являлись главным ресурсом, поддерживавшим жизнь его овечьего стада и столь любезных его сердцу волов. Катоновское хозяйство располагает самыми разнообразными кормами: тут и бобовые разных сортов, и виноградные выжимки, и сено; зеленые корма и желуди, и мелкая мятая солома, оставшаяся после молотбы, с мякиной и зерном. Ее в хозяйстве было так много, что Катон рекомендует пользоваться ею в качестве подстилки (факт немаловажный при бедности в кормах и при незначительном полевом хозяйстве). Кроме того, для скота имеется и пастбище. Все это, не лишая мелкокорослый лес (*silva caedua*) его значения как поставщика зеленого, витаминного корма, не позволяет, однако, это значение преувеличивать. «Лес с желудями», т. е. в первую очередь, дубы и буки, дававшие строительный материал и материал для всяких поделок, ужели приносил меньший доход (особенно, принимая во внимание бедность Италии лесом уже в те времена), чем эти карликовые деревья, ничего не дававшие, кроме листьев, которые потреблялись в собственном хозяйстве и, конечно, не были предметом торговли?

Еще удивительнее, однако, что *silva caedua* оказалась по доходности впереди *arbustum* — виноградника, в котором лозы выются по деревьям. Расстояние, отделяющее его от *vinea*, т. е. виноградника, где лозы подвывают к кольям и шпалерам, настолько поразительно и необъяснимо, что вся западная наука постаралась его не заметить.

Современное виноградарство единодушно осуждает посадку лозы у деревьев, но древность судила иначе: считалось, что некоторые лозы хорошо идут только возле деревьев. Те аминейские лозы, которые росли на Везувии в *vinea*, в остальной Италии хорошо шли только возле деревьев (К о л., III, 2, 11); номентанская малая (хороший сорт) больше любила деревья, чем колья и переплет (К о л., III, 2, 15). Знаменитое цекубское вино давали лозы, «обвивавшиеся вокруг тополей» (П л и н и й, XIV, 61). Среди итальянских хозяев были противники *arbustum*, например Сазерна, но этот вид виноградника защищал такой хозяин, как Скрофа (П л и н и й, XVII, 199), считавший, что «виноградник сам пожирает

свой доход» (В а р р о н, I, 8, 1). Катон рекомендует *arbustum* в первую очередь для подгородного хозяйства, мотивируя свой совет тем, что *arbustum* даст дрова и хворост, которые под городом найдут легкий сбыт. Допустим, что в имении, удаленном от города, дров продать было некому (см., однако, гл. 38 об обжигании извести и приготовления угля), но *arbustum* имел ряд преимуществ, не зависевших от его местонахождения. П л и н и й очень выразительно охарактеризовал их: «...не надо здесь ни чубуков, ни плантажа, нет никаких трат на вскапывание земли; мало того, *arbustum* обладает еще той выгодной особенностью, что та же земля приносит и урожай злаков, причем это идет на пользу лозам. Сверх того, он защищен собственной высотой и не требует, как *vinea*, чтобы его защищали от животных, наносящих вред, и ограждали стеной, забором или хотя бы тратились на ров», XVII, 203 (ср. К о л., V, 6, 11 и *De arb.*, XVI, 2). Комбинированные культуры, соединение посевов и посадок, столь характерное для итальянского хозяйства, мы встречаем как раз в масличных садах и в *arbusta*. Когда К а т о н рекомендовал копать на пару ямы «для вязов, лоз и смоковниц» (27), то он советовал превращать хлебную ниву именно в *arbustum*. Имело ли смысл рекомендовать хозяину эту статью, если она по доходности своей стояла так низко?

Конкретный разбор катоновской «шкалы доходности» свидетельствует о том, что в данном параграфе Катон отнюдь не имел в виду распределения земельных участков по их доходности. Лучшим комментарием к этим строчкам может служить одно место у К о л у м е л л ы (I, 2, 3—5): «если судьба улыбнется нам, то у нас будет имение в здоровой местности с плодородной почвой, расположенное частью на равнине, частью на холмах, полого спускающихся к востоку или к югу. Одни из этих холмов обнажены, другие покрыты дремучим лесом; имение лежит недалеко от моря или от доходной реки, по которой можно вывозить урожай и подвозить товары. Перед усадьбой на ровном месте раскинутся луга, поля, заросли лоз и тростника (ср. у Катона: «луг, хлебное поле, лозняк»). Холмы без деревьев предназначены для посевов; хлеба, однако, лучше идут на равнине, в меру сырой и жирной, чем на высоких местах... Другие холмы оденутся масличными садами, виноградниками и насаждениями, которые в будущем дадут для них колья («виноградник, масличный сад» Катона), а также строительный материал (*silva glandaria* Катона)... будут пастбища... и ручьи, сбегające к лугам, огородам и зарослям тростника» («луга» и «поливной огород» Катона). Оба писателя мечтали об имении, которое представляло бы собой «полную чашу». Тенни Франк и другие буржуазные ученые глубоко заблуждаются, полагая, что Катон говорит о целом имении в сто югеров, сплошь занятых какой-либо одной культурой: виноградником, огородом и т. д.¹ Катон перечисляет все хозяйственные статьи, совокупность которых обеспечивает отдельному хозяйству независимое существование: при натуральном хозяйстве, элементы которого неизменно присутствовали в хозяйстве древних, такая автаркия была теоретически идеалом каждого хозяина, хотя бы практически он в ней не так уж и нуждался.

Почему, однако, Катон расположил все перечисленные им угодия в том порядке, какой мы и имеем в рассматриваемом нами месте? Со всей точностью мы могли бы ответить на этот вопрос только в том случае, если бы основные принципы, руководившие Катонем в его творчестве, были уже

¹ Такого толкования не позволяет точный перевод этого места. Слово «ager» употребляется у Катона в трех значениях: 1) «округ», «область», (I, 4; 136); 2) «имение» и «земля» (III, 1; VI, 1; 105; 3) «поле»; «место» и «участок» (VI, 1; VI, 2; VI, 4; XXXIV, 2; 61, 1—2; 137, 141, 1—3). Ни первое, ни второе по смыслу здесь не подходит; остается третье: *de omnibus agris* значит «от всех участков», «со всеми участками».

изучены и известны. Пока мы можем только предполагать и догадываться. Может быть, Катон перечислил все хозяйственные угодья в том порядке, в котором они были пространственно расположены в каком-то определенном имени, стоявшем перед его умственным взором. Может быть, он считал такое расположение наиболее рациональным: действительно, виноградник, огород и масличный сад должны быть ближе к дому, находиться под непосредственным надзором; а луга, хлебные нивы и лес могут быть отодвинуты на второй план. Непосредственная близость поливного огорода и лозняка вызвана тем, что обилие влаги, сырость, является условием, жизненно необходимым для обеих культур, и естественно поэтому объединить их пространственно. Может быть, здесь действовали просто ассоциации по сходству и противоположности, которыми Катон в своих писаниях часто руководился: виноградник и огород, много общего в обработке земли, — в обоих случаях требуется очень глубокое тщательное перекапывание земли и повторное неоднократное ее разрыхление; огород и лозняк: обоим нужна обильная влага; лозняк и масличный сад: древесные насаждения; масличный сад и луг: оба места могли служить и служили пастбищем, и в обоих местах косили корма скоту; луг и поле: открытые пространства; полю противопоставляется лес разного типа. Как бы то ни было, толкование I, 7 катоновского «Земледелия», как шкалы доходности отдельных сельскохозяйственных угодий, прочно утвердившееся в буржуазной науке, совершенно бездоказательно и во всяком случае должно быть пересмотрено советскими учеными.

ОТДЕЛ ПУБЛИКАЦИЙ

НАДПИСИ НА ЛЕНИНГРАДСКИХ СФИНКСАХ

В Ленинграде, на берегу Невы, против здания Всесоюзной Академии Художеств, на высоких постаментах стоят два великолепных сфинкса, изображающие фараона XVIII династии Аменхотепа III.

Сфинксы были найдены при раскопках на западном берегу Нила, напротив развалин древнего города Фив, экспедицией грека D'Athanasii (известного, под именем Яни) в 1828 г. Русское правительство решило купить их для украшения строявшейся тогда пристани против Академии Художеств. В последних числах мая 1832 г. сфинксы были привезены в Петербург и установлены на высоких гранитных постаментах на берегу Невы, где они находятся и сейчас¹. Сфинксы прекрасно сохранились. Изваяны они из прочного материала — красного сиенского гранита, позволяющего обрабатывать тонкие кромки, не разрушая материала. Размеры сфинксов колоссальные: высота 3 м 73 см, длина 5 м 43 см, ширина 1 м 78 см. Точной соразмерностью отдельных частей сфинкса достигнуто необыкновенное изящество всей фигуры. Они тщательно отполированы (полировка сохранилась до сих пор) и украшены двойной короной фараона, что является принадлежностью немногих сохранившихся сфинксов. На основании сфинксов высечены обширные надписи.

Впервые надписи на сфинксах были изданы в описании коллекций египетских древностей Эрмитажа, но только частично, с пропусками и неточностями. В 1878 г. рисунок сфинкса «А» был помещен в атласе по истории искусства Египта французского египтолога Grisse d'Avennes, но без обозначения его местонахождения. В 1901 г. надпись со стороны Невы на основании сфинкса «Б» вошла в путеводитель по Эрмитажу, изданный Треем, но подпись была скопирована также не полностью и издана без перевода. В том же году в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. XXXII, стр. 69) была помещена небольшая заметка «Сфинкс» академика Б. А. Тураева, где был дан перевод надписи сфинкса «А» со стороны берега. В 1912 г. надписи на сфинксах были воспроизведены в справочном издании Готье, но также не полностью, и одна из надписей (№ 2) была почему-то заменена другой, которой в действительности на сфинксах не существует. Этот факт, к сожалению, в литературе до сих пор не был отмечен. Наконец, в 1913 г. вышла упомянутая выше работа тогда молодого еще египтолога, а ныне академика В. В. Струве «Петербургские сфинксы». В. В. Струве дал транскрипцию и перевод всех надписей, но иероглифический текст в этом издании не был воспроизведен. С тех пор работ о сфинксах не было, и эти замечательные памятники древнеегипетского искусства, находящиеся в Ленинграде на видном месте, почему-то незаслуженно забыты. В учебниках для средней школы о них даже не упоминается. В учебном пособии по истории древнего Востока для высших учебных заведений при обилии иллюстративного материала фотографии с этих сфинксов почему-то не нашли себе места. В настоящее время удалось впервые получить хорошие фотографии тех частей надписей, которые расположены на «недоступной» стороне, обращенной к Неве, и мы имеем, таким образом, возможность воспроизвести иероглифический текст полностью. Кроме того, со времени выхода в свет

¹ См. В. В. Струве, *Петербургские сфинксы*. Спб., 1913 (ЗКОРАО, VII).

работы В. В. Струве прошло уже 35 лет, за это время египтология сделала огромные успехи, и теперь мы имеем возможность уточнить перевод и понимание указанных надписей.

Каждый сфинкс имеет по две вполне самостоятельных надписи, представляющих собой варианты титулатуры Аменхотепа III. Каждая пара надписей начинается с одного и того же знака 'nh «жизнь», стоящего перед лицом фараона, обегая лентой в разные стороны весь памятник и образуя причудливый орнамент. Заканчиваются надписи также одинаково: знаком d.t «вечность»¹.

Высота иероглифов — 23 см. Длина сохранившихся надписей сфинкса «А», стоящего дальше от моста лейтенанта Шмидта: № 1 (со стороны берега) — 5 м 85 см, № 2 (со стороны Невы) — 5 м 40 см.

Длина надписей сфинкса «Б», стоящего ближе к мосту лейтенанта Шмидта, № 3 (со стороны берега) — 6 м 47 см, № 4 (со стороны Невы) — 6 м 45 см. На груди сфинкса, между лапами, а также перед лапами находятся надписи — краткая титулатура Аменхотепа III (только 4-е и 5-е имя).

Все прежние исследователи надписей не замечали имеющихся в них ошибок² и противоречий с требованиями написания парской титулатуры, не замечали того, что надписи дошли до нас не такими, как были высечены вначале. А между тем самая судьба сфинксов заставляет предполагать, что надписи на них не могли дойти до нашего времени в первоначальном виде.

Как показывает место их находки, они стояли, очевидно, перед заупокойным храмом фараона Аменхотепа III. После царствования Аменхотепа III на престол вступил его сын Эхнатон, при котором произошел религиозный переворот. По приказу «паря-еретика» всюду закрывались старые храмы и уничтожались имена богов, в особенности же ненавистное имя бога Амона. Каменотесы тщательно выскабливали также иероглифы на обелисках и в гробницах, обозначающие священных животных — барана, гуся, знаки «m» и др. Конечно, сфинксы, стоящие на самом видном месте, не могли быть исключением, и надписи на них должны были быть стесаны в тех местах, где стояли преследуемые иероглифы.

Филологический разбор надписей подтверждает наши предположения об исправлении их, в результате чего произошла неувязка в ряде мест, нарушен смысл и допущены ошибки. 1) В надписи № 2 значится: n sp jr. t mjt .t imw h .t wpw hr jtf jmn — сочетание иероглифов, которое невозможно перевести. 2) В этой же надписи вместо обычного 3-го имени hr nb «Гор золотой» стоит знак nsw .t «царь», что в титулатуре фараона является недопустимым и не встречается в других надписях. 3) В надписи № 3 стоит mrg jmn rn knj, т. е. «любимец Амона, мощное имя», что непонятно, и в других текстах не встречается³. 4) В этой же надписи в титулатуре странным образом помещено дважды 5-е имя.

Все эти непонятные места мы тщательно обследовали и нашли явные признаки исправления и уничтожения [прежних] знаков. Знаки написаны неровно, одни с идеальной выразительностью и четкостью, другие небрежно, кое-где можно видеть остатки старых знаков за новыми. Это видно и на фотографии. Кроме указанных исправлений, нарушающих смысл, есть, конечно, исправления, которые его не нарушают. Так, например, всюду имя Амона переделано, но тщательно отполировано, переделку можно узнать по тому, что эти знаки написаны в углублениях, иногда мало заметных. В надписях, которые не видны и сфотографировать которые трудно, между лапами и перед лапами, также име-

¹ Конец надписей на сфинксе «А» отколот, но, исходя из аналогичных надписей на статуях, можно предположить, что они также заканчивались общим знаком (d.t), см. ниже.

² Впервые на часть из них в надписи со стороны берега обратил наше внимание проф. Ю. Я. Перепелкин.

³ Сравн.: jr n.f rn knj hr hst nb «он сделал мощным свое имя во всякой чужеземной стране», III, табл. 89.

Рис. 1. Сфинкс «А». начало надписей 1-й и 2-й

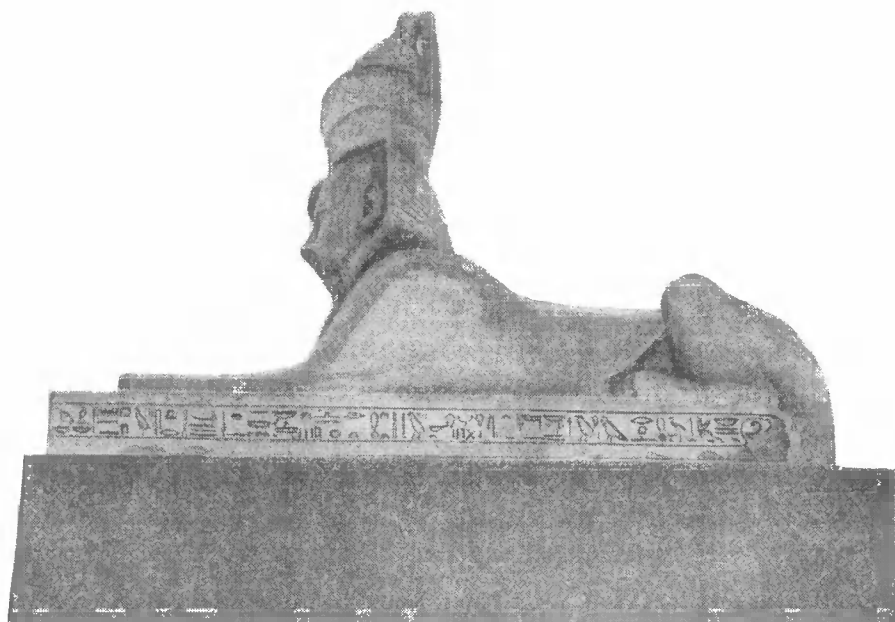

Рис. 2. Сфинкс «А», со стороны Невы, надпись № 2 (снимок публикуется впервые)

Рис. 3. Сфинкс «Б», начало надписей 3-й и 4-й

Рис. 4. Сфинкс «Б», со стороны Невы, надпись № 4 (снимок публикуется впервые)

ются явные признаки исправлений. Они особенно заметны на сфинксе «Б», где прежняя надпись грубо стесана и новая надпись высечена небрежно; некоторые знаки высечены не полностью.

Когда же произошло восстановление надписей на сфинксах? Об этом прямых указаний, конечно, мы не найдем, но у нас есть надписи, разрушенные при Эхнатоне, на которых остались пометки о восстановлении. В Каирском музее хранится большая строительная надпись Аменхотепа III (№ 34025, recto)¹. Наверху она имеет пометку: «Возобновлена царем Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра», т. е. Сети I (1337—1322 гг.). Эта надпись помещалась когда-то в храме, перед которым стояли наши сфинксы. Поскольку они находились рядом, то разрушение их в период религиозного переворота Эхнатона, очевидно, произошло одновременно. Следовательно, и восстановление надписи на сфинксах, вероятнее всего, было произведено также одновременно, в царствование Сети I.

Кроме переделок надписей, имеются также случайные повреждения, которые произошли в разное время по неизвестным причинам. Особенно пострадали надписи на сфинксе «А», кусок от задней части которого отколот. Пожалуй, слишком пессимистично мнение акад. В. В. Струве, что восстановить их не представляется возможным потому, что окончание каждой надписи различно². По аналогии с другими надписями Аменхотепа III, исходя из последовательности царских имен в полной титулатуре, а также из длины недостающих кусков надписи и сохранившихся начальных иероглифов слов, я полагаю, что с большой вероятностью можно считать правильным следующее восстановление: н а д п и с ь № 1: отколот кусок около 60 см, начало слова *šnb* («здоровье») у нас имеется, восстанавливаем его, это займет 20 см; далее, по аналогии с другими надписями, должно следовать *ʿw ḥb.f mj rʿ d.t* «причем радуется сердце его подобно Ра вечно»³. Н а д п и с ь № 2: отколото примерно 1 м 07 см. Начало 4-го имени — *pn mʿt rʿ*.

Восстановление его составит 17 см. Далее должно обязательно следовать 5-е имя: *sʿ rʿ ḥmnhp ḥkʿ wʿs.t* — 54 см. Заканчивалась надпись, очевидно, краткой заключительной формулой, как и в надписи № 3 наших сфинксов: *dj ʿnh mj rʿ d.t* «которому дана жизнь подобно Ра навечно». В надписи на сфинксе «Б» пострадала передняя часть, но сохранились следы иероглифов, по которым легко можно восстановить недостающие, как это предлагал В. В. Струве в указанной работе.

Т р а н с к р и п ц и я

Надпись № 1. Сфинкс „А“ (со стороны берега)

ʿnh ḥr kʿ nḥt ḥj m mʿ.t nb.tj šmn hpw šgrḥ tʿwj ḥr nb kʿ n nšwjw dr pḏt pśḏ nšw.t bjtj nb tʿwj „nbmʿtrʿ šwḥt rʿ sʿ rʿ mrj.f ḥmnhp ḥkʿ wʿs.t“ tjt rʿ ḥntj tʿwj ḥr nfr nb dt dj ʿnh dd wʿs š[nb ʿw ḥb.f mj rʿ dt]

Надпись № 2. Сфинкс „А“ (со стороны Невы)

ʿnh ḥr kʿ nḥt ḥj m mʿ.t nb.tj šmn hpw šgrḥ tʿwj nšw.t ᵒ mnw nb bjʿj.t n sp ir.t mjt.t ḥmw ḥʿt wpw ḥr it.f ḥmn nb nšw.t tʿwj ḥmw ḥb m rh mj dḥwtj nšw.t bjtj nb tʿwj „nb[mʿtrʿ šwḥt rʿ sʿ rʿ ḥmnhp ḥkʿ wʿs.t“ dj ʿnh mj rʿ dt]

¹ «Catalogue du Musée du Caire», Le Caire, 1909, XIV, 52 ст.

² В. В. Струве, Петербургские сфинксы, стр. 24.

³ Предлагаемое нами восстановление конца надписи совпадает полностью с концом надписи № 3024 Каирского музея и с концом одной из надписей на статуях Амона в Баркале (Нубия).

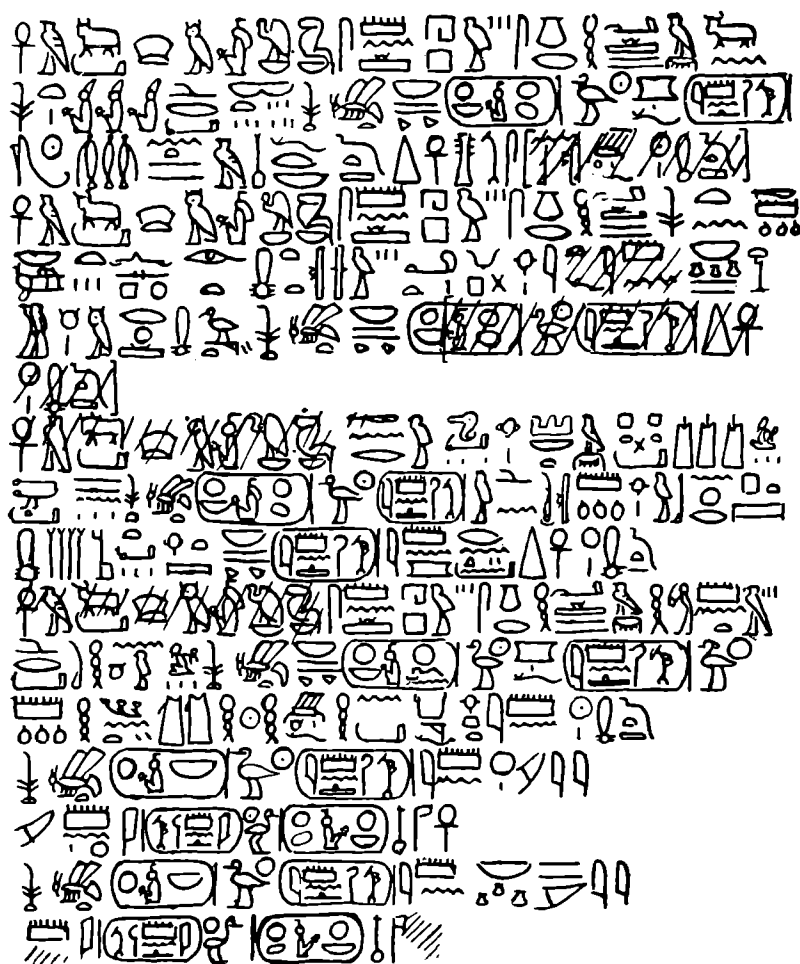

Рис. 5. Полный иероглифический текст надписей на сфинксах

Надпись № 3. Сфинкс „Б“ (со стороны берега)

‘nh hr k’ nht h’j m m^c.t nb.tj ^o nrw hr h^s.t nb.t hr nb ptpt iwn.tj
 .tj t’ sn nsw.t bjtj „nbm^c.tr^c šwht r^c“ s’ r^c „imnhtp hk’ w^s.t“ wdn mnw
 hr wbn r pt mj shn.t fdw w^s.t hrt nb t’wj „imnhtp hk’ w^s.t“ mrj imn
 rn knj dj ‘nh mj r^c.dt

Надпись № 4. Сфинкс „Б“ (со стороны Невы)

‘nh hr k’ nht h’j m m^c.t nb.tj šmn hpw šgrh t’wj hr nb h^wj mntjw
 dr thnw nsw.t bjtj nb t’wj „nbm^c.tr^c štp n r^c“ s’ r^c mrj.f. imnhtp hk’ w^s.t“,
 i^h mnw hntj h^h ‘w ib.f hn^c k^s.f hr ns.t mj imn r^c.dt

Надпись на груди и между лапами сфинкса „А“

nsw.t bjtj „nbm^c.tr^c“ s’ r^c „imnhtp hk’ w^s.t“ mrj imn r^c

Надпись перед лапами сфинкса „А“

‘nh ntr ntr „nbm^c.tr^c šwht r^c“ s’ r^c „imnhtp hk’ w^s.t“ mrj imn r^c

Надпись на груди и между лапами сфинкса „Б“

nsw.t bjtj „nbm^c.tr^c“ s’ r^c „imnhtp hk’ w^s.t“ mrj imn nb ns.t t’wj

Надпись перед лапами сфинкса „Б“

[‘nb] ntr ntr „nbm^c.tr^c šwht r^c“ s’ r^c „imn [h^tp] hk’ w^s.t“ [mrj] imn

Перевод

Надпись № 1. Сфинкс „А“ (со стороны берега)

Да живет Гор, могучий телец, воссиявший в правде ¹. Обе владычицы ², установивший законы, успокоивший обе земли. Гор золота, телец царей ³, покоритель девяти Луков. Царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка обеих земель «Небмара ⁴, отпрыск (яйцо) Ра» ⁵. Сын Ра, любимец его, «Аменхотеп властитель Фив», образ Ра перед ⁶ обоими

¹ h^c.j «восходить», «сиять». См. Wb., III, 239 «Гор, могучий телец, воссиявший в правде» — 1-е имя: в полной титулатуре фараона. Акад. В. В. Струве переводил это место «коронованный богиней Маат» (см. В. В. Струве, Петербургские сфинксы, стр. 26, в дальнейшем ссылки на эту работу). Начало всех наших надписей совпадает с надписями на храме Аменхотепа III в Луксоре.

² nb. tj «Обе владычицы». См. Wb., II, 233. 2-е имя в полной титулатуре фараонов древние столичные богини Верхнего Египта — коршун (Нехепт) и Нижнего — змея (Буто). Царь в этом имени выступает как объединитель власти над всем Египтом. В. В. Струве это место переводил «Господин диадем».

³ «Телец царей» — титул в 3-м имени фараона, не засвидетельствован нигде, кроме наших сфинксов. В указанной статье В. В. Струве неточно стоит nht «могучий» вместо n — понятия родительного падежа (см. фото).

⁴ Небмара — тронное имя Аменхотепа III, может быть переведено как «владыка правды Ра».

⁵ šwht. r^c «яйцо (отпрыск)» (см. Wb., IV, 73); в 1-й, 2-й и 3-й надписях далее следует s’ r^c «сын Ра» (см. Wb., III, 410). Оба эти значения В. В. Струве переводил как «сын Ра»; иногда такой перевод может быть и верен, но в данном случае получается в переводе тавтология, чего, конечно, нельзя ожидать от самой надписи, которая выражает здесь разные понятия.

⁶ hntj «перед», см. Wb., III, 302; в переводе В. В. Струве это слово было переведено «начальник».

землями. Гор добрый, владыка вечности, которому дана жизнь, постоянство, счастье (?), здоровье, [причем радуется сердце его подобно Ра навечно]¹.

Надпись № 2. Сфинкс „А“ (со стороны Невы)

Да живет Гор, могучий телец, воссиявший в правде. Обе владычицы, установивший законы, успокоивший обе земли. Царь ² великий памятниками, владыка чудес, никогда не было сделано подобного (...) ³ кроме отца его Амона, владыка престолов обеих земель сведущий в знаниях, подобный Тоту.⁴ Царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка обеих земель «Неб[мара] отпрыск Ра». Сын Ра, Аменхотеп, властитель Фив, которому дана жизнь подобно Ра навечно⁵.

Надпись № 3. Сфинкс „Б“ (со стороны берега)

Да живет Гор, могучий телец, воссиявший в правде. Обе владычицы, великий страхом в каждой чужеземной стране ⁶. Гор золота, поправший нубийцев, захвативший их земли. Царь Верхнего и Нижнего Египта, «Небмара отпрыск Ра». Сын Ра, «Аменхотеп, властитель Фив», жертвующий (?)⁷ памятники, восходящие до неба подобно четырем столбам, несущим небо⁸. Владыка обеих земель, «Аменхотеп⁹, властитель» Фив, любимец Амона, мощное имя ¹⁰, которому дана жизнь подобно Ра навечно.

Надпись № 4. Сфинкс „Б“ (со стороны Невы)

Да живет Гор, могучий телец, воссиявший в правде. Обе владычицы, установивший законы, успокоивший обе земли. Гор золота, побивший азиатов, покоривший ливийцев ¹¹. Царь Верхнего и Нижнего Египта. Владыка обеих земель, «Небмара, избравник Ра». Сын Ра, любимец его «Аменхотеп, властитель Фив», славный памятниками пределов вечности ¹², (причем) радуется его сердце вместе с душой его на престоле подобно Амону Ра навечно.

¹ Конец надписи, т. е. 4 слова, восстанавливается мною на основании параллельных надписей, см. выше.

² *nsw.t* высечено по стесанному знаку *ḥg nb* («Гор золота») и является неправильным (см. выше).

³ Далее следует *imw ḥ³.t* «предки», можно было бы ожидать «со времени предков», но «со времени» в тексте нет (см. выше).

⁴ Это место находит себе параллель в надписях Аменхотепа III, на основаниях статуй шаналов, находящихся около колоссов Мемнона: *m ḥ n nb m n f m p.t m t'w* «в знаниях нет ничего, чего бы он не знал на небе и на земле» (изд. F. Petrie, *Six temples at Thebes*, London, 1897, табл. IX).

⁵ Конец надписи восстанавливается мною на основании параллельных надписей и порядка следования имен в титулатуре (см. выше).

⁶ «Великий страхом в каждой чужеземной стране» — титул, который засвидетельствован только в нашем тексте.

⁷ *wdp* «жертвовать». См. Wb, I, 391; у В. В. Струве это слово переводилось как «Строитель».

⁸ По одному из представлений египтян небо держалось на 4-х столбах.

⁹ Это место восстановлено в древности неверно — противоречит правилам составления титулатуры. Имя Аменхотеп повторяется второй раз (смотри выше).

¹⁰ Это, очевидно, обрывок первоначальной надписи, иной, чем восстановленная. Сейчас это место непонятно (см. выше).

¹¹ Эти титулы часто встречаются в титулатурах фараонов.

¹² «Славный памятниками пределов вечности», т. е. вечными памятниками.

Надпись на груди и между лапами сфинкса „А“

«Царь Верхнего и Нижнего Египта, «Небмара». Сын Ра, «Аменхотеп, властитель Фив», любимец Амона Ра.

Надпись перед лапами сфинкса „А“

Да живет благой бог, «Небмара, отпрыск Ра». Сын Ра, «Аменхотеп, властитель Фив», любимец Амона Ра.

Надпись на груди и между лапами сфинкса „Б“

Царь Верхнего и Нижнего Египта, «Небмара». Сын Ра, «Аменхотеп, властитель Фив», любимец Амона, владыка престолов обеих земель.

Надпись перед лапами сфинкса «Б» такая же, как и перед лапами сфинкса «А», только хуже сохранилась.

Сфинксов таких размеров, как наши, изображающих других фараонов, сохранилось немало, например: в Луврском музее фараона Мернептаха и Рамсеса II; в Каирском музее — Аменемхета III, Тутмоса III, Рамсеса II. В Лондоне на берегу Темзы стоит сфинкс, изображающий фараона Тутмоса III.

Но сфинксов, изображающих Аменхотепа III, так искусно изваянных, с двойной короной, с таким обилием эпиграфического материала и так хорошо сохранившихся, пока не найдено, кроме наших. Это дает нам право говорить о них как об уникальных произведениях древнеегипетского искусства.

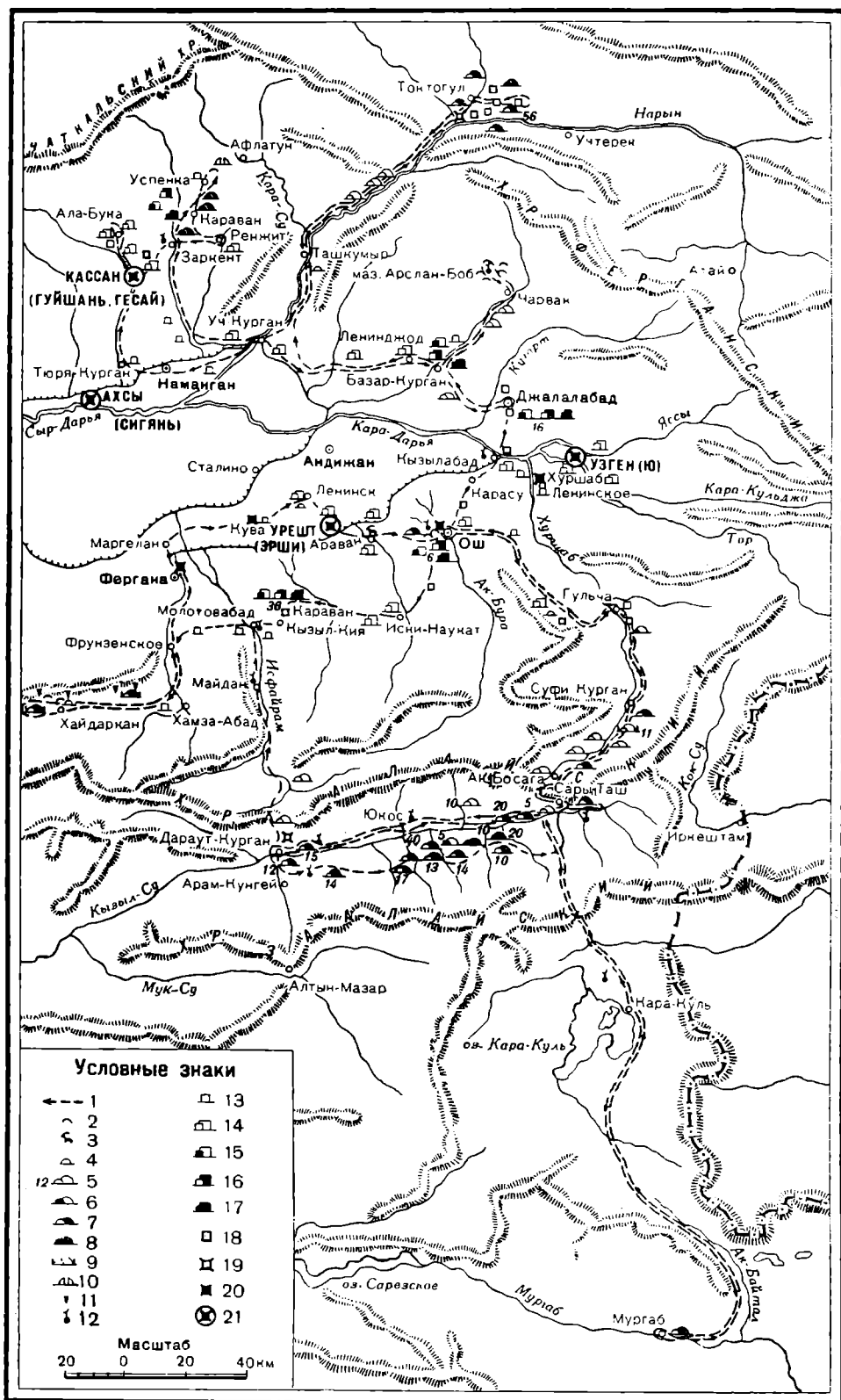
Е. В. Черезов

ДРЕВНЯЯ ФЕРГАНА

Тяньшапо-Алайская археологическая экспедиция 1946 г., организованная Киргизским филиалом АН и Ленинградским отделением ИИМК АН СССР, целиком посвятила свое внимание югу Киргизии (см. карту), памятники которого мы начали обследовать еще в 1941 г. Основная задача, поставленная перед коллективом экспедиции, связать культуры Тяньшаня и северной Киргизии с югом, найти их границы, — пути продвижения кочевников Востока на запад, процесс изменения культурных комплексов, возникающих во взаимодействии с другими культурными очагами.

Экспедиция зарегистрировала около 200 комплексов, количество отдельных памятников в которых доходило порой до нескольких десятков. Следовательно, в грубых числах количество археологических единиц превышает 2000 (городища, стоянки, тепе, курганы, горные выработки, наскальные изображения, пещеры и т. д.). Зарегистрированные памятники отмечают жизнь человека в этих районах примерно с VI тысячелетия до н. э. и до XV—XVI веков н. э. В отдельных случаях мы регистрировали и этнографические факты.

-
- 1— маршруты экспедиции; 2— пещеры; 3— наскальные изображения; 4— курган; 5— группа курганов (цифра указывает количество единиц в группе); 6—8— группа курганов (бронза, саки и усунь, тюрки); 9— курганы с каменной оградой; 10— каменобитая могила; 11— древние рудные разработки; 12— мазары; 13— отдельно стоящее тепе (многослойное); 14—17— группа тепе (многослойные, Давань, кушаны, средневековые); 18— городища; 19— Кокандская крепость; 20— древний город; 21— древние столицы Ферганы (в скобках их китайские названия).

Древняя Фергана (легенду к карте см. на стр. 100).

В экспедиции 1946 г. окончательно обрисовались археологические зоны Киргизстана в свете широких территориальных связей с северо-востоком, югом и западом.

І. Древнейшие культуры

Как и в предшествующие годы, мы не занимались исследованием возможных палеолитических точек, требующих особого типа разведки, однако там, где нам представлялось возможным, мы регистрировали пещеры, которые могут представить интерес в этом отношении.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляют: 1) долина Арсланбоба, 2) Охинская долина, 3) пещеры у Хайдаркана и по Соху и 4) по каньону р. Нарын.

Особенно большое количество пещер расположено по склонам долины Арсланбоб (киргизское название Арыстанбель). Река Арсланбоб берет начало с юго-восточных склонов гор Чаак-тау, к юго-западу от пика Вебера, составленных из нижнего отдела каменноугольной системы, и протекает в неогеновых и древнечетвертичных (нерасчлененных) отложениях.

Здесь расположены немногочисленные леса Киргизии, составляющие особый геоботанический ландшафт лесов и кустарников: 1) можжевельниковые или арчевые леса — арчевники, 2) ореховые леса, 3) широколиственные леса, 4) орехово-фруктовые, яблоневые и яблочно-сливовые леса, частично кленовые и кустарники. Заросли грецкого ореха (*Juglans fallax*) в 45—50 тыс. га, яблони, алычи, барбарисы и т. д. Большое количество дичи, горные антилопы, кабаны, водившиеся в ореховых лесах, создавали максимум благоприятных условий для жизни древнего человека. Изобилие пещер, особенно в верхней части долины — в районе поселка Арсланбоб (в 12 км к северу от центра Ачинского района — с. Чарвак), могли обеспечить древнего человека удобным жильем. У некоторых пещер расположены и родники (например, пещера Чильтан Ункур). Вторая и третья значительные группы пещер расположены в сходных условиях нерасчлененных четвертичных отложений; во-первых, в Охинской долине к западу от долины р. Шахмардан, по южным отрогам гор Катран-тау и, во-вторых, в четвертичных и нижнекаменноугольных отложениях по южным склонам западных отрогов тех же гор Катран-тау от Хайдаркана к западу, к долине р. Сох, в северной части урочища Кош-Куль. Во втором упомянутом районе отмечу пещеры в урочище Багашин у с. Тарык, а также большую пещеру над дорогой из Хайдаркана в кишлак Сур.

Пещера каньона Нарына расположена к югу от разветвления дорог Джанги-Джол — Токтогул, непосредственно над дорогой Ташкумыр — Токтогул, на стыке юрских (угленосных) и верхнепалеозойских отложений хребта Узун-Ахмат.

Более поздние памятники неолита и бронзы мы обнаружили в южной части Ферганы. Прежде всего следует отметить тепе (сильно разрушенное) на 9-м километре шоссе Ош — Кара-су к югу от дороги. Оно стоит без всяких площадок на дневной поверхности почвы и имело первоначально ясный сферический профиль, чем отличаются более ранние тепе от поздних, особенно от кушапских и средневековых, и сходно лишь с тепе даванского типа. На этом тепе были обнаружены фрагменты керамики анаусского типа, явно архаического облика и резко отличающиеся от так наз. «афраснабского Триполья», в основной своей массе доходящего до средневековья, а судя по нашим работам на Узгене в 1945 г., — до XI — XII вв. Аналогичного типа фрагменты были встречены в массе подъемного материала и в других местах и типологически могут быть возведены к культурным комплексам той же Ферганы в районе Нарынского совхоза и городища Эйлатан.

В районе г. Ош, к югу от горы Сулейман-тау, были обнаружены фрагменты серой керамики слабо напольного обжига — от горшков, приближающихся к баночной и шаровидной формам, ручной выделки, с нанесенным по плечикам сосуда чеканным орнаментом елочного типа. Керамика эта, характерная слабо развитым венчиком, геометризованными формами орнамента и технологией черепка (слабый обжиг, серый излом), явно восходит к эпохе бронзы андропо-карасукского облика, скорей всего конца II — начала I тысячелетия до н. э.

К более позднему времени относится могильник в урочище Чакмак (по течению реки Гульчи, на 85-м км шоссе Ош — Сарыташ). Здесь оказалась группа могил, отмеченных круглыми и подквадратными выкладками, слегка поднимающихся над уровнем земли, с диаметром 3—5 м. Неглубокое залегание могилы привело к полному разрушению скелета и инвентаря. Устанавливается бесспорно труположение, и в одной могиле была найдена бронзовая булава «гвоздеобразного» типа (длина 5 см), типологически относящаяся к раннескифскому периоду.

Как бы ни были малы факты из археологии этого периода, сейчас уже совершенно ясно, что близкое и неизменное сосуществование скотоводческого и земледельческого хозяйства составляет основную и характерную черту развития культуры предгорных районов Ферганы как в древнюю, так и в последующие эпохи.

II. Сако-усуньская проблема Алая и восточного Памира

Одной из важнейших задач экспедиции являлось проследить сферу распространения культуры сако-усуньского круга. Обследование показало, что в основном тяньшанский вариант (шире — семиреческий) этих культурных комплексов тянется в юго-западном направлении, находя свое наиболее яркое выражение в Алайской долине. За исключением одного места в Алае (Кийкеташ, километрах в 30 к западу от Сарыташа), курганы этого типа более измелечены, чем северо-семиреческие, ближе к центрально-тяньшанским.

Кийкеташ — это большой курган «пазырыкского» типа на правом берегу р. Кызыл-су, насыпь которого сложена из крупной гальки и камня окружающих его гор. Диаметр кургана достигает 35 м, высота — до 3 м. В центре кургана огромная воронка до 10 м в диаметре, а с востока курган пробит траншеей древних грабителей шириной до 5 м. Очевидно, курган неоднократно подвергался ограблению еще в глубокой древности. Кругом кургана намечаются скрытые в высокой траве мелкие курганы с диаметром до 10 м, высотой до 0,5 м. Аналогичный могильник близ центрального большого кургана расположен к западу, километрах в пяти от первого, в местности Кургак и составляет с Кийкеташ, очевидно, один комплекс. Всего по Алайской долине нами зарегистрированы 18 курганных комплексов. По правому берегу р. Кызыл-су, от Сарыташа до Дараут-кургана (110 км), следующие курганные группы: Арча Булак (25), Кийкеташ (5), Кургак (20), Сары Могол (10), Дараут-курган (15). По левому берегу, начиная от Дараут-кургана: Алтын дара (12), Ачи-су (14), Лай-су (17), Токуз-Кунгей западное (7), Токуз-Кунгей восточное (13), Ташты-Кунгей (40), Ничке (1), Джибек-су восточное (5), Ачикташ (10), Боокецын Таласы (20), Чумагы (10). Кроме того, по правому берегу Кызыл-су по дороге в Иркештам в урочище Ак Киндык следует отметить еще одну группу около каменного мавзолея в 14 курганов.

Таким образом, по правому берегу курганы тяготеют к районам Сарыташ и Дараут-курган; по левому они сконцентрированы в средней части долины, против незаселенных пространств правого берега. Правобережные курганы отличаются бессистемным расположением, на левом берегу преобладают планы могильников на С-Ю, вытянутые в цепочку вдоль притоков Кызыл-су. Этими чертами уже выявляются две ясные группы курганов — времени саков (в основном правый берег) и усуней (левый).

Из общего комплекса выделяются могилы в урочище Арча Булак и примыкающие к ним по форме насыпи по берегам р. Сары Могол, выложенные из крупных, порой до полуметра, камней овальной или прямоугольной формы до 6 м, по оси ориентированные С-Ю, иногда с поставленным на ребро одним камнем в северной части могилы. Подобные могилы мы зарегистрировали еще в Арпе на Центральном Тяньшане в 1944 г. Облик могил напоминает раннекиргизские погребальные сооружения.

Сакского типа курганы расположены и по Малому Алаю в урочищах Кызыл Алай, Кара Тала, Чилектер, у Кызыл Кыштака, Кызыл-кургана, Чакмака и выходят в предгорья Туркестанского хребта по линии Ош — Хайдаркан. Здесь особенно надо отметить находки керамики сакского типа с дресвой черного, серого и коричневого цвета, отно-

сительно хорошей выделки (при неблагоприятных технологических условиях), в урочище Багашин, в 12 км к западу от Хайдаркана, фактически в долине р. Сох. Еще в 1942 г. мы получили от геолога Резвого случайно найденную здесь печать с изображением яка¹, отнесенную нами к сакскому периоду. В 1946 г. мы пришли к убеждению, что перед нами могилы без курганных насыпей, в виде прямоугольных выкладок сакской эпохи с типичной керамикой этого времени. Такого типа могилы и каменные курганы имеются у западного подножья перевала Метинг-бель. Из аналогичной долины Шахимардан известна бронзовая стрелка позднескифского типа, трехгранная в сечении, с черенком².

Сопоставление упомянутого изображения яка-кутаса с изображением яка на золотой пластинке из Нарына (случайная находка) и с великолепной скульптурой фигуры яка на одном из алтарей с Иссык-Куля³ позволяет нам выдвинуть гипотезу о яке-кутасе как одном из тотемов заяк-сартских саков. Як, с его приспособленностью к горным высотам, не мог не стать почитаемым животным у народа, жизнь которого сложилась посреди этих ландшафтов. И если архар и теке могли быть и тотемами и олицетворением солирного культа, то як-кутас, скорее всего, чисто тотемное животное.

Чрезвычайно ярко выступила сако-усуньская культура, особенно ее усуньский вариант, в Кетмень-Тюбинской котловине. «Царственного» облика курганные группы расположены по левому берегу р. Нарын, где они носят название «Хан салык» («Царский клад»), затем группа курганов по левому берегу р. Узун Ахмат, тянущаяся на несколько километров, и, наконец, группа курганов на землях колхоза им. Кирова под названием Минг-тепе («Тысяча холмов»). Раскопка одного из малых курганов (h — 1 м, d — 12 м) в Узунахматском могильнике показала, по найденным там фрагментам керамики, явно усуньскую принадлежность группы. Группа состоит из 56 курганов, часть которых достигает внушительных размеров (d — 6—25 м, h — 0,5—5 м). Все они имеют мягкую земляную насыпь, в основании которой лежит каменная кладка. Могильная яма — в грунте, без обкладок, размер ее 1,5 × 3 м. Особенностью кетменьтюбинских групп является связанность курганов с поселениями, возникающими на грани нашей эры, в которых мы наблюдали керамику усуньского типа.

Таким образом, курганы, относящиеся к эпохе саков, ясно делятся на две группы: сакскую, тяготеющую к юго-западному направлению, и усуньскую, более равномерно распространенную в Восточной Фергане, причем памятники усуньской эпохи выступают достаточно ярко и в синхронных тепе оседлого типа и в равнинной части Ферганы, что известно было и до наших работ⁴, а нами также отмечено, например, в Каравантепе (Янги Наукатского района Ошской области) или в тепе Ак-ман (Базар-курганского района Джалалабадской обл.).

В недавно вышедшей весьма интересной работе академика В. В. Струве⁵ поднимается вопрос о признании теории В. В. Григорьева⁶, что саков амур-гирских следует локализовать по Мургабу в Туркмении, ибо топоним Мургаб состоит из этникона «Мург» и иранского «об» — «река», «вода». Соглашаясь с возможностью такой трактовки топонима Мургаб, мы, однако, обращаем внимание на то, что коренные области саков, которых следует признать амур-гирскими. Геродота или хаосаварга ахеменидских клинописей,

¹ «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала», Фрунзе, 1943, табл. III, рис. 21.

² Хранится в Ферганском областном краеведческом музее.

³ Б. З и м а, Иссык-Кульские жертвенники, Фрунзе, 1940. Ср. наш «Археологический очерк Северной Киргизии», Фрунзе, 1941, табл. III, стр. 24 сл.

⁴ См. Т. О б о л д у е в а, Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале, «Известия УзФАН», № 10; В. И у к о в, Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала (там же); ср. нашу работу — «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии», стр. 34.

⁵ «Поход Дария I на саков-массагетов» («Известия ОИФ», т. III, № 3, стр. 237).

⁶ «О скифском народе саках», СПб., 1872.

следует искать на востоке, за Яксартом и в районах Тяньшаня и Припамирья (восточного и северного в первую очередь). О «сакоидных» племенах этого района сообщают китайские этнографы эпохи старших Хань, перечисляя племена (с юга на север): Хюсюнь, Гюаньду, кочевников Кашмира, племена Уш и, наконец, Сэ, т. е. саков Тяньшаня. Племена эти расположены в предгорьях Прикашгарья (Сарыкол), на Алае, Ферганае и Тяньшане. В области Хотан-Яркент наблюдается ассимиляция племен, где ясно выступает тибетский компонент наряду с сакским (племена улэй).

Учитывая показания китайских источников, можно с наибольшей долей вероятности племена сакского происхождения локализовать: хюсюнь — Фергана и Алай, а гюаньду — в районе от Кашгара (Сарыкол) до Чон Алая, племена уш — в долине Юйту на Алае и Южной Ферганае. Не исключаем и фергано-тяньшанское распространение хюсюнь — гюаньду¹. Характерно, что в тюркский период Восточная Фергана (в VII—VIII вв.) была переименована в область Хюсюнь, т. е. было восстановлено одно из древних ее имен. Из показаний китайских источников II—I в. до н. э. явствует распространение сако-усуньских племен на востоке Памира. Следовательно, здесь, если принять гипотезу, что именно восточные саки были амюрги-хаомаварга, должны быть и этнонимы типа Мургаб. Это и подтверждается географией Памира: по восточному Памиру в широтном направлении протекает р. Мургаб, соединяющая Сарыкол с западным Памиром и верховьями Аму-Дарьи.

Начиная с перевала Кызыл-Арт, т. е. с Заалайского хребта до долины Мургаб, лежит высокогорная пустыня. На участках между перевалами Кызыл-Арт, Уйбулак-бель, Маркансу, Ак-Байтал мы не смогли отметить ни одного памятника глубокой древности. На низкой террасе долины Мургаб, непосредственно следующей за болотистой поймой, расположены небольшие курганы до 5—8 м в диаметре, высотой 0,20—0,30 м, вытянутые в цепочку, т. е. близкие по типу к сако-усуньским группам. Они оставлены почти случайными, недолговременными здесь обитателями, проходившими, но не постоянно жившими на этой территории. Учитывая, что неблагоприятные условия для перекочевков с севера на юг исключают возможность приписать эти курганы алайским племенам, более вероятно считать эти курганы следами движения сарыкольских племен с востока на запад, т. е. из союзов хюсюнь-гюаньду, принадлежавших к конфедерации племен амюрги-хаомаварга. Им и обязан топоним Восточного Памира — памирский Мургаб. Мургаб — это имя саков, более древнее, смененное затем этнонимами хюсюнь, уш, являющимися не чем иным, как дериватами этнонима усунь-исседон².

Мургаб не мог быть круглый год обиталищем больших племенных групп, что подтверждает и современная экономика этого района. Базой племен оставались Сарыкол и Алай, Мургаб был лишь транзитной линией движения племен на запад, скорей всего сарыкольских, так как для алайских племен этот выход на запад мог быть осуществлен по линии Кызыл-су — Сурхоб и не было надобности идти через труднопроходимые пустыни горного Памира. Учитывая, что сообщение алайских племен с сарыкольскими, т. е. племен уш с хюсюнь-гюаньду, могло осуществляться через перевал Тау-Мурун и Иркештам, можно полагать, что все эти «сакоидные» племена являются не чем иным, как результатом распада сакского пласта, саков амюргиев-хасмаварга, центром которых было Семиречье с Тяньшанем, а Сарыкол с Алаем являлись их юго-западными окраинами, обнимавшими Памир с востока и севера.

Когда подъем усуньских (исседонских) племен заставил часть сакских племен уйти из центрального Тяньшаня, то они, пройдя по проторешным дорогам в юго-западном направлении, увеличили ранее бывшую там группу им родственных племен не только в Сарыколе и Алае, но и в Кашмире и Афганистане, где они были известны еще в VI—V вв. до н. э. К этому нас склоняет то обстоятельство, что в перечислении стран в аха-

¹ См. «Проблемы истории Восточного Туркестана», ВДИ, 1947, № 2.

² О термине «усунь-исседон» ср. наш «Археологический очерк северной Киргизии», стр. 32, а также «К вопросу об усунь-кушан и тохарах», СЭ, 1947, № 3.

междиской клинописи рядом с Индией постоянно упоминаются саки, напомним «страну всадников» — Ренга в Авесте, а также указания Махабхараты и т. п.

Экспедиция 1946 г. ясно показала пути юго-западного распространения саков и усуней и роль Восточного Памира в этом расселении. Туркменистанский Мургаб выступает как продолжение памирского Мургаба, как одно из дополнительных свидетельств к вышевыставленному тезису о широком расселении амюргиев-хаомаварга. В отношении усуней экспедиция показала их выход в равнинную часть Ферганы и слияние их с земледельческой культурой последней, с поселениями эпохи «царства Давань».

III. Д а в а н ь и К у ш а н ы

Наконец, перед экспедицией встал вопрос о взаимоотношении сако-усуней с земледельческой равниной Ферганы — Даванью и сменявшими сако-усуней — кушанами.

Повествуя о Давани, Чжан-цзянь отмечает многочисленность поселений в Давани: свыше 70 больших и малых городов. Таков перевод И. Бичурина и других авторов соответствующего текста Ши-цзи, где Сымацзянем приведен рассказ Чжан-цзяня¹. На самом деле подлинный текст выглядит несколько иначе. Для наименования «города» здесь

употреблено четыре иероглифа: 城 郭 屋 室 «чэн го у ши», т. е. буквально

«городищ и предместий, усадеб и домов»². Совершенно очевидно, что если приписать эти иероглифы как две группы биномов, то все равно выступает констатация, по крайней мере, двух типов поселений: это укрепленные общинные поселения «чэн го» и одиночные усадьбы — «у ши». Характерно, что укрепленные поселения документируются и описанием «города» Эрши — центра Давани; из описания этого города в Ши-цзи следует, что укрепленные поселения состояли, минимум, из двух частей, внешней и внутренней

(«вай чэн» 外城 и «чжун чэн» 中城). В отличие от этих данных версия

Цяньханьшу, основывающаяся на Ши-цзи, выбрасывает эти топографические подробности, употребляя один и тот же термин «чэн» и сохраняя также указание их количества (70 городов)³. Для первых веков н. э. (Хоуханьшу) данных этого типа мы для Давани не знаем. Вплоть до времени Тан фигурирует один и тот же термин «чэн», но зато изменяются количественные характеристики. Чаще всего выступают названия одной столицы или двух-трех городов и множества мелких, резко противопоставляемых первым. Так, с эпохи Вэй выступает одна столица Гуйшань (Кассан). При Суй — один город, при Тан — шесть городов и около 100 мелких селений. Это положение целиком и полностью оправдалось археологическими данными.

Для времени Давань и ранних кушанов, т. е. для IV—II вв. до н. э. (Давань) и I в. до н. э. — IV в. н. э. (ранние кушаны), основной тип расселения по всей Фергане составляли отдельные укрепленные дома и городища, с меньшим ареалом для времени Давань, — большим для Кушан. Кушанское расселение является периодом максимального распространения земледельческой (и пастушеско-земледельческой) культуры в Фергане и приферганских районах.

Регистрируя и исследуя типы даваньско-кушанских форм расселения, мы выявили строгую закономерность, особенно явственно выступающую по сравнению со средневековой топографией. Для давань-кушанов характерна рассредоточенность расселения, для средневековья — сильная сосредоточенность, уменьшение количества центров расселения и опять стягивание основных центров расселения в равнинную часть Ферганы. Это положение явно выступает при характеристике отдельных таких комплексов, особенно тщательно обследованных в ряде мест: 1) Джилгинсайский комплекс (Инги Нау-

¹ И. Б и ч у р и н, ч. III, стр. 27 сл.

² Ши-цзи, гл. 123, л. 3-а.

³ Цяньханьшу, гл. 96-а, л. 17.

катского района Ошской области), 2) Чука-тепинский, 3) Акманский и 4) Караванский (Октябрьский, Базар-курганский и Караванский районы Джалалабедской области). В Джилгинсайском комплексе было зарегистрировано около 60 тепе, концентрирующихся, по крайней мере, в шести группах, вытянутых с востока на запад. Ряд тепе содержал, кроме даваньско-кушанской керамики, и мусульманскую поливную, среди которой выступают и характерные караханидские формы. В Чука-тепинской группе (у Джалалабада) было зарегистрировано 16 тепе, в Акмане 13, в Караване, по течению р. Патша-Ата, 24, в Алабукинском районе 17 больших тепе и четыре городища, у города Ош 6 больших тепе и т. д.

Для некоторых комплексов характерно такое расположение: тепе образуют линию с севера на юг, фланги которых упираются в отроги невысоких возвышенностей. За такой цепочкой к востоку часто находится городище. Таковы комплексы у Джалалабада, в Чука-тепе и у Султанабада.

Прекрасным показателем процесса уменьшения сельского типа поселений по отдельным районам являются тепе в двух комплексах: Чука-тепе и Ак-Ман.

В группе Чука-тепе мы наблюдаем количественный рост кушанского типа по сравнению с даваньским периодом на шесть тепе, снижение в раннесредневековый период и единичные тепе для всех последующих периодов. Аналогичная картина и для группы Ак-Ман: увеличение на шесть тепе при кушанах, небольшое увеличение в раннем средневековье и единичные при развитом средневековье. Другими словами, при кушанах количество отдельных домов увеличивается больше чем вдвое (11 : 5 и 8 : 3), — очевидно, за счет дальнейшего распада родовых общинных поселений «чэн», — положение, сохраняющееся вплоть до VIII в. с вариантами (небольшое увеличение или уменьшение), и резкое изменение с арабского завоевания (1 : 7 и 1 : 9).

Аналогичная картина выявилась и по другим комплексам: Караванскому и Джилгинсайскому. Последний образовал в средние века сельскохозяйственную округу Кувинского округа, связывая округ Кувы с областью Некад, центром которого, видимо, был город Мискан. В. Бартольд локализует эти районы в зоне рек Чиле и Киргиз-Ата 1 (Наукатский район), к которым тяготеет Джилгинсайский комплекс. Районы эти и в мусульманскую эпоху славились своей горнодобывающей промышленностью (Некад — золото и серебро, Сох — ртуть), что могло паряду с земледелием (и скотоводством?) составить важную статью доходов местного населения.

Приведенные выше данные наглядно рисуют основную тенденцию в расселении для трех периодов: даваньского, кушанского и средневекового, отвечающие трем основным этапам социально-экономической истории Ферганы: разложению первобытного строя (даваньский), рабовладельческому (кушанский и кушано-тюркский) и феодальному.

В дополнение к типам расселения, которые нами были прослежены в 1941 г.², отметим, что даваньского типа тепе и кушанские в своих классических выражениях резко отличаются друг от друга. Тепе даваньского типа — сферические, с тенденцией к уплощению, растянутости, почти круглые в плане, без заметных площадок — стилобатов. Они образовались путем разрушения пространного, близкого к квадратной форме, помещения, сложенного из сырца.

Ведущие типы керамики на этих тепе: грубая, ручной лепки, покрытая жидким ангобом светложелтого цвета, тесто в изломе слоистое (плохо промешанное), излом шероховатый, в тесте наличествует дресва. Орнамент, как правило, отсутствует, иногда наблюдаются нечеткие линии рисунка криволинейного орнамента (геометрического?) светлорасной (охристой) краской и темнокоричневой (марганцевой?). Сочетается эта керамика чаще всего с усуйской красной керамикой, сохраняющей внутри отпечатки текстиля (особенно на дне), имеющей на поверхности часто следы раскраски (красной краской). Реже встречается грубая тонкостенная «скифидная» керамика.

¹ В. Бартольд, Туркестан, т. II, стр. 161.

² А. Н. Бернштам, Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943, стр. 29 сл.

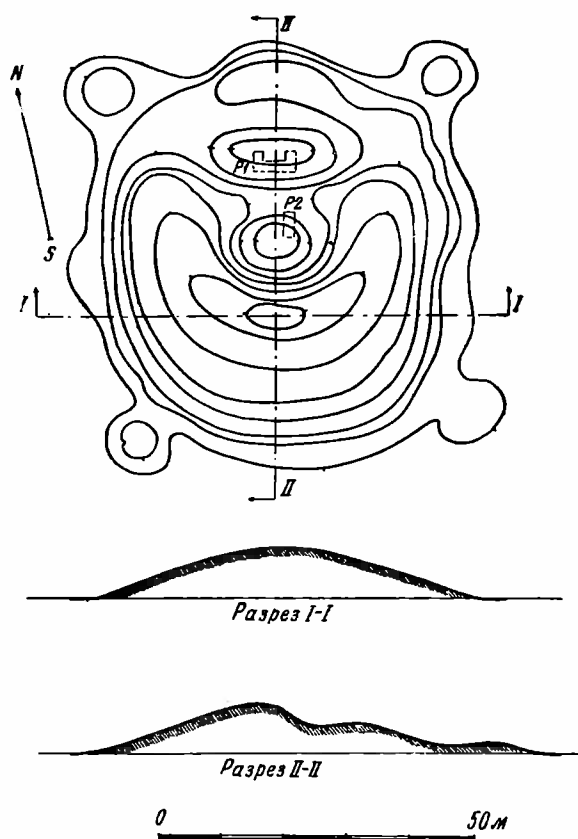

Рис. 1. Гульча

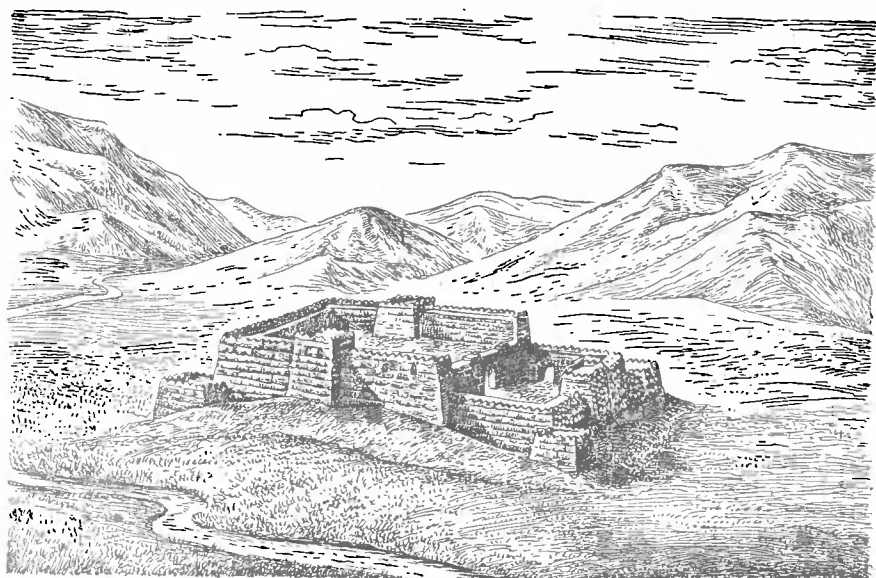

Рис. 2. Гульча. Тепе. (Реконструкция)

и внизу этой площадки. Под тонким слоем в 0,4 м выявилась ровная площадка, в северо-западной половине которой обнаружено перекрытие, сделанное из арчевых плах. Плахи лежали параллельно вдоль юго-западной кромки выкладки, причем северные плахи были крупные, а южные все уменьшались в объеме. Количество плах 12. Под ними оказалась мягкая засыпь, идущая на глубину 1,3 м от поверхности, где и лежал костяк, головой на северо-запад, на спине. При костяке не было никаких предметов, руки его были сложены на груди в характерной позе — одна над другой, напоминая буддийский жест. Размер выкладки 4×3 м (рис. 3).

Вторая могила (размером 4×5 м) дала ту же картину, только здесь было меньшее количество плах — 7, лицо покойника было повернуто на запад, руки вытянуты вдоль туловища, и кисть левой руки примкнута к бедру (кисть правой руки не сохранилась). Из-за отсутствия какого бы то ни было инвентаря пока могут быть выдвинуты только некоторые соображения для поисков путей датировки этих могил. Мы имеем дело не с курганами, а могилами четырехугольной формы, с оградкой, присыпанной мягкой засыпью,

Рис. 4. Кушанская керамика

расползающейся на поверхности в слабо выраженный овал. Создается впечатление, что это оплывшая, размытая (ввиду слабости грунта) сферическая земляная насыпь могилы. Такая конструкция исключена в этом районе для ведущих типов курганов от бронзы до тюрков включительно. Четырехугольные кладки с мягкой засыпью могильной ямы и поверхности мы встречали в Северном Семиречье только для тюркского времени¹.

Для «чистых» кочевников характерна круглая выкладка, кромлехного типа, как символ солнца (саки, усунь, тюрки); могилы обычно строятся в жестком грунте. Исключен для Ку-Кяльды и мусульманский характер погребения, судя по ориентации покойника. Характер могильного сооружения скорее сближает покойного с тем кругом представлений, которые могли возникнуть в оседлой (но знакомой с пастушеством) среде, среди населения домусульманского периода, и, скорее всего, в религиозном отношении близкого к буддизму.

Все это дает основание искать происхождение этого могильника в выселившемся в горные районы кушанском (или эфталитском) населении Ферганы.

Кушанский период в Фергане — это период ее экономического расцвета. Это документируется не только фактом широкого распространения культурных комплексов этого времени. Многочисленные горные выработки сурьмы и ртути, с которыми мы по-

¹ Прямоугольные выкладки (скифского времени?) в Хайдаркане и Багашине имели другой характер.

знакомились в Хайдаркане, показали, что максимальное развитие эти выработки получают как раз с кушанского периода. Это прекрасно документируется обильными находками чаш кушанского типа в выработках Хайдаркана (рис. 4). Чаши грубые без лощения и лака, но формы их в точности повторяют кушанские формы развитого типа. В сочетании с типом расселения при кушанах в замках-домах, свойственных рабовладельческому способу производства, этот широко развиваемый при кушанах горнодобывающий промысел, очевидно также основанный на широком применении труда рабов, еще ярче подчеркивает рабовладельческий характер кушанской Ферганы. Здесь широко практиковалось наряду с земледелием и скотоводство, в частности выращивание знаменитых лошадей Давани. Свидетельством этому являются араванские наскальные изображения¹.

А. Н. Бернштам

НОВЫЙ УЧАСТОК НЕКРОПОЛЯ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

(Предварительная информация)

В минувшем 1947 г. в порядке работ Тавро-скифской экспедиции ГМИИ и ИИМК АН СССР, руководимой П. Н. Шульцем, в Крыму, близ Симферополя, нами был обнаружен и частично раскопан новый участок некрополя Неаполя Скифского, расположенный на средней террасе восточного склона возвышенности, на мысу которой находилась столица скифского государства.

Этот участок состоит из грунтовых погребений двух типов: подбойных могил и узких, продолговатых склепов, вырезанных в мергелистом материке (рис. 1). Оба типа погребений резко отличаются от склепов соседнего участка некрополя, вырубленных в плотной нуммулитовой скале. Однако, судя по инвентарю, новые погребения должны быть отнесены к той же эпохе и, вероятно, к той же народности. Здесь те же вещи — и керамика, и бусы, и фибулы, и другие предметы из бронзы, железа и стекла, что и в каменных склепах Неаполя, датируемых первыми веками нашей эры и относящихся к позднейшим крымским скифам.

Особенностью нового участка некрополя может быть разве только то, что здесь отчетливее сказывается сармато-аланское влияние, имеющее место и в погребениях мавзолеев и в каменных склепах Неаполя Скифского².

Вскрыто было нами 16 погребений. Ориентация погребений не выдержана: костяки лежат головами и на Ю — Ю-З, и на Ю — Ю-В, а некоторые ориентированы в противоположную сторону — на С — С-З и С — С-В.

Подбойные могилы состоят из двух частей: колодца в виде прямоугольной ямы до 2 м длины, шириной в среднем около 1,5 м и глубиной 1,5 — 2 м, и подбоя, который устраивался вдоль продольной стороны колодца, на уровне его пола, в виде продолговатой ниши, высотой и глубиной в среднем около 0,5 м. После захоронения к подбою приваливались большие закладные камни до 1 м длиной, грубо оббитые в виде плит, и весь дромос забивался тоже крупными камнями. В отдельных случаях длинные высокие камни устанавливались вертикально и засыпались землей и камнями до самой поверхности ямы (рис. 2, а). Такая закладка могилы более или менее надежно предохраняла ее от разграбления и поругания. Некоторые могилы имеют по два подбоя, один против другого, по обе стороны колодца.

¹ См. нашу статью в СЭ, 1948, № 4.

² П. Н. Шульц, Тавро-скифская экспедиция, ИАН ОИФ, IV, 3, 1947, стр. 287, 289.

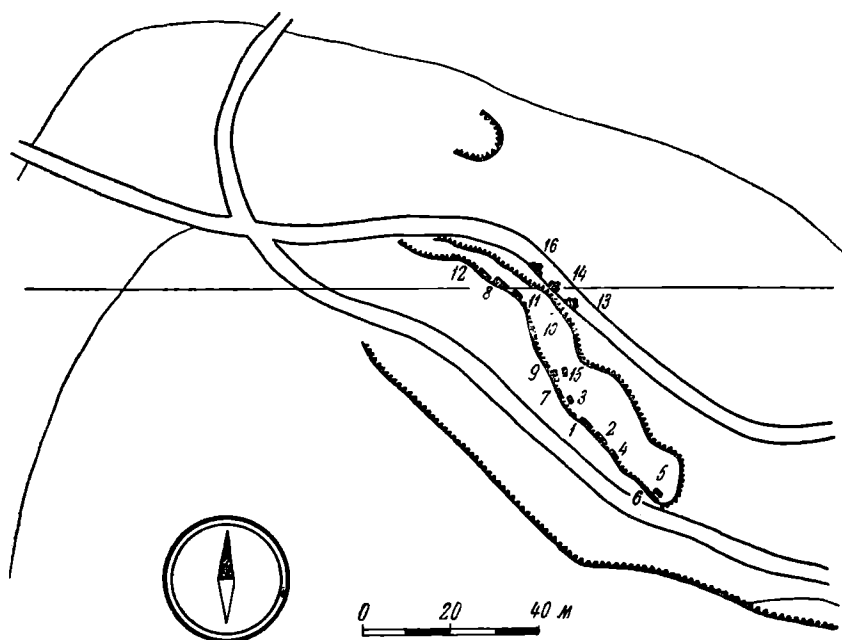

Рис. 1. План подбойных могил и земляных склепов восточного участка некрополя Неаполя Скифского

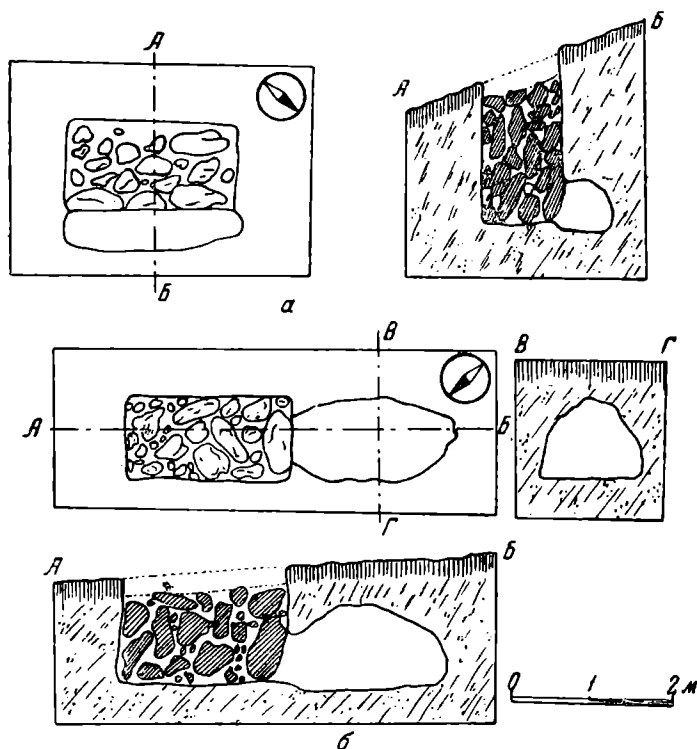

Рис. 2. а.) План и разрез подбойной могилы № 11; б) План и разрез земляного склепа № 16

Второй тип погребений — земляной склеп — устраивался также из двух частей: первая — дромос, мало чем отличающийся от колодца подбойных могил, и вторая — узкий склеп со сводом, имеющим в разрезе стрельчатые очертания, с входным отверстием со стороны узкой части дромоса (рис. 2, б). После совершения обряда погребения входное отверстие заваливалось тяжелой каменной плитой, и дромос забивался сверху камнями, как и у подбойных могил.

С архитектурной точки зрения, этот примитивный склеп являлся как бы дальнейшим развитием подбойной могилы и, вместе с тем, своего рода земляным прототипом каменных склепов.

Склеп ближе напоминает землянку и лучшим образом, чем подбой, имитирует жилье. А повторение в обряде погребения форм жилья наблюдается у многих народов древности: дольмены, срубные подкурганые сооружения, каменные склепы и т. д.

Часть могил исследованного участка некрополя была повреждена, так как находилась в районе большого глинища, откуда брали глину на постройки, и, кроме того, размывалась потоками ливневых вод. Но значительная часть могил, раскопанных нами, оказалась неповрежденной, и ни одна из них не подвергалась разграблению ни в древнее время, ни в современности.

К сожалению, сырой глинистый грунт способствовал разрушению костей: в некоторых погребениях уцелели только наиболее стойкие трубчатые кости, а были и такие погребения, в которых место костей можно было определить только по окраске глины костяной грухой в коричневый тон. Значительно искажены проржавевшие железные предметы, но бронза, стекло, керамика и бусы сохранились хорошо.

Рис. 3. Слева — кувшин из подбойной могилы № 8; справа — двуручный сосуд из той же могилы

Во многих погребениях в головах помещалась плоская, обычно краснолаковая, чашка, в которой иногда находился железный нож. Этим ножом, очевидно, разрезалась жертвенная пища. В бедных погребениях в головах часто помещалась жертвенная кость без чашки. Любопытно отметить, что среди таких жертвенных костей было найдено в одном погребении левое бедро оленя, что свидетельствует о том, что в эпоху захоронения в этом могильнике в Крыму водились олени и являлись предметом охоты крымских скифов. Теперь их можно видеть только в специальном заповеднике у Палат-горы (Чатыр-даг), где их не так уже много.

Кроме чашки с жертвенной пищей, в головах устанавливались небольшие сосуды — одноручные, малые кувшины (рис. 3, слева) и двуручные сосуды (рис. 3, справа).

Все эти типы керамики широко представлены в херсонесских сосудах в I—II вв. нашей эры. Лепная посуда (сделанная без гончарного круга), встречающаяся в большом количестве на городище, найдена была только в одном погребении типа земляного склепа: это грубая миска из черно-серой глины, плохо promешанной и плохо обожженной. Ха-

Рис. 4. Глиняная миска лепной работы из земляного склепа № 13

рактерной ее особенностью являются ручки: с одной стороны — обычная ручка с проушиной, а с другой — маленький выступ на краю сосуда без проушины, недоразвившийся еще в парную ручку и служащий как бы для поддержания наполненного сосуда в горизонтальном положении (рис. 4). Грубую лепную посуду, находимую в Неаполе, обычно называют «скифской», поскольку она весьма характерна для скифского быта, но в Крыму она встречается и в раннесредневековых погребениях, датируемых VI—VII вв. н. э., когда о скифах говорить уже не приходится.

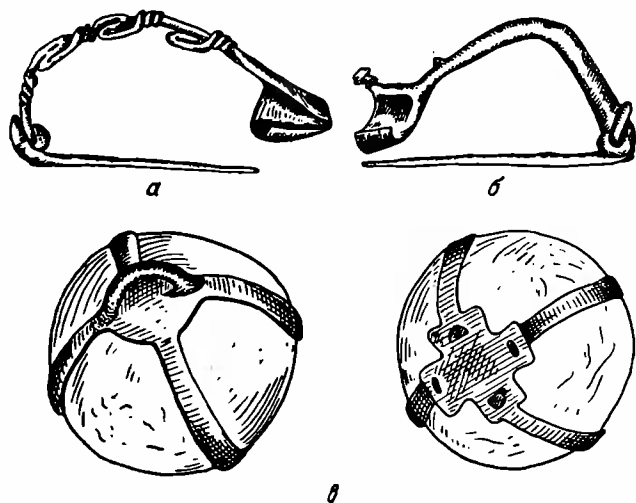

Рис. 5. а) Бронзовая фибула из подбойной могилы № 4; б) Бронзовая фибула из земляного склепа № 16; в) Амулет в виде шарика из алебаstra в бронзовой оправе из подбойной могилы № 7

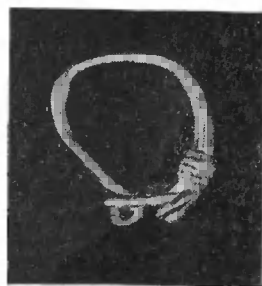

Рис. 6. Золотая серьга из подбойной могилы № 7

Непременной принадлежностью каждого погребения на восточном участке некрополя являются фибулы, большей частью бронзовые, много и бронзовых браслетов. Фибулы чаще всего тонкие — лучковые, реже массивные (рис. 5, а и б). Браслеты — или простые, из кругло проволоки, с закрученными концами, или заканчивающиеся расплюсченной «змеиной» головкой с резным орнаментом и сквозными глазами. Здесь найдено было

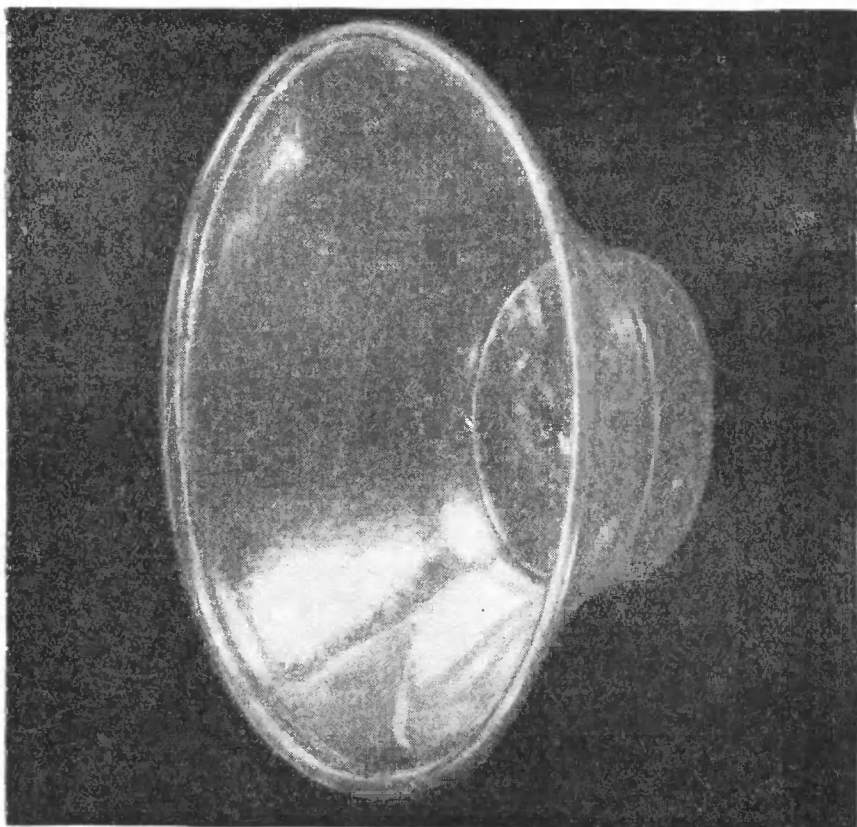

Рис. 8. Стекло́нная чашка из подбойной могилы № 7

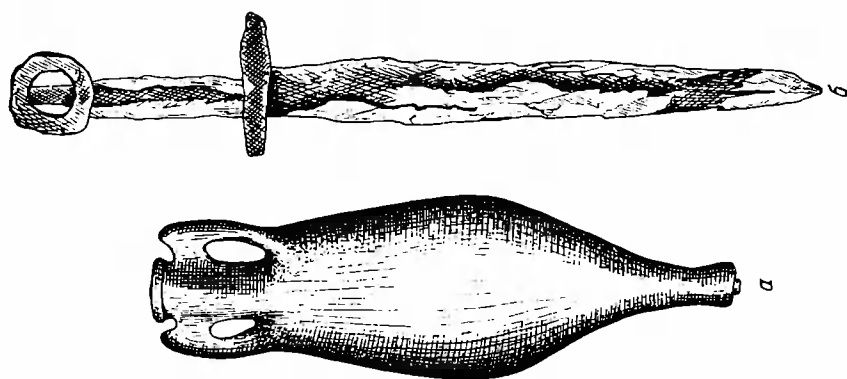

Рис. 7. а) Остро́донная глиняная амфора из подбойной могилы № 7;
б) Железный короткий меч из той же могилы

несколько перстней с геммами. Поверхность гемм, резанных на сердолике, недостаточно хорошо сохранилась. На одной заметно изображение головы козы, на другой — одноручный сосуд с высоким горлом на тонкой ножке. Геммы из белой пасты, в основе которой был, по всей вероятности, гипс, разрушались при малейшем прикосновении. Золотых вещей, в отличие от погребений мавзолеев, почти не было. Лишь в подбойной могиле № 7 была найдена золотая сережка, маленькая, лежащая с правой стороны черепа, в мужском погребении (рис. 6). В этом же погребении был найден единственный железный короткий меч сарматского типа, с прямым перекрестием и кольцевым навершием, длиной всего в 35 см, напоминающий кинжал (рис. 7, б). Лежал он с правой стороны скелета, у бедра. В этом же погребении была найдена единственная небольшая амфора, всего в 52 см вышиной, со слегка расширяющимся книзу туловом и заканчивающаяся тонкой ножкой с приплюснутым концом, с бугорком в центре, с характерными угловатыми ручками (рис. 7, а).

Также только в этом погребении была обнаружена прекрасно сохранившаяся стеклянная чашечка (рис. 8), железные удила с уздечным набором и интереснейший амулет-шарик из алебастра, оправленный в бронзу (рис. 5, в). В склепе № 16 обнаружен

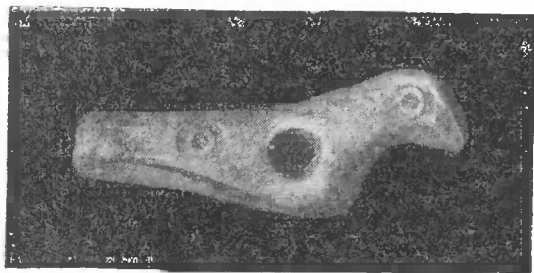

Рис. 9. Костяной амулет в виде птицы из земляного склепа № 16

костяной амулет в виде птички, местной работы (рис. 9). Почти во всех погребениях, женских и мужских, встречались разнообразные бусы, главным образом из разноцветного стекла и пасты, реже из сердолика, халцедона и янтаря.

Из находок наиболее интересен двуручный глиняный сосуд (из погребения № 9) с рельефным орнаментом в виде виноградной лозы с листьями и гроздьями винограда и изображениями Эроса или же Танатоса с скурингом в правой руке, рогом изобилия в левой и опрокинутым факелом у левой ноги на одной из сторон и Гермеса с кадуцеем в левой руке и кошельком в правой на другой стороне (рис. 10), — оба они здесь, по всей вероятности, даны как олицетворение скорби и печали. Об этом говорит факел в руке Эроса или Танатоса, опущенный пламенем вниз.

Описанный вкратце могильник был нами в 1947 г. только затронут. Раскрыли мы всего 16 могил. Продолжение этих работ, несомненно, даст еще немало могил и обильный инвентарь. Судя по тому, что в раскопанных погребениях совершенно отсутствуют предметы вооружения, кроме единственного короткого меча, и самый инвентарь по сравнению с погребениями мавзолеев беден, можно думать, что хоронили здесь или рядовых граждан Неаполя, или жителей пригородов и ближайших поселков.

Подобный описанному нами могильник, состоящий, впрочем, исключительно из подбойных могил, был открыт в 1889 г. Н. И. Веселовским на противоположной, западной, стороне плато Неаполя Скифского, по склону Петровской балки¹. Н. И. Веселовский вскрыл всего 8 могил. Давая общее описание могильника, он высказывает предположение, что и подбой, как и склепы, являлись семейными усыпальницами, причем для погребения нового умершего члена семьи забитый камнями колодезь раскапывался и снова забивался

¹ ОАК за 1889 г., СПб., 1892, стр. 20 сл.

камнями и глиной после нового захоронения. На поверхности же устанавливался, в виде памятника, большой вертикально поставленный камень, по которому и определяли место погребения.

Нам не удалось наблюдать такого явления в нашем восточном земляном некрополе. Здесь как будто бы имело место совершенно противоположное, именно, могилы так хорошо маскировались, что обнаружить их с поверхности совершенно невозможно. Самое заваливание дромоса камнями способствовало тому, что земля не давала осадки и не оста-

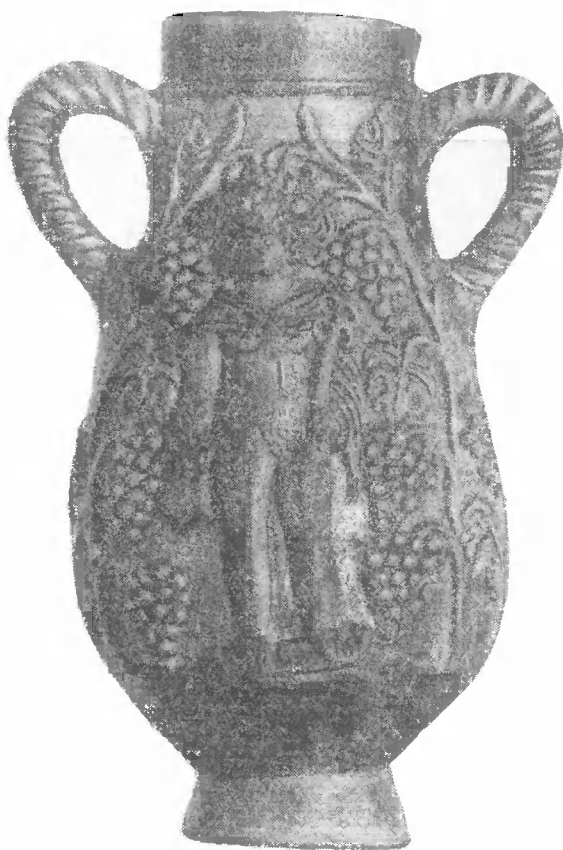

Рис. 10. Глиняный сосуд с рельефным изображением Гермеса из подбойной могилы № 9

валось, таким образом, никаких следов. Да и погребения в большинстве случаев одиночные. Встречалось, правда, в подбоях и по два костяка, именно, в двух случаях (в могилах № 5 и 8), и тройные погребения, в одном только случае (могила № 3), но вполне возможно, что здесь мы имеем дело с одновременным захоронением, если смерть, например, была следствием эпидемического заболевания, унесшего в могилу и мужа и жену одновременно, или троих членов одной семьи. В подавляющем же большинстве могил было захоронено по одному покойнику.

В земляных же склепах погребали, возможно, как и в склепах, высеченных в скале, в разное время, повторно, может быть, даже со значительным промежутком времени. В открытом нами земляном склепе № 16 лежали вдоль камеры два женских трупа, пожилой женщины и девушки, и поперек их колен по младенцу (рис. 11). В дальнем же конце склепа было сложено в кучу 7—8 черепов. Можно думать, что когда хоронили этих женщин, кости всех, захороненных ранее в этом склепе, удалили, расчистив, таким образом,

место для новых покойниц, а черепа оставили, сложив их на свободном месте в глубин склепа. Среди этих черепов два были женские, причем удалось даже установить для одного из них возраст — лет 25. За то, что склеп открывался, минимум, дважды, а может быть, и больше, говорит еще и то обстоятельство, что в дромосе под первым слоем камней было также обнаружено захоронение. Костяк был уложен на камни, присыпан глиной и сверху опять заложен камнями. Думается, однако, что если и имели место повторные захоронения в подбоях и грунтовых склепах, то, во всяком случае, практиковались они не часто. Для открывания дромоса, плотно забитого камнями (одних крупных свыше 300), требовалось много времени и сил. Непопулярным является и такое плотное забивание дромоса камнями. Какой смысл было проделывать эту работу, если заведомо было известно, что могилу придется вскрывать много раз для новых захоронений?

Рис. 11. Погребение пожилой женщины и девушки в земляном склепе № 16

Вопрос о совместных погребениях затрагивался главным образом при изучении захоронений эпохи курганов со скорченными и окрашенными костяками.

Для эпох, непосредственно предшествующих VI—VII вв., для поздней античности и римского времени, а также и для эллинистического времени в Северном Причерноморье, вопрос о совместных погребениях не только не разработан, но даже и не затронут, хотя он особенно интересен для выявления истоков погребальных обычаев Поднепровья и Придонья последующих периодов. Ввиду этого необходима не только самая тщательная фиксация положения скелетов, но и точное определение костяков в отношении пола и возраста.

В нашем участке некрополя Неаполя Скифского в совместном погребении подбойной могилы № 5 похоронены женщина и мужчина, причем женщина лежала сверху. Оба трупа — навзничь, один на другом. У обоих руки вытянуты вдоль туловища, а ноги скрещены. Скрещенные ноги встречены были в Херсонесе в 1937 г. в таврском погребении, где в одной могиле было захоронено, несомненно одновременно, три трупа, причем один из них был погребен в ногах у двух других в скорченном положении.

В подбойной могиле № 3 описываемого нами могильника в Неаполе похоронены трое мужчин. Скелеты несколько сдвинуты вбок в результате обвалов потолка подбоя, и от всех

трех костяков остались только нижние части — два таза и три пары ног. На основании выявившейся картины можно предположить, что все три покойника лежали один на другом навзничь. в вытянутом положении, причем захоронены они были одновременно, так как кости верхних лежали вплотную на нижних без прослойки земли. В одном погребении в могиле № 8 один костяк, верхний, принадлежал мужчине, другой, нижний, определить не удалось, так как кости сильно сгнили и разрушились. Одно несомненно, что оба покойника были положены друг на друга навзничь, с вытянутыми параллельно руками и ногами вдоль туловища. Оба — средних лет. Никаких признаков насильственной смерти обнаружить не удалось. Не наблюдалось и социальных различий погребенных в одной могиле. Впрочем, нет и достаточных оснований для категорического отрицания обряда убивания.

Инвентарь могил нашего участка некрополя очень близок к находкам Н. И. Веселовского в Петровской балке. Та же посуда в головах с жертвенными костями, а иногда и железным ножом, фибулы, браслеты и другие мелочи. Бусы сердоликовые, халцедоновые, янтарные, стеклянные и из пасты — черной, синей, зеленой, красной и белой, шаровидные, сплюснутые и цилиндрические (пронизи), иногда инкрустированные. Много бус стеклянных с позолотой, реже ребристые или с бугорками.

Особенностью западного участка некрополя, раскапывавшегося Н. И. Веселовским, являются очень маленькие фибулы, длиной в 2,5 см¹, бронзовые ключи и предмет из кости, в виде полого внутри конуса, украшенного в верхней части выпуклым пояском, вроде карпаса, и навершием в форме маленькой луковичы. Нижняя часть предмета отломана.

При дальнейших раскопках подобные предметы, возможно, будут найдены и в нашем восточном, участке некрополя, как найдутся и в западном участке предметы, не найденные Н. И. Веселовским, поскольку им была раскопана лишь незначительная часть имеющихся здесь погребений.

Но что особенно нужно отметить — это почти полное отсутствие в подбойных могилах предметов вооружения, что подтверждает наше предположение, что в этих погребениях, так же как и в описанном выше склепе, хоронили частных граждан, не принадлежавших к военному сословию и к тому же небогатых, может быть, жителей пригородных слободок.

В. Бабенчиков

¹ ГИМ, фонд 87/50 б.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. М. НИКОЛЬСКИЙ. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье. Изд. АН БССР. Минск, 1948, 159 стр.

Перед нами книга, писавшаяся в исключительных условиях, в таких условиях, в каких едва ли когда-либо создавалась подобная научная работа. Труд акад. Н. М. Никольского заканчивался в годы Великой Отечественной войны в партизанском краю и является замечательным свидетельством заботы советского народа о науке, проявляемой и в тяжчайшие дни жизни нашей страны.

Книга Н. М. Никольского представляет большой теоретический интерес. Как известно, построение социально-экономической истории Востока вообще и древнего Востока в особенности зависит от правильного понимания социально-экономического характера наиболее древних, исходных ступеней классового общества на Востоке, особенно полно освещаемых обильным документальным материалом, происходящим из древнейших обществ Двуречья. Именно на этом материале с начала 30-х гг. между советскими историками велась дискуссия, в которой акад. В. В. Струве и многие другие советские исследователи подчеркивали рабовладельческий характер древневосточного общества, а акад. Н. М. Никольский и некоторые другие исследователи особенно подчеркивали роль сельской общины на древнем Востоке, ошибочно принимая на первых порах наличие этой общины за доказательство феодального характера общества.

За последнее время точки зрения обеих сторон в значительной степени сблизились. Особенно важно подчеркнуть, что акад. Н. М. Никольский, — как видно, в частности, и из рецензируемой книги, — принял тезис о рабовладельческом характере древневосточного общества, а акад. В. В. Струве, — никогда, впрочем, не отрицавший наличия общины в наиболее древние периоды существования древневосточных государств, — принципиально признал, что, по крайней мере в ослабленном виде или пережиточно, общинные институты существовали во все эпохи истории древнего Востока (ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 373—374).

Рецензируемая книга, посвященная по существу вопросу о взаимоотношениях между частным и общинным землевладением в Вавилонии и Ассирии, резюмирует современную позицию акад. Н. М. Никольского в дискуссии и вносит много нового в понимание коренных проблем социально-экономической истории Востока. Книга представляет значительный шаг по направлению к выработке вполне цельной и единой концепции исторического процесса на Востоке.

Обладая рядом достоинств, книга акад. Н. М. Никольского не лишена, как нам кажется, и некоторых серьезных недостатков. Во введении к своей работе («Постановка проблемы», стр. 5—8) акад. Н. М. Никольский дает обзор существующих в специальной литературе — как советской, так и иностранной, — точек зрения на проблему частного землевладения в Вавилонии и Ассирии и его соотношения с общинным. Автор отмечает существование среди ориенталистов трех точек зрения.

Первая из них представлена акад. В. В. Струве. Согласно этой точке зрения, общинное землевладение, хотя и существовало искони в Двуречье, однако уже ко времени древне-авассионского царства (т. е. XVIII в. до н. э.) было в сильнейшей степени ослаблено и занимало в вавассионской деревне лишь второстепенное место. Частное землевладение стояло «на грани полной собственности», которая лишь не была формально закреплена.

Следуя другой точке зрения, буржуазные ученые Швенцнер и Мейснер, модернизируя, вслед за Эдуардом Мейером, древневосточные социальные отношения, вовсе отрицают какое-либо общинное землевладение и видят в Вавилонии лишь частную собственность (царскую, храмовую или индивидуальных лиц) — собственность феодального или даже капиталистического типа.

Третья точка зрения, распространенная в буржуазной науке, представлена трудами ассириологов-юристов: Колера, Лаутнера, Кюка и других. Это направление усматривает в Вавилонии, наряду с частным землевладением, также и общины, семейные или родовые. Однако представители этого направления буржуазной науки совершенно не рассматривают проблем соотношения двух типов землевладения и их генезиса.

Что касается буржуазных исследователей, то характеристика существующих среди них направлений, данная акад. Н. М. Никольским, представляется исчерпывающей, поскольку речь идет о мало-мальски серьезных буржуазных работах¹. Но совершенно недопустимо, что акад. Н. М. Никольский здесь и в других местах книги не отделяет от концепций буржуазных ученых точку зрения акад. В. В. Струве, как известно, впервые правильно, с марксистских позиций определившего формационную принадлежность древневосточного общества.

Собственная точка зрения Н. М. Никольского особо не сформулирована, и автор ограничивается общей ссылкой на теоретические положения Маркса и Энгельса.

Однако предложенная Н. М. Никольским интерпретация положений Маркса и Энгельса, касающихся древневосточного общества, его соображения о том, как следует общую установку Маркса и Энгельса применять конкретно к пониманию одного из древних обществ Азии, а именно к обществу Вавилонии, вызывают возражения.

Общие суждения Н. М. Никольского сводятся к четырем положениям:

- 1) В древнем Двуречье не существовало никакой частной собственности на землю.
- 2) В древнем Двуречье государство было с момента установления классового общества верховным собственником земли.
- 3) В древнем Двуречье существовало как частное, так и общинное владение и пользование землей.
- 4) Частное землевладение не занимало в Двуречье руководящего места.

В какой мере эти установочные положения Н. М. Никольского оправдываются конкретным материалом применительно к древневавилонской истории, — об этом, как известно, среди советских историков-марксистов нет пока еще единого мнения.

Рассматриваемая книга акад. Н. М. Никольского не посвящена специально доказательству этих положений, а ставит, по словам автора, своей задачей ответить на следующие вопросы: исторические истоки права частного землевладения, его развитие и зависимость от условий места и времени, степень его прочности и моменты его упадка и подъема.

Книга делится на три основные главы: «Царское, храмовое и частное землепользование и землевладение в III тысячелетии» (30 страниц), «Частное землевладение и землепользование в эпоху первой вавилонской династии» (52 страницы) и «Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье с XIV по VI в. н. э.» (41 страница). Последняя глава включает материал не только Вавилонии, но и Ассирии².

Как мы видим, материал распределен неравномерно. Больше всего места уделено кратковременной (около 300 лет) 1-й вавилонской династии и ранним стадиям общества; тысячелетней истории Ассирии уделено всего 14 страниц, а Вавилонии с XV по VI вв. — 27 страниц, т. е. вдвое меньше, чем Вавилонии XIX — XVI вв. Эту же неравномерность

¹ Автор справедливо оставляет в стороне существующие, особенно в среде католических ассириологов, убогие и глубоко реакционные антинаучные концепции «государственного капитализма» и «социализма» в древнем Шумере.

² Поскольку все вопросы, связанные с землевладением в Ассирии, затрагиваются в моей книге, находящейся в печати, в настоящей рецензии я не буду касаться данного раздела.

можно заметить и в отношении использованного материала. Если для первых двух глав документальный материал использован хотя и не с исчерпывающей полнотой (вспомним, что книга писалась в условиях военного времени, когда значительная часть литературы была автору недоступна), но во всяком случае весьма широко, то для последней главы материал использован довольно случайный. Эта глава носит скорее иллюстративный характер, освещая дополнительно уже установленные автором положения, поэтому автор считал здесь возможным обойтись без разбора основных сводок частноправовых ассирийских документов и целого ряда изданий нововавилонских документов.

Такой подход к изучению общества древнего Двуречья, сделавшийся уже традиционным¹, имеет известное оправдание в том факте, что наиболее ранние периоды существования общества, периоды его генезиса, являются с теоретической точки зрения наиболее интересными. Однако для полноты картины исторического развития желательно будет не менее внимательно проанализировать и позднейшие периоды. Мне кажется, что ссылка автора на живучесть норм старовавилонского права (стр. 8) не является достаточно убедительной в работе, о которой автор вполне справедливо говорит (стр. 7): «Метод моего исследования будет отличаться от формально-юридического метода... Историческая проблема может быть разрешена только историческим методом». Вспомним хотя бы о живучести норм римского права в самых различных социальных условиях. К тому же можно выразить сомнение в справедливости самого положения о неизменности старовавилонского права (как и общества); то же утверждалось и в отношении старовавилонской религии, литературы, искусства, однако новейшие данные расходятся с таким утверждением.

Поскольку, однако, автор не дал подробного анализа общества XV—VI вв., мы также ограничимся для этого периода лишь отдельными замечаниями, а обратим главное внимание на то, что автор считает в своей работе главным.

Самый размер книги (полтораста страниц) не позволил автору заниматься подробным разбором документов (количество которых исчисляется десятками тысяч), и он по необходимости останавливался лишь на главном и типичном.¹

Начнем со второй главы, посвященной «Частному землевладению и землепользованию в эпоху первой вавилонской династии»

Очень удачно и существенно, что акад. Н. М. Никольский строит характеристику общества I вавилонской династии² не столько на основе общеизвестного кодекса Хаммураби, дающего, как никак, неполную и несколько искаженную картину, а на живой хозяйственной практике, как она отражена в деловых документах. При этом автор подходит к каждому документу не узко юридически, с точки зрения возникающих в данной сделке юридических правоотношений, а рассматривает его в контексте как всех аналогичных, доступных автору, документов, так и особенно в контексте всей хозяйственной деятельности данного контрагента. Такой подход позволяет автору выяснить ряд чрезвычайно важных сторон общественной жизни Вавилонии этой эпохи. Выясняется, что по документам, связанным с земельной собственностью, имелось, в основном, две группы контрагентов: во-первых, жречество и ростовщики и, во-вторых, семейные коллективы. Первая группа чаще всего выступает в роли покупателей земли, вторая — в роли продавцов, что свидетельствует о росте частновладельческих тенденций в ущерб семейно-общинным. В подавляющем большинстве случаев покупателями оказываются богатые семьи. Но и продавцами чаще всего оказываются состоятельные люди. На этом основании акад. Н. М. Никольский делает вывод (стр. 55-56), что «мобилизация недвижимости идет по двум линиям: по линии скупки состоятельными покупателями владений малоимущего крестьянства и мелкого ремесленничества и по линии обмена новой землевладельческой и домо-

¹ Тот же принцип распределения материала в работах акад. В. В. Струве: Очерки по социально-экономической истории древнего Востока, Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока (ИГАИМК, 77) и др.; в работах акад. Н. М. Никольского, Община в древнем Двуречье, ВДИ, 1938, № 4, стр. 72 сл.; Рабство в древнем Двуречье, ВДИ, 1941, № 1, стр. 45 сл. и др.

владельческой группы, состоящей главным образом из жрецов, дамкаров и сановников...», и что при этом «мобилизация земельных владений происходила почти исключительно в среде владеющих группировок, и... вынужденная продажа крестьянами своих земель была весьма редким явлением». Вывод весьма важный для понимания истории вавилонского общества, хотя, как мы укажем ниже, вместо «весьма редким» мы были бы склонны, исходя из приводимого автором материала, сказать не столь категорично: «сравнительно более редким».

Следующий, весьма интересный, раздел этой главы посвящен «Характеру права частного владения и его источникам». Подробно разбирая факты вавилонского наследственного права, как на основании кодекса Хаммураби, так и на основании деловых документов, автор находит важнейший источник права частного владения в праве семейного владения. из которого частное владение образуется путем разложения домашней (семейной) общины (дар отца, раздел между наследниками¹, приобретение имущества на личные средства). Но все эти явления приводили не к уничтожению семейной общины, а лишь к ее дроблению, к основанию новой семейной общины. В этом случае можно было бы сказать, что частное владение было лишь частным случаем семейно-общинного владения. Самые явления индивидуализации владения наблюдаются почти исключительно «в городской среде, в среде жрецов, дамкаров и отчасти царских сановников» (стр. 73).

Автор убедительно показывает, что в старовавилонский период речь может идти лишь о частном индивидуальном владении, а не об индивидуальной собственности; насколько слабее освещен автором вопрос о том, являлось ли и семейное владение действительно только владением, а не собственностью. Автор считает, что право семейного владения ограничивалось сельским общинным правом владения и верховным царским правом собственности, ссылаясь на то, что в пределах частных (или семейных) владений по приказу царя, повидимому, выделялись участки для царских кормленщиков; мне кажется, однако, что материал писем, привлекаемых здесь Н. М. Никольским, недостаточно ясен и не позволяет сделать в данном случае такого вывода.

Следующий раздел, посвященный «Удельному весу частного землеуладения и частного хозяйства в экономике древневавилонского царства», содержит яркую, весьма интересную и поучительную картину хозяйства одного из крупных вавилонских земледельцев. Но выводы этого раздела базируются в значительной степени на статистических подсчетах, которые кажутся весьма шаткими. В основе этих подсчетов лежит сравнение числа дошедших юридических частноправовых документов этой эпохи, которые Н. М. Никольский исчисляет в 1250, с числом хозяйственных документов, дошедших из царских и храмовых архивов III тысячелетия до н. э. (по Н. М. Никольскому, 20—25 000)². Исходя из этого сравнения, акад. Н. М. Никольский делает заключение о незначительной распространенности частных хозяйств. Исходя далее из того, что в доступных ему изданиях (далеко не исчерпывающих материала)³ ему известно — по арендным сделкам, письмам, договорам купли-продажи и т. д. — всего 128 крупных владельцев полей и садов, и желая установить их общее число для всей Вавилонии, акад. Н. М. Никольский произвольно учетверяет эту цифру. В результате он приходит к заключению, что «общее число более

¹ Отметим, что «двери», входящие часто в состав разделяемого имущества, — не «занавески или покрывала вроде драпри» (стр. 62), а деревянные дверные створки, которые и сейчас на Востоке рассматриваются как движимое имущество и вывозятся при оставлении дома.

² Обе цифры много ниже действительности, особенно если учесть неизданный материал в музеях и новейшие издания. В одном только Стамбульском музее хранится до 100 000 неизданных документов III династии Ура. Почти все известные документы происходят из полудесятка случайных пунктов и не дают полной картины для всей страны.

³ Список изданий старовавилонских писем и документов охватывает в настоящее время не менее 40 названий; из них не более $\frac{2}{3}$ учтены в сводном издании документов Шорра и писем Унгнада.

или менее крупных, по древневавилонскому масштабу, частных землевладельцев определится кругло только цифрой 500 лиц. Для тогдашней Вавилонии с населением от 3 000 000 до 3 750 000 человек эта цифра, конечно, совершенно ничтожная» (стр. 76). Таким же способом делается вывод о том, что крестьянские земли «весьма редко» поступали в продажу. Подобным же статистическим методом, очевидно неприемлемым, акад. Н. М. Никольский пользуется и в дальнейших частях своей работы.

С нашей точки зрения, число дошедших частноправовых документов не может быть сравниваемо с числом официальных документов. В первом случае дело идет о частных архивах, хранившихся в частных же домах и лишь изредка при храмах; такие архивы только случайно попадают к археологам, ибо городские жилые дома раскапываются обычно лишь траншеями или «на пробу», а не целыми площадями, как храмы, а сельские усадьбы вообще ни разу еще не были обнаружены; лишь самая ничтожная, может быть, миллионная часть исчезнувших под землей Вавилонии развалин домов раскопана, а в раскопанных домах лишь в ничтожном количестве случаев обнаруживаются сохранившиеся нетронутыми в течение тысячелетий архивы; часть табличек находят в мусоре, в забутовках старых помещений и т. д. Поэтому процент найденных частноправовых документов по сравнению с когда-то существовавшим общим числом, безусловно, очень низок. Наконец, несомненно, что многие частные хозяйства вообще не имели никакой документации.

Напротив, во втором случае дело идет о случайно сохранившихся более или менее целых храмах, благодаря постигшей храм катастрофе, упорядоченных фондах частных архивов, где по крайней мере 90% документов было посвящено внутренней хозяйственной отчетности, которая в частных хозяйствах вообще не велась. Сравнивать количество документов в архивах этих двух совершенно различных типов методически неправильно, а потому неправильно и заключать о ничтожном якобы размахе частной хозяйственной деятельности в Вавилонии.

Если даже считать, что найденные документы из тех и других архивов представляют одинаковый процент хозяйств того и другого типа по сравнению с их общим числом во всей древней Вавилонии, то и в этом случае число засвидетельствованных документами хозяйств надо увеличить не в четыре, а по крайней мере в сто раз. До нас дошло от III тысячелетия частично или полностью 8 официальных архивов (из Ура, Шуруппака, Лагаша, Уммы, Дрегема и Гасура и в небольшом количестве документы из Адаба и Киша). Между тем раскопано уже несколько десятков храмов, а по названиям известны сотни. Надо думать, что и семьи, ведшие более или менее крупные частные хозяйства в древневавилонское время, из которых по документам нам известно полторы-две сотни, на самом деле были в сотни, а возможно, и в тысячу раз многочисленней.

Автор приходит в отношении общества старовавилонского периода к следующему выводу: царь не имеет в это время личного полевого хозяйства, развивая главным образом скотоводство в южных областях; храмы также не имеют особо крупных полевых хозяйств; отдельные жрецы занимаются ростовщичеством, а также скупкой земли и домов; основная масса земли находится во владении сельских общин, делящихся на семейные общины; среди жречества, сановников и верхушки общинных «вождей» имеются частновладельческие тенденции, однако частновладельческий сектор ничтожен; отдельные лица (младшие братья и другие лица, по той или иной причине оторвавшиеся от общины) идут на царскую службу, получая земельное кормление от царя, преимущественно из общинной земли.

Эту картину, с нашей точки зрения, необходимо модифицировать, во-первых, путем признания значительно большего значения частновладельческого сектора. Во-вторых, необходимо отметить, что, если семейная община является вполне ясным и важным фактором в земельных отношениях этого периода, то того же нельзя сказать о сельской общине; в какой мере сельская община могла осуществлять (и осуществляла ли вообще) владельческие права по отношению к землям входивших в нее семейных общин, остается неясным. Мы знаем лишь, что сельская община существовала как административная и, вероятно, фискальная единица и имела собственные земли под выгонами и общественными постройками.

Важнейшим выводом этой главы, вносящим существенно новый элемент в понимание

древневосточного общества, является обнаружение роли и значения семейной общины и семейного владения землей.

К разобранной главе примыкает первый раздел следующей главы, посвященной касситской эпохе. Автор дает здесь весьма любопытный и яркий очерк вавилонской истории XV—XII вв. применительно к проблемам землевладения. Предполагая, что частные владельцы времен Хаммураби были уничтожены в результате войн, автор показывает, как к концу касситского периода царями создается новая прослойка крупных владельцев. Земли им передаются путем скупки царем (повидимому, принудительной) отрезков у общин чрезвычайно усилившихся в этот период, — по мнению автора, за счет притока касситов с их родовым общинным строем. Мне кажется лишь, что автор несколько недооценивает другой источник создания семейных или патриархально-родовых общин касситского периода, а именно за счет роста древневавилонских семейных общин в условиях падения товарности крупных частновладельческих хозяйств и прекращения связанного с товарностью дробления семейных общин.

В рассмотренных разделах своей книги акад. Н. М. Никольский идет новыми, нетроторенными путями и достигает поэтому чрезвычайно важных результатов для понимания древневосточного общества.

Следовало ожидать, что акад. Н. М. Никольский, определив коренное значение семейной общины в составе древневавилонского общества и выяснив, что источником частного и семейного землевладения является земля патриархальной общины, для предшествующих периодов обратит главное внимание на патриархальную общину, а не на царское или храмовое хозяйство, так хорошо известное нам по шумерским архивам. Повидимому, автор «справедливо стоит на той точке зрения, что частное землевладение невозможно вывести из частного землепользования («земель кормления»), существовавшего на царской (или храмовой) земле, ибо «земли кормления» вплоть до середины II тысячелетия были неотчуждаемы и могли отбираться царем в любое время. Едва ли когда-либо отдельный пользователь мог стать настолько мощным, чтобы превратить свой участок на неотчуждаемой царской (или храмовой) земле в свое отчуждаемое владение, и документальных свидетельств этому нет. Поэтому изучение царского хозяйства древнего Шумера не может ничего дать для вопроса о происхождении частного землевладения в Двуречье; между тем именно этот вопрос и лежит в центре интересов автора, несмотря на более широкое название книги.

Однако в первой главе своей работы, посвященной «Царскому, храмовому и частному землепользованию и землевладению в III тысячелетии», автор следовал традиционному, но ошибочному представлению, будто бы хозяйство, отраженное шумерскими храмовыми архивами, охватывает в с е хозяйство государства того времени. В пределах царского (или храмового) хозяйства, конечно, нет места для патриархальных общин; поэтому между картинками, рисуемыми первой и последующими главами книги, существует логический разрыв, и первая глава книги, с нашей точки зрения, вызывает наибольшее число возражений.

Следуя за огромным большинством ассириологов, автор пишет (стр. 9): «Из III тысячелетия до н. э. в нашем распоряжении имеется очень немного документальных данных, свидетельствующих о купле-продаже недвижимого имущества, и почти все такие документы относятся к эпохе III династии Ура». Таково, действительно, мнение многих специалистов, видящих в период до династии Аккада только документы царского или храмового хозяйства, а чуть ли не древнейшим памятником [купли-продажи земли считающих обелиск Маништусу, совершенно неожиданно рисующий совсем иную картину социальных отношений, чем документы Лагашского храмового хозяйства. Н. М. Никольский склонен даже считать документы о купле земли из Шуруппака, опубликованные Гюро-Давжэном в «Recueil des Tablettes Chaldéennes» (и, очевидно, аналогичные документы, опубликованные Даймелом в «Wirtschaftstexte aus Fara»), относящимися также к династии Аккада, несмотря на данные стратиграфии и палеографии, относящие их ко времени до династии Ур-Нанше (Ур-Нины) в Лагаше. Такая точка зрения, уже высказывавшаяся Вайднером и Кристианом, в настоящее время должна быть совершенно оставлена. В связи с этой точкой зрения акад. Н. М. Никольский пишет (стр. 20): «...в эпоху первых

трех веков III тысячелетия¹ еще нет документальных данных, которые свидетельствовали бы о появлении частного землевладения.

От внимания исследователей совершенно ускользнули документы купли-продажи внехрамовой земли, как более поздние, чем шуруппакские (современные династии Ур-Нанше в Лагаше), так и один более ранний. Первые опубликованы еще де-Сарзеном в «*Découvertes en Chaldée*», последний хранится в Филадельфийском музее². Имеется еще ряд подобных же документов и времен Аккадской династии. Эти очень интересные документы делают в значительной степени понятным «загадочный» обелиск Маништусу и показывают, что рисуемые им общественные отношения не являются нововведением времен Аккадской династии, а существовали гораздо раньше и на севере, и на юге Двуречья. Эти документы совершенно обойдены специальной литературой, и Н. М. Никольский также упустил их из виду. Между тем в них-то можно обнаружить данные о крестьянских общинах и о генезисе частного землевладения.

Хозяйство, освещенное документами храма богини Бау времени последних правителей династии Ур-Нанше (Ур-Нинны) — Энатарзи, Лугальанды и Урукагины, — рассматриваемое как хозяйство всего Лагашского государства, представляется автору устроенным следующим образом.

Часть полей выделена как «поля патеси»³, или «поля на содержание патеси». «Категория полей патеси, — пишет автор (стр. 11), — не нуждается в комментариях, поскольку патеси являлся верховным владельцем всех земель своего патесиата. Данная категория обнимает собою, конечно, угодья, выделенные специально для царского и дворцового хозяйства».

«Надпись о реформах Урукагины, — пишет далее автор (стр. 12), — прямо и недвусмысленно говорит, что до этого патеси не было храмового хозяйства, отдельного от хозяйства патеси». Это не совсем точно: надпись говорит, что при непосредственных предшественниках Урукагины поля трех богов: Нингирсу, Бау и Гальалима, перешли во владение «патеси», но что Урукагина восстановил прежнее положение — правда, чисто формально, как справедливо указывает Н. М. Никольский. Мы точно знаем, когда эти три храмовые хозяйства были взяты в прямое управление правителя: это произошло при Энатарзи. Последний был в предыдущее правление верховным жрецом (*sanga*) Нингирсу; унаследовав власть правителя, он оставил за собой и управление данным храмом, а также, вероятно, за своей женой управление храмами Бау и Гальалима. Архив из Лагаша есть архив одного из храмов (богини Бау), управляемых семьей «патеси», на что обычно указывается в литературе; это хозяйство не всегда было царским — как и все храмовые хозяйства, до Энатарзи и при Урукагине оно было, по крайней мере формально, «полем бога». Другие храмы Лагаша продолжали и при Энатарзи и Лугальанде управляться особыми верховными жрецами (*sanga*). Неправильно и предлагаемое Н. М. Никольским толкование «особого счета» земельных участков *ka-dEn-lil-an-še*, как «обетных земель», посвященных богу Энлилю. Совершенно справедливо еще М. В. Никольский усмотрел в спорном термине теофорное имя собственное (буквальный перевод: «Словом Энлиля до небес [достигает]»). Речь здесь идет о землях, сдававшихся в аренду (по-шумерски земля *ugu-lal* или *APIN-lal*), управляющим которых и был упомянутый *ka-Энлиль-анше*⁴.

Далее автор характеризует земли, раздававшиеся в виде кормлений служащим и непосредственным производителям храма или царя (шумерск. «земли *kur₆-ga* или *šuku(m)*). Не вдаваясь здесь в подробности толкования тех или иных текстов, отмечу лишь иное понимание документа (стр. 15—17). В этом документе речь идет не о кормлении

¹ Акад. Н. М. Никольский датирует династию Аккада XXVII в. до н. э.

² Издан у B a r t o n, UR, IX, стр. 11—16.

³ Н. М. Никольский пользуется этим устаревшим, но оставшимся традиционным, термином. Действительное его чтение — «энси».

⁴ См. о нем В. К. Ш и л е й к о. Вотивные надписи шумерийских правителей, стр. XVII; RA XI, стр. 64 сл.

шести лицам, а о шести крупных участках ¹ [(носивших, как обычно бывало в Вавилонии индивидуальные названия), измеренных (mu-gid [1]) по приказу храмовой администрации. Соответственно необходимо изменить и выводы относительно размеров существовавших наделов кормления.

Затем автор справедливо указывает, что доход с земель кормления был совершенно ничтожен по сравнению с общим доходом храма (или царя), и делает неожиданный вывод что «основная масса зерна, поступавшая в кладовые палаты, состояла из обязательных поставок... [зерна] крестьянскими общинами в качестве десятины» (стр. 21). Из поля зрения автора странным образом выпала основная часть храмовой земли, «земля жречества» или «господская» (pi-gu-na), обрабатывавшаяся теми самыми лицами, которые получали за это в виде вознаграждения земельные «кормления» ². Эта земля не была поделена и не может никоим образом считаться землей отдельных [крестьянских] общин. В нашей литературе вопрос об этой земле был освещен акад. В. В. [Струве] ³; автор рецензируемой работы, выступая полемически против [концепции] акад. В. В. Струве, совершенно не цитирует и, по видимому, и не использует ни одной из его работ, содержащих между тем много материала первостепенной важности [для разбираемого вопроса] ⁴.

Переходя к эпохе династии Аккада, автор кладет в основу характеристики общества этой эпохи обелиск Маништусу — документ о купле царем ряда участков внехрамовой земли ⁵. Благодаря такому, довольно распространенному в свое время приему получается ложное впечатление, будто бы в до-аккадский период существовало только храмовое (или царское) землевладение, а для аккадского периода типичны какие-то иные формы землевладения. Между тем на самом деле и для аккадского периода существуют архивы, совершенно сходные с лагашскими времени Лугальанды и Урукагины и свидетельствующие о храмовом (или царском) хозяйстве, и для до-аккадского периода существуют документы, подобные обелиску Маништусу, свидетельствующие о внехрамовом хозяйстве.

Я не буду детально останавливаться на анализе текста обелиска Маништусу, подробно разобранный в недавней статье акад. А. И. Тюменева (ВДИ, 1946, № 4, стр. 33 сл.). Нельзя не согласиться полностью как с акад. Н. М. Никольским, так и с акад. А. И. Тюменевым в том, что документ трактуется о покупке царем общинной земли. Я хотел бы лишь несколько уточнить понимание отдельных категорий лиц, упомянутых в этом документе. В нем, кроме царя, являющегося покупателем земли, упоминаются:

1. «Владельцы поля» (bêlū eḫlim), находящиеся в родственных отношениях и получающие плату за поле (коллективно) и подарки (индивидуально).

2. В некоторых случаях «братья» — родичи владельцев, не состоящие в непосредственном владении отчуждаемых участков.

3. «Старейшины поля» (AB+ĀŠ-AB+ ĀŠ eḫlim), т. е., как разъяснено Кошаке-ром (OLZ, 1936, стб. 151), свидетели, и именно со стороны продавца.

4. 49 «людей Аккада» — свидетелей со стороны царя из числа его приближенных.

¹ То же верно и в отношении документа Delaporte, I, 1400, разбираемого автором ниже (стр. 30 сл.).

² См. об этом подробно в статье акад. А. И. Тюменева, Хозяйственный персонал храма Бау в Лагаше времени Урукагины, ВДИ, 1948, № 1.

³ Именно эту землю имеет в виду акад. В. В. Струве, когда он говорит о «храмовых землях, принадлежавших коллективно территориальной общине Лагаша», ИГАИМК, 77, стр. 41 и многие другие.

⁴ С благодарностью принимая теплый отзыв акад. Н. М. Никольского о моей работе, посвященной землепользованию в Шумере (ВДИ, 1939, № 1/6), я должен все же отметить, что данный вопрос освещался и ранее в советской литературе, см., например, В. В. Струве, Очерки социально-экономической истории древнего Востока, стр. 16 и др.

⁵ Этот факт плохо вяжется с представлением о царе, как верховном собственнике всей земли вообще.

5. Довольно значительное количество лиц, которых «царь будет кормить». Акад. Н. М. Никольский убедительно показывает, что это — персонал, который будет занят на приобретаемых царем землях.

Таким образом, в отличие от акад. Н. М. Никольского и акад. А. И. Тюменева, я рассматриваю категории лиц, указанных в пп. 3 и 4, как свидетелей, а не как управляющих или пользователей землей, и именно на следующих основаниях:

а) Идеограмма $AB + \dot{A}\dot{S}$ имеет значение *šibu*, что означает не только «старейшина», но и «свидетель» (так как генетически это одно и то же).

б) Всякая сделка по вавилонскому праву (начиная с древнейших, из архива Шуруппака) требует свидетелей, а при ином понимании категорий пп. 3 и 4, сделка обелиска Маништусу окажется не имеющей свидетелей.

в) Среди $AB + \dot{A}\dot{S}$ - $AB + \dot{A}\dot{S}$ *eklim* имеются писцы (DUB-SAR) и землемеры (LU_2 -GAN-GID-DA), обычно привлекаемые в качестве свидетелей.

г) Совершенно невероятно, чтобы царь, покупая, как правильно указывает Н. М. Никольский, четыре массива земли в разных местах, поставил бы во всех четырех имениях одних и тех же 49 агентов-управляющих (как толкует категорию п. 4 акад. А. И. Тюменев) или пользователей (акад. Н. М. Никольский). Напротив, совершенно понятно, что свидетелями со стороны царя могла во всех случаях выступать его свита в одном и том же составе.

Переходя к следующему периоду — III династии Ура, акад. Н. М. Никольский констатирует сохранение системы земельных кормлений и уточняет существовавшие здесь порядки¹. Исходя из шумерских законов, он полагает, что частное землевладение в это время уже существовало и пользовалось охраной закона. Полностью соглашаясь с мнением автора, отметим лишь, что совсем недавно было установлено, что так наз. «шумерские» законы относятся не ко времени III династии Ура, а к следующим династиям — Исина и Ларсы. Не можем также вполне согласиться с приводимым переводом одного из законов: «Если кто скажет своему отцу и своей матери: ты не мой отец и не моя мать, — то должен он покинуть дом, поле, сад, рабов, движимое имущество, скот и ему должна быть выдана целиком его доля». Этот закон следует переводить следующим образом: «Если приемыш (?) скажет своему (приемному) отцу и своей (приемной) матери: не мой отец, не моя мать, то он лишается дома, поля, сада, всех рабов и имущества (?), и этого приемыша (?) следует продать за полную цену».

Мы не будем подробно останавливаться на весьма интересном разделе, посвященном нововавилонскому землевладению. В этом разделе автор совершенно справедливо, как мне кажется, указывает на тот факт, что частновладельческие тенденции, весьма усилившиеся в это время в Вавилонии, ограничены в общем городскими и торгово-ростовщическими кругами, а в среде крестьянства (в особенности халдейского) весьма сильными остаются патриархальные семьи.

В целом книга акад. Н. М. Никольского, несмотря на неудачу первой главы (ничего, как мне кажется, не прибавляющей для разъяснения интересующих автора вопросов), дает целостную и во всех своих основных чертах убедительную картину путей возникновения права частного землевладения, его развития, его зависимости от исторических условий места и времени, степени его прочности, моментов его упадка и подъема. Недостатком ее является явное преуменьшение значения частновладельческих отношений и некоторое стремление преувеличить застойность вавилонского общества. Автор цитирует описание государства Великого Могола, принадлежащее известному путешественнику XVII в. Бернье, сделанное через три с половиной тысячи лет после Хаммураби:

¹ Между прочим автор неправильно понял меня (стр. 141, прим. 81 — ср. мою статью в ВДИ, 1939, №1 (6), стр. 61), будто бы я отношу поле Гуэден к фонду Камари в царском хозяйстве Уммы III династии Ура. В документе Babyloniaca, VIII, № 100, на который я ссылаюсь, Гуэден составляет отдельный от Камари и значительно больший земельный фонд; поэтому неосновательны сомнения автора в том, что поле Гуэден содержала более 800 га хорошей земли.

«Обратите внимание на то, что Великий Могол является наследником всех эмиров, или вельмож, и мансебдаров, или маленьких эмиров, которые состоят у него на жаловании, а также на то, что все земли государства — а это имеет важнейшие последствия — составляют его собственность, за исключением кое-каких домов и садов, которые он позволяет своим подданным продавать, делить и покупать друг у друга по их усмотрению», и далее автор прибавляет от себя: «*Mutatis mutandis* мы узнаем в этой характеристике знакомые черты владеющей и властвующей верхушки древневавилонского общества. В то же время эта аналогия служит одним из самых лучших показателей специфического застойного характера общественного строя восточных стран как основной черты последнего» (стр. 89). С такой аналогией чрезвычайно трудно согласиться. Где же в древней Вавилонии эти эмиры и мансебдары, наследником которых является царь. Да и сама верховная собственность царя на землю сложилась, вероятно, не сразу, а в результате длительного процесса, и для древнейших периодов истории Двуречья должна еще быть показана на основании бесспорных источников.

В заключение позволим себе остановиться на некоторых мелочах филологического и исторического порядка.

Автор, по традиции, применяет в ряде случаев устаревшие чтения шумерских и аккадских слов и имен (Нина вместо Нанше, Энлитарзи вместо Эне(н)тарзи, Ниниб вместо Нинурта, Лакти вместо Ритти, Рамман вместо Адад); на стр. 29 бог Лугальбанда ошибочно назван «богом города Марада, Лугалем». По техническим условиям встречающиеся шумерские и аккадские слова даны в упрощенной транскрипции, без диакритических знаков, но и в этой транскрипции не мало опечаток; так «эмфатическое» *k* (*q*) передается то как *q* (*ischqu*), то как *k* (*eklu*); встречаются описки типа *merieschtim* вместо *mereschtim* (очевидно, под влиянием транслитерации по знакам: *me-ri-eš-tim*), *KIS-LAX* вм. *KISLAX* и т. п. Имеются опечатки, совершенно искажающие выражение (например, *makkur biti abu* вместо *makkur bīt abim* — кстати, такое чтение и соответственное понимание данной идеограммы сомнительно) и др. Нельзя согласиться с некоторыми этимологиями: мн. ч. *kipute* (лучше *qêrûte* от ед. ч. *qêru*) производится от глагола *kpt*, *i(z)zazu* «они будут стоять [гарантировать]» производится от глагола *zāzu* «делить» (стр. 146, прим. 159); неприятное впечатление создает цитирование вавилонских слов не в имен. падеже ед. ч., а в первой попавшейся форме (в род. падеже ед. ч. — *merieschtim*, *ilkim*, *rabim* — в *status constructus*'е — *makkur*.) Таких филологических небрежностей довольно много, и в столь важной работе следовало бы избежать. Следует отметить слишком строгий суд автора над выдающимся покойным русским ученым И. М. Волковым (стр. 145), перевод которым законов Хаммураби сыграл важную роль в русской науке.

Некоторые датировки автора, касающиеся шумерского периода, требуют уточнения в свете новейших хронологических изысканий.

Отметим три исторические неточности: общество Нузи (Нузу) не следует относить к «хурритской части Ассирии» (стр. 99). Ни в разбираемый, ни в предшествующий период область Нузу не принадлежала к Ассирии, будучи впервые завоєвана ассирийцами не ранее 1360 г. до н. э.; наместник Нузу Кушшихарбе — не митаннийский наместник (стр. 100), а, судя по его имени, касянский. Далее, на стр. 116 говорится, что царь Вавилонии Мардук-апал-иддин II (Меродах-Баладан), будучи вассалом Ассирии, не мог предоставлять свободы от царских податей и повинностей, что было прерогативой ассирийского царя. Между тем Мардук-апал-иддин II был одним из злейших врагов Ассирии и никогда не был ее вассалом.

Подобные мелкие погрешности, как и известная неполнота использованных материалов, не снижают ценности работы акад. Н. М. Никольского, созданной в необыкновенно трудных условиях и бесспорно являющейся событием в нашей литературе по истории древнего мира. Она бросает новый свет на важнейшие теоретические вопросы истории и является значительным шагом вперед советской исторической науки.

И. Дьяконов

М. Э. МАТЬЕ, *Искусство Нового царства XVI—XV века. „История искусства древнего Востока“, т. I „Древний Египет“*. Вып. III. Гос. Эрмитаж. Ленинград, 1947 г., 170 стр. 57 таблиц, 2 цветные таблицы, 62 рис.

В широко задуманной Гос. Эрмитажем истории искусства древнего Востока рецензируемый том является уже второй вышедшей книгой (см. мою рецензию на историю искусства эпохи Среднего царства того же автора в журнале «Архитектура СССР», № 3).

По сравнению с последним трудом настоящее исследование кажется еще удачнее. Мысли, доказательства и концепция автора в целом получили здесь еще большую глубину и отточенность. В обоих случаях перед нами ни в какой мере не общий обзор египетского искусства, но в полном смысле слова исследование, содержащее ряд очень важных и актуальных для нашей советской науки проблем. Один, как мне кажется, вопрос является, однако, наиболее существенным в данной книге. Это вопрос установления авторства тех или иных частей из больших архитектурных комплексов, главным образом, Карнакского и Луксорского храмов, а далее и попытка нахождения индивидуальных мастеров и преемственности их манеры и стили в истории развития изобразительного искусства.

Исследование Матье рассеивает мнимую безымянность египетского искусства, подчеркивая его каноничность, консервативность и объясняя тем самым мысль Маркса о развитии древневосточной культуры, об истинно исторической ее обусловленности и ограниченности. Вспомним, что Маркс говорил о невозможности в условиях древневосточного общества «полного развития индивида», что ни в какой, разумеется, мере не снимало необходимости индивидуальных исканий в любом из видов искусств, в «рамках определенного круга»¹.

Глава первая предваряет основное исследование. В ней разбирается искусство XVII династии и дается «очерк культуры Египта времени XVIII династии». Особенно интересен и важен первый из этих вопросов, поскольку об искусстве периода XVII династии мы до сих пор располагаем очень скудными источниками. Между тем даже те немногие памятники, которые мы имеем, убеждают нас в преемственности с искусством Среднего царства и, с другой стороны, заполняют во многом очень неясную картину — переход к культуре XVIII династии. Эта лакуна во многом сужается после анализа даже тех немногих памятников, которые приводятся автором. Хорошо показан процесс изживания традиций скульптурного портрета Среднего царства и зарождения новых тенденций в таких скульптурах, как статуэтки Яхмеса и царицы Тетишери, верно отмечено индивидуальное своеобразие лиц в деревянных саркофагах XVII династии.

Убедительно дано и определение гранитной статуи вельможи Камеса из Гос. Эрмитажа. Сильной стороной здесь является филологический и галереографический анализ надписи на памятнике. Автор приходит к выводу, что «Имя Камеса, столь характерное для периода XVII династии, хорошо подтверждает стилистические данные статуэтки, несомненно относящейся именно к рассматриваемому периоду» (стр. 13). Если аргументы, вытекающие из толкования надписи, не оставляют сомнения в правильности датировки, то стилистические данные, достаточно еще общие, оставляют пока много нерешенного для определения искусства XVII династии. Не преждевременны ли поэтому хотя бы даже гипотезы о разных школах и направлениях, к одной из которых автор относит статуэтки Тетишери и Яхмеса, а к другой — скульптуры Камеса? Ведь эти единичные памятники могли быть выполнены и разного качества мастерами.

Очень существенно указание автора на связь искусства XVIII династии с Критом и Сирией (звери на кинжале Яхмеса I и грифон на его боевом топоре). Ведь эта связь, установленная уже для Среднего царства из ряда памятников, далеко не может еще считаться изученной должным образом.

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, ВДИ, 1940, № 1, стр. 18.

Следующая, II глава посвящена «архитектуре Фив XVIII династии». Самая большая по объему (58 страниц), эта глава является в то же время наиболее интересной и самой важной во всем исследовании.

По существу эта глава — несколько монографий выдающихся мастеров египетской архитектуры XVI—XV вв. до н. э. Автор так и пишет: «перед нами прошли образы знаменитых строителей времени XVIII династии—Инени и Сенмута, Хапусенеба и Пуимра, Менхеперрасенеба и Минмеса, Аменхотепа, сына Хапу, и Аменхотепа, строителя Луксора, братьев Гора и Сути, образы создателей фиванской архитектуры, а следовательно, создателей самих Фив и их славы прекраснейшего города долины Нила,— людей, благодаря творениям которых, действительно, говоря словами египетского текста, «имена их пребывают вовеки, хотя они отошли и закончили свои жизни» (стр. 76).

Метод показа Карнака (как самого сложного архитектурного ансамбля с его многовековыми напластованиями и перестройками) нов и плодотворен в современном изучении египетского искусства. Как рассматривали Карнакский храм раньше? Обычно брали за образец какой-либо законченный комплекс: чаще всего храм Хонсу или большой гипостиль XIX династии и на их основании делали в большей или меньшей мере обобщающие выводы об архитектуре Нового царства, а то даже и всего египетского искусства. В работах буржуазных египтологов отом же памятнике дело сводилось лишь к описанию его, к регистрации последовательно возведенных частей. У М. Э. Матье это характеристика стиля каждого из мастеров, попытка художественного осмысления развития зодчества, но развития не анонимного, а творимого живыми людьми. При этом личное дарование таких ярких индивидуальностей, как, скажем, Сенмут, нигде в то же время не загорается в трактовке Матье силы канона, традиции, господствующей в исторически сложившихся условиях древневосточного общества. Ярче всех показан безусловно гениальный мастер эпохи Тутмоса I Инени. Новаторство его проявляется, во-первых, в отрыве гробницы от поминального храма и в создании нового вида оформления царских усыпальниц (стр. 58—59). Но в еще большей мере Инени оказывается создателем колонного зала. Его стиль характеризуется в то же время благородной сдержанностью и умелым использованием пластики в архитектуре. Очень наглядно реконструируются М. Э. Матье части Карнака, выполнившиеся Инени. С немалой убедительностью прослеживается стиль зодчего в последующей истории строительства, вплоть до Луксорского храма с его 151 колоннами. «То решающее значение колонны в оформлении пространства, которое начал выдвигать в своих храмах еще Инени,— пишет автор,— и которое сделалось отличительной чертой архитектуры XVIII династии, развито в Луксоре чрезвычайно смело и удачно и придает всему зданию характер монументальной выразительности» (стр. 47). Больше того: далекие отклики стиля гениального мастера начала XVIII династии мы узнаем, по справедливому утверждению М. Э. Матье, и в папирусообразных колоннадах гипостилей времени XIX—XX династий (стр. 47). Таким образом, можно проследить одну стилистическую линию и притом инспирированную определенной и очень значительной и самобытной индивидуальностью. Эти доказательства принципиально новы, ибо уже в доантичный период начинают вырисовываться индивидуальности, однако с всеми оговорками, касающимися исторической ограниченности древнеегипетской культуры, а в частности, и искусства. Метод принципиально нов, ибо и в данном случае в основе его лежит объяснение зарождения и развития канона с учетом индивидуальных проявлений. Всюду в труде М. Э. Матье выступают живые люди, не только не размельчающие своей инициативой монолитную картину создания стиля, но, наоборот, единственно оживляющие ее. И Инени, подобно многим другим крупнейшим дарованиям, сознавал свое значение, что и было им запечатлено в автобиографической надписи, приведенной автором в соответствующем месте. «Я искал то, что было полезно,— читаем мы в этой надписи,— голова моя бодрствовала, ища полезного... это были работы, подобных которым не производилось со времени предков. То, что было мне суждено сотворить, было велико...» (стр. 30). Полны творческого достоинства и величия слова другого прославленного зодчего — Аменхотепа, сына Хапу. Не менее убедительно доказывается на основании истолкования текста авторства Аменхотепа, сына Хапу, в Карнаке. Исходя из автобиографической надписи упомянутого зодчего, где говорится, что он: «не повторял того, что было сде-

лано до меня» и, с другой стороны, что он: «сделал для него [т. е. для фараона Аменхотепа III] гору из песчаника», автор приписывает ему третий пилон храма Амона-Ра. И действительно, именно этот пилон отличался «неповторимостью», ибо превышал размером все остальное. В данном контексте становится понятным и толкование «горы из песчаника» как пилона, а вместе с тем проясняется и манера Аменхотепа, сына Хапу, как монументалиста, подчеркивавшего значительность масс в противоположность увлечению колоннадой Инени. Очень ясно проведена автором грань между творчеством отмеченного только что архитектора и другого одноименного зодчего — Аменхотепа, строителя Луксора. Много интересных догадок, неожиданных наблюдений автора, всегда подкрепленных вескими данными, найдет читатель данной главы. Особенно важно наблюдение относительно обычной захоронения статуи архитектора на местах или поблизости их построек, сделанное автором на основании разносторонних источников.

Несколько статуй прославленного зодчего царицы Хатшепсут Сенмута вместе со статуей царевны Нефрура были найдены в южных районах Карнакского храма, по стилистическим данным приписанных автором именно архитектору Сенмуту (стр. 35). Самым разительным примером является одна из статуй Аменхотепа, сына Хапу (№ 583 Каирского музея), содержащая автобиографическую надпись и обнаруженная около пилона царя Аменхотепа III (стр. 51). То же нужно сказать о зодчих Майа, Менхеперрасенебе, Бекенхонсу и целой веренице других.

Кое-что следовало бы добавить и уточнить в общем рисунке стиля анализируемой архитектуры. Так, прежде всего не получил всесторонней характеристики храм царицы Хатшепсут в Дейр-Эль-Бахри. Исчерпывающе описанный автором храм Хатшепсут, тем не менее, остается вне общей характеристики стиля, без констатирования ряда его художественных закономерностей. Между тем именно от проведенного автором стилистического сопоставления с заупокойным храмом Менхутотепа III должна была бы выступить вся специфичность храма Хатшепсут. Автор многое говорит о декорировке, о колоннах, упуская в то же время новое освоение пространства в общей протяженности композиции. Ведь эта идея пространственной протяженности, еще сильнее зазвучавшая позже в Карнакском и Луксорском комплексах, была неразрывно связана с поиском объема в скульптуре. С моей точки зрения необходимо было (выпуклее всего на примере храма Хатшепсут) заострить проблему соотношения пейзажа с самим памятником, в данном случае громады скал с ритмом чудесных колоннад. Вышал и вопрос о художественной специфике — принципах распластания огромных рельефных композиций на пилонах храмов эпохи Нового царства. Далее: автор многое говорит о мотивах декорировки, в частности о фаянсовых изразцах, одни из которых воспроизводятся на рис. 24, но не ставит более широкого вопроса о стиле облицовок, о соотношении монументального и декоративного решений, о своеобразном слиянии этих принципов, столь характерном для египетской храмовой архитектуры. Быть может, следовало бы больше отвести места обзору светской архитектуры, ее взаимоотношений с культовой, наконец, градостроительству, только мимоходом затронутому автором.

Главы III и IV, посвященные фиванской круглой скульптуре, рельефу и стеновым росписям до-амарнского периода, построены в значительной мере по тому же методу дифференцированного анализа, устанавливающего, где это возможно, школы и художественные направления отдельных мастеров. Отметим в этом разрезе очень важный и интересный разбор целой серии портретов царицы Хатшепсут, ныне достаточно уже изученных и позволивших, наконец, автору дать свою убедительную классификацию. В своих прежних работах я разделял точку зрения той группы ученых, которые в спорной для датировки базальтовой голове из Британского музея видели Тутмоса III. Тонко сопоставив портретные скульптуры царицы Хатшепсут, автор убедил меня в принадлежности и базальтовой головы той же царице.

Наибольший интерес в монографическом разрезе египетского искусства имеет IV глава — о стеновых росписях. Нельзя не согласиться с автором, прослеживающим иногда даже отдельный мотив, введенный в гробницу определенным автором и далее находимый в последующих росписях. Так, например, показано влияние мастера гробницы Рехмира, ясно обнаруживаемое в фигурах из гробниц Мери и Тхути, в мандолинистке в сцене

пира из гробницы Кенамона. Таким образом, в исследовании М. Э. Матье и египетская живопись перестает носить приписываемый ей ранее анонимный характер. Характерно, что на такой же стадии изучения находится сейчас, например, и древнерусская живопись, с каждым днем снимающая покрывало с дотоле неизвестных мастеров. Факт показательный и интересный в истории современной советской науки!

Не вдаваясь в детали, я ограничусь лишь несколькими замечаниями о недостатках работы. Говоря о скульптуре времени Аменхотепа III, автор отмечает ее «беспокойную сложность» в противоположность «сдержанной зрелости» пластики предшествующего периода. Эта скульптура конца XV в. кажется М. Э. Матье «вызывающей порою ощущение неуловимого оттенка надвигающегося упадка» (стр. 96). Мне кажется, подобная характеристика скульптуры и живописи времени Аменхотепа III несколько преувеличивает бесспорную декоративность, которой отмечено все искусство этого времени. Такие определения, как «чрезмерная пышность» и «утратившая меру нарядность» (стр. 96), приложимы скорее к искусству Рамессидов, нежели к периоду, где искусство действительно достигло предельной пышности и орнаментальности, но лишь в результате своего развития за первую половину XVIII династии и не перешагнув при этом за грань классической зрелости. Именно эта сдержанная в своей пышной декоративности красота лежит в основе таких скульптур, как, например, портретная голова вельможи № 6124 из Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. На том же уровне зрелой красоты находятся во многом неповторимые прославленные рельефы из гробницы Хаэмхета, лишь со времени Амарны заключавшие в себе черты излишней утонченности — особой условности.

Следуя своему методу при разборе стенных росписей, автор более дифференцировано мог бы подойти и к характеристике их чисто живописной стороны. Так, анализируя отдельные мотивы, освоенные последующими мастерами настенной живописи у предыдущих, М. Э. Матье больше касается вопросов линейной композиции, нарастания объема в трактовке фигур, роста реалистических тенденций, графической стороны искусства и т. д. При этом полностью не учитывается специфичность чисто живописного начала.

Центральным вопросом главы V является локализация искусства Мемфиса, по мнению М. Э. Матье, отличающегося в пластике вытянутостью пропорций, сухостью и схематичностью по сравнению с более реалистическим, полнокровным и пластическим искусством Фив. Затрагиваемая проблема искусства до-амарнской эпохи является почти не изученной, а потому и представляющей собой особый интерес. Мне кажется, однако, что эта проблема не может быть все же решена в полной мере без той группы известных рельефов конца XVIII — начала XIX династии из гробниц мемфисских жрецов, где стиль мемфисского искусства эпохи Нового царства достиг своей максимальной специфической заостренности.

Мы не вправе ждать ответа автора на вопрос о Мемфисской школе в целом из-за строго ограниченных им рамок рецензируемого исследования. Но мы не сомневаемся, что дальнейшие исследования в области не только искусства Мемфиса, но и его религии, приведут М. Э. Матье и в данном вопросе к новым решениям.

Убедительно и удачно подобран и расположен автором иллюстративный материал. Но техническое исполнение иллюстраций, особенно приложенных в конце книги таблиц и двух цветных вкладок, оставляет желать много лучшего.

Книга М. Э. Матье является ценным вкладом в советскую науку об египетском искусстве.

Проф. В. В. Павлов

В. Д. БЛАВАТСКИЙ, *„Искусство Северного Причерноморья античной эпохи“*. Москва, ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1947 г., 119 стр., тираж 5000 экз., цена 11 руб.

Книга В. Д. Блаватского *«Искусство Северного Причерноморья античной эпохи»* предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей нашей Родины. Она суммирует основные итоги археологических исследований на Юге СССР и знакомит с особенностями античного искусства Северного Причерноморья. Этот материал, нашедший отражение лишь в специальной литературе, мало доступен широкому читателю, что придает рецензируемой книге особенный интерес.

Обилие привлеченного материала часто вынуждает автора ограничиваться лишь кратким описанием или даже упоминанием отдельных памятников. Однако изложение не страдает сухостью, и книга читается легко и увлекательно. Книга имеет широкое историческое введение, которое является содержанием первой главы (стр. 1—46).

Автор не ограничивает себя общепринятыми в исторической науке положениями, которые уже прочно вошли в научный обиход. В простой и доступной форме раскрыт им сложный процесс последовательного исторического развития Северного Причерноморья, причем не обойдены и те острые вопросы, которые в настоящее время являются еще объектом научных исследований.

Одним из спорных вопросов, требующих, как отмечает сам автор, новых подтверждений, является вопрос о местных племенах доколониционного периода на Боспоре.

Автор указывает на прочность античной литературной традиции, которая связывает местное население до-скифского периода с именем киммерийцев, и на греческую топонимику, свидетельствующую о пребывании этого народа на территории Боспора (стр. 23 сл.). В связи с этим он упоминает и о находке двух антропоморфных киммерийских надгробий, обнаруженных в хищнической кладке раннеклассического периода в раскопках Дип-Тиритак.

Затронутый вопрос о киммерийской культуре, несмотря на недостаточность материала с нашей точки зрения, поднят правомерно. Археологические исследования последних лет значительно продвинули этот вопрос в исторической науке. Раскопки В. Ф. Гайдукевича в Дип-Тиритаке дали серьезные основания считать, что здесь античный город возник на месте древнейшего киммерийского поселения. Об этом свидетельствует находка целой серии фрагментов каменных шлифованных топоров-секир и некоторых изделий из кремня эпохи поздней бронзы, близких к концу II тысячелетия¹. В этой же связи следует отметить находку в Керчи двух кельтов, отнесенных В. А. Городцовым к числу памятников киммерийской культуры².

В. Ф. Гайдукевичем уже были высказаны соображения, по которым он считает возможным отнести сооружение валов (первого и второго) на Керченском полуострове к памятникам киммерийской культуры (ВДИ, 1947, № 3). Вопрос о вероятной принадлежности первого вала киммерийцам был рассмотрен и В. Д. Блаватским³. Им было высказано предположение о связи циклопической кладки «Золотого кургана» с сооружением вала.

Интересно поставить в связь с вопросом о древнейшем населении Боспора и новую находку, происходящую из раскопок в Киммерике (Керченский п-ов) летом 1948 г. Здесь были обнаружены фрагменты лепной керамики, относящиеся, по определению О. А. Граковой, к первой половине II тысячелетия. Фрагменты были найдены над материком, под римским слесом, вместе с 12 обломками кремня, из которых некоторые носят следы обработки. Чрезвычайная скудость археологических памятников этого периода на Боспоре заставляет отнестись с максимальным вниманием к этой единичной пока находке. Она свидетельствует о пребывании здесь населения, находившегося на стадии катакомбной культуры, что, в свою очередь, делает вероятным существование здесь и дальнейших звеньев разви-

¹ ВДИ, 1947, № 3; «Материалы по археологии СССР», вып. IV.

² В. А. Г о р о д ц о в, К вопросу о киммерийской культуре, РАНИОН, Труды секции археологии, вып. II.

³ Киммерийский вопрос и Пантикапей, Вестник МГУ, 1948, № 8, стр. 9.

тия местной культуры, следы которой, как было сказано, обнаружены в непосредственной близости.

Процесс колонизации Северного Причерноморья рассмотрен автором с позиций, господствующих в историографии античного искусства со времен Б. В. Фармаковского, с теми существенными изменениями, которые позволяют сделать археологические исследования последних лет, связанные в основном с изучением городов.

Автором использованы данные новых археологических открытий, позволяющие уточнить даты основания некоторых городов, в частности дату основания Пантикапея (2-я четверть VI в. до н. э.).

Изложенная В. Д. Блаватским концепция греческой колонизации вносит необходимый корректив в вопрос о двустороннем процессе колонизации, изложенный А. А. Иессеном в его недавно вышедшей книге «Греческая колонизация Северного Причерноморья» (Л., 1947).

Колонизация берегов Северного Причерноморья, как указывает автор, началась уже с VII в. до н. э. и приняла наиболее широкие размеры в VI в. до н. э. (стр. 25). Она «шла стихийно, как это обычно было свойственно эллинской колонизации архаической эпохи, а вновь основанные города первоначально представляли собой общины, совершенно самостоятельные в политическом отношении и, вероятно, экономически мало связанные между собой» (стр. 28).

В течение VI и большей части V в. до н. э. новые колонии еще носили облик чисто греческих полисов и с туземными племенами имели преимущественно экономические связи.

Иную картину представляют города Причерноморья в период их расцвета. Элементы местной культуры начинают отчетливо ощущаться уже в IV в. до п. э. и затем, приобретая все большее значение, явно доминируют в позднеантичную эпоху. В свою очередь, греческие города способствуют большей или меньшей степени эллинизации туземных племен. Не все города Северного Причерноморья развивались одинаково. Автор излагает историю главных центров, подробно освещая вопрос о взаимных отношениях этих городов с окружающими местными племенами. Ольвия и, особенно, Херсонес долго сохраняли демократическую традицию полисов. В то же время на Боспоре при Спартокидах образовалась греко-«варварская» держава, подобная тем, которые пышно расцвели в различных местах эллинистического мира.

Здесь автор высказывает принципиально новое положение, отмечая, что образование государства Спартокидов на Боспоре опередило возникновение всех прочих эллинистических государств примерно на полстолетия (стр. 30). В дальнейшем же опыт Боспорской державы был перенят скифами, пытавшимися при Скилуре и Палаке создать свое государство по образцу державы Спартокидов (стр. 109).

Вторая глава (стр. 47—108) посвящена основной теме книги — искусству Северного Причерноморья. Автор кратко указывает на значение археологических работ, производившихся на Юге СССР, в результате которых получен этот большой и разнообразный материал.

В начальный период существования греческих колоний, в VI и на протяжении большей части V в., памятники скульптуры и различные художественные изделия были предметом ввоза из греческой метрополии. Местное художественное производство в это время еще было слабо развито, и об его особенностях дают представление некоторые находки, сделанные в Ольвии: бронзовые зеркала, форма для отливки мелкой скульптуры (стр. 54 и 56, рис. 26).

В эпоху расцвета городов Северного Причерноморья здесь создалось своеобразное и во многих областях чрезвычайно высокое искусство. Особенно выделяются своим художественным значением памятники торевтики, среди которых находятся ювелирные изделия уникальной художественной ценности и пантикапейские монеты великоценной чеканки. «Выдающееся место принадлежат также пышным погребальным сооружениям Боспора с их монументальными склепами, с уступчатыми или цилиндрическими сводами, украшенными стенными росписями» (стр. 108).

Художественная керамика попрежнему ввозилась в большом количестве, но наряду с этим во всех крупных центрах Причерноморья развилось местное художественное кера-

мическое производство. Выполняли эти работы не только местные художники, но и греческие мастера, переселившиеся в новые города, где спрос на художественную продукцию был более широк, чем во многих городах Греции.

В этой же главе мы находим общую оценку специфичности искусства Северного Причерноморья. Автор отмечает, что в общем аспекте античного искусства IV—III вв. до н. э. искусство Северного Причерноморья было одним из передовых направлений, отвечающим «самым новым исканиям искусства эллинской метрополии» (стр. 34), искусством, устремленным на поиски нового содержания и новой формы. Особенностью этого искусства является живая связь с окружающим «варварским миром». Изображения скифов на произведениях торевтики, поражающие своей правдивостью и выразительностью, свидетельствуют о том, что «греческие мастера выходят за рамки классических традиций, создавая новую ветвь эллинского искусства» (стр. 38).

Данная оценка специфики античного северо-причерноморского искусства с нашей точки зрения способствует правильному пониманию этой сложной, далеко еще не изученной области искусства. Со своей стороны нам хотелось бы расширить эту характеристику, отметив высоко развитое чувство монументальности и суровую простоту формы, которой отличаются не только памятники архитектуры и стенной живописи, но и мелкая пластика. Очень содержательным является заключительный краткий экскурс, освещающий проблему античных ремнищенций в древнерусском искусстве и показ тех живых нитей, которые связывают антику Северного Причерноморья с эпохой великокняжеской Руси. Этот материал изложен в последней небольшой главе (стр. 109—114). Автор воспользовался данными новых раскопок Неаполя Скифского, где были открыты росписи склепов, которые впервые знакомят нас с позднескифской живописью. Вместе с тем эти росписи чрезвычайно интересны тем, что некоторые мотивы узоров «напоминают орнаменты, встречающиеся в русском искусстве, и до сего времени живут в народном творчестве», (стр. 113). Автор указывает, что корни древнерусского искусства связываются со скифской и сарматской культурой. С другой стороны, автор отмечает, что классические традиции могли сохраниться в тех городах, которые возникли в античную эпоху и продолжали существовать в эпоху средневековья.

Разделяя основные положения, изложенные в книге, мы должны сделать некоторые замечания частного характера, связанные с отдельными вопросами. Автор указывает, что в архаический и раннеклассический период почти вся художественная промышленность в городах Северного Причерноморья была привозной. Местная художественная продукция была незначительна, но она, несомненно, засвидетельствована некоторыми находками ольвийского происхождения. Мы считаем уместным развить эту мысль автора в отношении Боспора, основываясь на новейших открытиях, сделанных уже после выхода книги в свет.

Последние раскопки Нимфея (раскопки М. М. Худяка, 1947 г.) установили здесь местное производство художественной керамики еще в архаический период, причем местные изделия, непосредственно подражая образцам ионийской расписной керамики отличаются уже в это время самобытными чертами. Находка архаической керамики в Нимфее имеет выдающееся значение. Она не только устанавливает впервые для Боспора столь раннюю дату местного художественного производства, но заставляет пересмотреть и дату основания города, передвинув ее ближе к началу VI в. до н. э. О наличии на Боспоре художественного местного производства в начале V в. до н. э. свидетельствует находка, происходящая из Керчи: скульптурная голова воина в шлеме, выполненная из местной породы известняка.¹

Мы должны поставить в упрек автору, что в изложении истории основания и расцвета Херсонеса ничего не сказано о значении тавров. Впервые читатель узнает о роли этого местного населения в связи с вытеснением тавров римскими войсками с Герacleйского полуострова и в Хараксе.

¹ А. П. Иванова. Новая скульптурная находка в Керчи, КСИИМК; ХХIII, стр. 31.

Вряд ли также можно согласиться с автором, считающим синдю основным этническим окружением Фанагории. Правда, такое указание мы находим у Псевдо-Скилака и отчасти Геродота, который, однако, дает лишь общее представление о Синдике. Большинство же источников раздельно говорит о Фанагории и о синдах или синдских городах. Страбон помещает Фанагорию с Кенами на одном острове, а прочие города — на другом острове, «за Гипанисом в Синдике». Одновременная чеканка монет как в Фанагории, так и в центре государства синдю тоже свидетельствует о независимой жизни Фанагории.

В связи с этим вопросом мы считали бы необходимым осветить роль и особенности культуры местных меотских племен, которые, с нашей точки зрения, должны были составлять основное этническое окружение Фанагории.

Необходимо, кроме того, отметить нечеткость изложения некоторых мест. Так, говоря о производстве местной художественной керамики IV—III вв. до н. э., автор упоминает боспорские пелики, причем не указывает, что пелики не были продуктом местных мастерских, но изготовлялись в Греции, вероятно в Афинах, на рынок Северного Причерноморья.

Хотелось бы получить от автора более дифференцированное определение той группы торевтики, которую с большой степенью вероятности в настоящее время уже можно считать изделиями местных мастерских в отличие от привозных греческих.

Досадны вкрапившиеся мелкие ошибки, недосмотренные в процессе издания: так, Патрей (стр. 25) отнесен к числу городов на европейской части Боспора (следует читать: Парфенион). Под двумя репродукциями клазоменских ваз (рис. 2 и 22) стоят подписи: «Халкидская ваза», и с этим же определением они стоят в регистре. Рисунок 40 дан в перевернутом виде.

Нужно отметить, что, несмотря на единичные редакционные упущения, книга издана хорошо, и большее количество иллюстраций отличается вполне удовлетворительным качеством. Можно пожалеть только о том, что в большинстве случаев не указано, в какой коллекции хранится тот или иной памятник, что могло бы облегчить читателю знакомство с их подлинниками в музеях.

Подводя итоги, нужно отметить, что в книге В. Д. Блаватского мы находим четко систематизированный большой материал, который в значительной части впервые становится достоянием широких кругов читателей. Особенное значение этой книги заключается в том, что в ней освещены наиболее принципиальные и существенные проблемы, связанные с изучением истории и культуры Северного Причерноморья, что делает книгу интересной не только для широкого круга читателей и учащейся молодежи, но и для лиц, специально интересующихся этой темой.

И. Б. Зеест

Новое советское издание Горация

ГОРАЦИЙ, Избранные оды. Составление, общая редакция и комментарии Я. Голосовкера. Гослитиздат, М., 1948, 144 стр. Тираж 10000, цена 4 руб.

В СССР русские переводы произведений Горация выдержали три отдельных издания, из которых одно было полным собранием сочинений поэта¹. Новое, ниже рецензируемое издание «Избранных од» Горация в русских переводах является, таким образом, четвертым по счету советским изданием римского поэта в русских переводах.

¹ К в. Г о р а ц и й Ф л., Оды, пер. Н. Ш а т е р н и к о в а, ГИЛХ, М., 1935; о н ж е, Избр. лирика, пер. А. С е м е н о в а - Т я н - Ш а н с к о г о, «Academia», М., 1936 (паралл. лат. текст); о н ж е; Полн. собр. соч., пер. под ред. и с прим. Ф. Петровского, «Academia», М., 1936.

«Новые переводы од Горация несколько отличаются от переводов од мелической строфой, уже существующих на русском языке, в которых нередко филологическая сторона преобладает над литературно-художественной» (см. преуведомление, стр. 7). Можно приветствовать эту установку. Опыт нескольких последних изданий русского Горация показал, что, несмотря на исключительное любовное отношение наших филологов, переводчиков Горация, к задаче создания полноценной (т. е. прежде всего художественной) русской версии римского поэта и несмотря на их несомненные частные успехи, — задача эта решена еще не совсем. Для того чтобы Гораций действительно зазвучал для нас, требуются не только старания филологически подготовленных и стиховедчески эрудированных людей, но и старания поэтов, практиков поэтического искусства.

Переводы, собранные в настоящей книге, частично выполнены именно поэтами. Среди них — С. Бобров, Ю. Верховский, Борис Пастернак, Илья Сельвинский и др.

Почти две трети книги переведено Я. Голосовкером. Я. Голосовкер в работе над Горацием является в некотором смысле новатором. В сущности, им впервые обращено внимание на такую важнейшую сторону поэзии Горация, как ее благозвучие. Музыкальность стиха, его звуковая чистота — достоинство переводов Я. Голосовкера. Я. Голосовкер умело сохраняет мысли и образы Горация, воссоздает живую интонацию поэта, его поговорочность и афористичность. Успешно борясь с возникающими при такой работе трудностями, Я. Голосовкер далек от рискованной и ненужной игры в псевдолатинский синтаксис, четко и естественно строит фразу, придерживаясь норм современного литературного языка.

Сказанное не надо понимать, как утверждение того, что Я. Голосовкеру сопутствуют одни успехи. Есть у него переводы, ничем не превосходящие сделанные ранее другими. Например, в переводе Сагм., I, 15 неловок 32-й стих («Это ли обещал любви?», — стр. 23) и без нужды архаизированы ст. 35—36, составляющие заключительную фразу оды «Испепелит до тла огонь ахейн златой Пергам» (там же). В подлиннике: *Achaeus ignis Iliacas domos* — и это неплохо переведено, например, Н. Гинцбургом: «Греки град Илион сожгут» (см. Гораций, Полн. собр. соч., стр. 27). Едва ли хорош стиль такого выражения, как «О мой провор» (стр. 63), сомнительны «бугаи» вместо быков (стр. 78), «жеребица» вместо общепринятой кобылицы (стр. 91). В переводе Сагм., III, 11 (миф о Данаидах) ослаблена энергия 5-й строфы: *quin et ixion Tityosque Volty/r i s i t invito* (vv. 21—22); у Я. Голосовкера (стр. 16) получается: «И невольный в здох Иксион и Титий, просветлев лицом, издают»; но у многих прежних переводчиков истязаемые Иксион и Титий радостно смеются, чего и требует подлинник.

Не все бесспорно и в других переводах «Избранных од». Нельзя признать удачным перевод, выполненный поэтом М. Тарловским, Сагм., I, 14. «Ч а д о сосен понтийских, // д щ е р е й бора священного... Все ж вотще ты раздул спесь родословием...» (стр. 23) — будучи переведена подобным языком, указанная ода Горация (одна из основных в его наследии) становится совершенно безжизненной. Но этот вычурный перевод в книге, в сущности, исключение. Красочен сделанный А. Тарковским перевод оды к Торквату (Сагм., IV, 7). Радуют многие места в переводах С. Боброва, Ю. Верховского, О. Румера, М. Столярова. И. Сельвинский очень эмоционально и уверенно перевел две оды, посвященные Лидии (Сагм., I, 13 и 25), особенно первую из них. Всеми читателями русского Горация будут замечены и оба перевода Б. Пастернака. Укажем, однако, что в оде к Мельпомене Б. Пастернак не всегда достаточно близок к оригиналу. Стихи 15—16 у Б. Пастернака переведены следующим образом: «С годами звучит слабей ропот зависти и — недружелюбия» (стр. 27). Но у Горация: *et iam dente minus mordet i n v i d o*, что сохранено, например, Н. Шатерниковым — «И уж зависти зуб меньше грызет меня» (Шатерников, стр. 132) и А. Семеновым-Тянь-Шанским: «И меня уж язвит меньше зуб зависти» (Гораций, Полн. собр. соч., стр. 146). Заслуживает похвал по непринужденности фразеологии пастернаковский перевод Сагм., II, 7; однако в этом переводе допущены неправомерности в алкеевом стихе (см. стихи 18 и 21). Пастернаковский перевод Сагм., II, 7, ст. 11—12 («И, в прах зарыв покорно лица, войско сложилось оружие») — это, пожалуй, не совсем то, что у Горация: *cum fracta virtus, et minaces turpe solum tetigere mento*. Место это, чрезвычайно лаконичное и потом

не совсем ясное, издавна служит поводом для споров горациеведов. В свое время это место оды к Помпею удачно комментировал у нас А. Месс¹, предложивший наиболее вероятное толкование трудного текста: когда была сломлена доблесть, грозные коснулись лицами (дословно: п о д б о р о д к а м и) постыдной земли. Иными словами, поэт намекает на паническое бегство прежде грозных воинов, падающих ничком от ударов сзади.

Если первой особенностью рецензируемого издания «Избранных од» Горация должны быть признаны поэтические достоинства большинства собранных в книге переводов, то второй является своеобразный подбор текстов.

В книге отсутствуют оды, в которых Гораций является «римлянином по преимуществу». В частности, в нее не включены оды, обращенные к Августу, — оды, дающие любопытный материал для понимания политической идеологии Рима в эпоху Августа; отмеченные, несомненно, политическим сервилизмом, они чрезвычайно важны для понимания социально-политических корней творчества Горация (Catm., I, 2, 12, 35, 37; II, 1, 15; III, 4, 5, 6, 8, 14, 24; IV, 4, 5, 14, 15 — и некоторые другие)². Затем отсутствует в книге Catmen saeculare; отсутствует даже «Exegi monumentum...» (Catm., III, 30), что просто озадачивает читателя.

Так как в уже цитированном небольшом преуведомлении к «Избранным одам» какие-либо разъяснения в этом смысле отсутствуют, приходится сделать соответствующее умозаключение самостоятельно.

Очевидно, Я. Голосовкер, известный, между прочим, своим сборником «Лирика древней Эллады в переводах русских поэтов» (Academia, М., 1935), сознательно «урезал» Горация, представил его не столько как римского поэта, но скорее как «последнего грека», жившего в Риме, писавшего по-латыни для римлян, но теснейшим образом связанного с эллинской культурной традицией.

Показ Горация как эллинизированного римлянина, а может быть, и как романизированного эллина, даже и в этой небольшой антологии, не ставящей себе целью дать картину всего творчества поэта, приводит к некоторому искажению историко-литературной перспективы. Правда, эллинизм, или даже эллинство Горация, всего отчетливее проявились в его одах — недаром В. Модестов отмечал, что «оды относятся к тем произведениям Горация, где он является всего более связанным с греческой литературой»³. Недаром также и И. М. Тронский отмечает, что у Горация «древнегреческая форма служит облачением для эллинистическим римского содержания»⁴. Однако при всем том отрывать Горация от его римской почвы и оставлять в пренебрежении его римскую тематику никак не следовало, нужно также пожалеть об отсутствии в «Избранных одах» некоторых классических образцов лирики Горация.

Распределение од по отделам («Гимны и мифы», «Поэзия», «Любовь», «Пирушки с друзьями», «Сельская жизнь», «Раздумья», «Мир загробных теней») можно считать удачным. Внешне издание вполне прилично, однако в тексте есть несколько опечаток (дважды напечатано Маилий вместо Манлий, местами неверна орфография, на стр. 50-й, 64 и 78 грубо искажен самый смысл стихов). Нельзя не отметить также опябки, или, быть может, описки в предисловии (стр. 6), где говорится, что в школе Орбилия Гораций изучал «историка Тита Ливия». Речь идет о поэте Ливии Андронике.

И. С. Поступальский

¹ А. Месс, Заметка к оде Горация Lib. II, Catm., VII, 9—14, ЖМНП, 1879, № 10, стр. 358—362.

² На основании этих од Ф. Энгельс шутливо представлял себе Горация «ползающим на брюхе перед Августом».

³ В. Модестов, Лекции по истории римской литературы, Спб., 1888, стр. 428.

⁴ И. М. Тронский, История античной литературы, Учпедгиз, Л., 1946, стр. 392.

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК СТАТЕЙ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ,
ПОМЕЩЕННЫХ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ АКАДЕМИИ
НАУК СССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК¹**

I. «Известия Академии Наук СССР»

М. О. Косвен, История проблемы матриархата (автореферат), 1944, т. I, № 3, стр. 141—143.

П. С. Попов, Логика Аристотеля и логика формальная, 1945, т. II, № 5, стр. 301—318.

С. А. Токарев, Энгельс и современная этнография, 1946, т. III, № 1, стр. 17—30.

Итоги археологических экспедиций 1946 г., 1947, т. IV, № 2, стр. 199—200.

II. «Сообщения Академии Наук Грузинской ССР»

Г. Ч и т а я, Этнографические параллели.

1.— «Грузинская обувь с «носом». 1940, т. I, № 4, стр. 309—316 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.).

Сопоставление грузинской и дагестанской народной обуви с обувью народов древнего Востока.

И. А. С у р г у л а д з е, Термины, обозначающие органы родового строя в древне-египетском языке, 1940, т. I, № 8, стр. 629—636. (На груз. яз.; резюме на русск. яз.)

С. Н. Д ж а н а ш и а, Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии, 1940, т. I, № 8, стр. 623—628 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.).

Близость ряда топонимических фактов Грузии с черкесским языком объясняется автором как наследие доисторического черкесского (адыгейского) населения в Грузии.

Я. И. Г у м м е л ь, К проблеме археоботаники Закавказья. 1940, т. I, № 10, стр. 745—752 (На русск. яз.).

На основе изучения растительных и древесных остатков из археологических раскопок автор указывает на возможность выяснения вопросов хозяйства древнего общества.

А. А. Я ц е н к о - Х м е л е в с к и й, Нахождение тополя в погребении бронзового века в Азербайджане. 1940, т. I, № 2, стр. 137—141 (На русск. яз.).

А. А. Я ц е н к о - Х м е л е в с к и й и Г. В. К а н д е л а к и, Древесные угли из археологических раскопок в Дабла-Гоми (Зап. Грузия), 1940, т. I, № 5, стр. 359—362 (На русск. яз.).

В. Л. М е н а б д е, Ботанико-систематические данные о хлебных злаках древней Колхиды. 1940, т. I, № 9, стр. 683—689 (На русск. яз.).

С. Н. Д ж а н а ш и а, Иван Александрович Джавахишвили (некролог), 1940, т. I, № 9, стр. 641—646.

Я. И. Г у м м е л ь, К проблеме археоботаники Закавказья. Сообщение II. 1941, т. II, № 1—2, стр. 125—132 (На русск. яз.).

С. К а у х ч и ш в и л и, Новые греческие надписи из Армази. 1941, т. II, № 1—2, стр. 169—176 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.).

Автор дает чтение 4 надписей и датирует их II—III вв. н. э.

А. Г. Ш а н и д з е, Данные греческо-пехлевийской билингвы из Армази для истолкования термина «эзойсмодагури» в древнегрузинском языке. 1941, т. II, № 1—2, стр. 181—187 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.).

На основе анализа терминов автор указывает на культурную связь грузинского народа с арамейским миром в I в. н. э.

В. Т о п у р и я, К вопросу о слоях N и S в картвельских языках. 1941, т. II, № 1—2, стр. 189—196 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.).

¹ См. ВДИ, 1948, № 2, стр. 125—130.

Автор устанавливает языковую связь ряда картвельских языков с кавказскими языками и языком урартской клинописи.

И. А. Сургуладзе, Термины, обозначающие органы родового строя в древнеегипетском языке. Сообщение III, 1941, т. II, № 3, стр. 285—292 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.).

Г. Читаия, К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий, 1941, т. II, № 3, стр. 293—299 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.). Автор ставит вопрос о древневосточном (шумерийском) происхождении пахотных орудий.

Г. Читаия, К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. Сообщение II, 1941, т. II, № 4, стр. 373—378 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.).

А. А. Яценко-Хмельевский и Г. В. Канделаки, Древесные углы из раскопок Бештапешской циклопической крепости. Сообщение IV, 1941, т. II, № 5, стр. 441—448 (На русск. яз.; резюме на груз. яз.).

С. Н. Джанашиа, Париадр, Скидис, Мосхийские горы, 1942, т. III, № 6, стр. 603—610 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.).

Путем анализа сообщений античных авторов, главным образом Страбона, устанавливается, что Париадр, Скидис и Мосхийские горы — части одного и того же Восточное Понтийского хребта.

Г. С. Ахведиани, К вопросу об идентификации народа маџуа ахеменидских клинописей, 1943, т. IV, № 5, стр. 483—490 (На груз. яз.; резюме на русск. и англ. яз.).

На основе филологического анализа автор связывает этот народ с некоторыми древнегрузинскими племенами.

С. Г. Каухчишвили, Новая греческая надпись из Мцхета-Самтавро, 1943, т. IV, № 6, стр. 577—584 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.).

Публикация найденной в 1938 г. эпитафии главного живописца и зодчего Аврелия Ахолиса.

П. А. Берадзе, О грузинском «ямбико», 1943, т. IV, № 6, стр. 585—592 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.).

Связь грузинских стихотворных форм с древнегреческим ямбическим триметром.

Нино Хоштариа, Диха-Гудзуба, 1944, т. V, № 2, стр. 207—216 (Резюме на русск. и англ. яз.).

Краткие итоги изучения древних поселений Колхиды.

В. И. Абеев, Вокруг армазской билингвы. 1944, т. V, № 8, стр. 821—829 (На груз. и русск. яз.).

Некоторые замечания по поводу памятника и посвященной ему работы Г. В. Церетели.

Е. Бюс, Условия видимости солнечных затмений в Грузии в первую половину IV в. н. э., 1944, т. V, № 9, стр. 951—954 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.).

Установление для нужд историков наиболее значительных солнечных затмений и условий их видимости.

Л. Сумбадзе, Колхидский жилой дом по Витрувию, 1945, т. VI, № 6, стр. 491—502 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.).

С. В. Барнавели, Две геммы. 1945, т. VI, № 7, стр. 573—580 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.).

Описание двух гемм из Закавказья, связанных с так наз. «греко-персидскими» геммами Малой Азии и местными малоазийскими геммами позднеахеменидского периода.

Г. Леммлейн, Остатки стеклудувного производства в Карсани близ Мцхета, 1945, т. VI, № 9, стр. 743—752 (На груз. яз.; резюме на русск. яз.).

На основе некоторых материалов автор указывает на возможность стекольного производства в районе Мцхета в античную эпоху.

Нино Хоштариа, Археологические исследования в сел. Кулеви. Краткий предварительный отчет экспедиции 1945 г. 1946, т. VII, № 1—2, стр. 81—86. (На груз. и русск. яз.).

Раскопки многослойного древнего поселения в Колхиде. Нижние слои — IV—III тысячелетий до н. э., верхние — римско-византийской эпохи.

III. Известия Академии Наук Азербайджанской ССР

Об изучении древней истории Азербайджана. Решение президиума АзФАН. 1940, № 6, стр. 117 (На русск. яз.).

И. М. Джафарзаде, Ходжалинская экспедиция, 1941, № 2, стр. 15—26 (На русск. яз.).

Раскопки кургана № 5, содержащего погребения конца II — начала I тысячелетия до н. э.

Я. И. Гуммель, Памятники древности в окрестностях Килик-дага. 1941, № 2, стр. 27—41 (На русск. яз.).

Раскопки группы археологических памятников разных эпох (неолит, энеолит, развитая бронза) на территории одного района.

Я. И. Гуммель, Раковины моллюсков из погребений эпохи бронзы, 1941, № 6, стр. 28—31 (На русск. яз.).

На основе материала из погребений первой половины I тысячелетия до н. э. ставится вопрос о связях населения Азербайджана этой эпохи с Урарту, со странами Средиземноморья и с Индией.

Е. А. Пахомов, Кувшинные погребения из Мингечаура. 1944, № 9, стр. 46—53 (На русск. яз.).

А. О. Маковельский, Проблемы истории атомистики. 1945, № 1, стр. 70—71 (На русск. яз.).

Краткое содержание доклада на декабрьской сессии АзФАН в 1944 г.

И. М. Джафарзаде, Элементы археологической культуры древней Мугани (оружие и керамика). 1946, № 9, стр. 21—25 (На русск. яз.).

А. А. Али-Заде и В. Н. Левятов, Историческая наука в Азербайджанской ССР, 1947, № 10, стр. 125—135 (На русск. яз.).

В. Шлеев

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ О МОНЕТАХ БОСПОРСКИХ ГОРОДОВ АПОЛЛОНИИ И МИРМЕКИЯ

Среди нумизматических памятников Боспора имеются две группы ранних серебряных монет, являющиеся своего рода загадкой. К первой из них принадлежат монеты, имеющие на лицевой стороне изображение львиной морды впрямь, совершенно подобное лицевому типу ранних пантикапейских монет, а на обратной — буквы А-Π-Ο-Δ в четырех отсеках углубленного квадрата, разделенного поперечными рельефными перегородками на 4 части. Все исследователи, рассматривавшие эти монеты, единодушно признают надпись АΠΟΔ началом названия города Аполлонии, чеканившего их. Относительно локализации пункта с этим названием высказывались самые различные догадки, и Аполлонию помещали в разных областях¹. Теперь уже никто не сомневается в боспорском происхождении этих монет, но по вопросу о том, какому городу на Боспоре они принадлежали, единого мнения не существует. Наиболее распространенной является гипотеза, выдвинутая впервые в конце прошлого века русским ученым Х. Х. Гилем, согласно которой монеты с надписью АΠΟΔ принадлежат Пантикапею, а Аполлония есть лишь древнейшее название Пантикапея². Иное предположение было высказано А. В. Орешниковым, который приписал интересующие нас монеты небольшому боспорскому городку Мирмекию³.

Внимательное рассмотрение типов ранних боспорских серебряных монет приводит нас к убеждению, что Аполлония не может быть отождествлена ни с Пантикапеем, ни с Мирмекием, а является самостоятельным центром, которому и принадлежат монеты с надписью АΠΟΔ. Правда, поразительная близость этих монет к пантикапейским, довольно значительная интенсивность выпуска их, большое развитие культа Аполлона в Пантикапее — все это говорит как будто бы в пользу предположения Гилея. Самая вероятность названия главной милетской колонии в этом районе Аполлонией достаточно велика. Однако вызывает недоумение тот факт, что это древнейшее название города, столь хорошо известного и столь значительного уже в классическую эпоху, совсем не сохранилось в литературной традиции и не засвидетельствовано ни одним литературным или эпиграфическим памятником. Если бы название Аполлония было, как предполагает Гилея, первоначальным греческим именем Пантикапея и являлось бы его официальным наименованием до середины V в., мы, несомненно, имели бы хоть какие-нибудь указания на это в греческих письменных источниках. Предполагать же, что это первоначальное имя удержалось очень недолго и еще в глубокой древности было заменено новым названием, нельзя, так как последние монеты с надписью АΠΟΔ относятся ко времени не ранее третьей четверти V в. до н. э. Можно было бы предположить еще, что оба названия одно время существовали и что греческое наименование города было Аполлония, а туземное Пантикапей. Но в таком случае греческая традиция скорее могла бы сохранить именно греческое название, а не туземное. Кроме того, на монетах должно было бы помещаться все-таки какое-нибудь одно название, а не оба попеременно. Все эти аргументы *ex silentio* еще недостаточны для того, чтобы опровергнуть гипотезу Гилея. Но против этой гипотезы говорят сами монеты.

¹ Ср. Орешников, ИРАИМК, II, 1922, стр. 126 сл. и указанную там литературу.

² Giel, *Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands*, Moskau, 1886, стр. 23—24; ЗРАО, V, стр. 347 сл.

³ ИРАИМК, II, стр. 128.

Предположение об единстве Аполлонии и Пантикапея требует для своего подтверждения, чтобы монеты с надписью АПОΛ входили в историю развития пантикапейской монеты. Поскольку лицевая сторона обеих групп монет почти тождественна, необходимо рассмотреть рисунок оборотной стороны пантикапейских монет в его эволюции, чтобы определить место монет с надписью АПОΛ в этом развитии. Эволюция рисунка на реверсе ранних пантикапейских монет была в общих чертах прослежена А. Л. Бертье-Делагардом¹, но его классификация этих монет слишком суммарна, не дает полной картины развития рисунка на оборотной стороне монет Пантикапея, а в некоторых случаях и искажает ее, и потому не может быть применена для решения поставленной нами задачи. Совершенно верно прослеживается эта эволюция в неизданном еще труде А. Н. Зографа «Античные монеты». Но А. Н. Зограф останавливается на этом вопросе очень бегло и не делает никаких выводов об отношении рисунка пантикапейских монет к рисунку на монетах с надписью АПОΛ. Поэтому мы разберем здесь подробнее этот вопрос, базируясь на схеме, данной А. Н. Зографом.

Наиболее древние из серебряных монет Пантикапея имеют на оборотной стороне грубо выполненный неправильной формы вдавленный квадрат². Этот квадрат получает затем правильные очертания и делится на 4 части (отсека) двумя рельефными перегородками, перпендикулярными друг к другу и к сторонам квадрата. Переходным экземпляром к этому четырехчастному делению является монета из бывш. собрания Одесского Общества истории и древностей, опубликованная Миннаом³. Такое разделение простого *quadrati incusi* на четыре части перпендикулярными перегородками является обычным как на монетах ионийского культурного круга, так и в нумизматике Северной Греции. Но при этом у монет Пантикапея имеется особенность, не отмечаемая ни на каких других монетах: в каждом из образовавшихся четырех небольших углубленных квадратиков (отсеков) находится выпуклый шарик или точка⁴. Сначала каждая из этих точек находится в центре соответствующего углубленного отсека, но затем они сдвигаются в углы отсеков и примыкают к поперечным перегородкам, разделяющим *quadratum incusum*. Слияясь с перегородками в тех местах, где последние соприкасаются с краями *quadrati incusi*, эти шарики превращаются в рельефные таблички, расположенные в углах отсеков. Они получают затем правильную квадратную форму и занимают почти всю площадь каждого маленького квадратного углубления. В центре монеты эти четыре таблички соединяются остатками первоначальных перпендикулярных перегородок. Таким образом получается чертеж, вписанный в углубленный квадрат и напоминающий крылья ветряной мельницы⁵. Этот процесс трансформации рельефных точек в квадратные таблички очень отчетливо прослеживается на отдельных монетах, являющихся переходными типами⁶. Образовавшийся таким образом рисунок является совершенно оригинальным и нигде, кроме Пантикапея, не встречается. В то же время на монетах Пантикапея этот чертеж в виде крыльев ветряной мельницы является необходимой принадлежностью типа оборотной стороны и соста-

¹ «Нум. сб.», II, стр. 72 сл.

² Podschivalow, Beschreibung d. unedierten und wenig bekannten Münzen. Moskau, 1882, табл. 1, рис. 2. От ссылок на рисунки каталога Бурачкова сознательно отказываюсь ввиду их крайней недоброкачественности.

³ Minns. Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, табл. V, рис. 3.

⁴ Giel, там же, табл. III, рис. 22, 23. Правда, Гиль сомневается в подлинности оборотной стороны этих двух монет (стр. 23), но нам кажется, что расположение выпуклых точек в углах квадратов на большей из этих монет может скорее говорить за подлинность ее, так как оно соответствует дальнейшей эволюции типа и служит естественной ступенью в этой эволюции. В то же время очень маловероятно, чтобы фальсификатор мог сознательно сместить точки в углы квадратов; для этого он должен был бы иметь ясное представление о дальнейшем развитии типа, что предполагать совершенно невозможно.

⁵ Podschivalow, там же, табл. I, рис. 5; Giel, там же, табл. III, рис. 29.

⁶ Giel, там же, табл. III, 19—20.

влияет ту основу, на которой происходит дальнейшее развитие реверсного типа пантикапейских монет в V в. до н. э.

Следующим шагом в развитии типа является заполнение орнаментом рельефных табличек. На двух из них, диагонально расположенных, появляются украшения в виде рельефных четырехлучевых звездочек; две другие таблички остаются пока пустыми¹. Монеты этой группы встречаются довольно часто, но все они принадлежат к средним по величине номиналам, которые Бертье-Делагард определяет как диобол и тетробол². Нам известны только две монеты этой группы, принадлежащие к мелким номиналам³. Это явление резко контрастирует с обычным положением вещей в Пантикапее в ту эпоху, когда, как известно, мельчайшие серебряные монеты количественно значительно преобладают над монетами средних номиналов. Надо полагать, что одновременно с этими диоболами и тетроболами в обращении находилась и более мелкая серебряная монета, составлявшая с ними одну серию и служившая разменной мелочью. Нам кажется, не будет большой натяжки в предположении, что указанным диоболам и тетроболам соответствовали маленькие серебряные монетки, имеющие на оборотной стороне прежний рисунок: *quadratum incusum*, разделенный поперечными перегородками на четыре части с точками внутри этих небольших квадратных отсеков. Однако теперь вместо четырех точек остаются только две, в накрест лежащих (как звездочка на табличках) отсеках *quadrati incusi*⁴; видимо, мелкие монеты продолжали сохранять прежний, более простой тип реверса, в то время как на более крупных номиналах выработался уже более сложный рисунок в виде крыльев ветряной мельницы. Может быть, это должно быть объяснено трудностью технического выполнения сравнительно сложного рисунка на той небольшой площади, которую представляют в распоряжение резчика мельчайшие монетки. Нашему предположению об одновременности указанных групп монет не противоречит и сравнение лицевых сторон монет обеих этих групп: изображение львиной головы на аверсе мелких монет с точками и по стилю и по фактуре чрезвычайно похоже на изображение той же головы на диоболах и тетроболах и резко отличается от лицевого типа более ранних монет гораздо более мягким рельефом и целым рядом деталей: длинная грива над головой льва, трактованная в виде прямых, немного волнистых прядей, уши круглые и менее расставленные в стороны, чем на более ранних монетах, узкие и косо поставленные глаза, хорошо моделированные выпуклости лба и носа — все эти черты присущи изображениям львиной морды на монетах обеих рассматриваемых групп и заставляют относить их к одному времени⁵.

Следующую стадию в развитии монетного типа в Пантикапее составляет первое появление на монете буквенного обозначения города. На двух табличках, оставшихся до сих пор свободными, появляются буквы Π и Α, составляющие начало названия города *αντικαπαιοιν*. В расположении букв строго соблюдается только одно правило:

¹ Podschivalow, там же, табл. I, рис. 6; G i e l, там же, табл. III, 30, 31; «Каталог монет нумизматического кабинета Моск. Публичного и Румянцевского музея», вып. I, М., 1884, стр. 20, № 158; Minns, там же, табл. V, рис. 4. Вряд ли можно сомневаться в том, что звездочки играют здесь только декоративную роль и не имеют никакого смыслового значения. Широкое применение звезды или звездообразного цвета в архаическом искусстве в качестве заполнительного орнамента или декоративного элемента хорошо известно; с этой же целью употребляется рисунок звезды и в монетных типах. Вообще изображения звезды на греческих монетах очень часты, но только с IV века эти изображения получают внутренний смысл, связанный с определенными культовыми или астральными представлениями, и перестают быть только орнаментальным мотивом.

² «Нум. сб.», II, стр. 76, № 73—74.

³ «Нум. сб.», II, стр. 76, № 75; «Brit. Mus. Cat.», Thrace, стр. 187, № 4.

⁴ G i e l, там же, табл. III, рис. 25—28; «Brit. Mus. Cat.», Thrace, стр. 187, № 5.

⁵ Все сказанное, конечно, не относится к монетам, подобным изображенной у Г и л я, там же, табл. III, рис. 24, которые являются гораздо более архаическими и принадлежат еще к первым сериям пантикапейских монет.

они обязательно размещаются на диагонально расположенных табличках, тогда как две противолежащие таблички попрежнему заняты звездочками. Чаще всего буквы повернуты в противоположные стороны — одна вверх, другая вниз, так что для прочтения их требуется вращать монету; но иногда они обе повернуты в одну сторону. На монетах этой серии встречаются два вида звездочек: четырехлучевые, уже встречавшиеся нам на более ранних, еще анепиграфных монетах, и восьмилучевые. Последние помещаются обычно на монетах более крупных, тогда как мелкие серебряные монеты сохраняют четырехлучевые звездочки ¹. С появлением на реверсе двух букв надписи все квадратные таблички оборотной стороны оказываются занятыми и весь чертеж получает свое логически-художественное завершение. Однако развитие типа на этом не останавливается. К двум начальным буквам названия города прибавляется третья — N, вытесняющая одну из звездочек с занятой ею таблички. Теперь 3 таблички заняты буквами, четвертая попрежнему украшена восьмилучевой (четырёхлучевые звезды исчезают) звездой. Совершенно естественно, что теперь уже требуется определенное размещение и определенный поворот букв для того, чтобы надпись ПАН легко читалась при поворачивании монеты.

Схема расположения букв получается следующая: $\begin{smallmatrix} N & A \\ * & P \end{smallmatrix}$, и вся надпись читается против часовой стрелки ².

Прибавление третьей буквы и упразднение одной звездочки нарушило установившееся равновесие всего рисунка и потребовало дальнейшего изменения его. Художественно изощренный глаз греческого мастера тотчас же заметил это. Последняя звездочка изгоняется с занимаемой ею таблички и заменяется буквами TI. Теперь все четыре таблички заняты надписью Π-A-N-TI, идущей по кругу, против часовой стрелки. Звезда, однако, не исчезает совсем, а перемещается в центр монеты и располагается между табличками, связывая их и заменяя прежнее перекрестие ³. Наконец, последним этапом в развитии этого рисунка оборотной стороны является исчезновение рельефных табличек на малых номиналах. Буквы надписи Π-A-N-TI остаются на прежних местах, но располагаются уже не на рельефных квадратных табличках, а просто в поле quadrati incusi. Восьмиконечная центральная звездочка также остается на своем месте, но четыре луча ее удлиняются и делят все поле углубления на 4 части ⁴; все же звездочка продолжает оставаться восьмилучевой и никогда не теряет своих остальных четырех коротких лучей, что важно отметить при сравнении с монетами, носящими надпись ΑΠΟΛ.

На этом постепенное развитие типа оборотной стороны ранних пантикапейских монет прерывается; следующая серия пантикапейского серебра, сохраняя на лицевой стороне ту же морду льва впрямь, на реверсе имеет совершенно иной рисунок — профильную голову барана в углубленном квадрате.

Мы проследили постепенную эволюцию типа оборотной стороны ранних пантикапейских монет от грубого quadrati incusi до изящного чертежа, состоящего из восьмилучевой звездочки в центре монеты и расположенных вокруг нее четырех рельефных табличек с буквами Π-A-N-TI на них. Главным в этой эволюции является возникновение и последующее развитие этих рельефных табличек, которые и составляют основу всего чертежа. Возвращаясь к монетам с надписью ΑΠΟΛ, мы не найдем на них ничего подобного. Все монеты этой категории, имеющие на лицевой стороне морду льва впрямь, совершенно ясно распадаются на две группы. Монеты первой группы имеют на реверсе простой углубленный квадрат, разделенный на 4 части двумя перпендикулярными перегородками. В четырех образованных таким образом отсеках размещены буквы Α-Π-Ο-Λ. Рас-

положение букв на этих монетах всегда одинаковое: $\begin{smallmatrix} \Lambda & \Pi \\ \text{O} & \Lambda \end{smallmatrix}$, надпись читается против

¹ Podschiewalow, там же, табл. I, рис. 7, 8, стр. 5; «Каталог собрания древностей гр. Уварова», вып. VII, М., 1887, табл. II, 366; Giel, там же, табл. III, стр. 32—36.

² Giel, там же, табл. III, 38—39.

³ Там же, табл. III, рис. 40, 41.

⁴ Там же, табл. III, рис. 42, 43.

часовой стрелки¹. Ко второй группе относятся монеты, имеющие на реверсе в углубленном квадрате те же буквы, но помещенные не просто в поле *quadrati incusi*, а на рельефных табличках, сдвинутых в углы этого поля. Сам углубленный квадрат делится на 4 части не перегородками, а лучами четырехлучевой звезды, проходящими между табличками. Буквы на табличках расположены в ином порядке, чем на монетах первой

группы, и читаются по часовой стрелке: $\frac{A}{\Lambda} \frac{I}{\Gamma} \frac{O}{\Theta}$ ². Наличие на этих монетах релье-

фных табличек, на которых размещаются буквы надписи, как будто бы сближает их с пантикапейскими монетами, но необходимо учитывать одно очень существенное обстоятельство: таблички на монетах Пантикапея объединены в один чертеж, наподобие крыльев ветряной мельницы; даже тогда, когда линии, связывавшие таблички, заменяются звездочкой в центре монеты, таблички сохраняют след этой связи в своем расположении; таблички же на монетах с надписью АПОА не обнаруживают никакой связи с этим чертежом ветряной мельницы, они симметрично расположены в углах *quadrati incusi*. Четырехлучевая звезда, находящаяся между ними, также не имеет ничего общего с восьмилучевой звездочкой пантикапейских монет, функции ее как раз противоположны: она разделяет таблички, в то время как звездочка на пантикапейских монетах связывает их. Поэтому говорить о какой-нибудь гететической связи между оборотными типами второй группы монет с АПОА и пантикапейских монет нам кажется невозможным. Еще менее можно говорить о связи с пантикапейскими монетами монет первой группы. Среди ранних пантикапейских монет совершенно нет примеров помещения букв надписи прямо в поле, без табличек, за исключением только мелких номиналов самой последней серии монет с восьмиконечной звездочкой в центре, о которых уже говорилось выше, но эти мелкие монеты принадлежат уже гораздо более позднему времени, чем монеты первой группы с надписью АПОА; да и самое исчезновение на них табличек имеет, вероятно, чисто технические причины, поскольку на более крупных номиналах той же серии таблички всегда сохраняются.

Из всего вышесказанного следует, во-первых, что рисунок оборотной стороны монет с надписью АПОА не находится в непосредственной связи с реверсным типом пантикапейских монет, и, во-вторых, что для него не находится места в постепенной эволюции этого типа. Поэтому отнести монеты с надписью АПОА к Пантикапею можно было бы только при условии помещения их вне этой эволюции, т. е. между вышеописанными пантикапейскими монетами с рельефными табличками и монетами с головой барана на реверсе. Это и было сделано Бертье-Делагардом³. Однако такая относительная датировка этих монет невозможна уже потому, что голова льва на лицевой стороне монет с надписью АПОА первой группы архаичнее по стилю, чем та же голова на последней серии пантикапейских монет с табличками. Кроме того, такая датировка этих монет, по справедливому замечанию Зографа, предполагает двукратное переименование города, что очень мало вероятно. Гораздо естественнее предположить, что монеты с надписью АПОА выпускались одновременно и параллельно с пантикапейскими монетами и что название Аполлония относится не к Пантикапею, а к какому-то иному пункту на Боспоре. У нас нет пока никаких оснований для суждения о том, какое поселение на Боспоре называлось Аполлонией; было ли это имя древнейшим наименованием какого-нибудь известного нам под другим названием пункта или оно относилось к какому-то бесследно исчезнувшему поселению; когда произошло переименование или исчезновение города Аполлонии — все эти вопросы не могут быть сейчас решены. Но гипотезу Гиля о тождестве Аполлонии и Пантикапея рассмотренные нумизматические данные не оправдывают.

Сравнивая между собой обе вышеупомянутые группы монет Аполлонии можно за-

¹ Там же, табл. III, рис. 15—16; Г и л ь, ЗРАО, V, табл. IV, рис. 18; «Kat. собр. древностей гр. Уварова», вып. VII, стр. 50, № 367; «Brit. Mus. Cat.», Thracae, стр. 87, № 1—3.

² G i e l, там же, табл. III, рис. 17; Г и л ь, ЗРАО, V, табл. IV, рис. 17.

³ «Нум. сб.», II, стр. 79.

метить, что группа с рельефными табличками является более поздней. Четырехлучевая звезда, разделяющая эти таблички, произошла, совершенно очевидно, из первоначального простого перекрестья, делившего на четыре части *quadratum incusum* на монетах первой группы. Что касается табличек, на которых помещаются буквы, то их появление вызвано, скорее всего, подражанием пантикапейскому типу. Сравнение лицевых сторон обеих групп монет подтверждает эту относительную хронологию. На монетах второй группы мы встречаем морду льва, по стилю и фактуре совершенно аналогичную той, которая находится на пантикапейских монетах с надписью *ΠΑΝ* и *ΠΑΝΤΙ* на табличках; та же суммарная трактовка придей волос, те же стоячие острые уши, та же узкая передняя часть морды. Морда льва на монетах Аполлонии более ранней группы очень похожа на такую же морду пантикапейских монет, имеющих на оборотной стороне буквы *ΠΑ* и две звездочки. Таким образом, монеты Аполлонии синхронны двум сериям пантикапейских монет.

Здесь уместно возвратиться к пантикапейским монетам с буквами *ΠΑ*. Буквы эти читались исследователями двояко: *ΑΠ* и *ΠΑ*, и в зависимости от этого монеты относились к Аполлонии или Пантикапею. Уже анализ чертежа оборотной стороны этих монет показывает, что они входят необходимым звеном в ряд древнейших пантикапейских монет и их ничто не роднит с монетами Аполлонии, кроме случайного совпадения букв. Теперь мы видим, что одновременно с ними существовали монеты с бесспорной надписью *ΑΠΟΑ* и с совершенно другой структурой реверса. Может быть, возможность двоякого чтения букв *ΠΑ* и вызвала добавление к ним следующих букв названия *Παντικαταίων* — *-ΝΤΙ*, дабы предотвратить возможное, при одинаковом типе лицевой стороны, смешивание пантикапейских монет с монетами соседней Аполлонии. А может быть, здесь имело место как раз влияние этой соседней чеканки Аполлонии, которая первые же свои монеты стала надчеканивать более полным названием, чем Пантикапей. Откуда сама Аполлония заимствовала свой тип реверса, сказать трудно; может быть, здесь можно видеть некоторое фракийское влияние, поскольку подобная структура типа оборотной стороны встречается на монетах фракийских городов Маронеи и Триера (?), македонского города Трагила и некоторых других поселений этого же района.

Обратимся теперь к другой группе из числа ранних серебряных монет Боспора. Это очень маленькие серебряные монетки, имеющие на лицевой стороне изображение муравья. Гиль (там же, стр. 24), опубликовав несколько таких монет, высказал предположение, что они выпущены Мирмекием (*Murmekion*) и что муравей, *μύρμηξ*, является говорящим типом этого города. Того же мнения придерживается и Орешников (ИРАИМК, II, стр. 128). Само предположение, что муравей является говорящим типом Мирмекия, очень вероятно. Гипотеза С.А. Жебелева о том, что название Мирмекий произошло не от слова муравей, а от имени собственного *Μύρμηξ*¹, дела абсолютно не меняет. Здесь имеются трудности совершенно другого порядка. Все монеты, имеющие на лицевой стороне изображение муравья, могут быть разделены на три группы: анепиграфные, с надписью *ΠΑ* или *ΠΑΝΤΙ*, с надписью *ΑΠΟΑ*. Если анепиграфные монеты могут быть без особых затруднений отнесены к Мирмекию на том основании, что на них имеется *argentes parlantes* этого города, то монеты с надписями на реверсе указывают как будто бы на другие места выпуска — на Аполлонию и Пантикапей. Гиль (там же, стр. 24) очень просто разрешал это противоречие: считая Аполлонию и Пантикапей одним и тем же городом, он полагал, что маленький Мирмекий, чеканя свои монеты, помещал на них имя своего могущественного соседа. Но мы уже видели, что отождествление Аполлонии и Пантикапея неосновательно. По другому пути пошел Орешников (ИРАИМК, II, стр. 127); он отождествил Аполлонию и Мирмекий, и таким образом монеты с муравьем и с надписью *ΑΠΟΑ* очень просто нашли свое место. Монеты же с муравьем и с надписью *ΠΑΝΤΙ* он устранил тем, что считает их поддельными или, по крайней мере, в высшей степени сомнительными. С доводами Орешникова вряд ли можно согласиться. Поддельность всех монет с типом муравья и с надписью *ΠΑΝΤΙ* никем не доказана, хотя среди

¹ «Материалы и исследования по археол. СССР», вып. IV, 1941, стр. 149 сл.

них действительно встречается немало фальшивых, как, впрочем, и среди монет Пантикапея и Аполлонии. Но если даже устранить все монеты с надписью ПАНТИ, то остаются еще монеты с надписью ПА, в подлинности которых не сомневается и сам Орешников. Он читает эти буквы как АП и относит на этом основании монеты к Мирмекию-Аполлонии. Но мы уже видели, что характерный черт реверса в виде крыльев ветряной мельницы, имеющийся в наличии и на всех монетах с этими буквами и муравьем, является характерным и неотъемлемым признаком пантикапейской чеканки. Следовательно, было бы неправильно читать ПА как АП. Приходится признать, что на монетах с изображением муравья название Пантикапей встречается наряду с названием Аполлонии. А это лишает основания всю гипотезу Орешникова об идентичности Аполлонии и Мирмекии. Эта гипотеза не объясняет, почему говорящий тип Аполлонии-Мирмекии — муравей чеканится только на мельчайших номиналах, в то время как крупные монеты носят на реверсе пантикапейский тип — морду льва впрямь. Наконец, если Аполлония и Мирмекия — одно поселение, является совершенно непонятным, почему мелкая серебряная монета одних и тех же номиналов выпускается то с изображением муравья на лицевой стороне, то с изображением пантикапейской эмблемы — морды льва. Все это говорит против отождествления Мирмекии и Аполлонии. (Остается предположить, что Аполлония не была древним названием Мирмекии, так же как не была она и древним названием Пантикапея, и что все три центра существовали самостоятельно.

Возвращаясь к монетам с изображением муравья на лицевой стороне, мы опять должны будем приглядеться к реверсному типу этих монет. По рисунку оборотной стороны их можно подразделить на следующие шесть групп: 1) Анепиграфные монеты, имеющие на реверсе *quadratum incusum*, разделенный двумя перегородками на четыре отсека, в двух из которых имеются рельефные точки¹. Этот рисунок реверса в точности соответствует такому же рисунку на мелких номиналах анепиграфной серии пантикапейских монет, и обе эти группы монет, вероятно, одновременны. 2) Монеты, имеющие на оборотной стороне рельефные таблички с буквами ПА и двумя звездочками², несомненно, синхронные таким же монетам Пантикапея. 3) Монеты с буквами ПАНТИ, расположенными на рельефных табличках вокруг восьмилучевой звездочки³, очевидно соответствующие по времени монетам Пантикапея с тем же типом реверса и, вероятно, предыдущей пантикапейской серии с надписью ПАН. 4) Монеты с теми же буквами ПАНТИ на реверсе, но помещенными без рельефных табличек прямо в поле углубленного квадрата между четырьмя длинными лучами центральной восьмилучевой звездочки⁴. Этот тип оборотной стороны полностью повторяет тип мелких номиналов той же последней серии ранних пантикапейских монет с табличками, на которых эти таблички исчезают. Надо думать, обе эти группы одновременны. 5) Монеты с буквами АПОА, помещенными в четырех отсеках *quadrati incusi*, разделенного поперечными перегородками⁵. Эта группа должна быть сопоставлена с первой серией монет Аполлонии, реверс которых она точно копирует. 6) Монеты с теми же буквами в углубленном квадрате, но разделенном не простыми перегородками, а лучами четырехлучевой звезды⁶. Монеты этой последней группы необходимо сопоставить со второй серией монет Аполлонии. На этих маленьких монетках звезда также образовалась из простого перекрестья, как и на монетах Аполлонии, но рельефные таблички, которые были заимствованы Аполлонией у Пантикапея, на этих монетах с муравьем не появились. Зато поворот букв надписи АПОА обычно соответствует второй серии аполлонийских монет и отличается от предыдущей, пятой, группы монет с муравьем.

Сделанные нами сопоставления монет с типом муравья с монетами Аполлонии и Пантикапея приводят нас к выводу об одновременности указанных групп монет: пятой — со второй, шестой — с третьей и четвертой. Если мы, вслед за Гилем и Орешниковым,

¹ G i e l, там же, табл. III, рис. 1—2.

² Там же, табл. III, рис. 8—10.

³ Там же, табл. III, рис. 13—14.

⁴ Там же, табл. III, рис. 12.

⁵ Там же, табл. III, рис. 5.

⁶ Там же, табл. III, рис. 6—7.

признаем, что муравей является говорящим типом Мирмекия и что монеты с изображением муравья принадлежали Мирмекию (а эта гипотеза является, как нам кажется, единственно возможным объяснением столь своеобразного типа), то мы приходим к следующим заключениям:

1. Все монеты Мирмекия, имея на лицевой стороне говорящий тип этого города, на оборотной стороне носят не собственный тип, а типы соседних городов — Пантикапея и Аполлонии.

2. Эти пантикапейские и аполлонийские типы проделывают на мирмекийских монетах совершенно ту же эволюцию, что и на собственных монетах Пантикапея и Аполлонии. Единственным исключением является только то обстоятельство, что на позднейших монетах с надписью АПОА (шестая мирмекийская группа) не появляются рельефные таблички, имеющиеся на современных им монетах Аполлонии. Этот факт может показывать, что и на самих монетах Аполлонии таблички эти являются элементом до некоторой степени чуждым и непрочным, заимствованным у соседнего Пантикапея.

3. По времени чеканка мирмекийских монет с типами Аполлонии и с типами Пантикапея совпадает.

Объяснение всех этих своеобразных и любопытных явлений можно найти, как нам кажется, в следующем предположении. Маленький городок Мирмекий, не имея своего собственного монетного двора, но нуждаясь в мелкой разменной монете, чеканил эту монету на монетных дворах соседних городов — Пантикапея и Аполлонии, поэтому лицевая сторона мирмекийских монет всегда занята говорящим типом этого города, а оборотная получает реверсный тип мелких номиналов того города, в котором производилась чеканка. Такая система, с одной стороны, позволяла различать автономную мирмекийскую монету, а с другой — сразу указывала на монетный двор, где был произведен тот или иной выпуск. Кроме того, она была очень удобна при размене денег Пантикапея и Аполлонии на мирмекийские, что при близости расположения этих городов друг к другу (по крайней мере, Мирмекия и Пантикапея) и при несомненно очень тесных хозяйственных связях, существовавших между ними, являлось весьма существенным обстоятельством. Можно также предполагать, что мирмекийские мелкие серебряные деньги имели хождение и в самих Аполлонии и Пантикапее наряду с собственной мелкой монетой этих городов. Окончательно установить этот факт можно будет лишь тогда, когда будет изучена топография находок ранних боспорских монет, для чего сейчас у нас нет достаточного материала. Изучение топографии находок может помочь и в локализации Аполлонии Таврической, хотя особенно больших надежд в этом отношении питать не следует, так как весьма вероятно, что ранние монеты боспорских городов имели хождение не только в самих городах, выпускавших их, но и по всему Боспору¹. Пока же мы можем только высказать предположение, что Аполлония должна была находиться где-то неподалеку от Мирмекия и Пантикапея, поскольку первый чеканил на аполлонийском монетном дворе свою монету, а у второго Аполлония заимствовала для своих монет тип лицевой стороны. Каковы были причины этого заимствования, мы пока тоже с уверенностью сказать не можем; скорее всего, оно явилось следствием экономической, а может быть, и политической зависимости Аполлонии от Пантикапея. Можно думать, что Аполлония была довольно значительным населенным пунктом, судя по наличию у нее собственного монетного двора и по интенсивности ее чеканки.

На основании всех вышеизложенных соображений можно составить прилагаемую синхронистическую таблицу ранней серебряной чеканки Пантикапея, Аполлонии и Мирмекия.

Исходя из этой таблицы, можно предположительно нарисовать прилагаемую картину ранней монетной чеканки на Боспоре. Раньше всех других городов начал чеканить свою монету Пантикапей. Мы не имеем никаких прямых свидетельств о времени начала этой чеканки и при датировке первых пантикапейских монет должны базироваться исключи

¹ Ср., например, состав монетных находок в Тамани — К. Герц, Археологическая топография Таманского полуострова, М., 1870, стр. 45.

РИСУНОК ОБОРОТНОЙ СТОРОНЫ НА МОНЕТАХ ПАНТИКАПЕЯ, МИРМЕКИЯ И АПОЛЛОНИИ

ПАНТИКАПЕЙ	МИРМЕКИЯ		АПОЛЛОНИИ
	Пантикапейский чекан	Аполлонийский чекан	
Голова барана в углубленном квадрате			
В углубленном квадрате восьмилучевая звездочка и вокруг нее 4 таблички с буквами П-А-N-TI (на мелких номиналах табличек нет).	В углубленном квадрате восьмилучевая звездочка, вокруг нее буквы П-А-N-TI на 4 табличках или без них.	Углубленный квадрат, деленный на 4 части четырехлучевой звездой. Между лучами звезды буквы А-П-О-А без табличек.	Углубленный квадрат, деленный на 4 части четырехлучевой звездой. Между лучами звезды буквы А-П-О-А на 4 табличках.
В углубленном квадрате 4 таблички, на них буквы П-А-N и звездочка.			
В углубленном квадрате 4 таблички, на них буквы П-А и две звездочки.	В углубленном квадрате 4 таблички, на них буквы П-А и 2 звездочки.	Углубленный квадрат, деленный на 4 отсека, в каждом из которых по букве А-П-О-А	Углубленный квадрат, деленный на 4 отсека, в каждом из которых по букве А-П-О-А.
В углубленном квадрате 4 таблички, на двух из которых по звездочке, две другие пустые. На мелких номиналах — углубленный квадрат, деленный на 4 отсека, в двух из которых по точке.	Углубленный квадрат, деленный на 4 отсека, в двух из которых по точке.		
В углубленном квадрате 4 таблички, составляющие чертеж в виде крыльев ветряной мельницы.			
Углубленный квадрат, разделенный на 4 отсека, в каждом из которых по точке.			
Грубый, неоформленный углубленный квадрат.			

тельно на стилистических и общеисторических соображениях. Первые пантикапейские монеты с очень архаической головой льва на лицевой стороне и еще неоформленным квадратным углублением на оборотной по стилю и по фактуре могут быть отнесены еще к середине VI в. до н. э. Сравнение их с архаическими ионийскими монетами подтверждает эту приближительную датировку. Такая датировка вполне вероятна и по другим соображениям. Последние раскопки В. Д. Блаватского в Керчи заставляют отодвигать дату основания Пантикапея в первую половину, может быть, даже в первую четверть VI в. Если учесть, что VI в. был для Пантикапея временем большого экономического расцвета, что в середине VI в. вокруг Пантикапея существовал ряд греческих поселений, придется признать, что относительно раннее начало монетной чеканки на Боспоре совершенно закономерно. Вряд ли Пантикапей мог сколько-нибудь продолжительное время обходиться без собственной монеты.

Если мы признаем, что чеканка монеты в Пантикапее началась в середине VI в. до н. э., то следует отнести ко второй половине этого века ранние серии пантикапейских монет, на реверсе которых *quadratum incusum* еще не содержит рисунка в виде крыльев ветряной мельницы. Морды львов на этих монетах имеют еще очень архаические черты, которые не позволяют датировать их более поздним временем. Фактура этих монет также сближает их с архаическими ионийскими монетами VI в.

Для датировки следующих серий пантикапейских монет мы имеем очень мало данных, но, поскольку монеты с новым типом оборотной стороны — головой барана, могут быть довольно твердо датированы последней четвертью V в. до н. э., все монеты с чертежом в виде крыльев ветряной мельницы на реверсе должны занять всю остальную часть этого столетия. Для наиболее ранних монет этого типа, не имеющих еще буквенных обозначений или помеченных буквами ПА, можно подыскивать некоторые аналогии, исходя из трактовки волос на львиной голове в виде отдельных волнистых прядей. Подобное изображение волос встречается на монетах конца VI и первой половины V в. Новая трактовка волос в виде коротких заостренных прядей, выступающих друг из-под друга, появляется на различных греческих монетах в конце первой половины V в. Так как обе эти манеры встречаются на пантикапейских монетах с буквами ПА и двумя звездочками, то мы можем предположительно отнести чеканку этой серии ко второй четверти V в. и, может быть, к началу третьей четверти; тогда анепиграфные монеты с выработанным уже рисунком крыльев ветряной мельницы займут первую четверть века. Такая датировка оправдывается и сравнением львиных голов на монетах указанных серий и на тетрадрахмах Мессены, чеканившихся в первой половине VI в. Монеты с рельефными табличками и буквами ΠΑΝΤΙ (или ΠΑΝ) должны быть датированы, таким образом, третьей четвертью V в. Все эти датировки, разумеется, весьма приближительны, поскольку они основываются только на стилистических аналогиях.

Выше мы уже говорили, что первые монеты Аполлонии современны пантикапейским монетам с двумя звездочками и буквами ПА на реверсе. Так как львиная грива на аполлонийских монетах всегда трактована в более поздней манере — в виде коротких прядей, то можно думать, что чеканка в Аполлонии началась несколько позже, чем выпуск пантикапейских монет с буквами ПА, примерно в шестидесятых годах V в. до н. э.

Немного раньше начинается чеканка мирмекийской монеты. Но этот город чеканит свою монету на монетных дворах своих соседей: сначала Пантикапея, а когда создается монетный двор в Аполлонии, то и в том и в другом месте одновременно. Некоторое время Аполлоний и Мирмекия выпускают свою монету параллельно с Пантикапеем, затем внезапно всякая чеканка в этих двух пунктах совершенно прекращается. В то же время в самом Пантикапее происходит смена монетного типа: постепенное развитие рисунка оборотной стороны пантикапейских монет резко обрывается, и новые серии получают совершенно новый тип реверса — голову барана в углубленном квадрате. Вряд ли это было случайным совпадением. Скорее надо видеть в этих фактах отражение какой-то реальной политической ситуации. Время всех этих перемен определяется очень приблизительно. Если чеканка пантикапейских монет с головой барана падает на последнюю четверть V в., то прекращение автономной чеканки Мирмекия и Пантикапея должно было произойти в начале 20-х гг. этого столетия. Незадолго перед этим на Боспоре происходит

смена династии, и было бы очень заманчиво объяснить эти перемены новым политическим курсом, принятым Спартокидами. Прекращение автономной чеканки второстепенных боспорских городов — Мирмекия и Аполлонии могло бы быть объяснено их полным подчинением центральной власти и централизацией монетного дела на Боспоре Спартокидами. Параллель этому можно найти во внезапном прекращении чеканки других автономных городов Боспора (например, Нимфея) после их присоединения к державе Спартокидов. Для Мирмекия и Аполлонии это тем более вероятно, что города эти, как видно из подражательности их чеканки, уже раньше, при Археанактидах, находились в экономической и, вероятно, в политической зависимости от Пантикапея; утрата ими права чеканки только завершила их полное подчинение архонтам Боспора.

Д. Б. Шелов

ИЗ ИСТОРИИ АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ (АРХАИЧЕСКИЙ РОДОС)

(Автореферат)

История развития отдельных районов и полисов древней Греции остается еще мало исследованной. В то же время только детальное изучение своеобразия путей развития отдельных полисов может осветить все еще во многом темные периоды ранней истории Греции.

История архаического Родоса, бывшего в центре политической и экономической жизни греческих государств в их связи с Востоком, чрезвычайно важна для понимания узловых проблем раннегреческой истории: проблемы перехода от микенского периода к архаическому, проблемы взаимоотношений греков с финикийцами, проблемы роли родовых институтов в жизни полиса и, наконец, проблемы колонизации.

Однако история Родоса до сих пор не написана, несмотря на большой археологический материал и все увеличивающееся количество эпиграфических находок. Работы западноевропейских буржуазных ученых по истории Родоса представляют собой грубейшее упрощение и искажение действительного исторического процесса. Кроме того, они устарели и по собранному в них материалу. Остров Родос в древнейшую пору своего существования был одним из очагов минойской культуры. Последние по времени раскопки обнаружили у г. Филерма, в районе Ялиса, руины минойского дворца с остатками фресок. О длительности критского влияния на Родос свидетельствует родосская топонимика, мифология, родосские некрополи и минойские пережитки в архаических культах и в архитектуре Врулийского святилища. С этими первыми поселенцами связано и предание о тельхинах, первоначальном населении острова.

Смена микенского периода архаическим, период так называемого «дорийского переселения», ознаменован на Родосе медленным отмиранием микенских пережитков в геометрической керамике. Наличие двух способов захоронения (труположения и кремации) в одних и тех же погребениях свидетельствует о просачивании дорийского элемента в период, непосредственно предшествовавший дорийскому переселению, когда кремация на Родосе становится основным типом погребения.

Родосское «трехградие», ставшее традиционным со времен «корабельного каталога» Гомера, отражает сравнительно поздний этап совершившегося разделения всей территории острова между тремя автономными государствами: Линдом, Камиром и Ялисом. В периоды критской, ахейской и дорийской колонизации остров имел большое количество «городов», имена которых сохранились затем лишь в мифах.

Широко распространенная гипотеза о первоначальном заселении острова финикийцами материалом не подтверждается. Финикийское влияние на Родосе не старше конца VIII в. до н. э. Финикийских же факторий на Родосе и вообще не существовало.

В жизни родосских городов большое место занимали родовые институты. Кроме патр и фил, на Родосе существовали диагонии, синномы (συνομαί) и ктины. Под диагониями следует понимать фратрии Линда, под синномами — объединения типа спартанских фидатий, под ктинами — религиозные округа с культами «прародительских святых», выделенные из территории демов в особые самоуправляющиеся единицы. Многочисленные подражания родовым институтам со стороны метеков и наемников говорят о большом значении этих сакрально-родовых объединений родосских граждан. Благодаря этим объединениям полис родосцев представлял собой как бы единый кровно-родственный коллектив, объединение сородичей, спаянных общностью происхождения и общностью культов. В периоды обострения классовой борьбы родовые институты оберегали полис от внедрения в него чужеземцев. В руках правящей торгово-землевладельческой знати эти институты становились орудием как политического, так и морального давления на массы беднейших «сородичей».

После общеродосского синоикизма на Родосе был сохранен, в основном, старый порядок территориального разделения на демы. Территория соседних островов, родосского Херсонеса и карийского побережья была включена в состав родосского государства не позже VII — начала VI в. до н. э. Обладание этими территориями обеспечивало родосцев кадрами наемников и рабов. Одновременно оно обеспечивало безопасность существования самого Родоса. На этих островах и противолежащем побережье были расположены военно-сторожевые укрепления, охранявшие подступы к острову.

Проблема родосской колонизации — частный вопрос проблемы греческого колониационного движения. Следует признать полную несостоятельность теории абсолютного перенаселения как ее главной движущей силы. Греческая колонизация — органический элемент развития полисного рабовладения с присущей ему зависимостью от периферии, как территории, поставляющей рабов.

Классовая борьба VIII—VII вв. до н. э. и развитие земельного неравенства были важнейшими предпосылками колонизации. Вследствие концентрации земли в руках знати создавался контингент людей, заинтересованных в земельных наделах; в него входило как малоземельное крестьянство, так и землевладельческая знать, вынужденная в результате классовой борьбы покидать родину.

Наиболее важными и древними колониями родосских городов были Гела и Фаселида; в VIII—VII вв. до н. э. родосцы закрепились в Египте — в Дафнах и позже в Навкратисе; они же участвовали в колониационном движении «островитян» в Кирену. Исследуя историю возникновения этих колоний в отдельности, мы можем одновременно выделить черты сходства и черты своеобразия каждой колонии. Характерны следующие моменты не только родосской, но и вообще раннегреческой колонизации.

1) Участие разных полисов, родов и племен в создании апойкии; в результате, как правило, — пестрый социальный и полисный состав колонистов в пределах одной колонии.

2) При наборе колонистов будущей колонии колонистам заранее обеспечивается земельный надел по жребию (клер), но, повидимому, равенства клеров не существовало.

3) Инициатором всех родосских колоний был Линд, его городское население; основная же масса колонистов черпалась как на территории родосских городов, так и извне.

4) Классовая борьба в колониях принимает большей частью более резкие и обостренные формы, чем в метрополии.

5) В зависимости от наличия в каждой колонии и крестьянского и городского населения колония обычно сразу же становится торгово-земледельческой колонией.

Своеобразие развития родосских колоний в значительной мере зависит от цели их основания и от географических условий гражданского коллектива. История Гелы — лишь один из эпизодов общей экспансии греков в Сицилию. Колонизация Сицилии греками с востока проходила одновременно с колонизацией ее финикийцами с запада, причем те и другие старались в первую очередь утвердиться на побережье, оттесняя туземное население в глубь острова. В этом соревновании двух борющихся сил одновременно решались вопросы господства над основными морскими — торговыми — путями. Восточные пути остались за греками.

Раннее возникновение сицилийской тирании (первоначально в Геле) объясняется постоянным приливом новых переселенцев из Греции, а следовательно, и междоусобной борьбой за расширение гражданских прав. При острой междоусобной борьбе старых и новых колонистов, при искренности полисов создавалась возможность легкой переброски граждан одного города в гражданский коллектив другого (ср. борьбу в Леонтинах между халкидянами и мегарянами и ранние тирании Клеандра, Гиппократы и Гелона). Своеобразие колонизации Фаселиды и карийского побережья Малой Азии в том, что родосцы создавали охраняемые крепости и на подступах к Родосу и на магистралях их торговых путей. В числе этих колоний Навкратис занимает особое положение, так как здесь греки встретились с политически высокоорганизованным государством, которое в значительной мере диктовало им свои условия и контролировало их торговую и ремесленную деятельность. Родосцы были тесно связаны с Навкратисом и играли руководящую роль в объединении девяти греческих городов — Эллении. На истории Навкратиса можно четко проследить борьбу за преобладание между Родосом и Милетом, при явном покровительстве родосцам со стороны египтян. В значительной мере, как кажется, активная колонизация милетян в сторону Понта может найти свое объяснение в том, что сицилийские рынки были заняты уже другими городами, а в Египте милетяне потерпели неудачу. Для Родоса же дружба с Египтом и политико-экономическая ориентация на Египет становится преобладающей уже в архаический период.

Быстрое экономическое развитие родосских городов, и особенно Линда, приостанавливается затем персидским завоеванием и далее вхождением Родоса в Афинский морской союз. Однако уже в период Пелопоннесской войны подготавливается объединение трех городов. Это объединение, направленное и против Афин и против Спарты, открывает собой новый период истории Родоса.

К. М. Колобова

ГОРОДИЩЕ «ПРЕКРАСНАЯ ГАВАНЬ» В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ДАННЫХ

Летом 1946 г. нам удалось провести детальное наружное исследование так называемого «Ан-Мечетского» городища в северо-западной части Крыма, в 65 км к северу от Евпатории, известного под именем «Калос лимена», или «Прекрасной гавани» и собрать на территории городища интересный и характерный подъемный материал.

Город Калос лимен впервые упоминается в известной херсонесской присяге¹. В ней, во втором параграфе (цитирую в переводе С. А. Жебелева), говорится: «Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан и не продам Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной гавани и прочих укрепленных пунктов и из остальной территории, которою херсонесцы управляют или управляли, ничего никому, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать все это для херсонесского народа».

Далее, в § 4 той же присяги, мы читаем: «Я буду врагом замышляющему и предающему или отторгающему Херсонес или Керкинитиду, или Прекрасную гавань, или укрепленные пункты и территорию херсонесцев». Из этих мест присяги мы видим, что Херсонес в конце IV или начале III в. до н. э. представлял собой полис, владевший довольно большой территорией, на которой, помимо Херсонеса, находилось два укрепленных города: Керкинитиды (на территории современной Евпатории) и Прекрасная гавань (Калос лимен). Калос лимен представляет собой крепость, существовавшую уже в конце IV в. до н. э. и защищенную оборонительными стенами. На городище уцелели следы монументальны

¹ В. Л а т ы ш е в, IOSPE, IV, 79 и во втором изд. 1 т. (1916), № 401; он же. *Почтики*, 1909, стр. 142; «Материалы по археологии России», № 9, 1; С. А. Жебелев, Херсонесская присяга, ИАН, 1935, № 10, стр. 913 сл.

крепостных стен, и найдены предметы, датируемые IV в. Херсонесская присяга для нас важна еще и в том отношении, что она, повидимому, свидетельствует о происходившей в городе Калос лимене, как и в Херсонесе, классовой борьбе. Акад. С. А. Жебелев в своем исследовании «Херсонесская присяга» убедительно доказал, что это была не обычная присяга, а клятва, навязанная общине определенной социальной группировкой после ее победы в результате острых классовых битв: недаром в присяге неоднократно упоминаются заговоры. Полную параллель в этом отношении составляют также «чрезвычайные» присяги городов Дрера (SIG ³, 527) и Итаны (там же, 526) на о. Крите.

Следующее упоминание города Калос лимена мы встречаем около 200 лет спустя в известном эпиграфическом памятнике, тоже найденном в Херсонесе, — почетном декрете херсонесцев в честь Диофанта — полководца Митридата Евпатора ¹.

Этот памятник проливает яркий свет на политические события в Крыму около 110 г. до н. э. Оказывается, к этому времени здесь возникла скифская держава царя Скилура и его сына Палака. Эти скифские цари владели почти всей степной частью Крыма, включая побережье, и угрожали Херсонесу и Боспору. Граждане Херсонеса, чувствуя свое бессилие перед скифской державой, обращаются, на основании еще прежнего договора 179 г. до н. э. с понтийским царем Фарнаком (см. Л е п е р, ИАК, вып. 45; IOSPE, I ², 402), к понтийскому царю Митридату VI Евпатору с просьбой о помощи. Последний присылает войско под начальством Диофанта. Из этой надписи мы точно узнаем, что Калос лимен — прибрежная крепость, находившаяся в то время уже в руках скифов. В надписи сказано: «Когда скифы, обнаружив врожденное им вероломство, отложились от царя [т. е. Митридата] и изменили (утвердившееся) положение вещей, это заставило царя Митридата Евпатора снова отправить Диофанта с войском (в Херсонес). Диофант, хотя время склонялось к зиме, взяв своих воинов и самых сильных из (херсонесских) граждан, двинулся против наиболее укрепленных пунктов скифов, но, будучи задержан непогодой, поворотил в приморские местности, захватил Керкинитиду [т. е. современную Евпаторию] и «укрепления» и приступил к осаде жителей Прекрасной гавани». Далее в надписи говорится об успешном окончании этого второго похода Диофанта, датируемого обычно 109 г. до н. э., но не говорится о взятии Калос лимена. Из другой надписи, изданной в IOSPE, IV, № 67, видно, что он был взят другими лицами.

Многие географы и составители «Периплов» упоминают Калос лимен и даже дают расстояние его от Керкинитиды. Так, Помпоний Мела, римский географ, живший в эпоху императора Клавдия, упоминает этот город. Он сравнивает его с обильными гаванями заливом, находящимся между мысом «Бараний лоб» (Криуметопон) и Парфением ². Следующим автором, упоминающим Калос лимен и наиболее достоверным, является известный римский государственный деятель Флавий Арриан. В 131—137 гг. он был пропретором Каппадокии и в 134 г. совершил объезд Черного моря. Отчет о нем был представлен императору Адриану. Таким образом, его «Перипл Понта Евксинского» представлял официальный документ, основанный на личном знакомстве автора с черноморским побережьем. В §§ 19 и 20 он сообщает расстояние между главными городами Крыма: от Херсонеса до Керкинитиды — 600 стадий, от Керкинитиды до Калос лимена — «тоже скифского порта» — 700 стадий... Эти расстояния приблизительно согласуются с действительностью, если обследованное нами городище отождествить с Калос лименом ³. Любопытно, что Калос лимен уже в то время считался скифским портом. Упоминание Калос лимена мы находим также у Птолемея. К сожалению, несовершенство материала, каким располагал

¹ См. Л а т ы ш е в, IOSPE, I¹, № 185 и I², 352; SIG ³, 709; Же б е л е в, ВДИ, 1938, № 3, стр. 49.

² Р о м п. М е л а е, *Chronogr.* (изд. Parthey) II, 1, 3; см. В. Л а т ы ш е в, *Понтикс*, стр. 151.

³ Римский стадий равняется 177 м. Расстояние от Евпатории по шоссе до обследованного нами городища равно 65 км, но, если плыть по морю, следуя извилистой береговой линии, оно будет значительно больше. «Перипл» Арриана дает расстояние вдоль побережья по морю.

Птолемей, а главное, общие недочеты его приемов определения долготы и широты отдельных пунктов делают его карту весьма далекой от точности. Так как наименьшая величина, с какой оперировал Птолемей, — $1/12$ градуса, т. е. 5 минут, то локализация отдельных городов передко ведет к сильному искажению действительных отношений¹.

Птолемей называет город Каркина (т. е. Керкинитиду) первым в числе «материковых городов в речных долинах у реки Каркинита» и ставит его под $59^{\circ}30'$ и $48^{\circ}45'$, а Калос лимен помещает под $59^{\circ}30'$ и $47^{\circ}45'$ между Кефалонисом и Тамиракою, западнее устья реки Каркиниты².

Калос лимен упоминает, далее, безымянный автор «Перипла Понта Евксинского», но он лишь повторяет данные Арриана с переводом стадий на римские мили, но с любопытным примечанием, что Калос лимен — это «скифский порт Херсонесской земли»³. В «Географии» Страбона нет упоминания Калос лимена, но в описании черноморского побережья Страбона имеется несомненный пропуск. Этому месту Страбона акад. В. В. Латышев посвятил небольшое исследование⁴, в котором считает весьма вероятным упоминание Калос лимена в числе прочих прибрежных городов. Из других источников следует указать на средневековые итальянские карты, которые на месте нынешней Ак-Мечетской бухты помещают город «Калос лимена»⁵. Однако в собранной нами коллекции подъемного материала нет предметов средневековья. Возможно, что авторы средневековых карт руководились данными Арриана, Безыменного Перипла или птолемеевской картой без проверки на месте. Таковы наши данные о Калос лимене из литературных источников.

В новейшее время исследователи XIX в. старались найти местонахождение Калос лимена, но локализовали его по-разному. Одни, как, например, Г. Келер, Ф. Брун и В. Юргевич, высказывались за местонахождение города в Ак-Мечетской бухте⁶, на южном берегу Каркинитского или Перекопского залива, недалеко от выхода из него⁷. Другие ученые, как, например, Гель, Тетбу-де-Маринья, К. Нейман и П. Бурачков⁸ локализовали Калос лимен к северо-востоку от Ак-Мечетской бухты на южной стороне того же Керкинитского залива за Сары-булатской косой. Академик В. Латышев (Почтихъ, 154) оставляет вопрос о локализации Калос лимена открытым, не будучи лично знаком с этой местностью⁹. В XX веке Калос лименом занимался б. директор Херсонесского музея, ныне покойный Л. А. Мойсеев, который производил здесь в 1929 г. разведочные раскопки, как на городище, так и на примыкающем к нему некрополе, и П. Н. Шульц, исследовавший эту местность в 1933—34 году¹⁰.

¹ См. проф. Ю. Кулаковский, Карта Европейской Сарматии по Птолемею, Киев, 1899; он же, Прошлое Тавриды, 1914, табл. 1.

² P t o l e m a e i, Geographia, изд. К. Мюллера, III, 5, 2, 13 (см. на карте, приложенной к работе «Прошлое Тавриды» Ю. Кулаковского, табл. 1).

³ C. M ü l l e r, Geographi Graeci minores, т. I, стр. 416: A n o n y m u s P e r i p l u s, § 57.

⁴ В. В. Л а т ы ш е в, Почтихъ, 1909, стр. 129: «К Страбону, VII, 7, 2».

⁵ В. Н. Ю р г е в и ч, «Записки Одесского об-ва истор. и древностей», XII, стр. 35.

⁶ K ö h l e r, «Mémoires de l'Académie de St. Petersburg», X, 616; Ф. Б р у н, Черноморье, 1880, II, стр. 7; Ю р г е в и ч, там же. В настоящее время город Ак-Мечеть переименован в Черноморск.

⁷ См. карту Ю. Кулаковского, «Прошлое Тавриды», 1914, табл. III.

⁸ C. N e u m a n n, Die Hellenen im Scythenlande, 1855, стр. 377 сл.; П. Б у р а ч к о в, «Зап. Одесск. об-ва истории и древностей», IX (1875), 122.

⁹ На Ак-Мечетском городище небольшие археологические исследования были произведены А. И. Шмуковым. Об этом см. в его статье «Пирамидки из глины, найденные в Ак-Мечетской бухте». «Зап. Одесск. об-ва истории и древностей», I, 630 и сл. В 1885 г. близ городища в местечке Кара-Меркит были обнаружены впускная каменная гробница с интересными, в том числе и золотыми, скифскими находками В в. до н. э. (ОАК, 1885, стр. XCI).

¹⁰ Отчет о работах Л. А. Мойсеева не издан. Он хранится в Ленинграде в Архиве ИИМК АН СССР, за 1929 год, № 144. Смотри об этих работах в статье М. А. Наливкиной,

П. Н. Шульц обследовал три греко-скифских городища, а именно: Евпаторийское, Ак-Мечетское (исследованное и нами) и у хутора Беляус близ Донузлавского озера. Этим городищам П. Н. Шульц противопоставляет шесть скифских городищ, обнаруженных в этих местах. Получается яркая картина взаимодействия античных и местных культур.

Как считает П. Н. Шульц¹ и показывают наши исследования 1946 г., Ак-Мечетское городище расположено к северо-востоку от города Черноморск (Ак-Мечеть) и на берегу Ак-Мечетского залива. В плане оно представляет неправильный прямоугольник, вытянутый с востока на запад, со сторонами, обращенными к странам света. Южная половина городища вытянута несколько к западу. Название «Калос лимен» не могло быть случайным, детальный анализ местоположения этого городища позволяет видеть в нем действительно «Прекрасную гавань». Это название ему дали древние греки, корабли которых требовали стоянки с отлогим берегом, удобным для причала и вытаскивания их на берег. Было необходимо, чтобы бухта была защищена от опасных здесь северных и северо-восточных ветров. Все это имелось налицо в античную эпоху в этом месте Ак-Мечетской бухты. Современные очертания бухты несколько иные, чем были в древности. Теперь городище только одним западным краем примыкает к берегу бухты, с южной же стороны оно соприкасается с песчаными плавнями, которые в древности представляли собой узкую часть бухты, заходившую далеко на юго-восток. Даже сейчас часть этих плавней занята мелким соленым озером, отделенным от моря узкой песчаной перемычкой («пересыпь», по местному выражению). Таким образом, ясно, что в древности городище имело с юга небольшую, закрытую от ветров бухточку наподобие той, которая находится и сейчас с восточной стороны Херсонеса Таврического. Эта бухточка была гораздо мельче, берега ее были более отлогими, чем у херсонесской.

Изменение или исчезновение морских заливов в Крыму отнюдь не является редким явлением. Так, в Керченском проливе был в древности большой залив к югу от Керчи, на берегах которого находились города Тиритака, Дия и Нимфей, а в глубине залива находится еще одно городище близ дер. Ивановка. В настоящее время на месте этого огромного залива простираются песчаные плавни, и трудно даже себе представить, что распадаемый ныне город Тиритака когда-то лежал у моря. Любопытно, что до сих пор в глубине этого залива, ныне плавней, сохранилось соленое озеро Чурубаш — остаток этого морского залива. Другими примерами могут служить соленое озеро Тобечик, отделяющееся от того же Керченского пролива узкой песчаной «пересыпью», и озеро Элькен возле горы Опук на юге Керченского полуострова. Все это были древние морские заливы, ныне исчезнувшие, и мы должны учитывать это при воссоздании античной топографии². Таким образом, в древности город Калос лимен омывался морем с двух сторон, и если Ак-Мечетская бухта в ее современных очертаниях не совсем защищена от ветров, и стоянка в ней для древнегреческих кораблей не была совсем безопасна, — то исчезнувшая ныне часть этой бухты настолько была удалена от открытого моря, что даже при большом волнении в бухте она должна была давать спокойную стоянку для древних кораблей. Действительно это была «Прекрасная гавань».

В настоящее время территория городища Калос лимен имеет следующие размеры: с севера на юг 180 м, с востока на запад — 230 м³, т. е. свыше 41 400 кв. м. Калос лимен почти в два с половиной раза меньше Керкинитиды и гораздо меньше херсонесского горо-

«Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации» («Проблемы» ГИИМК, № 9/10, стр. 161—165, 1933 г.) Отчет П. Н. Шульца напечатан в сподной работе, изданной ИИМК АН СССР: «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., Краткие отчеты и сведения» М.—Л., 1941, стр. 265 сл. См. также, П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции, СА, вып. III, 1937, стр. 252 сл.

¹ «Арх. иссл.», стр. 269—270. План городища помещен на рис. 70, стр. 269.

² Много подобных примеров дает нам Таманский полуостров. Когда-то город Фанагория лежал на острове, образуемом ныне исчезнувшим протоком р. Кубани. Лиманы Цукур и Бугаз были когда-то морскими заливами. См. К. К. Гердц, Археологическая топография Таманского полуострова (карта).

³ Размеры по П. Н. Шульцу. Они проверены нами в натуре.

днца, размеры которого в нынешнем состоянии, имея в виду уничтожение морем северной его части, — 1015×525 м. Судя по этим сравнительным данным, становится ясным, почему в херсонесской присяге Калос лимен дважды поставлен после Керкинитиды. Городище Калос лимен лежит на вершине каменной гряды, состоящей из так называемого известняка сарматского яруса, как и херсонесское городище. Эта каменная гряда слегка выдается в море. Городище до сих пор не застроено, и его границы выделяются довольно отчетливо. В настоящее время оно представляет печальное зрелище. В нескольких направлениях городище изрезано глубокими, до скалы, военными траншеями, идущими зигзагообразно и в несколько рядов, а также многочисленными воронками от снарядов. В восточной половине городища имеются прямоугольные ямы от бывших здесь раскопок. Эти раскопы с отвесными стенками достигают размеров 5×8 м. Мы насчитали их около десяти.

Раскоп Л. А. Мойсеева в юго-западной и юго-восточной части городища был произведен в 1929 г. и обнаружил с внутренней стороны часть восточной линии оборонительных крепостных стен города. «В целях выяснения характера стен, — говорит проф. П. Н. Шульдц в своем отчете (стр. 260—270) — раскоп Л. А. Мойсеева был нами зачищен. В данном юго-восточном участке стены, как показала зачистка, мы имеем выступ башни, повидимому, обрамляющей городские ворота. Зачистка показала, что стены возведены во вторую половину IV в. до н. э., неоднократно подправлялись и окончательно разрушены в позднеэллинистическую эпоху».

Рис. 1. Часть дна большого чернолакового блюда

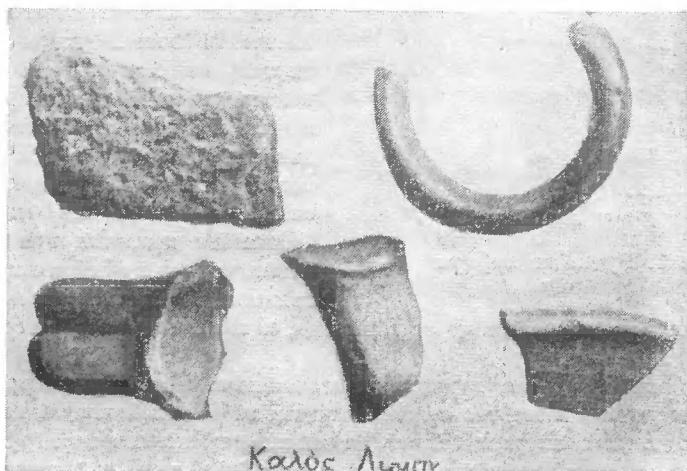

Рис. 2. Верхний ряд: слева — кусок известняка сарматского яруса от оборонительной стены; справа — венчик амфоры. Нижний ряд: слева и в центре ручки амфор римской эпохи; справа — часть закраины большого глиняного блюда римской эпохи

На основании личного ознакомления с этим раскопом мы можем добавить к описанию Н. П. Шульдца, что стены построены из пористого, желтоватого цвета известняка сарматского яруса, имеют квадратную сухую кладку, с несесанными рустами, очень близкую к кладке херсонесских стен, например нижнего яруса около XV башни. Эту

кладку можно датировать серединой или второй половиной IV в. до н. э.¹ Предположение в этом месте городских ворот вполне уместно. Судя по рельефу места, здесь должна была проходить древняя дорога внутрь страны — в Керкинииду и в Херсонес. От стены сохранилась часть около 2 м длиной и 1 м высотой, а от стены, идущей под углом

в 90°, около 1 м. Остальное еще скрыто под насыпью свыше 2 м высотой. Совершенно очевидно, что Калос лимен был крепостью и что сплошные раскопки могли бы целиком вскрыть его крепостные стены, башни, ворота и т. д. Эти раскопки дали бы нам более целостную картину жизни провинциального античного города, чем Херсонес, Феодосия и Пантикапей, так как в последних городищах средневековые напластования растворяют античные остатки, чего не должно быть в Калос лимене, где мы можем найти только античную и скифо-сарматскую культуру. К востоку от городища находится невысокий, длинный (с севера на юг) холм, представляющий собой накопление отбросов от жизни города наподобие выбросов эллинистических городов Египта (например, Оксиринха и др.). Раскопка этого интересного холма могла бы дать немало предметов древнего быта.

Далее на восток в степи находится курганный могильник Калос лимена. Мы насчитали более 20 курганов. При более тщательном исследовании их найдется, конечно, больше. Многие курганы повреждены и имеют старые заплывшие впадины, а один до половины раскопан колодцем, и в обресе стенок видны прослойки морской травы (камки), употреблявшейся древними при погребениях. Видимых следов обычного грунтового могильника незаметно, но весьма вероятно,

что он мог начинаться к востоку от городища, за холмом выброса, и тянулся в степь, как в Керчи и Ольвии.

Многочисленные траншеи, воронки и ямы настолько разворовали территорию городища, что нам удалось в течение нескольких дней набрать небольшую, но интересную коллекцию подъемного материала. Последний можно разбить на четыре группы: 1) предметы позднеклассической эпохи греческой культуры IV в. до н. э.; 2) предметы эллинистической эпохи III—II вв. до н. э.; 3) предметы римской эпохи и 4) предметы местной скифской культуры. Крайне показательно, что мы не нашли ни одного средневекового предмета, хотя последние обычно залегают наверху. Очевидно, Калос лимен погиб одновременно с Ольвией в IV в. н. э.

Заканчивая наш эгюд о Калос лимене, следует поднять вопрос о contemporaneity

¹ К. Г р и н е в и ч, Стены Херсонеса, ч. II, «Херс. сборник», II, Севаст., 1927, рис. 13, стр. 18 и рис. 14, стр. 19. Размер отдельных камней в Калос лимене немного меньше, чем в Херсонесе. Наиболее близкую аналогию дает кладка башни на 20 куртин (Стены Херсонеса, II, рис. 74 на стр. 74).

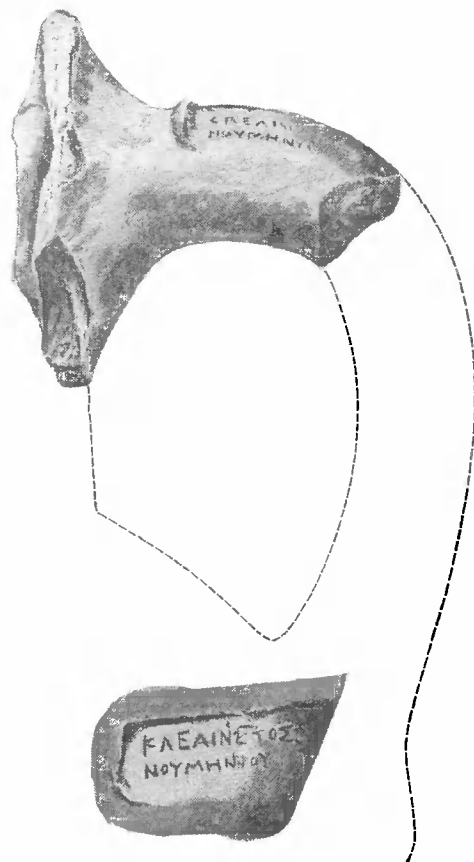

Рис. 3. Ручка от амфоры

и необходимости его раскопок. Продолжавшиеся более ста лет раскопки Херсонеса¹ привели к необходимости детально познакомиться с производящими районами Херсонеса в целях выяснения экономики полиса. В 1927—29 гг. были раскопаны укрепленные усадьбы Гераклеяского полуострова, пролившие свет на экономику античного Херсонеса. Очередной задачей должны быть раскопки Калос лимена. Они должны выявить античный город, лишенный средневековых напластований, и показать взаимодействие античной культуры с местной культурой поздних скифов на территории северо-западного побережья Крыма.

Проф. К. Э. Гриневич

О ДОСТОВЕРНОСТИ ИМЕНИ, ВЫБИТОГО НА СТАТЕРЕ БАЗИЛЕВСА АКИ

Статер базилевса Аки продолжает возбуждать большой интерес и все еще вызывает разноречивые мнения. Моя статья, посвященная находке второго из двух известных экземпляров², вызвала отклик московского нумизмата Л. П. Харко, выразившего сомнения не в территориальной локализации этого статера, а в достоверности выбитого на нем имени. Возражения Л. П. Харко по поводу появления на монете имени Аки кажутся мне недостаточно убедительными.

Прежде всего отмечу одну неточность, допущенную Л. П. Харко. Статер базилевса Аки и другие, подобные ему, но постепенно все более и более деградирующие подражания, называются Л. П. Харко «кавказскими». Давая им такое определение, мы вносим в вопрос локализации и происхождения этих статеров совершенно излишнюю неопределенность и расплывчатость, вынуждая интересующихся подобными монетами искать место их чеканки от Апшерона до Тамани. При наличии имеющихся в нашем распоряжении твердых данных о частых их находках на территории, соответствующей древней Колхиде, осложнять этого вопроса уже не следует, так как истинное происхождение этих монет настолько очевидно, что «предположение о несомненной чеканке этих статеров в III в. до н. э. в древней Колхиде» Л. П. Харко и сам признает «очень убедительным». Правильнее поэтому было бы называть все эти монеты грузинскими подражаниями или же колхскими статерами.

Основные же мои возражения Л. П. Харко касаются достоверности выбитого на статере имени базилевса Аки. От Шабуйе и до А. Н. Зографа имя Аки, как известно, сомнений не вызывало. Исключением в этом отношении являлся акад. С. А. Жебелев, предполагавший в этом имени вторую половину, оставшуюся от имени [ΣΑΥΜ]ΑΚΟΝ. Но и он в дальнейшем должен был отказаться от увлекшего его предположения и оставить свои сомнения неразрешенными. Предположение С. А. Жебелева было построено на вероятной изношенности монеты. Убедившись, однако, что следов повреждений на оригинале нет, он должен был признать это имя «загадочным»³, но отнюдь не вовсе недостоверным. Нигде более не встречая подтверждений о существовании на Боспоре такого царя и недоумевая по поводу самой формы имени, А. Н. Зограф сохранил «статеры Ака, несмотря на свои сомнения, еще в списке боспорских чеканок». «Во всяком случае,— говорит А. Н. Зограф,— безоговорочно вводить Ака в число боспорских царей (подчеркнуто мной.— Д. К.), да еще считать его представителем той же династии Спартокидов, мы имеем слишком мало оснований⁴. Как видно, эти сомнения относятся к существованию такого имени среди боспорских царей и далеко еще не являются доказательством того, что имя Аки вообще не существовало. Недоумение обоих исследователей следует объяснить недостаточностью находившегося в их распоряжении материала.

¹ К. Э. Гриневич. Сто лет херсонесских раскопок. 1827—1927, Севаст., 1927.

² ВДИ, 1948, № 1, стр. 150—155.

³ Акад. С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 66—67, примеч. 3.

⁴ А. Н. Зограф, Античные монеты, ч. II, гл. XI, стр. 199 (неизданной рукописи).

Точка зрения Л. П. Харко не представляет собой совершенной новости и является лишь вариантом догадки акад. С. А. Жебелева, с той лишь разницей, что имя Савмака заменяется другим, неполное начертание которого объясняется уже не механической утратой нескольких начальных букв от потертости монеты, а небрежностью и малограмотностью мастера.

Разделяя мое мнение, что статер Аки является самым ранним представителем местных подражаний лисимаховским статерам, и, видимо, полагая, что колхские мастера не умели давать образцов высокого классического искусства, Л. П. Харко предупреждает читателя о том, что применительно к статерам Аки «мы имеем дело не с высококачественным образцом античной монетной глиптики»¹. Но напрасно он опускает другое мое утверждение — относительно высокого стиля художественного выполнения работы статера базилевса Аки: беспристрастный читатель сам будет судить по демонстрируемой Л. П. Харко таблице с изображениями монет², насколько уступает в этом отношении статер Аки сопоставляемым с ним боспорским и даже византийским аналогам.

Назвать мастера, резавшего штамп для нашего статера, небрежным, малограмотным или даже просто малоопытным не имеется никаких оснований: изображения обеих сторон монеты выполнены художественно и с высоким мастерством, а в надписи нигде не проявляется незнание мастера с греческим языком и алфавитом. Наоборот, — я сказал бы даже, что эта надпись, имеющая предельно отчетливые формы и традиционную для этого типа монет схему, показывает, что мастер отчетливо уяснил значение и смысл каждого слова в отдельности. Титул ΒΑΣΙΛΕΥΣ, состоящий из 8 букв, помещенных с правой стороны монеты, по вертикали занимает 11 мм, а тщательность и расчет, с которыми мастер старался вписать этот титул, не вызывает сомнений в том, что, будучи грамотным, он ясно сознавал значение и смысл вырезаемого слова. Что же могло произойти при вырезывании имени этого базилевса, допустим хотя бы ΛΙΣΙΜΑΧΟΝ, имеющего одним лишь знаком больше? Даже при условии перегораживания строки фигурой Ники остается место, равное 12 мм, но дело в том, что о фигуре Ники тут не может быть и речи, так как препятствием для надписи, если она и могла быть таковой, является не она, а незаметная и незначительная ее деталь — протянутая рука Ники. Для того чтобы вырезать на монете самую важную и ответственную ее часть — имя базилевса, монетный мастер, конечно, не задумался бы иначе расположить или даже вовсе убрать побочную деталь, протянутую руку Ники, т. е. распорядился бы примерно так же, как и с одним из важнейших атрибутов Афины — копьем, которого, как видно, нет и на парижском статере.

Важным моментом в начертании надписи является отчетливая форма и техника выполнения греческих букв, состоящих из прямых черточек с точками на концах, не вызывающих никаких сомнений в том, что буква К, например, это именно каппа, а не хи или что-либо другое, и что проставлена она совершенно сознательно (это ясно видно и на таблице с изображениями монет в статье Л. П. Харко).

Решающим фактором в начертании имени базилевса следует признать и то обстоятельство, что это имя, обрываясь далеко не доходя до края монеты, заканчивается на большом от него расстоянии и в оставшийся промежуток свободно можно было бы вписать еще 3 буквы. А если ко всему этому добавить, что широко расставленные 4 буквы имени занимают такое же место, как и 5 проставленных против него букв титула, и что все это должно было быть прекрасно учтено мастером, — то значение всех этих факторов приобретает уже силу неоспоримости. Наконец, совершенно непонятны некоторые противоречия в утверждениях Л. П. Харко: то на стр. 136, при сравнении тбилисского статера с париж-

¹ В конце той же статьи Л. П. Харко мы встретим другое его замечание, рассматривающее «статеры Ака» как самые ранние подражания, чрезвычайно близкие прототипу, но уже имеющие искажения (главным образом в надписях).

² В тексте статьи Л. П. Харко, к сожалению, отсутствуют необходимые ссылки на соответствующие номера изображений на таблице, но это некоторым образом компенсируется увеличенным размером этих изображений и несколько более удачным их воспроизведением в клише.

ским, допускается возможность их выполнения одним и тем же штампом, то дальше, на стр. 141, правда, со ссылкой на Н. П. Розанову, обращается внимание на различие в начертании буквы каппа.

Попытаюсь рассеять сомнения по этому поводу и укажу на признаки различия штампов обоих этих статуров: разный наклон щита, иной поворот головы Афины, не одинаковая толщина и длина ее правой руки, разный изгиб плеча, разные основания древка трезубца и т. д. Все это является доказательством ошибочности предположения Л. П. Харко: невероятно было бы полагать, что при изготовлении второго штемпеля мастер вторично допустил ту же ошибку или повторил ту же небрежность еще раз, одинаково искажал одно и то же имя.

Предложенное с самого же начала чтение АКОГ должно быть признано единственно правильной и вероятной греческой передачей местного имени Аки, я ныне распространенного по западной Грузии. Мне непонятна причина, которой руководствовался Л. П. Харко, совершенно игнорируя столь существенный и важный факт, аналогии которого в свое время совершенно основательно придавал огромное значение акад. С. А. Жебелев.

Подробно демонстрируемый процесс искажения имени Лисимаха и превращения его в «недостоверное» имя Аки Л. П. Харко сопоставляет с никем не оспариваемыми искажениями на статуре из сел. Реке. Рассуждения Л. П. Харко о процессе искажения весьма не убедительны. Он пишет «Кавказский мастер п о в и д и м о у делал это несколько иначе»... «матрицу, о ч е в и д н о, переворачивали вокруг своей оси». так было ему н а в е р н о удобнее работать». Такие «доказательства», говоря по правде, не внушают доверия.

Чтобы убедиться в том, что колхский мастер совсем не усложнял вопроса так, как это ему приписывается, обратимся к схемам, привлекаемым самим же Л. П. Харко. По с х е м е I, как он утверждает, «процесс гравирования надписи у мастера-грека осуществлялся следующим образом. В момент исполнения работы матрица штампа располагалась, конечно, так, что обе параллельные строки находились в горизонтальном положении, и мастер резал буквы справа налево в обратном их начертании, по направлению чтения. Сначала он вырезывал верхнюю строку, затем таким же способом нижнюю». С х е м ы II, составленной для статура из сел. Реке, который привлекался мной в качестве значительно более поздней аналогии, я коснусь лишь поверхностно. Для установления достоверности имени Аки допустим даже, что безразлично, какое имя пытались на нем вырезать. Поэтому и способы, применяемые «согласно датировке А. П. Зографа, во второй четверти I в. до н. э.» (ссылка эта привлечена Л. П. Харко), в данный момент нас могут не интересовать. По с х е м е же III, в отношении к монете, которую и сам Л. П. Харко датирует III в. до н. э., почему-то понадобилось матрицу «переворачивать вокруг своей оси» и вообще распространять на нее те же правила и навыки, к которым прибегали уже «во второй четверти I в. до н. э.» Проще было бы, однако, перевернуть не матрицу, а самый рисунок схемы III, расположив его и обе надписи в том же направлении, как и на схеме I. Тогда мы воочию убедимся, что приемы гравирования, применяемые колхским мастером III в. до н. э., несомненно, были такими же, как и у его греческого учителя.

Ошибочность предположения Л. П. Харко совершенно очевидна и потому, что копирование надписи, даже механическое, как известно, происходит не в обратном порядке, т. е. не с конца слова, а в обычном, с той лишь разницей, что слова вырезаются не слева направо, а наоборот и при этом каждой букве придается обратное начертание. Я специально интересовался этим вопросом и несколько раз посетил мастерские резчиков каучуковых штемпелей и печатей, гравиров и литографов. Наблюдая за практическими приемами этих мастеров, я убедился в том, что во всех случаях они работали в указанном мною порядке, и, как курьез, иллюстрирующий надежность демонстрируемого мною процесса работы, укажу на случай, когда русский по происхождению мастер, совершенно незнакомый с грузинским языком и алфавитом, вырезал каждое слово справа налево, придавая буквам обратное начертание, и, таким образом, прибегал к способу так называемого зеркального письма.

Мастер, резавший штамп для нашего статера и проявивший, наряду с художественным опытом, знание греческого алфавита и языка, не стал бы усложнять своей работы, выворачивая сначала имя базилевса целиком, а затем и каждую букву в отдельности. Пусть читатель, желающий убедиться в справедливости моей мысли, попытается без участия карандаша и бумаги, представить свое имя и фамилию написанными в обратном порядке, — он воочию убедится, что это не так уж просто. Как каждый из нас, имеющий хотя бы отдаленное представление о способах и навыках изготовления негативных штампов, так и мастер, резавший штамп для нашей монеты, обратился бы к способу зеркального письма и, начав с первых букв имени, поместил бы их справа палево, ниже руки повернутого изображения богини. А применив эти укоренившиеся методы, даже в случае недостатка места, выводя имя Лисимаха, он получил бы первую его половину, т. е. ΛΙΣΙ, по отпуску не его вторую половину.

Заманчиво было, конечно, привлечь в качестве «прекрасной аналогии» замечательный статер из сел. Реке, но тут заметно не только искажение имени, но и полное извращение титула, а также и огрубление изображений. Кроме того, не следует упускать из виду, что отвергать гипотезу о существовании царя с таким именем «монета № 6, чеканенная в 1-й четверти I в. до н. э.», не дает права на том простом основании, что имя это впервые появилось за полтора-два столетия до изготовления привлекаемой аналогии на несравненно с большим мастерством, искусством и знанием дела изготовленной монете (к датировке монет, изображения которых помещены на таблице, сопровождающей статью Л. П. Харко, присоединяюсь и я). Статер из сел. Реке типологически принадлежит статерам Лисимаха и Аки, но по техническим, художественным и прочим своим достоинствам значительно им уступает, не сравним с ними и стоит уже в последующих рядах все более и более грубеющих типичных подражаний.

В связи со всем этим значительно теряют свою доказательность и остальные доводы Л. П. Харко относительно существенных различий — иконографических и по содержанию надписей и монограмм; непонятным становится, например, — почему «боспорские мастера творчески перерабатывали лисимаховский прототип, а кавказские просто копировали его» и т. п.

Таким образом, после критической проверки и проработки вопроса о достоверности имени, выбитого на разбираемом нами статере, я пришел к выводу, что без приведения более конкретных и убедительных доказательств точку зрения Л. П. Харко нельзя считать приемлемой. Отметив допущенные им неправильности, я теперь еще тверже стою за сохранение чтения имени в том виде, как оно толковалось нашими предшественниками, но, в отличие от них, на основании продолжающих поступать дополнительных данных, отождествляю его с именем колхского базилевса Аки. Пусть дошедшие до нас памятники пока и не оставили нам никаких сведений об этом Аки, времени его царствования, личности, заслугах и пр. Мало разве исторических имен, ставших известными лишь по монетам?

Удовлетворимся пока тем, что имя это не исчезло со страниц отечественной истории, а обсуждаемый «спорный», по во всех отношениях крайне интересный статер, наконец, найдет свое подлинное место в общей классификации античных монет и украсит собой все более и более расширяющуюся серию монет древней Колхиды.

В частности, крайне интересна и, несомненно, не лишена значения справка научн. сотрудника Института истории им. акад. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР З. В. Анчабадзе, любезно давшего согласие воспользоваться ею. Текст этой справки привожу без изменений: «В западной Грузии, в частности в Абхазии, засвидетельствовано немало топонимических и ономастических фактов, имеющих в своей основе форму «ак». К их числу принадлежит также абхазское название гор. Сухуми «Акуа».

До последнего времени это слово не поддавалось этимологическому осмыслению, но теперь, в связи с установлением на основе пумизматических данных (см. статью Д. Капанадзе в ВДИ, 1948, № 1) палиция в III в. до н. э. колхидского царя по имени Аки, создается возможность дать наиболее приемлемую этимологию топонимического термина «Акуа» с помощью абхазских морфологических норм.

Дело в том, что наряду с двумя обычными формами множественного числа, употребляемыми в абхазском языке: «куа» для имен так наз. «неразумного класса» и

«цшва» — для имен «разумного класса», имеется слово «аю» — «человек», которое во множественном числе принимает форму «ауаа» — «люди». Слово «ауаа», соединяясь с другими словами в композиты в качестве второй составной части последних, теряет начальную и конечную гласные и принимает форму «уа». Причем, первая составная часть такого композита также теряет свою конечную гласную.

Например: «апсы» — «душа» совместно с «ауаа» — «люди» дает композит «апсуа» — «люди души» (самопазвание абхазов).

Совершенно аналогично образуется и композит «Акуа»: «Аки» + «ауаа» = «Акуа», что на русский язык может быть переведено так: «люди Аки», или более пространственный перевод: «место, где пребывают люди Аки».

Если вспомнить, что район нынешнего Сухуми — это наиболее вероятное местоположение античного города Диоскурия — Севастополис, то допустимо предположить, что Акуа = Сухуми в древности был либо столицей колхидского царя Аки, либо местопребыванием его наместника.

Если предположенная нами этимология термина Акуа окажется справедливой, то уточняется также фонетическая форма собственного имени Аки.

Д. Капанадзе

— — — — —

ХРОНИКА

Шестидесятилетие академика Василия Васильевича Струве

Когда в мае 1928 г. на заседании Ученого совета Ленинградского государственного университета происходила защита диссертации Василия Васильевича Струве, один из его официальных оппонентов проф. Е. Г. Кагаров огласил адресованное ему письмо покойного академика Б. А. Тураева, которое он бережно хранил около двух десятков лет. В этом письме Б. А. Тураев сообщает, что среди его учеников особенно выделяется студент В. В. Струве, проявляющий недюжинные способности и подающий большие надежды.

Прогноз академика Тураева оказался верным. Еще при жизни своего учителя В. В. Струве проявил себя как талантливый исследователь прошлого восточных народов. Он в совершенстве овладел древнеегипетским, древнееврейским и коптским языками. В дальнейшем он уделяет много времени изучению ассиро-вавилонской, персидской и хеттской клинописи и достигает больших успехов и в этой области. Прекрасное знание классических языков, заметное уже в первых работах В. В. Струве, также в немалой степени способствовало овладению первоисточниками по истории Египта и других восточных стран, среди которых видное место занимают авторы, писавшие на латинском и, особенно, древнегреческом языке, не говоря уже о многочисленных греческих папирусах, содержа-

щих драгоценные сведения об эллинистической и римской эпохе. Таким образом, В. В. Струве, уже приступая к своим первым самостоятельным исследованиям, имел солидную философско-логическую подготовку, необходимую для историка древнего Востока.

Первая печатная работа В. В. Струве, очень скромная по своим размерам (всего 4 странички), была посвящена одному из коптских папирусов, предоставленному ему для изучения его учителем Б. А. Тураевым. На следующий год он опубликовал более обширную работу, посвященную двум замечательным египетским статуям из сиенского гранита, привезенным в Россию в 1832 г. и украшающим набережную Невы («Петербургские сфинксы»). В этой статье он специально останавливается на переводе и объяснении покрывающих их надписей, дающих возможность датировать их временем Аменхотепа III (1455—1419 до н. э.). Эти две ранние работы источниковедческого характера явились как бы первой пробой сил молодого ученого.

В. В. Струве выделялся среди учеников академика Тураева не только своими способностями, но и характером своих интересов. Академик Тураев, а вслед за ним и большинство его учеников, увлекаясь вопросами древневосточных религий, их связями с христианством и, в частности, с православием, отодвигали на второй план материалы по социально-экономической истории стран древнего Востока. В. В. Струве вразрез с интересами своего учителя уже в первых своих работах переходит к проблемам изучения экономики и социальных отношений. В 1913, 1915 и 1917 гг. он публикует три статьи, в которых на основании юридических документов дает блестящую характеристику социально-экономических отношений Птолемеевского Египта. В одной из этих работ («Право владения землями пахотными и виноградными в Птолемеевском Египте») В. В. Струве решился выступить против столпа дореволюционной русской науки М. И. Ростовцева, а также против известного немецкого папиролога У. Вилькена. В споре с этими «непререкаемыми» авторитетами молодой, начинающий ученый убедительно доказал, что частичное землевладение в Птолемеевском Египте возникает одновременно в пределах садовых и пахотных земель.

Затем В. В. Струве посвящает две работы («Пребывание Израиля в Египте в свете исторической критики», Птгр., 1919, и «Израиль в Египте», Птгр., 1920) спорному и запутанному вопросу о переселении Израиля в Египет. Эти работы вызвали серьезные возражения, и самый факт пребывания израильтян в Египте подвергался сомнению, например, со стороны проф. А. Б. Рановича и др. Однако несомненным остается, что В. В. Струве мобилизовал весь доступный современной науке материал, широко привлек не только библейские, но и египетские источники и сделал целый ряд тонких и остроумных наблюдений. Уже во время этой работы В. В. Струве старался по возможности использовать и клинописные тексты.

Интерес к социально-экономическим проблемам заставляет В. В. Струве обратиться не только к изучению египетской истории, но и к историческим проблемам всего древнего Востока. Поэтому в последующие годы он все более и более переключается на изучение памятников Двуречья и, оставаясь в основном египтологом, в то же время проявляет себя и как ассириолог.

В 1921 г. он помещает в «Известиях РАИМК» небольшую статью под многообещающим заглавием «Сенаар и Египет». Читателя этого исследования всегда поражает обилие наблюдений и выводов, сосредоточенных на шести скромных страничках. В. В. Струве устанавливает сходные черты в культе шумерийского бога Энки и египетского бога Сокара (роль ладьи, украшенной изображением головы антилопы). Затем, переходя к анализу эрмитажного папируса 1116 А, т. е. к В. В. Струве находит в этом египетском литературном произведении нарек на миф, параллельный знаменитому вавилонскому мифу о борьбе Мардука с Тиапат. Мимоходом В. В. Струве отмечает другие характерные черты в изучаемом памятнике: представление о добром пастыре, позднее столь часто встречающееся в Библии, и антропоцентричность мироздания, также находящую себе библейские аналогии.

В. В. Струве избегает изолированного изучения идеологии восточных стран, ищет общих явлений и при этом, в отличие от популярной в буржуазной науке теории заимствований, делает упор на «сходство условий», в которых развивались различные народы древнего Востока.

В другой своей работе, помещенной в следующем томе «Известий РАИМК» («К истории патесиата Гишху»), В. В. Струве берется за разработку очень трудного вопроса хронологии Двуречья в эпоху III династии Ура и устанавливает на основании клинописных табличек собрания Лихачева даты правления патеси города Гишху (Уммы.)]

Из важнейших ранних работ В. В. Струве, опубликованных им за первые 15 лет научной деятельности, в достаточной мере видно, насколько широко затрагивает он самые различные проблемы, связанные с далеким прошлым Востока. Хронологически он охватывает восточные памятники от III тысячелетия до н. э. вплоть до греко-римской эпохи включительно (привлекая отчасти даже памятники средневековья). Он вовлекает в орбиту своего изучения и Египет, и Двуречье, и Палестину. Экономика, юридические нормы, история культуры, вопросы хронологии — все это находит свое место на страницах его работ. Он избегает какого-либо ограничения своей тематики, стремясь охватить все стороны жизни древневосточных стран.

Однако одна проблема привлекает особенно его внимание и на некоторое время оказывается в центре его научно-исследовательской работы — изучение труда Манефона. Уже в своем исследовании «Израиль в Египте» В. В. Струве коснулся домыслов Манефона и установил, что по данному вопросу они оказались произвольными и противоречивыми. В дальнейшем В. В. Струве подвергает проверке труд Манефона в целом и, продолжая вскрывать некоторые ошибки, в которых часто повинны позднейшие интерполляторы, находит наряду с этим целый ряд ценных сведений, особенно хронологических, которые не были оценены по достоинству современными буржуазными историками — Эд. Мейером, Д. Г. Брестедом и другими. Если для воссоздания хронологии Древнего царства Манефона использовать нельзя (он дает преувеличенные цифры для каждой династии), то, начиная со времени Среднего царства, эллинизированный египетский жрец сохранил точные сведения, почерпнутые из египетских источников, недоступных до него грекам. Произвольные выкладки Брестеда и Эд. Мейера оказываются излишними. Пренебрегаемый ими Манефон дает нам возможность гораздо точнее воссоздать хронологическую канву Среднего и Нового царства и последующих периодов.

В результате упорного многолетнего труда В. В. Струве подготовил интересную диссертацию, посвященную всестороннему разбору царских списков Манефона, которую он с успехом защитил в мае 1928 г. Официальные оппоненты проф. И. Г. Франк-Камеицкий и проф. Е. Г. Кагаров дали высокую оценку научно-исследовательской деятельности В. В. Струве в целом и его диссертации в частности. Подводя итоги своего исследования, В. В. Струве отметил следующие методы работы, которых он придерживался: 1. Все филологические и лингвистические вопросы, стоящие в связи с изучением исторического труда Манефона, решались автором не изолированно, а в связи с общим комплексом вопросов, которые ставит изучение крупного исторического памятника. 2. Дошедший до нас текст Манефона сопоставлялся со свидетельствами современных памятников не отдельными вырванными из общего контекста частями, а во всем объеме, с полным учетом всех особенностей контекста.

Основные выводы автора были сформулированы в следующих тезисах:

1. Антииудайстические выпады, которые содержат некоторые из эксперитов, приписываемых перу Манефона, писателя эпохи раннего эллинизма, резко противостоят общему иудеофильскому настроению этой эпохи. Поэтому является вероятным предположение, что эти экспериты, со столь «несовременными» антииудайстическими выпадами, приписываемые Манефону, в действительности не принадлежат ему, а являются позднейшими вставками.

2. Северинитский ном, родина Манефона, был географически и политически тесно связан с северо-восточными номами Дельты и культурно был связан с Эфиопией. Ввиду этого мы можем предположить в труде Манефона наличие симпатий и к северо-восточным номам Дельты и к Эфиопии.

3. Манефон родился в Северинитском номе, но не в его главном городе Северините, а в Diospolis inferior, в семье иерограмматов.

4. Манефон родился в эпоху XXX династии и был деятелем царствований Александра Македонского и Птолемея I.

5. Манефон, будучи писателем позднесаянесской эпохи, мог еще знать прошлое своего народа, ибо ни персидское, ни македонское завоевания не уничтожили традиции древней сакральной культуры страны.

6. Царь Менофтес, при котором, согласно Феону, в 1322 г. совпали год гражданский и год Сириуса, был не кем иным, как знаменитым царем Сети I — Менофтес. Названное свидетельство Феона восходит к Манефону.

7. Знаменитая Тапсиская стела 400 г. стоит в связи с календарной реформой, имевшей место в эпоху гиксосского завоевания. Позднееллинистические свидетельства об этой реформе восходят в конечном итоге к Манефону.

8. Храмовые и гробничные царские списки (Карнакский, Абидосский, Саккарский) являются списками случайных царских жертвователей данного храма или некрополя. Царский Туринский папирус является копией, сделанной частным лицом, царского канона одной из храмовых библиотек. Царские списки Манефона восходят к анналам Саяннской эпохи.

9. В греческой передаче Манефоном египетских собственных имен можно видеть следы языка образованных слоев.

10. Традиция Манефона является ценной и для нашего знания древних царских имен и для нашего знания порядка следования царей.

11. Хронологическая схема Манефона распределяет события египетской истории в пределах 2 периодов эры Сотиса с добавлением 990 лет.

12. Хронология Манефона Нового царства исправляет в ряде существенных пунктов хронологические построения современных исследователей.

К сожалению, исследование В. В. Струве, посвященное Манефону, о котором дают общее представление вышеприведенные тезисы, до сих пор полностью не было напечатано. Лишь две первые главы его были помещены в «Записках коллегии востоковедов» (за 1928 и 1930 гг.) и отдельные отрывки — в других изданиях.

Углубляясь в изучение различных исторических проблем древнего Востока в целом, В. В. Струве неизбежно подходит к решению важнейшей задачи советской историографии — к решению вопроса о социально-экономической формации древнего Востока. Мы видели, что интерес к подобным проблемам намечался уже у молодого исследователя в начале его научно-исследовательской деятельности еще до 1917 года. Однако только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда в советскую историографию все больше проникал и утверждался метод марксистско-ленинской диалектики, В. В. Струве смог по-новому подойти к основной проблеме, стоявшей перед советскими востоковедами.

В 1930 г. начинается новый этап его научно-исследовательской работы. Он отдает все свои силы изучению социально-экономической структуры древнего Востока и становится на единственно правильный путь разрешения основной проблемы истории восточных стран, применяя к конкретному материалу принципы марксистско-ленинской диалектики.

В. В. Струве самым тщательным образом собирает и изучает все высказывания Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о социально-экономических формациях и в свете этих указаний по-иному оценивает давно знакомые факты и явления, замечая те черты, на которые ни он, ни другие востоковеды прежде не обращали внимания. Дело не обошлось на первых порах без ошибок. Надо иметь в виду, что в буржуазной науке господствовало представление о феодальном характере древневосточных обществ, и под влиянием иностранных авторитетов вроде Эд. Мейера многие советские ученые не могли себе представить Египет и Вавилон иначе как феодальные государства. В противовес этим общепринятым взглядам была выдвинута теория особой азиатской формации, возможной лишь в специфических условиях Востока, следовательно, отнюдь не универсальной.

В. В. Струве отдал в свое время дань и той и другой теории, которые господствовали в советском востоковедении, но вскоре систематическое и творческое освоение трудов основоположников марксизма помогло ему встать на правильный путь. Он пришел к

мысли, что первой формой классового общества могло быть только рабовладельческое общество и что между древневосточным и античным миром не было качественного различия, они представляли собой лишь различные типы рабовладельческих обществ (на Востоке были примитивные рабовладельческие государства, в Греции и Риме — развитые). Египетское, вавилонское, хеттское и другие восточные государства являлись раннеклассовыми, примитивно-рабовладельческими, со значительными пережитками первобытно-общинного строя. Всякое иное понимание далекого прошлого Востока неизбежно должно было привести всякого исследователя к переходу на позиции буржуазного циклизма, к капитуляции перед реакционными теориями буржуазных ученых. Изучение подлинных клинописных и иероглифических документов приносило все новые и новые подтверждения марксистско-ленинского понимания первых стадий развития общества.

Но прежде чем это единственно научное понимание утвердилось, В. В. Струве пришлось выдержать упорную и длительную борьбу. Сила косной традиции была велика, и многие советские исследователи упорно цеплялись за «феодальную догму». Однако В. В. Струве, возглавивший наиболее передовых историков Востока, привлекал все новые и новые факты, доказывающие рабовладельческий характер древневосточного общества. В своей статье «Рабовладельческая латифундия в Сумире III дин. Ура» он установил значительную роль рабского труда по сравнению с наемным и полное отсутствие труда крепостных. Эти выводы были сделаны на основании детального анализа подсчетов древних писцов южного Двуречья.

В 1934 г. он выступает в ГАИМК с докладом на тему «Проблема зарождения, развития и разложения обществ древнего Востока», напечатанным в 77 выпуске «Известий ГАИМК». В том же году выходит его брошюра «Очерки социально-экономической истории древнего Востока», посвященная анализу социальных отношений в южном Двуречье и Хеттском царстве, а затем краткий курс истории древнего Востока, в котором дается характеристика основных этапов развития различных восточных стран в эпоху рабовладения.

Отдельным наиболее ярким моментам социальной истории Востока В. В. Струве посвящает специальные исследования. Так, в своей брошюре «Речение Инувера» (1935 г.) он дает блестящий анализ восстания бедняков и рабов в Египте, описанного в Лейденском папирусе № 344, и относит это событие (вопреки теориям Эрмапа и Морэ) к концу Среднего царства.

Несколько работ В. В. Струве посвящает характеристике хеттского общества. В статье «Параграф 34 и 36 хеттского суддебника» (ВДИ, 1937, № 1) выявляются жестокие формы угнетения рабов в Малой Азии еще во II тысячелетии до н. э. Продолжением этой работы служит статья «О «гуманности» хеттских законов», в которой подвергаются полному разгрому расистские теории Эд. Мейера о человеколюбии «индогерманского хеттского народа» в отличие от семитов-вавилонян. В. В. Струве вскрывает классовые принципы хеттского законодательства, милостивого к свободным и беспощадного к рабам.

В. В. Струве систематически избегает проторенных путей и всегда стремится к самой тщательной проверке гипотез, отстаиваемых выдающимися египтологами капиталистических стран. В работе «К вопросу о Тутмосидах» (в сборнике в честь Н. И. Кареева, 1923 г.) В. В. Струве вступает в решительную борьбу с корифеем немецкой египтологии К. Зете и крупнейшим американским египтологом Д. Г. Брестедом. К. Зете попытался обосновать свою теорию о Тутмосидах, по которой Тутмос III превратился в брата Тутмоса II и вступал на престол два раза, сперва отстранив своего отца Тутмоса I, затем, будучи вынужденным вернуть ему власть после смерти обоих своих тезок (отца — Тутмоса I и брата — Тутмоса II), опять провозглашался фараоном совместно с Хатшенсут. Под впечатлением от этой работы Зете, основанной на умствованиях, большинство египтологов (в первую очередь Брестед) стали говорить о новой главе, вписанной в египетскую историю. В. В. Струве показал, что все построение Зете и Брестеда является совершенно искусственным, основанным на произвольном толковании выражений, которые приобретают совсем иной смысл, если их не подгонять к готовой схеме, созданной заранее немецким египтологом.

Другим вопросом, по которому В. В. Струве разошелся с общепризнанными взгляда-

ми, был вопрос о характере одного из важнейших памятников социально-экономической истории Египта — большого папируса Гаррис. В. В. Струве в двух своих работах¹ опровергает точку зрения главы немецкой египтологической школы Адольфа Эрмана, считавшего данный документ заупокойным текстом. В. В. Струве удалось доказать, что большой папирус Гаррис является манифестом, оглашенным от имени фараона Рамсеса IV (по прежней пумерации III) его сыном и преемником Рамсесом V. Этот манифест, как выяснил В. В. Струве, хранился ряд лет в царском архиве (во дворце в Мединет-Абу) и лишь позднее оказался в тайнике, где он был найден местными жителями и попал в частную коллекцию Гарриса, а позднее в Британский музей.

Все эти наблюдения и открытия, сделанные в многочисленных статьях, разбросанных в различных изданиях, были впоследствии сконцентрированы в обобщающем труде В. В. Струве, учебном пособии для вузов «История древнего Востока». Первое издание этой книги (1936 г.) вызвало оживленную полемику и немало критических замечаний по отдельным вопросам, хотя основной тезис автора о рабовладельческом характере древневосточного общества уже не вызывал серьезных возражений, как за три года до того. Второе издание этого пособия, вышедшее в 1941 г., значительно переработано. Отдельные неточности и спорные формулировки, вызывавшие возражения критиков, были устранены. Рецензент нового издания проф. А. Б. Ранович признал, что настоящий труд акад. В. В. Струве означает серьезный шаг вперед, что «в основу изложения истории древнего Востока в книге акад. В. В. Струве положено марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях», отбрасываются антинаучные теории и «благодаря этому история древнего Востока превращается из случайного сцепления фактов, каким она является в трудах буржуазных ученых, в осмысленный, закономерный исторический процесс» (ВДИ, 1946, № 1, стр. 178).

Ко времени появления второго издания «Истории древнего Востока» теория «вечного феодализма» на Востоке была уже окончательно ликвидирована в советской науке.

* *

Во всех своих работах В. В. Струве всегда исходит из анализа текста, перевод которого он проверяет и уточняет. Знание древних языков и овладение методом передовой советской лингвистики на основе учения академика Н. Я. Марра о языке — позволяют В. В. Струве давать точные и четкие переводы древневосточных, в первую очередь египетских, текстов. Не случайно поэтому, что В. В. Струве придает такое значение изданию первоклассных памятников [советских коллекций, хранящихся в Гос. Эрмитаже в Ленинграде и Гос. музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Он обращает внимание на один из папирусов Московского музея изобразительных искусств — так называемый «Голенищевский папирус-словарик». Этот текст, выполненный весьма неразборчивыми иератическими письменами, требовал для своего освоения знания всех тонкостей египетской палеографии, большого терпения и творческой интуиции. В. В. Струве удалось разобрать значительную часть этого энциклопедического словаря (одного из самых древних в мире) и, что особенно важно, установить место его происхождения (Мемфис) и время составления (XII в. до н. э.). Особое внимание В. В. Струве обратил на список городов, на основании которого оказалось возможным установить пункт вторжения ливийцев в Египет в конце XIX династии (у поселения Иршепс). О своих наблюдениях и выводах В. В. Струве сделал доклад 17 августа 1922 г. на первом всероссийском съезде египтологов в Москве, посвященном 100-летию юбилею дешифровки пероглифов.

В связи с изучением этого вопроса В. В. Струве вплотную подошел к очень важной проблеме о культурных взаимоотношениях египтян и семитических народов. В Голенищевском словаре он нашел множество семитических слов, влиявших на египетский язык в период XIX—XX династий, и само составление этого справочника объяснялось желанием ознакомить читателей с новыми терминами. Однако происходило и обратное влияние, на которое он обращает внимание в небольшой книжке «Происхождение алфавита»

¹ «Наблюдения над большим папирусом Гаррис», ЗВК, 1925; 1926, № 1—2.

1923 г.). Путем длительного и тщательного анализа ему удается установить, что финикийский алфавит не имеет ничего общего с клинописью, но обнаруживает много сходных черт с 24 египетскими знаками, передающими отдельные звуки. У египтян они не играли самостоятельной роли, но употреблялись в комбинации со слоговыми знаками и идеограммами. Финикийцы отбросили весь этот бóлшае и сохранили только небольшое число алфавитных знаков. Промежуточным звеном, связывающим египетскую и финикийскую письменность, являются надписи, найденные на Синайском полуострове.

В 1925 г. он публикует исследование, посвященное Эрмитажному папирусу 1116 b. recto (Пророчество Нофрреху), содержащему интереснейшие данные, важные для социальной истории Египта. Сопоставляя их с фактами, почерпнутыми из других источников, В. В. Струве прослеживает изменяющееся на протяжении веков положение группы бедзесов («маленьких»), сперва слабой и угнетаемой, а затем выдвинувшейся и вступившей в борьбу со знатью.

Следующей серьезной задачей, которую поставил перед собой и выполнил В. В. Струве, было изучение и издание Московского математического папируса — драгоценного для истории мировой культуры документа, хранящегося в Гос. музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Еще акад. Б. А. Тураев заинтересовался этим памятником и дал предварительную транскрипцию большей части его. В. В. Струве продолжил и завершил работу своего учителя. Он не ограничился полной транскрипцией и переводом иератического текста, но дал подробный и тщательный анализ каждой задачи. Благодаря этому исследованию стало ясно, что математические познания древних египтян были гораздо выше, чем обыкновенно считают. Так, например, отношение окружности к диаметру они изчисляли сравнительно точно (3, 16, то-есть с ошибкой всего в две сотых), решали задачу о поверхности шара, вычисляли объем усеченной пирамиды и т. п.

Кроме того, В. В. Струве использовал математический папирус как источник по изучению экономики и быта древнего Египта. На основании некоторых арифметических задач он установил соотношение ценности двух основных для Египта злаков — ячменя и эммера, проследил процесс изготовления пива из смеси полбы и фиников, его крепость по сравнению с ячменным пивом, изготовление суррогатных алкогольных напитков и т. д. Для разрешения этих вопросов пришлось привлечь обильный параллельный материал и делать значительные филологические и исторические экскурсы. Так, В. В. Струве удалось дать более точное определение египетского слова *bš'*, которое переводилось то как «смоква» (Эрман), то как «ячмень» (Монтэ). Он выяснил, что *bš'* является одним из видов пшеницы, скорее всего полбой. Другим вопросом, который невозможно было обойти, был вопрос о влиянии шумерского и вавилонского хозяйства на Египет. В. В. Струве, стоя на базе яфетидологии, дал решительный отпор теории Б. Грозного, преувеличивающего экономическую и культурную роль Двуречья.

Умелое применение принципов передовой советской лингвистики для разрешения и историко-литературных проблем можно наблюдать в последующих работах В. В. Струве, например, в статье «Иштар-Исольда» в древневосточной мифологии» и особенно в исследовании «Эпос Гомера и круг сказаний о царе Петубастисе». В. В. Струве решительно выступает против злоупотребления теорией заимствований популярных сюжетов. Он доказывает произвольность сопоставлений египетского эпоса о междоусобицах войнах князей Дельты с библией и «Илиадой», которые делает немецкий египтолог Шпигельберг. На целом ряде убедительных примеров В. В. Струве показывает, что поединки издавна описывались в египетской художественной литературе, задолго до знакомства с греками и греческой поэзией и в заключение призывает искать причину сходства фольклорных сюжетов «не во влиянии греческого эпоса, а в одинаковых социальных условиях»¹.

В последние годы В. В. Струве уделяет особое внимание истории древнего Ирапа. В своих исследованиях, посвященных далекому прошлому Ирана, он стремится связать проблемы истории древнего Востока с историей нашей родины, в частности вскрывает значительную роль народов Средней Азии в социальных движениях и культурном развитии державы Ахеменидов.

¹ Язык и литература, 1929, IV, стр. 122.

В статье «Поход Дария I на саков-массагетов» В. В. Струве выступает против традиционного взгляда на Бехистунскую надпись в той ее части, где речь идет о походе Дария I на европейских скифов, о котором рассказывает Геродот. В. В. Струве благодаря тщательному анализу и глубокой интерпретации спорного места вскрыл полную ошибочность этих общепринятых домыслов. Он установил, что гораздо ближе к истине был русский востоковед В. В. Григорьев, который еще в 1871 г. сопоставил V столбец Бехистунской надписи с повествованием позднего классического автора Полиэна о подвиге сакского табунщика Сирака, и на этом основании высказал предположение, что в Бехистунской надписи речь идет о саках Средней Азии. Работа В. В. Григорьева в свое время осталась незамеченной, и западноевропейские иранисты совершенно игнорировали ее. В. В. Струве впервые отдал должное проницательной интуиции незаслуженно забытого русского ученого прошлого века и подробно развил и обосновал его точку зрения, внося, конечно, исправления и уточнения в соответствии с уровнем современной науки. В. В. Струве установил, что саки, против которых выступил Дарий I в 517 г., жили на восток от Аральского моря, что они тождественны тем массагетам, в борьбе с которыми погиб Кир, что Дарий восстановил мост, наведенный в свое время Киrom, переправился через Аму-Дарью и вторгся в глубь Средней Азии. В связи с этим В. В. Струве вносит корректив и к обычному толкованию Накширустамской надписи. «Саки, которые за морем», упомянутые в ней, оказываются опять-таки среднеазиатскими саками, живущими за Аральским морем, а не скифами, обитающими за Черным морем. К утверждению Бехистунской надписи о полном успехе Дария I В. В. Струве относится критически. «Поход был далеко не столь благополучным, как представляла официальная версия». Упорная борьба саков за свою независимость нашла свое отражение в их эпосе, отрывки которого сохранились для нас Полиэном.

Взаимоотношения Ирана и Средней Азии прослеживаются также в двух статьях В. В. Струве, выявляющих развитие древнеперсидской религии («Надпись Ксеркса о дэвах и религия персов», «Родина зороастризма»). В. В. Струве самым решительным образом критикует шаблонную точку зрения, распространившуюся в последние два десятилетия, согласно которой родиной зороастризма является западный Иран и Ахемениды считаются последователями Заратуштры. Вновь открытая надпись Ксеркса о «дэвах» при поверхностном изучении как будто бы подтверждает общепринятые в буржуазной литературе взгляды. Однако более углубленный анализ этого документа, проведенный В. В. Струве, показывает, что там, где постулируется тождество религиозной реформы Ксеркса с зороастрийскими нововведениями, на самом деле следует усматривать лишь параллельные явления. Разрушение храмов дэвов, произведенное Ксерксом, свидетельствует о централизации религиозного культа и напоминает аналогичные мероприятия самозванца Гауматы, направленные против племенных богов. «Эти реформы, несомненно, перекликаются с зороастризмом, объявившим *daiva* злыми повелителями мира». В религии Ахеменидов и в Авесте, безусловно, имеется целый ряд общих черт (почитание Ахурамазды, ненависть к дэвам, близость ритуала, один и тот же календарь, восходящий к египетскому¹). Однако имелись и различия в религиозной терминологии (например, в обозначении жрецов) и в способе погребения. Но самое главное различие заключалось в том, что «религиозная концепция, завершенная Ксерксом, заменяла Заратуштру царем в религиозном объединении всех персов». Личность царя заменяла Заратуштру, и поэтому знаменитый пророк ни разу не упоминается в надписях Дария I и Ксеркса и, в свою очередь, в Авесте ни слова не говорится об Ахеменидах.

Социальная база религиозных движений в западном и восточном Иране была различной. Религия магов, которую восприняли позднее Ахемениды, отражала интересы рабовладельческой знати. Напротив, в религии Заратуштры может быть установлена сильная народная тенденция. Вполне возможно, что крупное народное движение в Маргиане (соврем. Мары), жестоко подавленное по приказу Дария I, вспыхнуло под воздействием зороастризма. Протест Заратуштры против жертвоприношения крупного рогатого скота отражает экономические интересы оседлых скотоводов Ирана, которые не могли одоб-

¹ Календарная реформа была проведена в Персии в 484 г. до н. э.

рять грандиозные гекатомбы, совершаемые Ахеменидами и подрывавшие скотоводческое хозяйство.

Все эти выводы приводят к значительной переоценке сообщений Геродота о Персии и персах. Умолчание «отца истории» о Заратуштре становится теперь вполне понятным. Его данные о персидской религии вполне согласуются с памятниками Ахеменидов. В. В. Струве считает, что даже эпизоды, считавшиеся произвольными домыслами греческого автора (спор трех персов о способах правления, культ женского божества — Митры), на самом деле свидетельствуют о его значительной осведомленности. Таким образом, В. В. Струве реабилитирует Геродота и защищает его от необоснованных нападок в еще большей степени, чем это делал в свое время Ф. Г. Мищенко.

Подводя итоги, мы можем сказать, что за 37 лет своей творческой деятельности В. В. поставил и разрешил целый ряд самых разнообразных научных проблем. В значительной степени его заслугой является преодоление вредных влияний буржуазной исторической науки, в особенности реакционной теории циклизма. В. В. Струве не останавливался перед решительной борьбой с крупнейшими авторитетами буржуазной западноевропейской и америкапской науки (Эд. Мейером, Зете, Брестедом, Олбрайтом и др.) и опроверг немало их ложных выводов. В. В. Струве всегда выступал против неkritического усвоения выводов зарубежной науки, и, как мы видели, уже в самых ранних своих работах проявлял свою точку зрения, не останавливаясь перед полемикой с «иностранными светилами». Всей своей деятельностью он поддерживал высокий авторитет советской науки.

В то же время В. В. Струве не замыкается в своей научной деятельности и не забывает о событиях, происходящих за стенами его кабинета. В. В. Струве откликается горячо на все события, волнующие советский народ. Когда в 1936 г. была обнародована Сталинская конституция, он отметил этот исключительно важный этап в жизни нашей страны в статье «Маяк мировой революции» (ВАН СССР, 1936, № 10). Он выступает с речью на сессии Союза советских писателей, посвященной юбилею гениального грузинского поэта Шота Руставели. Он ведет беспощадную борьбу с расистскими измышлениями фашистских лжеученых (статьи и брошюры, разоблачающие антисемитизм, исследование «Арийская проблема» и т. д.).

Несмотря на огромную научно-исследовательскую работу, В. В. Струве непрерывно, в течение всей своей плодотворной деятельности, ведет и широкую педагогическую работу в Ленинградском гос. ордена Ленина университете, которому присвоено имя А. А. Икданова, и в Педагогическом институте им. А. И. Герцена. Сотни студентов прослушали его содержательные и глубоко научные лекции, многие тысячи учащихся вузов Советского Союза изучают историю древнего Востока по его учебному пособию, которое было переведено на языки народов нашего Союза (грузинский и армянский). Под руководством В. В. Струве ведется систематическая подготовка кадров специалистов по языкам и истории древнего Востока, создана целая школа востоковедов, большинство которых являются учениками В. В. Струве.

Трудно в небольшой статье охватить всю разностороннюю и многогранную научную и общественную деятельность выдающегося советского ученого. Показанные выше основные этапы его творческого пути свидетельствуют о его неустанной деятельности на культурном фронте нашей страны, строящей коммунизм.

В 1935 г. Академия Наук СССР отметила его научные заслуги, В. В. Струве был избран действительным членом Академии Наук. Он становится директором Института востоковедения Академии Наук СССР. В 1945 г. Правительство наградило академика В. В. Струве орденом Ленина. Своей исследовательской и организационной работой в высшем научном учреждении нашей Родины и научно-педагогической работой в вузах Василий Васильевич Струве заслужил любовь и уважение своих сотрудников, учеников и учащейся молодежи нашей страны.

Д. Редер и Р. Рубинштейн

Список печатных трудов академика Василия Васильевича Струве¹.

1912 год. Коптский папирус из коллекции проф. Тураева, «Х. Вост.», I, вып. 2, СПб., стр. 207—211.

1913 год. Петербургские сфинксы, ЗВОРАО, VII, стр. 20—51.

К истории 'Απόκρια, ЖМНП, нов. серия, дек., ч. 48, стр. 419—511.

1914 год. Египет при Птолемеях, НЭС, XVII, стб. 348—353.

1915 год. Право владения землями пахотными и виноградными в Птолемеевском Египте, ЖМНП, нов. серия, . 55, стр. 1—64.

Льготная Дашурская грамота царя Пиопи I (перевод). «Древний мир», часть I «Восток», под ред. Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина, М., стр. 15—16.

1917 год. Развитие храмового иммунитета в Птолемеевском Египте, ЖМНП, нов. серия, ч. 70, июль — август, стр. 223—255.

1919 год. Заупокойный культ древнего Египта. Путеводитель по выставке в залах Эрмитажа, Пгтр. Отд. по дел. муз. и охр. пам. иск. и старины, 46 стр.

Пребывание Израиля в Египте в свете исторической критики, Пгр. «Евр. ист. библи.», 30 стр.

1920 год. Израиль в Египте, «Культ.- ист. пам. древн. Востока», под ред. акад. Б. А. Тураева, вып. VI, Пгр., стр. 52.

Б. А. Тураев. Некролог, «Дела и дни», кн. I, стр. 606—609.

1921 год. Сенаар и Египет, ИРАИМК, I, № 23, стр. 251—256.

Эрмитажная стела Харемхеба, ЕРИИИ, I, вып. 2, Пгр., стр. 91—109.

Борис Александрович Тураев, некролог, «Наука и ее работники», № 4, стр. 41—44.

1922 год. Ефрем и Манассей, «Евр. мысль», Пгр., изд. «Сеятель», стр. 130—143.

Борис Александрович Тураев, некролог, «Анналы», № 1, стр. 149—154.

Франсуа Шамполльон. К столетнему юбилею дешифровки иероглифов, «Анналы», № 2, стр. 3—16.

К истории патесиага Гишху, ИРАИМК, II, № 3, стр. 49—64.

1923 год. Происхождение алфавита, Пгр., изд. «Время», 64 стр.

К вопросу о Тутмосидах, «Из далекого и близкого прошлого», сб. этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной деятельности Н. И. Кареева, Пгр., М., изд. «Мысль», стр. 19—28.

Кеносаркофаг царицы Иах-хотеп, «Сб. Гос. Эрмитажа», вып. 2, Пгр., стр. 17—25.

Новые открытия в царском некрополе Фив, «Восток», № 3, стр. 150—159.

1924 год. К истории пребывания Израиля в Египте, «Евр. старина», XI, стр. 45—64.

К дешифровке «синайских надписей», там же, стр. 341—344.

Переворот в области хронологии Египта, «Анналы», № 4, стр. 333—334.

Предисловие и дополнения к кн. акад. Б. А. Тураева «Классический Восток» I, Л., (совместно с Н. Д. Флиттнер).

1925 год. Раругус 1116 в. гесто и пророческая литература древнего Египта, ЗКВ, I, стр. 209—227.

Наблюдения над большим папирусом Haggis, там же, стр. 435—454.

Лошади в мистериях Осириса. ЯС, III, М.—Л., изд. Главнауки, стр. 71—74.

Рец.: Ф. В. Баллод, Очерки древнеегипетского искусства, М., Саратов, 186 стр., «Восток», № 5, стр. 264—265.

1926 год. Социальная проблема в заупокойном культе древнего Египта. Религия и общество, Л., изд. «Сеятель», стр. 5—28.

Диалог господина и раба о смысле жизни (по новому вавилонскому памятнику), там же, стр. 41—59.

К локализации страны Маган, ЯС, IV, изд. АН СССР, стр. 20—38.

Заметки к папирусам Эрмитажного собрания. «Сб. Гос. Эрмитажа», вып. 3, Л., стр. 1—7.

¹ В основу этого списка положены материалы, собранные Отделом сети Фундаментальной библиотеки Академии Наук СССР.

К вопросу о локализации и датировке некоторых египетских памятников Эрмитажного собрания, там же, стр. 12—16.

Zur Geschichte der jüdischen Kolonie von Elephantine, ИАН СССР, 6-я серия, XX, № 5—6, стр. 445—454.

Ort der Herkunft und Zweck der Zusammenstellung des Grossen Papyrus Harris, «Aegyptus», Anno 7, № 1—2, стр. 3—40.

Egyptian sealing in the collection of the academician N. P. Likhacheff. Ancient Egypt, Dec., part 4, p. 116—119.

1927 год. Упоминание пудеев в ранней эллинистической литературе, ЗКВ, II, стр. 127—234.

По поводу статьи о папирусе 1116 в, там же, стр. 405—406.

Zum Namen des Königs Taltamon. ÄZ, т. 62, стр. 65—66.

Ein Aegypter, Schwiegersohn des Sanherib, там же, стр. 66.

1928 год. Манефон и его время, гл. I, ЗКВ, III, вып. I, стр. 109—185.

Zur Geschichte Aegyptens der Spätzeit, ИАН СССР, 7-я серия, Отд. гум. наук, стр. 196—212.

Die Ära ἀπὸ Μενέφρεως und die XIX Dynastie Manethos, ÄZ, т. 63, стр. 45—50.

1929 год. Эпос Гомера и круг сказаний о царе Петубастисе, ЯЛ, IV, РАНИОН, стр. 111—122.

Die Kreisberechnung in der Mathematik der Hebräer, CEK, II, стр. 1—3 (лтр.).

Ostrakon № 2973 der Staat. Ermitage (Aus der Sammlung von B. A. Turaeff), там же, III, стр. 28—31 (лтр.).

Der Inhalt des Märchens von verwünschten Prinzen, там же, стр. 32—33.

1930 год. Mathematischer Papyrus des staatlichen Museums der schönen Künste in Moskau. Hrs. und kom. von W. W. St r u e, Berl., стр. XII + 197, «Quellen und Studien zur Geschichte der Math.», hrs. O. Neugebauer, J. Stengel und O. Toeplitz. Abt. A, I.

Манефон и его время. Гл. II — «Царские списки Манефона, сохранившиеся у Африкапа и Евсевия», ЗКВ, IV, стр. 159—248.

Египетская задача в сочинении армянского математика VII в., ЯЛ, V, РАНИОН, стр. 29—32.

Das Volk der T ʿk ʿr. ЯС, VI, изд. АН СССР, стр. 94—99.

Ein Ritual-Hymnus aus der Erm. Sammlung, CEK, IV, стр. 20—25 (лтр.).

Der König Ameni des Erm. Papyrus № 1116 b, CEK, V, стр. 10—14 (лтр.).

Die Schreibpalette № 2372 der Ermit. Sammlung, CEK, VI, стр. 17—20.

1932 год. Египет. Древняя история (до арабского завоевания), БСЭ, XXIV, стб. 356—371.

Иштарь-Исольда в древневосточной мифологии — Тристан и Исольда, Л., АН СССР, стр. 49—70.

Яфетидологическое письмо и египетский алфавит, ЯС, VII, стр. 111—114.

1933 год. Плебеи и илоты. ПИДФ, «Сб. статей к 45-летию научной деятельности Н. Я. Марра», М.— Л., Соцэкгиз, стр. 367—373.

1934 год. История древнего Востока. Краткий курс, М., Соцэкгиз, 131 стр.

Лекции по истории древнего Востока, вып. 1—3, ЛГУ, истфак, 125 стр. (на пр. рук.) стеклгр.).

Очерки социально-экономической истории древнего Востока, М.— Л., ОГИЗ, 74 стр.; ИГАНМК, № 97.

Рабовладельческая латифундия в Сумире III дин. Ура (от XXIII в. до н. э.), «С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности», Л., АН СССР, 1933, стр. 495—501.

Проблема зарождения, развития и разложения обществ древнего Востока (доклад и заключительное слово), ИГАНМК, вып. 77, стр. 32—181.

Рудимент классового показателя в шумерийском языке, ИАН СССР, ООН, № 10, стр. 799—806.

Восстание «маленьких» и рабов в Египте, «Известия ЦИК СССР», № 102 (1 мая).

Рец.: Н. М. Никольский, История, М., Учпедгиз, 200 стр., ПИДО, № 3—4 стр. 111—113.

Ученый-революционер Н. Я. Марр, там же, № 3—4, стр. 237—239.

Ученый-революционер Н. Я. Марр, «Литературный Ленинград», № 64 (26 декабря).

Еще раз о рабовладельческой латифундии Сумира III дин. Ура (ответ на статью Н. В. Никольского), ПИДО, № 7—8, стр. 211—222.

Древний Восток (глава в книге С. И. Ковалева, История древнего мира и средних веков, Л., изд. Воен.-пол. акад., стр. 1—32, лтгр.).

Советская наука о древнем Востоке в период 1917—1932 гг., ИГАИМК, № 9—10, стр. 27—29.

1935 год. Лекции по истории древнего Востока, ЛГУ, Истфак, стр. 146 (лтгр.).

Лекции по истории древнего Востока, вып. 4—5, ЛГУ, истфак, стр. 126—240, на пр. рук. (стклгр.).

Хетты, БСЭ, LIX, стб. 513—515 (совм. с Н. А. Кунном).

К семантике «жалованья», ЯМ, III—IV, стр. 101—110.

Списки Манефона царей позднего Египта, там же, V, стр. 345—351.

Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344, М.—Л., Соцэкгиз, 39 стр.

Предисловие и дополнения к «Истории древнего Востока» акад. Б. А. Тураева (совм. с И. Л. Снегиревым), Соцэкгиз.

Социальная семантика египетской глагольной формы *sdm. f.* «Академику Н. Я. Марру», М.—Л., АН СССР, стр. 345—351.

1936 год. История древнего мира. I — «Восток», изд. ГАИМК, М., 444 стр.

Лекции по истории древнего Востока, ЛГУ, истфак, вып. I, 1—55 стр.; вып. 2, стр. 56—92.

Филистимляне, БСЭ, LVII, стб. 381.

Финикия, БСЭ, LVII, стб. 547—549.

Маяк мировой революции, ВАН СССР, № 10, стр. 8—9 (академики о Сталинской Конституции).

Энгельс и история техники древнего Востока, «Ист. техники», вып. 5 (к сорокалетию со дня смерти Ф. Энгельса), ОНТИ, НКТП СССР, стр. 75—107 (совм. с Н. Д. Флитнером).

Ред.: «Хрестоматия по древней истории», т. I, М., Учпедгиз, 236 стр.

1937 год. Хронология Манефона и период Сотиса. Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», М.—Л., АН СССР, стр. 19—66.

Итоги работ по истории древнего Востока в СССР за 20 лет, ИАН СССР, ООН, № 5, стр. 1125—1132.

Институт востоковедения ВАН СССР, № 10—11, стр. 266—279 (совм. с Х. И. Муратовым и В. И. Кальяновым).

Параграф 34 и 36 Хеттского судебногоника, ВДИ, № 1, стр. 33—38.

Предисловие к кн. Волкова Н. Н. «Скопчество и стерилизация». М.—Л., АН СССР, стр. 3—4.

Великий гуманист. Речь на пленуме ЦСП СССР, посвященном 750-летию поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в Тбилиси. ИАН СССР, ООН, дек. № 3, стр. 9—10.

1938 год. Изучение истории древнего Востока в СССР за период 1917—1937 гг., ВДИ, № 1, стр. 13—22.

Подлинная причина разрушения иудейского храма на Элефантине в 410 г. до н. э., ВДИ, № 4, стр. 99—119.

Урарту — древнейшее государство на территории СССР (стенограмма лекции), Л., 18 стр., на пр. рук.

Урарту — древнейшее государство на территории СССР. УЗ ЛГУ, № 19, сер. ист. наук, стр. 134—145.

1939 год. Аренды податей в государстве Ахеменидов, «Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, Доклады», III, М.—Л., АН СССР, стр. 245—248.

Советская этнография и ее перспективы, «Советская этнография», сб. статей под ред. акад. В. В. Струве, М.—Л., АН СССР, стр. 3—10.

- 1940 год. Марксово определение раннеклассовых обществ, Сб. «Советская этнография», III, М.—Л., АН СССР, стр. 5—22.
- 1941 год. История древнего Востока, изд. 2-е, Л., Госполитиздат, 482 стр.
- Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства, УЗ ЛГУ, вып. 78, стр. 65—77.
- Фашистский антисемитизм — пережиток каннибализма, М.—Л., АН СССР, 16 стр.
- Что кроется под фашистским антисемитизмом, «Спутник агитатора», № 24, стр. 24—27.
- 1942 год. Фашистский антисемитизм, М.—Л., АН СССР, 22 стр.
- 1944 год. Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов, ИАН СССР, Сер. ист. и фил., № 3, стр. 128—140.
- Рец.: Б. Б. П и о т р о в с к и й. История и культура Урарту, ИАН Арм. ССР, Общ. науки, № 3—4, стр. 125—140.
- 1945 год. Родина зороастризма, «Материалы по истории таджиков и Таджикистана» сб. I, стр. 3—55.
- 1946 год. Поход Дария I на саков-массагетов, ИАН СССР, Сер. ист. и фил., № 3, стр. 231—250.
- Рец.: Б. Б. П и о т р о в с к и й, История и культура Урарту, ВДИ, № 1, стр. 131—141.
- Подлинный манефоновский список хронологии Нового царства, ВДИ, № 4, стр. 9—25.
- «Гуманность» законов хеттов (индоевропейцев) и «жестокость» законов семитических народов, «Научная сессия ЛГУ».
- Член-корреспондент Академии Наук СССР П. В. Ернштедт, ВЛУ, № 5—6, стр. 212.
- Член-корреспондент Академии Наук СССР Н. В. Пигулевская, там же, стр. 218—219.
- 1947 год. Рец.: Н. В. П и г у л е в с к а я, Византия и Иран на рубеже VI и VII в., АН СССР, «Сов., кн.», № 4, стр. 50—51.
- Общественный строй южного Междуречья в эпоху III династии Ура, Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции, М.—Л., АН СССР, стр. 720—742.
- История древнего Востока за 30 лет. ВАН СССР, № 11, стр. 113—114.
- Датировка протондийских писем, ВАН СССР, № 8, стр. 51—58.
- Датировка I вавилонской династии, ВДИ, № 1, стр. 9—35.
- Арийская проблема, СЭ, тт. VI—VII, стр. 117—124.
- Проблемы истории древнего Востока в современной историографии, ВДИ, № 3, стр. 17—41.
- Советское востоковедение и проблема общественного строя Древнего Востока, ВЛУ, № 11, стр. 233—242.
- О «гуманности» хеттских законов, ВДИ, № 4, стр. 11—20.
- 1948 год. Творческий путь Ф. Шамполльона, ВДИ, № 1, стр. 139—150.
- Наемный труд и сельская община в Южном Междуречье конца III тысячелетия до н. э., ВДИ, № 2, стр. 13—34.
- Б. А. Тураев, крупнейший историк древнего Востока, ВДИ, № 2, стр. 75—83.

Нумизматическая хроника

В 1940 г. умер один из старейших московских исследователей и собирателей монет, Александр Григорьевич Голиков (род. в 1865 г.). Оставшаяся после смерти А. Г. Голикова нумизматическая коллекция по воле собирателя была передана его семьей в мае 1941 г. в дар Отделу нумизматики Московского государственного музея изобразительных искусств. Пожертвованная коллекция состоит из 10618 монет разных стран и эпох; среди них — античных — 3019, западноевропейских — 3602, русских — 3272, восточных — 722 и 3 неопределенных.

За все время существования нумизматического собрания Музея, ведущего свое начало с 70-х гг. XVIII в. и происходящего из Московского университета, дар семьи Голиковых оказался самым крупным и наиболее ценным поступлением. Коллекция эта разно-

образна по своему составу. В ней преобладают монеты хорошей и отличной сохранности много в ней редких и неизданных типов. Все монеты определены самим собирателем, что; увеличивает ценность коллекции, позволяет составить ясное представление о ее содержании.

Наиболее замечательной частью коллекции являются монеты античных городов Северного Причерноморья — Тирь, Ольвии, Херсонеса Таврического, Керкинитиды, Феодосии, Боспорского государства. Среди них наиболее выдающаяся — золотой статер скифского царя Фарзоя (2 пол. I в. н. э.), еще неопубликованный экземпляр, прекрасной сохранности и, несомненно, один из лучших вариантов из известных нам 10-ти или 11-ти, хранящихся в различных собраниях. Эта монета принадлежала лично вдове собирателя С. С. Голиковой и присоединена ею к общему дару, как предмет большого исторического и художественного значения. Учитывая большие заслуги собирателя перед советской наукой и общественностью, Музей решил издать специальный каталог монет А. Г. Голикова, а также опубликовать некоторые неизданные труды его, переданные Музею в рукописях вместе с коллекцией.

*

17 января 1942 г. в осажденном гитлеровскими войсками Ленинграде в возрасте 53 лет скончался один из крупнейших советских нумизматов, доктор исторических наук, профессор Александр Николаевич Зограф, — хранитель богатейшего в СССР собрания монет и медалей Государственного Эрмитажа, автор ряда исследований по античной и, в частности, черноморской нумизматике.

Исследовательские интересы А. Н. Зографа были разнообразны, он стремился к всестороннему использованию монетных данных для решения проблем и исторических, и археологических, и искусствоведческих. Много внимания уделял он педагогической деятельности и популяризации научных знаний. А. Н. Зограф написал свыше 30 научных статей, напечатанных в различных изданиях, и ряд исследований, сданных им в печать, но еще не появившихся в свет в связи с событиями военного времени. Среди еще неизданных трудов оказалась самая большая рукопись покойного автора — «Античные монеты», в двух частях, капитальный труд русского исследователя по античной нумизматике, подготовляемый сейчас к изданию Государственным Эрмитажем. Особенно интересна 2-я часть, посвященная общему обстоятельному очерку по истории денежного обращения и монетного дела в Черноморье, в которой автор подводит итоги предшествующим научным достижениям, излагает результаты своего многолетнего изучения черноморских монет, высказывает много новых и оригинальных взглядов, внося весьма существенные изменения и поправки в вопросы толкования монетной типологии, периодизации монет и уточнения их хронологии. С деятельностью А. Н. Зографа связан подготовленный им еще до войны и вышедший в 1945 году I том Трудов Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, посвященный виднейшему советскому специалисту по русской нумизматике, умершему также в 1942 году в Ленинграде, Алексею Алексеевичу Ильину. См. рецензии — ВДИ, 1946, № 3 и Сов. книга, 1947, № 4.

*

За годы войны и после ее окончания на юге СССР был сделан ряд интересных находок античных монет.

В 1941 г. в станице Старонижестеблиевской (близ Краснодара) местным жителем случайно найден клад медных пантикапейских монет начала III в. до н. э., обнаруженный в раздавленном глиняном кувшинчике, в количестве свыше 50 штук. Из них только 13 монет доставлены и поступили на хранение в Краснодарский музей. Все монеты одного типа — голова юного сатира с надчеканкой клейма звезды и на обороте — голова льва, остр, буквы PAN с надчеканкой клейма горита с луком. Подробная публикация клада подготовлена Н. В. Анфимовым.

В 1944 г. на Гераклейском полуострове, близ Севастополя, во время восстановительных работ случайно найдены 2 клада херсонесских монет (IV—II вв. до н. э.). Первый

клад — возле Стрелецкой бухты, в количестве 103 штук (36 серебряных и 67 бронзовых), и второй клад — Камышевский, в количестве 741 монеты (39 серебряных и 702 бронзовых). Здесь представлены разные типы: 1) голова Девы и фигуры бодающегося быка или Девы, поражающей лань, 2) головы Геракла и фигуры Девы на троне или бодающегося быка (многие монеты с надчеканками клейм), 3) фигуры грифона и коленоопреклощенной Девы (в вариантах).

Оба клада поступили на хранение в Херсонесский музей и подготовлены к подробному опубликованию А. К. Тахтай.

*

В 1946 году в раскопках Тирптаки (Керченский п/о) Ленинградская археологическая экспедиция АН СССР открыла клад медных боспорских монет конца III — начала IV в. н. э. (ВДИ, 1947, № 3). Среди 227 найденных монет имеются неизданные типы. Подробная публикация клада будет дана в ВДИ, 1949, № 2.

Раскопки Ольвии, возобновленные после войны Украинской Академией Наук, под руководством Л. М. Славина, сопровождаются небывалым до сих пор обилием монетных находок. За две раскопочные кампании 1946 и 1947 гг. найдено свыше 3900 монет. Наибольшее сосредоточие массового скопления монет обнаружено на так называемом раскопе Е, в комплексе постройки, назначение которой, ввиду еще недостаточно вскрытой площади, определить пока затруднительно.

Среди монетных находок последнего времени следует упомянуть о двух золотых монетах прекрасной сохранности, найденных случайно местными жителями на территории городища древней Фанагории (Таманский п/о) и доставленных в 1947 г. археологической экспедицией Гос. музея изобразительных искусств в Москву и переданных на хранение в Отдел нумизматики. Одна монета — золотой статер (ауреус) неизвестного боспорского правителя эпохи Августа, с монограммой и с датой 295 г. босп. эры = 2 г. до н. э. (вес 7,940 г). Другая монета — статер из низкопробного золота Савромата II с датой 494 г. босп. эры = 197 г. н. э. (вес 7,582 г).

Обе монеты интересны для регистрации их места находки в Фанагории, что свидетельствует о месте их обращения. Монета первая более ценна, потому что обозначенный на ней год выпуска — 295 босп. эры еще не встречался среди ранее опубликованных монет данного правителя, стоявшего у власти с 289 по 304 г. босп. эры (8 г. до н. э. — 7 г. н. э.). Это давало основание предполагать наличие перерыва в выпуске золотых монет в 295 г.

В 1948 году в раскопках Пантикапея Московской экспедицией АН СССР найден электровый статер VI в. до н. э. с изображением головы кабана и тунца. Это уже четырнадцатый кизикин, зарегистрированный в боспорских находках и свидетельствующий о том, что данные монеты международного обращения проникали и на Боспор. Монета поступила в Гос. музей изобразительных искусств и подготовлена к опубликованию Д. Г. Шеловым.

В этом же году в раскопках Мирмекия Ленинградская экспедиция АН СССР обнаружила в слое римского времени 3 золотых боспорских статера: Савромата II, 497 г. босп. эры = 200 г. н. э.; Рискупорида III, 515 г. босп. эры = 218 г. н. э. и 516 г. босп. эры = 219 г. н. э. Из них наиболее редкая монета — 497 г., представленная в мировых собраниях очень небольшим количеством экземпляров. Монеты переданы в Керченский музей.

Замечательными поступлениями античных монет в наши музеи за последние годы, из числа опубликованных в печати, следует признать: золотой статер, т. н. царя Акка, найденный в Грузии и поступивший в Тбилисский музей (ВДИ, 1948, №№ 1, 2) и золотую монету Синдикки, приобретенную Моск. историческим музеем (ВДИ, 1946, № 4). Этот последний экземпляр, не вызывающий сомнения в своей подлинности, впервые дает нам синдскую чеканку в золоте. Датировку, предложенную Ю. С. Крушкю, серединой IV в. до н. э. следует, однако, считать слишком поздней. Более вероятно относить чеканку этих золотых синдских монет ближе к рубежу V—IV вв.; еще к периоду независимости синдков, т. е. до присоединения Синдикки к Боспорскому царству при Левконе I. Если, как полагает А. Н. Зограф, первые золотые

статеры Пантикапея появились под влиянием лампсакской чеканки уже около 370 г. до н. э., то не исключена возможность еще более раннего появления в Синдике золотой чеканки под влиянием обрабатывавшихся в Черноморье кизикинов.

Л. П. Харко

Диссертации по древней истории¹

1. Докторские диссертации

И. С. Николаев — «Аркады античных акведуков». Защищена в Московском архитектурном институте 15. III. 1945 г. Оппоненты: доктора искусств. наук В. Д. Блаватский, А. Г. Габричевский, доктор архит. наук А. В. Кузнецов, доктор ист. наук Н. А. Машкин.

С. В. Киселев — «Древняя история Южной Сибири». Защищена в МГУ в мае 1947 г. Оппоненты: доктор исторических наук С. П. Толстов, доктор исторических наук А. В. Арциховский, доктор исторических наук А. П. Смирнов.

С. А. Кауфман — «Итало-римская архитектура». Защищена в Академии архитектуры 10. VII. 1947 г. Оппоненты: доктор исторических наук Н. А. Машкин, доктора искусствоведческих наук М. В. Аллатов, А. Г. Габричевский и Н. И. Брунов.

А. П. Калинин — «Опыт исследования по истории Северного Причерноморья и Боспора времени Археанактидов и первых Спартокидов». Защищена 16. VII. 1948 г. в ЛОИИ АН СССР. Оппоненты: акад. В. В. Струве, доктор искусствоведческих наук В. Д. Блаватский, доктор исторических наук С. И. Ковалев и Л. А. Мадюлевич.

К. Н. Колобова — «Из истории архаической Греции (Родос)». Защищена 22. VI. 1948 г. в ЛОИИ АН СССР. Оппоненты: акад. В. В. Струве, чл.-кор. АН СССР К. В. Тревер, доктор филологических наук И. М. Тронский.

С. А. Семенов-Зусер — «Историография скифов», т. I — «Скифская проблема в отечественной науке». Защищена весной 1948 г. в Харьковском университете. Оппоненты: доктор исторических наук К. Э. Гриневич, доктор исторических наук А. А. Введенский, проф. А. А. Ивановский.

С. Л. Утченко — «Идейно-политическая борьба накануне падения римской республики». Защищена 27. XII. 1948 г. в Институте истории АН СССР. Оппоненты: доктор исторических наук Н. А. Машкин, доктор исторических наук В. Н. Дьяков, доктор филологических наук Н. Ф. Дератани.

2. Кандидатские диссертации

Н. Х. Юдикис — «Римский колонат ранней империи». Защищена в МИФЛИ 23. VI. 1940 г. Оппоненты: проф. Н. А. Машкин и кандидат исторических наук А. К. Бергер.

А. Н. Матвеева — «Положение женщины в конце Римской республики». Защищена 25. VI. 1941 г. в МИФЛИ. Оппоненты: проф. С. И. Протасова, кандидат исторических наук А. К. Бергер.

Ю. Строительева — «Римская провинция Вифиния». Защищена 25. VI. 1941 г. в МИФЛИ. Оппоненты: проф. С. И. Протасова, кандидат исторических наук А. К. Бергер.

С. С. Кирбятьев — «Движение Катилины». Защищена 16. XI. 1943 г. в Ср.-Аз. гос. университете (Ташкент). Оппоненты: акад. В. В. Струве, доцент Д. С. Грамеецкий.

Н. В. Хоштария — «Дабла-Гоби» (VI—IV в. до н. э.). Защищена в Тбилисском гос. университете.

С. А. Вязигин — «Страбон и Плиний как источники по истории Туркмении». Защищена в 1945 г. в Институте истории языка и литературы Турк. ФАН. Оппоненты: проф. И. Н. Бороздин и кандидаты исторических наук Ш. О. Юрахнов и А. К. Шофман.

Н. Н. Погребова — «Грифон и его изображение в искусстве Северного Причерноморья в эпоху греческой колонизации». Защищена в ИИМК АН СССР 20. VI. 1946 г.

¹ См. ВДИ, 1948, № 2, стр. 130—134.

Оппоненты: доктор исторических наук Б. Н. Граков, доктор искусствоведческих наук В. В. Павлов.

Н. Н. Б р и т о в а — «Боспорские стелы с рельефными изображениями эллинистическо-римского периода». Защищена 20. VI. 1946 г. в ИИМК АН СССР. Оппоненты: доктор исторических наук А. П. Смирнов, доктор искусствоведческих наук М. М. Кобылина.

П. Н. Ш у л ь ц — «Скульптурные портреты скифских парей Скилура и Палака». Защищена 20. VI. 1946 г. в ИИМК АН СССР. Оппоненты: доктор исторических наук Б. Н. Граков, доктор искусствоведческих наук В. Д. Блаватский.

Д. Г. К а ц а н а д з е — «О древнейших золотых монетах Грузии». Защищена 11. V. 1948 г. в Институте истории АН Грузинской ССР. Оппоненты: доктор исторических наук Е. А. Пахомов, кандидат исторических наук Н. В. Хоштария.

Д. Б. Ш е л о в — «Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в VI — IV вв. до н. э.». Защищена 18. II. 1948 г. в ИИМК АН СССР. Оппоненты: доктор искусствоведческих наук В. Д. Блаватский, кандидат искусствоведческих наук И. Б. Зеест.

Я. А. Л е н ц м а н — «Торговля о. Делос в III—II вв. до н. э.». Защищена в Институте истории АН СССР 24. V. 1948 г. Оппоненты: доктор исторических наук В. Н. Дьяков, доц. К. К. Зельин.

И. Д. М а р ч е н к о — «Боспорская ритуальная терракота». Защищена 5. VI. 1948 г. в ИИМК АН СССР. Оппоненты: доктор искусствоведческих наук М. М. Кобылина, кандидат исторических наук Г. А. Цветаева.

П. М. Ш е н д я п и н — «Сенека — философ и его трактат «О милосердии»». Защищена 4. XI. 1948 г. в МГУ. Оппоненты: чл.-корр. АН СССР С. И. Соболевский, проф. Н. Ф. Дератани, проф. Н. А. Машкин.

Л. М. Г л у с к и н а — «Дельфы в VII—VI вв. до н. э.». Защищена 16. VI. 1948 г. в ЛОИИ АН СССР. Оппоненты: акад. И. И. Толстой и доктор исторических наук С. И. Ковалев.

М. А. М е д в е д е в — «Матриархат в древнем Израиле». Защищена 21. VI. 1948 г. МОПИ. Оппоненты: доктор исторических наук В. К. Никольский, кандидат исторических наук Д. Г. Редер.

М. Л. С о н и н — «Эвенкийское шаманство как форма первобытной религии». Защищена в апреле 1948 г. в МОПИ. Оппоненты: доктор исторических наук В. К. Никольский, кандидат исторических наук В. И. Шевченко.

З. М. К у ш и н а — «Серторианская война в Испании». Защищена в апреле 1948 г. в Харьковском гос. университете. Оппоненты: проф. А. А. Ивановский, кандидат исторических наук В. А. Гольденберг.

М. М. С л о н и м с к и й — «Северное Причерноморье как военно-экономическая база римской экспансии на Востоке». Защищена в 1948 г. в Харьковском гос. университете. Оппоненты: проф. А. А. Ивановский, кандидат исторических наук В. А. Гольденберг.

М. Н. А л ь т м а н — «Идейная направленность трагедий Софокла как критерий их датировки». Защищена осенью 1948 г. в МГПИ им. В. И. Ленина. Оппоненты: проф. Б. В. Казанский, проф. М. Е. Грабарь-Пассек, доцент Г. Б. Пузис.

П. Д. Л и б е р о в — «Скифские курганы Киевщины». Защищена 28. XII. 1948 г. в ИИМК АН СССР. Оппоненты: доктор исторических наук Т. С. Пассек, кандидат исторических наук Н. В. Пятешева.

Н. Д. Б о г о л ю б о в — «Заговор Катилины». Защищена 30. XII. 1948 г. в Высш. парт. школе. Оппоненты: докт. ист. наук Н. А. Машкин, канд. ист. наук А. Б. Бокшанин.

М. И. А к к е р м а н — «Заговор Катилины» Саллюстия как литературное произведение». Защищена 7. II. 1949 г. в МГПИ им. В. И. Ленина. Оппоненты: проф. М. Е. Грабарь-Пассек, доцент Н. А. Тимофеева.

ПРИЛОЖЕНИЕ

BASILIVS LATYSCHEV
SCYTHICA ET CAUCASICA

В. В. ЛАТЫШЕВ
ИЗВЕСТИЯ
ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ
О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

В. В. Латышев

ИЗВЕСТИЯ ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

(Продолжение¹)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛАТИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Т[ИТ] МАКЦИЙ ПЛАВТ

Знаменитый комический поэт, родился около 251 г., умер в 184 г. до н. э. [см. М. Покровский, История римской литературы, М., 1942, стр. 49 сл.; И. Тропский, История античной литературы, Л., 1946, стр. 291 сл.; В. Модестов, Лекции по истории римской литературы, 1888, стр. 97 сл.]

Текст: T. Macci Plauti comoediae ex recensione Georgii Goetz et Friderici Schoell (7 выпусков), Lips., Teubn., 1896. [Новейшее издание: Plautus, recognovit W. M. Lindsay, Oxonii, 1909—11].

ТРИНУММ

(TRINUMMUS)

АКТ IV, СТИХИ 933—935

Сиккофант. Прежде всего мы прибыли в Понт к Аравийской земле.

Хармид. Ого, разве и в Понте есть Аравия?

Сиккофант. Есть: не та, где родится фимиа, а та, где растет полынь и куриная душица.

КВ[ИНТ] ЭННИЙ

Знаменитый драматический и эпический поэт, родился в 239, умер в 169 г. до н. э.

Собрание отрывков: Fragmenta poetarum Romanorum coll. et emend. Aem. Baehrens, Lips., 1886; Scaenicae Romanorum poesis fragmenta tertiis curis, rec. O. Ribbeck, т. I, изд. 3.: Tragicorum fragmenta, Lips., Teubn., 1897. [Русский перевод (частично) Холодник, Лекции по римской литературе].

¹ Начало см. ВДИ, 1947, №№ 1—4; 1948, №№ 1—4.

МЕДЕЯ ИЗГНАННИЦА

(MEDEA EXUL)

I (RIBB., Стр. 49)

Кормилица. (1) О, если бы никогда не упало на землю еловое бревно, срубленное топорами в Пелеевой роще, и оттуда не возникло бы начало постройки корабля, который ныне называется именем (5) «Арго», потому что на нем избранные аргивские мужи¹ по повелению царя Пелия поехали хитростью добывать у колхов позолоченную шкуру барана. Ибо никогда госпожа моя не вышла бы из дома (10) Медея с огорчением в душе, пораженная жестокой любовью².

XVI (RIBB., Стр. 56)

О если бы ты, Меда, никогда не выезжала от колхов со страстью в сердце!³

ЭПИГРАММЫ

(EPIGRAMMATA)

От солнечного восхода выше болот Меотиды⁴ нет никого, кто мог бы сравняться днями [со Сципионом Африканским]⁵.

M[АРК] ПОРЦИЙ КАТОН

Известный писатель и государственный деятель, автор сочинений «Origines», «De re rustica» и многочисленных речей, жил от 234 до 149 г. до н. э. [См. М. Покровский, Ист. римск. лит., стр. 81 сл.; В. Модестов, Лекц. по ист. римск. лит., стр. 140 сл.]

[Издание отрывков: Н. Jordan, Leipz., 1860; лучшее издание: Н. Keil, Leipz., 1884. Работы русских ученых: Вехов, Марк Порций Катон, как государственный деятель и писатель, 1911—12].

Фрагмент неизвестной речи (Athen., VI, 109)... Известный Катон, как рассказывает Полибий в тридцать первой *книге своих историй*⁶, с негодованием кричал *о том*, что некоторые ввели в Рим чужеземную роскошь, покупая за триста драхм боченок понтийской соленой рыбы, а за красивых мальчиков давали больше стоимости полевого участка.

M[АРК] ПАКУВИЙ

Трагический поэт, племянник Энния по матери, родился в 220 г. до н. э., умер в глубокой старости около 130 г. По названиям и отрывкам известно до 12 его трагедий (fabulae palliatae). [См. М. Покровский, Ист. римск. лит., стр. 44 сл.; В. Модестов, Лекц. по ист. римск. лит., стр. 128 сл.]

Собрание отрывков: Scaenicae Rom. poesis fragmenta tertiis curis rec. O. Ribbeck, т. I: Tragg. fragmenta, стр. 86—157. Cp. L. Müller, De Pacuvii fabulis disputatio, ЖМНП, май 1889.

¹ [Энний производит наименование корабля «Арго» от Пеласгического Аргоса в Фессалии. Другое толкование см. Arillo d., Bibl., I, 9, 16, 6 и прим. (ВДИ, 1947, № 3, стр. 306)].

² Auct., Rhet. ad. Her., II, 24, 34; Priscian, de metr. Ter., 2, стр. 1325 P. (Стихи 1—2 («О—роще») и отдельные слова передаются многими писателями; см. Ribb., стр. 49. Заимствовано это из Eur., Med., 1 сл.

³ Non. Marc., de comp. doct., 297, 16.

⁴ [«Болота Меотиды» мыслятся в этом контексте как крайний восточный предел обитательной земли, за которым находится место солнечного восхода].

⁵ Cic., Tusc., V, 17, 49; Mamertin, Genethl, 16; Baehrens, стр. 125.

⁶ [Cp. Polyb., IV, 38, 4, где речь идет также о предметах роскоши, ввозимых из Понта, среди которых упомянута и соленая рыба. Цитируемый отрывок из XXXI книги должен был принадлежать главе 24. См. Полибий, Всеобщая история в 40 книгах (перевод Ф. Мищенко), III, 1899, стр. 151].

МИДИЕЦ

(MEDUS)

Ф р. 24 см. Cic., de nat. deor., III, 19, 48.

М[АРК] ТЕРЕНЦИЙ ВАРРОН

Знаменитый политистор, родился в 116 г. в Реате, умер в 27 г. до н. э. Из его многочисленных сочинений сохранилась часть труда «De lingua Latina» и 3 книги «Res rusticae», написанные в 36 г. до н. э. [См. М. Покровский. Ист. римск. лит., стр. 99 сл.; В. Модестов, Лекц. по ист. римск. лит., стр. 340 сл.; И. В. Полуполовский. М. Теренций Варрон Реатинский и Мениппова сатира, 1889].

Текст: M. Terenti Varronis Rerum rusticarum libri tres, recogn. Henr. Keil, Lips., 1889. [Частичный русский перевод: Картоп, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве]

О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ТРИ КНИГИ

(RERUM RUSTICARUM LIBRI TRES)

II, 1, 6 ... [Старинные поэты] ... передали, что даже скот имел золотые шкуры, разумея его дороговизну..., как например, в Колхиде у Ээта; за шкурой его барана, говорят, отправились аргонавты царского рода..

I, 6, 9 — упоминается Боспор Киммерийский.

М[АРК] ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

Знаменитый оратор, философ и государственный деятель, родился 3 января 106 г. в Арпине, был убит 7 декабря 43 г. до н. э. [См. Ф. Ф. Зелинский, Цицерон в истории европейской культуры (Марк Туллий Цицерон, Полное собрание речей в русском переводе, I, СПб., 1901); Г. Буассье, Цицерон и его друзья, М., 1914].

Текст: M. Tullii Ciceronis scripta quae manserunt omnia, recogn. C. F. Müller, Lips., Teubn. [Новейшие издания: Cicero, Discours; Cicero, Oeuvres philosophiques. Texte établi et traduit par H. Bornet, E. Corboux etc., 1921 сл. («Collection G. Budé», éd. «Des belles lettres») в оксфордской серии Purser Clark, Peterson, Wilkins; M. Tullius Cicero, Scripta quae manserunt omnia, ediderunt P. Reis, H. Kasten, L. Fruechtel etc., Lpz., Teubn., 1933 сл. Русские переводы: М. Туллий Цицерон, Полное собрание речей в русском переводе, I (перевод Ф. Ф. Зелинского), СПб., 1901; «О назначении Помпея» — М. И. Ростовцева; «Об аграрном законе», лекция М. М. Покровского].

ОБ ОРАТОРЕ

(DE ORATORE)

I, 38, 174 — упоминается в сравнении «корабль аргонавтов в Эвксинском Понте».

ВТОРОГО ПРОЦЕССА ПРОТИВ Г[АЯ] ВЕРРЕСА ИЛИ ОБВИНЕНИЯ КНИГА ПЯТАЯ, ОЗАГЛАВЛЕННАЯ «О КАЗНЯХ»

(ACTIONIS IN C. VERREM SECUNDAE SIVE ACCUSATIONIS LIBER
QUINTUS QUI INSCRIBITUR DE [SUPPLICIIS]¹)

58, 150. Если бы я говорил о столь многочисленных и столь жестоких казнях римских граждан среди скифов, а не здесь, среди такого много-

¹ В 70 г. до н. э.

людного собрания римских граждан, перед сенаторами, избраннейшими *мужами* государства, на форуме римского народа, — то я тронул бы сердца даже варваров...

РЕЧЬ К КВИРИТАМ О НАЗНАЧЕНИИ ГН[ЕЯ] ПОМПЕЯ ПОЛКОВОДЦЕМ

(DE IMPERIO CN. POMPEII AD QUIRITES ORATIO)¹

3, 8. До сих пор наши полководцы боролись с этим царем так, что получали от него *только* трофеи победы, а не победу. Получил триумф *за победы* над Митридатом Л[уций] Сулла², получил его Л[уций] Мурена³, два храбрейших мужа и великих полководца, но эти триумфы были таковы, что разбитый и униженный враг *все-таки* остался царем. Но при всем этом эти полководцы заслуживают похвалы за то, что они сделали, и снисхождения к тому, что они оставили *неоконченным*: ведь Суллу отозвало с театра войны в Италию положение государства, а Мурену — Сулла.

4, 9. Между тем Митридат все оставшееся *у него* время употребил не на то, чтобы заставить *нас* забыть о прежней войне, а на приготовление к новой: под предлогом войны с соседними боспорцами⁴ он построил и снарядил огромные флоты, составил огромные войска из каких мог племен и отправил послов с письмами даже в Испанию к тем вождям, с которыми мы тогда воевали, с целью принудить вас бороться за власть с разьединенными силами, так как война велась бы на суше и на море по одному плану двумя неприятельскими армиями в двух местах, разделенных огромными расстояниями и лежащих на противоположных концах *вселенной*...

9, 22. Теперь, быть может, спросят: каким образом, при таком положении дел может быть трудна остальная часть войны. Такой вопрос может показаться основательным; выслушайте же, квириты, *мое объяснение*. Во-первых, бегство Митридата из своего царства можно сравнить с бегством мифической Медеи из того же Понта: она, как рассказывают, во время бегства разбросала части тела своего брата по дороге, по которой ее должен был преследовать отец, для того, чтобы собирание их в разных местах и родительское горе замедляли быстроту преследования. Так и Митридат, убегая, оставил в Понте всю огромную массу золота, серебра и всяких драгоценностей, которые частью получил в *наследство* от предков, частью сам награбил со всей Азии в предыдущую войну и собрал в свое царство. Пока наши слишком уже старательно подбирали все это, сам царь ускользнул из рук. Таким образом *отца Медеи* замедлило в быстроте погони горе, а наших — радость. (23) Перепуганного беглеца радушно принял армянский царь Тигран⁵; он придал твердости отчаявшемуся в своих делах, поднял дух пораженного, оживил растерянного. Когда Л[уций] Лукулл явился с войском в его царство⁶, еще большее количество племен было возбуждено к *восстанию* против нашего полководца. Был внушен страх тем племенам, которых римский народ никогда не думал тревожить войной или даже трогать; с другой стороны, среди варварских

¹ Всеми признается, что эта речь, произнесенная в 66 г. до н. э., имеет большое значение для уяснения положения республики и Азии в это время. Мы из нее экспершировали только то, что касается истории Боспора и Кавказа.

² [В 81 г. до н. э.].

³ [Также в 81 г. до н. э.].

⁴ [В 80 г. до н. э., когда на боспорский престол был возведен сын Митридата Махар. См. об этом А р р., Mithr., 67].

⁵ [В 71 г. до н. э.].

⁶ [В 69 г. до н. э.].

племен распространился другой слух, способный сильно взволновать и потрясти умы, — будто наше войско приведено в те страны с целью разграбления богатейшего и весьма почитаемого святилища. Таким образом, многие сильные племена были возбуждены каким-то небывалым страхом, а наше войско, хотя и овладело *одним* городом¹ в царстве Тиграна и имело *несколько* удачных сражений, тем не менее было беспокойно вследствие чрезмерной отдаленности мест и тоски по родине...

ВТОРАЯ РЕЧЬ ОБ АГРАРНОМ ЗАКОНЕ ПРОТИВ НАР[ОДНОГО] ТР[ИБУНА] П[УБЛИЯ] СЕРВИЛИЯ РУЛЛА К НАРОДУ

(DE LEGE AGRARIA ORATIO SECUNDA CONTRA P. SERVILIUM
RULLUM TR. PLEB. AD POPULUM)²

19, 51 ... Но к числу этих царских земель, взятых в старинные войны доблестью великих полководцев, [предложение Рулла] прибавляет царские земли Митридата, находившиеся в Пафлагонии, в Понте и в Каппадокии, *и требует*, чтобы их продали децемвиры. (52). Но так ли? Законы еще не даны, донесение полководца не заслушано, даже война еще не окончена: Митридат, потерявший *свои* войска и изгнанный из царства, все-таки еще и ныне что-то замышляет в отдаленнейших землях, будучи защищен от непобедимой десницы Гн[ея] Помпея Меотидой, тамошними болотами, трудностями пути и высотой гор³; полководец еще находится на войне и военное положение еще донныне остается в тех местах. Неужели же *при таких обстоятельствах* децемвиры дерзнут продавать те земли, над которыми вся юрисдикция и власть до сих пор по заветам предков должна быть в руках Гн[ея] Помпея?...

РЕЧЬ ЗА Л[УЦИЯ] МУРЕНУ

(PRO L. MURENA ORATIO)⁴

15, 32. Если ты тщательно взвесишь, каково было могущество Митридата, что он совершил и какой *доблестный* был муж, то, конечно, поставишь этого царя выше всех царей, с которыми воевал римский народ: сам Л[уций] Сулла, *стоявший во главе* огромной и храбрейшей армии, воинственный, энергичный и опытный полководец, — чтобы не сказать ничего другого, — отпустил с миром этого *царя*, двинувшегося войной на целую Азию; Л[уций] Мурена⁵, отец моего клиента, сильно и неумолимо преследовал его, но оставил лишь незначительно приниженным, а не *окончательно* подавленным. Употребив несколько лет для укрепления своих военных средств и сил, этот царь возымел такие надежды и планы,

¹ [Тиграпокертой, в 69 г. до н. э., см. об этом подробнее P l u t ., Sylla, 26].

² В январе 63 г.

³ [Имеется в виду отступление Митридата после поражения, нанесенного ему Помпеем при Дастире в 66 г. до н. э., на Боспор через кавказское побережье и местности Северного Кавказа к востоку от Азовского моря, еще на картах II в. н. э. именовавшиеся *Μιτρίδατος χώρα* (см. P t o l ., Geogr., V, 3, 17—25)].

⁴ В ноябре 63 г.

⁵ [Ср. выше C i c ., de imp. Cn.Pomp., 3, 8].

что стал мечтать о соединении Океана с Понтом¹ и септориевых войск со своими. (33). Для *ведения* этой войны были посланы два консула² с тем, чтобы один преследовал Митридата, а другой охранял Вифинию; крайне неудачное ведение дела одним из них и на суше и на море чрезвычайно возвеличило и могущество и имя царя, а деяния Л[уция] Лукулла были таковы, что нельзя припомнить ни более важной войны, ни веденной с большим умом и доблестью...³ Изгнанный, наконец, из царства, *Митридат* все-таки был еще так силен умом и обаянием, что, соединившись с царем Армении, восстановил сызнова свои средства и войска. 16. Если бы мне нужно было теперь говорить о подвигах нашего войска и полководца, то я мог бы припомнить множество величайших битв; но мы ведем речь не о том. (34). Скажу одно: если бы эта война, этот неприятель, этот царь заслуживали пренебрежения, то ни сенат, ни народ римский не считали бы нужным отнестись к ней с такой заботливостью, ни Л[уций] Лукулл не вел бы ее столько лет и с такой славой, наконец, римский народ не вручил бы так горячо Гн[ею] Помпею окончание этой войны. Из всех бесчисленных битв последнего мне представляется самой важной та, которая была завязана с *самим* царем и ведена с величайшим ожесточением⁴. Когда Митридат вырвался из этой битвы и бежал на Боспор, куда не было доступа *нашему* войску, то даже в бегстве и на краю гибели он все-таки сохранил царский титул. Вот почему Помпей, овладев самим *его* царством и изгнав неприятеля со всех побережий и известных пристанищ, все-таки придавал такое значение жизни одного *человека*, что, победоносно овладев всем тем, чем тот раньше обладал, что занимал и на что надеялся, тем не менее считал войну оконченной только тогда, когда лишил его жизни...

РЕЧЬ ЗА ПОЭТА А[ВЛА] ЛИЦИНИЯ АРХИЯ

(PRO A. LICINIO ARCHIA POETA ORATIO)

9, 21. Важная, трудная и ведённая с весьма переменным счастьем на суше и на море Митридатова война вся им⁵ описана. Эти книги прославляют не только Л[уция] Лукулла, храбрейшего и славного мужа, но и имя римского народа: ведь римский народ, когда Лукулл начальствовал, открыл Понт, раньше защищенный и средствами царя, и самой природой и положением; римского народа войско под предводительством того же *Лукулла* с небольшими сравнительно силами разбито бесчисленные полчища армян...⁶

РЕЧЬ ПРОТИВ Л[УЦИЯ] КАЛЬПУРНИЯ ПИСОНА

(IN L. CALPURNIUM PISONEM ORATIO)

8, 18... Какой тиран где-либо в Скифии поступал так, чтобы не позволять горевать тем, кого он поражал горем?...

¹ Цицерон, очевидно, имеет в виду сношения Митридата с непокорными Риму кельтскими племенами и планы его похода по Дунаю к берегам Атлантического океана на соединение с ними, о чем речь идет у А р р., Mithr., 109, а также и у самого Ц и ц е р о н а, de imp. Сп. Ромр., 4, 9].

² [Лукулл и Котта, консулы 74 г. до н. э.].

³ Ср. что говорит Ц и ц е р о н, Acad. рг., II 1, 1—3.

⁴ [Битва при Дастире на верхнем Евфрате в 66 г. до н. э.].

⁵ Т. е. Архием.

⁶ [Ср. выше С и с., de imp. Сп. Ромр., IX, 22. Более подробно о победах Лукулла в Армении см. Plut., Luc. 26, 31].

ТУСКУЛАНСКИЕ БЕСЕДЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ БРУТУ, В ПЯТИ КНИГАХ

(TUSCULANARUM DISPUTATIONUM AD BRUTUM LIBRI QUINQUE)

I, 39, 94... Аристотель говорит, что у реки Гипаниса, впадающей в Понт с европейской стороны, водятся какие-то маленькие животные, которые живут *только* один день...¹

II, 10, 23 — 25 — переведен по-латыни отрывок из «Прометея» Э с х и л а².

V, 3, 8 — упоминается «Прометей, прикованный к Кавказу».

V, 32, 90. Или скиф Анахарсис мог считать деньги ни за что, а наши философы не могут сделать это. Известно его письмо, *изложенное* в следующих словах: «Анахарсис Ганнону *желает* здравия. Мне одеванием служит скифский плащ, обувью — кожа *моих* подошв, ложем — земля, приправой к *кушанью* — голод, питаюсь я молоком, сыром и мясом. Поэтому приходи ко мне, как к *человеку*, полному спокойствия. А те блага, которыми ты наслаждался, подари или своим согражданам, или бессмертным богам»³.

II, 22, 53 — упоминается Индийский Кавказ («Индус Калап, человек неученый и варвар, рожденный у подножий Кавказа, по своей воле был сожжен живым»).

V, 27, 77 — упоминается Индийский Кавказ (у индов «те, которые считаются мудрыми, проводят жизнь нагими и переносят снега Кавказа и зимнюю стужу» и т. д.).

О ПРИРОДЕ БОГОВ К М[АРКУ] БРУТУ

(DE NATURA DEORUM AD M. BRUTUM)

II, 34, 88 — упоминается «варварская страна Скифии».

II, 35, 89 — упоминается тот пастух у Акция, который, так как «никогда прежде не видел корабля, рассматривал с горы судно аргонавтов как нечто весьма божественное и новое» и был сперва удивлен и перепуган.

III, 19, 48. Что же дальше? Ино, которая у греков называется Λευκοθέα, а у нас Матутой, будет называться богиней, хотя она — дочь Кадма, а Кирка и Пасифая, происшедшие от Персеиды, дочери Океана, и отца Солнца, не будут считаться в числе богов? Впрочем, и Кирку наши колонисты-киркейцы⁴ почитают как богиню. Итак, ты называешь ее богиней? Что же ты ответишь *тогда* Медее, которая происходит от двух дедов — Солнца и Океана, от отца Ээта и матери Идии?⁵ Что скажешь брату ее Абсирту? (Он у Пакувия⁶ носит имя Эгиалея⁷, но первое имя более употребительно в старинной литературе). Если они — не боги, то я боюсь, что будет делать Ино; ибо все это вытекло из одного источника.

III, 21, 54. ... И хотя ты говоришь, что Sol [Солнце] назван так потому, что он — solus [единственный], но как много этих самых Solez

¹ [Об однодневке на Гипанисе, однако не европейском (Буге), а азиатском (Кубани), см. Arist., Hist. an., V, 19, 14].

² [Aesch., Prom. lib., fr. 193].

³ Ср. то же письмо, написанное по-гречески, P s.-A n., Ерр., 5.

⁴ [Т. е. жители городка Киркеи, на Киркейском мысу латинского побережья (современный Чирчелло). Л и в и й (I, 56, 3) относит основание этой колонии iuris Latini ко времени царя Тарквиния Гордого. Д и о д о р, однако, помещает ее основание под 393 г. до н. э. (XIV, 102)].

⁵ [Схолиаст Аполлония Родосского, III, 242, называет матерью Медее, со слов Софокла, Неэру (Νέηρα), одну из переед].

⁶ [О Пакувии см. выше, стр. 194].

⁷ [О других именах брата Медее Апсирта см. схол. к Apoll. Rhod., III, 1236 и прим. Ср. также P h e r., Theog., fr. 73, и схол. к E u r., Med., 167 (по Дикайогену)].

выставляется богословами!... Пятый¹ — *тот*, который, по преданию произвел Ээта и Кирку...

III, 26, 67 ... И та же Медея, убежавшая от отца и из отечества, «когда отец приближался и почти уже готов был схватить ее, убивает мальчика, разрубает его на мелкие части и повсюду разбрасывает *куски* тела по полям: это с той целью, чтобы самой успеть убежать, пока родитель будет собирать рассеянные члены сына, и чтобы горе замедлило его погоню, а она убийством родного снискала бы себе спасение»².

О ГОСУДАРСТВЕ

(DE RE PUBLICA)

II, 9, 15. Сколь многие, как, *например*, тавры в Аксинском море³, египетский царь Бусирис, галлы и пунийцы, принесение людей в жертву признавали *делом* благочестивым и весьма приятным бессмертным богам!...

СХОЛИАСТЫ ЦИЦЕРОНА

Текст: M. Tullii Ciceronis opera quae supersunt omnia ed. Io. Casp. Orellius, t. V: M. Tullii Ciceronis scholiastae. Edidd. I. C. Orellius et Io. Georg. Baierus Turicenses, Turici, 1833.

ГРОНОВИЕВ СХОЛИАСТ

К РЕЧИ ЗА МАНИЛИЕВО ПРЕДЛОЖЕНИЕ

(SCHOLIASTA GRONOVIANUS IN ORATIONEM PRO LEGE MANILIA)

9 (Orelli — Baier, V, 437 сл.), [Известная Медея] Язон был послан привезти золотое руно. Его полюбила Медея и помогла ему, затем последовала *за ним* при возвращении на родину. Отец ее Ээт, узнав о бегстве дочери и о похищении *Язоном руна*, бросился в погоню. Она в бегстве убила своего брата и разбросала по дороге части его *тела*. Так, Ээт, гонясь за ними, увидел своего сына разбросанным по дороге и стал его собирать; когда он, таким образом, замедлил *погоню* ради погребения, Медея успела убежать.

Г[АЙ] ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Знаменитый государственный деятель и писатель, родился 13 июля 100 г., убит 15 марта 44 г. до н. э. Писал известные мемуары (commentarii) о своих войнах в Галлии (7 книг) и междоусобных (3 книги) и другие сочинения. Издаваемые обыкновенно вместе с подлинными сочинениями Цезаря мемуары о войнах Александрийской (48—47 г. до н. э.) Африканской и Испанской написаны его сподвижниками, и именно Александрийская война — вероятнее всего, Авлом Гирцием, которому принадлежит и VIII книга мемуаров о Галльской войне. [См. М. М. Покровский, Ист. римск. лит., 151 сл., Н. М. Троицкий. Ист. ант. лит., 340 сл.; В. И. Модестов, Лекц., 276 сл.]

¹ [Италийское солнечное божество Sol, отождествлявшееся с греческим Гелием, имело много эпитетов, каждый из коих характеризовал как бы особую ипостась этого бога, представление о котором сложилось из культовых имен и легенд о местных племенных божествах. Наиболее известными из таких эпитетов являются indiges, vengepudus, invictus. По некоей богословской классификации, в основу которой положен был территориальный принцип, Sol (Гелий), почитавшийся отцом колхидского царя Ээта, занимал среди этих характеризующих своими эпитетами ипостасей пятое место].

² [Слова, заключенные в кавычки, представляют собой цитату из какого-то эпического произведения в стихах].

³ [Цицерон употребляет в данном случае древнеионийское наименование Эвксинского Понта (Черного моря) Πόντος Ἀξεινος — «Негостеприимное море» (от древнеперсидского achšaena — «темный»)].

Текст: C. Juli Caesaris commentari cum A. Hirti aliorumque supplementis. Rec. Bernardus Dinter, Lips., Teubn., 1880 [Новейшее критическое и комментированное издание: C. Julius Caesar, Commentarii belli Gallici, ed. A. Klötz, Lpz., Teubn., 1938; русское издание: С. И. Соболевский, Гай Юлий Цезарь, Записки о войне с галлами, вв. I—IV, 1946-1948; полный русский перевод: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне (перевод и комментарии акад. М. М. Покровского, 1948)].

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ВОЙНА

(BELLUM ALEXANDRINUM)

78. Итак [Цезарь, победив Фарнака при Зеле в 47 г.¹], через Галлогрецию и Вифинию направился в Азию, разобрал и уладил распри всех тамошних областей и распределил права между тетрархами, царями и государствами. Митридата Пергамского, счастливые и быстрые действия которого в Египте мы описали выше², происходившего из царского рода и получившего царское воспитание (ибо Митридат, царь всей Азии, вследствие его благородного происхождения еще маленьким взял его с собой в лагерь из Пергама и держал при себе много лет), он поставил царем на Боспоре³, а это царство до тех пор находилось под властью Фарнака, и оградил провинции римского народа от враждебных варварских царей, поместив между ними вполне дружественного царя. Ему же присудил он по народному праву и по родству тетрархию галлогреков⁴, за несколько лет перед тем занятую и подчиненную себе Дейотаром...

КОРНЕЛИЙ НЕПОТ

Современник и друг Цицерона и Тита Помпония Аттика, умер в глубокой старости после 30 г. до н. э., автор нескольких несохранившихся исторических трудов. Ему приписывается сочинение *Vitae excellentium imperatorum*, содержащее 23 биографии неримских полководцев и сохранившееся в рукописях с именем Эмилия Проба, современника императора Феодосия, и жизнеописания Катона и Аттика. [См. М. Покровский, Ист. римск. лит., стр. 164 сл.; И. Тронский, Ист. ант. лит., стр. 345 сл.; В. Модестов, Лекц. по ист. римск. лит., стр. 300 сл.]

Текст: Cornelius Nepos, ed. von K. Nipperdey, 2 Aufl. von B. Lurup, 1879. [Новейшие издания: Cornelius Nepos, *Vitae, comm. par Vitaliano*, Livorno, 1931; *Cornelii Nepotis vitae post C. Naïmum recogn. Alf. Fleckeisen*, Lpz., 1927; русские издания: Корнелий Непот, Жизнеописания славнейших полководцев. С критическими и грамматическими примечаниями А. Кубарева, М., 1867; Русский перевод: Корнелий Непот, Биографии знаменитых полководцев, перевел с латинского и объяснил И. Е. Тимошенко, Киев, 1883].

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ЗНАМЕНИТЫХ ПОЛКОВОДЦЕВ

(VITAE EXCELLENTIUM IMPERATORUM)

І. МИЛЬТИАД

3. В те же времена персидский царь Дарий, переправив войско из Азии в Европу, решил идти войной на скифов. Для переправы своих полчищ он построил мост на реке Истре. На время своего отсутствия он оставил для охраны моста князей, которых привел с собой из Ионии и Эолиды... Мильтиад был тогда в числе тех, которым была вверена эта охрана. (3) Когда стали получаться частые известия о том, что Дарий действует

¹ [См. об этом подробнее App., Mithr., 120].

² [Caes., B. Alex., 26 сл.].

³ [В 47 г. до н. э. См. Latyshev, IOSPE, II, стр. XXXV сл.].

⁴ [Т. е. галатов; о Митридате Пергамском и об описываемых событиях подробнее см. Dio, XLII, 41 сл.].

неудачно и стеснен скифами, Мильтиад стал уговаривать охранителей моста, чтобы они не упустили данного судьбой случая освободить Грецию: (4) ведь если Дарий погибнет с теми полчищами, которые перевел с собой, то не только Европа будет безопасна, но и те природные греки, которые живут в Азии, будут свободны от господства персов и от *грозящей от них опасности*. А достигнуть этого легко, ибо в случае разрушения моста царь в течение немногих дней погибнет или от неприятельского оружия, или от голода. (5) Когда большинство склонилось к этому плану, Гистией Милетский воспрепятствовал его осуществлению, говоря, что личные интересы их самих, облеченных верховной властью, не тождественны с интересами толпы, так как их господство основывается на царской власти Дария; если он погибнет, то они сами будут лишены власти и казнены своими согражданами. Поэтому он решительно отвергает план прочих и не считает для них ничего более полезным, как укрепление персидского царства. (6) Когда огромное большинство присоединилось к мнению Гистией, Мильтиад, не сомневаясь, что при столь многих соучастниках его планы дойдут до ушей царя, покинул Херсонес¹ и снова переселился в Афины².

Г[АЙ] ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ

Знаменитый лирический поэт, родился, по показанию Иеронима, в 87 г. до н. э., умер, по его же свидетельству, 30 лет от роду, на самом деле не ранее 54 г. до н. э. [См. М. Покровский, Ист. римск. лит., стр. 112 сл.; Н. Тронский, Ист. ант. лит., стр. 353 сл.; В. Моделстов, Лекции по ист. римск. лит., стр. 311 сл.].

Текст: Catulli Veronensis liber, recens. Aem. Baehrens, Lips., Teubn., I, 1876; II, 1885. [Новейшие издания: C. Valerii Catulli carmina ed. L. Müller, Lipsiae, 1923; Friedrichs'a, 1917; Catulli, Tibulli, Propertii carmina quae exstant omnia cura R. Ellis, J. P. Postgate, J. S. Phillimore, Lond., 1911. Русский перевод [Кай Валерий Катулл, Стихотворения в переводе и с объяснениями А. А. Фета, 1899].

LXIV, 1 — 7

Говорят, что некогда сосны, выросшие на вершинах Педия,плыли по светлым волнам Нептуна к течению Фасиса и Эгтовым пределам, когда отборные юноши, цвет аргивской молодежи, (5) желая похитить у колхов золоченое руно, дерзнули пробежать на быстром корабле соленые пурины, разгребая голубые воды еловыми веслами...

294 — 297

... За ним следует хитроумный Прометей, сохраняющий малые следы старинного наказания, которое он некогда понес, будучи скован тройной (triplici)³ цепью и виса на обрывистых вершинах...

LXVI, 48 — 50

О Юпитер, да погибнет весь род халибов и тот, кто первый стал разыскивать под землей жилы и ломать твердость железа (ferri fingere duritiem) ...⁴

XI, 6 — упоминаются саги⁵.

¹ [Херсонес Фракийский, тираном которого он был по смерти своего предшественника, Мильтиада Старшего (около 520 г. до н. э.).]

² Ср. этот рассказ с аналогичной, но более пространной, версией Геродота (IV, 137 сл.), где Гистией выступает не только как противник Мильтиада, но и как ловкий обманщик явившихся к устью Истра, с целью разрушения моста, скифов].

³ «triplici написал я; silici V, scythicis Hein sius, in Scythia Schwa bius» (Baehrens).

⁴ «ferri fingere Vossius; ferris fingere O, ferris fringere G, ferri stringere Hey sius» (Baehrens); ferri frangere L. Mueller.

⁵ Об этом написании ср. комментарий Baehrens'a, II, 123 сл.

Г[АЙ] ЛИЦИНИЙ КАЛЬВ

Оратор и поэт, современник и друг Катулла, родился в 82 г до н. э., умер не позже 74 г. до н. э. [См. М. Покровский, Ист. римск. лит., стр. 112 сл.; В. Модестов, Лекц. по ист. римск. лит., стр. 308 сл.].

Собрание фрагментов стихотворений: Catulli, Tibulli Propertii carmina. Accedunt Laevii Calvi Cinnae aliorum reliquiae et Priapea. Rec. Luc. Mueller, Lips., 1870; Fragmenta poetarum Romanorum, rec. Aem. Baehrens, Lips., 1886. [Последнее издание: Calvus, édition complète par F. Plessis, Paris, 1896].

Фр. 12 (P r o b u s, стр. 1394=226 К.) ... уже быстро пройден холодный берег Борустена (frigida iam celeri peragrata Borusthenis ora¹).

М[АРК] ВИПСАНИЙ АГРИППА

Друг и зять императора Августа, умер в 12 г. до н. э., составитель географической карты с объяснениями. См. о ней Schanz-Hosius, Gesch. der röm. Litteratur, II, 1935, стр. 329 сл. — с указанием литературы.

Собрание географических отрывков: Geographi Latini minores. Coll. Alexander Rise, Heilbr., 1878, стр. 1—8.

Фр. 14 см. Plin., NH, IV, 45. Фр. 16 см. Plin., NH, IV, 77. Фр. 17 см. Plin., NH, IV, 78. Фр. 18 см. Plin., NH, IV, 81. Фр. 19 см. Plin., NH, IV, 91. Фр. 29 см. Plin., NH, VI, 3. Фр. 30 см. Plin., NH, VI, 31.

Ц[УБЛИЙ] ВЕРГИЛИЙ МАРОН

Знаменитый поэт, автор «Энеиды», «Буколики» и «Георгики», родился 15 октября 70 г. до н. э. в Andes близ Мантуи, умер в Брундизии 21 сентября 19 г. до н. э. [Вергилий, использовавший в своих поэмах весьма обширный мифологический и этнографический материал, относящийся при этом частично к вопросам причерноморской географии, позволяет несколько расширить (в особенности в историко-бытовом отношении) представление о тех источниках, которые легли в основу соответствующих частей произведений и таких авторов, как, например, Страбон (Verg., Georg., III, 349 сл.). Схолии к Вергилию, многочисленные и разновременные, также имеют большое значение, поскольку они используют в отношении Причерноморья традицию, получившую отражение в утраченных произведениях некоторых римских историков (Саллюстий) и поэтов (Корнелий Галл). См. М. Покровский, Ист. римск. лит., 171 сл.; И. Тронский, Ист. ант. лит., 369 сл.; В. Модестов, Лекц. по ист. римск. лит., стр. 363 сл.; R. Heinze, Virgils epische Technik, 1908].

Текст: P. Vergili Maronis opera, rec. Otto Ribbeck, 5 томов, Lips., 1859—68. [Новейшее издание: F. A. Hirtzel, 1909]; русский перевод: С. Шервинский, Публий Вергилий Марон, Сельские поэмы (Буколики и Георгики), М. 1938; В. Я. Брюсов, С. М. Соловьев, Публий Вергилий Марон, Энеида, 1934]

БУКОЛИКИ

(BUCOLICA)

VI, 41 — 42

... Затем Силен в своей песне о камнях, брошенных Пиррой, о царствовании Сатурна и о кавказских сообщает птицах² и о краже Прометея...

¹ Muellerus на основании конъектуры Паррасия думает, что fr. 12 должно читать таким образом. Baehrens, стр. 321, этот же фрагмент дает так: frigida iam celeri superata est, Bistonis ora. С Baehrens'ом соглашается F. Plessis, новейший издатель фрагментов Кальва. См. книгу «Calvus, édition complète etc. par F. Plessis», Paris, 1896, стр. 8 сл. [Рукописи дают неперевожимый набор слов: celeris vergatur vistinis ora. Во втором варианте подразумевается область фракийского племени бистонов между Родопским горным хребтом и побережьем Эгейского моря близ Абдеры и Бистонского озера].

² [Кавказские птицы — вероятнее всего, «фасланские птицы», фазаны, неоднократно упоминавшиеся в древней литературе как нечто весьма редкое. Ср. Ael., de an., XVII, 33].

VIII, 95 — 99

Слова Алфесибей. Эти травы и эти волшебные зелья, собранные в Понте (их родится очень много в Понте), дал мне сам Мерис: я часто видал, как Мерис при помощи их делался волком и скрывался в лесах, часто вызывал души из глубины гробов и переводил посевы с одного места на другое...¹

ГЕОРГИКИ

(GEORGICA)

I, 56 — 59

... Разве ты не видишь, что Тмол шлет благовонный шафран, Индия — слоновую кость, изнеженные сабеи — свой фимиам, а обнаженные² халибы — железо и Понт — пахучую бобровую струю...³

I, 240 — 241

Земля круто поднимается к Скифии и Рифейским твердыням и спускается на юге, в Либии...⁴

II, 440 — 443

Даже скудные леса на вершине Кавказа, которые постоянно ломают и разносят бурные эвры, приносят разные плоды и дают полезный строевой материал: сосну для кораблей, кедр и кипарис для домов...⁵

III, 196 — 198

Так, Аквилон, свирепо дует с гиперборейских берегов, разносит скифские холода и бездождные облака...

III, 349 — 389

Но не так поступают там, где находятся скифские племена и меотийские воды, (350) где мутный Истр катит желтые пески и где Родопа

¹ [О понтийских волшебных зельях см. еще A p o l l. R h o d., III, 843 сл., где рассказывается, как Медей собирала волшебные травы, действие которых подобно описанному у Вергилия. О понтийских ядах, см. N i c a n d r., Alexiph., 249 сл. и схоласт. к N i c a n d r., Alexiph., 207, 249, где описываются изготовлявшиеся Медеей яды].

² «Обнаженные» должно быть понято здесь, вероятнее всего, не в этнографическом, а в профессиональном смысле: халибов представляли себе в качестве кузнецов по преимуществу, работающих обнаженными у своих горнов. См. ниже схолии к V e r g., Georg., I, 58].

³ [Понт, в данном случае как поставщик употреблявшейся с лечебными средствами бобровой струи, должен быть понят расширительно как обозначение берегов Черного моря вообще. Ср. P l i n., NH, VIII, 109].

⁴ [Заложенное в этих словах Вергилия представление является одной из наиболее общих и распространенных географических идей древности. Более обстоятельно оно изложено у A r i s t o t., Met., II, 1, 14, со ссылкой на «многих древних метеорологов» и заключается в том, что северная окраина земной поверхности мыслилась как возвышенность, заканчивающаяся Рифейскими горами, тянувшимися от берегов Атлантического океана, вдоль Скифского и до берегов Индийского океана, из-за которого восходит утром солнце. Идея эта при Августе была воплощена на карте мира в портике Випсания Агриппы в жизнь. Реальным основанием для этих воображаемых Рифейских гор, представляющих собой северную окраину мира, служили представления об Альпах, Карпатах, Урале, Алтае и Кавказе (Каспийском и Индийском). Ср. K i e s s l i n g, RE, IA, 846 сл.].

⁵ [Относительно ценности кавказского леса в качестве строевого материала, ср. S t r a b o, XI, 2, 15].

простирается до середины полюса¹: там держат скот взаперти на скотных дворах; там не видно ни травы на лугах, ни зелени на деревьях; бесформенная широко лежит под снежными сугробами и глубокими (355) льдами земля и поднимается до семи локтей *в вышину*. Там вечная зима, вечно дуют холодом кавры². Там солнце никогда не рассеивает бледных теней, — ни *тогда*, когда на своих конях поднимается высоко в эфир, ни *тогда*, когда оmyвает красной водой Океана круто спустившуюся колесницу. (360) В текущей реке вдруг образуется твердая кора, и вода, ранее гостеприимная для судов, а теперь — для широких повозок, выдерживает на своем хребте окованные железом колеса. Часто лопаются медные сосуды, твердеют надетые одежды, рубят топорами замерзшие вина, (365) стоячие воды целиком превращаются в крепкий лед, и колючие сосульки твердеют в нечесаных бородах³. Между тем снег идет по всему воздуху; гибнут стада, большие туши быков стоят, окруженные снегами, и олени густыми стадами (370) увязают в новых *снежных* скалах, из которых едва виднеются верхушки их рогов. Тут на них не натравливают собак, не расставляют сетей, не обращают в бегство, дрожащих от ужаса, пуническими стрелами, но бьют в упор железом, пока они тщетно стараются пробить грудью противостоящие горы *снега*, тяжело ревущих (375) убивают и весело уносят *домой* с громкими криками. Сами *жители* проводят свои безмятежные досуги в вырытых пещерах глубоко под землей, прикатывают к очагам собранные дубы и целые вязы и предают их огню. Здесь они проводят ночи в играх и весело в чашах (380) заменяют вино кумысом и кислым соком рябины. Таково свободное племя, которое под гиперборейской медведицей поражается дуновением рифейского эвра⁴ и прикрывается щетинистыми рыжими шкурами животных.

III, 457 — 463

... Мало того, когда свирепствует боль, проникшая до самых костей бляющих *овец*, и иссушающая лихорадка грызет их члены, полезно бывает отвлечь возникший жар и вскрыть обильную кровью жилу в нижней части ноги, (460) как это обыкновенно делают бисалты⁵ и отважные геллоны⁶, когда они перекочевывают на Родопу и в гетские пустыни и пьют сгущенное молоко с конской кровью...

¹ [Это трудно переводимое место (в переводе С. Шервинского см. Вергилий, Сельские поэмы, 1933, стр. 111: «Там, где Родопа загиб, серединой под полюс ушедшей») может быть понято в связи с географическими представлениями, определяющимися из I, 240 сл. (и прим.). Фракийский горный хребет Родопа (на границе Фракии и Македонии, современный Деспото-Планина) представлялся Вергилию как достигающий северных пределов и включающийся, таким образом, в общую цепь Рипейских гор. Выражение «полюс» (axis) в данном случае может быть понято как север вообще].

² [Северо-западный ветер].

³ [Вышеприведенная часть описания скифской зимы живо напоминает слова, которыми климат Скифии характеризуется у St r a b o, VIII, 3, 18, откуда можно заключить, что оба автора пользовались одним и тем же источником].

⁴ [Т. е. ветра, дующего от Рипейских гор].

⁵ [Фрако-македонское племя, жившее на берегах реки Стримона, в его нижнем течении. См. Н е г., VII, 115; Т h u с., IV, 109].

⁶ [Скифские геллоны, какова бы ни была их локализация, невозможны в сочетании с бисалтами во Фракии; быть может, текст искажен или Вергилий спутал геллонов с соседями бисалтов на левом берегу Стримона — эдонами, Т h u с., II, 99; на эту мысль наводит, в частности, указание на то, что они пьют молоко, смешанное с кровью — ритуальный напиток, допустимый в быту славившихся своей приверженностью к вакхическому культу эдонов, ср. Н о г., Od., II, 7, 26].

IV, 517 — 520

Орфей в одиночестве посещал гиперборейские льды, снежный Танаис и поля, никогда не освобождающиеся от рифейских инеев, жалуясь на похищение Эвридики и на тщетные дары Плутона...¹

ЭНЕИДА

(AENEIS)

IV, 365 — 367

Дидона говорит Энею: Нет, вероломный, не богиня — твоя мать, не Дардан — родоначальник: тебя породил Кавказ, страшный крепкими скалами, и вскормили *своими* сосцами гирканские тигрицы...

VI, 798 — 800

... И теперь уже, по предсказаниям богов, страшатся его пришествия каспийские царства и Меотийская земля, и мнутя дрожащие устья семиустного Нила...

VIII, 724 — 728

Здесь Мулкибер изобразил род номадов и распоясанных африканцев, здесь лелегов, карийцев и стрелоносных гелонов²; *здесь* текли уже более кроткие волны Евфрата, *здесь были* крайние из людей — морины³, дву-рогой Рен, неукротимые даги⁴ и не терпящий мостов Аракс...

XI, 659 — 663

Так фракийские амазонки бьют берега Термодонта, воюя в цветных доспехах или вокруг Ипполиты, или когда воинственная Пентесидея⁵ несется на колеснице и женские рати с шумом и громкими криками скачут с лунообразными щитами...⁶

Кроме того, упоминаются: Скифия — Вис., I, 65; «Арго», который влечет отборных героев — Вис., IV, 34—35; разноцветные гелоны — Georg., II, 115; «дак, спускающийся от Истра, с ним сговорившись» — Georg., II, 497; Фасис — Georg., IV, 367; «каменистый, звонкий Гипанис» — Georg., IV, 370; геты — Georg., IV, 463; Аеп., IV, 146 (там же — гирканы и парфяне); расписные агафирсы (на празднествах Аполлона Делосского) — Аеп., IV, 146; халибы — Аеп., VIII, 421; X, 174 (Ильва, «остров халибов, плодоносный неисчерпаемыми металлами»).

¹ [В этой легенде, передаваемой Вергилием из греческого источника, Орфей выступает как солнечное аполлонообразное божество (Н у г i н., Астроном., II, 7), и представление о нем соответствует представлению об Аполлоне Гиперборейском, удаляющемся в северные страны, по легенде, изложенной у А л к е я (Нумп. Аролл.), Г е р о д о т а, IV, 33 сл. и других авторов].

² [Гелоны в данном случае представляют все племена Европейской Скифии и Фракии].

³ [Воинственное галльское племя в современной Бретани; о нем упоминают С а е s., BG, IV, 21; D i o, LI, 21].

⁴ [Даги, или даи (Δάι), — одно из больших племен Азиатской Скифии, жившее в прикаспийских степях, о котором подробно сообщает S t r a b o, VII, 2, 12; XI, 8, 2; XI, 9, 3].

⁵ [Имена этих царяц — предводительниц амазонок — были широко распространены в древней литературе и известны, — в частности, имя первой из названных, — уже в эпосе (см. у Д и к т и с а, III, 15, рассказ которого основан на киклической традиции)].

⁶ [Лунообразный щит (πέλτη) — предмет вооружения фракийских и македонских племен (Н е г., VII, 75), — этнографический штрих, существенный для понимания возникновения в греческой мифологии образа и облика воинственного народа амазонок. Ср. G r a e f, RE, I, 1771 сл.].

ОБЪЯСНЕНИЯ К ВЕРГИЛИЮ

МАВР СЕРВИЙ ГОНОРАТ

Грамматик IV в. н. э., известный своими комментариями к Вергилию и другим трудами, отчасти дошедшими до нас.

Текст: *Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii*. Rec. G. Thilo et H. Hagen, тт. I—III, Lips., 1881—1887.

ОБЪЯСНЕНИЕ К „ЭНЕИДЕ“ ВЕРГИЛИЯ

(IN VERGILII AENEIDEM COMMENTARIUS)

I, 490 ... Амазонки названы *так* или потому, что живут вместе без мужей, как бы ἀμαζῶσαι [вместе живущие], или же потому, что имеют одну грудь, выжженную, как бы ἄμειρα [без груди]¹. Известно, что они уже не существуют, будучи истреблены частию Гераклом, частию Ахиллом...

II, 601 ... Время показывает, что Елена была бессмертна. Ибо известно, что ее братья были с аргонавтами; сыновья аргонавтов сражались с фиванцами в войне²; точно так же их сыновья вели войны против Трои. Стало быть, если бы Елена не была бессмертна, то, без сомнения, не могла бы жить столько веков...

II, 626, II ... дочь Океана... бесплодно полюбила Язона, отправлявшегося тогда к колхам...

III, 35. Гетскими] фракийскими³. Геты суть народы в Мезии, которая, будучи обширна, включает в себе много племен.

III, 209 ... Финей... принял в гости Язона с аргонавтами, ехавшего к колхам из-за золотого руна...

III, 331. Орест..., выросши вместе с другом Пиладом, убил как Эгиста, так и мать *свою*; по этой причине он был преследуем фуриями и освободился от неистовства не прежде, чем прибыл в Таврическую страну, где сестра его Ифигения, похищенная Дианой при жертвоприношении в Авлиде, была жрицей в храме Дианы и, по обычаю *того* племени, закалывала чужеземцев богине. Когда *Орест* был привлечен там к алтарям, чтобы быть убитым, как чужеземец, он был узан сестрой и спасен от смерти. Впоследствии, получив ответ *оракула* и похитив кумир Дианы, он возвратил сестру в Атику, где в честь спасенного божества назвал ее Таврополой⁴.

VI, 146. И разрисованные агафирсы] суть народы в Скифии, чтущие Аполлона гиперборейского, *от* которого передаются Λύγαι, т. е. ответы. A picti не значит «имеющие наколы», как племя Британнии, но прекрасные, т. е. нравящиеся своими черными волосами...⁵

VI, 367. Кавказ] негостеприимная⁶ гора в Скифии... Гирканские тигры] арабские, ибо Гиркания есть лес в Аравии⁷.

¹ [Относительно этимологии имени амазонок ср. схол. к Ном., II, III, 172].

² Т. е. в войне Этеокла и Полипика.

³ [О фракийском происхождении гетов см. Нег., IV, 93; Thuc., II, 96].

⁴ [Ср. Euphr., Iph. Taug., 28 сл.; 625 сл.].

⁵ [Хотя свидетельство Плиния (NH, IV, 26), сообщающего, что агафирсы красили волосы в синий цвет, быть может, косвенным образом подтверждает мнение схоластика, однако прямые свидетельства Помпония Мелы (II, 10) и Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 30) о том, что агафирсы подвергали себя, по фракийскому обычаю, татуировке с применением разноцветных красок, опровергает его].

⁶ [В этом эпитете звучит древнее название Черного моря «Негостеприимное» — ἸΑΞΕΥΡΟΣ].

⁷ [Сообщение, другими источниками не подтверждаемое, тигры для пустынной Аравии также не характерны].

VI, 798. У же ныне К а с п и й с к и е ц а р с т в а] пределы ассирийские, в которых есть Каспийские ворота...

VI, 799. М е о т и й с к а я з е м л я] Скифия, в которой есть Меотийское болото.

VII, 604. С л е з н а я в о й н а...] племя гетов и у предков считалось свирепым. Ибо это — мезийцы, которые, по словам Саллюстия¹, были побеждены Лукуллом².

VII, 750. Когда Медея, покинув колхов, последовала за Язоном, то, говорят, прибыла в Италию и сообщила знание лечебных снадобий против змей каким-то народам, жившим вокруг огромного Фуцинского озера и называвшимся маррубиями, т. е. как бы обитавшими вокруг моря; впрочем, другие предпочитают объяснение, что маррубии названы так от царя. Итак, эти народы называли Медею Ангитией от того, что ее заклинания мучили (angerent) змей... А это — народы марсов³.

VIII, 300 [Геркулес] освободил Прометея, по юпитерову повелению прикованного на горе Кавказе, убив стрелами орла...

VIII, 421 ... а халибы — собственно народы, у которых родится железо...⁴

VIII, 725. ... Г е л о н ы] народ в Скифии.

VIII, 728. Д а г и] народы в Скифии, с северной стороны примыкающие к Персии: откуда названы давами⁵. А р а к с здесь — река Армении, через которую Ксеркс пытался перейти по мостам. Александр Великий построил на ней мост, который разорвало половодье реки. Впоследствии Август связал ее более крепким мостом, вследствие чего поэт к славе Августа сказал: «Аракс, негодующий на мост»⁶.

IX, 81. ... Рипейские горы в Аркадии⁷ не пишутся с придыханием: его мы придаем, когда обозначаем Рифейские горы в Скифии.

IX, 579. ... Иберия есть часть Понта между Персидой и Арменией⁸, где отлично красятся вещи в разные цвета, как показывает Гораций, говоря: «и травы, которые посылает Иолк и богатая зельями Иберия»⁹.

XI, 532. ... Некоторые говорят, что Опис и Гекаерга¹⁰ перья принесли от гипербореев на острове Делос святыни, скрытые в связках снопов...

XI, 657. I n d e f e s a а значит неутомимая. И поэт передает ей все оружие амазонок, которых Титиан¹¹ называет одногрудыми: ибо такое значение имеет слово Amazon как бы *ἄνευ μαστοῦ*, без груди...¹²

¹ [Sall., Hist., IV, 18].

² [Марком Лицинием Лукуллом, братом знаменитого полководца; Марк был консулом в 73 г. до н. э. и проконсулом Македонии в 72 г., когда он и совершил поход в Мезию. См. Flor., I, 39, 6].

³ [Все эти этимологические рассуждения схолиаста, направленные к тому, чтобы связать с мифом о Медее и аргонавтах итальяские названия местностей и племен, основаны на следующих реальных данных: сабелльское племя марсов, жившее вокруг Фуцинского озера, распалось на два gentes, из которых одна называлась марсы-маррувины (по имени населенного пункта Маррувия на берегу названного озера), а другая — марсы-антинаты (по имени населенного пункта Антиума). Ср. Plin., NH, III, 106; Polyb., II, 24, 12; Sil. It., VIII, 505. Этимология имени маррубиев (маррувинов), предлагаемая схолиастом, производит его от латинского mare (море) и греческого глагола βίωω (жить)].

⁴ Ср. Serv., in Aen., VIII, 446.

⁵ [Обычно Dahae или Δαίαι (а также Δάαι), см. Her., I, 125; Strabo, VII, 3, 12].

⁶ [Ни Ксеркс, ни Александр Македонский на Араксе не были. Римляне впервые познакомились с этой рекой во время походов Лукулла и Помпея].

⁷ [Рипейские горы в Аркадии (Пелопоннесе) из других источников неизвестны].

⁸ [В действительности древняя Иберия была расположена к северу от Армении].

⁹ Ног., Erod., V, 21.

¹⁰ [Эти имена гиперборейских посланниц делосскому Аполлону со священными дарами названы у Sall., ad Del., 292 сл. Ср. Her., IV, 33 сл.].

¹¹ [Выписал И сидор, Or., IX, 2, 64] (Thilo).

¹² [Относительно этимологии имени амазонок см. схол. к Нот., II, III, 172].

ХІ, 659. К а к о в ы ф р а к и й с к и е] есть река Танаис, которая отделяет Азию от Европы и вокруг которой раньше жили амазонки; впоследствии они переселились оттуда к фракийской реке Термодонту¹; об этом свидетельствует и Саллюстий, говоря: «затем поля темискирские, которыми владели амазонки, по неизвестной причине ушедшие от реки Танаиса»². Некоторые говорят, что они имели обыкновение в установленный день сходиться со скифами³.

ОБЪЯСНЕНИЕ К КНИГЕ „БУКОЛИК“

(IN BUCOLICON LIBRUM COMMENTARIUS)

I, 65. С к и ф и я — северная страна.

IV, 34. ... Сказание об этом кормчем [Тифисе] таково. Пелий получил от Аполлона ответ, что он будет лишен царства и жизни тем, кто встретится ему во время жертвоприношения с необутой одной ногой; случайно он увидел, что пришел с необутой ногой Язон, который потерял один башмак в грязи в то время, как переносил в брод через реку Юнону, принявшую вид старухи, приняв ее за смертную женщину. Итак, Пелий, боясь за свою судьбу, вследствие ответов *оракула*, повелел ему отправиться в Колхиду и добыть золотую шкуру барана, который отвез в Колхиду Фрикса и Геллу. Язон, построив корабль, который по имени строителя Арга назвал «Арго», и собрав греческую молодежь, имел кормчим Тифиса. Правда, некоторые предпочитают объяснение, что «Арго» назван так от быстроты...⁴ А соучастники Язона названы Миниями или от поля колов, носившего такое название, или потому, что к Язону присоединились многие сыновья какой-то Минии, или потому, что Миния была бабка Язона с материнской стороны...⁵

¹ [Изложенная схолиастом версия происхождения малоазийских амазонок из Скифии должна быть признана одной из наиболее поздних в ряду легенд, рассказывающих о родине воинственного народа одногрудых женщин, первоначально известных у западных берегов Малой Азии, где они были тесно связаны с культом Артемиды (в особенности в Эфесе) и Аполлона, затем в Ликии, где легенды о них питались отчасти за счет соответствующих этнографических данных (пережитки матриархата в быту ликийцев, засвидетельствованные Геродотом, I, 173, и Николоем Дамаским, FHG, III, стр. 461). По мере освоения эллинами малоазийских берегов и внутренних путей амазонки в их мифической локализации передвигались к востоку и северу: на Термодонт, к долине Темискиры, с именем которой связаны наиболее популярные легенды, ставшие достоянием эпоса об аргонавтах и мифов о Геракле, Тезее и т. д. Колонизация северных берегов Понта и западного побережья Кавказа породила легенды об амазонках, нашедшие место в рассказе Геродота о происхождении савроматов (IV, 110 сл.) и Страбона о кавказских гаргареях (XI, 5, 1 сл.). В дальнейшем родина амазонок передвигалась вслед за Александром Македонским в Центральную Азию и Индию, в область Индийского Кавказа и окружающих его стран. Легенду о попутном движении амазонок из скифских стран в Малую Азию (где, по мнению ионийских географов, находилась их родина) следует связывать с тем периодом греческой и латинской образованности, который характеризуется сведениями Страбона о северных областях Малой Азии, исключаящими элемент легендарности из их географии и этнографии, и в то же время со стремлением дать посильное объяснение популярным древним легендам о походах воинственных женщин, связанным с малоазийской почвой].

² [Источником этого места «Историй» Саллюстия, относящегося к повествованию о Митридатовых войнах, являлись, скорее всего, те же домыслы спутников Помпея, какие лежат в основе рассказа Страбона о кавказских амазонках. Ср. RE, IA, 1913 сл.].

³ [Ср. сообщение Страбона о периодических (в весеннее время) встречах амазонок и гаргареев (XI, 5, 1)].

⁴ [Ср. Apollod., Bibl., I, 9, 16, 6, прим.].

⁵ [По общепринятой версии, игнорируемой, однако, нашим схолиастом, Миниями аргонавты назывались потому, что Язон и многие его спутники являлись потомками царского рода орхоменских Миниев].

VI, 42. ... И о кавказских сообщает птицах и о краже Прометей] ... И здесь *поэт* изменяет порядок сказания, которое таково. Прометей, сын Иапета и Климены, после сотворения им людей, как говорят, при помощи Минервы взошел на небо и, приставив факел к колесу Солнца, похитил огонь, который и показал людям. Разгневанные за это боги наслали на земли два бедствия — женщин и болезни, как упоминают и Саффо (Sappho) и Гесиод (Hesiodus)¹. Этого касается также Гораций, говоря: «после похищения огня из эфирного жилища на земли налегли болезнь и новая когорта лихорадок»². А самого Прометея *боги* при посредстве Меркурия привязали к скале на горе Кавказе, и был наслан орел, чтобы выесть его сердце. Все это выдуманно не без основания: ибо Прометей был муж весьма разумный, отчего и назван Прометеем ἀπὸ τῆς προμθείας, т. е. от предусмотрительности. Он первый показал ассирийцам астрологию, которую усвоил с чрезмерным старанием и заботой, пребывая на высочайшей горе Кавказе. А гора эта расположена около ассирийцев и почти достигает звезд, почему также показывает большие созвездия и тщательно обозначает их восход и закат. А о выедании его сердца орлом говорится потому, что θυμολόρος [снимающая душу] есть та заботливость, с которой он познал все движения звезд. И так как он сделал это по *своему* благоразумию, то и говорится, что он привязан к скале под руководством Меркурия, бога благоразумия и знания... Итак, относительно сказания допущена «гистерология», ибо совершение преступления Прометеем было раньше, а наказан он позже. Впоследствии он был освобожден, после убийства Геркулесом орла по повелению Юпитера. Другие передают, что он похитил огонь с неба в тростинке³ и за это был привязан Юпитером к Кавказу и предоставлен на терзание птице, но впоследствии был освобожден самим Юпитером за то, что посоветовал ему воздержаться от Фетиды, так как от его семени родился бы тот, кто лишил бы его царства, как он сам лишил своего отца Сатурна. А так как он поклялся никогда не освобождать *Прометея*, то он дал последнему в знак перенесенного наказания кольцо, сделанное из самых оков, с вставленным в него камнем с горы Кавказа.

VIII, 27. ... Грипы — особый род животных, водится на гиперборейских горах. По всей внешности они суть львы, но крыльями и головой подобны орлам, очень враждебны коням, посвящены Аполлону⁴; поэтому и сказано «уже соединятся грипы с конями».

ОБЪЯСНЕНИЕ К КНИГАМ „ГЕОРГИК“

(IN GEORGICON LIBROS COMMENTARIUS)

I, 58. А обнаженные халибы железом] подразумевается везде «шлюты». Халибы суть народы, у которых добывается железо... а «нагие» *значит* или те, у которых нет деревьев, или действительно нагие вследствие занятия ковкой железа... И Понтипахучую бобрю

¹ Sappho [ср. Bergk, PLG³, стр. 920; Hesiodus] Hes., Op. et dies, 100 сл.

² Ног., Carm., I, 3, 29.

³ [Разнообразные версии мифа о похищении Прометеем небесного огня, свидетельствующие о популярности «пирофорного» божества, имеются у Plato, Prot., p. 321d — похищение Прометеем огня из кузницы Гефеста, у Lucr., de rer. nat., V, 1090 — огонь добыт Прометеем от молнии, у Serv., in Buc. lib., VI, 42 — огонь добыт от Солнца].

⁴ [Грифы (грипы) изображаются на пантикапейских автономных монетах со священной стрелой Аполлона в пасти, а на аттических краснофигурных вазах — в борьбе с «гиперборейским» народом аримаспов, который, согласно легенде, содержавшейся в приписываемой Аристеем Проконнескому священной поэме «Аримаспея» и пересказанной у Нег., III, 116, воевал с грифами из-за охранявшегося ими золота].

в у ю с т р у ю] бобры суть понтийские собаки, которых шулята пригодны для *составления* лекарств; и когда они заметят, что подвергаются из-за них преследованию, то отгрызают их...¹

I, 240 ... «Рифейскими твердынями» *позт* называют Скифию, в которой находятся Рифейские горы.

III, 115 ... И *р а з р и с о в а н н ы х г е л о н о в*] имеющих наколы; это — народы Скифии, как и «разрисованные агафирсы»².

II, 140. Не быки и звергающие и т. д.], каковые были в скифском государстве Колхиде. Ибо существует следующее сказание. Язон, отправившись в Колхиду для похищения золотого руна, которое Фрикс посвятил Марсу, при помощи Медеи убил неусыпного дракона и посеял его зубы, запряжи в *ярмо* выдыхавших огонь быков. Из этих *зубов* родились вооруженные люди, которые сначала совершили тщетное нападение на Язона, а после истребили друг друга взаимными ранами. А такие условия предложил ему царь Ээт, которому Аполлон предсказал, что он будет царствовать доколе, доколе это руно будет в храме. И иначе: как сделано в Колхиде. И здесь разумеется тот змей, которого Кадм, по сказанию, убил в Беотии и зубы которого частью посеял сам он там же, а частью Ээт в Колхиде; из них у обоих родился посев вооруженных людей. А быки — те огнедышащие, которых Язон запряг по повелению Ээта, употребив в дело мазь, которую дала ему Медея³.

II, 497. Или от связанного клятвой Истра], т. е. его не беспокоит заговор варваров. А Истр — река в Скифии. И иначе: Авфидий Модест уверял, что он читал, будто у даков есть обычай при выступлении на войну не приниматься за дело прежде, чем известным образом хлебнут *воды* из Истра и поклянутся не возвращаться в родные места, если не перебьют врагов; и поэтому-то Вергилий, воспользовавшись своей любимой *hupallage*, назвал «связанным клятвой» Истр, у которого даки имели обычай связывать себя клятвой⁴.

III, 196. Как на Гиперборейских] Гиперборейские горы⁵ в Скифии и названы так потому, что выше, т. е. сзади их, дует Борей...

III, 349 ... Меотийская волна] Меотида — болото в Скифии, замерзающее от холода.

III, 350. Истр] река в Скифии, которая называется также Данубием.

III, 382. Рифейским Эвром *значит* — скифским ветром. Рифейские горы, как мы сказали [I, 240], *находятся* в Скифии и названы от постоянного дуновения ветров: ибо «напор» по-гречески *бρμή* и *ρίφη* говорится *ἀπὸ τοῦ ῥίπτειν*...

III, 408. Иберы — народ в Понте; но скорее следует разуметь испанцев, слава о грабежах которых имеет перевес⁶.

IV, 366. Фасис] река в Колхиде..., а Гипанис — в Скифии...

IV, 369. Гипанис] река в Понте...

IV, 516. И снежный Танаис] реку в Скифии. И иначе: Танаис река, которая отделяет Азию от Европы; а находится она в Скифии⁷.

¹ Приводится, кроме того, у Сис., pro Scauro, fr. 7 (IV, стр. 955 сл. Or.) и у Iuv., XII, 34; [ср. Нег., IV, 109].

² Verg., Aen., IV, 146.

³ Другое толкование этому (начиная от слова «иначе») читается еще в схолиях Филаргия к этому месту.

⁴ Рассказ Авфидия Модеста повторяет Филаргий к этому месту.

⁵ [Гиперборейские, т. е. Рипейские, горы, ибо гипербореи жили у Рипейских гор. Ср. Steph. Byz., s. v. Ῥίπαια].

⁶ То же читается в схолиях Филаргия.

⁷ Другое объяснение существует у Филаргия.

[ЮНИЙ ФИЛАРГИРИЙ]

О схолиях, приписываемых Юнию Филаргирию, см. Schanz-Hosius, Gesch. d. röm. Litt., I⁴, стр. 108 сл.

Текст: Commentarii in Virgilium rec. A. Lion, Gott., 1826, т. II, стр. 325 сл.

ГЕОРГИКИ

(GEORGICA)

I, 58. А нагие халибы железо] народ в Понте, который, говорят, нашел железо.

III, 381. Trionii], т. е. лежащая под семизвездием (septentrioni subiecta), а «гиперборейский» прибавлено потому, что страна, лежащая на севере, называется гиперборейской, так как выходит за пределы дупования Борей.

IV, 367 ... Фасис] река в Колхиде.

370 ... Гипанис] река в Скифии.

[М [АРК] ВАЛЕРИЙ ПРОБ]

С именем известного грамматика М[арка] Валерия Проба, жившего во второй половине I в. н. э., сохранились толкования на «Буколики» и «Георгики», главным образом реального характера. Новые ученые отрицают, однако, принадлежность этих толкований Пробу и допускают только, что его труд был в числе источников неизвестного составителя сохранившихся до нас толкований. См. Schanz-Hosius, Gesch. d. röm. Litt., II⁴, стр. 734 сл.

Текст: M. Valerii Probi in Vergilii Bucolica et Georgica commentarius. Accedunt scholiorum Veronensium et Aspri quaestionum Vergilianarum fragmenta. Ed. Henr. Keil, Halis, 1848.

ОБЪЯСНЕНИЕ К „БУКОЛИКАМ“

(COMMENTARIUS IN BUCOLICA)

VI, 42. Прометей, видя, что люди, созданные и одушевленные его трудом, не имеют огня, который производил дневной свет [дословно: день во свете] одним богам, захватил его в тростинку и поспеш на землю. Юпитер погнался за вором. Но он, не имея возможности убежать, ударил тростинку о камень и сообщил ему огонь. Разгневанный этим, Юпитер приковал его цепями на горе Кавказе, как на виселице, и выпустил коршуна выедать его сердце. Этого коршуна убил Геркулес, но побоялся освободить Прометея, чтобы не оскорбить отца. Но впоследствии Прометей страхом отклонил Юпитера от брака, заявляя, что от этого брака родится такой сын, который будет сильнее самих богов. За эту услугу Юпитер освободил его. Но для того, чтобы он не остался безнаказанным, передал ему для ношения венец и кольцо, чтобы последнее напоминало ему о скале или железе, а в венце сохранилась форма оков.

ОБЪЯСНЕНИЕ К „ГЕОРГИКАМ“

(COMMENTARIUS IN GEORGICA)

I, 56. ... Халибы — народ понтийский, в земле которого есть железные рудники; а там железо добывается обнаженными. Понт доставляет и састореа, но не один; этим именем называются шулята бобра. Хотя это животное водится и в других странах, но не такова сила шулят, как у понтийских бобров.

II, 115. Гелоны] скифы, названные от Гелона, сына Геркулеса и Эхидны, как сообщает Геродот в IV книге¹.

¹ Нер., IV, 10.

II, 126. ... Часть Парфии названа Мидией (Media) от Меда (Medo), сына Медеи (Medeae), и Эгея, как полагает Варрон, который издал четыре книги об аргонавтах...

II, 152. Акониты — виды ядов, которые обыкновенно рождаются на скалах в Скифии, близ Меотийского болота.

III, 197. Скифия — северная страна.

III, 382 ... Некоторые принимали Рифейские горы за Альпы¹. Но собственно Рифейские горы находятся в Скифии...

III, 461. ... Бисалты — племя фракийское, гелоны — скифское; и те и другие названы по странам...

ОТРЫВКИ СХОЛИЙ, ИЗДАННЫЕ ИЗ ВЕРОНСКОГО ПАЛИМПЕСТА

Текст: M. Valerii Probi in Vergilii Bucolica et Georgica commentarius. Ed. Henr. Keil, стр. 71—117.

Georg., II, 114. И разрисованных гелонов] фракийцев с промазанными телами, имеющих блестящие члены. Так и в ином месте — «разрисованные агафирсы»². А некоторые думают, что «разрисованные» сказано об их разноцветных одеждах.

БЕРНСКИЕ СХОЛИИ

Текст: Scholia Bernensia ad Vergili Bucolica atque Georgica, ed. Herm. Hagen, Lips., 1867.

БУКОЛИКИ

(BUCOLICA)

I, 66 ... Иначе: Оакс — река в Скифии, имеющая меловой цвет...³

IV, 35. Отборных героев], т. е. храбрых мужей. «Отборных» поэт сказал вместо «избранных», которые названы были аргонавтами и отправились с Язоном в Колхиду...

VI, 42. Кавказские] Кавказ — гора в Скифии... Прометей, сын Иапета, говорят, хитростью украл огонь от молнии в тростинку и дал людям; за это Юпитер приковал его цепями на скифской горе Кавказе и приставил к нему орла или коршуна выедать его печень, которая, говорят, постоянно возрождалась и постоянно терзалась. — Кавказ — гора в Армении или в Скифии, где прикованный Прометей поедается орлом за то, что тайком унес с неба огонь, и за это, осужденный Юпитером, на горе Кавказе терзается выеданием печени, которая, постоянно возрождаясь и постоянно подвергаясь терзанию, делает казнь вечной...

VIII, 6 ... Река Тимав, берущая начало с Рипейских гор и текущая между Азией и Европой, увеличивает Меотийские болота; или Тимав — река в Венеции, берущая начало из большого источника⁴.

VIII, 27. Уже соединяются грифы с конями]. Это произошло бы против природы. Грифы — дикие птицы, которые во-

¹ [См. об этом прим. к Verg., Georg., I, 240].

² Verg., Aen., IV, 146.

³ [Оакс (Ὠξής) — река на острове Крите, как это видно и из самого текста «Буколики» (rapidus Cretae Oaxes); отождествляется с современной речкой Милопотамом, или Авлопотамом (см. RE, XXXIV, 1686). Перенос ее в Скифию, схолиаст, несомненно, имеет в виду реку Окс (Аму-Дарью)].

⁴ [Небольшая речка Тимав между Истрией и Венецией (современная Пионцо) связана с мифом об аргонавтах и рассматривается нередко как адриатическое устье Истра (см. Zos., I, 29 и прим.); она отождествляется схолиастом с Танаисом, разделявшим Азию и Европу].

дятся в Скифии, или животное, которое водится в гиперборейских местностях, постоянно приманивая к себе лошадей, но с целью вреда; оно имеет клюв, перья и четыре ноги; вид льва, орлиная голова и когти... Г р и ф ы — животное в Гиперборейских горах, подобное льву, имеющее крылья и клюв наподобие орла, весьма враждебное лошадям¹.

VIII, 49 ... М а т ь] Медея, дочь Ээта, царя колхов...

ГЕОРГИКИ

(GEORGICA)

I, 58. Х а л и б ы] народ в Понте, открывший железо; названы так от эвбейского селения Халибия², потому что были переселенцами оттуда. Так говорит Юнилий...³

I, 59. C a s t o r e a] castores называются лесные собаки, которые водятся только в Понте и которых латины называют febrī; их шулята драгоценны для приготовления лекарств, и сок, который они заключают в себе, называется castoreum⁴, как говорится в книге «Физиолог»⁵. Так говорит Юнилий...

II, 115. P i c t o s, которых иные называют Cruithnecdiu⁶, но ложно. И разрисованных гелонов, которые имеют наколы. Это фракийцы, названные так от Гелона, сына Геркулеса и нимфы Хаонии (Chaoniae)⁷.

II, 140 ... Н е б ы к и д ы ш а щ и е], какие были с Ээтом в Колхиде, государстве Скифии. Здесь следует разуместь сказание о Мееде, дочери Ээта, и фессалийце Язоне, укрощающем быков с помощью Медей.

II, 141. Н у д г и] вместо драконов, как обыкновенно (ut solet)⁸. Известно, что их зубы в Беотии посеял Кадм, а в Колхиде Язон.

II, 497. И л и с в я з а н н о г о к л я т в о й]. Заговор варваров его не беспокоит. Они под клятвой⁹ сошлись за реку Истр, т. е. Данувий, и, устраивая там места жительства, начали прогонять римлян, но по повелению Августа были разбиты и отброшены назад Агриппой¹⁰. И с т р] Данувий, река в Скифии.

III, 196. К а к н а Г и п е р б о р е й с к и х]. Гиперборейские горы в Скифии, между которыми дует северный ветер.

III, 349. ... М е о т и я] болото в Скифии, замерзающее от холода. Так говорит Гавденций¹¹. С к и ф с к и е п л е м е н а живут в северных частях Азии и Европы. М е о т и я] Меотида — болото в Скифии, в которое течет Танаис, названный по нимфе этого имени. Так говорит Юнилий.

¹ [По древней, идущей от Аристия Проконнесского версии, за свидетельствованной Геродотом, (III, 116; IV, 13), грифы сражались с аримаспами, воины которых представлены на краснофигурных вазах всегда конными].

² Город с этим именем на острове Эвбее из других источников неизвестен. Схолиаст, несомненно, имеет в виду Халкиду — город, названный по имени металла (χαλκός) и имеющий в своем наименовании общее с Колхидой (χαλκη—χαλχη) и с халибами].

³ «Имя Юнилия Флагрия возникло из имени Юния Филаргрия» (Schapz).

⁴ [Речь идет о бобрах и о бобровой струе. Ср. Serv., in Georg., I, 58; а также P s. - P r o b., in Georg., I, 58].

⁵ [Безымянное сочинение, написанное на греческом языке в раннехристианское время и весьма популярное в средние века, см. RE, XXXIX, 1071 сл.].

⁶ Об этом Cruithnecdiu Hagen предлагает обратиться к Diefenbach'у, Celtica, II, 2, стр. 215.

⁷ «Chaonia» она называется Эхидной у P r o b., стр. 48, 4K; это имя хочет здесь восстановить Wagner, de Phil., II, стр. 26» (Hagen).

⁸ «ut solet» Или ut fabula est — как говорит предание (Hagen).

⁹ [Ср. свидетельство Авфиция Модеста, приводимое у Serv., in Georg., II, 497).

¹⁰ [В 38 г. до н. э.].

¹¹ [Комментатор Вергилия, известный лишь из Бернских схолий, для которых он послужил источником].

III, 350. И с т р] река в Скифии, которая называется также Данувием; другие говорят отдельно Истр.

III, 461. Б и с а л т ы] Гелоны — те же, что геты, соседние (iuncti)¹ с Грецией, пастухи которых, называемые номадами, как говорят, держатся того способа ухода за скотом, который поэт упомянул выше. Так говорит Юний. Б и с а л т ы] народы скифские, которые во время бегства питаются конской кровью, смешанной с молоком². Это говорит Гавденций.

IV 367. Ф а с и с], река в Скифии, т. е. в Колхиде.

IV, 370. Г и п а н и с], река, может быть, в Италии³.

Г[АЙ] КОРНЕЛИЙ ГАЛЛ

Один из видных поэтов августова века, родился в 69 г. до н. э., кончил жизнь самоубийством в 26 г. до н. э. Написал 4 книги элегий, в которых воспевал свою возлюбленную Ликорию, и переводил греческого писателя Эвфориона. См. о нем Schanz-Hosius, Gesch. d. röm. Litter., II⁴, стр. 169 сл. Единственный сохранившийся до нас стих Галла приведен у Bährens'a, FPL, Lips., 1886, стр. 336. [См. М. Покровский, Ист. римск. лит., стр. 174 сл.; В. Модестов, Лекц., стр. 439 сл.]

Ф р. (Vib. Seq., de flum., s. v. Hypanis). Гипанис в Скифии, который, как говорит Галл, «одной рекой разделяет две земли»...⁴

КВ[ИНТ] ГОРАЦИЙ ФЛАКК

Знаменитый поэт, родился в Венузии 8 декабря 65 г., умер в Риме 27 ноября 8 г. до н. э. [См. М. Покровский, Ист. римск. лит., стр. 209 сл.; И. Тронский, Ист. ант. лит., стр. 385 сл.; В. Модестов, Лекции по ист. римск. лит., стр. 410 сл.]

Текст: Q. Horatii Flacci carmina, recogn. Josephus Schobor, Petropoli, 1890, Horace édition et traduction par F. Villeneuve, I: Odes et Epodes; II: Satires III: Épitres. Coll. G. Büde, P. „Les belles Lettres,“ 1927—34; русский перевод: Кв. Гораций Флакк, Полное собрание сочинений, под ред. Ф. А. Петровского, М., 1936.

ОДЫ

(CARMINA)

II, 9

(1) Не вечно дожди каплют из туч на грязные поля, не беспрерывно злобные бури мучат Каспийское море, на берегах Армении, друг Вальгий,
(5) не каждый месяц стоит недвижимый лед...

II, 20

(13) ... Уже певчей птицей, безопаснее дедалова Икара, облечу я берега шумящего Боспора, Гетульские Сирты и гиперборейские поля. Меня узнают и колх, и дак, скрывающий страх перед когортой марсов,

¹ «iuncti» Или vicini?» (Hagenl).

² [Ср. Verg., Georg., III, 457 сл. и прим.].

³ [Река в Италии, носящая это имя, из других источников неизвестна].

⁴ [Это утверждение Корнелия Галла, если оно не является простой подстановкой имени Гипаниса (Кубани) на место обычного Танаиса, восходит, может быть, к древней традиции, свидетельствующей о том, что первоначально граница между Азией и Европой указывалась в различных местах между Фасисом (имя, которое, вероятно, прилагалось первоначально к Дону и лишь позднее к Риону), Танаисом и Гипанисом, который, впрочем, мог быть рассматриваем в качестве одного из устьев реки Танаиса. Ср. Апоп., PPE, 70].

и живущие на краю света гелоны, меня просвещенный (20) изучит ибер и тот, кто пьет *воду* Родана ...¹

III, 4

(29) ... Пока вы будете со мной, я охотно поеду на корабле в свирепый Боспор и обойду пешком жгучие пески Ассирийского края; я невинно посетую британнов, жестоких к чужеземцам, и пьющего конскую кровь конкана, посетую вооруженных колчанами гелонов (36) и Скифскую добровольно реку...²

III, 8

17. Оставь гражданские заботы о городе: погибло войско дакийского Котисона³, ... скифы уже подумывают, ослабив *свои* луки, (24) уступить *нам* поля...

III, 24

(9) ... Лучше живут степные скифы, у которых по обычаю кибитки *несут на себе* переносные дома, или суровые геты, которым немерянные поля приносят свободные плоды и хлеба; они не занимаются земледелием дольше года, (15) и покончившего труды заменяет преемник по равному *для всех* жребию. Там невинная жена заботится о лишившихся матери пасынках, с большим приданым не властвует над мужем (20) супруга и не верит холоному любовнику. У *них* самое важное приданое — родительская честь и определенное договором целомудрие, боящееся чужого мужчины; (24) там нельзя грешить под страхом смерти...

IV, 5

(25) Кто при жизни Цезаря станет бояться парфянина или обитателя холодных стран скифа, или тех отродьев, которыми чревата суровая Германия? кто будет беспокоиться о войне *со стороны* дикой Иберии?...⁴

IV, 14

(41) ... Непокорный раньше кантабр, и мидянин, и индеец, и бродячий скиф дивятся тебе, о настоящая ограда Италии и властного Рима. Тебе *дивятся* скрывающий истоки Нил и Истр...

IV, 15

(21). Не нарушают юлиевых повелений ни те, которые пьют *воду* губокого Данувия, ни геты, ни серы или вероломные персы, ни *народы*, родившиеся близ реки Танаиса...

¹ Ср., что о стихах говорят Gr. S a e n g e r, Commentarius criticus ad nonnullos Horatii locos², стр. 174.

² О конкане и Скифской реке см. ниже схолии. [Помпоний Порфирион (в схолии к этому месту) колеблется между испанской и скифской локализацией племени конканов. Первая предпочтительнее, потому что о конканах в Скифии из других источников ничего не известно, тогда как П т о л е м е й называет в Кантабрии населенный пункт Коужива(II, 6, 50), с которым, вероятно, и должно быть сопоставлено это упомянутое лишь у Горация племенное наименование. К Скифии схолиаст готов его отнести, несомненно, лишь вследствие распространения Горацием на конканов обычая пить конскую кровь; В е р г и л и й (Georg., III, 463) связывает этот обычай с именем бисалтов и гелонов (ср. прим. к этому месту)].

³ Котисон — царь даков, побежденный Крассом в 30 г. до н. э.

⁴ Эти стихи считает подложными L. M u e l l e r в своем большом издании од Горация (Petrópolis et Lipsiae, 1900, т. II, стр. 368).

ЮБИЛЕЙНАЯ ПЕСНЬ

(CARMEN SAECULARE)

(53). ... Уже мидиец боится могущественных на суше и на море войск и албанских секир, уже надменные недавно скифы и индийцы просят ответов на свои мольбы...

КНИГА ЭПОДОВ

(ERODON LIBER)

III

(9). Когда Медея восхитилась, помимо всех аргонатов, их прекрасным вождем, она помазала этим зельем Язона, который должен был наложить на быков неведомое им яро...

V

(21). Кандия велит сжечь на колхском огне травы, которые производят Иолк и богатая ядами Иберия, и кости, отнятые из пасти тощого пса...

V, 61—62 — упоминаются «жестокое зелья варварки Медей».

XVI

(57) ... Сюда не направился корабль с аргойским гребцом¹ и не ступила ногой бесстыдная колхидянка...

XVII

(65) Желает покоя отец вероломного Пелопса Тантал, вечно алчущий обильных яств, желает Прометей, отданный во власть хищной птицы, желает Сисифф положить камень на вершине горы, — но зевсовы веления запрещают это...

Кроме того упоминается «понтийская сосна, дочь благородного леса» — Carm., I, 14, 11; «негостеприимный Кавказ» — Carm., I, 22, 7; Erod., I, 12; говорится, что боится Фортуны «суровый дак и беглые скифы» — Carm., I, 35, 9 (там же, ст. 40 упоминаются массагеты); гелоны упоминаются — Carm., II, 9, 23; «колхские яды» или «колхидские» — Carm., II, 13, 8; Erod., XVII, 35; «крайний Танаис» — Carm., III, 10, 1; «непокорный Танаис» (вместо непокорных жителей Танаиса) — Carm., III, 29, 28; «чудовище колхов» — Carm., IV, 4, 63; Epist., II, 3 (de arte poetica), 118, говорится: «Медея в драме должна изображаться свирепой и непобедимой».

СХОЛИАСТЫ ГОРАЦИЯ

ПОМПОНИЙ ПОРФИРИОН

Грамматик, живший, повидимому, в III в. н. э., известен своими комментариями к Горацию, преимущественно грамматического и риторического характера. См. о нем Schanz-Hosius, Gesch. d. röm. Litt., II,⁴ стр. 155.

Текст: Pomponii Porphyrii commentum in Horatium Flaccum. Rec. Alfr. Holder, ad Aeni pontem, 1894.

ОБЪЯСНЕНИЯ К ГОРАЦИЮ ФЛАККУ

(COMMENTUM IN HORATIUM FLACCUM)

Carm., I, 35, 9. Беглецы (profugi) скифы] ясно, почему поэт назвал их profugi, именно потому, что они сражаются и в бегстве².

¹ [Т. е. корабль аргонатов «Арго», имя которого, по одной из этимологических версий (см. выше, Еп. п., Med. ex., 5 сл. и прим.) происходит от Argos].

² [Ср. Нег., IV, 120 сл.].

I, 35, 40. ... А массагеты — племя фракийское¹.

II, 13, 8. Он и колхидские яды] *поэт* назвал яды колхидскими, потому что колхидянка была Медея, которую греческие предания выставляют величайшей волшебницей.

II, 20, 16. И гиперборейские поля] которые лежат на крайнем севере за дуновениями Аквилона.

III, 4, 34. И довольного конской кровью конкана] конканы — племя испанское или, как говорят другие, скифское; *поэт* указывает, что они питаются конской кровью. О нем и Вергилий² говорит так: пьет сгущенное молоко с конской кровью.

III, 4, 36. И неведимо скифскую реку] *именем* скифской реки *поэт*, повидимому, обозначает Танаис...

III, 10, 1. Если бы ты, Лика, пила находящийся на краю света Танаис...] Танаис — река в Скифии...

III, 10, 2—4. А выражение incolis aquilonibus относится к тому, что он сказал раньше: «если бы ты пила находящийся на краю света Танаис»: ибо река Танаис находится в северной части света, откуда, повидимому, возникает Аквилон.

III, 24, 9. Лучше полевые скифы] скифы названы полевыми потому, что живут в полях без жилищ; о них и Саллюстий³ говорит так: занимают кочевые скифы, которым повозки служат жильем.

III, 24, 11. И холодные геты] геты суть фракийцы; *поэт* назвал их холодными по причине холодов в тех странах...

III, 29, 28. И враждующий (discors) Танаис] Танаис — река, впадающая в Меотийские болота, а оттуда в Понт; она названа discors потому, что «разделяет» (discernit) Европу и Азию, если только мы не отнесем этого эпитета к его жителям, которые «враждуют» (discordant) между собой, потому что они — свирепейшие варвары.

IV, 14, 42. Тебя беглец (profugus) скиф] называется profugus, так как никогда не остается на одном месте, откуда они называются также номадами.

IV, 15, 24. *Поэт* понимает скифов (Scythas)⁴.

Epod., III, 9. Медея изумилась блестящему вождю] *поэт* обозначает Язона... здесь он известное предание обращает в шутку, как будто бы Медея намазала чесноком Язона, чтобы предохранить его от силы огнедышащих быков, которые должны были быть укрощены по повелению царя, если Язон хотел получить золотое руно.

V, 21. Здесь следует разуместь ту Иберию (Hiberia)⁵, которая в Понте.

XVI, 58. ... *Поэт* разумеет Медею, которая, последовав за Язоном, отплыла с аргонавтами; этим он обозначает, что там неизвестны отравления.

[ГЕЛЕНИЙ АКРОН]

Под именем Геления Акрона известны схолии к Горацию, которые варьируются в разных рукописях. В основе их, быть может, лежит одно собрание схолиев, составленное каким-либо грамматиком. Ср. Schanz-Hosius, *Gesch. d. röm. Litt.*, II⁴, стр. 154 сл.

Текст: Acronis et Porphyrii commentarii in Q. Horatium Flaccum. Ed. Ferd. Hauthal, 2 тома, Berol., 1864—66.

¹ [Ошибочно вместо «скифское»].

² Verg. Georg., III, 463.

³ Sall. Hist., fr. 51 (ed. Dietsch.).

⁴ Petschenig на основании следов текста в рукописях пытается восстановить «hostem id est <Maetios> Scythas».

⁵ «Heberiam» Holder.

Carm., I, 7, 10. ... Орест, бежав после материубийства, обратился к оракулу с *вопросом* о выздоровлении; оракул ответил, что он может выздороветь в том случае, если отправится и увезет из Таврики кумир Скифской Дианы. Там была жрицей его сестра, которая приносила в жертву пришельцев; она узнала брата, пощадила его и спросила, зачем он прибыл: он объяснил. Они увезли кумир, и вместе с ним последовала сестра...

I, 22, 7. Кавказ — гора в Скифии...¹

I, 35, 9. Суровый дак] племя, живущее близ реки Истра, суровое в войнах... Беглецы скифы] удаленные от населенных стран и живущие на краю света.

II, 9, 20. И суровый Нифат] река в Скифии. Большинство полагает, что это — гора в Армении².

II, 11, 1. И скиф] скифы — племя северное.

II, 13, 8. Колхидские яды] от места, и видовое понятие вместо родового. Ибо Колхида — государство в Скифии, из которого происходила Медея, могущественная ядами и магическим искусством.

II, 20, 16. Гиперборейские поля] фракийские. Они лежат на крайнем севере за дуновениями Аквилона³.

III, 4, 35. Вооруженных колчанами гелон] гелоны — скифское племя, сильное стрелами, как [говорит Вергилий]⁴: И то племя, не медлительное, когда возьмет колчаны.

III, 4, 36. Реку] Танаис [или Истр], о котором *говорит* Вергилий⁵: [Где скифские племена и меотийская волна] и мутный Истр, катящий желтые пески.

III, 10, 1. Крайний Танаис] самый отдаленный. Ибо Танаисом называется река в Скифии, она же и Данубий⁶; ее упоминанием *поэт* хочет обозначить варварский характер женщины.

III, 24, 9. Лучше полевые скифы] скифы названы полевыми потому, что живут в полях без жилищ под палатками, которые передвигаются на повозках, как *говорит* Саллюстий⁷ в третьей книге: у которых повозки служат жильем.

III, 24, 11. Холодные геты] сильные, суровые вследствие холодной страны...

III, 29, 28. И в раждебный (discors) Танаис] Танаис — река, изливающаяся в Меотийские болота. Discors названа она потому, что разделяет Европу и Азию, или потому, что жители той страны свирепы и сталкиваются между собой в частой вражде.

IV, 14, 61. ... *Поэт* сравнивает их [т. е. римлян] также с чудом в Колхиде, где после посева зубов дракона из борозд земли вышли вооруженные люди, которых Язон одолел при помощи искусства Медеи...

IV, 15, 22. ... Геты] готы⁸.

Erod., III, 10—12. [Медея] изумилась вождю — Язону] полюбила. *Поэт* обозначает, что он, будучи сверх всех волшебных зелий намазан чесноком, запряг быков, выдыхавших из ноздрей огонь.

¹ Дальнейший текст очень испорчен. См. издание Nauthal'я.

² [Река в Скифии под этим именем неизвестна; что же касается горы Нифат, то о ней упоминают многие авторы, локализуя ее, однако, различно. См. Strabo, XI, 12, 4].

³ Ср. выше комментарий Порфириона.

⁴ Verg., Georg., II, 125.

⁵ Verg., Georg., III, 349.

⁶ [Схолиаст переносит по ошибке на Танаис наименование, которое около начала н. э., распространяясь от верховьев, прилагалось к реке Истру. Ср. PtoI., Geogr., III, 10, 1 сл.].

⁷ Sall., Hist., III, fr. 51 Dietsch.

⁸ [Это сопоставление, имеющее своих сторонников также и в новой науке (см. Браун, Разыскания в области гото-славянских отношений, 1899, стр. 270 сл.), ошибочно, хотя в составе «готов» были, несомненно, представлены и гетские племена].

V, 21. И т р а в ы, к о т о р ы е И о л к и л и И б е р и я] Иолк — страна в Понте¹, изобилующая ядовитыми травами... Ибо и здесь некоторые полагают, что Иберией названа не Испания, а страна, соседняя с Понтом...

V, 65. С п л а щ о м] по мнению одних — одежда, по другим — венец, пропитанный ядами, был поднесен Медеей, и Главка, взяв его, погибла от огня. [«Язон (Iason), сын Эсона, отправившись с некоторыми греческими богатырями для похищения золотого руна, которое Фрикс посвятил Марсу, внушил любовь Медее, весьма опытной в магическом искусстве. С ее помощью Язон, обещав ей любовь, убил дракона, который по повелению Марса был приставлен стражем для охраны золотого руна; затем, когда он вспахал поле при помощи других неукротимых быков, выдыхавших огонь, и посеял там зубы дракона, из них родились гиганты, которые сначала напали на Язона, но затем истребили себя взаимными ранами. Потом, получив руно и презрев помощницу своего подвига, Язон взял себе в жены Главку, дочь Креонта. Вследствие этого Медея, пораженная скорбью, убила двух сыновей своего любовника, рожденных ему Главкой, и бросила мертвых в реку Фасис, предварительно умертвив ядом наложницу: именно она заставила Язона одеть Главку в пропитанное ядом платье, при сгорании которого та позорно погибла (periit)»]².

ВЕНСКИЕ СХОЛИИ К СОЧИНЕНИЮ «О ПОЭТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ» (ARS POETICA)

Текст: Scholia Vindobonensia ad Horatii artem poeticam ed. Ios. Zechmeister, Vindob., 1877, 8°.

118. Колх³ — остров удобный для злодеяний, откуда была злодейна Медея.

124. Орест по убиении матери был гоним фуриями, пока его дру Пилад не привел его к храму Дианы; и там он был освобожден.

185. ... Здесь поэт затрагивает такой миф. Пелий и Эсон были братья; у Эсона был сын Язон, которого усыновил Пелий, потому что не имел сына. Но, боясь за своих дочерей, чтобы Язон после его смерти не лишил их наследства, подверг его вообще многим опасностям. Поэтому же он послал его к острову Колху за золотым руном, так как добыть его должно было с опасностью: именно, нужно было укротить быков и с ними вспахать поле; затем посеять змеиные зубы, положенные в шлем; потом сразиться с выросшим посевом и, наконец, усыпить вечно бодрствующего дракона. Все это Язон исполнил по указанию Медеи, дочери колхийского царя Ээта, потому что обещал ей брак. При отъезде Язона она, боясь преследования отца, взяла с собой брата своего Абсирта, голову, лицо и члены которого растерзала и бросила перед лицом отца, когда он ее преследовал. Когда Язон привез ее домой, она сделала юношей старика, отца Язона. Затем, движимая ненавистью за то, что Пелий предложил Язону много опасных подвигов, обещала его дочерям возвратить Пелию юношеский возраст. Когда он был убит собственными дочерьми, она вошла на ко-

¹ [Переноса на Понт след за Иберией и Иолк, схолиаст допускает ошибку: Иолк, родина Язона, находился в Фессалии, на берегу Пагасейского залива].

² «Слова Iason—periit опускают AR12G, rnvca; их нет также в Вф—С. Их внес Fabricius» (Nauthal). [В этом рассказе, где Главка, толкуемая то как нимфа, то как дочь коринфского царя Креонта (см. Jessen, RE, IX, 759 сл.), замещает обычную Креусу — дочь названного царя, излагается параллельная версия коринфского мифа об аргонавтах и о Медее, использованного Эврипидом в его одноименной трагедии].

³ [Вместо «Колхида», которая в данном случае равнозначна Эе, у многих авторов фигурирующей в качестве острова. Ср. Нот., Od., X, 135; ср. схол. Евстафия к этому месту].

лесницу и улетела на крылатых змеях, везших колесницу. Затем Язон, покрытый за это позором, отослал ее и взял замуж дочь Креонта. Ей Медея послала одежду, которой она была сожжена, и из ненависти к Язону убила сыновей, которых она имела от него.

ВИТРУВИЙ ПОЛЛИОН

Архитектор и механик, современник Юлия Цезаря и Августа, автор сочинения *De architectura* в 10 книгах, написанного между 16 и 13 гг. до н. э. [См. И. Тронский, *Ист. ант. лит.*, стр. 113].

Текст: *Vitruvii de architectura libri decem*. Ediderunt Val. Rose et H. Müller-Strübing, Lips., Teubn., 1867. [Новое издание: *Vitruvii de architectura libri X*. Edidit F. Krehn, Lpz., 1912. Русские переводы: Витрувий, Десять книг об архитектуре (перевод Ф. А. Петровского), М., 1936; М. Витрувий Поллион, Об архитектуре. 10 книг. Перевод с латинского. Редакция и введение А. В. Мишулина, М., 1936.

Извлечения и перевод Г. Г. Зоргенфрея

ОБ АРХИТЕКТУРЕ (DE ARCHITECTURA)

II, 1, 4. У народа колхов в Понте вследствие изобилия лесов кладут прямо на землю по правую и левую стороны целые бревна, оставив между этими двумя рядами расстояние, равное длине бревен; затем на обоих концах этих рядов кладут поверх два других ряда поперек; таким образом окружается пространство жилища, лежащее посреди. Затем колхи на четырех сторонах — попеременно на двух противолежащих — накладывают бревна, соединяя углы и образуя стены, и кверху отвесно от основания возводят башни, а промежутки, которые остаются между бревнами вследствие толщины материала, они заделывают щепками и глиной. Точно так же, укорачивая концы поперечных балок и суживая их постепенно в виде уступов, они возводят крышу с четырех сторон кверху и образуют в середине пирамидообразную верхушку, которую они покрывают листвой и глиной, и таким грубым способом строят сводчатые крыши своих башен¹.

VII, 7, 5. Сернистый мышьяк, который по-гречески называется *ἀρσένικον*, добывается в Понте. Сандарака² встречается во многих местах, но лучшие копи находятся в Понте близ реки Гипаниса.

VIII, 2, 6. *А что северные ветры сухи, а южные приносят с собой влагу, выделяемую землей под влиянием лучей солнца*, это доказывают истоки рек, из которых большинство — и самые большие на картах и в описаниях земли — нарисованы и помещены берущими свое начало с севера; так, прежде всего в Индии Ганг и Инд начинаются с гор Кавказских, в Сирии — Тигр и Евфрат, в Азии в Понте — Борисфен, Гипанис, Танаис, в Колхиде — Фасис...

VIII, 3, 11. Есть источники, берущие свое начало из горького земного сока, с чрезвычайно горькой водой; такова река Гипанис в Понте. Река эта течет от истоков приблизительно 40 миль, имея воду очень сладкую

¹ [Возможно, что описанный Витрувием способ сооружения деревянных башнеобразных жилищ относится к тем башням-моссинам, о которых говорится у Хел., *Anab.*, V, 4, 26, и у других, более поздних авторов, сообщающих о моссиниках, народе, названном по служившим ему жилищам деревянным башням. Ср. *Apoll. Rhod.*, II, 1016 сл.].

² [То же, что реальгар; как и сернистый мышьяк, это вещество употреблялось в древности в качестве примеси при изготовлении бронзы. Пункт под именем Сандарака упоминает в Вифинии Ариан (*PPE*, 19)].

на вкус, затем достигает места, отстоящего от устья на 160 миль; там она принимает очень небольшой источник. Он, впадая в реку, делает всю огромную массу воды в ней горькой, так как течет по такой земле и жилам, откуда добывают сандарак, и вода в нем делается горькой¹.

ИМПЕРАТОР АВГУСТ

Caius Julius Caesar Octavianus Augustus родился 23 сентября 63 г. до н. э., получил верховную власть 1 января 29 г. до н. э., умер 19 августа 14 г. н. э. Будучи прекрасно образован, Август охотно занимался литературной деятельностью и написал несколько сочинений в прозе и стихах, но они до нас не сохранились (см. о них S c h a n z-H o s., *Gesch. d. röm. Litt.*, II⁴, 6 сл.). Дошел до нас знаменитый «monumentum Ancyranum» — вырезанный на стене храма в малоазийском городе Анкире собственный рассказ Августа об его деяниях, составленный в самом конце его жизни. Ввиду важности этого памятника заимствуем о нем подробные сведения у S c h a n z' a, *Gesch. d. röm. Litt.*, II, 1², стр. 10—11: «Наши сведения об отчете Августа о своих деяниях долгое время ограничивались тем немногим, что нам сообщил об этом Светоний. Никто даже не мечтал, что в отдаленном местечке далекого Востока отчет этот явится нам в его подлинном виде. В 1555 г. случилось так, что имперское посольство прибыло в Анкиру, некогда бывшую главным городом Галатии. В пронаосе храма, который некогда был посвящен Августу и богине РOME, оно нашло отчет Августа в латинском оригинале и в греческом переводе. Ему удалось списать части латинского текста. Но, несмотря на это открытие и несмотря на дальнейшие сообщения путешественников, эта «царица надписей» в течение трех столетий оставалась зарытым сокровищем. Только в 1861 г. благодаря французской экспедиции мы получили более точные сведения об этом памятнике; латинский текст и части греческого стали теперь известны благодаря факсимиле. Наконец, в самое новейшее время по побуждению Моммзена известный архитектор Гуманн приготовил гипсовые слепки надписи; последние находятся в Берлине и почти заменяют нам оригинал. На основании его Моммзеном было сделано его мастерское издание надписи. Что же касается греческого перевода, который, по всей вероятности, был сделан только в Галатии, несколько отрывков было найдено еще в Аполлонии, которая некогда принадлежала к провинции Галатии. [Находки фрагментов monumentum Apolloniense, производившиеся многократно и в разные годы, были в особенности умножены работами экспедиции Беклера и Кальдера в 1930 г. Новые части текста, значительно способствующие восстановлению греческой версии, опубликованы в MAMA, IV, 143, стр. 49 сл.; чтение латинского оригинала улучшено за счет находки monumentum Antiochenum (в городе Антиохии в Писидии) в 1914 и 1924 гг., текст которого издан W. Ramsay, A. v. Premerstein, Monumentum Antiochenum. Die Neugefundene Aufzeichnung der Res gestae divi Augusti, «Klio», Beiheft 19. Lpz., 1927]. Надпись, состоящая из 35 глав, распадается по своему содержанию на три части: сперва (главы 1—14) она перечисляет должности и почести, которые получил Август; во второй части (главы 15—24) она перечисляет расходы, которые Август [из личных средств] произвел для государства и гражданства, каковы денежные раздачи, постройки, празднества; наконец, третья часть содержит его политические действия на войне и во время мира. Полное соблюдение этого расположения материала не имело в виду, так как уже в первой части при перечислении полученных Августом отличий нередко затрагивались и деяния. Какая цель была у Августа для издания этого удивительного документа? Он подводит в нем итог своей жизни, он отчитывается в конце своей долгой государственной деятельности; с этой целью он противопоставляет своим почестям свои деяния, он перечисляет, что он получал от римского народа и что он римскому народу дал».

Т е к с т: Res gestae divi Augusti. Ex monumentis Ancyrano et Apolloniensi iterum Th. Mommsen, Ber., 1883. [Благодаря новым находкам отрывков надписи издание Моммзена устарело. Лучшее издание: Gagé, J., Res gestae divi Augusti ex monumentis Ancyrano et Antiocheno Latinis, Ancyrano et Apolloniensi Graecis. Texte établi et commenté, P., 1935; см. также Res gestae divi Augusti, herausgegeben von E. Diehl, B., 1935; Res gestae divi Augusti con traduzione E. Malcovati, Roma, 1936; русский перевод в книге П. Гиро, Частная и общественная жизнь римлян, М., 1913.

¹ [Ср. Н е р., IV, 52. Сведения о горечи воды в реке Гипанисе взяты Витрувием не из Геродота, поскольку Витрувий отлично от него локализует горький источник (у Геродота — Эксампей), помещая его значительно ближе к истокам реки, чем к устью, тогда как по Геродоту он находится почти посредине ее течения, немного ближе к морю. Рассказ Геродота не содержит к тому же объяснения причины горечи воды в Эксампее].

ДЕЯНИЯ БОЖЕСТВЕННОГО АВГУСТА

(RES GESTAE DIVI AUGUSTI)

27, 2. Армению великую после убийства ее царя Артакса¹, хотя я мог сделать ее провинцией, я предпочел по примеру предков наших² передать это царство Тиграну³, сыну царя Артавасда, внуку Тиграна же царя, через Тиберия Нерона⁴, который тогда был мне пасынком. И этот же народ, после того отпавший и возмущившийся⁵, усмирленный моим сыном Гаем⁶, я передал под управление царю Ариобарзану⁷, царя медов Артабаза сыну, а после его смерти сыну его Артавасду⁸. После его убийства Тиграна⁹, который был родом из царского дома армян, я послал на это царство.

31, 1. Нашу дружбу просили через послов бастарны, скифы и цари сарматов, живущих по сю сторону реки Танаиса и за ней (*Sarmatarum q[ui] sunt citra flu]men Tanaim [et] ultra reg[es]* = *Σαρματῶν οἱ ἐπὶ τῇδε τοῦ Ταναιδοῦ ποταμοῦ καὶ οἱ πέραν δὲ βασιλεῖς*), а также цари албанов, иберов и медов¹⁰.

¹ [Иначе Артаксий (I o. s., AI, XV, 4, 3). Сын Артавасда, он воцарился в Армении после падения Марка Антония и был убит своими приближенными в 20 г. до н. э. ввиду его враждебной позиции по отношению к Августу (Т а с., App., II, 3)].

² [Август имеет в виду возвращение Помпеем Тиграну II в 64 г. до н. э. завоеванной им Армении, причем последняя была сделана союзным Риму (зависимым) царством].

³ [Тигран III, младший брат убитого Артаксия и внук Тиграна II (Великого), находился на армянском престоле с 20 г. по 6 г. до н. э. (D i o, LIV, 9); до момента своего воцарения пребывал в Риме в качестве племянника].

⁴ [Т. е. через будущего императора Тиберия, посланного Августом (находившимся в это время в Сирии) в 20 г. до н. э. с целью восстановления порядка в стране во главе войска в Армению. G a g é (Res gest., стр. 132) считает, что этот текст получил окончательный вид после адоптации Тиберия в 4 г. до н. э.].

⁵ [Об этих событиях см. V e l l., II, 100; D i o, LV, 10, 5].

⁶ [Приемный сын Августа, назначенный во 2 г. до н. э. управителем восточных провинций и посланный им для устройства парфянских дел].

⁷ [Этот царь Армении, о котором см. Т а с., App., II, 4, царствовал не более одного года].

⁸ [Артавасд II, сын предыдущего царя, утвержденный на армянском престоле Августом и сенатом (D i o, LV, 10, 5), царствовал также весьма недолго].

⁹ [Этот парфянский ставленник на армянский престол был, вероятно, царем Великой Армении уже в 1 г. до н. э., после убийства Тиграна IV; позднее, после убийства Артавасда, Август принужден был утвердить его вновь на армянском престоле; D i o, LV, 10, 20 сл.].

¹⁰ Комментарий M o m m s e n' a (стр. 134): «С бастарнами из области Мезии Нижней, жившими по ту сторону Данауия, в 725 г. вел войну Марк Красс (L i v., Ер., CXXXIV; D i o, LI, 23—24; V i c t., Ер., 1, 7). Под скифами разумеются, без сомнения, те, которые находились между Данауием и Борисфеном (ср. В о е с k h, CIG, II, стр. 82). Комментарий указывает, что сарматы, царей которых упоминает также ольвийская надпись CIG, 2068 (=L a t y s c h e v, IOSPE, I, 33), во время Августа занимали оба берега Танаиса, что совпадает со свидетельствами, собранными тем же В о е k h' ом (там же, стр. 83), ибо если С т р а б о н, II, 5, 30 (стр. 128), распространяет сарматов вплоть до Танаиса и Меотийского болота, однако то, что несколько позже они обитали также между Танаисом и Кавказом, выясняется из Т а с., App., VI, 33. Это подтверждает П л и н и й, указывая, что они живут вокруг Танаиса (NH, II, 108, 246; VI, 7, 19) вплоть до Кавказа (VI, 5, 16; 13, 40). Хотя самое имя сарматов у современных поэтов не встречается, они, как кажется, обозначаются именем гелонов, которым греческие рассказы приписывают жителюство вокруг Танаиса, где живут они и по свидетельству Горация. Историки не дают возможности точно истолковать это; могло быть так, что Красс в той войне, о которой мы сказали, имел дело также и с сарматами и навязал им условия такого рода. В остальном В e r g k (стр. 115) правильно указал, что переводчик должен был перевести так: «Σαρματῶν τῶν ἐπὶ τῇδε τοῦ τ. Τ. π. καὶ τῶν πέραν βασιλεῖς». Царя албанов Фарнабаза, иберов Зобера победил в 718 г. под auspiciis Антония Публий Канидий Красс (D i o, XLIX, 24); никто кроме этого не передает, чтобы они или их преемники имели сношения с Августом (ср. к 6, 1). С т р а б о н (VI, 4, 2, стр. 288) также свидетельствует, что римляне, когда хотели, давали властителей также и этим народам».

Т [ИТ] ЛИВИЙ

Знаменитый историк, родился в 59 г. до н. э., умер в 17 г. н. э. Из его огромного исторического труда в 142 книгах, обнимавшего собой римскую историю от основания Рима (ab urbe condita) до смерти Друза в 9 г. до н. э., сохранились в целости только 35 книг (1—10 и 21—45), а из остальных только отрывки и извлечения, между которыми важное значение имеют *periocliae*, или краткие изложения содержания книг. [см. М. Покровский. Ист. рим. лит., стр. 278; И. Троцкий, Ист. ант. лит., стр. 419 сл.].

Текст: *Titī Livī ab urbe condita libri*. Erkl. von W. Weissenborn. 2 Aufl. besorgt von H. J. Müller, Berlin, Weidmann. [Titī Livī ab urbe condita libri. Editio altera quam curavit A. Müller, тт. I—VI, Lps., 1906—1911]; русский перевод: Н. Адрианов, Тит Ливий, Римская история от основания города, вв. I—V, М., 1892—99.

Извлечения и перевод Г. Г. Зоргенфрея

ИСТОРИЯ ОТ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА

(AB URBE CONDITA LIBRI)

XXXV, 48. В Ахайе послы Антиоха¹ и этолийцев были допущены в собрание в Эгии в присутствии Тита Квинктия². (2) Посла Антиоха выслушали раньше этолийцев. Этот [т. е. посол Антиоха], как большинство царедворцев, хвастун наполнил своим пустозвонством моря и сушу: (3) несметная сила всадников, говорил он, переправляется через Геллеспонт в Европу, частью одетых в доспехи, которые они называют *cataphracti*³, частью конных стрелков, и притом таких, которые, повернув коня и уезжая назад, тем вернее поражают врагов, так что от них ничто не может укрыться. (4) Хотя этими конными силами можно было бы уничтожить собранные воедино войска даже всей Европы, он к ним прибавлял еще разнообразные пехотные силы и пугал также названиями народов, о которых едва ли кому-нибудь приходилось слышать, (5) называя дагов, мидян, элимеев и кадусиев...

XXXV, 49, 8. На это Квинктий *ответил...* все эти разнообразные вооруженные, носящие многочисленные имена неслыханных народов, даги, мидяне, кадусии и элимеи, — все сплошь сирийцы⁴, люди вследствие своего рабского образа мыслей немногим лучше рабов, но не солдаты.

XL, 5, 10. Случайно в это время вернулись послы, отправленные Филиппом⁵ за вспомогательным войском к бастарнам; они привели с собой оттуда знатных юношей и некоторых *лиц* царского рода, из которых один обещал выдать за сына Филиппа свою сестру; союз с этим племенем вызвал в царе подъем духа...⁶

XL, 21, 2. Филиппом овладело желание подняться на вершину горы Гема, потому что он верил распространенному мнению, что *оттуда* можно видеть сразу Понтийское и Адриатическое море, реку Истр и Альпы...

XL, 57, 2. Смерть Филиппа⁷ случилась очень кстати для того, чтобы отсрочить *войну* и стянуть силы. Дело в том, что несколько дней спустя племя бастарнов, давно подстрекаемое, *поднялось* со своих мест и в виде

¹ Антиох III Великий (223—187 гг. до н. э.), сын Селевка Каллиника и преемник на сирийском престоле Селевка Керавна.

² В 192 г. до н. э. [Тит Квинктий — Тит Квинктий Фламиний, консул 198 г. до н. э. и победитель Филиппа V при Киноскефалах в 197 г. до н. э.].

³ [Cataphracti — вид тяжеловооруженной конницы, названный так по роду панциря, который они носили; см. V e g., I, 20; отсюда же происходит название иранских конных стрелков — катафрактария].

⁴ [Сирийцами эти прикаспийские и иранские племена могли быть названы лишь в переносном смысле, поскольку они выступали на стороне сирийских Селевкидов].

⁵ [Филиппом V Македонским].

⁶ В 182 г. до н. э.

⁷ В 179 г. до н. э.

большого отряда пехотинцев и всадников переправилось через Истр; (3) оттуда отправились вперед к царю Антигон и Коттон; Коттон был знатный бастарн, а Антигона часто отправляли послом с Коттоном возбуждать бастарнов. Недалеко от Амфиополя до них дошли *сначала* слухи, а затем и верные известия о смерти царя. Это обстоятельство изменило все их планы. (4) У них было условлено, чтобы Филипп доставил бастарнам безопасный проход через Фракию и провиант. Чтобы быть в состоянии это исполнить, *Филипп* подарил предводителей областей, поручившись, что бастарны совершат свой переход мирно. (5) У него был план уничтожить племя дарданов¹ и в их области устроить место жительства бастарнам; (6) отсюда должна была произойти двойная выгода: с одной стороны, если удастся уничтожить дарданов, племя, всегда враждебно относившееся к Македонии и пользовавшееся затруднительными обстоятельствами царей, с другой стороны, если можно будет заставить бастарнов оставить жен и детей в Дардании и направиться для опустошения Италии: (7) путь к Адриатическому морю и Италии лежит через область скордискос², по другой дороге нельзя перевести войска, а скордиски без труда пропустят бастарнов — они ведь и по языку и по обычаю мало от них отличаются — и сами к ним присоединятся, когда увидят, что идут за добычей к весьма богатому народу. (8) Затем он приспособлял свои планы ко всякому исходу: если бастарны будут перебиты римлянами, то утешением будет служить уничтожение дарданов, добыча от остатков бастарнов и свободное владение Дарданием; (9) в случае же успешных действий он рассчитывал вернуть потерянное в Греции, раз внимание римлян будет отвлечено войной с бастарнами. Таковы были планы Филиппа.

58. ... *Бастарны* мирно вступили в пределы Фракии, но затем после ухода Коттона и Антигона и немного спустя, благодаря распространившемуся слуху о смерти царя Филиппа, и фракийцы неохотно стали вступать в торговые сделки, и бастарны перестали довольствоваться купленным, и их невозможно было удержать в строю, чтобы они не уклонялись с дороги; (2) тогда стали возникать взаимные обиды, которые, усиливаясь с каждым днем, вызвали вооруженное столкновение. В конце концов фракийцы, не будучи в состоянии выдержать натиска множества врагов, оставили свои деревни в долине и удалились на гору огромной высоты, по имени Дануку³. (3) Когда бастарны хотели подступить и напрасно старались приблизиться к горной вершине, их застигла точно такая же буря, как та, от которой погибли галлы, пытавшиеся ограбить Дельфы. (4) На них не только низринулись потоки ливня и частый град при треске на небе, раскатах грома и молниях, ослеплявших взоры, (5) но молнии так сверкали повсюду, что, казалось, направлялись против людей, и не только простые солдаты падали, пораженные молнией, но и вожди. (6) И вот, когда они стремглав спасались бегством по высоким утесам и по неосторожности падали и низвергались, то фракийцы, правда, преследовали пораженных ужасом, но сами бастарны говорили, что боги — виновники их бегства и небо обрушивается на них. (7) Когда они, рассеянные бурей, словно после кораблекрушения, по большей части наполовину вооруженные, вернулись в лагерь, из которого выступили, то начались обсуждения, что делать. Затем произошло разногласие, так как одни высказывались за возвращение, другие за то, чтобы проникнуть в Дарданию. (8) Тысяч тридцать пришли в Дарданию, куда они отправились под пред-

¹ [Племя, занимавшее южную часть Верхней Мезии, между Македонией и Иллириком. См. А р р., ВС, V, 75].

² [Иллирийское племя, жившее между реками Савой и Дравой в юго-восточной части Верхней Паннонии].

³ [Из других источников неизвестна].

водительством Клондика¹; остальное множество возвращается обратно по тому пути, по которому пришло, внутрь страны.

XLII, 19, 4. ... Приближалась уже забота о македонской войне², так как Персей³ вызывал столкновения между дарданами и бастарнами, да и послы, отправленные в Македонию для ознакомления с положением дел, уже вернулись в Рим и донесли, что в Дардании *уже* идет война. В то время явились послы от царя Персея, чтобы оправдать его: будто бы бастарны призваны не им и ничего не делают по его совету...

(7) Когда дарданы заметили, что бастарны не только не уходят из их пределов, на что они рассчитывали, но с каждым днем становятся более невыносимы, опираясь на вспомогательные силы соседних фракийцев и скордисков, они пришли к заключению, что нужно отважиться даже на рискованное предприятие, и отовсюду сходятся вооруженные к городу, лежащему ближе всего к лагерю бастарнов. (8) Стояла зима, и они выбрали это время года, чтобы фракийцы и скордиски удалились в свои пределы. Лишь только они услышали что это случилось и что бастарны уже одни, они делят войска на две части, с тем, чтобы часть шла прямым путем, открыто вызывая врага на бой, а другая напала с тыла, обойдя врага по отдаленным ущельям. (9) Впрочем, сражение произошло раньше, чем они успели обойти лагерь неприятелей; дарданы были побеждены и загнаны в город, отстоявший от лагеря бастарнов приблизительно на двенадцать миль. (10) Победители тотчас последовали за ними и окружили город, не сомневаясь, что на другой день или враги под влиянием страха сдадутся, или они возьмут город силой. Между тем другой отряд дарданов, совершивший обход, не зная о поражении своих, *захватывает* оставленный без прикрытия лагерь бастарнов...

XLII, 23, 12. Персей впервые, к ужасу всех, направил в Дарданию бастарнов, и если бы этот народ утвердился в тех местах, то Греция имела бы в них еще более неприятных соседей, чем Азия в галлах...

XLII, 11, 2. Как только Эвмен⁴ прибыл в Рим⁵ ... его ввели в сенат... (4) Начав с планов Филиппа, он сообщил об убийстве Деметрия⁶, бывшего против войны с Римом, и о том, что племя бастарнов поднято со своих мест, чтобы Филипп, опираясь на их помощь, мог переправиться в Италию

LXIV, 26, 2. ... Существенная подмога, представившаяся со стороны галлов (Gallorum)⁷, нахлынувших в Иллирию, упущена была вследствие жадности Персея. Шло 10 тысяч всадников (3) и такое же число пехотинцев, также соединявших пешую службу с конной и употреблявших в бою освободившихся коней павших всадников. (4) Они выговорили себе: всадник по десяти золотых наличными, пехотинец по пяти, вождь их — тысячу. (5) Когда они приближались, Персей выступил из лагеря от Эльпея им навстречу с половиной своих войск и стал приказывать по деревням и городам, лежавшим около дороги, заготавливать провиант, чтобы были запасы хлеба, вина и скота. (6) Сам он имел с собой лошадей, конскую сбрую, военные плащи в подарок вождям и немного золота для раздела немногим, надеясь, что толпу можно увлечь надеждой. (7) Он

¹ [Этот вождь бастарнов упоминается Л и в и е м также в XLIV, 26, 11; 27, 2. Его упоминает также А п п и а н (Мас., 18, 2) под именем Κλοΐλιος].

² В 175 г. до н. э.

³ [Последний македонский царь, сын Филиппа V (179—168 гг. до н. э.).

⁴ [Эвмен II Пергамский (197—159 гг. до н. э.), сын Аттала I].

⁵ В 172 г. до н. э.

⁶ [Сына Филиппа V; убит по приказанию своего старшего брата Персея в 181 г. до н. э.].

⁷ «Galli=Bastarnae» (Weissenborn). Это относится к 168 г. до н. э.

достиг города Алманы¹ и расположился лагерем по берегу реки Аксия². Около Десудабы³ в Медике⁴ расположилось войско галлов, ожидая условленной платы. (8) Туда он послал одного из *своих* придворных, Антигона, с приказанием галльскому войску перенести свой лагерь к Билазорам⁵, — эта местность лежит в Пеонии, — а вождам явиться к нему в большом числе. Они отстояли от реки Аксия и лагеря царя на 75 миль. (9) Когда Антигон сообщил им эти поручения и прибавил, какое она найдут по дороге изобилие во всем, благодаря стараниям царя, и с какими подарками из платья, серебра и коней примет царь вождей, которые к нему явятся, то они отвечают на это, что во всем этом они лично убедятся, (10) но спрашивают про то, что они выговорили себе наличными, именно привез ли он с собой золото для раздачи каждому пехотинцу и всаднику. (11) Не получая на это ответа, царек их Клондик заявил: «Ступай же к царю и заяви ему, что если галлы не получают золота и заложников, то не сделают отсюда ни шагу дальше». (12) Когда об этом донесли царю, он созвал совет, и так как очевидно было, что все посовещуют, то *Персей*, являясь более бдительным стражем для *своих* денег, чем для царства, сам начал говорить о вероломстве и дикости галлов, изведенной уже раньше во многих поражениях: (13) опасно, по его словам, принимать такую массу в Македонию, чтобы не иметь в них более опасных союзников, чем в римлянах врагов. (14) Вполне достаточно пяти тысяч всадников: ими можно воспользоваться для войны и *в то же время* самим не придется бояться их числа.

27. Всем было ясно, что *царь* боится трат на большое количество людей, а больше ничего; но так как никто не осмелился ему советовать, то снова посылают Антигона с заявлением, что царю нужно содействие лишь пяти тысяч, а остальное множество он не удерживает. Когда это слышали варвары, то прочие стали шумно выражать свое негодование на то, что их напрасно подняли с их мест, Клондик же снова спросил, может ли он хоть этим-то пяти тысячам выдать условленную плату? Заметив, что и тут прибегают к уверткам, он не тронул лживого вестника, на что тот и сам едва ли надеялся; *галлы же* вернулись к Истру, опустошив часть Фракии, лежащую поблизости от дороги...

ПЕРИОХИ

XCIV. Консул Л[уций] Лициний Лукулл счастливо сразился с Митридатом в конных битвах и предпринял несколько счастливых экспедиций; солдат, требовавших битвы, он удержал от возмущения. Тетрарх Галлогреции Дейотар перебил военачальников Митридата, начинавших военные действия во Фригии...⁶

XCV. ... Проконсул Л[уций] Лукулл уничтожил у города Кизика голодом и мечом войско Митридата и, выгнав царя из Вифинии, принудил его бежать в Понт, так как разнообразные неудачи на войне и кораблекрушения сломали *Митридата*⁷.

XCVII. ... Л[уций] Лукулл счастливо сражался в Понте с Митридатом.

¹ [Этот северомакедонский пункт на реке Аксии упоминается только у Тита Ливия и только в этом месте].

² [Современный Вардар, крупнейшая река Македонии].

³ [Этот пункт, местоположение которого в точности неизвестно, локализуется предположительно в долине реки Стримона, на ее среднем течении].

⁴ [Область в северной Македонии].

⁵ [Значительный пункт у северных границ Македонии, локализуемый у современного населенного пункта Велес].

⁶ [Ср. Plut., Luc., 14 сл.; A p p., Mithr., 60 сл.].

⁷ [Ср. Plut., Luc., 14 сл.].

перебив более 60 тысяч врагов... Митридат, побужденный своим отчаянным положением, бежал к царю Армении Тиграну¹.

ХСVIII. Сын Митридата Махар, царь Боспора, был принят в дружбу Л[уцием] Лукуллом... Л[уций] Лукулл разбил в Армении во многих сражениях Митридата и Тиграна и огромные полчища обоих царей... Легат Лукулла Г[ай] Триарий не особенно успешно сражался с Митридатом. Лукуллу возмущение солдат помешало преследовать Митридата и Тиграна и завершить победу...²

С. Народный трибун Г[ай] Манилий к большому негодованию знати предложил законопроект, чтобы война против Митридата была поручена Помпею... Гн[ей] Помпей, отправившись для ведения войны против Митридата, возобновил дружбу с царем парфянским Фраатом; в конном сражении победил Митридата. Кроме того, в этой книге содержится война между парфянским царем Фраатом и армянским Тиграном и затем война между Тигранами сыном и отцом³.

СI. Гн[ей] Помпей принудил Митридата, побежденного в ночном сражении, бежать на Боспор. Он принял в подданство Тиграна и, отняв у него Сирию, Финикию и Киликию, возвратил ему армянское царство... Гн[ей] Помпей, преследуя Митридата, проник к самым отдаленным и неизвестным народам. Он победил в сражении иберов и албанов, не пропуская его. Кроме того, в книге рассказывается о бегстве Митридата через страну колхов и гениохов и о деяниях его на Боспоре⁴.

СII. Гн[ей] Помпей обратил Понт в провинцию. Фарнак, сын Митридата, пошел войной на своего отца. Митридат, осажденный им во дворце, безуспешно старался лишить себя жизни ядом и затем был убит галльским солдатом, по имени Битоком, которого он просил помочь ему...⁵

СXIII. ... Понтийский царь Фарнак, сын Митридата, был побежден [Цезарем] немедленно...⁶

СXV. Цезарь справил четыре триумфа: над Галлией, Египтом, Понтом и Африкой...⁷

СXXIV. ... Рассказывается о войне, которую вел М[арк] Красс против бастарнов, мезов и других народов.

АЛЬБИЙ ТИБУЛЛ

Поэт августова века. Год его рождения в точности неизвестен; обыкновенно полагают, что он родился около 54 г. до н. э., а умер в 19, вскоре после Вергилия. С именем Тибулла дошло до нас 4 книги элегий, из коих, впрочем, бесспорно принадлежащими ему считаются только первые две книги. Автор цитируемой ниже III книги называет себя *Lugdanius*, но это, по всей вероятности, псевдоним. См. М. Покровский, Ист. римск. лит., стр. 225 сл.; И. Тронский, Ист. ант. лит., стр. 405 сл.; В. Модестов. Лекц. по ист. римск. лит., стр. 440 сл.].

Текст: *Albii Tibulli elegiae cum carminibus pseudotibullianis*. Ed. E. Hiller, Lips., 1885. [Более новые издания: *Tibullus, Carmina*, ed. G. Némethy, 1905; *Tibullus*, ed. by I. P. Postgate, 1906; *Catulli, Tibulli Propertii carmina quae extant amnia cura R. Ellis, J. P. Postgate, I. S. Phillimore*, Lond., 1911; русский перевод: А. Фет, *Элегии Тибулла*, изд. 2-е, 1898.

¹ [Ср. Plut., Luc., 24 сл.; App., Mithr., 80 сл.].

² [Ср. Plut., Luc., 23 сл.; App., Mithr., 83].

³ [Ср. Cic., de imp. Cn. Pomp., 3, 8; 4, 9, 22].

⁴ [Ср. Plut., Pomp., 32 сл.; App., Mithr., 100 сл.].

⁵ [Ср. App., Mithr., 110 сл.; Dio, XXXVII, 10—15].

⁶ [Ср. Dio, XLII, 46 сл.].

⁷ [В 46 г. до н. э.].

ЭЛЕГИИ

(ELEGIAE)

III, 4, 91 — упоминается «варварская земля Скифии».

III, 5

(23) ... Да будет мне позволено некогда познать Елисейские поля и чёлы Леты и Киммерийские озера, когда мое лицо побледнеет от морщинистой старости и я, старик, буду рассказывать детям о стародавних временах.

III, 7 (=IV, 1. ПАНЕГИРИК МЕССАЛЕ)

(64) ... Он пришел также к темным твердыням киммерийцев, которым никогда не псевлялся день на светлом востоке, неся ли Феб над землей или под ней.

(146). ... И где Гебр и Танаис орошает гетов и магинов (Magynos)...¹

СЕКСТ ПРОПЕРЦИЙ

Знаменитый элегический поэт августова века, родился около 50 г., умер около 15 г. до н. э. От него сохранились 4 книги элегий; впрочем, некоторые из новых ученых вслед за Лакманом делят их на 5 книг. [См. М. Покровский, Ист. римск. лит., стр. 231 сл.; И. Тронский, Ист. ант. лит., стр. 407 сл.; В. Модестов, Лекц. по ист. римск. лит., стр. 464 сл.].

Текст: Catulli, Tibulli, Propertii carmina rec. Luc. Mueller, Lips., 1870 [Более новое издание см. выше]

ЭЛЕГИИ

(ELEGIAE)

I, 12

(3). ... Она² на столько тысяч шагов отдалена от моего ложа, насколько Гипанис (Hypanis)³ отстоит от венецкого Эридана...

I, 14, 6 — упоминаются в сравнении огромные деревья Кавказа («какими деревьями изобилует Кавказ»).

I, 20

(17) ... Говорят, что некогда Арго, вышедши из пристани Пагасейской, отправился в далекий путь к Фасису...

II, 1

(65) ... Если кто сможет избавить меня от этого порока⁴, тот один сможет передать яблоки в руки Тантала... (69) он же отвяжет руки Прометея от кавказской скалы и прогонит птицу от его груди...⁵

II, 3, 11 — упоминается в сравнении «меотийский снег».

II, 7

(17) ... Ведь отсюда заслужила такое имя моя слава, пронесшаяся до зимних борисфенидов...⁶

¹ Племя магинов неизвестно. «Sugynos Is. Vossius к PPE, стр. 81 Huds., Macrones Müller; ср. Haupt, Opusc., III, 486» (Hiller). «Mosynos» Itali, «Macrones» L. Mueller.

² Т. е. Цинтия.

³ Новейший издатель Проперция (Max Rothstein, Die Elegien des Sextus Propertius, I, Berlin, 1898, стр. 76) думает, что именем Hypanis в этом месте обозначается житель реки Инда.

⁴ Т. е. любви.

⁵ Т. е. орла, который пожирал печень Прометея.

⁶ Употреблено в расширительном смысле, имеющем в виду скифов вообще.

III, 14 [II, 21], 11 — упоминается Язон, который обманул Медею («так Язон, будучи гостем, некогда обманул колхидянку»).

III, 20 [II, 25], 14 — упоминаются «кавказские птицы».

III, 28 [II, 30]

(1) Куда ты бежишь, безумный? Некуда бежать: хотя бы ты убежал даже к Танаису, и туда последует *за тобой* Амур...

III, 28 [II, 30], 20 — упоминаются «эойские берега Гиркацкого моря».

III, 32 [II, 34]

(8) ... Разве не последовала колхидянка за незнакомым *ей* мужем?...

IV, 10 [III, 11]

(9) ... Колхидянка подвела под стальное ярмо огнедышащих быков, посеяла в землю вооруженных бойцов и закрыла свирепую пасть сторожевого змея, чтобы золотое руно пошло в эсонов дом. Свирепая меотиянка Пентесилея¹ дерзнула некогда с коня поражать стрелами корабли данаев...

IV, 10 [III, 11], 68 — упоминается Боспор, «взятый помнеевой рукой».

IV, 11 [III, 12]

(1) Постум, неужели ты мог покинуть плачущую Галлу и в качестве солдата следовать за могущественными знаменами Августа? Неужели так дорога была слава снять доспехи с парфянина, что ты не уступил настоятельным мольбам твоей Галлы? (5) О, если можно, да погибнут одинаково все корыстолюбцы и *все*, кто предпочел оружие верному ложу! Впрочем, ты, безумец, прикрытый наброшенным плащом, в случае усталости будешь пить шлемом воду Аракса...

IV, 13 [III, 14], 13 — упоминается в сравнении:

«Как воинственная толпа амазонок с обнаженными грудям и моется в водах Термодонта».

IV [III], 22

(11) ... Ты можешь ездить со своим гребцом до колхидского Фасиса и сам повторить весь путь пелийского корабля...²

V [IV], 3

(7) ... Тебя видели то бактры при двукратном появлении, то врагневр на броненосном коне и зимние геты...

(47) ... Мне не помешали бы высоты Скифии, когда отец [т. е. Юпитер] холодом сплывает в лед высокие воды эфира...

V [IV], 4, 71 (в сравнении говорится об амазонках):

... Как близ быстрого Термодонта несется Стримонида³, открыв обрезающую грудь...

II[УБЛИЙ] ОВИДИЙ НАСОН

Знаменитый поэт, родился 20 марта 43 г. до н. э. в Сульмоне, в области целигнов, умер, вероятно, в 18 г. н. э. в городе Томах, на западном берегу Черного моря, куда

¹ [Называя дарипу амазонок Пентесилею, борьба которой с Ахиллом, ее убийство и похороны были предметом «Эфиопиды» Арктина, меотиянкой, Проперций следует поздней традиции, выводящей малоазийских амазонок из Скифии].

² [Т. е. посланного дарем Иолка Пелием корабля «Арго»].

³ [Стримонида — по P l i п., NH, V, 147, древнее название Вифинии. Это (у других авторов неупоминаемое) амазонское имя свидетельствует о переносе родины амазонок из западных областей Малой Азии, по мере их освоения греками, на Термодонт].

был сослан Августом в 8 г. н. э. Из его многочисленных произведений, отчасти до нас не дошедших, большинство написано, конечно, до ссылки. Ко времени ссылки относятся «Tristia», «Epistolae ex Ponto» и некоторые другие произведения. [Поэмы Овидия, в особенности, его «Письма с Понта» являются неоцененным источником для истории культуры Северного Причерноморья в начале нашего летоисчисления. Десятилетнее пребывание Овидия в Томах, в непосредственной близости к Скифии и Сарматии, обогатило его сведениями, жизненная свежесть которых может сравниться разве только со знаменитой «Борисфенитской речью» Диона Хрисостома. Известия Овидия ценны прежде всего в историко-бытовом и этнографическом отношении; они проливают свет на этнический и социальный состав «греческих» городов черноморского побережья, тогда как сообщаемая им топонимика и эпитеты, образованные из местных и племенных наименований, дают представление о карте расселения скифо-сарматских и фрако-гетских племен на «левом» берегу Понта, т. е. на западной окраине Северного Причерноморья. Они позволяют в то же время отчетливо судить о взаимоотношениях местного степного населения с пришлыми или также местными, но подвергшимися культурной ассимиляции горожанами-торговцами. Сообщения О в и д и я о засилии «гетского» языка в культурном обиходе причерноморских горожан (ex Ponto, III, 14, 57 сл. и др.) ярче всего свидетельствуют о роли местных этнических элементов в жизни эллинизированных городских общин. В своих поэмах Овидий мобилизует огромный мифологический материал, являясь нередко уникальным передатчиком мифологических версий причерноморских мифов, трактованных в утраченных трагедиях и элегиях поэтов классического и эллинистического времени. Схолиасты Овидия сообщают при этом мифологические подробности некоторых эпизодов аргонавтики, расходящиеся с обычными версиями мифа, выработанными в классическую эпоху (схол. к О в., Ib., 265). Важен Овидий и для чисто политической истории Причерноморья, поскольку он один сообщает имена боспорских династов (Левкона II и Алкафон), неизвестные из других источников. Бесспорно его влияние на последующую литературу, вплоть до Пушкина, причем особенно важны в этом отношении понтийские поэмы Овидия, создающие рельефный образ природы и быта северных берегов Понта, воспринятых глазами римского поэта-изгнанника. См. М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 114, 139; М. М. Покровский, Материалы для характеристики Овидия, ЖМНП, 1901, № 7, стр. 1 сл.; 1907, № 2—4, стр. 43 сл.; Ф. Ф. Зелинский, П. Овидий Насон; введение О в и д и я, Баллады-послания, перевод Ф. Ф. Зелинского, М., 1913)].

ПЕСНИ ЛЮБВИ

(AMORES)

[Текст: P. Ovidii Nasonis, Amorum libri tres ed. Brandt, 1902].

II 16, 39 — упоминается Скифия; 40 — «скалы, которые краснеют от прометеевой крови», т. е. Кавказ.

ПИСЬМА ГЕРОИНЬ

(HEROIDES)

Текст: P. Ovidii Nasonis, Heroides. Ed. Arthur Palmer, Oxford, 1898. [Русский перевод и анализ: О в и д и я, Баллады-послания, М., 1913].

В письмах VI (Гипсипилы к Язону) и XII (Медее к Язону) много говорится о походе Язона в Колхиду. Из письма VI мы решили, что должно извлечь только следующее:

(105—109) ... *Твоего брака с Медеей* не одобряет мать твоя Алкимеда, — спроси ее; не *одобряет его* и отец, к которому явилась сноха от холодного полюса¹. Пусть она ищет себе мужа с Танаиса, из болот сырой Скифии или с родного Фасиса...

XII, 27 — упоминается «снежная Скифия».

XVII (ЕЛЕНУ), 229 — 232

... Все обещал Медее вероломный Язон: но разве она не была *тем не* менее изгнана из эсонова дома². Не было Ээта, к которому вернулась бы обманутая, не *было* матери Идии³ и сестры Халкиопы...

XVIII (ЛЕАНДРА), 143—144; 157—158

... Я завидую Фриксу, которого элаторунный баран безопасно провез по печальным морям...

¹ [Кавказ представляется, таким образом, лежащим на севере].

² [Т. е. из дома Язона отца Эсона в Иолке].

³ [Ср. Hes., Theog., 958 сл.; Apoll. Rhod., III, 48].

... Смотри на эту *звезду* я готов итти в Колхиду, на край Понта и куда бы ни ходил фессалийский корабль [т. е. «Арго»]...

ИСКУССТВО ЛЮБВИ

(ARS AMATORIA)

[Текст: P. Ovidii Nasonis Ars amatoria, ed. Brandt, 1911].

III, 195 — поэт говорит: «но я наставляю девич не от кавказской скалы», т. е. не преобразованных. Там же, 335, он упоминает, что миф о Фриксе и Гелле рассказан Варроном (Атацинским).

ПРЕВРАЩЕНИЯ

(METAMORPHOSES)

Текст: P. Ovidius Naso ex ierata R. Merkelii recognitione, т. II: Metamorphoses, Lips., ap. Teubnerum, 1881. [Более новое издание: P. Ovidii Nasonis Metamorphoses, ed. Magnus, 1914 сл.; Ovide, Les métamorphoses avec la traduction nouvelle par J. Chamonard, 1936. Русские переводы: С. Шервинского, более ранние — Матвеева и А. Фета.

I, 64—65 ... [При распределении ветров] в Скифию и на север вторгся ужасный Борей...

II, 204 — упоминаются холода Скифии и Кавказ; 242 — река Танаис; 249 — «и быстрый Термодонт, и Ганг, и Фасис, и Истр».

V, 642 — 661

(ЛИНК)

... Богиня плодородия¹ подвела к колеснице двух змеев, обуздала удилами их пасти и унеслась по воздуху между небом и землей. (645) Свою легкую колесницу она послала Триптолему в Тритонидский город² и повелела сеять данные *ему* семена частью в необработанную землю, частью в возделанную после долгого *промежутка* времени. Уже юноша пронесся по воздуху над Европой и Азией и пристал к скифскому побережью. (650) Там был царем Линк³; юноша входит в царский дворец. На вопросы, каким *путем* он прибыл, *а также* о причине путешествия, об имени и родине, он сказал: «Моя родина — славные Афины; прибыл я не на корабле по волнам и не ногами по земле: мне был открыт для путешествия эфир. (655) Я несу дары Цереры, которые, будучи рассеяны по широким полям, воздадут плодоносную жатву и кроткую пищу». Варвар позавидовал *этому* и, чтобы сделаться самому виновником такого дара, принял *его* в гости и во время сна напал на него с мечом. Пока он [Линк] собирался пронзить грудь *юноши* [Триптолема], (660) Церера превратила его [Линка] в рысь и повелела мопсопийскому⁴ юноше двинуть по воздуху назад священных подъяремных *змеев*.

VII, 1 — 13; 72 — 158

(МЕДЕЯ)

(1) Уже Минии рассекали море пагасейским⁵ кораблем; *уже* встречен был Финей, влачивший жалкую старость под вечной ночью, и рожденные

¹ [Т. е. Деметра-Церера].

² [Т. е. в город Афины Тритониды, или Тритогеи].

³ [Этот скифский дар с именем, топонимически засвидетельствованным в Эпире, встречается лишь у Овидия и у более поздних, зависящих от него авторов].

⁴ [Т. е. аттический. Мопсопия, по свидетельству Стефана Византийского (s. v. Μοψοπία), — древнее имя Аттики].

⁵ [Т. е. вышедшим из лежащего на Пагасейском заливе Иолка].

Аквилонном юноши прогнали от рта несчастного старца девственных птиц. (5). Испытав много *бедствий* под предводительством славного Язона, они, наконец, достигли быстрых вод тинистого Фасиса. Когда они пришли к царю и потребовали Фриксово руно, им дается повеление (*lexque*)¹, страшное по количеству великих трудов. Между тем дочь Ээта была объята жестоким пламенем; (10) после долгой борьбы, не будучи в состоянии победить страсть рассудком, она сказала: «Напрасно ты борешься, Медея! какой-то бог препятствует; дивно, если не это или какое-либо подобное этому чувство называется любовью»...²

(72) *Так говорила она*, и перед ее очами встали справедливость, любовь к отцу и стыдливость, и уже обращался в бегство побежденный Купидон. Она пошла к древнему алтарю персеевой³ Гекаты, (75) который закрывали *собой* тенистая роща и заповедный лес. Она была уже крепка, и страсть была далека от нее, как вдруг она увидела Эсонида, и погасшее пламя снова возгорелось. [Щеки ее покраснели, все лицо побледнело. Как ничтожная получает питание от ветра (80) искра, тлевшая под насыпанным пеплом, растет и, раздуваясь, возвращается к прежней силе, так уже успокоившаяся любовь ее, повидимому уже заглохшая, возгорелась при первом взгляде на юношу]. Случилось так, что в этот день сын Эсона был красивее, чем обыкновенно: (85) *этим* можно было бы извинить влюбленную. Она смотрит, не сводит глаз с его лица, как бы тогда только *впервые* увидела его, в *своем* безумии думает, что видит лицо не смертного человека, и не может от него отвернуться. Когда же начал говорить и взял ее за руку (90) гость, приниженным голосом попросил помощи и обещал за *это* брак, она, обливаясь слезами, молвила: «Я вижу, что делать; меня обманет не неведение истины, а любовь; ты будешь спасен нашим даром, но, спасенный, исполни обещание». Клянется святыней трехликой (95) он богини, божеством, пребывавшим в той роще, всевидящим отцом будущего тестя, своими приключениями и великими опасностями. Ему поверили, и он тотчас получил наговоренные травы, был научен их употреблению и весело удалился в пустыню.

(100) Следующая заря прогнала мерцающие звезды. Народы стекаются на священное Марсово поле и становятся на холмах. Посредине толпы сел сам царь в пурпурном одеянии, отличаясь *от прочих* скипетром из слоновой кости. Вот извергают пламя из железных поздрей (105) медноногие быки, и горят травы, тронутые их жарким дыханием. Как шипят наполненные очаги или кремни, когда они в земляной печи распадаются на *куски* и загораются при обрызгивании водой, — так их груди, в которых клубится скрытое пламя, (110) и раскаленные глотки шипят. Однако сын Эсона выступает против них. Они свирепо повернули к идущему свои страшные морды и рога с железными остриями, стали бить пыльную землю раздвоенными копытами и огласили местность дымоносным мычанием. (115) Минии оцепенели от ужаса. Но он подходит, не чувствуя выдыхаемого пламени, — такова сила зелий! — треплет смелой рукой висячие подгрудки и, подведя под ярмо, принуждает тащить огромную тяжесть плуга и взрывать железом непривычное поле. (120) Колхи дивятся, а Минии криками поддерживают и усиливают смелость Язона. Затем он берет в медный шлем змеинные зубы и засеивает ими вспаханное поле. Земля размягчает семена, напитанные сильным ядом, посеянные зубы растут и превращаются в новые тела. (125) Как дитя в чреве матери принимает человеческого вид, слагается внутри *него* в течение положенного срока

¹ Кодексы варьируют между *usque, visque, voxque, lexque*.

² Я опустил стихи 14—71, содержащие то, что Медея говорит сама с собой.

³ [Т. е. дочери Перса, сына Гелия и Персиды (A p o l l o d., I, 83)].

и, только созревши, выходит на общий *всем* воздух, так *и здесь* посев, приняв человеческий вид в недрах обремененной *им* земли, вырастает на плодородном поле (130) и, что еще более дивно, вместе с появлением *на свет* потрясает оружием. Когда пеласги¹ увидели, как они собирались направить в голову гемонийского² юноши свои копья с острыми лезвиями, — они от страха опустили глаза и *пали* духом. Даже та, которая защищала его от опасности, сама перепугалась (135) и, видя, что такое множество врагов устремляется на одного юношу, побледнела и вдруг села, похолодев *от ужаса* и без кровинки *в лице*. Чтобы данные ею зелья не были *слишком* слабы, она произносит вспомогательное заклинание и призывает *на помощь свои* таинственные чары. *Между тем* Язон, бросив в середину врагов тяжелый камень, (140) отвращает от себя Марса и направляет на них самих. Рожденные землей братья гибнут от взаимных ран и падают в междоусобном бою. Ахейцы приветствуют победителя и сжимают его в жадных объятиях. И ты, варварка, желала бы обнять победителя; (145) [*хотя* этому желанию помешала стыдливость, ты все-таки обняла бы его, но боязнь *дурной* молвы удержала тебя от исполнения]. Что возможно, — ты молча с радостью смотришь на него и благодаришь *свои* заклинания и внушивших их богов.

(149) Остается усыпить травами неусыпного дракона, (150) [который, отличаясь гребнем, тремя языками и кривыми зубами, был страшным стражем золотого дерева]. Когда *Язон* осыпал его зельями с соком Леты и трижды произнес слова, производящие тихий сон, останавливающие взволнованное море и бурные реки, — (155) снизошел сон на незнавшие его очи, и Эсонов герой овладел золотом. Гордясь добычей и везя с собой другую добычу, виновницу дара, победитель вступил с супругой в гавань Иолка.

159—424 — поэт рассказывает другие деяния Медеи; 407 — упоминается аконит, который некогда Медея привезла с собой со скифских берегов.

VIII, 787 — 791; 796 — 798

(ЭРИСИХТОН)

... [Церера] обращается к сельской ореаде с такими словами: «Есть местность у крайних пределов ледяной Скифии, печальная почва, земля бесплодная, без посевов и без деревьев; там живут вялый Холод, Бледность, Дрожь и тощий Голод ...» — Она [т. е. ореада], пронесшись по воздуху на данной *ей* колеснице, прибыла в Скифию и освободила *от ярма* шееи эмеев на вершине суровой горы, *которую* зовут Кавказом...

X, 588 — бегущая Атланта сравнивается со скифской стрелой.

XI, 592 — 696

(СОН)

... Есть вблизи киммерийцев глубокая пещера в полой горе, жилище и святилище ленивого Сна. Туда никогда не может проникнуть своими лучами ни восходящий, ни достигший середины пути, ни заходящий Феб. Из земли испаряются облака, смешанные с туманом, и *вечно парят* сумерки неясного дня...

XIV, 331 — упоминаются нимфы, «которые населяют богатое рощами царство скифской Дианы и соседние озера».

¹ [Пеласгами Овидий называет Миниев, происходивших из Фессалии, где находились Пеласгический Аргос и область Пеласгиотида].

² [Naïmonia, согласно Plin., NH, IV, 14, — область, идентичная с фессалийской Пеласгиотидой, символизирующая в данном случае Фессалию вообще, как родину Язона].

XV, 285 — 286

Что же? разве берущий начало из Скифских гор Гипанис¹, бывший раньше пресным, не портится горькими солями?²

XV, 337 — 339

... *Корабль «Арго»* боялся Симплегад, разъединенных столкновением сшибающихся волн, а ныне они стоят неподвижно³ и сопротивляются ветрам...

XV, 356 — 360

Существует поверье, что на Гиперборейской Паллене⁴ есть люди, тела которых обыкновенно покрываются легкими перьями, когда они девять раз погрузятся в Тритонское озеро⁵. Упоминают, — *хотя* я этому не верю, — что и скифянки упражняются в таком же искусстве, обрызгивая свои тела зельем...

XV, 755 сл. — поэт упоминает Цезаря, который «Понт, гордый Митридатовой славой, подчинил народу Квирина».

ПЕЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

(TRISTIA)

Текст: P. Ovidii Nasonis Tristium libri V. Recensuit S. G. Owen, Oxonii, 1889. [Старое, но хорошо комментированное издание: Loers, 1869]. Новое издание: Ovide, Tristes, Pontiques, Ibis. Noyer, Halieutiques avec la traduction par E. Ripert, 1937.

I, 2, 83 — 86

Я осужден пристать к диким берегам левой⁶ стороны Понта — и жалуюсь, что мое путешествие с родины так медленно. Чтобы увидеть томитов⁷, живущих на неведомом краю света, я стараюсь сократить путь своими мольбами...

II, 185 — 204

I, 3, 61 — поэт говорит: «ведь Скифия, куда нас посылают»; I, 5, 62 — он говорит, что уносится «к Гетским и Сарматским заливам».

Если ты дашь мне, по моей просьбе, более мягкое и близкое *место* ссылки, то будет облегчена большая часть моего наказания. Я терплю крайние *муки*, будучи выброшен среди врагов, и ни один изгнанник не находится дальше от родины. Я один, сосланный к истокам семиустного Истра, живу под холодным небом паррасийской девы⁸. Хотя другие

¹ [Ср. у Геродота IV, 52, согласно которому Гипанис берет начало в озере, называемом матерью Гипаниса, идентичном, по Ptol., Geogr., III, 5, 6, Амадокскому озеру].

² [Ср. Нег., IV, 52].

³ [У Ном., Od., XII, 59 сл., Симплегады (Планкты) представлены подвижными, несмотря на то, что через них прошел «Арго» на возвратном пути из Колхиды. Лишь у Аролл. Rhod., II, 605, впервые изложена та версия, которой придерживается Овидий: Симплегады остановились и стали неподвижны, как только через них проскользнул корабль «Арго»].

⁴ [Паллена — западный мыс полуострова Халкидики, называемая Овидием Гиперборейской ввиду ее положения на севере Эгейского моря, а также ввиду причастности городов македонского побережья к «гиперборейскому» культу Аполлона].

⁵ [Отождествляется с озером Шотт эль Джерид в Северной Африке близ залива Малый Сирт].

⁶ [Для плывущих с юга от Босфора].

⁷ [Т. е. жителей городка Томы, милетской колонии на фракийском берегу Черного моря на месте современного селения Кюстендже].

⁸ [Т. е. Артемиды; «паррасийский» в качестве эпитета является синонимом «арнадского»].

изгнаны тобой за более тяжкие вины, но никому не указана более отдаленная земля, чем мне. За ней нет уже ничего, кроме стужи, врагов, (194) и морских волн, застывающих от крепкого мороза. Доселе левая часть Эвксина принадлежит римлянам, (196) а ближайшие *земли* занимают бастерны и савроматы. Сидоны (Sidones)¹, колы (Coli)², тибаренские (Tibarenae)³ полчища и геты едва сдерживаются протекающими между ними водами Данувия⁴. Это самая последняя земля из находящихся под авсонскими⁵ законами; она едва (200) держится на краю твоей державы. Я на коленях умоляю тебя выслать меня в безопасное *место*, чтобы у меня вместе с родиной не был отнят и покой; чтобы я не боялся народов, которых с трудом удерживает Истр, и чтобы я, твой гражданин, не мог попасть в плен к врагу...

II, 439 — 440

... Тот, кто привел «Арго» в воды Фасиса, также не мог умолчать о тайнах своей Венеры...

III, 2

(1) Итак, нам было написано на роду посетить и Скифию, и землю, лежащую под ликаонийским небом...⁶ (7). Претерпев множество опасностей на море и на суше, я нахожусь в Понте, палимом вечной стужей...

III, 3, 1 — 12

Если ты, быть может, удивляешься, почему это послание написано чужой рукой, — я был болен. Я был болен в крайних пределах неизвестного света и почти не верил в свое выздоровление. Представляешь ли ты себе, каково теперь у меня состояние духа, когда я лежу в суровой стране между савроматами и гетами? Я не выношу *здешнего* климата, не привык к этой воде, и сама земля мне не нравится, не знаю почему. Здесь нет достаточно удобного дома, нет полезной для больного пищи, *нет* никого, кто облегчил бы боль Аполлоновым искусством, нет друга, который утешил бы *меня* и своей беседой заставил забыть медленно текущее время...

III, 4, 43 — 46

Живи без зависти... и люби имя твоего Насона, которое одно до сих пор не изгнано; остальным владеет скифский Понт.

III, 4^b, 47 — 52

Я живу в стране, весьма близкой к звездам Эримантской (Erymanthidos)⁷ медведицы, в земле, сжигаемой крепким морозом. Выше нее лежат

¹ «Sidones я предложил» (Owen). Рукопись: Ciziges, gizizes, Zaziges, Sariges; Iazyges — римское издание 1471 г. Сидоны, как часть племени бастарнов, засвидетельствованы на Нижнем Дунае у Strabo, VII, 3, 12, и Ptol., Geogr., II, 11, 10. Они должны быть идентичны упомянутому у Apoll. Rhod., IV, 322, при описании возвратного плавания аргонавтов по реке Истру синам. Однако ввиду того, что племя это упоминается у Овидия в окружении западнокавказских колов и северокашапокийских тибаренов, в сидонах может быть заподозрено одноименное племя, упомянутое у Plin., NH, VI, 11, как обитающее в Понте; оно связано, вероятно, с областью Сиденой].

² «Coli предложил я» (Owen). Рукопись: Cholchi.

³ «Tibarenae предложил я» (Owen). Рукопись: Methoreaque.

⁴ «Этот дистих я перенес сюда, его поместил после 194 (196) на основании C. Schenkely Goethling, после 200 Riese; весь дистих незаслуженно уничтожают Schrader, Merkel, Ehwald» (Owen).

⁵ [Т. е. римскими].

⁶ [Употреблено в смысле северного неба. Созвездие Медведицы именуется у Овидия Arctos Lycaonia (Ov., Fasti, III, 793; ср. Call., Hymni, I, 41. Ср. RE, XIII, 2, 2249).

⁷ [Erymanthia (ср. Hom., Od., VI, 102) — эпитет Артемиды, богини аркадского Эриманта, священным животным которой была медведица].

Босфор, Танаис, скифские болота и немногие имена едва известных областей. Еще далее нет ничего, кроме невозможного для жизни холода. Увы, как близок ко мне край земли!...

III, 9 (Полностью)

Итак, я здесь есть — кто бы мог *этому* поверить? — греческие города между именами бесчеловечного варварства; и сюда пришли высланные Милетом поселенцы и поставили греческие дома в *земле* гетов. (5) Но известно, что исконное и существовавшее раньше основания города название этого места произошло от убийства Абсирта¹. Именно, безбожная Медея, бежавшая от покинутого отца на корабле, который был построен заботой воинственной Минервы и первым пробежал по нетронутым водам, (10) причалила, как говорят, на веслах в этих водах. Дозорный, с высокого кургана увидев его [т. е. отца], сказал: «Является гость из Колхиды, я узнаю *его* паруса». Пока трепещут Минии, пока отвязывается от насыпи канат, пока вытященный якорь следует за торопливыми руками, (15) колхидянка в сознании *своих* деяний ударила в грудь рукой, которая уже отважилась и еще должна была отважиться на многие злодеяния, и, хотя в ее душе оставалась величайшая смелость, все-таки бледность разлилась по лицу пораженной девы. Увидев приближающиеся паруса, «Мы попались», (20) надо задержать отца какой-либо хитростью», — сказала *она*. Пока она искала, что делать, и на все обращала свои глаза, случайно взоры ее упали на брата. Заметив его присутствие, она сказала: «Мы победили! вот он своей смертью послужит мне ко спасению». (25). Тотчас она пронзает хладным мечом бок *брата*, не знавшего *ее замысла* и не боявшегося чего-либо подобного. Она рассекает *его тело на части* и разбрасывает рассеченные члены по полям так, чтобы их можно было находить во многих местах. Дабы отец не остался в неведении, она выставляет на высоком утесе (30) бледные руки и окровавленную голову, чтобы отец был задержан новой скорбью, и, собирая безжизненные останки *сына*, замедлил *свой* печальный путь. Отсюда это место названо Tomis, так как на нем, по преданию, сестра разрубила на части своего брата².

III, 10 (Полностью)

Если у вас кто-либо помнит доселе о ссыльном Насоне и мое имя продолжает жить без меня в городе, — пусть тот знает, что я живу под звездами, никогда не касающимися морской поверхности³, в самой середине варварства (5). Нас окружает дикое племя савроматов, бессы⁴ и геты, о, сколь недостойные моего таланта имена! Все-таки, пока воздух тепел, мы защищаемся текущим между нами Истром: он своими прозрачными водами устранил войны. Но когда печальная зима выставит *свое* окоченелое лицо, (10) и земля побелест под мраморным инеем, когда дует

¹ [Овидий имеет в виду происхождение наименования города Томи, в котором он жил. Распространенную в древности и засвидетельствованную мифографами (см. Steph. Byz., s. v. Τομεΐς) этимологию этого имени от греческого глагола τέμνω Овидий разъясняет ниже в этой же песне].

² [Эта возникшая в Причерноморье и распространявшаяся позднеэллинистическими мифографами версия убийства брата Медей Апсирта (см. Apollod., Bibl., I, 9, 24) представлена у Овидия также еще и в Heroid., VI, 129 сл.; XII, 113 сл. Ср. Cic., de imp. Sp. Rom., 22].

³ (Т. е. под никогда не заходящей Полярной звездой и окружающими ее созвездиями, находящимися у Северного полюса).

⁴ Фракийское племя, впервые упомянутое у Нег., VII, 112, возвысившееся над другими фрако-скифскими племенами и занявшее обширную территорию на Нижнем Дунае лишь в позднеэллинистическое время, в эпоху войн Филиппа V с Римом].

(*patet*)¹ Борей и лежит на севере выпавший (*iniecta*)² снег³, — тогда Истр допускает, чтобы «по нем» ездили конем на тряской телеге. Снег лежит *на земле*, и, чтобы он не растаял от солнца и дождей, Борей скрепляет его и делает вечным. (15) Не успевает растаять один, как выпадает другой, и во многих местах он часто остается по две зимы [т. е. от одной зимы до другой]. Сила возбужденного аквилона такова, что он равняет с землей высокие башни и уносит сорванные крыши. *Жители* защищаются от жестоких холодов звериными шкурами и сшитыми штанами, — (20) из всего тела у *них* остается открытым одно только лицо. Волосы часто звенят при движении от висящих *на них* ледяных сосулек, и блестит борода, побелевшая от насевшего инея. Вино, вынутое *из сосуда*, стоит, сохраняя форму сосуда, и пьют его не глотками, а розданными кусками. (25) Что мне сказать о том, как замерзают скованные холодом ручьи и из озер выкапываются хрупкие воды? Самый Истр, не уступающий шириной папиросной реке⁴ и впадающий в пространное море многими устьями, под влиянием ветров, сковывающих его лазурные воды, (30) замерзает и ползет в море скрытыми водами. Там, где плавали суда, теперь ходят пешком, и конское копыто ударяет волны, скрепленные стужей. Сарматские быки везут варварские повозки по новым мостам поверх текущих волн. (35) Мне, пожалуй, не поверят, но так как за ложь нет никакой награды, то очевидец должен иметь полное доверие к себе: мы видели, как необъятное море покрылось льдом и скользкая кора сжимала недвижные воды. Мало того, что мы видели: мы ходили по твердой воде, (40) и под незамоchenной ногой была поверхность волны. Если бы у тебя, Леандр, некогда было такое же море, то узкий пролив не был бы виной твоей смерти⁵. Тогда и изогнутые дельфины не могут подниматься на воздух: крепкий лед сдерживает их попытки. (45). И хотя бы Борей шумел, размахивая крыльями, не будет ни одной волны на скованной бездне; корабли будут стоять у берега (*marginе*)⁶, запертые морозом, и весло не сможет рассекать оледенелых вод. Я видел, как рыбы, *словно* связанные, неподвижно стояли во льду, (50) но часть их и тогда была жива. Итак, когда свирепая сила чрезмерного Борей сковывает или морские, или выступающие из речных берегов воды, тотчас по уравниному сухими аквилонами Истру наезжает враг-варвар на быстром коне. (55) Враг, сильный конем и далеко летящей стрелой, широко опустошает соседнюю землю. Одни *из жителей* разбегаются, и с покинутых без охраны полей разграбляются необерегаемые богатства — жалкие богатства деревни, т. е. скот, скрипучие повозки (60) и пожитки бедного поселянина. Часть *жителей* уводится в плен со связанными за спиной руками, тщетно оглядываясь на деревни и свои жилища, а часть гибнет жалкой смертью, пронзенная зазубренными стрелами, — потому что в летучем железе имеется впитанный яд. (65) Чего *враги* не могут унести или увезти с собой, то уничтожают, и вражье пламя жжет неповинные хижинны. Даже в мирное время жители трепещут от ужасов войны, и никто не бороздит почвы, налегая на плуг. Эта местность или видит врага, или боится невидимого, (70) и покинутая земля бездейственно пустует, покрываясь густой плесенью. Здесь сладкий грозд не прячется под тенью листьев, и бродящее сусло не наполняет глубоких чанов. Страна не производит яблок, и Аконтию не на чем было бы написать

¹ «*Parat* предложил я» (O w e n).

² Другая группа кодексов: *habitare*.

³ [Точный перевод: «когда открыта дорога и Борей и нападавшему на севере снегу» — чисто овидиевское повторение глагола «*patet*»].

⁴ [Т. е. Нилу].

⁵ [Намек на легенду о Геро и Леандре, изложенную у O v., Нер., XVIII, 19].

⁶ Другая группа кодексов: *marmore*.

слова, *предназначенные* для прочтения его возлюбленной¹. (75) Виднеются поля без зелени, без деревьев... О места, которые не следует посещать счастливому человеку! И вот, хотя так широко раскинута огромная земля, эта *именно* страна найдена для моего наказания!

III, 11, 7 — 14

(7) Меня видит варварская земля, неприветливые берега Понта и Меланийская² медведица со своим Бореєм. У меня нет общности языка с диким народом, (10) и все места полны беспокойного страха. Как дрожит от ужаса быстроногий олень, схваченный жадными медведями, или овца, окруженная горными волками, так и я, отовсюду стесненный воинственными племенами, пребываю в страхе, ибо враг чуть не давит мои бока...

III, 12

(1) Уже зефиры уменьшают холода, и по прошествии года удаляется (*abscedit*)³ с трудом (*vix*)⁴ слишком длинная танаисская (*Tanaitis*)⁵ зима. ... (13) В тех местах, где есть виноградная лоза, на ветвях *ее* надуваются почки: ибо далека лоза от гетского берега; и в тех местах, где есть деревья, на деревьях наливаются ветви: ибо деревья далеки от гетских пределов... (27) Я чувствую, что снег растаял от вешнего солнца, и что воды уже не вырубаются твердыми из озера; море уже не сковано льдом, и через Истр, как раньше, (30) савроматский волопас *уже* не гонит скрипучих повозок. Сюда все-таки начнут приходить какие-нибудь корабли, и у берегов Понта окажется судно из чужой земли. Я поспешу навстречу моряку и, подозревавшись, спрошу, зачем он прибыл, кто он и из каких мест. (35) Правда, удивительно *будет*, если он не из ближней страны и не проехал безопасно *только* по соседним водам. Редко пересезжает моряк из Италии столь широкое море, редко приходит к этим берегам, лишенным гаваней...

III, 13, 25 — 29 (Конец)

... Если, однако, нам можно о чем-нибудь просить на этом свете, — не возвращаясь больше, молю тебя, в эти места, пока меня держит почти самая отдаленная из земель, Понт, ложно названный Гостеприимным⁶.

III, 14, 37 — 52 (Конец)

Здесь нет изобилия книг, которыми я мог бы побуждаться к *созданию новых произведений* и пытаться: вместо книг звенят *тут* луки и доспехи. Если бы я стал читать вслух *свои* стихотворения, в этой земле нет никого, чьи уши могли бы понимать меня. Нет места и для уединенных прогулок: стража на стене и запертые ворота удерживают враждебных гетов. Часто спрашиваю я о каком-нибудь слове, имени или месте, и нет никого, у кого я мог бы осведомиться. Когда я пытаюсь что-нибудь высказать, — стыдно сознаваться! — у меня не хватает слов, я отвек говорить. Вокруг меня звучит почти только фракийская и скифская речь, и я, кажется, могу писать гетскими размерами. Поверь мне, я боюсь, чтобы понтийские слова не

¹ [Легенда об Аконтии и Кидиппе изложена у О в., Пер., XX, 21].

² [Эпитет, образованный от имени горы Менала в Аркадии. Ср. О в., Fasti, II, 192; ср. A p o l l. R h o d., I, 168].

³ *abscedit* предложил О w e n: кодексы: *antiqua* или *antiquis*.

⁴ *vix* предложил О w e n, сравнив с S e n., Oed., 43; кодексы: *ipsa* или *visa*.

⁵ *Tanaitis* предложил О w e n, сравнив с S e n., Phaedra, 399; кодексы: *meoptis*, *meothis*, *maeotis*.

⁶ [Овидий предполагает у своего читателя знание того обстоятельства, что Черное море, по греческой традиции, до того как оно было названо «Гостеприимным» (Эвксинским) Понтом, называлось «Негостеприимным» (Πόντος "Ἀξενος)].

были смешаны с латинскими и чтобы ты не прочитал их в моих сочинениях. Поэтому удостой милости эту книжку, какова бы она ни была, и извини ее условиями моей судьбы.

IV, 1

(19). И мне облегчает Муза путь к назначенным местам Понта; она одна осталась спутницей нашей ссылки; она одна не боится ни засады, ни меча синтийского¹ воина, ни моря, ни ветров или варваров...

(67) ... Как ужасно жить среди бессов и гетов тому, кто постоянно был на устах у народа! Как ужасно охранять жизнь воротами и стенами (70) и едва быть безопасным благодаря крепости своего места. Я в молодости избежал суровых состязаний военной службы и брал в руки оружие только для игры; теперь, на старости лет, я подставляю бока под меч, левую руку под щит и мои седины под шлем. (75) Ибо чуть часовой с дозорной вышки подаст сигнал тревоги, мы тотчас дрожащей рукой надеваем доспехи. Свирепый враг, вооруженный луком и напитанным ядом стрелами, осматривает стены на тяжело дышащем коне; и как хищный волк овечку, не успевшую укрыться в овчарне, (80) несет и тащит по пажитям и лесам, так враждебный варвар захватывает всякого, кого найдет в полях, еще не принятого оградой ворот: он или уводится в плен с колодкой на шее, или гибнет от ядовитой стрелы. (85) Здесь скрываюсь я, новый житель беспокойного поселения. Увы, как медленно *тянется* время моей судьбы! И все-таки я вернулся к метрам и старинным святыням: гостеприимная Муза поддерживает *меня* в столь тяжких горестях! Но *здесь* некому мне прочесть вслух мои стихи и некому (90) воспринять своими ушами латинские слова... (93) Я часто говорил себе: «Для кого теперь этот труд и работа! Или мои писания будут читать савроматы и геты?..»

IV, 4, 55 — 88 (Конец)

Меня держат холодные берега Эвксинского Понта; у древних он назывался Аксином², ибо неумеренными ветрами волнуется его поверхность, и не в тихие гавани входишь ты, о чужеземный корабль. Кругом живут племена, которые кровью ищут добычи, и земля внушает страх не меньше ненадежной воды. Те, которые, по слухам, наслаждаются человеческой кровью, живут почти под тем же холодным небом. Недалеко от нас место, где таврический алтарь луконосной богини окропляется жестокими убийствами. Здесь раньше, как говорят, было царство нечестивого Тоанта, не завидное и не желательное для добрых. Здесь дева пелопсова *рода*³ за подставленную лань стала совершать священнодействия своей богине, каковы бы они ни были. Затем сюда прибыл Орест — неизвестно, благочестивый или преступный, — сам изгнанный своими фуриями, и фокейский спутник *его*, образец истинной любви; это были два тела, но одна душа. Они тотчас были связаны и приведены к печальному алтарю, который стоял, покрытый кровью, перед двустворчатыми дверьми. Ни того, ни другого не пугала его собственная смерть, оба они были опечалены *предстоявшей* смертью друга. Жрица уже стояла с обнаженным ножом, и варварская повязка *уже* окружала головы греков, как вдруг Ифигения по разговору узнала брата и вместо смерти раскрыла ему объятия. Она с радостью перенесла образ богини, возненавидевшей

¹ [Синты — фракийское племя, упомянуто в качестве пограничного с пеонами у Нег., V, 3 («фракийцы выше крестован») и Thuc., II 98, 1. Позднее, в связи с войнами позднемacedонских царей, упоминаются у Liv., XXVI, 25, 3; XLII, 57, 7; XLIV, 46, 1].

² [См. выше, III, 13, 29, прим.].

³ [Т. е. Ифигения, отец которой Агамемнон был потомком Пелопса].

кровавые священнодействия, из тех мест в лучшие. Итак эта страна, лежащая почти на краю великого мира, *страна*, из которой бежали люди и боги, — близка мне. Вблизи моей земли (*aquae mea terra prope*)¹ находятся убийственные святыни, если только варварская земля — своя для Насона. О, если бы ветры, которыми унесен Орест, унесли назад и мои паруса, когда умилосярдится бог!

IV, 6

(45) ... Здесь нет вида города Рима, нет желанных товарищей, нет супруги, которая мне дороже всех. *Зато* есть скифская чернь и толпа одетых в штаны гетов...

IV, 10

(93) ... Уже, по прошествии лучших лет, пришла ко мне седина и смешалась с прежними волосами... (97), когда гнев оскорбленного государя повелел мне искать томитов, живущих на левой стороне Эвксинского моря ... (100) Наконец, после долгих странствий, я коснулся Сарматского побережья, смежного с луконосными гетами. Здесь, хотя вокруг меня звенит оружие соседей, я облегчаю печальную судьбу какой могу песней. Хотя *здесь* нет никого, до чьих ушей она могла бы донестись, (114) но все же таким образом я коротаю и обманываю каждый день...

V, 1, 1—2 — упоминается «гетский берег»; 13 — «сарматские страны»; 21 — «предель скифского Истра»; 74 — савроматы.

V, 2

(61) Ты повелел мне, высланному, посетить понтийские поля и разрезать скифские воды ссыльной кормой. По *этому* повелению я прибыл на безобразные берега Эвксинского моря — страна эта лежит под ледяным полюсом, — (65) и меня не столько мучит вечно холодное небо или земля, постоянно палимая белым морозом, или то, что варварский язык не знает латинского слова и что греческая речь забита гетскими звуками, — как то, что я отовсюду стеснен близкой смертью (70) и *что* низкая стена едва делает безопасным *меня* от врага. Иногда, правда, бывает мир, но никогда — веры в мир: так это место то терпит от *вражеского* оружия, то боится его...

V, 3

(1) Если только время меня не обманывает, нынешний день — тот, в который поэты обыкновенно празднуют тебя, Вакх, ради праздника украшают головы душистыми венками и за чашей твоего вина воздают тебе хвалу. Я помню, что пока мне позволял мой рок, я часто бывал между ними не неприятным для тебя участником; а ныне я под звездами киносурской² медведицы живу на Сарматском побережье, смежном с грубыми гетами. Раньше я вел изнеженную и свободную от трудов жизнь в занятиях и хоре Пиерид, а ныне вдали от отчизны слышу вокруг *себя* звон гетского оружия, претерпев предварительно много *бед* на море и много на суше...

V, 3, 21—22 — поэт говорит, что Вакх прибыл «вплоть до снежного Стримона, до страны почитающего Марса гета».

V, 4

(7) Если кто желает узнать причину печали *Насона*, — то он просит, чтобы ему показалось солнце; он не видит ни зелени в лесах, ни мягкой травы на открытом лугу, ни воды в полноводной реке...

¹ *Aquae* предложил Owen; кодексы: *a'quae*.

² [Киносура — наименование созвездия Малой Медведицы, засвидетельствованное A. r. a. t., XXXVI, 52].

V, 7

(1) Письмо, которое ты читаешь, пришло к тебе из той страны, где широкий Истр сливается с морскими водами.

(9) Тебе интересно знать, каково население Томитанской области и среди каких нравов я живу. Хотя на этом побережье перемешаны греки и геты, но все-таки оно больше имеет облик плохо замиренных гетов. Большое количество сарматского и гетского народа движется на конях взад и вперед по улицам. (15) Между ними нет ни одного, кто не носил бы налучья, лука и синеватых от змеяного яда стрел. Грубый голос, свирепое лицо — истинный образ Марса; ни волосы, ни борода не подстрижены ничьей рукой, десница всегда готова наносить раны, вонзая нож, (20) который всякий варвар носит на привязи у бедра.

(43) Смотрю ли я на местность, — местность неприветлива, печальнее ее ничего не может быть в целом свете; *смотрю* ли на людей, — люди едва достойны этого имени, имеют в себе больше дикого зверства, чем волки: они не боятся законов, но правда уступает силе, и побежденные права лежат под воинственным мечом. *Звериными* шкурами и широкими штанами они защищают себя от жестоких холодов, (50) их страшные лица закрыты длинными волосами. У немногих существуют *еще* остатки греческого языка, но они уже стали варварскими под действием гетских звуков. В этом народе нет ни одного человека, который мог бы случайно произнести несколько обыденных слов по-латыни. Я сам, римский певец, — простите, Музы! — вынужден большей частью говорить по-сарматски. Со стыдом признаюсь, что вследствие долгой отвычки у меня самого уже едва подбираются латинские слова. Я не сомневаюсь, что в этой книжке есть не мало варварских выражений: это вина не человека, а места...

V, 10

(1) *Уже* трижды становился от холода Истр, и трижды твердела волна Эвксинского моря с тех пор, как мы находимся на Понте... (14) Совершает ли общее всем время свое обычное движение, и не обратилось ли вспять (*versa*)¹ время моей жизни с тех пор, как меня держит берег Эвксина с ложным именем² и поистине левая³ земля Скифского моря? (15) Кругом грозят жестокими войнами бесчисленные племена, которые считают позорным для себя жить не грабежом. Вне *города* ничто не безопасно: самый холм защищается небольшими стенами и своим положением. Враг густыми толпами, подобно птицам, когда меньше всего ожидаешь *его*, (20) налетает и уводит добычу, едва замеченный. Мы часто собираем посреди улиц ядовитые стрелы, залетающие внутрь стен при запертых воротах. Поэтому редко кто осмеливается обрабатывать землю, да и тот несчастный одной рукой пашет, а в другой держит оружие. (25) Пастух со шлемом *на голове* играет на скрепленных смолой тростинках, и пугливые овцы вместо волка боятся войн. Мы едва защищены укреплением, и все-таки внутри города внушает страх смешанная с греками толпа варваров: ведь вместе с нами без всякого различия живут (30) варвары и занимают большую часть домов. Если бы не бояться их, то можно было бы ненавидеть, видя тела, прикрытые шкурами и длинными волосами. Тех, которые считаются происходящими из греческого города, также вместо отечественного убранства прикрывают персидские штаны. (35) Они могут объясняться на соседнем

¹ *versa* предложил Owen; кодексы: *dura* или *longa*.

² [Ср. выше, III, 13, 29 и прим.].

³ Игра слов: *sinister* значит «левый» и «неприятный, враждебный».

языке, а мне приходится обозначать предметы жестами. Здесь я — варвар, так как никто меня не понимает, и глупые геты высмеивают латинские слова...

V, 12

10 — поэт говорит о себе: «один я получил приказ удалиться к живущим на краю света гетам» и 20 — «меня держит это место, окруженное бесчисленными врагами».

(51) Но думаю, если я, безумный, снова примусь за роковое занятие, то здешняя местность доставит оружие для стихотворения. Здесь нет ни одной книги, нет *человека*, который бы слушал меня и понимал, что значат мои слова. (55) Все *эти* места полны страха перед варварством, звериным голосом и враждебными звуками. Мне уже кажется, что я сам разучился *говорить* по-латыни, потому что научился говорить по-гетски и по-сарматски...

V, 13, 21 — упоминается «седая полынь ледяного Понта».

ПИСЬМА С ПОНТА

(EPISTULAE EX PONTO)

Текст: P. Ovidius Naso ex iterata K. Merkelii recognitione, III. Lips., Teubn., 1885. Новое издание: [P. Ovidii Nasonis Epistulae ex Ponto, ed. F. W. Lentz, 1938].

I, 2

(15) ... Я живу между врагами и среди опасностей, как будто вместе с родиной у меня отнят и мир: они для того, чтобы жестокой раной удвоить причины смерти, все стрелы намазывают змеиным ядом. Вооруженный ими всадник осматривает стены перепуганного города, (20) подобно волку, обходящему запертых овец. И как только запоем легкий лук с натянутой тетивой из конской жилы, всегда имеющий неразрывные связи, — кровли щетинятся, усеянные вонзенными стрелами, и ворота крепким запором едва сдерживают *вражье* оружие. (25) Прибавь *к этому* вид местности, не оживленной ни зеленью, ни деревьями, и то, что *одна* безжизненная зима следует за другой. Здесь *уже* четвертая зима томит меня в борьбе с холодом, со стрелами и с моей *горькой* участью...

(43) Но можно думать, что когда наступает покой и сон *как* всеобщее облегчение забот, то ночь приходит без обычных бед. *Увы*, меня пугают сновидения, воспроизводящие действительные случаи, и мои чувства бодрствуют к моему вреду: мне снится, что я или спасаюсь от сарматских стрел, (48) или в плену подставляю руки жестоким оковам...

(73) Ведь Цезарь не знает, — хотя бог знает все, — каковы условия *жизни* на этой отдаленной окраине. Это божество занимают великие предприятия, а забота об этом *месте* недостойна небесной груди. Ему некогда узнавать, в какой области живут томиты, — эти места едва известны соседнему гету, — или что делают савроматы, острые язиги (80) и Таврическая земля, чтущая Орестову богиню, или какие другие племена, когда Истр станет от холода, переправляются на быстрых конях по твердому хребту реки. Наибольшая часть *здешних* людей не думает о тебе, прекрасный Рим, и не боится оружия авсонского воина. (85) Им придадут мужество луки, полные колчаны, пригодные для любой длины переездов кони, а также *то*, что они приучены долго терпеть жажду и голод и что преследующий их враг вовсе не будет иметь воды. Гнев кроткого мужа не сослал бы меня в эту землю, (90) если бы она была достаточно ему известна...

(105) Не проси, чтобы *мне* было хорошо: *проси*, чтобы было худо, но более безопасно, и чтобы место моей ссылки было подальше от сви-

репого врага и чтобы грязный гет обнаженным мечом не отнял жизни, которую даровали мне земные божества. Наконец, если я умру, то пусть сойду под более мирную землю, (11) и пусть моих костей не давит скифская почва; пусть копыто бистонского¹ коня не топчет праха, плохо погребенного, как и подобает ссыльному, и если после смерти остается какое-либо чувство, то пусть также сарматская тень не пугает моей души...

I, 3

(49) Я лежу, заброшенный, на песках на краю света, где земля погребена под вечными снегами. Поле не производит здесь ни плодов, ни сладких трав, не зеленеют ивы на речном берегу и дубы на горе. Нельзя и моря похвалить больше земли: его поверхность, лишенная солнечного света, вечно вздымается яростью ветров. (55) Куда ни оглянись, *повсюду* расстилаются неводеланные нивы и обширные поля, на которые никто не объявляет притязаний. Страшный враг находится и с правой и с левой стороны и грозит с обоих боков страхом своей близости: одна сторона может почувствовать бистонские сариссы², (60) другая — стрелы, пущенные рукой сармата...

(75) ... Из Гемонии прибыл к Пиренской воде³ тот изгнанник, под предводительством которого священный корабль пробежал по водам Колхиды...

I, 4

(23) Посмотри, какой славой пользуется в позднем потомстве сын Эсона за то, что приезжал в эти страны. (25) А *между тем* его подвиг и легче, и меньше нашего, если только великие имена не прикрывают истины. Он отправился в Понт по повелению Пелия, который возбуждал страх только в пределах Фессалии; а меня покарал гнев Цезаря, перед которым от восхода солнца (30) до заката солнца дрожат обе части света...

(33) Он имел спутниками первых *витязей* Ахейской земли, но все отстранились от *того, чтобы сопровождать нас в нашу ссылку*. Мы избороздили широкое море утлой ладьей, но крепок был корабль, который привез Эсонида. Не Тифис был у меня кормчим, и сын Агенора⁴ не объяснил *заранее*, каких путей я должен был избегать и каких держаться. О нем пеклась царственная Юнона вместе с Палладой, а мою голову не оберегало ни одно божество. Ему помогли тайные ковы Купидона, а я хотел бы, чтобы Амур не научился им от меня. Он возвратился домой, а мы умрем в этих полях, если будет упорен тяжкий гнев оскорбленного бога. Итак, вернейшая супруга, наше бремя тяжелее того, которое вынес сын Эсона...

I, 5, 12 — упоминаются «жестokie геты»; 66 — «бесчеловечные геты»; 74 — поэт говорит, что Медведица лицом к лицу смотрит на волосатых гетов; 63—64 — поэт хвалится, что Истр не имеет ничего, что было бы по природе выше его; кроме того, в 50 упоминаются сарматские луки.

I, 7

(9) С нас довольно того, что мы живем среди льда и скифских стрел, если только следует считать жизнью *известный* вид смерти. Пусть нас

¹ [Бистоны — южнофракийское племя, живущее по берегам Бистонского залива. «Бистонский» здесь в смысле «фракийский» вообще].

² [Длинное фракийское коще, введенное согласно D i o d., XVI, 3, Филиппом II в качестве предмета вооружения в обход македонского войска].

³ [Т. е. из Фессалии в Коринф прибыл Язоп, изгнанный царем Пеллем со своей родиной].

⁴ [По H e l l., fr. 38 J., Агенор был отцом Финея, указавшего аргонавтам дорогу в Колхиду и предупредившего их о грозящих им на пути опасностях].

угнетает или земля войной, или небо холодом, пусть свирепый гет колет оружием или зима градом. Пусть нас держит страна, которая не производит ни яблок, ни винограда, (14) ни одна сторона которой не свободна от врага...

I, 8

(5) ... Мы, не зная мира, живем постоянно под оружием, так как луконосный гет грозит жестокими войнами. Из стольких изгнанников я один представляю собой воина в ссылке: все остальные, и я не завидую, говоря это, скрываются в безопасности...

I, 8, 27 — поэт говорит, что он загнан в скифские страны и 61—62, что между ним и прагом стена и запертые ворота составляют малую преграду.

II, 4, 1 — упоминается «холодный Истр».

II, 2

(1) Почитатель вашего дома с юных лет, Насон, изгнанный на левое побережье Эвксинского моря, шлет тебе, Мессалин, от немирных гетов этот привет, который обыкновенно приносил лично...

(95) А мне вместо Цезарева лика приходится смстреть на савроматов, на лишенную *благ* мира страну и на скованные морозом воды...

(111) Моли кроткое, но справедливо разгневанное на меня божество, чтобы оно изъяло меня из дикой Скифской страны...

II, 7

(1) Мое письмо, посланное от немирных гетов, во-первых, желает тебе, Аттик, доброго здоровья...

(31) Во всем мире нет племени более жестокого, чем геты, — но и они рыдали при наших бедах.

(63) Место ссылки смягчает ее горечь: печальнее этой земли нет ни одной под обоими полюсами. Есть некоторая приятность быть недалеко от границ родной земли: я живу на краю земли, на краю света. Твои лавры, Цезарь, обеспечивают мир и изгнанникам: Понтийская земля лежит под *угрозой* соседнего врага. Приятно посвящать *свое* время обработке полей: (70) здесь враждебный варвар не допускает пахать землю. Умеренный климат полезен и для тела и для души: сарматское побережье дрожит от вечного холода. Есть не вызывающее зависти наслаждение в сладкой воде, *здесь* мы пьем болотную воду, смешанную с морской солью...

III, 1

(1) О море, впервые взбитое язовым гребцом, и ты, земля, не свободная ни от дикого врага, ни от снега, будет ли такое время, когда я, Насон, покину вас, получив повеление пребывать в менее враждебной местности? (5) Или мне суждено постоянно жить среди этого варварства, и предстоит погребение в Томитанской земле? С миром тебе, — если есть какой-либо мир у тебя, Понтийская земля, которую поражает соседний враг на быстром коне, — с миром тебе хотел бы сказать: ты самая дурная (10) сторона *моей* ссылки, ты увеличиваешь тягость наших бед. Ты не знаешь весны в цветущем венке, ты не видишь нагих тел жнецов, осень не протягивает тебе виноградных гроздий, — все времена *года* отличаются чрезмерным холодом. (15) Ты держишь воды в ледяных оковах, и рыба, запертая в море, часто плавала в покрытой *льдом* воде. У тебя нет родни-

ков, доставляющих *другую* воду, кроме похожей на морскую, о которой можно сомневаться, утоляет ли она или возбуждает жажду. Редко где возвышается в открытых полях неплодородное (20) деревцо, и земля представляется совершенным подобием моря. Не щебечет птичка [кроме той, которая в отдаленных лесах пьет хриплым горлом морскую воду]. В пустых равнинах печально щетинится полынь и горькая жатва, приличествующая этой местности. (25) Прибавь *сюда* страх и то, что стена громится врагом, что покрыта влагой стрела, налитанная смертоносным ядом, и что эта страна далека, лежит в стороне от всех путей и сюда никто не может прийти безопасно ни пешком, ни на корабле. Итак, не удивительно, если мы, ища предела этих *бедствий*, (30) постоянно просим другой земли...

В том же письме поэт говорит жене:

(95)... Тебе не нужно брать для моей защиты амазонскую секиру или носить на легкой руке вырезную пельту...

(119) Что ты дрожишь и боишься обратиться [к супруге Цезаря]? Не безбожная Прокна¹ или дочь Ээта должна быть тронута твоим словом...

III, 2

(35) ... Вас² часто будут хвалить даже отдаленные потомки, и слава ваша будет известна, благодаря моим произведениям. Даже здесь вас уже знают савроматы и геты, и варварская толпа одобряет такие чувства. Когда я недавно рассказывал о вашей доброте *ко мне* (40) (ибо я уже научился говорить по-гетски и по-сарматски), вдруг один старец, стоявший в толпе, ответил на наши речи такими словами: «Имя дружбы, добрый гость, знаем и мы, живущие вдали от вас у Понта и Истра. (45) Есть в Скифии местность, которую предки называли Тавридой и которая не так далеко отстоит от Гетской земли. Я родился в этой стране и не гнушаюсь *своей* родины; это племя чтит родственную Фебу богиню³. Еще и ныне стоит храм, опирающийся на огромные колонны; (50) к нему ведут сорок ступеней. Предание гласит, что там был ниспосланный с неба кумир; не сомневайся, — *еще и ныне там* стоит подножие, лишенное *статуи* богини; алтарь, который был сделан из белого камня, изменил цвет и *ныне* красен, будучи окрашен пролитой кровью; (55) священнодействия совершает жрица, не знавшая брачного факела и превосходящая скифских женщин знатностью *рода*. Форма жертвоприношения, по уставу предков, состоит в том, чтобы прищелец падал под ударами девичьего меча. Там царствовал Тоант, славный на Меотийском побережье, (60) и не было на эвксинских водах человека известнее его. В его царствование, говорят, некая Ифигения совершила путь по прозрачному воздуху; существует верование, что ее, принесенную под покровом облака по воздуху легкими ветрами. Феба спустила *на землю* в этих местах⁴. (65) Она *уже* многие годы согласно уставу предстала в храме, против воли совершая *своей* рукой печальные обряды, когда прибыли туда на парусном корабле двое юношей и вступили на наши берега. Равны были их лета и *взаимная* любовь; один из них был Орест, (70) другой — Пилад: предание сохраняет *их* имена. Тотчас ведут их со связанными за спиной руками к жестокому алтарю Тривии⁵. Греческая жрица кропит пленников очистительной водой, чтобы длинная

¹ [Дочь мифического афинского царя Пандиона и жена Терей. См. О v., Met., VI, 565].

² Т. е. друзей.

³ [Т. е. Артемиду].

⁴ [Ср. Eu r., Iph. Taur., 28 сл.].

⁵ [«Трехликой» — эпитет богини Гекаты, которую Овидий отождествляет в этом случае с Артемидой].

повязка окружила их русые волосы. (75) Готовясь к священнодействию, покрывая повязками их виски и сама отыскивая поводы к промедлению, она сказала: «Простите, юноши! не я по жестокости совершаю священнодействия, превосходящие варварством их место: таков устав *здесь* племени! Но из какого города вы прибыли и куда совершали путь на несчастном *для вас* корабле?» Так сказала благочестивая дева и, услышав имя родины, узнала, что они происходят из ее *родного* города. «Один из вас, — молвила *она*, — пусть падет жертвой нашей святыне, а другой пусть отправится с вестью к родным местам». (85) Пилад, желая погибнуть, велит идти дорогому Оресту; этот отказывается, и каждый поочередно спорит из-за смерти. Это был единственный случай, в котором они были не согласны: в остальном это была согласная и не *допускавшая* споров пара. Пока юноши продолжали спор *своей* чудной любви, (90) дева изображала письменные знаки для брата. Она давала поручения для брата, и тот, кому они давались, — посмотри на случайности человеческие! — был ее братом. Без промедления похищают они из храма кумир Дианы и тайно уносятся кораблем по неизмеримым водам. (95) Дивная любовь юношей пользуется в Скифии большой славой даже ныне, хотя прошло столько лет». Когда старец рассказал это известное предание, все восхвалили *это* деяние и нежную преданность *друзей*. Значит, даже на этом побережье, суровее которого нет никакой *земли*, (100) имя дружбы трогает сердца варваров. Что же должны делать вы, рожденные в авсонском городе, если такие деяния производят впечатление на грубых гетов?...

III, 3

25—26 — поэт говорит Амуру:

... Ты прибыл и сюда, где никогда не бывает мира и варварский Истр замерзает, когда воды *его* сковываются льдом?...

79—80 — Амур говорит:

... Эти места я впервые видел тогда, когда по просьбе матери фасианская дева была пронзена моими стрелами...

III, 4

(91) Слова, которые ты читаешь, не принадлежат мне, сосланному к Истру, воду которого пьют немирные геты: это глас божий...

III, 5

(1) Ты спрашиваешь, откуда прислано тебе письмо, которое ты читаешь. — Отсюда, где Истр соединяется с лазурными водами *моря*...

III, 5, 6 — упоминаются «волосатые геты»; 28 — «бесчеловечные геты»; 45 — гетский лук.

III, 8

(1) Я искал, какие дары могла бы послать тебе Томитанская область, во свидетельство памятной заботы. Ты достоин серебра, еще достойнее желтого золота; но эти *металлы* обыкновенно доставляют тебе удовольствие, когда ты даришь *их* *другим*. (5) Все-таки здешние места не ценны каким-либо металлом: враг не позволяет земледельцам добывать их. Твое одяние часто бывает заткано блестящим пурпуром: но он красится не в Сарматском море. *Здесь* скот дает грубую шерсть, и пользоваться Паллады (10) искусством томитанские женщины не научены. Женщина вместо *пряденья* шерсти мелет дары Цереры и носит на голове тяжелую воду. Здесь вяз не обвивается лозами винограда, и яблоки не гнетут ветвей своей тяжестью. (15) Безобразные поля родят печальную полынь,

и земля своими произведениями показывает, как она горька. Итак, во всей области левого Понта не нашлось ничего *такого*, что могло бы послать мое усердие. Однако я послал тебе стрелы, замкнутые в скифском колчане, (20) и желаю, чтобы они были окровавлены твоим врагом...

III, 9, 32 — упоминаются «дикие геты»; 37 — «порок горькой страны».

IV, 2

(37) ... Кому мне здесь читать свои произведения, кроме желтоволосых кораллов¹ и других племен, живущих на варварском Истре?...

IV, 2, 2 — упоминаются «нестриженные геты».

IV, 7

(1) Ты, Весталий, будучи послан к эвксинским водам для того, чтобы чинить суд в местностях, расположенных под полюсом, видишь воочию, в какой земле живем мы, и будешь свидетелем *того*, что я жалуюсь не ложно. (5) Благодаря тебе, юноша, происходящий от альпийских царей, будет оказано ненапрасное доверие нашим словам. Ты, конечно, сам видишь, как Понт сковывается льдом; сам видишь вина, отвердевшие от сурового мороза; сам видишь, как свирепый пастух-язиг ведет нагруженную (10) повозку по водам Истра. Ты видишь и то, что под изогнутым железом посылаются яды и что стрела заключает в себе две причины смерти...

IV, 7, 21 сл. — описывается поход Вителлия в область гетов и битва, происшедшая у города Эгиса².

IV, 8, 83 — упоминаются «берега, чересчур близкие к одетым в шкуры кораллам»; 84 — «жестокое геты».

IV, 9

(75) ... В этих местах, Грецин, недавно начальствовал Флакк, и под его командой был в безопасности дикий берег Истра. Он держал в верном мире мезийские племена, он устрашал *своим* мечом крепких луками гетов. Он *своей* доблестью скоро отнял захваченную *варварами* Тросмиду³ (80) и окропил Данувий кровью дикарей. Узнай *от него* о виде *здешней* местности, о неудобствах скифского климата и спроси, сколь близкий враг пугает меня. *Спроси*, намазаны ли змеиной желчью тонкие стрелы и бывает ли человеческая голова жестокой жертвой; (85) лгу ли я, или *действительно* замерзает сплоченный холодом Понт и лед сдерживает огромные пространства моря...

IV, 10

(1) Вот уже шестое лето приходится мне проводить на Киммерийском берегу среди покрытых шкурами гетов...

(21) [Не сравнивай никогда города *Рима* с лестригонскими⁴ племенами, которые Истр смывает сбоку своей водой. Киклоп не победит дикостью свирепого фиака (Phyasen)⁵: какую часть моего страха представ-

¹ [Фракийское племя, жившее между горами Родопы и нижним Истром, St r a b o, VII, 5, 3; A p p., Mithr., 69].

² [Иначе Эгисс, в Малой Скифии, между Новиодуном и Сальсовией, у начала дунайской дельты, на месте современного селения Тульджа].

³ [Иначе Тресмида, город и римский военный лагерь на Нижнем Дунае, у современного селения Иглица в Добрудже].

⁴ [Т. е. родственными мифическому разбойничьему племени лестригонов, упомянутому у Н о м., Od., X, 82].

⁵ [Ближе неизвестное понтийское племенное наименование; судя по контексту, этот народ относился к разбойничьим племенам северо-восточного берега Черного моря,

ляет он [фиак] собой. (25) Как бы *сильно* ни лаяли свирепые чудовища у обрубленного паха Сциллы, *все же* суда гениехов больше причинили вреда морякам. Ты не можешь также сравнить Харибду с жестокими ахейцами, хотя она трижды извергает трижды поглощенную морскую воду. Хотя эти народы свободнее бродят по правой стороне *Понта*, (30) но тем не менее не оставляют в безопасности и здешнего берега]. Здесь поля без зелени, здесь стрелы напитаны ядами, здесь зима делает воды доступными даже для пешехода, и путник, презрев корабль, идет посуху там, где недавно весло пролагало путь, рассекая волны. (35) Приезжающие отсюда говорят, что вы едва верите этому: о, как несчастлив тот, кто терпит *бедствия*, превосходящие вероятие! Однако верь: мы не оставим тебя в неведении причин, почему суровая зима делает твердым Сарматское море. К нам весьма близки имеющие вид колесницы (40) и отличающиеся особенным холодом созвездия. Отсюда родится борей, он — дома на этом побережье, и местность получает *свой* характер от ближайшего. Между тем нот, который веет теплом от противоположного полюса, далек отсюда и доносится редко и слишком слабо. (45) Прибавь, что здесь реки изливаются в замкнутый Понт и море вследствие множества рек теряет свою силу¹. Сюда впадают Лик², Сагарис³, Пеней⁴, Гипанис, Калес⁵ и крутимый частыми водоворотами Галис, сюда быстрый Парфений⁶, катящий камни Кинапс⁷ (50) и не уступающий быстротой ни одной реке Тирас изливаются. *Здесь* и ты, Термодонт, знакомый женской толпе, и Фасис, некогда взысканный греческими витязями; *здесь* и весьма прозрачный Дирапс⁸ с Борисфенской рекой, и Мелант⁹, тихо совершающий свой медленный путь, (55) и *та река*, которая разделяет две земли, Азию и сестру Кадма¹⁰, и совершает свой бег между обеими, и бесчисленное множество других, величайший из которых Истр отказывается уступать тебе, Нил. Изобилие стольких вод изменяет волны, которые увеличивает *собой*, (60) и не позволяет морю пользоваться своими силами. Даже более, — оно похоже на пруд и ленивое болото, голубой цвет его слаб и расплывчат. Пресная вода плывет по *поверхности* моря, будучи легче морской воды, которая имеет собственную тяжесть вследствие примеси соли...

из числа которых Овидий называет гениехов и ахеев. В этом случае оно должно было бы быть сопоставлено с засвидетельствованным для Северного Кавказа у P l i n., NH, XXXVII, 110, племенным наименованием Phycari или для восточного берега Меотиды у M e l a, I, 114, — Phicores].

¹ [О якобы имеющей место в действительности пресноте Черного моря ср. P o l y b., IV, 42].

² [Древнее наименование реки Риндак в Малой Азии на границе Геллеспонтской Фригии и Вифинии, современный Адирнас-Чай].

³ [Иначе Сангарий, одна из крупнейших рек Малой Азии, впадающая в Черное море к западу от Гераклеи Понтийской].

⁴ [Одна из многочисленных и незначительных речек Колхиды, впадающая в Черное море на границе областей санигов и гениехов, упоминается у P l i n., NH, VI, 14].

⁵ [Незначительная речка в Вифинии, современная Алапли-Чай, впадающая в Черное море у одноименного порта, к юго-западу от Гераклеи Понтийской].

⁶ [Одна из значительных рек Пафлагонии, современная Хати-Су, впадающая в Черное море у одноименного порта].

⁷ [Ближе неизвестная, лишь у О в и д и я упомянутая понтийская река. Ср. T o m a s h e k, RE, IV, 1903, который пытается этимологически осмыслить ее название. Наименование это должно быть сопоставлено, однако, скорее всего с именем реки Акинаса (A g r., PPE, 9) или Кинаса (A n o n., PPE, 43) на Кавказе в Колхиде].

⁸ [Ближе неизвестная и лишь у Овидия упоминаемая понтийская река, которую T o m a s h e k, RE, V, 188, отождествляет с рекой Конские Воды].

⁹ [Незначительная речка Пафлагонии, современная Мелет-Ирмак, впадающая в Черное море к востоку от Котора. Ср. A g r., PPE, 23; P l i n., VI, 11].

¹⁰ [Т. е. Европу — согласно A p o l l o d., Bibl., III, 1, 1, 2, дочь Агенора и Телефассы, родителей Кадма, но по более древней версии — дочь Океана и Фетиды (H e s., Theog., 357); имеется в виду река Танаис].

IV, 13

(17) ... Не следует тебе удивляться, если будут неудачны стихи, которые сочиняю я, почти гетский поэт. Ах, стыдно *признаться*, я написал книжку и на гетском языке, (20) и варварские слова расположены в наших метрах. И я понравился — поздравь меня; — и начал носить имя поэта среди грубых гетов. Ты желаешь знать содержание? Я сложил хвалу Цезарю...

IV, 14

(13) ... Возделанное поле менее ненавидит *сорные* травы и ласточка — холод, чем Насон *ненавидит* местности, столь близкие к воинственным гетам. За такие слова на меня сердятся томиты, и моими стихами возбужден гнев общества...

(23) Но я ничего *такого* не допустил: за мной нет никакой вины, томиты, и я вас люблю, хотя ваши места ненавижу. (25) Пусть кто угодно развернет памятники нашего труда: ни в *одном* письме нет жалобы на вас. Я жалуясь на холод, на угрожающие со всех сторон набеги и на то, что враг стучится в *ваши* стены. Я написал вполне справедливые упреки против мест, а не *против* людей: (30) вы и сами часто жалуетесь на вашу землю...

(41) Между тем дурной переводчик возбуждает против меня гнев народа и снова зовет на суд наши стихи. О, если бы я был так счастлив, как чист сердцем! Доселе никто еще не получил вреда от моего языка. (45) Прибавь, что если бы я был уже чернее иллирийской смолы, то все-таки не должен был бы язвить преданных мне людей. Сердечно принятая вами, томиты, участь моя показывает, как кротки греческие люди. Мои земляки — пелигны и родная земля сульмонская (50) не могли бы мягче отнестись к нашим бедствиям. Мне недавно дана вами та почеть, которую вы едва ли дали бы кому-либо здоровому и невредимому. Я один доселе живу без налогов на вашем побережье, за исключением тех, кто имеет *это* право по закону. (55) Моя голова покрыта священным венком, который против моего желания возложило на меня сочувствие общества. Итак, сколь приятна Латоне делийская земля, которая одна дала ей безопасное убежище в ее странствиях, столь же дорог мне *город* Томи (Tomis), который для нас, изгнанных из родной земли, (60) доселе остается гостеприимным хозяином. О, если бы только боги дали, чтобы *он* мог иметь надежду на кроткий мир и находился дальше от ледяного полюса.

КАЛЕНДАРЬ

(FASTI)

[Комментированное издание: Peter, Leipz., 1879; более новое издание: P. Ovidii Nasonis Fasti Relegit et Svenice convertit Elias Janzon, тт. I—III, Göteborg, 1924—6; новейшее издание сочень ценным комментарием: The Fasti of Ovid. Ed. with a translation and commentary by Sir James George Frazer, тт. I—V, Lond., 1929].

III, 849 — 876

Последний день из пяти напоминает о *необходимости* очищать звонкие трубы (850) и приносить жертву мужественной богине¹. Теперь ты можешь

¹ [Имеется в виду очистительное празднество Tubilustrium, совершавшееся в Риме 23 марта (а также 23 мая, см. O v., Fasti, V, 725 сл.; ср. V a g r o, II., VI, 14 и сопровождавшееся жертвоприношениями в честь Марса и богини Неро, отождествлявшейся с Юноей и Дианой].

сказать, подняв взор к солнцу: «Оно со вчерашнего дня вступило в созвездие руна Фриксова овна»¹. Когда были высушены семена кознями злодейки-мачехи, трава не подняла, как обыкновенно, верхушек. (85) Отправляется к треножнику *посол*, чтобы на основании точного жребия сообщить, какую помощь подает дельфийский бог бесплодной земле. Последний, подкупленный подобно *тому, как были испорчены* семена, возвещает, что рок требует смерти Геллы и юного Фрикса. Когда, граждане, голод и Ино (860) побудили отказывавшегося *сначала* царя исполнить жестокое повеление, Фрикс и его сестра с повязками на головах предстали вместе перед алтарем и оплакали свою общую участь. Случайно пролетавшая по воздуху мать, увидев их, ударяет в изумлении рукой свою обнаженную грудь, (865) слетает в облаках в порожденный драконом город² и вырывает оттуда своих детей. Для того чтобы они могли бежать, им передается блестящий золотой баран: он везет обоих по обширным морям. Говорят, что держалась за рог ослабевшей левой рукой (870) девушка, как вдруг, «соскользнув», дала свое имя воде. Вместе с ней чуть не погиб и брат, желая помочь упавшей и простирая к ней свои руки. Он плакал, как бы потеряв разделявшую с ним двойную опасность, не зная того, что она соединилась с голубым богом. (875) Достигнув берега, баран делается созвездием, а его золотое руно перешло в колхидское жилище³.

ИБИС

(IBIS)

Написанный в подражание Каллимаху памфлет на неизвестное лицо, желавшее во время изгнания Овидия присвоить себе его состояние.

Текст: P. Ovidii Nasonis Ibis. Ex novis codd. edidit, scholia vetera, commentarium cum prolegomenis, appendice, indice addidit R. Ellis, Oxonii, 1881. [Ovidii Nasonis Ibis, ed. et scholia adiecit F. W. Lentz. 1937]

(135) Пока фракийцы будут сражаться луком, а язиги — копьем, Ганг будет теплым, а Истр холодным... (139) я буду воевать с тобой...

(309) Или пусть признана будет невинной за твое убийство прелюбодейка, подобно тому, как признана была невинной та, от мести которой пал Левкон⁴.

(329) Или будь покинут нагим на ахилловой земле, как некогда Лэней от берегов амастрийских...⁵

(637) Наконец, молю, чтобы ты жил и умер в этих местах среди сарматских и гетских стрел.

Кроме того, 265—266 — поэт упоминает голубку, пролетевшую перед Палладиным кораблем (т. е. кораблем аргонавтов); 291—2 — рассказывает миф о прикованном Прометее; 384 — упоминаются «таврские священнодействия тоантовой богини»; 435—436; 441—2 — он бегло касается легенды о Медее, Абсирте, Пелии; 603 — упоминает фацианский венок.

¹ [Т. е. стоит в созвездии Овна].

² [Галос в Фессалии на Пагасейском заливе, обязанный своим наименованием соляному источнику, Plin., NH, IV, 28].

³ [Овидий пересказывает ту версию мифа о Фриксе и Гелле, которая отчасти была, вероятно, известна трагикам (в частности, Софоклу, см. схол. к Aristoph., Nub., 257) и Ферекиду (FGrG, III, 98). Более древнюю версию, связывающую эту легенду с культом Зевса Лафистия, центром которого был фессалийский Галос, и открывающую ее ритуальный смысл, передает Геродот (VII, 197)].

⁴ См. ниже схолии, хотя Эллис указывает на того Левкона, которого ошибкой убила мать Темисто, супруга Атаманта.

⁵ [Т. е. на острове Белом (или на Ахилловом Беге) на Черном море; в отношении царя амастрийцев Ленея см. ниже схолии].

СХОЛИИ К «ИБИСУ»

IBIS

Подробности об этих схолиях и текст их см. в вышеуказанном издании Эллиса. [См. там же, издание Lentz'a]

Извлечения и перевод А. И. Маленна

265. Финей, плененный любовью к Никострате, ослепил своих сыновей Полидектора и Полидофа, обвиненных самой Никостратой в преступлении прелюбодеяния¹; за этот грех он сам был ослеплен Юпитером. И Диана послала гарпий — птиц, имеющих девические лики, чтобы они осквернили его трапезу... Но так как Язон отправлялся к колхам, ему пришлось пройти через страну Финей. И так как он не знал прямой дороги, то дал поручение самому Финею через Зета и Калаида, детей Борей, чтобы он дал им путеводителя; *Финей* им ответил, что он *это* сделает под тем условием, что они прогонят (*fugaret*)² гарпий далеко от того места; Зет и Калаид прогнали их вплоть до Строфадских островов. Итак, Финей, будучи освобожден от гарпий, дал аргонавтам голубя, который их проводил вплоть до острова колхов. Об этом *смотри* в VII книге *Метаморфоз*...³

291. И как мало кроткий] Прометей, сын Иапета, печалился тем, что существовал обычной уступать Юпитеру большую часть при жертвоприношении. Когда он сам приносил жертву, то отделил мясо от костей и спрятал их в мешок. Юпитер, полагая, что в мешке большая часть, забрал *ее себе*; видя же, что он обманут, отнял у людей огонь⁴. Прометей же поместил воду в кристалле, согретом лучами солнца, и таким образом открыл огонь; поэтому Юпитер отправил его на гору Кавказ на съедение коршунам⁵.

310. От которой пал Левкон] Левкон, один из понтийских царей, убил своего брата Спартака, хотевшего совершить прелюбодеяние с его женой. Откуда Арион⁶: Левкон убил брата за жену, а жена — его, и оба были причиной смерти. *Г*.

Левкон, один из понтийских царей, убил своего брата Спартака, который обыкновенно совершал прелюбодеяния с [Алкатою], его женой. После того тот же Левкон был убит своей женой. Откуда Арион и т. д. [см. *выше*]. *C et Ask*.

Левкон, один из понтийских царей, убил своего брата Спартака вследствие любви к его жене по имени Алкатое; этой женой, в то время как он хотел с ней совершить прелюбодеяние, он был убит врасплох. Откуда некто: Левкон убил брата и т. д. [см. *выше*]. *Mure*.

Левкон, один из понтийских царей, убийца своего брата, желая совершить прелюбодеяние с его женой, был ею убит⁷. *P*.

¹ [Схолиаст называет совершенно необычные имена жены и детей Финей. По древней традиции, первая жена Финей звалась Орития или Клеобула (*Serv., in Aen., III, 209*); вторая жена обычно — Идая (схол. к *Apoll. Rhod., II, 178—182*), тогда как в качестве детей Финей обыкновенно выступают эпонимы фрако-малоазийских племен — Пафлагон, Вифия, Марландия и т. д.].

² Или *fugient*?

³ То же короче рассказывают схолии *G*; только вместо Никостраты они называют «мачеху Клеопатру».

⁴ [Ср. *Hes., Theog., 503 сл.*].

⁵ То же, более многословно, поскольку это касается описания жертвоприношения, рассказывает в схолиях *C et Ask*.

⁶ [Ближе неизвестный комментатор Овидия].

⁷ [Опираясь на эти схолия, Л а т ы ш е в (*IOSPE, II, стр. XVII*) помещает Левкона и Алкаю на боспорском престоле после Перисада II и вместе со Спартаком V. Левкон является по счету II и относится, таким образом, к первой половине III в. до н. э. Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, 139, относит лежащую в основе этого сообщения Овидия традицию к исторiku Филарху.

329. Или как от амастридских] Ленней, царь амальфриков, плененный Митридатом, погиб от голода, будучи оставлен одиноким на острове Понта (in Ponto)¹. *G.*

Ленней, царь амастрийцев, был оставлен в одиночестве [своим тестем] Митридатом, царем пафлагонцев, на острове Ахилла, который находится в Понте, по имени Андугенес (Andugenes)² [и там погиб от голода и холода, так как *остров* был пустынным]. Откуда Фаворан сказал: Хотя Лемней, лишенный одежды и пищи, был царем, но и он погиб от *той же* смерти, от которой погиб Неод. *C. Ask.*

Лемпней, царь амастрийцев, похищенный (raptus)³ Митридатом, царем пафлагонцев, и оставленный на пустынном острове Эсхине, погиб от холода и голода. Отсюда Фано: Хотя царь Лемпней и т. д. [*см. выше*]. *Mige.*

Лепней, царь амастрийцев, был оставлен в одиночестве Митридатом, царем пафлагонцев и *своим* тестем, на острове Ахилла, который находится в Понте, и там умер от голода, так как место было пустынно. *P.*

Желает несчастной смерти Ленею, который, в бытность царем амастрийских народов в Скифии, изгнанный Митридатом, убежал на дром Ахилла и погиб там, оставленный своими. Дром Ахилла, т. е. Бег Ахилла, каковое место Овидий теперь называет Ахилловой землей, есть остров, который называется Армигенида... *Reg. 2061.*

Дионисий, тиран гераклийский, изгнанный Митридатом, убежал на место, которое называют Бегом Ахилла, где, оставленный своими, погиб, будучи лишен всякой помощи⁴. *Pal. 1709.*

384. И которые Тоантовой] касается обряда жертвоприношения Ифигении в государстве тавров. *G.*

Тавр есть остров, где царем был Тоант, который приносил в жертву Диане пришельцев. Об этом говорится в Понте, когда Орест вернул свою сестру Ифигению. *C et Ask.*

Тоант [Трант — *Парижское издание*], сын Вакха, спасенный дочерью Гипсипилой, хотя лемниады убили своих мужей, убежал в Таврскую страну, в которой царствовал. И там в храме Дианы была Ифигения, сестра Ореста. Из всех чужестранцев, которые туда попадали, один закалывался в честь Дианы, другой возвращался. *Cod. Saluagnii et ed. Paris. 1573.*

433. Словно те члены тела, которые задержали путь отца] о Медее, которая, убегая с Язоном, разорвала на части своего брата Арпага⁵. *G.*

Медее растерзала на куски своего брата Абсирта и разложила их на дороге, по которой преследовал ее отец Ээт; отец там остановился, найдя его. Это имеется в очень многих местах. *G.*

¹ Или *Ponti?*

² *Anchigenis Ask.* [Наименование из других источников неизвестно].

³ Или *captus?* [захваченный].

⁴ [Из сопоставления всех схолий, касающихся царя амастрийцев Ленея, следует, повидимому, заключить, что в основе представления о нем лежит историческая традиция об известном тиране Гераклея Понтийской Дионисии, жившем во второй половине IV в. до н. э. (D i o d., XVI, 36, 3; M e t h., FHG, III, 527). С этой традицией причудливо соединяется представление о Дионисии, евнухе Митридата Эвпатора, попавшем в плен к Лукуллу у острова Лемноса и покончившем жизнь самоубийством (A p p., Mithr., 77). Следует также думать, что имя Лепей возникло из прозвища Дионисии (отождествляемого в этом случае с Дионисом Ленеем), а его разночтения — Лемпней, Лепней, возникли по ассоциации с наименованием острова Лемноса. Ср. прим. к O v., Ib., 329 (331) в издании L e m a i r e 'a (P. O v i d i i N a s o n i s quae extant omnia opera, VIII, Parisiis, 1824, стр. 24)].

⁵ [Это имя брата Медее (который иначе называется Апсиртом, Эгиалием, Фазтоном, см. схол. к A p o l l. R h o d., III, 1236; C i c., de nat. deor., III, 19, 48) другими источниками не засвидетельствовано].

441. И пока ты пожелаешь вернуться] Медея умертвила царя Пелия, брата Эсона, отца Язона, тестя Адмета, обещав его дочерям оживить его. *С.*

Медея, обещав дочерям омолодить Пелия, тестя Адмета, брата Эсона, отца Язона, сделала так, что он ими был убит.

603. Как новобрачная фасийским]. Медея, покинутая Язоном ради Креусы, дочери Креонта, сожгла ее с ее отцом и всем семейством. *С.*

Язон, покинув Медею, взял в жены Главку, которая некоторыми именовалась Креусой, дочь великого царя Креонта; разгневанная на это Медея послала Главке отравленный венок, надев который, Главка и отец ее Креонт и весь дом были сожжены, как говорит Овидий¹. *С et Ask.*

637. Наконец, сарматских] после всех этих предшествовавших бедствий да последует тебе это злейшее — жить среди гетов, как монаху войти за ограду. Откуда Овидий желает это напоследок, как бы в довершение предшествовавших. *С.*

Сарматика *[sic]* и геты — воинственные народы, среди которых Овидий желает ему *[т. е. врагу]* жить. *С.*²

ГРАТТИЙ

¹ Современник Овидия (Epist. ex P., IV, 16, 34) родом, вероятно, из области фалисков. С его именем сохранилась поэма об охоте («Cunegetica» или «Carmen venaticum»), состоящая из 541 гексаметра. Она дошла до нас не в полном виде, но, может быть, не была закончена и самим автором.

Текст: Poetae Latini minores, rec. Aem. Baehrens, т. I, Lips., 1879, стр. 31—53.

ПОЭМА ОБ ОХОТЕ

(CUNEGETICA)

154 — 158

... *Есть тысяча родин у собак, и нравы каждой соответствуют происхождению. Неспособная к дрессировке мидийская дает большие битвы; высокая слава превозносит противоположных им кельтийских. Напротив, гелонские² отказываются от драк и ненавидят Марса, но от природы они — хорошие ищетки...*

195 — 195

... Гелонские *суки* унаследовали злобность от гирканского отца...

ПОМПЕЙ ТРОГ

М[АРК] ЮНИАН ЮСТИН

Помпей Трог, современник Тита Ливия, первый из латинских авторов, написал всеобщую историю под заглавием *Historiae Philippicae* в 44 книгах, которую, по свидетельству монаха Матфея Вестминстерского (начало XIV в.), окончил в 9 г. н. э. К сожалению, подлинное сочинение Трога до нас не дошло: сохранились только введения (prologi) к отдельным книгам, вкратце излагающие их содержание, и сокращение (epitoma) истории, составленное Марком Юнианом Юстином, время жизни которого в точности неизвестно: некоторые ученые полагают, что epitoma составлена во времена Антонинов, другие (Нибур, Лахман, Шанц и др.) относят ее к III в. н. э. [Всеобщая история Помпея Трога, сохранившаяся в сокращенном изложении Юстина, имеет первостепенное значение для истории познания Скифии в эллинистическую

¹ [O v., Met., VII, 391].

² [Элитет «гелонский» Граттий употребляет в значении «скифский» вообще. Ср. Verg., Georg., III, 461; Aen., VIII, 725; Ног., Carm., II, 20, 19; III, 4, 35].

эпоху. Помимо того, что она сообщает целый ряд фактов (борьба царя Атея с Филиппом Македонским, столкновение скифов с македонским полководцем Зоппирином), почти неизвестных из других источников, ее значение определяется в большой степени еще и тем, что она представляет собой редкий образец антимакедонской историографии, изображающей скифов в подчеркнуто идеализированном виде (в духе морализирующей интерпретации, свойственной греческой историографии вообще и особенно отчетливо выступающей у Эфора и его последователей), в качестве непобедимого народа, перед которым спасовал даже сам Александр Македонский. Эта антимакедонская тенденция перерастает под пером Юстина в антиримскую (Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 119, ссылаясь на Шварца, подчеркивает, что эту антиримскую струю нельзя приписать Помпею Трогу), когда его изложение касается Митридатых войн и парфянской истории. При этом особо подчеркивается то, что страшные для Рима парфяне произошли от непобедимых и никогда не подчинившихся Риму скифов (Iust., XLI, 1, 1). Излагая факты скифской истории, известные из Геродота и других источников, Помпей Трог дополняет их некоторыми данными, происходящими из утраченных исторических сочинений Ктесия Книдского и Эфора. Что же касается фактов истории Скифии эллинистической эпохи, известных единственно или почти единственно из Трога, то они заимствованы зачастую из локальной македонской и припонтийской историографии. Местный колорит исторической традиции, использованной Трогом, получил свое выражение также и в некоторых исторических или мифических «скифских» именах, а также в ряде легенд, отражающих позднюю стадию мифотворчества относительно происхождения скифов, походов амазонок, киммерийцев и скифов в переднеазиатские страны и т. п. Помпей Трог углубил и расширил наметившуюся еще в эллинистической историографии тенденцию к установлению искусственной связи между греко-италийской топонимикой и мифологией и припонтийской географией и историей. Вслед за Страбоном он производит армию от аргонавтов и связывает латинскую Альбу Лонгу с прикаспийскими албанами. См. М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 116 сл.; A. Gutschmid, Kleine Schriften, III, 441 сл.; V, 19 сл.; К. К. Зельин, Историческая кондация Помпея Трога, ВДИ, 1948, № 4, стр. 208].

Текст: M. Iuniani Iustini epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi ex recens. Fr. Ruehl. Accedunt Prologi in Pompeium Trogum ab Alfr. de Gutschmid recensiti, Lips., Teubn., 1886. Изд. 2-е, 1907; Русский перевод: Юстин, древней универсальной истории Трога Помпея сокращатель, 1768].

ВВЕДЕНИЯ К ФИЛИППОВСКИМ ИСТОРИЯМ ПОМПЕЯ ТРОГА

(PROLOGI HISTORIARUM PHILIPPICARUM POMPEI TROGI)

ВВЕДЕНИЕ К КНИГЕ IX

В девятой книге содержится следующее: ... происхождение Византия, по снятии осады которого Филипп вступил в войну со скифами. Затем излагается история Скифии с того времени, которым было закончено ее изложение ранее, до войны, веденной Филиппом со скифским царем Атеем...¹

ВВЕДЕНИЕ К КНИГЕ XXXVII

В тридцать седьмой книге содержится следующее: по изложению происхождения понтийских царей, как престол перешел к последнему Митридату Эвпатору и как он, вступив на престол, покорил Понт и Пафлагонию прежде, чем приступил к войнам с римлянами. В виде отступления изложены происхождение и деяния царей боспорских и колхидских.

СОКРАЩЕНИЕ М[АРКА] ЮНИАНА ЮСТИНА

(M. IUNIANI IUSTINI EPITOMA)

I, 1, 4. Ассирийский царь Нин первый изменил старинный, как бы дедовский обычай народов небывалым стремлением к власти: он первый-

¹ [Т. е. до середины IV в. до н. э. О царя Атее и о его войне с Филиппом II Македонским в связи с осадой последним Византии см. подробнее ниже, Iust., IX, 1 сл. и Polyaeu., VII, 44; Clem. Al., Strom., V, 5, 31].

стал воевать с соседями и покорил неопытные еще в сопротивлении народы вплоть до пределов Либии. Правда, раньше его жили египетский царь Везосис¹ и скифский — Танай², из которых первый доходил до Понта, а последний — до Египта. Но они вели войны с отдаленными народами, а не с соседями, и, довольствуясь победой, искали не власти себе, а славы своим народам.

1, 8. Кир, подчинив Азию и покорив под свою власть весь Восток, пошел войной на скифов. (2) Над скифами в то время царствовала Тамирис³; не испугавшись по-женски нашествия врагов, она, хотя имела возможность помешать им переправиться через реку Оакс⁴, допустила эту переправу, так как полагала, что ей самой легче будет бороться в пределах своего царства, а врагам труднее будет бежать ввиду представляемого рекой препятствия. (3) Итак, Кир, переправив войско и пройдя немного в глубь Скифии, остановился лагерем. (4) Затем на другой день он, как бы убегая в притворном страхе, покинул лагерь, оставив в нем достаточное количество вина и все припасы для пиршества. (5) Когда об этом было возведено царице, она послала в погоню за ним своего молоденького сына с третьей частью военных сил. (6) Подойдя к лагерю Кира, неопытный в военном деле юноша, как будто бы придя на пир, а не на битву, оставил в покое врагов и допустил непривычных к вину варваров упиться им; (7) таким образом скифы были прежде побеждены опьянением, чем войной: (8) ибо Кир, узнав об этом, ночью возвратился, напал на пьяных и перебил всех скифов вместе с сыном царицы. (9) Потеряв такое войско и, что было для нее еще прискорбнее, единственного сына, Тамирис не стала изливать в слезах горесть о своем сиротстве, а стала искать утешения в мести и обошла упоенных недавней победой врагов подобным же коварством: (10) именно, обратившись в бегство в притворном отчаянии вследствие полученного поражения, она завлекла Кира в ущелье (11) и там, устроив засаду в горах, истребила двести тысяч персов⁵ вместе с царем. (12) В этой победе было замечательно, между прочим, то, что не осталось даже вестника о таком громадном поражении. (13) Отрезанную голову Кира царица приказала бросить в наполненный человеческой кровью мех со следующей насмешкой над его жестокостью: «Насыться крови, сказала она, которой ты жаждал и которой никогда не мог насытиться».

II, 1. Рассказ о подвигах скифов, которые были достаточно велики и важны, следует вести с самого их происхождения: (2) начало их истории было не менее славно, чем их владычество, и доблестями мужей они прославились не более, чем женщин; (3) в самом деле, сами они были родо-

¹ [Египетский царь Везосис (в некоторых рукописях Сезосис) должен быть отождествлен с Сесострисом (Рамсесом II), о завоеваниях которого в Азии сообщают многие древние авторы и прежде всего Геродот (II, 103)].

² [Имя это, несомненно, связано с наименованием реки Танаиса, которое в качестве имени божества засвидетельствовано у I a m b l., Dgath., 9; Страбон (I, 3, 21) при перечислении древнейших царей-завоевателей, наряду с Сесострисом и Псамметихом), называет еще и скифского или киммерийского царя Мадия, известного также и из Геродота (I, 103), а Арриан, в подобном же случае, — Иандиса (A g r., Parth., fr. 1), имя которого перекликается с именем Идантиса. Таким образом, в изложении Трога имя царя Таная (Танаиса) призвано было заменить, как более знакомое уху древнего читателя, киммерийско-скифские имена варварских вождей, совершавших походы в Малую Азию и Сирию вплоть до Египта].

³ [Тамирис у Геродота (I, 205 сл.); где и находится более подробный рассказ о войне Кира с массагетами; ср. также Страбон, XI, 8].

⁴ [Т. е. Окс (Аму-Дарья). У Геродота в качестве пограничной реки между владениями массагетов и персов фигурирует Аракс, равно как и у Страбона, что свидетельствует о колебаниях локализации этих наименований у греков в древнее время, приводивших впоследствии к смешению и путанице географических названий].

⁵ [Эти данные отсутствуют у Н е r., I, 214 и заимствованы Помпеем Трогом у Ктесия. A. G u t s c h m i d, Kl. Schr., V, 56].

начальниками парфян и бактрийцев, а жены их основали царство амазонок, (4) так что, если разбирать подвиги мужчин и женщин, то останется неизвестным, который пол был у них славнее. (5) Скифское племя всегда считалось самым древним¹, хотя между скифами и египтянами долго был спор о древности происхождения: (6) египтяне хвалились, что при начале мира, когда одни страны пылали от чрезмерного солнечного жара, а другие коченели от ужасного холода, так что не могли не только первыми прожить людей, но даже принимать пришельцев и предоставлять им сносные условия жизни, пока не были найдены средства защиты от жара и холода или неблагоприятные условия местности не были облегчены искусственными средствами, — (7) в это время Египет обладал климатом настолько умеренным, что ни зимние холода, ни летний солнечный зной не причиняли страданий его обитателям, (8) а почва его была настолько плодородна, что ни одна страна не производила более продовольствия на пользу людям: (9) поэтому-то первоначальной родиной людей с полным правом должна считаться та страна, где они легче всего могли вскормиться. (10) Напротив, скифы вовсе не признавали умеренность климата доказательством древности: (11) природа, по их словам², как только распределила по странам начала жара и холода, немедленно произвела и живые существа, способные переносить климат каждой местности; (12) даже породы деревьев и плодов видоизменяются сообразно с местными условиями. (13) Насколько климат Скифии суровее египетского, настолько выносливее там тела и души. (14) Впрочем, если нынешние части света некогда составляли одно целое, то заливал ли первоначально земли водный поток или везде царил огонь, из которого и создан мир, — в Скифии скорее могла развиться и та и другая стихия: (15) если первоначально владычествовал в мире огонь, который, понемногу погасая, дал место землям, то ни одна часть света не была выделена из огня раньше, чем северная, вследствие зимних холодов, так что даже и теперь ни одна более не цепенеет от холодов; (16) тогда как Египет и весь Восток позже всех получили умеренную температуру, так как они и теперь еще высыхают от жгучего солнечного зноя; (17) если все земли некогда были глубоко затоплены, то, конечно, прежде всего обнажились вследствие стока вод наиболее выдающиеся части, а на самых низменных местах та же вода стояла дольше всего; (18) и чем раньше высохла какая-нибудь часть земли, тем раньше начала она производить живые существа. (19) Скифия же до такой степени возвышеннее всех земель³, что все начинающиеся в ней реки стекают в Местиду, а затем уже в Понтийское и Египетское море; (20) тогда как Египет, который укреплен стараниями и трудами стольких царей и веков, который пртив напора вливающихся вод застроен такими громадными плотинами и изрезан столькими каналами, принимающими в себя задержанные плтинами воды, тем не менее мог и может быть возделываем только под условием заграждения Нила и поэтому кажется последней страной в отношении древности обитателей, так как он и образован, повидимому, позднее всех стран посредством царских плотин или иловых наносов Нила. Такими доказательствами скифы одержали верх над египтянами и всегда казались народом более древнего происхождения.

2. Скифия, расстилаясь по восточному направлению, с одной стороны ограничивается Понтом, с другой — Рифейскими горами, с тылу —

¹ [Ср. утверждение Геродота (IV, 5), что скифы считали себя моложе всех других народов].

² [Все нижеследующее базируется отнюдь не на скифской традиции, к которой апеллирует Трог, а на греческих историко-риторических построениях типа соответствующих пассажей Эфора].

³ [Ср. Verg., Georg., I, 240 и прим.].

Азией и рекой Фасисом¹. (2) Она очень велика и в длину и в ширину. (3) Между отдельными народами нет никаких границ: они не занимаются земледелием, у них нет ни домов, ни других жилищ, ни постоянных мест жительства, так как они постоянно пасут стада крупного и мелкого скота и по привычке кочуют по неводеланным степям. (4) Жен и детей они возят с собой на повозках, которые покрываются кожами для защиты от дождей и зимних холодов и служат им жилищами. (5) Понятие о справедливости внушено им собственным умом, а не законами. (6) Самым тяжким преступлением у них считается воровство: в самом деле, у народа, не прибегающего под защиту кровли и владеющего крупным и мелким скотом, что оставалось бы в лесах, если бы воровство считалось позволительным? (7) К золоту и серебру они не питают страсти подобно остальным смертным. (8) Пищей им служат молоко и мед; (9) употребление шерстяных одежд им неизвестно, и, хотя они страдают от постоянных холодов, но употребляют для одежды только звериные и мышьи шкуры. (10) Эта воздержанность произвела у них и справедливость нравов, именно отсутствие страсти к чужому: ведь страсть к богатствам бывает только там, где умеют ими пользоваться. (11) О, если бы у остальных смертных была бы подобная умеренность и воздержание от чужого; (12) конечно, не столько войн происходило бы во все века и во всех землях, (13) и железо и оружие не похищали бы больше людей, чем естественные условия их судеб. (14) Весьма удивительным кажется, что сама природа дает им то, чего греки не могут достигнуть путем длинной науки мудрецов и наставлений философов, и что необразованное варварство при сравнении оказывается выше образованных нравов: (15) настолько первым полезнее незнание пороками, чем последним знание добродетели.

3. Владычества над Азией скифы добивались трижды; сами они постоянно оставались или не тронутыми, или не побежденными чуждым владычеством. (2) Персидского царя Дария они с позором выгнали из Скифии; (3) Кира перерезали со всем войском; (4) Зопириона, полководца Александра Великого, точно так же уничтожили со всей армией²; (5) оружие римлян узнали только по слухам, но не почувствовали. (6) Сами они основали Парфянское и Бактрийское царства. (7) Все племя отличается выносливостью в трудах и на войне и необычайной телесной силой; они не приобретают ничего такого, что боялись бы потерять, а оставаясь победителями, ничего не желают, кроме славы. (8) Первый объявил войну скифам египетский царь Везосис³, послав наперед послов предложить врагам изъявить покорность; (9) но скифы, уже ранее получившие от соседей известие о нашествии царя, ответили послам: (10) предводитель столь богатого народа лишь по высокомерию начал войну с нищими, войну, (11) которой ему более следовало бы опасаться дома, так как исход войны сомнителен, награды за победу нет никакой, а вред очевиден. (12) Поэтому скифы не будут ждать, пока придет к ним враг, от которого им следует желать гораздо большего (чем врагу от них), но сами пойдут навстречу добыче. (13) Дело не замедлило последовать за словами. Царь, узнав, что они приближаются с такой быстротой, обратился в бегство и, покинув войско со всеми военными приготовлениями, спасся в свое царство. (14) Болота не пропустили скифов в Египет. (15). Возвратившись оттуда, они покорили Азию и сделали ее своей данницей, наложив умеренную дань скорее в виде доказательства своей власти, чем в виде награды за победу.

¹ [Геродот считал восточной границей Скифии реку Танаис, тогда как в более позднее время (ср. P t o l., Geogr., V, 3, 12) к Скифии относили и североазиатские страны, вплоть до Индии].

² [Ср. ниже, XII, 1, 4; XII, 2, 16].

³ [Ср. выше, I, 1, 4 и прим.].

(16) Употребив 15 лет на умиротворение Азии, они были отозваны оттуда просьбой своих жен, которые объявили им чрез послов, что если мужья не возвратятся, то они постараются прижить потомство с соседями и не допустят, чтобы в будущем скифское племя погибло по вине женщин. (17) Азия платила им дань в течение 1500 лет; конец уплате дани положил ассирийский царь Нин.

4. В это время двое скифских юношей из царского рода, Плин и Сколопит¹, изгнанные из отечества проiscaми вельмож, увлекли за собой множество молодежи, (2) поселились на каппадокийском берегу у реки Термодонта и заняли соседнюю Темискирскую равнину². (3) Там они в течение многих лет грабили соседей и потом были изменнически убиты вследствие заговора народов. (4) Жены их, видя, что к изгнанию прибавилось сиротство, сами взялись за оружие и стали защищать свои владения сначала оборонительными войнами, а потом и наступательными. (5) Они не хотели и думать о брачных связях с соседями, называя их рабством, а не браком. (6) Представляя единственный в своем роде для всех веков пример, они решились править государством без мужчин и даже с презрением к ним; (7) для того, чтобы одни не казались счастливее других, они перебили и тех мужчин, которые оставались дома, (8) и отомстили за избивание мужей избиванием соседей. (9) Но затем, оружием снискав мир, они вступают в половые сношения с соседями с целью предотвратить гибель своего рода. (10) Если рождались дети мужского пола, они их избивали, а девочек воспитывали в одних с собой нравах, именно приучали не к безделию или обработке шерсти, (11) а к оружию, лошадям и охоте, причем выжигали правые груди девочек, чтобы не было помехи при стрельбе из лука; от этого они и получили название амазонок...³

(26) Орития⁴, узнав о том, что против ее сестер начата война и что похитителем [ее сестры Ипполиты] был афинский царь [Тезей], обращается с увещаниями к спутницам и говорит, что напрасно порабощен и Понтийский залив и Азия, если они будут открыты не столько для войн, сколько для грабежей греков. (27) Затем она обращается к скифскому царю Сагилу за помощью на том основании, что сами они — скифского происхождения; она выставляет на вид гибель мужчин, необходимость защищаться, причины войны и тот факт, что, благодаря их доблести, скифские женщины считаются не хуже мужчин. (28) Увлеченный славой своего племени, Сагил посылает на помощь сына своего Панасагора⁵

¹ [Первое из этих имен читается на основании ряда рукописей другими писателями Nilupos или Nilinos (см. A. Gutschmid, Kl. Schr., V, 129, прим. 1) и в нем, быть может, следует слышать отголосок того скифского местного или племенного имени, из которого получилась Геродотова Ὀλπίς; второе же имя стоит в ряду таких скифских собственных имен, как Спаргапейт или Ариапейт (Нег., IV, 77) и не может быть оторвано от скифского племенного наименования сколоты, вяжущегося, в свою очередь, с такими именами, как колы и колхи].

² [Этот рассказ, равно как и нижеследующие слова, совпадая частично с описанием походов амазонок у Дидора (II, 43 сл.), отражает в себе исторические reminiscenции о скифско-киммерийских походах и о пребывании киммерийцев в Малой Азии, нашедшие место в изложении Геродота (I, 103 сл.) и Страбона (I, 3, 21)].

³ [Ср. сказанное о скифском происхождении малоазийских амазонок в прим. к Scrv. in Aen., XI, 659].

⁴ [Дочь аттического бога-царя Эректа (Apollod., III, 15, 2), известная также как переида и жена Борей. Орития имеет отношение к мифу об амазонках также и по Квинту Смирнскому (Posthom., I, 168) — обстоятельство, указывающее на связь этого мифа с культом божеств плодородия, подтверждаемое также и другими фактами].

⁵ [Названные «скифские» имена, упоминаемые лишь у Юстина, связываются не со скифской, а с «амазонской» традицией, базирующейся на каппадокийском топонимическом материале. В то время, как для первого из них параллелью является Σχολίων — пункт близ Амасии в Понте, упомянутый у Strabo, XII, 3, 35, второе может быть

с огромной конницей¹. (29) Перед битвой амазонки были покинуты своими вспомогательными войсками вследствие происшедшей ссоры и потерпели поражение от афинян, (30) но нашли убежище в лагере союзников, с помощью которых возвратились в свое царство, не потерпев вреда от других народов. (31) После Оритии овладела царством Пентесилея, о доблести которой во время Троянской войны среди храбрейших мужей, когда она пришла на помощь против греков, имеются веские свидетельства². (32) После убийства Пентесилеи и истребления ее войска немногие, оставшиеся на родине, с трудом отбивая нападения соседей, владели свое существование вплоть до времен Александра Великого. Царица их Минития или Талестрия, добившись тринадцатидневной связи с Александром для произведения от него потомства³ и затем возвратившись в свое царство, вскоре после того погибла со всеми амазонками, и самое имя их исчезло.

5. Во время третьего похода в Азию скифы восемь лет пробыли вдали от жен и детей, и по возвращении домой им пришлось вступить в войну с рабами: (2) жены их, истомившись долгим ожиданием мужей и полагая, что они не задержаны войной, а истреблены, вступили в браки с рабами, оставленными для охраны стад; (3) и вот, когда господа победоносно вернулись домой, рабы⁴ с оружием в руках преградили им, как бы чужеземцам, доступ в их земли. (4) Когда победа оказывалась то на той, то на другой стороне, скифам был подан совет изменить род битвы, помня, что им приходится драться не с врагами, а с рабами, и одолеть их нужно не оружием, а правом господ; нужно взять на битву бичи, а не оружие, отложить в сторону железо и заготовить розги, кнуты и другие орудия, наводящие страх на рабов. (5) Одобрив этот совет, они все вооружились, как было указано, и, приблизившись к врагам, неожиданно осыпали их ударами и привели в такой ужас, что страхом ударов были побеждены те, которых не могло одолеть оружие, и бросились бежать не как побежденные враги, а именно как беглые рабы; (6) все, кого удалось захватить, были казнены распятием на кресте. (7) Жены их вследствие угрызений совести покончили с собой отчасти мечом, отчасти повешением. (8) После этого скифы жили мирно до времени царя Иантира⁵. Против этого последнего персидский царь Дарий, как сказано выше, пошел войной за то, что не получил руки его дочери, и вступил в Скифию с 700 000 вооруженных людей, но, не получив от врагов возможности сразиться и боясь, чтобы они не разрушили моста на Истре и тем не отрезали ему отступления, с трепетом бежал назад, потеряв 80 000 людей⁶; впрочем, эта потеря, при изобилии народонаселения в его царстве, не была сочтена за несчастье.

сопоставлено с «амазонским» наименованием местности близ Темискиры: Фанария (Strabo, XII, 3, 29) или Фанагория (Ptol., Geogr., V, 6, 3), от которой, вероятнее всего, и образовалось, посредством некоторого усложнения, имя Панасагора].

¹ [В этой легенде о помощи амазонкам со стороны скифов следует видеть видоизменение легенды о происхождении савроматов, изложенной у Нег., IV, 110 сл. Ср. A. Gutschmid, Kl. Schr., V, 149 сл.].

² [Cp. Verg., Aen., XI, 662 п прим.].

³ [Cp. Plut., Alex., 46].

⁴ [В виду имеются не те рабы, с которыми скифские женщины вступили в брак, а их потомки, соответственно передаче этой легенды у Нег., IV, 3. Подобные же мотивы звучат в рассказе Юстина о спартанских парфениях (Iust., III, 4, 8) и в легенде о смене династии в финикийском городе Тире (Iust., VIII, 3). Это обстоятельство лишает легенду о скифских рабах местного колорита и заставляет видеть в ней один из так называемых «бродячих сюжетов»].

⁵ [Идантирс у Геродота (IV, 127) и Мегасфена (Agr., Ind., V, 4)].

⁶ [Отсутствующая у Геродота цифра персидских потерь могла быть заимствована Помпеем Трогом у Ктесия. См. A. Gutschmid, Kl. Schr., V, 107. Обращает на себя внимание, однако, тот факт, что цифра 80 000 человек фигурирует у Геродота в сообщении об армии, оставленной Дарием в Европе по окончании скифской войны, под командованием Мегабаза (Нег., IV, 143)].

IX, 1, 9. [Филипп, завоевав херсонесские города], отправился даже в Скифию за добычей, чтобы по-купечески возместить военные издержки новой войной.

2. В то время в Скифии был царь Атей; теснимый войной со стороны истрианцев¹, он через посредство аполлонийцев² попросил помощи у Филиппа, обещая за это усыновить его и сделать наследником Скифского царства; (2) между тем царь истрианский умер и таким образом освободил скифов и от страха войны, и от нужды в помощи. (3) Тогда Атей отпустил македонян и приказал передать Филиппу, что он не просил у него помощи и не предлагал усыновления, (4) ибо скифы не нуждаются в защите македонян, которых они превосходят храбростью, и ему не нужен наследник при жизни сына. (5) Услышав это, Филипп послал к Атею послов с требованием части издержек на осаду, чтобы он не был принужден оставить войну по неимению денег; (6) Атей, говорил он, должен исполнить это требование с тем большей готовностью, что посланным к нему на помощь воинам не только не заплатил за их услуги, но даже не дал содержания. (7) Атей, выставляя на вид суровость климата и скудость земли, которая не только не обогащает скифов наследственными именьями, но едва дает нужное для пропитания, ответил, что у него нет таких сокровищ, которыми можно было бы удовлетворить столь богатого царя; (8) что, по его мнению, постыднее отделаться малым, чем отказать во всем, (9) и что скифы ценятся не по богатствам, а по душевной доблести и телесной выносливости. (10) Раздраженный этим ответом Филипп, сняв осаду Византия, занялся войной со скифами и, чтобы внушить им беспечность, послал наперед послов объявить Атею, что он во время осады Византия обещал статую Гераклу (11) и теперь идет поставить ее у устья Истра; поэтому он требовал свободного пропуска для исполнения священного обета богу и говорил, что идет к скифам как друг. (12) Атей предложил послать к нему статую, если он желает исполнить обет; он обещал не только поставить ее, но и заботиться об ее нерушимости; а с войском вступить в свои владения он не позволит; (13) если же Филипп поставит статую против желания скифов, то по его удалении он ее ниспровергнет и медь ее употребит на наконечники стрел. (14) Когда таким образом обе стороны пришли в раздражение, завязалась битва, в которой скифы, несмотря на превосходство их душевной доблести и численности, были побеждены хитростью Филиппа; (15) взято было 20 тысяч детей и женщин, множество скота, но золота и серебра совсем не оказалось, чем впервые была засвидетельствована бедность скифов; (16) 20 тысяч кровных кобылиц было отослано в Македонию для произведения породы³.

¹ [Т. е. жителей города и области Истра, милетской колонии к югу от устья реки Дуная, которая в более позднее время, судя по упоминанию Трога об истрианских царях (см. ниже в этой же главе), представляла собой в политическом отношении некое подобие Боспорского царства (ср. A. Gutschmid, Kl. Schr., III, 441), включая в себя не только горожан-эллинов, но и окрестные варварские племена. Во всяком случае Histriani употреблено здесь, несомненно, в том же значении, в каком Страбо́н (XI, 2, 10) употреблял обозначение Βαστορχοί применительно к племенам, подчиненным боспорским царям].

² [Жителей Аполлонии, милетской колонии на фракийском побережье Черного моря, позднейшего Созополя (на месте современного селения Свезбол)].

³ [Столкновение Филиппа Македонского с царем скифов Атеем из-за поплзповений Атея к расширению своего царства в юго-западном направлении и посягательств на Византию и на трибаллов, о чем сохранились скудные упоминания у Clem. Al., Strom., V, 5, 31 и у Polyaeu., VII, 44, а также у Strabo, VII, 3, 18, свидетельствует о значительной политической активности скифов на Балканском полуострове, отмечающейся уже впервые у Эфора, со слов которого западная граница Скифии показана у Ps.-Scyl., 756, у Дионисополя (близ современного Балчика), т. е. недалеко от границы позднейших римских провинций Мезии и Фракии].

Х, 3, 1. [Персидский] престол перешел по наследству к Оху¹, который... (2) пошел войной против кадусиев. (3) В этой войне некто Кодоманн² при всеобщем одобрении выступил против вызывавшего на поединок врага и, убив его, доставил своим победу и восстановил почти совершенно утраченную славу. (4) За этот подвиг Кодоманн был назначен сатрапом Армении...

ХII, 1, 4. [Вскоре после смерти Дария Александру] было вручено письмо Антипатра из Македонии, в котором излагалась... война Зопириона, его наместника в Скифии. Письмо это возбудило в нем различные чувства, впрочем, более радости... чем скорби о войске, погибшем с Зопирионом...

ХII, 2, 16 ... Зопирион, оставленный Александром Великим *в качестве* наместника Понта, полагая, что его признают ленивым, если и он не совершит никакого предприятия, собрал 30 тысяч войска и пошел войной на скифов, но был уничтожен со всей армией и таким образом поплатился за необдуманное начатие войны с неповинным народом³.

ХII, 5, 9. За парфянами Александр покорил дрангов⁴, эвергетов или аримаспов⁵, парапамесадов⁶ и другие народы, обитавшие у подошвы Кавказа... (12) и для того, чтобы оставить свое имя этим странам, основал город Александрию над рекой Танаисом⁷, причем в семнадцать дней построил стену в шесть тысяч шагов длины и перевел туда население трех городов, которые некогда основал Кир.

ХХХII, 3, 13. Истрийский народ⁸, по преданию, ведет свое происхождение от колхов, посланных царем Ээтом в погоню за аргонавтами, похитителями его дочери. (14) Войдя с Понта в Истр⁹ и затем далеко заехав по руслу реки Сава¹⁰ по следам аргонатов, они перенесли свои суда на плечах через горные цепи до берега Адриатического моря, прослышав, что аргонаты раньше сделали то же *самое* вследствие величины своего корабля. (15) Не найдя последних, уже успевших уехать, колхи, из страха ли перед царем, или наскучив долгим плаванием, поселились

¹ [Имя до воцарения персидского царя из дома Ахеменидов Артаксеркса III (359—338 гг. до н. э.), сохранившееся впоследствии в качестве прозвища].

² [Из других источников неизвестен].

³ [Сообщение о походе Зопириона в Скифию подтверждается также весьма интересным свидетельством М а к р о б и я (S a t., I, 11, 33), показывающим, с одной стороны, что Зопирион проник весьма глубоко в пределы этой страны, а с другой — что эта борьба привела к значительным социально-политическим потрясениям. Самый факт столкновения македонского военачальника со скифами должен быть поставлен в один ряд с событиями эпохи царя Атея, как свидетельство об активных взаимоотношениях Македонии и Скифии во второй половине IV в. до н. э.].

⁴ [Т. е. жителей области Дрангианы, представлявшей собой южную часть сатрапии Арианы (современный Седжестан)].

⁵ [Отождествляемых с ариаспами — племенем, жившим на реке Этимандре, между дрангианами и арахосиями, получившим прозвание эвергетов (благодетелей) за помощь, оказанную им царю Кирю Старшему в его походе через пустынную Карманию (A g r., Ap., III, 27, 4 сл.; IV, 6, 6; D i o d., XVII, 81)].

⁶ Ср. об этом месте критическое примечание R u e h l ' я. [То же, что и парапанисады — жители горной области в нынешнем северо-восточном Афганистане, названные по горному хребту Парапанису и Парапамису (современные Гиндукуш и Гималаи)].

⁷ [Александрия Эсхата (Дальняя), в Согдиане, на месте позднейшего Холжента. Под Танаисом надо понимать Яксарт (современную Сыр-Дарью); A g r., Ap., IV, 1, 3; P l i n., NH, VI, 49].

⁸ [Имеются в виду жители полуострова Истрии на Вепеданском заливе. Истрия получила свое название, сохраняемое и поныне, в древности, в связи с представлением о «Малом Истре» (см. прим. к Z o s., V, 29), которое основано на перевалочном судоходстве по системе Савы и Лайбаха].

⁹ [О возвратном плаваньи аргонатов и их преследователей по Истру см. A p o l l. R h o d., IV, 303 сл.].

¹⁰ [Река в Паннонии, приток Дуная, современная Сава].

близ Аквилей и назвались истрами по имени реки, по которой поднялись от моря¹.

XXXVII, 3, 1. Приступив к государственной деятельности, [Митридат] немедленно стал думать не об управлении государством, а об его увеличении. Итак, он с величайшим счастьем покорил непобедимых прежде скифов, которые уничтожили Зопириона, полководца Александра Великого, с 30-тысячным войском², перерезали персидского царя Кира с 200 тысяч воинов³ и захватили в бегстве македонского царя Филиппа.

XXXVIII, 3, 5. Митридат, намереваясь вступить в войну с римлянами, заключает союз с Тиграном... (6)⁴ Затем, понимая, какую огромную затекает он войну, отправляет послов с просьбой о помощи к кимврам, других к галлогрекам, сарматам и бастарнам; (7) все эти народы он уже раньше привлек на свою сторону различными благодеяниями, замышляя войну с римлянами. Он приказывает также явиться войску из Скифии и вооружает против римлян весь Восток.

XXXVIII, 7, 3⁵. Некогда два царя, осмелившиеся не покорить Скифию, а только войти в нее, именно Дарий и Филипп, с трудом нашли путь для бегства оттуда, откуда сам он [т. е. Митридат] получил значительную часть сил для войны с римлянами. (4) А между тем он с гораздо большей робостью и неуверенностью приступил к войнам в Понте, так как сам он был еще неопытным новичком, а скифы, кроме оружия и доблести, были защищены еще степной природой или холодами местности, которыми обуславливались величайшие опасности и трудности похода. (5) Среди этих затруднений не было даже надежды на добычу от врага, кочующего и не имеющего не только денег, но даже и оседлости... (9) Пусть только воины храбро последуют за ним и сообразят, что может сделать такое войско с вождем... который единственный из смертных усмирив весь Понт и Скифию, которую раньше никто не мог безопасно пройти или даже вступить в нее. (10) Что же касается его справедливости и щедрости, то их не откажутся засвидетельствовать сами испытывавшие их воины, а другие доказательства имеются в том, что он один из всех владеет не только отцовским царством, но и чужими, приобретенными по наследству путем его щедрости, именно Колхидой, Пафлагонией и Боспором.

XI, 1, 1. Парфяне... были скифские изгнанники. (2) Это очевидно даже из самого их названия: по-скифски изгнанники называются «парфами»... (10) Они, будучи изгнаны из Скифии домашними усобицами, тайком заняли степи между Гирканией, дагами, апартанами и маргианами⁶.

2, 3. Язык у них — средний между скифским и мидийским, помесь того и другого.

XLII, 2, 9 ... Армения простирается от Каппадокии до Каспийского моря на миллион сто тысяч шагов в длину, а в ширину тянется на семьсот тысяч шагов. (10) Она основана Армением, спутником фессалийца Язона⁷. Царь Пелий, желая гибели последнего вследствие его замечательной и опасной для царства доблести, приказал ему отправиться в страну колхов и привезти оттуда известное народам руно барана, надеясь, что он погиб-

¹ [О колхах, поселившихся на месте убийства Апсирта (Апсиртидские острова в иллирийском побережье, см. схол. к A p o l l. R h o d., IV, 507)].

² [См. выше, XII, 1, 4; 2, 16].

³ [См. выше, I, 8].

⁴ [См. об этом P l u t., Ромр., 32 сл.].

⁵ Из речи Митридата к воппам, которую Юстин целиком выписал из Помпея Трога.

⁶ [Относительно парфян, занимавших первоначально область к юго-востоку от Каспийского моря, заселенную племенами, родственными скифам, см. S t r a b o, XI, 3 сл.].

⁷ [Об Армене, спутнике Язона, и об эллиском происхождении армян см. еще S t r a b o, XI, 14, 12 сл.].

нет или вследствие опасностей столь дальнего плавания, или в войне со столь дикими варварами. (11) Когда Язон распустил слух о таком славном предприятии, к нему стал наперерыв стекаться цвет молодежи почти со всего света, и он составил *целое* войско из храбрейших мужей, получивших название аргонавтов. (12) Он привел его назад невредимым, совершив великие подвиги, но тут снова с большим насилием был изгнан из Фессалии сыновьями Пелия. *Тогда он с огромной толпой людей, которые ежедневно стекались к нему из всех племен, привлекаемые славой его доблести, в сопровождении супруги своей Медеи, которую он было удалил, но потом снова принял к себе из сострадания к ее положению изгнанницы, и пасынка Меда, рожденного Медеей от афинского царя Эгея, возвратился в Колхиду и восстановил на престоле своего тестя Ээта, изгнанного из царства.*

3. Затем он вел великие войны с соседями и завоеванные страны частью присоединил к царству тестя, чтобы загладить обиду, *нанесенную ему в прежнем походе, именно похищение его дочери Медеи и убийство сына Эгиалея¹, а частью наделял ими людей, которых привел с собой.* (2) Говорят, что он первый из смертных покорил эту часть света после Геракла и Либеры², которые, по преданию, были царями Востока. (3) Некоторым народам он дал в предводители Фригия и Амфистрата, возниц Кастора и Поллукса. (4) Он заключил союз с албанами, которые, говорят, последовали из Италии, с Албанской горы, за Гераклом, когда он по убийстве Гериона гнал через Италию его скот, и которые, помня о своем происхождении из Италии, в Митридатовскую войну братски приветствовали войско Гн[ея] Помпея. (5) Итак почти весь Восток *оказывал* божеские почести Язону, как *своему* основателю, и построил *ему* храмы, которые много лет спустя полководец Александра Великого Парменион приказал разрушить, дабы ничье имя на Востоке не пользовалось большим почетом, чем *имя* Александра. (6) После смерти Язона Мед (Medus), соревнуя его доблести, построил в честь *своей* матери город Медию (Mediam) и основал названное по его имени Мидийское (Medorum) царство, под владычеством которого находился впоследствии Восток. (7) В соседстве с албанами живут амазонки, царица которых Талестрия, по свидетельству многих писателей, упросила Александра вступить с ней в связь³. (8) И Армянский, также фессалиец, один из числа вождей Язона, снова собрав толпу, повсюду бродившую после смерти царя Язона, основал Армению...⁴

Г[АЙ] ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ

Жил во второй половине I в. до н. э. и первой половине I в. н. э. Его сочинение «Historia Romana» в 2 книгах посвящено Марку Виницию, консулу 29 г. н.э.—S h a p z-
H o s i u s, Gesch. d. röm. Litt., II,⁴ 580 сл. [См. М. Покровский. Ист. римск. лит., стр. 284; В. Модестов, Лекции по ист. рим. лит., стр. 569].

Текст: C. Vellei Paterculi ex historiae Romanae libris duobus quae supersunt. Apparatu critico adiecto ed. Car. H a l m, Lips., ap. Teubn., 1876. [Русский перевод: Ф. Моисеенков, Веллей Патеркул, Римская история, Изд. Акад. Наук, 1774. Vellei Paterculi ex historiae Romanae libris quae supersunt post C. Halm ed. Stegmann v. Tritzvale, 1933].

¹ [Одно из имен брата Медеи, известного чаще под именем Аспирта. О других его именах см. схол. к A p o l l. R h o d., III, 1236 и прим.].

² [Т. е. Диониса].

³ [Ср. P l u t., Alex., 46].

⁴ [Если у историков и географов эллинистического времени чувствуется усиление традиции к установлению родства греков и варваров посредством отыскания их общих предков в лице Геракла, трояических героев, аргонавтов и т. д., то у Помпея Трога эта тенденция достигает своего апогея. Страбон знает об эллинском происхождении армян и так называемых понтийских ахеев (генихов, зигов и др.). Помпей Трог приобщает к греко-италийскому корню также албанов и медов, включая, таким образом, в общую семью народов эллинского корня всю Переднюю Азию].

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

(HISTORIA ROMANA)

II, 40, 1. Затем последовало военное предводительство Гн[ея] Помпея, в котором не знаешь, что поставить выше — славу или труды. Он победоносно прошел Мидию, Албанию и Иберию, затем повернул свое войско против тех народов, которые живут вправо у отдаленнейшего угла Понта, — колхов, гениохов и ахеев. Здесь, благодаря счастливой звезде Помпея, погиб вследствие коварства своего сына Фарнака Митридат, последний из всех самостоятельных царей, кроме парфянских¹. (2) Затем Помпей, победив все народы, против которых выступал, ... возвратился в Италию.

ГЕРМАНИК

Германик, сын Друза, родился в 15 г. до н. э., умер в 19 г. н. э. До нас дошел исполненный им перевод поэмы греческого писателя III в. до н. э. Арата «О небесных явлениях» (Φαινόμενα). Подробнее о Германике см. Schanz-Ostius, Gesch. d. röm. Litt. II, 4 сл. [См. М. Покровский, Ист. римск. лит., стр. 282 сл.].

Текст: Germanici Caesaris Aratea cum scholiis ed. Alfr. Breysig Berol., 1867. [Новое издание; Germanici Caesaris Aratea. Herum edidit, A Breysig, 1889 [Русский перевод: В. Фохт, «Гермес», 1908, № 15 сл.].

О НЕБЕСНЫХ ЯВЛЕНИЯХ

(PHAENOMENA)

532 — 535²

Здесь знаменитый баран с золотым руном, который некогда отнес Фрикса к таврам, который изменил Гелле, ради которого сооружено судно³, которого вероломная колхидянка⁴, усыпив стража, подарила преступной любви...

СХОЛИАСТЫ ГЕРМАНИКА

БАЗЕЛЬСКИЕ СХОЛИИ

(SCHOLIA BASILEENSIA)

Издание Breysig'a, стр. 55 сл.

224. Затем появился баран и т. д.] некоторые полагают, что это тот баран, который перенес (portavit [pertulit])⁵ Фрикса и Геллу к колхам. По Гесиоду⁶, Небула дала им этого златорунного барана, чтобы он перенес их. Затем Гесиод прибавляет, что Гелла упала в море и от нее назван Геллеспонт... А Фрикс, перенесенный к колхам, принес барана ([eius] arietem)⁷ в жертву и золотую шкуру его посвятил Юпитеру. Ферекид⁸ говорит, что он потому не (non)⁹ светит, что принят на небо после сжигания золотого руна.

¹ [См. Plut., Pomp., 32 сл.: App., Mithr., 103 сл.].

² Те же стихи повторяются в «Prognosticorum reliquia», 2—5 (стр. 41 издания Breysig'a).

³ Т. е. «Арго».

⁴ Т. е. Медея.

⁵ «portavit (pertulit) F. Bücheler, R. M. N. F., XIII, 1859, стр. 184, если только схолиаст, имея в виду одного Фрикса и, выражаясь небрежно, как я некогда думал, не сказал portans pertulit, т. е. «нес по земле и морю и перенес», ср. Sen., de ben., III, 37». (Breysig).

⁶ Hes., Astr., fr. 14 K [См. ВДП, 1947, № 1, стр. 295].

⁷ Eius вычеркнул Breysig.

⁸ [Фрагмент отсутствовал у Müller'a и у Jacoby].

⁹ Non добавил Breysig.

СТРОЦЦИАНСКИЕ СХОЛИИ

(SCHOLIA STROZZIANA)

224 (Breysig, стр. 142). Затем появляется баран] как говорят Геспод и Ферекид, баран помещен между звездами ради Фрикса и Геллы, детей Атаманта и Небулы. Когда они хотели убить свою мачеху, то, говорят, были сделаны Либером безумными; пока они блуждали по лесу, мать, по преданию, привела им барана с золоченой шкурой. Желая совершить на нем плавание, они были сброшены в море, которое по имени Геллы зовется Геллеспонтом... А Фрикс [говорят], сидя на вышесказанном баране, прибыл в Колхиду к царю Эту и там принес барана в жертву Марсу и уступил ему свою золотую шкуру, которую сторожил дракон, раньше чем баран был помещен между звездами. Говорят, что этот баран родился от Нептуна и Теофаны, дочери Бусалтиды¹; *Нептун*, влюбившись в нее, перевез ее на остров Крумиссу² и обратил в овцу.

СЕН-ЖЕРМЕНСКИЕ СХОЛИИ

(SCHOLIA SANGERMANENSIA)

224 (Breysig, стр. 142). Под знаком Андромеды, недалеко от Ориона и Плеяд, распознается знак Овна [барана]. Геспод и Ферекид³ говорят, что этот баран был уступлен облаками (pubibus)⁴ на служение Фриксу и Гелле. Когда он перевозил их через весьма узкое море, то сбросил Геллу в море, которое по ее имени зовется Геллеспонтом... А Фрикса [говорят], вышеназванный баран спас у Эвксинского залива, привез его к Эту и уступил ему свою золотую шкуру, прежде чем выступил между звездами.

ИМПЕРАТОР ТИБЕРИЙ КЛАВДИЙ

Родился в 10 г. до н. э., вступил на престол в 41 г. н. э., умер в 54 г. н. э. Большой любитель литературы, он много занимался историей и оставил, между прочим, большое историческое сочинение (41 книга) о времени окончания междоусобных войн и, вероятно, до смерти Августа, свою автобиографию в 8 книгах и прочие труды.

Текст: *Historicorum Romanorum fragmenta* coll. H. Peter, Lips., 1883, стр. 294—296.

ИСТОРИЯ

(HISTORIA)

Ф р. 6 (P l i n., NH, VI, 31). Клавдий Цезарь передает, что от Киммерийского Боспора до Каспийского моря 150 000 шагов⁵ и это *пространство* задумывал прокопать Селевк Никатор в то время, как был убит Птолемеем Кераном⁶.

¹ [По версии Г и г и н а (Fab., 3, 188) сама Теофана была дочерью Бисалта и поэтому называлась Бисалтидой. Бисалт этот является, вероятно, эпонимом Бисалты у устьи реки Стримона].

² [По толкованию М и п к ' а (см. RE, VA, 2, 2089), наименование этого мифического острова происходит от Κρηον νῆσος].

³ [См. выше прим. к Базельским схолиям].

⁴ «Подозреваю *Nebula*. Ср. выше schol. Strozz.» (Breysig).

⁵ [Передкое в древности отождествление Танаиса, Аракса и Яксарта вызывало представление о близости или даже об идентичности Меотиды и Каспия (ср. RE, XX, 2279), от которого, видимо, недалеко ушел и Патрокл (см. ВДИ, 1947, № 3, стр. 258), на чьих исследованиях, несомненно, и покоится проект Селевка Никатора о прорытии Кавказского перешейка, сообщаемый Клавдием].

⁶ [В начале 280 г. до н. э.].

М[АРК] МАНИЛИЙ

С именем Марка Манилия дошла до нас астрономическая поэма в 5 книгах. О жизни поэта нет никаких сведений, даже имя его подвержено сомнению: в некоторых рукописях он называется М. Manlius или М. Mallius, в одной — С. Manilius, еще в одной поэма приписывается «Арату философу». Из некоторых отдельных намеков заключают, что поэма написана в царствование Тиберия. См. М. Schanz-Hosius, *Gesch. d. röm. Litt.*, II,⁴ стр. 441 сл. [См. М. Покровский, *Ист. римск. лит.*, стр. 283].

Текст: М. Manlii *Astronomicon libri quinque*. Recens. Fr. Jacob, Berol., 1846 [Новое издание: М. Manilius, *Astronomica*. Hrsg. v. Th. Breiter, B. I-II, 1908]. [Marci Manlii *astronomicon libriquinque recens.* H. W. Garrod., Ox., 1911].

АСТРОНОМИЯ

(ASTRONOMIA)

I, 412—413 — упоминается «благородный корабль „Арго“, вознесенный на небо с моря, по которому пробежал первым».

III, 9 — 11

... Я не буду рассказывать *про* колхидянку, предавшую отцовское царство, *про* брата, растерзанного вследствие любодения, *про* посевы мужей, свирепое племя быков и неусыпного дракона¹.

III, 304 — упоминается «руно Фриксова созвездия».

III, 632 — 636

... Тогда ведутся кровавые войны свирепым Марсом, Скифию не защищает зима, Германия обращается в бегство по сухой уже земле, и Нил разливается по полям. Таково положение вещей, когда Феб устраивает солнцестояние в созвездии Рака и пребывает на вершине Олимпа...

IV, 516—517 — упоминается баран, который «привез на хребте Фрикса, волей судьбы лишившегося сестры, к берегам Фасиса и в Колхиду».

IV, 615 — упоминается «пролив юноши и утонувшей девушки», т. е. Геллеспонт; 617 — Эвксинский Понт и Меотиды.

IV, 646 — 649

... Между севером и летним востоком далеко заходит волна, проникающая по узкому проливу, и, наконец, разливается по широким полям и, подобная Эвксинскому Понту, образует Каспийское море².

IV, 671 — 679

... Затем *следуют* народы Азии и всем богатая земля, где текут золотосные реки и блестит самоцветными камнями Понт, благоухающие леса пахнут лекарственными зельями; *здесь* Индия, превосходящая *наше* знание, парфы или другой свет и стены поднимающегося к небесам Тавра³. Вокруг него столько различных по именам народов до Танаиса, разде-

¹ Автор отказывается излагать содержание мифов, входящих в состав аргонавтики и посвященных приключениям Язона и его спутников в Колхиде].

² [В этих строках изложено весьма распространенное в древности представление, созданное ионийскими географами, в соответствии с которым Каспийское море представляет собой залив Океана (Индийского или Скифского, т. е. Северного), соединенный с последним узким протоком, за который принималось течение реки Волги, или залив Кара-Бугаз. Последнее открытие приписывается паварху Селевка Никатора П а т р о к л у (fr. 7), плававшему по Каспийскому морю и подтверждавшему мнение Гекатея о нем как об открытом бассейне, наперекор мнению Г е р о д о т а (I, 203), знавшего из хороших иранских источников об истинном положении вещей. См. S t r a b o, XI, 7, 4. Ср. R E, XX, 2279 сл.].

³ [В древности нередко считали продолжением малоазийского горного хребта Тавра все горы, которые пересекают в меридиональном направлении Азию, т. е. Кавказ, Каспийские горы и Индийский Кавказ. Ср. S t r a b o, XI, 8, 1].

ляющего части света скифскими волнами¹, до Меотийских озер, суровых вод Эвксинского Понта и Геллеспонта, заканчивающего собой Пропонтиду. Здесь природа положила предел могущественной Азии...

IV, 753 — 756

... Под Тельцом находятся горы Скифии, могущественная Азия и изнеженные арабы, богатые лесами царства. Понт Эвксинский, изгннутый в виде скифского лука², чтит тебя, Феб, под Близнецами...

V, 376 — 378

... Ради желудка ездят дальше, чем для военной службы: нас кормят побережья нумидов и леса Фасиса; живность вывозится оттуда, откуда было привезено по неведомому еще морю золоченое руно...

ВАЛЕРИЙ МАКСИМ

Историк, живший в первой половине I в. н. э., автор сочинения «Factorum et dictorum memorabilium libri IX», написанного около 30 г. н. э. Кроме подлинного труда, дошли до нас сокращенные изложения его (epitomae), из которых одно принадлежит Юлию Парису и относится к IV или к началу V в., другое, с именем Январия Непотiana, написано раньше конца VI в., Schanz-Hosius, Gesch. d. röm. Litt., II, 4, стр. 588 сл. [См. М. Покровский, Ист. римск. лит., стр. 285; В. Модестов. Лекц. по ист. римск. лит., стр. 576 сл.].

Текст: Valerii Maximi factorum et dictorum memorabilium libri novem. Cum Iulii Paridis et Ianuarii Nepotiani epitomis iterum recensuit Car. Kemprf., Lips., ap. Teubner., 1888. [Русские переводы: П. Алексеев, Валерия Максима изречений и дел достопамятных девять книг, часть I, 1772; И. Холодник, Валерий Максим. Рассказы из древней истории, 1903].

ДОСТОПАМЯТНЫЕ ДЕЯНИЯ И ИЗРЕЧЕНИЯ В 9 КНИГАХ

(FACTORUM ET DICTORUM MEMORABILIMUM LIBRI IX)

V, 4 (о любви к родителям, братьям и родине) extr., 5. Я охотно свидетельствую о любви скифов к родителям. Когда Дарий со всеми силами своего царства постепенно вторгнулся в их пределы, они, понемногу отступая, дошли уже до самых краев пустыни. Наконец, он спросил их через послов, когда же они положат конец своему бегству и начало борьбе? Они отвечали, что у них нет ни городов, ни возделанных полей, за которые стоило бы сражаться, но зато, когда он дойдет до гробниц их отцов, то узнает, как обыкновенно сражаются скифы³. Этим одним столь благочестивым ответом суровое варварское племя искупило себя от всякого обвинения в дикости. Итак, первая и лучшая наставница благочестия — природа, которая, не нуждаясь ни в помощи голоса, ни в применении грамоты, собственными силами молча вливает любовь к родителям в сердца детей... Ибо кто мог научить так ответить Дарию народ, кочующий на повозках, скрывающийся в лесных чащах и питающийся, подобно зверям, мясом растерзанного скота?

СОКРАЩЕНИЕ ЮЛИЯ ПАРИСА

(IULII PARIDIS EPITOMA)

V, 4, 5. Персидский царь Дарий во время похода на скифов спросил их, доколе будут они спасаться бегством. Они ответили на это, что у них нет ни городов, ни возделанных полей, за которые стоило бы сражаться; но когда он дойдет до гробниц их отцов, то узнает, насколько сильно обыкновенно сражаются скифы.

¹ [Т. е. представляющего собой границу Европы и Азии. Ср. Ps.-Scymn., 874; Strabo, XI, 1, 5].

² [Ср. Нер., fr. 163 (Amth. Marc., XXII, 8)].

³ [Ср. Нер., IV, 127, где эти слова в более пространной редакции вложены в уста скифского царя Идантирса].

ЛУЦИЙ] АННЕЙ СЕНЕКА

Знаменитый философ и поэт, родился за несколько лет до н. э., кончил жизнь самоубийством по приказанию Нерона в 65 г. н. э. До нас дошли ранние его сочинения философского содержания и 9 трагедий¹. [См. М. Покровский, Ист. римск. лит., стр. 288, сл.; И. Тронский, Ист. ант. лит., стр. 430 сл.; В. Модестов. Лекц. по ист. римск. лит., стр. 600 сл.].

Текст: L. Annaei Senecae opera quae supersunt. Recogn. Fr. Haase, 3 тома, Lips., 1874—78.

ДИАЛОГОВ КНИГА I

(DIALOGORUM LIBER I)

К ЛУЦИЛИЮ, ПОЧЕМУ СЛУЧАЮТСЯ КАКИЕ-ЛИБО НЕПРИЯТНОСТИ ХОРОШИМ ЛЮДЯМ, КОГДА СУЩЕСТВУЕТ ПРОВИДЕНИЕ, ИЛИ О ПРОВИДЕНИИ²

IV, 14 ... Обрати внимание на все народы, которыми оканчивается римская мирная область, *т. е.* я разумею германцев и все кочевые племена, блуждающие около Истра: их давит вечная зима и печальное небо, дурно поддерживает на себе скудная почва, они защищаются от дождя соломой или древесной листвой, перескакивают через стоячие воды по крепкому льду, для пропитания ловят диких зверей. (15) Они кажутся тебе жалкими? нисколько не жалко то, что привычка сделала *второй* природой: ибо то, что начато по необходимости, мало-помалу переходит в наслаждение; у них нет никаких жилищ, никаких прочных поселений, кроме тех, которые усталость устанавливает на день, скудное и притом добываемое собственноручно пропитание, страшная суровость климата, непокрытые тела. То, что тебе кажется бедствием, есть образ жизни *стольких* племен...

ДИАЛОГОВ КНИГА IV

(DIALOGORUM LIBER IV)

К НОВАТУ О ГНЕВЕ³ КНИГА II

XV, 1. «Чтобы знать, сказал он, что гнев заключает в себе нечто великодушное, ты посмотришь на свободные племена, которые крайне вспыльчивы, как, например, германцы и скифы...»

ДИАЛОГОВ КНИГА V

(DIALOGORUM LIBER V)

К НОВАТУ О ГНЕВЕ КНИГА III

XVI, 3 — упоминается, что Дарий объявил войну скифам, живущим на востоке.

¹ В подлинности некоторых трагедий существуют сомнения, особенно по отношению к «Agamemno» и «Hercules Oetaeus». См. Schanz-Hosius, Gesch. d. röm. Litt., II⁴, стр. 465.

² О времени написания этого сочинения ср. Schanz-Hosius, Gesch. d. röm. Litt., II⁴, стр. 684: «По всей вероятности эта работа относится к последней эпохе литературной деятельности Сенеки».

³ О времени ср. Schanz-Hosius, там же, стр. 686 (вскоре после смерти Калигулы).

ДИАЛОГОВ КНИГА IX

(DIALOGORUM LIBER IX)

К СЕРЕНУ О СПОКОЙСТВИИ ДУХА¹

XI, 12 ... Мы видели африканского царя Птолемея, армянского Митридата среди стражей Гая; один был отправлен в ссылку, другой желал быть отправленным с большим доверием...²

ДИАЛОГОВ КНИГА X

(DIALOGORUM LIBER X)

К ПАВЛИНУ О КРАТКОСТИ ЖИЗНИ³

IV, 5 ... Пока [божественный Август] улаживал *дела* в Альпах и умирал врагов, вторгшихся среди мира в империю, пока раздвигал пределы *государства* за Рен, Евфрат и Данубий⁴, в самом городе *Риме* на него точились кинжалы Мурены, Цепиона, Лепида и Эгнатиев...

ДИАЛОГОВ КНИГА XII

(DIALOGORUM LIBER XII)

К МАТЕРИ ГЕЛЬВИИ ОБ УТЕШЕНИИ⁵

VII, 1. От небесного обратись теперь к земному: ты увидишь, что племена и целые народы переменили свое местопребывание. Что значат греческие города в середине варварских стран? что *значит* македонская речь среди индов и персов? В Скифии и во всей той стороне диких зверей и немирных племен обнаруживаются ахейские гражданские общины, расположенные на понтийских берегах⁶. Ни суровость вечной зимы, ни ужасающие, подобно климату, нравы населения не послужили помехой перено-

¹ По мнению Henze (см. Schanz-Hosius, стр. 685), это сочинение написано не позднее 59 г.

² [Имеется в виду Митридат Армянский, сын Митридата Ибера (ὁ Ἰβερ), царя Иберии эпохи императора Тиберия, и брат иберского царя Фарасмана (Dio, LVIII, 26, 4). По смерти императора Тиберия Митридат был вызван Гаем Калигулой в Рим (Tac., Ann., XI, 8). Император Клавдий отдал ему в 47 г. н. э. армянский престол, на котором он и утвердился с помощью римского военного отряда и своего брата Фарасмана на короткий срок (не далее 51 г. н. э.).

³ Написано, по всей вероятности, в 49 г. (Schanz-Hosius, стр. 692).

⁴ [Имеются в виду походы 20 г. до н. э. (Тиберия) в Армению, 12—9 гг. (Друза) в Германию и около начала н. э. (Гая) в Армению].

⁵ Написано в 41 или 42 г. (Schanz-Hosius, стр. 694).

⁶ [Под «ахейскими гражданскими общинами» (римляне называли греков нередко ахейцами, по имени одного из греческих племен, а сама Греция, по завоевании ее римлянами, получила название провинции Ахайи) следует разуметь греческие колонии, сохранившие (как об этом свидетельствует черноморская греческая эпиграфика и сообщения писателей, например, Dio Chrys., XXXVI) также и в эпоху Римской империи в достаточной чистоте греческий язык и элементы греческой культуры].

сящим свои жилища (2) ... Милет разлил в разные *стороны* народонаселение семидесяти пяти городов...¹

Х, 3. [Избалованные роскошью люди] хотят, чтобы за Фасисом *добывалось* то, что снабжает роскошную таверну, и им не совестно *требовать* птиц от парфян², от которых мы еще не потребовали возмездия...

ИССЛЕДОВАНИЯ О ПРИРОДЕ

(NATURALES QUAESTIONES)

К ЛУЦИЛИЮ³

Пр о л о г, 8 ... 0, как смешны пределы смертных! Дак пусть не выходит из-за Истра; Стримон и Гем пусть заключают в себе фракийцев; парфян пусть загораживает Евфрат; Данубий пусть разграничивает сарматские и римские пределы; Рен пусть составляет пределы Германии... (10) Если кто даст муравьям человеческий разум, то разве и они не разделят одну площадь на многие провинции?...⁴

III, 26, 1. Летом некоторые реки увеличиваются, как, *например*, Нил, о котором будет речь в другом месте. Теофраст свидетельствует, что и в Понте некоторые реки в летнее время бывают изобильнее водой...⁴

IV, 1, 1 ... Я разберу с тобой то, что отложил в предыдущей книге: почему Нил так изобилует *водой* в летние месяцы? Ученые передавали, что Данубий подобен ему по свойствам, так как и истоки его не известны⁵, и летом он *бывает* больше, нежели зимой. (2) Но оба *признаки* оказались ложными: мы узнали, что истоки его находятся в Германии, и летом он, правда, начинает подниматься, но в то время, как Нил еще находится в своих пределах, *а именно* при первых жарах, когда в конце весны более жаркое солнце размягчает снега и уничтожает их раньше, чем Нил начинает вздвигаться; в остальную же *часть* лета он [Данубий] уменьшается и возвращается к зимней величине...

IV, 2, 17. Но теперь я перейду к рассмотрению причин, по которым на Ниле бывает половодье летом, и начну с древнейших. Анаксагор говорит, что растаявшие снега с горных хребтов Эфиопии стекают до самого Нила. Этого же мнения держалась вся древность: так передают Эсхил, Софокл, Еврипид. Но ложность *этого мнения* ясна из многих доводов... (19) Итак, каким же образом страна, подверженная таким жарам, получила снега, держащиеся целое лето? Допустим, что и там их принимают

¹ [П л и н и й (NH, V, 112) называет еще более внушительную цифру — более 90 колоний на одном лишь Понте; на Черном море в действительности насчитывается не более 40 ионийских колоний. См. V i l a b e l, Die ionische Kolonisation, B., 1925; о милетских колониях Понта, без указания их числа, сообщают S t r a b o, XIV, I, 6; A t h e n., XII, 26 (стр. 523e).

² [Речь идет о различных экзотических птицах из прикаспийских областей, о которых см., например, A e l., de an., XVII, 33; 38].

³ Написано в 63 г. (S c h a n z-H o s i u s, стр. 700).

⁴ [Из утраченного сочинения Т е о ф р а с т а «О водах» (Περὶ ὕδατων). См. R E, S.-B. VII, 1420].

⁵ [Истоки Дуная считались известными с глубокой древности (см. Н е г., II, 33, где уже также содержится сравнение этой реки с Нилом), однако указывались ложно (в Пиренеях). Если Геродот называет Пирену, у которой он показывает истоки Истра, городом, то А р и с т о т е л ь (Meteor., I, 13, 19) определяет ее как гору, с которой берет начало, кроме Истра, также и река Тартесс. Более близкое к истине указание содержится уже у P s. - A r i s t., de mir. ausc., 105, где говорится, что Истр берет начало в Геркинском лесу. Истоки Дуная были выяснены окончательно тогда, когда Тиберий в 15 г. до н. э. в борьбе с альпийскими племенами достиг Боденского озера. Результатом этого открытия, хотя и не имевшего непосредственного научного эффекта, следует считать локализацию истоков Истра S t r a b o н о м (VII, I, 1) «у западных границ Германии, недалеко от углубления Адриатического моря»].

какие-нибудь горы; но разве больше, чем Альпы, чем горные хребты Фракии, чем Кавказ? Однако реки, *текущие* с этих гор, вздуваются весной и в начале лета, а затем бывают меньше, чем зимой; ибо в весеннее время дожди размывают снег, а остатки его распускает первый же жар. Ни Рен, ни Родан, ни Истр [ни другие *реки*, которые под зимним] лежат небом, не разливаются летом: а у них на севере лежат горами глубочайшие снега. И Фасис и Борисфен имели бы половодье в то же время, если бы снега могли против лета увеличивать реки...

28. Диоген Аполлонийский¹ говорит: (29) «... Когда земля высохнет, она притягивает к себе более влаги. Как в лампах масло течет туда, где выгорает, так вода направляется туда, куда ее привлекают сила жара и выжигаемой зноем земли. Откуда же притягивает? очевидно, из тех всегда зимних, северных частей, где она изобилует. По этой причине Понт беспрерывно быстро течет в Нижнее море², не так, как прочие моря *текут* то туда, то сюда в зависимости от изменения жаров, а всегда в одну сторону»...³

IV, 5, 2. Утверждают, что весной распускается все, что в Скифии, Понте и северных краях покрыто и сковано льдом. Тогда, говорят, реки [и озера] грогаются, когда освобождаются от снега засыпанные им горы. Итак, вероятно, что оттуда приносятся холодные дуновения и смешиваются с весенним климатом...

VI, 7, 1. Некоторые приписывают землетрясения воде, но не по той же причине. «По всей земле, говорят они, бегут многообразные воды: там и сям вечнотекущие реки, которые по своей величине судоходны даже без помощи дождей. Отсюда Нил летом катит огромные массы воды, отсюда текущие между мирными и неприятельскими землями Данубий и Рен, из которых один сдерживает сарматские вторжения и разграничивает Европу с Азией⁴, другой отражает войнолюбивое племя германцев...»

ПРАВСТВЕННЫЕ ПИСЬМА

К ЛУЦИЛИЮ

(EPISTULAE MORALES AD LUCILIUM)⁵

Текст: L. Annaei Senecae ad Lucilium epistularum moralium quae supersunt. Edidit Otto Hense. Lips., Teubn., 1898. [Русский перевод: Луций Анней Сенека. Избранные письма к Луцилию. Пер. с лат. П. Краснова, б. ч.].

XI, 1 (80)

10. Видишь того скифского или сарматского царя, украшенного царским головным убором? Если ты хочешь его оценить и узнать всего, каков он есть, развяжи эту повязку⁶: под ней прячется много зла...

XIV, 2 (90)

16. «Холод невыносим голому телу». Так что же? разве шкуры диких зверей и других животных не могут вполне достаточно защитить от холо-

¹ [Один из последних представителей ионийской натурфилософии. Жил в V в. до н. э.].

² [Т. е. в Эгейское].

³ [Сообщение о наличии течения из Азовского моря в Черное и из Черного моря в Эгейское содержится также у Polyb., IV, 39, 7 сл.; в действительности подобные течения имеют место, но они крайне незначительны и неустойчивы].

⁴ [Дунай смешивается в этом случае с Доном (Танаисом), который по всеобщему мнению древности являлся границей между Европой и Азией].

⁵ О времени написания писем (около 62—64 гг.) см. Schanz-Hosius, стр. 704.

⁶ [О подобном, в виде повязки или чалмы, скифо-сарматском головном уборе позволяет судить бюст одного из боспорских царей, изданный у М. И. Ростовцева, Эллинизм и иранство на юге России, 1918, стр. 171, рис. 2].

да? разве многие племена не прикрывают тел древесной корой? разве птичьи перья не шиваются для употребления *в качестве* одежды? разве большая часть скифов еще и ныне не одевается в лисьи и мышиные хребтовые шкурки, которые мягки наощупь и непроницаемы для ветров?...¹

31. «Анахарсис, говорит [Посидоний], изобрел гончарное колесо, вращением которого формуются сосуды». Затем, так как у Гомера встречается гончарное колесо², предпочитают скорее *эти* стихи считать ложными, чем предание. А я не признаю Анахарсиса изобретателем этого инструмента³ и *думаю, что если бы он был им, то изобрел бы это мудрец, но не в качестве мудреца, подобно тому как мудрецы делают многое, поскольку они люди, а не поскольку мудрецы: представь себе, например, что мудрец очень быstroног; в таком случае он всех опередит на бегу, поскольку он быстр, а не поскольку мудрец...*

XX, 7 (124)

22. К чему ты, говорю я, развиваешь и упражняешь телесные силы? Природа дала их больше скотам и диким зверям. К чему лелеешь *свою* красоту? Когда сделаешь все *возможное*, все-таки бессловесные животные победят тебя красотой. К чему с величайшей тщательностью холишь волосы? Распустишь ли ты их по обычаю парфян, или свяжешь по обычаю германцев, или рассыплешь *по плечам*, как делают скифы⁴, все-таки у любого коня будет вздыматься более густая грива и на шее львов будет подниматься более красивая...

ТРАГЕДИИ

(TRAGOEDIAE)

Текст: L. Annaei Senecae tragoediae. Recensuerunt Rudolphus Peiper et Gustavus Richter. Peiperi subsidiis instructus denuo edendas curavit Gustavus Richter, Lips., Teubn., 1903. Новое издание: L. Hermann, Senèque, Tragédie, тт. I—II, P., 1924—6. Русский перевод: Сенека, Трагедии.

ГЕРКУЛЕС [НЕИСТОВЫЙ]

(HERCULES [FURENS])

ХОР. 245 — 248

Его не победила безбрачная царица термодонтского племени⁵, всегда хранящая девственное ложе, и смелые на всякий славный подвиг руки не испугал постыдный труд Авгиевых конюшен.

ХОР. 533 — 546

Он вошел в подвижные жилища Скифии, к племенам, гостящим на отческих седалищах, и попрал *ногами* отвердевшую поверхность вод и молчаливое море в немых берегах. Там твердые морские бездны лишены

¹ [Ср. I u s t., II, 2, где речь также идет о мышиных шкурках в качестве материала для изготовления одежды у скифов].

² [Н о т., II, XVIII, 600].

³ [Ссылаясь на «Илиаду», отказывался признать за Анахарсисом авторство этого изобретения также и С т р а б о н (VII, 3, 9), полемизирующий по этому поводу с Эфром].

⁴ [Ср. длинные до плеч волосы у скифов, изображенных на вазах и других металлических предметах из Куль-Обы, Солохи и Чертомлыка (изданных много раз, например, Р о с т о в ц е в, Эллинаство и ирапство на юге России, 1918, стр. 55, рис. 1, 3; стр. 61, рис. 1—5)].

⁵ [Намек на легенду о походе Геракла к реке Термодонту за поясом царицы амазонок (Ипполиты или Меланиппы) для Адметы, жрицы Геры Аргосской и дочери царя Эврисфея. См. Е u r., Heracles, 408 сл.].

волн, и там, где ладьи натягивали (*tenderant*)¹ раньше полные паруса, *ныне* протаптывается тропа нестриженными сарматами. Подвижное море ежегодно становится и легко поднимает то корабль, то всадника. Там подпоясанная золотым поясом *дева*, повелевающая безбрачными племенами, сняла с тела благородный доспех, пельту и повязку белоснежной груди и, преклонив колена, взирала на победителя².

1127—28 — упоминается «стрела, легко посланная из скифских колчанов».

ГЕРКУЛЕС. 1206 — 12

... Пусть терзают прикованное тело каспийские скалы и алчная птица — почему пустуют Прометеевы скалы? Почему пустует (*vacat sur*)³ обрывистый склон Кавказа с огромной вершиной, питающий зверей и птиц и обнаженный от лесов? Симплегада⁴, которая суживает Скифский Понт, пусть растягивает в вышине туда и сюда прикованные руки...

ГЕРКУЛЕС. 1321 — 29

... В какое место направиться мне в бегстве? Где мне скрыться или какой землей засыпаться? какой Танаис, какой Нил, какой Тигр, стремительно катящий персидские волны, или суровый Рен, или мутный Таг, несущий в волнах иберийские сокровища, в состоянии будет омыть мою десницу? Пусть ледяная Меотида выльет на меня северное море, и целая Тетия⁵ пробежит через мои руки, — *все-таки на них* останется глубоко вьвшееся преступление...

ТИЕСТ

(*THVESTES*)}

127 — упоминается «сарматский борей». 374—5 — в описании богатеиших царей упоминаются «кто каспийские горные пути запирает для храбрых сарматов». 376 — упоминаются «перекаты Данувия».

ВЕСТНИК. 627 — 631

Что это за страна? Аргос и Спарта, получившие по жребию благочестивых братьев, и Коринф, стоящий у заливов двух морей, или *здесь* Истр, представляющий *пути* к бегству диким аланам⁶, или покрытая вечным снегом (630) Гирканская земля⁷, или всюду блуждающие скифы?

ТИЕСТ. 1047 — 9

Кто видел такое злодеяние? Какой гениох, живущий на крутой скале негостеприимного Кавказа?..

¹ *tenderant*: так кодекс А, менее правильно *R i c h t e r* во втором издании восстановил *tenderent*.

² [Т. е. на Геракла. Ср. прим. к *S e n.*, Нерс., 245. Сенека локализует борьбу Геракла с царницей амазонок не в Малой Азии, а в Скифии].

³ *Vagetur* рукописи; исправил *L e o* (Латышев).

⁴ [Обычно во множественном числе: Симплегады, или Планкты, а также Кланеи — сталкивающиеся скалы, помещавшиеся при выходе из Босфора в Черное море. Ср. *E u s t.* к *H o m.*, *Od.*, XII, 70 сл.].

⁵ [Дочь Урана и Геи, жена Океана, мать океанид и многочисленных речных божеств, *A p o l l o d.*, *Bibl.*, I, 1, 3].

⁶ [Алапов на берегу Дуная знает уже *П л и н и я* (NH, IV, 80); сюда они проникали, однако, из прикаспийских и северокавказских степей в I в. н. э. лишь в результате набегов, чему, впрочем, не противоречат и слова Сенеки].

⁷ [Под «Гирканской землей» Сенека разумеет здесь, скорее всего, снежные вершины Кавказа].

ФЕДРА

(PNAEDRA)

ИППОЛИТ. 54 — 59; 66 — 72

Будь *мне* спутницей, божественная дева...¹ меткими стрелами которой побеждается зверь, пьющий воду холодного Аракса или играющий на замерзшем Истре... Все, что пасется на уединенных полях, — знает ли это араб в богатом лесу, или нищий гарамант, или скрывают *в себе* хребты жестокой Пирены или гирканские ущелья, или кочевой сармат в своих пустых полях, — *все это* боится твоего лука, Диана!

КОРМИЛИЦА. 165 — 169

[К Федре]: погаси, умоляю, пламя нечестивой любви и грех, которого никогда не совершала ни одна варварская земля, — ни кочующие по полям геты, ни негостеприимный тавр или *живущий* рассеянно скиф...

ФЕДРА. 399 — 403

Как танаитянка или меотиянка, покинув страны холодного Понта, привела толпы на аттическую почву, связала узлом волосы и обнажила грудь, прикрываясь лунообразной пельтой², — такой и я помчусь в леса...

660 (ФЕДРА К ИППОЛИТУ)

На *твоем* греческом лице видна скифская суровость.

ИППОЛИТ. 723 — 4

Какой Танаис омоет меня? Или какая Меотида, варварскими волнами прилегающая к Понтийскому морю?...

ТЕЗЕЙ. 906 — 907 (ОБ ИППОЛИТЕ)

Вскормила ли его греческая земля, или скифский Тавр³, или колхидский Фасис?...

697 — Ипполит называет Медею «колхидской мачехой», 1135 — упоминается «огромный Кавказ».

ЭДИП

(OEDIPUS)

427—28 — упоминается «снеговой Аракс».

ХОР. 469 — 70; 478 — 482 (О ВАКХЕ)

... Ослабил побежденный лук и гетские⁴ стрелы массагет, который смешивает в чашах молоко с кровью...⁵

¹ [Т. е. Диана (Артемида)].

² [Танаитянки и меотиянки — в данном случае, амазонки, в силу распространенного мифа пришедшие в Аттіку отомстить Тезею за похищение им царицы их Ипполиты (или Антиопы, или Главки и т. д.). См. P l u t., Thes., 26; пельта — легкий щит, у фракийцев имевший вырез сверху, в форме полумесяца, характерный для вооружения амазонок, в эллинистическую эпоху особенно часто представлявших в варварском (скифском, фракийском, иранском и т. п.) костюме и с предметами варварского вооружения].

³ [Т. е. Кавказ. Имя Тавра, горного хребта в Малой Азии, распространялось в эпоху после Александра Македонского на Кавказ и на центральноазиатские горы. Ср. S t r a b o, XI, 1, 2, а также C u r t., VII, 3, 19 и прим.].

⁴ [В данном случае расширительно — скифские вообще].

⁵ [Об употреблении сарматскими племенами в пищу просяной муки, смешанной с молоком или с кровью из голених жил, сообщает П л и н и й, NH, XVIII, 100].

Он [т. е. Вакх] покорил рассеянных гелонов¹, снял оружие у свирепых дев. Термодонтские толпы пали лицом на землю...²

ТРОЯНКИ

(TROADES)

ГЕКУБА. 6 — 9; 12 — 13³

... Пала ниспровергнутая твердыня могущественной Азии⁴, превосходный труд небожителей; к ее оружию пришел и тот, кто пьет холодный Танаис, изливающийся семью устьями⁵, и та, которая, видя в соседстве кочующих скифов, поражает девственными толпами понтийский берег...⁶

ХОР. 1034 — 38

Оплакивал падение Геллы Фрикс, когда вожак стада с лучистым золотым руном поднял на спину вместе брата и сестру и уронил ее среди моря...

АНДРОМАХА. 104 — 6

Какой колх, какой скиф, не имеющий определенного жилища, совершил это? Или какое племя, соприкасающееся с Каспийским морем и не знающее законов, осмелилось на это?...

МЕДЕЯ

(MEDEA)

43—4 — упоминается «негостеприимный Кавказ» и Фасис; 102 — упоминаются «страшные брачные чертоги Фасиса»; 179 — Креонт обзывает Медею «преступной отраслью колха Ээта»; 374 — упоминается «холодный Аракс».

МЕДЕЯ. 129 — 134

... Пусть тебя убедят твои злодеяния, и все придет на память: похищение славного украшения царства⁷, разрезанный мечом маленький спутник преступной девы⁸, приготовленные отцу похороны, разбросанное у Понта тело⁹ и сваренные в медном котле члены старца Пелия...

МЕДЕЯ. 209 — 216

... Я некогда была славна благородным отцом и веду свой знаменитый род от деда-Солнца. Все, что Фасис орошает своими плавными извилами, все, что скифский Понт видит в тылу, где моря становятся преснее от болотных вод, и что устрашает вооруженное пельтами девственное войско,

¹ [Имя это употреблено здесь (как и у Г о р а ц и я, например, Сагм., II, 20) в расширительном смысле, как скифы вообще].

² [Относительно характерных для малоазиатской почвы мифов о Дионисе как о победителе амазонок см. RE, I, 2, 1770].

³ После стиха 9 Richter вставляет стихи 12—13, уничтоженные Leo.

⁴ [Т. е. Троя, стены которой, по преданию, были выстроены Аполлоном и Посейдоном].

⁵ [Танаис здесь фигурирует вместо Истра, откуда и его семь устьев. Фракийцами и мезийцами под Троей командовал Рес. На основании упоминаний об этих племенах у Н о т а, II, X, 487 и т. д., Страбон заключает о знакомстве Гомера с Истром (I, 1, 10)].

⁶ [Об амазонках под Троей речь шла в «Эфиопиде» А р к т и н а, известной по экспертам Прокла. См. RE, I, 2, 1758 сл.].

⁷ [Т. е. золотого руна].

⁸ [Т. е. брат Медей Апсирт].

⁹ [Подразумевается тело Апсирта, члены которого были разбросаны, по одной версии, у устья реки Истра, близ Том (откуда и название этого пункта, см. О в., Trist., III, 9, 5 сл.) или, по другой версии, в Адриатическом море близ Апсиртидских (Осерро) островов (схол. к А р о л л. Rhod., IV, 507)].

живущее на берегах Термодонта, — все это держит под своей властью наш родитель...

МЕДЕЯ. 451 — 458; 466 — 476; 483 — 489 (К ЯЗОНУ)

(451) Но куда ты меня отсылаешь? Итти ли мне к Фасису и колхам, в отцовское царство и в те поля, которые обогрела кровь брата? В какие земли удалиться повелеваешь ты мне? Какие моря указываешь? Устья Понтийского моря, через которые я провела обратно благородный отряд царей, последовав за любовником через Симплегады? Не итти ли мне в маленький Иолк или в фессалийские Темпы? (458) Я закрыла себе все пути, которые открыла тебе... (466) Пусть ум переберет огненное дыхание быка [(467) и среди жестоких страхов неукротенного племени (468) на вооруженном поле пламенный скот Ээта]¹ и оружие внезапного врага, когда по моему повелению рожденные землей войны погибли от взаимных убийств. Прибавь, как было украдено сокровище Фриксова барана, как неусыпному чудовищу было повелено смежить свои очи неведомым сном, как брат был предан смерти и в одном злодеянии не однажды совершенно злодеяние, *наконец*, как дочери, обманутые моим коварством, дерзнули {ауза²que}² (476) рассечь члены старца³, которому не суждено было ожить...

(483) Из того имущества, которое скифы похищают издалека и везут даже от обожженных *солнцем* народов Индии и которое едва может вместить наполненный сокровищами (газа)⁴ дом, — так что мы украшаем золотом роши, — я ничего не унесла в изгнание, кроме членов брата, да и те подарила тебе; для тебя бросила я родину, отца, брата, стыд — (489) вот с каким приданым я вступила в брак. Отдай беглянке ее *имущество*!

708—710. — кормилица говорит, что Медея собрала яды, «какие только родит на скалах непроходимый Эрикс, какие производит на покрытых вечной зимой утесах Кавказ, окропленный кровью Прометея...»

АГАМЕМНОН

(AGAMEMNON)

ХОР. 64 — 72

Не так в либийских Сиртах море (65) яростно катит переменные волны, не так вздымается близкая к снежному полюсу волна Эвксина, поднятая с самого дна, когда неомываемый голубыми водами (70) Волопас вращает блестящие повозки, как рок ниспровергает стремглав счастье царей...

119—120 — в речи Клитемнестры упоминается «дева, пылающая от нечестивого факела, бежавшая на фессалийском корабле из феспанских царств» (т. е. Медея); 217—8 — кормилицей упоминается «с разноцветным колчаном держащая пельту секиронсской рукой амазонка» (т. е. Пентесилей); 678—9 — упоминается «славный лебедь, живущий между белых, как снег, лебедей, населяющий *берега* Истра и Танаиса».

ГЕРКУЛЕС ЭТЕЙСКИЙ

(HERCULES OETAeus)

ХОР. 143 — 146; 156 — 158

(143) Какая скала Скифии, какой камень породил *тебя*? Не Родопа ли принесла тебя, жестокого Титана, или обрывистый Афон, или каспийский зверь, который вскормил тебя полосатыми сосцами?...

¹ Стихи 467—68 исключает Lео.

² iussas рукописи; исправил N. Heinsius.

³ [Т. е. царя Целия].

⁴ gazas рукописи; исправил von Willamowitz.

(156) Его не могли пронзить ни копья, ни лук, натянутый скифской стрелой, ни оружие, которое носит холодный сармат...

ДЕЯНИРА. 335 — 338

... Раньше родится день с заката, раньше *коснется* индов ледяной полюс или Феб коснется скифов теплым колесом, чем фессалийские жены увидят меня покинутой...

ХОР. 621 — 3

Он желает удовлетворить свою страсть сокровищами, но ему недостаточно всей страны богатого драгоценными камнями Истра...

ГЕРКУЛЕС. 1377 — 82

Если бы ужасный Кавказ сковал меня своими цепями и отдал в пищу жадной птице, то среди стенаний Скифии у меня не вырвалось бы плачевного стога; если бы пловучие Симплегады давили *меня* обеими скалами, то я перенес бы угрозы возвращающихся разрушительных *скал*...

21 — Геркулес говорит: «и принес [я] оружие враждебной термодонтии»; 40 — «меня узнал холодный народ скифской медведицы»; 86 — упоминаются Истр и Танаис.

465 — Деянира упоминает «травы, которые рождает Понт»; 819 — упоминается «гетский тростник»; 1184—5 — «амазонка, рожденная под скифским небом»; 1251 — «под холодным небом Скифский Понт».

1450 — 1 — Геркулес упоминает, что он властвовал над злым амазонским племенем вокруг снежного Кавказа.

ПОМПОНИЙ МЕЛА

«В небольшой книге *Помпония Мелы* De chorographia мы имеем единственное полное руководство в римской литературе по географии, хотя о географии писалось не мало после Мелы. Он родом из испанского местечка Тингентеры (в провинции Бетике), о чем он сам заявляет в своем сочинении (II, 6, 96)... Кроме этого сведения, мы других о Меле не имеем. Можно только из одного места (III, 6, 49) заключить, что он писал свою книгу около 44 г. н. э. (797 Рима), так как здесь идет речь о предстоящем триумфе императора, открывающего Британию. Под императором же этим всего естественнее разуметь Клавдия, который действительно праздновал триумф по возвращении из Британии в этом году¹. Сочинение Помпония Мелы в старинных изданиях обыкновенно носит название De situ orbis..., согласно началу, а в новое время его стали называть De chorographia, согласно заглавию древнейшей (ватиканской) рукописи. Оно состоит из трех книг и дошло до нас вполне» (В. И. Модестов, Лекции по истории римской литературы, Спб., 1888, стр. 665). [«Землеописание» Помпея Мелы, основанное преимущественно на древнеионийских источниках, значительно, впрочем, подправленных на основании более поздних и современных ему данных, является наиболее выдающимся по полноте и компактности изложения среди многочисленных латинских географических сочинений. При составлении очерка черноморской географии Мела пользовался, с одной стороны, трудами, основанными на «Землеописании» Гекатея Милетского или на близких ему географических сочинениях, судя по совпадению ряда кавказских этнических наименований. С другой стороны, его характеристика скифских племен близка Геродотовой, хотя ей и не идентична. Описание воинственного быта меотийских (савроматских) женщин у Помпония Мелы прибавляет некоторые существенные черты к картине, набросанной Геродотом, и показывает, что источником Мелы в данном случае послужило сочинение, излагавшее легенду о происхождении савроматов совершенно в геродотовом духе, с почти текстуальными совпадениями, однако несколько более подробно в отношении бытовых деталей. Возможно, что это сочинение является каким-либо мифико-географическим трудом, составленным на милетской почве, в кругах, хорошо осведомленных о причерноморских делах, и послужившим общим источником для Геродота и Мелы. Третью группу источников Мелы составляют географические труды, известные ему через карту Випсания Агриппы, о чем, помимо некоторых общих представлений, характерных для утилитарной римской науки эпохи начала империи (например, представление о Рипейских горах как о величайшем в мире горном кряже, тянущемся через весь евразийский материк, от Атлантического до Индийского океана), свидетель-

¹ Впрочем, Frick (см. в его издании praefatio, стр. V) стиснул слова Мелы к триумфу Калигулы и заключает, что сочинение написано в 40/41 г. н. э. Но ср. Schanz, Gesch. d. röm. Litt., II, 2², стр. 263 (Латышев).

ствуется ряд деталей, заимствованных, несомненно, из официальных источников (например, определение западной границы Скифии по нижнему Дунаю, упоминание крымского племени сатархов, или сатархеев, известного также и другим авторам, пользовавшимся римскими официальными дорожниками, — Валерию Флакку, Плинию, Птолемею, — но у более древних авторов фигурирующего под именем тафриев или тавров). Материал, изложенный Помпонием Мелой, повторяется со значительными подробностями у Плиния, текст которого страдает, однако, отрывочностью и вообще находится в несравненно худшем состоянии, чем текст «Землеописания» Помпония Мелы. Благодаря этому «Землеописание» является необходимым подспорьем для восстановления общей картины причерноморских стран, набросанной Плинием, и для улучшения чтения целого ряда искаженных этнических и местных имен. Все эти обстоятельства делают «Землеописание» Помпония Мелы важным источником по исторической географии Северного Причерноморья, нуждающимся лишь в строго критическом к себе отношении, с целью разграничения хронологически резко разнящихся сочинений, вошедших в его состав. См. В. М. О д е с т о в. Лекц. по ист. римск. лит., стр. 665 сл.; М. И. Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, 1925, стр. 45 сл.; Müllenhoff, Deutsche Altertumskunde, III, 1893, стр. 46 сл.; Н. P h i l i p p, Geographie des Erdkreises von Pomponius Mela, 1911, стр. 63 сл.].

Текст: P o m p o n i i M e l a e de choroграфия libri tres. Recogn. C. F r i c k, Lips., Teubn., 1880.

ЗЕМЛЕОПИСАНИЕ

(DE CHOROGRAPHIA)

КНИГА I

1, 7. Наше море в своем разлитии имеет в разных местах разные названия: где оно суживается впервые, там называется Геллеспонтом, где расширяется — Пропонтидой, где снова суживается — Фракийским Босфором, где снова разливается — Понтом Эвксинским, где соединяется с болотом — Босфором Киммерийским, а само болото — Меотидой¹. (8) Этим морем и двумя славными реками, Танаисом и Нилом, вселенная делится на три части². Танаис, текущий с севера на юг³, изливается почти в средину Меотиды...

2, 9. С Азией с трех сторон соприкасается океан, различающийся названиями, смотря по местам, — Восточный с востока, Индийский с юга, Скифский с севера... Из того океана, который мы называли Индийским, Азия принимает в себя Аравийское и Персидское моря, а из Скифского — Каспийское⁴.

Через это становится Азия в тех местах уже, затем снова расширяется

¹ [Представление о единстве и замкнутости Средиземноморского бассейна, столь отчетливо выраженное у Мелы, свойственно было уже и древнегреческой географии (ср. Н е г., IV, 85), хотя не следует забывать и того, что ионийские ученые вплоть до Гекатея (схол. к А р о л л. R h o d., IV, 254, 286; ср. В е р г е r, Gesch. d. wissensch. Erdkunde d. Griechen, I, 19 сл.) настаивали на связи Средиземного моря с океаном через реки (Нил, Фасис, Танаис) и моря (Меотиду). Аргонавты, как известно, плыли, в соответствии с древнейшими версиями легенды, в обратный путь по океану, чем доказывалась связь между собой «внутреннего» и «внешнего» водных пространств].

² [Т. е. на Европу, Азию и Либю. Ср. об этом подробнее у S t r a b o, II, 5, 26].

³ [В этом случае Мела следует, вероятно, распространенному в древности мнению, соответствующему которому Танаис и Нил текут по одному меридиану. Мнение это опровергает S t r a b o n (XI, 2, 2), который говорит, что истоки реки Танаиса неизвестны, и предполагает, что они находятся на севере].

⁴ [В этом утверждении Мела следует распространенному мнению ионийских географов о Каспийском море, как о заливе Океана. Будучи опровергнуто Г е р о д о т о м (I, 203), а также, может быть, и А р и с т о т е л е м (Meteor., II, 1, 10; ср. впрочем, de mundo, III, где говорится о соединении Каспийского моря узким протоком с океаном), ссылавшимися на более точных, чем ионийские источники, древнеиранских данных, мнение это было вновь подхвачено в эпоху диадхов, в результате исследования Патрокла (наварха Селевка Никатора), путешествовавшего по Каспийскому морю и принявшего Волгу или залив Кара-Бугаз за проток Океана. Окончательно представление о связи Каспия с океаном было оставлено лишь во II в. н. э. Марком Тирским, на основании новых данных вернувшимся к точке зрения Геродота о замкнутости Каспийского бассейна, о чем известно через К л а в д и я П т о л е м е я (Geogr., V, 9, 7)].

и делается, наконец, такой же широкой, как и была. Соприкасаясь затем своими границами с другими частями света, она ограничивается посредине нашим морем, другими же своими концами простирается — одним к Нилу, другим к Танаису¹ (10) ... Оттуда идет *граница Азии* прямо к Боспору, образует дальнейшие искривления соответственно берегу Понта и достигает затем, после поворота, входа в Меотиду. По Меотиде идет она до устья Танаиса, а затем соединяется с берегом *реки Танаиса*².

(11) В Азии первыми с востока живут, по слухам, инды, серы и скифы...³ Скифы живут с северной стороны и занимают весь скифский берег⁴ до самого Каспийского залива, кроме таких мест, откуда их гонят холода...

(12) Ближайшие к скифам каспианы окружают Каспийский залив⁵, за ними живут амазонки⁶; а за последними, говорят, есть еще гипербореи⁷. (13) Внутренние земли заселены многими различными народами... Выше скифов и скифских степей живут даги⁸, а над Каспийским заливом — комары⁹, массагеты, кадусии, гирканы, иберы; выше (super)¹⁰ амазонок и гипербореев — киммерийцы, киссианты, ахеи (Cissianti, Achaei)¹¹, георги¹², мосхи, корситы, фористы, римфаки¹³, а где страна прибли-

¹ [Мела хочет этим сказать, вслед за ионийскими географами, что под Азией следует разумеать всю ту часть земной поверхности, которая лежит к востоку от берегов Нила и Танаиса, включая в это понятие, помимо собственно Азии, также и восточные части Европы и Африки].

² [Западную и северную границы Азии Мела проводит по берегам Эгейского моря, Босфора, Черного и Азовского морей и, наконец, вдоль реки Дона].

³ [Помещая скифов по соседству с индами и китайцами, сведения о которых восходят к эпохе Александра Македонского, Мела пользуется, несомненно, данными карты Випсания Агриппы (ср. RE, II A, 1697), которому, как известно, следуют Марин и Птолемей, локализовавшие на границах Китая и Индии свою Скифию за Имаем].

⁴ [Т. е. побережье Скифского (или Северного) океана, который реально может быть отождествлен с Балтийским морем, ибо ни берега Белого моря, ни тем более берега Северного Ледовитого океана в древности известны не были].

⁵ [Т. е. населяют юго-восточные берега Каспийского моря. Ср. Strabo, XI, 4,5, который считает каспиан албанским племенем, уже не существовавшим в его время].

⁶ [Мифические амазонки, классической родиной которых были местности Малой Азии по реке Термодонту, начиная со времен географов Александра Македонского и римских полководцев позднереспубликанской поры, стали помещаться на Кавказе и в прикаспийских местностях. Ср. Strabo, XI, 5, 1 сл.; Agg., Ap., IV, 15, 1].

⁷ [Гипербореи — мифическое племя, связанное с Рипейскими горами, составляющими, по нашему автору, продолжение Кавказа (I, 19, 109), благодаря чему они не могут быть оторваны от кавказско-каспийской географической среды].

⁸ [То же, что дан Геродота (I, 125) и Страбона (VII, 3, 12); первый из названных авторов помещает их в Иране, а второй, раскрывая это имя как общее для целого конгломерата племен, помещает их к юго-востоку от Меотиды и к востоку от Каспийского моря, отождествляя их также и с парнами (XI, 7, 1)].

⁹ [Вероятно, то же, что и камариты у Дионисия Периегета, 699, племя, помещаемое им на перешейке между Каспийским и Черным морями. Должно быть, их следует отождествить с ахейцами, гениохами и другими разбойничьими племенами кавказского берега Черного моря, ибо эти племена совершали свои нападения на мореплавателей на длинных и узких судах — «камарах» (Strabo, XI, 2, 12), от которых и следует производить их имя].

¹⁰ [Выражение «выше» (super) не следует в данном случае понимать в качестве указания на широтное соотношение положений этих племен. Н. Philipp (Geographie des Erdkreises von Pomponius Mela, 1911, стр. 10) переводит «близ» (zunächst)].

¹¹ Cissianti, Achaei Vossius: cissi anthiaca A (cod. Vaticanus 4929). [Наименование Cissianti, неизвестное у более древних авторов, приводит Плиний (NH, VI, 35: Cisiante), локализуя их между киммерийцами и георгами, близ Кавказа].

¹² [Вероятно, то же, что и Плиниевы георги — имя, связанное впоследствии с предками современных грузин].

¹³ [Чтение последних трех племенных наименований, неизвестных из других источников, сомнительно. M. Nisard в своем издании Мелы (Macrobe, Varro, Pomponius Mela, avec la traduction française, 1845, стр. 63) читает: керкеты, тореты, аремфеи; Н. Philipp (Geographie des Erdkreises v. Pomponius Mela, 10) читает: керкеты, тористы, римфаки].

жается к нашим морям, — матианы, тибараны (Matiani, Tibarani)¹ и уже более известные по именам мидийцы, армяне... (14) ... Вокруг Понта живет, занимая отдельные области, несколько народов, которые все носят одно имя понтийских²; у *Меотийского* озера — меотики³; у Танаиса — савроматы.

3, 15. Европа с востока ограничивается Танаисом, Меотидой и Понтом...⁴ Ее побережье по форме береговой линии от Танаиса до Геллеспонта, где находится берег названной реки, где изгиб озера переходит в Понт и где прилегает боком к Пропонтиде и Геллеспонту, не только противолежит находящимся с другой стороны берегам Азии, но и подобно им...

(18) По народностям первой [с востока в Европе] лежит Скифия, не та, которую мы упомянули у Танаиса⁵, она начинается почти посредине берега Понта⁶, отсюда до части Эгейского моря простирается Фракия, а с ней граничит Македония... (19) ... Владения германцев простираются до сарматов⁷, а последние до Азии.

19, 105. Ближайшие к *пафлагонцам* халибы⁸ имеют важнейшие [города] Амис и Синопу, родину киника Диогена, а из рек — Галис и Термодонт. По Галису лежит город Ликасто, а (at)⁹ по Термодонту — равнина; на ней был город Темискур¹⁰, был и лагерь амазонок, почему *эту реку* называют Амазонской.

(106) Рядом с халибами живут таберены¹¹, полагающие высшее счастье в игре и смехе. Далее (ultra)¹² моссины¹³ живут в деревянных башнях, испещряют все тело рисунками, едят на улицах, в половые сношения вступают без разбора и открыто, царей избирают по голосам, держат их

¹ Matiani, Tibarani Reinoldius: matiantibarani. [Матианы — то же, что и матиены Гекатея Милетского (fr. 188) и других греческих авторов. Тибараны — то же, что тибарены Ксенофонта (An., IV, 5, 1 сл.) и тибары Гекатея Милетского (fr. 193); об их локализации см. также Strabo, XI, 14, 1].

² [Имеются в виду племена, населявшие северную Пафлагонию и Каппадокию — местности, частично входившие в состав Понтийского царства, которое, будучи обращено в римскую провинцию, именовалось просто Понтом].

³ [То же, что меоты Страбона (XI, 2, 1) и более древних греческих авторов (Paus., Scyl., 71; Ps.-Scyth., 865 сл.), — конгломерат племен, живших по восточным берегам Азовского моря, различавшихся по именам и в культурном отношении в зависимости от их близости к Боспорскому царству (см. Strabo, XI, 2, 4)].

⁴ [Мела имеет в виду западный берег Азовского и Черного морей].

⁵ [В этом случае Мела имеет в виду Европейскую Скифию, в отличие от Скифии Азиатской, расположенной к востоку от реки Танаиса].

⁶ [Мела ошибается, ибо область устья Дуная, где лежали западные границы Скифии, находится вообще не посредине северного побережья Понта, но гораздо ближе к Босфору, примерно на одной трети расстояния от Босфора до Танаиса].

⁷ [Граница между сарматскими и германскими племенами не могла быть указана с точностью во времена Помпония Мелы. Ср. рассуждения Страбона (VII, 2, 4) о неизвестности стран, расположенных к востоку от Эльбы, и народов, населяющих северо-восточные пространства Европы].

⁸ [Распространение имени халибов, живших во времена Страбона (XII, 3, 20 сл.) близ города Фарнакии, вплоть до реки Галиса, от которого, быть может, и происходит наименование этого племени (см. Нег., I, 28), характерно для древнеионийских источников, легших в основу осведомленности Мелы (ср. ВДИ, 1947, № 4, стр. 236)].

⁹ at так А.

¹⁰ [«Город» Темискиру на основании мифологической традиции называют многие греческие географы, в том числе и Птолемей (V, 6, 3), тогда как хорошо знающий эти местности Страбон, который сам был родом из Понта, совершенно отчетливо говорит лишь о равнине, носящей это наименование (I, 3, 7)].

¹¹ [Тибарены других авторов; ср. Хен., An., V, 4, 34, где обычай, приписываемые Мелой тибаренам, отнесены к моссиникам; ср. Aroll. Rhod., II, 1010 сл.].

¹² ultra carambini A: ultra Vinetus.

¹³ [Моссиники других авторов. Моссинами Ксенофонт (An., V, 4, 26) называет деревянные башни, в которых жили цари моссиников. Согласно Strabo, XII, 3, 18, в моссинах жило все племя, прозванное так греками по имени их жилищ].

в оковах под крепкой стражей и, когда они провинятся каким-нибудь несправедливым повелением, наказывают на целый день голодом; они грубы, дики и губительны для пристающих к их берегам моряков¹. (107) Затем следуют народы менее дикие, но также отличающиеся грубыми нравами, — макрокефалы, бехиры (Bechiri)² и буксеры (Buxeri)³; города *здесь* редки; самые славные *между ними* — Керасунт и Трапезунт. (108) Далее — то место, где оканчивается идущая от Босфора береговая линия и поднимающийся оттуда изгиб противоположного берега образует самый узкий угол Понта⁴. Здесь живут колхи, сюда изливается река Фасис, здесь находится соименный реке город, колонизованный Фемистагором Милетским⁵, здесь храм и роща Фрикса⁶, прославленная древним сказанием о золотом руне.

(109) Поднимающиеся отсюда горы тянутся длинным хребтом до соединения с Рифейскими⁷; они одной стороной обращены к Эвксину, Мелотиде и Танаису, другой — к Каспийскому морю, и называются Керавнскими⁸, а в других местах — Таврскими⁹, Мосхийскими¹⁰, Амазонскими¹¹, Каспийскими¹², Кораксийскими¹³ и Кавказскими: как прилежат они к тем и другим народам, так и названы теми и другими именами¹⁴. (110)

¹ [Относительно нравов москиников ср. Х е п., Ап., V, 4, 1 сл.; а также А р о л л. R h o d., II, 1016 сл.; в последнем сочинении сообщаются этнографические подробности, восходящие, несомненно, как и сведения Помпония Мелы, к древнеионийским географическим источникам].

² [Bechiri Vossius: discheri A. [Это племя, упоминаемое уже Н е с., fr. 190, называет скифским Стефан Византийский, s. v. Βέχηρι].

³ Buxeri Vadianus: buxedi A. [Вероятно, то же, что и бизеры (в рукописи Βούστρες) у Р э. - С с у л., 82, которых, в свою очередь, необходимо отождествить с дизерами у Н е с., fr. 190. О них упоминает также П л и н и й, NH, VI, 11; Стефан Византийский, s. v. Βούστρες, называет одноименную гавань, локализуемую, по данным П с е в д о - С к л а к а (ср. RE, IV, 2450), близ устья реки Архабия (современная Архава)].

⁴ [Мела имеет в виду ту точку восточного берега Черного моря, откуда береговая линия поворачивает к западу; он помещает ее, как видно из следующих ниже слов, довольно правильно, у устья реки Риона (фактически она находится несколько южнее, у современной Чаквы)].

⁵ [Названный в качестве основателя Фасиса милетянин Фемистагор из других источников неизвестен, однако милетское происхождение греческой колонии при устье реки Фасиса засвидетельствовано у S t e p h. B u z., s. v. Φάσις].

⁶ [Это святилище Фрикса (Φρίξιον) должно быть признано идентичным упомянутому у Страбона памятнику (ὑπόμνημα) и городу Идеессе на границе Колхиды и Иберии, выстроенным по преданию Фриксом (идентичность города и памятника выясняется из сопоставления S t r a b o, I, 2, 39, и XI, 2, 18)].

⁷ [Целый ряд соображений (см., прим: к OS, XIV, 236) убеждает в первоначальной идентичности для ионийской географии Кавказа и Рипейских гор. Таким образом, версия Мелы о соединении северных отрогов Кавказа с Рипеем должна быть принята как попытка согласования древних свидетельств о Рипеех - Кавказе с современными Меле географическими представлениями].

⁸ [С т р а б о н, применительно к Кавказу, называет Керавнскими горами северо-восточную часть главной цепи (XI, 4, 1), тогда как П т о л е м е й (V, 8, 14), выделяет их особо и помещает к северо-востоку от Кавказского хребта, называя их также Гиппийскими горами].

⁹ [О Кавказе как о продолжении малоазийского Тавра см. S t r a b o, XI, 1, 4].

¹⁰ [Наименование, прилагавшееся в древности к западным отрогам Малого Кавказа, см. об этом S t r a b o, XI, 12, 4].

¹¹ [Наименование, встречающееся, кроме того, у П л и н и я (NH, VI, 10; ср. А р о л л. R h o d., II, 979) применительно к возвышенностям в местности, которая обычно отождествляется с областью амазонок на реке Термодонте в Малой Азии].

¹² [Это наименование прилагалось к восточной части Малого Кавказа, как об этом позволяет судить сообщение S t r a b o, II, 1, 39; оно распространялось, по словам Эратосфена, некогда на весь Кавказ, именовавшийся так его обитателями (S t r a b o, XI, 2, 15)].

¹³ [Горой Кораксом П т о л е м е й, V, 8, 14 сл., называет западные отроги Кавказских гор, идущие параллельно течению реки Кубани].

¹⁴ [Мела связывает этим самым наименование Мосхийских гор с племенем мосхов (Н е с., fr. 188), Амазонских — с амазонками, Каспийских — с племенем каспиев (S t r a b o, XI, 4, 5), Кораксийских — с племенем кораксов (Н е с., fr. 185)].

При начале берегового изгиба лежит город, который, по преданию, основали греческие купцы и называли Кикном [Лебедем]¹, потому что голос лебедя подал им знак, когда они были увлекаемы темной непогодой и не знали, где земля. Остальную часть изгиба занимают дикие и необразованные племена, живущие у обширного моря, именно Меланхлена, Торетика, шесть Колик, кораксики, фтирофаги (Melanchlaena, Toretica, sex Colicae, Coraxici, Phthirophagi)², гениохи, ахеи, керкетики³, и уже у пределов Меотиды — синдоны⁴. (111) В земле гениохов основана Диоскуриада Кастором и Поллуксом, прибывшими в Понт с Язоном⁵, а в земле синдонов самими жителями основан город Синд⁶. (112) Затем выступает к Босфору между Понтом и Болотом⁷ косая и неширокая полоса земли, которой река Кораканда⁸, изливающаяся двумя руслами в озеро и в море, придает почти вид острова⁹. Там лежат четыре города: Гермонасса, Кепы (Hermonassa, Cerae)¹⁰, Фанагорей (Phanagorea)¹¹ и у самого устья Киммерий. (113) Этим устьем вступают в широко и далеко разлившееся озеро; оно со стороны суши окружено извилистым берегом¹², а где ближе к морю — как бы обведено окраиной¹³, кроме того места, где открыто, и по величине почти равно Понту. (114) Побережье, идущее изгибом от Босфора до Танаиса, заселяют меотики¹⁴, фаты, сирахи (Thatae,

¹ [Этот из греческих источников неизвестный, но носящий греческое наименование пункт близ устья реки Фасиса упоминает еще Плиний (NH, VI, 13: Cygnus)].

² *menaclea terrestrea sexcolicae coraxi cleptrophagi* A; исправил C. Mueller, FHG, V, 180. [Слово «Меланхлена» должно быть понято как наименование области племени меланхленов, помещаемых на кавказском побережье Черного моря также и у P. s. - S. c. u. l., 79, тогда как Геродот (IV, 102, 107) связывает это имя со скифским севером. Торетика — область племени торетов, упоминаемых на Кавказе также и Псевдо-Скилаком, 74, называющим в их местности греческую колонию Торик. Шесть Колик, — видимо, область, разделенная на шесть родовых или племенных дистриктов; она должна соответствовать плиниевой *regio Colica* (NH, VI, 48). Местность и горы (западные отроги Кавказа) под этим именем знает уже Гекатей Милетский (fr. 186). Кораксики — то же, что и кораксы у Несс., fr. 185, которых Гекатей считает частью племени колхов. Имя кораксов звучит в наименовании горы Коракса (P. t. o. l., Geogr., V, 8, 14), реки Кораканды (M. e. l. a, I, 112), города Корокондамы (на Таманском полуострове; ср. S. t. e. r. h. B. u. z., s. v. Короходьца), в имени божественных братьев Кораков (L. u. c., Tox., 7) и в имени Кораксийской крепости (Несс., fr. 185)].

³ [То же, что керкеты других авторов, P. s. - S. c. u. l., 73)].

⁴ [Т. е., очевидно, синды других авторов. Искажение их имени Мелой следует, может быть, объяснить совмещением его с именем фракийских синдонея (Σινδοναίον у Несс., fr. 117)].

⁵ [Диоскуриада других авторов. Легенда, называющая основателями этой милетской колонии (Агг., P. P. E., 14) божеств мореплавания Диоскуров, проливает свет на культовую основу мифа об аргонавтах, участниками похода которых являлись, соответственно ионийской версии эпоса, братья Кастор и Полидевк (Диоскуры)].

⁶ [Синдика, или Синдская гавань других авторов (P. s. - S. c. u. l., 72), во времена Помпония Мелы именовавшаяся местными жителями, а также и некоторыми авторами (ср. S. t. r. a. b. o., XI, 2, 10) Горгиппией].

⁷ [Т. е. Азовским морем, именовавшимся в древности нередко болотом (palus)].

⁸ [Одно из наименований нижнего течения реки Кубани, которая была известна в древности также и под другими наименованиями: Гипанис (S. t. r. a. b. o., XI, 2, 9), Фат (D. i. o. d., XX, 23), Псатис (P. t. o. l., Geogr., V, 8, 27), Антикист (S. t. r. a. b. o., XI, 2, 12). Реку Кораканду, в имени которой звучит наименование синдского селения Корокондамы (S. t. e. r. h. B. u. z., s. v. Короходьца), быть может, следует признать идентичной одному из притоков реки Кубани — Кораку Птолема (Geogr., V, 8, 31), показанному последним, однако, в виде особой реки, впадающей в Черное море к югу от современного Новороссийска].

⁹ [Таманский полуостров фигурирует в качестве острова также у P. s. - S. c. u. m. n., 890 сл.].

¹⁰ *hermonos saccephoe* A; исправил B. a. r. b. a. r. u. s.

¹¹ *Snacorea* A; исправил F. r. i. c. k.

¹² [Т. е. берега Азовского моря в его части, обращенной к материку].

¹³ [Имеется в виду сравнительно неширокая береговая полоса Таманского полуострова, отделяющая Азовское море от Черного].

¹⁴ [Меоты других авторов; меотики уже упомянуты выше, M. e. l. a, I, 14].

Sirachi)¹, фикоры², и ближе всего к устью реки, иксаматы (Ixamatae)³. У них женщины занимаются теми же делами, что и мужчины, и даже не освобождаются от военной службы. Мужчины служат в пехоте и в сражении мечут стрелы, а женщины вступают в конные стычки и сражаются не железным оружием, а накидывают на врагов арканы и умерщвляют их затягиванием. Они выходят замуж, но для того, чтобы считаться годными для замужества, дело не в возрасте: те, которым не удалось убить врага, остаются в девицах⁴.

(115) Самый Танаис, текущий с Рифейской горы⁵, несется так стремительно, что в то время, как соседние реки, Меотиды и Босфор и даже некоторые части Понта замерзают от зимней стужи, он один, одинаково перенося зной и холод, всегда остается одинаковым и несется в быстром течении⁶. (116). Его берегами и прибрежными местностями владеют савроматы, одно племя, но разделенное на несколько народов с разными названиями: первые меотиды⁷ женовладеемые занимают владения амазонок⁸, степи, богатые пастбищами, но в остальном скудные и голые. Будины населяют деревянный город Гелоний⁹. В близком соседстве с ними тисса-

¹ *theataeserachi* A; *Thatae Sirachi* Frik. Ср. наше примечание к IOSPE, II, стр. XIV. 8, 15), [Фаты — то же, что и засвидетельствованные эпиграфически фатеи (IOSPE, II, которые, быть может, идентичны птолемеевым темеотам (Θαμειώται; Geogr., V, 8, 17—25). Сирахи должны быть отождествлены с сираками Страбона (XI, 2, 1), локализуемыми к северу от Кавказского хребта].

² [Это неизвестное из греческих источников меотийское племя, быть может, идентично упомянутому у Plin., NH, XXXVII, 110, Phycari, локализуемым им к северо-востоку от Кавказа, вместе с саками и даями].

³ *Ixamatae* A: исправил Holstenius. [Вероятно, идентичное иксибатам у Нег., fr. 166, скифское (савроматское) племя].

⁴ [Ср. этот рассказ, основанный, несомненно, на том же древнеионийском источнике, что и сообщения Геродота и Гиппскрата о савроматских женщинах (амазонках-савроматках), но прибавляющий, однако, некоторые существенные черты для характеристики военного быта савроматов, с параллельными текстами названных авторов (Нег., IV, 116; Ps. - Нурр., de aeg., loc., 24)].

⁵ [Эта древнеионийская версия, основанная на отождествлении Рипейских гор с Кавказом (см. выше, прим. к Мел., I, 109), была опровергнута Геродотом, упомянувшим довольно глухо, впрочем, о некоем «большом озере», из которого берет начало текущий «сверху» Танаис. Представитель предшествующего Меле поколения, Страбон не знает истоков реки Танаиса (XI, 2, 2), как не знает их в точности и Птолемей (III, 5, 4). Танаис Помпония Мелы, как это явствует и из дальнейшего изложения, не есть Дон в его верхнем течении. Вытекающий из Рипейских гор Танаис — это, скорее, Маныч или, быть может, даже кавказский Аракс, с которым нередко в древнейшую эпоху смешивался Танаис].

⁶ [Это описание течения реки Танаиса не может быть отнесено к Дону ввиду его фактических несообразностей. Дон замерзает и не обладает столь быстрым течением. Заимствованные Мелой и происходящие из древнеионийского источника слова относятся, несомненно, даже не к Манычу, а к какой-либо горной реке, скорее всего, к реке Араксу].

⁷ [Эпитет «женоуправляемые» (γυναικωκρατούμενοι) относится обычно к савроматам, которых историки и географы, пользующиеся древнеионийской традицией, хотя и помещают рядом с меотами, но отчетливо отделяют от них (ср. Ps. - Сул., 70 сл.). Перенесение Мелой этого эпитета «женоуправляемые» на меотов, если не основано на простом смешении их с савроматами, может объясняться сходством социально-бытовых черт названных племен, зафиксированным в источнике Мелы].

⁸ [Упоминание о «владениях амазонок» на Меотиде может быть понято лишь из сопоставления с легендарной традицией (скорее всего, милетской) о происхождении савроматов от брака скифских юношей с амазонками, изложенной у Нег., IV, 110 сл.].

⁹ [Ср. Нег., IV, 108 сл., откуда следует заключить, что город Гелон был населен не будинами, а гелонами, племенем эллинского происхождения, которое Геродот всячески отделяет от будинов, замечая, однако, что другие греческие писатели смешивают тех и других, принимая их за одно и то же племя. Это обстоятельство сказалось и на изложении самого Геродота, называющего в легенде о происхождении скифов (IV, 10) среди сыновей Геракла и скифской богини Ехидны — Гелона, тогда как, исходя из его же собственного определения гелонов и будинов, его должно было бы называть Будином].

геты¹ и турки² живут в обширных лесах и добывают средства к жизни охотой (117). Затем суровая и пустынная страна, на широком пространстве покрытая непрерывной цепью скал, простирается до самых аремфеев³. Они отличаются весьма справедливыми нравами, живут в лесах, питаются ягодами; головы у женщин и у мужчин голые⁴. Поэтому они считаются священными, и не только их самих не обижает никто из столь диких племен, но даже другие, прибегнувшие под защиту, становятся неприкосновенными⁵. За ними возвышается Рифейская гора⁶, а по ту сторону ее лежит побережье, обращенное к океану.

КНИГА II

1. Пределы и положение той части Азии, которая обращена к нашему морю и Танаису, описаны выше: Европа лежит по правую руку для спускающихся по той же реке в Меотиду, а для въезжающих в нее — с левой стороны. Ближайшие к Рифейским⁷ горам — они ведь простираются и сюда⁸ — местности постоянно падающие снега делают до такой степени непроходимыми, что далее к северу нельзя даже видеть, как ни напрягать зрение⁹. Затем лежит страна с весьма богатой почвой, но необитаемая, потому что грифы, свирепые и упрямые животные, очень любят и очень ревностно стерегут извлеченное из глубины земли золото и нападают на того, кто до него дотронется¹⁰. (2). Первыми из людей живут

¹ [Перечисляемые Мелой наименования племен восходят к той же периегесе, обожравшей путь из Приднепровья к итседонам, которой пользовался еще Геродот. Тиссагеты (IV, 22) находятся, по его словам, выше будинов, в семи днях пути от них и должны быть локализованы, подобно будинам, между Доном и Волгой].

² [И по своему положению в ряду азиатских племен, упоминаемых Геродотом, а также Плинием, и по промежуточной форме их имени, приводимой последним из названных авторов (Тугсае — *Tugae*, NH, VI, 19), турки Помпония Мелы должны быть отождествлены с Геродотовыми иирками (*Iurxi*; IV, 22), населявшими пространства между Волгой и Уралом. Ср. А. Негтманн, RE, X, 2, 1386].

³ [Аргиппей Геродота (IV, 23), оргемпей — у ZepoB., V, 25, — племя жившее в азиатских степях к западу от итседонов].

⁴ [О плешивости аремфеев-аргиппеев сообщает также и Геродот (IV, 23), описание которого содержит целый ряд дополнительных черт их быта, не противоречащих тому, о чем свидетельствует Мела].

⁵ [Из слов Мелы следовало бы заключить, что аремфеи почитались у своих соседей священными вследствие их образа жизни. Однако из Нег., IV, 23, явствует, что причиной этому были обстоятельства сакрального воярка (они разбирали споры между соседями и предоставляли убежище беглецам — право, которым в древности обладали многие храмы Великой Матери и связанных с нею божеств плодородия). О том, что в случае с аремфеями дело обстоит сходным образом, может быть, следует заключить из того обстоятельства, что имя одной из богинь скифского пантеона — Аргимпасы, отождествляемой Геродотом с Афродитой Уранией (IV, 59), не может быть оторвано от наименования племени аремфеев-аргиппеев].

⁶ [Упоминанием об этой локализации Рипейских гор на севере Европы и Азии, противоречащей тому, что было на этот счет сказано выше (Мела, I, 109), Мела отдает дань позднейшим представлениям о Рипеях, оформившимся в среде александрийских ученых и получившим графическое воплощение на карте Випсания Агриппы, соответствующим которым Рипейские горы тянулись длинной цепью с запада на восток от Атлантического до Восточного океана. Рипейские горы Помпония Мелы, подобно Рипеям Птолемея, реально могут быть отождествлены лишь с Уральским хребтом].

⁷ *in aeriphaeis* A; исправил Frick.

⁸ [Ср. выше, прим. к §§ 109 и 115].

⁹ [Ср. у Нег., IV, 7, рассказ о перьях, наполняющих воздух в землях, лежащих выше Скифии, и препятствующих зрению, а также толкование, которое он дает этому сообщению (IV, 31); сообщение Мелы покоится, несомненно, на тех же легендарных сведениях, что и указанный текст Геродота, но только лишь подано в более краткой и рационалистической форме].

¹⁰ [Из слов Геродота (III, 116), подтверждаемых изобразительной традицией, следует заключить, что легенда о грифах (или грифонах), — фантастических, стерегущих золото животных, — возникшая, вероятно всего, на иранской почве, в качестве противников этих зверей имела в виду аримаспов].

здесь скифы, а из скифов аримаспы¹, у которых, говорят, только по одному глазу; за ними живут эсседоны² до самой Меотиды³. Изгиб ее рассекает река Букес (Buces)⁴, живут здесь агафирсы⁵ и савроматы, называемые амаксобиями⁶, потому что вместо домов им служат повозки. Затем косая полоса земли, спускающаяся к Босфору, ограничивается Понтом и Меотидой⁷. (3) Сторону ее, обращенную к Болоту, занимают сатархи (Satarchae)⁸, со стороны Босфора лежат киммерийские⁹ города Мурмеккий, Пантикапей, Феодосия, Гермисий¹⁰, со стороны Эвксинского моря живут таврики¹¹. Выше них залив с удобными гаванями, называемый поэтому Прекрасной Гаванью¹², ограничивается двумя мысами¹³: один из них, прямо противоположный упомянутому нами Карамбийскому в Азии, зовут Бараньим Лбом, другой — Парфением¹⁴. Вблизи лежит город Херронес (Cherronesos)¹⁵, основанный, по преданию, Ди-

¹ *arimampsae* A; исправил I. Gronovius.

² [То же, что эсседоны у Н е с., fr. 168, и Н е г., IV, 25 сл., и эсседы некоторых других авторов (см. Steph. Byz., s. v. Ἰσσηδώνες), полуифическое племя, локализация которого, связанная с локализацией Рипейских гор, колеблется от Кавказа до Урала. Недавно А. Негтманн, RE, IX, 2, 2235, основываясь на данных Геродота, попытался связать их имя с именем реки Исети, притока Тобола, поместив их, таким образом, в Зауралье, но все более определенно выясняющееся тождество мифических Рипеев с Кавказом противоречит подобным предположениям].

³ [Как известно, Геродот относит эсседонов к далекому северо-востоку Азии и помещает их «напротив» массагетов (I, 201), локализуемых на основании рассказа о войне персов с массагетами (Н е г., I, 205 сл.) в закаспийских областях по рекам Оксу или Яксарту (Араксу). Указание же Мелы на то, что эсседоны живут от аримаспов вплоть до Меотиды, должно быть рассматриваемо как попытка согласования данных Геродота с более древними данными ионийской географии, связывавшими эсседонов с Кавказом].

⁴ [Река Бик (Βύχης) Птолемея (Geogr., III, 5, 4), отождествляемая с рекой Ногайкой или с рекой Молочные Воды, впадающими с северо-запада в Азовское море].

⁵ [По Н е г., IV, 102 сл., агафирсы — племя не скифское — живут к западу от скифов, на Балканах, приблизительно на территории нынешней Трагсильвании. Ср. RE, I, 1, 764)].

⁶ [Племя под этим наименованием знает в Европейской Сарматии Птолемей (Geogr., III, 5, 10), локализующий их близ алан у реки Танаиса. Савроматами Мела их называет, несомненно, в самом широком смысле, как сарматское племя вообще].

⁷ [Речь идет о степном пространстве, ограниченном нижним течением Днепра, Черным и Азовским морями].

⁸ *sarthagae* A; *Satarchae* X (остальные кодексы или все, или большинство). [То же, что и сатархий (IOSPE, I, 244), племя, идентичное тафрям, как это выясняется из слов Домития Каллистрата, приводимых у Steph. Byz., s. v. Ταφροι. Локализуемые на крымском побережье Сиваша, эти сатархи должны быть идентичны, по крайней мере, по имени, упоминаемым ниже таврикам или таврам (Τάφροι или Ταφροι Страбона, VII, 3, 19 = Тафрой Геродота, IV, 102)].

⁹ [Т. е. относящиеся к Босфору Киммерийскому].

¹⁰ [Этот пункт, не встречающийся у греческих авторов, называет также, между Пантикапеем и Мирмекием, П л и н и й (NH, IV, 87). Между этими же наименованиями у A n o n. R a v., 173, помещается пункт под именем Ratura, который, будучи локализован на месте современного города Керчи, должен соответствовать Гермисию Мелы и Плинью].

¹¹ [То же, что и тавры Геродота (IV, 102 сл.) и других авторов].

¹² [Наименование это упомянуто в «Херсонесской присяге» и локализуется к северу от Керкинитиды у современной Акмечети. См. В. В. Латышев, Повтор., 145 сл.].

¹³ [Прекрасная Гавань должна была находиться западнее обоих названных мысов и потому не могла ими ограничиваться. Весьма вероятно поэтому, что Мела имеет в виду не Акмечетскую бухту, а Балаклавскую].

¹⁴ [Названный так по имени богини Девы (Περδώνος), почитавшейся среди местного населения и у жителей Херсонеса, как об этом сообщает Страбон (VII, 4, 2). Этот мыс отождествляют с современным мысом Фиолент на Гераклевском полуострове в Крыму].

¹⁵ *cerrhona* A; *Chersonesus* B a r b a r u s. [То же, что и Херсонес. Мела воспринял ионийско-аттическую форму написания этого наименования, ср. Ps.-Scyl., 68].

аной¹ и славящийся особенно нимфейской пещерой, которая посвящена нимфам в его кремле².

(4) Затем море подходит к берегу и на расстоянии пяти тысяч шагов от Меотиды³, постоянно следуя за удаляющимися берегами, придает почти вид острова *местности*, занятой сатархами и тавриками⁴. *Местность* между Болотом и заливом называется Тафры (Taphrae)⁵, а залив — Каркинитским. При нем лежит город Каркина⁶, омываемый двумя реками — Герром и Ипакаром⁷, которые изливаются одним устьем, но вытекают из разных источников и в разных местах: Герр течет между базилидами⁸ и номадами, а Ипакар — по земле номадов (Υρασας per Nomadas)⁹. (5) Затем идут самые огромные в этих местностях леса¹⁰ и река Пантикап¹¹, отделяющая номадов от пахарей¹². Затем выступающая (longe distenta)¹³ длинная полоса земли соединяется с берегом узким

¹ Мела имеет в виду миф о перенесении Артемидой в Херсонес Таврический из Авлиды дочери царя Агамемнона Ифигении. Легенда эта распространялась среди черноморских греков в связи с культом местной богини Девы, отождествлявшейся то с Ифигенией, то с самой Артемидой (Дианой). Ср. Нег., IV, 103 и прим.].

² [О почитании нимф в Херсонесе из других источников неизвестно, если не считать одного посвящения Ахиллу Понтарху и Фетиде, его матери, свидетельствующего о наличии в Херсонесе соответствующего культа. Надпись с упоминанием нимф или Нимфея, предполагающая наличие соответствующего святилища, обнаружена была на южном берегу Крыма, на мысу Ай-Тодор (ИАК, вып. 40, 1911, стр. 41). Вотивные рельефы с изображением нимф найдены были, кроме того, в большом количестве в Ольвии (из бывшей коллекции Бурачкова в Государственном историческом музее в Москве)].

³ [Этой величиной Мела определяет ширину Перекопского перешейка, в действительности равную (в наиболее узком месте) 7 км].

⁴ [Речь идет о Крымском полуострове; о названных племенах см. выше II, 1, 3]. *thatera* A; *Taphrae* B a r b a r u s. [Эта местность (см. Ste p h. B y z., s. v. Tάφρα) получила свое название от рва (τάφρος), выкопанного, по преданию, сообщаемому Геродотом, потомками ослепленных скифами рабов (IV, 1 сл.). Племя это, согласно словам Домития Каллистрата, приводимым в указанном выше месте Стефаном Византийским, тождественно сатархеям. Страбон именует, несомненно, это же самое племя тафриями (VII, 3, 19), что и позволяет отождествить (см. прим. к II, 1, 3) сатархов, тафриев и тавров. Птоломей называет вместо племени (быть может, лишь по недоразумению) населенный пункт Тафрас (Geogr., III, 6, 5), локализуемый им на Херсонесе Таврическом (т. е. в Крыму)].

⁶ [То же, что Каркинитида (или Керкинитида) других авторов (ср. Нег., IV, 55)].

⁷ [Об отождествлении и локализации рек Герр и Гипакирь (Ипакар Помпония Мелы), которые вызвали много сомнений и споров в историко-географической литературе, см. прим. к Нег., IV, 20 (ВДИ, 1947, № 2, стр. 262, прим. 5), и P t o l., Geogr., V, 11, 2 (ВДИ, 1948, № 2, стр. 252; стр. 249, прим. 6)].

⁸ [Этим именем Мела называет царских скифов Геродота, у которого содержится также и указание на положение реки Герра на границе между царскими скифами и скифами-кочевниками (Нег., IV, 19 сл.). Имя Герр сопутствует имени царских скифов также и в качестве наименования местности и племени (герры) на среднем или верхнем Днепре, где находились гробницы царских скифов (Нег., IV, 53). Далее Геродот указывает восточную границу области царских скифов на реке Танаисе. Однако Птолемей называет реку Герр на каспийском побережье Кавказа, отодвигая, таким образом, положенную Геродотом на Дону границу царских скифов значительно далее на юго-восток. Надо полагать, что распространение имени Герр и герры (Птолемей называет, кроме того, племя под этим именем в числе кавказских народностей) дает представление о территории перекочевков царских скифов и связанного с ними племени герров (Геродот, IV, 71, называет их в числе подвластных царским скифам племен)].

⁹ Слова *Υρασας per Nomadas* исключает Vossius.

¹⁰ [Имеется в виду лесистая местность в низовьях Днепра, упомянутая у Нег., IV, 9, 19, под именем Гилей (Полесья), известная также под местным наименованием Абикки (Ste p h. B y z., s. v. Ὀλκία)].

¹¹ [О локализации и отождествлении реки Пантикапа см. Нег., IV, 18 и прим. (ВДИ, 1947, № 2, стр. 282)].

¹² [По Нег., IV, 18, река Пантикап разделяет не скифов-пахарей (ἀροτῆρες), а скифов-земледельцев (γεωργοί) и номадов].

¹³ *excedens*, добавляемое в А после *distenta*, вместе с *P i n t i a n u s* 'ом уничтожает Frick.

перешейком, потом на большом пространстве понемногу умеренно суживается и, собирая свои длинные бока как бы в виде острия, прилежит в виде лежащего меча. Существует предание, что Ахилл, вступивший в Понтийское море с враждебным флотом, праздновал там свою победу торжественными играми и, успокоившись от войны, упражнял в беге себя и своих¹. Поэтому эта коса названа Ахилловым Бегом. (6) Затем омывает владения одноименного племени *река* Борисфен, красивейшая из рек Скифии; течение ее отличается чрезвычайной чистотой, тогда как прочие реки мутны, она спокойнее других, и вода ее чрезвычайно приятна на вкус. По берегам ее лежат роскошнейшие луга, а в ней водятся большие рыбы, отличающиеся превосходным вкусом и отсутствием костей². Она течет издалека и, взявшись из неизвестных источников, пролагает русло на сорок дней пути³; будучи судоходной на таком расстоянии, она изливается в море у греческих городов Борисфениды⁴ и Ольвии.

(7) *Владения* каллиппидов омывает Гипанис. Он берет начало из большого озера, которое туземцы называют его матерью, и долго течет таким же, каким получил начало; только недалеко от моря он принимает из небольшого источника, называемого Эксампеем (Ехампраео)⁵, столь горькую воду, что и сам течет отсюда непохожим на себя и не пресным⁶. Ближе всех к нему течет Асиак⁷ между каллиппидами и асиаками⁸. Последних отделяет от истрийцев река Тира; она берет начало в земле невров, а при устье касается одноименного с ней города. (8) Та *река*, которая

¹ [Этот рассказ следует рассматривать как рационалистическую интерпретацию древнеионийской легенды, представлявшей Ахилла в качестве владыки Понта и титанического бога (героя) на острове Белом (ср. А г р., РРЕ, 33). Культ Ахилла на Черноморье и его имя, засвидетельствованное хеттскими источниками (см. «L'antiquité classique», VIII 1939, стр. 41 сл.), должны быть признаны доэллиническими, а ритуал — имеющим локальные черты (P h i l l o s t r., Heroic., II, 8)].

² [Ср. это описание Днепра с геродотовым, с которым оно, не покрывая его, во многом совпадает. В частности, из Г е р о д о т а выясняется, что под бескостной рыбой надо разуметь осетров (IV, 53), вылавливаемых в больших количествах и в настоящее время в низовьях реки Днепра и в Днепровско-Бугском лимане].

³ [Истоки реки Днепра оставались неизвестными еще и С т р а б о н у (II, 4, 6); неизвестны они были, в сущности, и П т о л е м е ю (Geogr., III, 5, 6), указывающему «самый северный исток реки Борисфена» западнее и южнее его истинных истоков. Что касается сообщения о судоходности Днепра на протяжении 40 дней плавания вверх по его течению (вплоть до земли Герра) — сообщения, содержащегося также у Г е р о д о т а (IV, 53) и вызвавшего в современной критической литературе немало попыток истолкования и эмендации этого текста, то данные эти, повидимому, основываются не на чем другом, как на известии о сорокадневной продолжительности похоронной процессии, предпринимавшейся, очевидно, из области царских скифов до области Герра, где находился царский некрополь (Н е г., IV, 73); указанием на это знаменательное совпадение, бросающее любопытный свет на происхождение исторической традиции, послужившей источником как для Геродота, так и (через посредство позднейших авторов) для Мелы, комментатор обязан Б. Н. Гракову].

⁴ [Это наименование относится, очевидно, к острову, лежащему близ устья реки Днепра, ныне называемому Березанью, — наименование, в котором нельзя не услышать отголосок его древнего имени. Под этим именем его упоминает П т о л е м е й (Geogr., V, 10, 8); С т р а б о н описывает его, не упоминая имени, и говорит, что на нем имелась гавань (VII, 3, 17). Раскопки на острове Березани, с большим количеством находок, относящихся к VII—V вв. до н. э., велись начиная с 1904 г. и публиковались в ОАК, 1904 сл.; ЗООИД, 1905, прот. № 369; 1906, прот. № 377 и др.].

⁵ *exampheo* А; исправил I. G r o p o v i u s.

⁶ [Ср. об этом более подробно Н е г., IV, 48].

⁷ [То же, что река Аксиак П т о л е м е я (Geogr., VI, 5, 6), отождествляемая с одной из небольших рек, впадающих в Тилигульский лиман].

⁸ [Племя, наименование которого не может быть оторвано от имени реки Аксиака. Вероятно, идентичны исиакам, гавань которых упоминает А р р и а н (РРЕ, 31) близ Одесса].

отделяет скифские народы от следующих, берет начало в Германии¹ и в верхнем течении носит иное название, нежели в нижнем: на огромном протяжении среди многочисленных племен она долго называется Данувием, затем становится Истром² — как называют ее иначе прибрежные жители — и, приняв в себя несколько притоков, делается огромной рекой, так что из рек, впадающих в наше море, уступает только Нилу и изливается в море столькими же устьями, сколькими Нил, но из них три мелкие, а остальные судоходны³.

(9) Нравы и культура скифских племен различны. Эсседоны празднуют погребение родителей веселыми жертвоприношениями и торжественными собраниями всей родни; самые трупы умерших растерзывают, примешивают к внутренностям убитых животных и употребляют в пищу на пиршестве; черепа тщательно вычищают, связывают золотыми обручами и носят вместо сосудов. Это считается у них последним долгом сыновней любви⁴. (10) Агафирсы разрисовывают лица и члены тела более или менее, смотря по степени благородства, впрочем, все одними и теми же рисунками и притом так, что смыть их невозможно⁵. Сатархи (Satarchae)⁶, не знакомые с золотом и серебром, величайшими язвами человечества, производят меновую торговлю и вследствие суровости своей постоянной зимы, закапывая в землю свои жилища, живут в пещерах или землянках и закутывают в одежду все тело и даже закрывают лица, оставляя только отверстия для глаз⁷. (11) Тавры, прославленные, главным образом, прибытием к ним Ифигении и Ореста, отличаются жестокими нравами; про них идет жестокая молва, будто они убивают пришельцев для принесения в жертву. Басилиды ведут свое происхождение от Геркулеса и Ехидны⁸;

¹ [Об истоках Истра было уже известно кое-что Геродоту (II, 33), выведившему его от города Пирены (т. е. из Пиренейского горного хребта. Более правильно — от западных пределов Германии: производит истоки Истра Страбон, к источнику которого (Посидонию) восходит, вероятно, и осведомленность Мелы].

² [Кельтское наименование реки Истра — Данубий — стало известно древним географам лишь при соприкосновении римлян с галльскими племенами, жившими в его верховьях. Свидетельство Мелы является одним из древнейших упоминаний (впервые у Саез., BG, VI, 25) этого наименования. Птоломей (Geogr., III, 10, 1) указывает пределы (у города Аксипуля) распространения того и другого наименования реки Дуная во II в. н. э.]

³ [Относительно семи устьев реки Истра см. Strabo, VII, 3, 16, а также Ptol., Geogr., III, 10, 2, где см. прим. об отождествлении их с современными рукавами дельты Дуная].

⁴ [Ср. близкое этому описание обычаев эсседонов у Негр, IV., 26].

⁵ [Геродот (IV, 104) отмечает в отношении агафирсов лишь изнеженность и любовь к украшениям, не упоминая об обычае татуировки тела. Последнее известно лишь поздним и преимущественно латинским авторам, ср. например, Verg., Aen., IV, 146].

⁶ Sarthae A: исправил Pintianus.

⁷ [Описание обычаев сатархов (сатархеев) является уникальным и не имеет параллелей у других авторов. Указание на пещерные жилища сатархов (что находит параллель в Плинии в том обозначении части этого племени спалей, NH, VI, 22) может получить подтверждение в археологических наблюдениях, свидетельствующих о заселенности пещер и так называемых пещерных городов в эллинистическо-римскую эпоху во внутренних областях Крыма. Упоминание о незнакомстве сатархов с золотом и серебром и морализующая оценка этого факта могут служить указанием на сравнительно поздний источник, из которого могло быть заимствовано Мелой описание быта сатархов, восходящее, может быть, не далее чем к Домитию Каллистрату (II—I вв. до н. э.). Ср. М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 47 сл.].

⁸ [По Геродоту, подробно излагающему легенду о происхождении скифов от Геракла и Ехидны, имевшую хождение среди черноморских греков (IV, 8 сл.), Геракл был отцом не только всех скифов, но и всех иных черноморских племен, ибо его сыновьями были Агафирс, Скиф и Гелон, символизировавшие скифские племена и их западное и восточное окружение. Слова же Мелы следует, вероятно, понимать в том смысле, что легенда о Геракле как о герое-прародителе была воспринята в особенности царскими скифами, и Геракл включен ими в скифский пантеон в порядке отождествления с

нравы у них царственные, оружием *служат* только стрелы. Кочевые номады следуют за пастбищами для скота и остаются на одном месте, только пока скот не съест всей травы. Пахари занимаются хлебопашеством и обработкой полей. Асиаки не знают, что значит воровать, и потому не стерегут своего имущества и не трогают чужого¹.

(12) Внутри страны жители ведут более суровый образ жизни, и земля менее обработана. Они любят войны и резню; у воюющих в обычае самим выпивать из ран кровь первого убитого врага; чем больше кто убьет, тем считается у них доблестнее; не быть убийцей — величайший позор². Даже при заключении договоров проливается кровь: договаривающиеся наносят себе раны, смешивают выступившую из них кровь и пьют ее³; это считается у них самым крепким залогом сохранения верности. (13) Во время пиршеств перечисление, кто сколько перебил врагов, является любимейшим и самым частым предметом беседы, причем те, которые перечислили больше всех, пьют из двух чаш⁴; это считается особенной почестью во время веселья. Чаши делают они из черепов злейших врагов⁵, как эсседоны из черепов родителей. (14) У антропофагов⁶ самые яства готовятся из человеческих внутренностей. Гелоны покрывают человеческими кожами своих коней и самих себя, первых — кожей с остального тела, а себя — головной⁷. У меланхленов черная одежда и от нее *самое их* название⁸; у невров есть для каждого определенное время, в которое они по желанию превращаются в волков и затем снова принимают прежний вид⁹. (15) Марс у всех *главный* бог; вместо изображений посвящают ему мечи и пояса¹⁰, а вместо жертвенных животных убивают людей. Земли здесь широко расстилаются и изобилуют травой вследствие того, что реки по большей части выходят из берегов, но прочей *растительностью* в некоторых *местах* до того скудны, что обитатели их за неимением дров поддерживают огонь костями¹¹.

КНИГА III

4, 33. Сарматия, более широкая внутри, чем по морскому берегу¹², отделяется от следующих *земель* рекою Вистулой и, спускаясь вниз, до-

мужским божеством плодородия и прежде всего с Зевсом-Папаем (ср. Н е г., IV, 5, где прародителями скифов названы Зевс и дочь реки Борисфена, которую следует отождествить с Ехидной)].

¹ [Характеристика нравов асиаков соответствует характеристике быта гомеровых абиев у С т р а б о н а, VII, 3, 4, и других авторов. Имя последних связывается с трудно локализуемой рекой Абиагом (S t e p h. Byz., s. v. "Αβιοι) и с областью Абикой (Геродотовой Гилеей, см. S t e p h. Byz., s. v. "Γαλκίαι) — именами, могущими претендовать на известную фонетическую близость к имени реки Аксиака и племени асиаков].

² [Ср. с описанием военных обычаев скифов у Н е г., IV, 64].

³ [Ср. Н е г., IV, 70, где обычай совершения клятвенного договора, скрепленного человеческой кровью, описан более детально].

⁴ [Ср. Н е г., IV, 66].

⁵ [Ср. Н е г., IV, 65, где говорится, что чаши для питья вины изготовлялись скифами также из черепов ставших врагами родственников].

⁶ [То же, что и андрофаги Геродота (IV, 106), сообщающего о них, что они единственные из причерноморских племен поедают людей].

⁷ [Ср. Н е г., IV, 64, где речь идет об употреблении человеческой кожи, содранной с убитых врагов, в качестве одеяний, украшений и знаков доблести у скифов вообще].

⁸ [Ср. Н е г., IV, 107].

⁹ [Ср. Н е г., IV, 105 (и прим.), где говорится, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка].

¹⁰ [Ср. Н е г., IV, где речь идет о поклонении Аресу в образе меча, однако не говорится о посвящении ему поясов].

¹¹ [Ср. Н е г., IV, 61, о подобном способе варки мяса жертвенных животных у скифов на огне, поддерживаемом костями того же самого животного].

¹² [Имеется в виду берег Венедского залива (Балтийского моря), ср. P t o l., Geogr., III, 5, 1].

ходит до реки Истра. Население ее по одежде и вооружению ближе всего подходит к парфянскому¹, но отличается более суровыми нравами, подобно самому климату. (34) *Сарматы* не живут в городах и даже не имеют постоянных мест жительства; они вечно живут лагерем, перевозя свое имущество и богатства туда, куда привлекают их лучшие пастбища или принуждают отступающие или преследующие враги², племя воинственное, свободное, непокорное и до того жестокое и свирепое, что даже женщины участвуют в войнах наравне с мужчинами; для большего удобства *движений у девочек* немедленно после рождения прижигается правая грудь и вследствие этого рука делается свободной для нанесения ударов, а грудь — мужской³. (35) Девочки обязаны упражняться в стрельбе из луков, верховой езде и охоте, а от взрослых девиц требуется, чтобы они поражали врагов, так что никого не убить считается преступлением, а наказанием для них служит девство⁴.

5, 36. Затем следуют границы Азии, кроме *тех мест*, где царствует вечная зима и невыносимый холод. *Здесь* живут скифские народы, почти все называемые одним именем *бельков*⁵. На азиатском берегу первыми живут гипербореи за Аквилоном и Рифейскими горами у самого северного полюса⁶; там солнце *восходит и заходит* не ежедневно, как у нас, но, взойдя впервые во время весеннего равноденствия, заходит только во время осеннего; таким образом шесть месяцев продолжается день и столько же других — непрерывная ночь⁷. (37) Земля у *них* узкая, пригреваемая солнцем и сама собой производит плоды. Обрабатывающие ее жители отличаются величайшей справедливостью и живут дольше и счастливее всех остальных смертных: вечно наслаждаясь праздничным досугом, они

¹ [Хотя представление об общности происхождения парфян и скифов было в древности широко распространено (ср. Iust., LXI, 1, 1), утверждение Мелы о сходстве их быта должно быть приписано, скорее всего, наблюдениям греческих и римских ученых эпохи конца республики и начала империи, произведенным во время восточных походов великих римских полководцев].

² [Утверждение Мелы об отсутствии у сарматов городов противоречит фактическим данным. О городах у скифов и их ближайших соседей сообщает уже Геродот (IV, 108) и позднейшие авторы вплоть до Страбона (VII, 4, 7). Сведения древних авторов широко подтверждаются археологическими источниками. Из этого следует заключить, что слова Мелы относятся, во-первых, не к сарматам вообще, а лишь к древним савроматам и, во-вторых, представляют собой повторение основанных на идеализации скифского быта утверждений древнеионийских писателей, через Эфора и Помпея Трога воспринятых также в латинской исторической литературе].

³ [Эти слова, вкратце повторяющие основанные на древнеионийских данных сведения, содержащиеся в естественно-историческом трактате Псевдо-Гиппократа (de aëg., aq., loc., 24), были бы недостаточно понятны без сопоставления с легендарным материалом, изложенным у Нег., IV, 110 сл., и повествующим о происхождении племени савроматов от брака амазонок со скифскими юношами].

⁴ [Ср. Нег., IV, 117, где говорится, что по правилам, принятым у савроматов, девушка выходит замуж не прежде, чем убьет на войне хотя бы одного врага].

⁵ [Из III, 6, 57, где речь идет о положении острова Туле, явствует, что под *белками* Мела разумеет жителей Британии (возможно, идентичных с белгами), распространяя, в данном случае, это наименование на северных скифов вообще].

⁶ [Связь мифического племени гипербореев (реальность существования которого отрицает уже Геродот, IV, 32 сл.) с Рифейскими горами относится к числу положений древнеионийской мифической космографии, отождествлявшей Рифейские горы с Кавказом (ср. выше прим. к I, 19, 109); отнесение же гипербореев к полярным странам является домыслом, основанным на географических представлениях эллинистического времени, базирующихся на наблюдениях Пития из Массалии и астрономических учениях Эратосфена. Мела пытается согласовать и соединить обе эти версии мифической локализации гипербореев].

⁷ [Хотя отчетливые представления о полярной ночи и дне относятся уже ко времени после Аристотеля, но еще древние комментаторы Гомера толковали в соответствующем смысле известные слова «Одиссеи», характеризующие географическое положение Телпила, города мифических лестригонов (Hom., Od., X, 77 сл. и прим.).]

не знают ни войн, ни ссор, занимаются преимущественно служением Аполлону.¹; начатки *святыни* они, как говорят, посылали на Делос сначала через своих дев, потом через народы, передававшие *эти начатки* от одного к другому, более отдаленному, и сохраняли этот обычай в течение долгого времени, пока, наконец, он не был осквернен по вине народов².

Они живут в рощах и лесах, и, когда жизнь скорее пресытит их, чем наскучит, они весело, обвитые гирляндами, сами бросаются в море с известной скалы³. Это считается у них лучшим погребением.

(38) Каспийское море сначала врывается внутрь земель узким и длинным заливом⁴, как бы в виде реки⁵, а затем, влившись прямым руслом, разделяется на три залива: против самого устья — Гирканский, влево — Скифский, направо — тот, к которому в тесном смысле прилагается название всего моря — Каспийский⁶; все оно свирепо и бурно, лишено гаваней, со всех сторон открыто бурям, более других кишит морскими чудовищами и поэтому менее посещается мореплавателями. Направо от устья по берегам пролива живут скифы-кочевники. (39) Далее у Каспийского залива живут каспии и амазонки, называемые савроматидами⁷, у Гирканского — албаны, мосхи (Moschi)⁸, гирканы, по Скифскому — амарды, пестики (Pesticí)⁹ и уже у пролива дербики. В этот залив изли-

¹ [Связь мифа о гипербореях с культовыми легендами делосского Аполлона ясна уже из Геродота (IV, 33 сл.), которому Мела в общем следует в своем рассказе. Более подробно и выразительно об этом сообщалось, без сомнения, в поэме, приписываемой Аристею из Прокооннеса — мифическому жрецу и пророку Аполлона. Более кратко эта же легенда повторяется в пеане Аполлону Алкея и в делосском гимне Каллимаха].

² [Легенда о передаче гиперборейских даров делосскому Аполлону через посредство скифов и других народов, живших на пути от гипербореев на Делос, возникла на основе реальных данных об эгейско-черноморской торговле. В этом смысле чрезвычайно показательно сличение маршрутов гиперборейских даров, как они начертаны у Нег., IV, 33, С а l l., Нумпí, IV, 284 сл. и Р а u s., I, 31, 2. См. об этом подробнее прим. к А l c., in Ар. Сообщение об осквернении этого обычая и прекращении принесения гиперборейских даров на Делос отсутствует у других авторов и, быть может, является рационалистическим домыслом самого Помпония Мелы].

³ [Легенда о ритуальном самоубийстве гипербореев возникла из культовой практики, засвидетельствованной на острове Левкаде, где ежегодно совершались человеческие жертвоприношения в честь Аполлона посредством сбрасывания жертвы со священной «белой» скалы в море (см. St r a b o., X, 2, 8 сл.). Эта же культовая легенда получила свое отражение в мифических подробностях, касающихся смерти знаменитой поэтессы Саффо (St r a b o., там же)].

⁴ [О Каспийском море как о заливе Скифского (Северного) океана см. М е л а, I, 2, 9 и прим.].

⁵ [Вероятно, имеется в виду нижнее течение реки Волги].

⁶ [Разделение Каспийского моря на два — Каспийское и Гирканское — встречается впервые у А r i s t o t., Meteor., II, 1, 10; оба наименования распространяет на все море Ст р а б о н (XI, 6, 1). Мела называет Гирканским заливом южную часть Каспийского моря, Скифским — заливы Комсомолец (Мертвый Култук) и Кара-Бугаз, Каспийским — западную или, точнее, юго-западную часть этого моря; нетрудно заметить, что эти три наименования образованы от имен населяющих его берега племен и приложены к соответствующим его частям; ср. P l i n., NH, VI, 36, где упоминается еще Албанский залив Каспийского моря и сообщается, что и другие его части имеют особые наименования].

⁷ [Савроматидами амазонок называл Эфор (см. St e p h. B y z., s. v. Ἀμαζόνες), который, вероятно, и является источником Мелы, хотя у Эфора речь идет об амазонках, живущих на реке Термодонте. Об амазонках на Кавказе см. St r a b o., XI, 5, 1; об амазонках у восточных берегов Каспийского моря см. А r r., An., IV, 15, 1; VII, 13, 2].

⁸ [Мосхи, о которых упоминает уже Г е к а т е й (fr. 188), локализируются обычно у юго-восточных берегов Черного моря близ Колхиды. Гекатей прямо называет их частью племени колхов, тогда как Ст р а б о н именует Мосхийскими горами западную часть Малого Кавказа (XI, 12, 4). Принимаемую Мелой локализацию мосхов у берегов Каспийского моря следует поэтому считать ошибочной].

⁹ [Это племя, упоминаемое также у P l i n., NH, VI, 50, Мела именует ниже в § 42 Paesici. У греческих авторов оно отсутствует, ввиду чего его, быть может, следует отождествить со Ст р а б о н о в ы м и апазиакими (XI, 8, 8), для которых П т о л е м е й

вается много больших и малых рек, но хорошо известный (*qui fatam habeat*)...¹ из Керавнских гор спускается одним руслом, а в Каспийский залив впадает двумя устьями. (40) Аракс, текущий по склонам Тавра², пока пересекает долины Армении, течет спокойно и бесшумно, так что, даже присматриваясь, нельзя заметить, в которую сторону он течет; но, достигши более гористых местностей и будучи с обеих сторон стеснен скалами, чем уже русло, тем он мчит³ быстрее, разбивается о противостоящие скалы и вследствие этого несется вниз со страшным шумом и грохотом, до того быстро, что в тех местах, где волнам приходится падать с крутизны вниз, они не спускаются немедленно, а выносятся вперед далее, чем простирается русло, и таким образом более чем на пространстве югера несутся, как бы висят в воздухе, без всякого русла³; затем река, уклонившись излучиной в сторону, успокаивается и, снова бесшумно и медленно протекая по равнине, доходит до того берега [т. е. залива]⁴. (41) Реки Кир и Камбис⁵, взяв начало из близких друг к другу истоков у подошвы Кораксийских (*Coraxici*)⁶ гор⁷, расходятся в разные стороны и долго текут далеко друг от друга отстоящими руслами по землям иберов и гирканов⁸, затем, уже недалеко от моря впадши в одно и то же озеро, одним руслом доходят до Гирканского залива.

(42) Яксарт и Окс по пустыням Скифии из стран сугдианских впадают в Скифский залив⁹; первый велик собственной величиной, второй — еще больше благодаря впадению других рек; протекиши некоторое расстояние с востока на запад, он впервые поворачивает вблизи дагов, и, направив течение на север, открывает устье между амардами и песиками (*Paesicas*)...¹⁰

(44) Некоторое время не было известно, что находится за Каспийским заливом, — тот же ли океан, или недоступная вследствие холодов земля,

дает чтение *Πασιξι* (*Geogr.*, VI, 12, 4). Локализация их Мелой у восточных берегов Каспия заставляет считать пестиков одним из восточноскифских племен, к которым относятся анариаки, амарды, дербики, даи и другие (*Strabo*, XI, 8, 8)].

¹ «После *habeat*, видимо, выпало кое-что сказанное о Касе или об Албане, ср. *Plin.*, NH, VI, 13, 39 (*Frisk*).

² [Т. е. Малого Кавказа. Мела, подобно другим позднеэллинистическим авторам, считает Кавказ и другие азиатские горные хребты, идущие в широтном направлении, продолжением малоазийского Тавра. Ср. *Strabo*, II, 5, 31].

³ [Аракс имеет много порогов. В нижнем его течении, между Ордубадам и Мигры (Ереванская область), русло его суживается в горном ущельи до 60 м. Эти места, вероятнее всего, и имеет в виду описание Мелы].

⁴ [Аракс, как известно, являющийся притоком реки Куры, в древности впадал самостоятельным руслом в Кызыл-Агачский залив. Устье Аракса (соединенное протоком с устьем Куры) показывал на своей карте *Птолемей* (*Geogr.*, V, 12, 6)].

⁵ [Описание Мелы плохо согласуется в данном случае с реальностью. Ближе всего к нему подходит современная речка Иора, берущая начало на юго-западном склоне Большого Кавказа и впадающая в Куру вместе с Алазанью. Реку Камбис упоминают, кроме того, *Плиний*, NH, VI, 39 и *Дион Кассий*, XXXVII, 3, 5].

⁶ *coraxici* A; *Coraxici* x.

⁷ [Кораксийские горы — в данном случае северные пределы Кавказа вообще. Но даже и в таком понимании данные Мелы не соответствуют действительности, ибо река Кура, как известно, берет свое начало с высот Армянского нагорья, т. е. на западе Кавказа].

⁸ [Вместо гирканов, живших, по данным других авторов и самого Мелы (ср. выше, § 39), у юго-восточных берегов Каспийского моря, следует, вероятно, иметь в виду албанов].

⁹ [Подобно другим древним авторам (ср. *Strabo*, XI, 6, 1), Мела не различает Аральское море от Каспийского, в которое он заставляет впадать реки Сыр-Дарью и Аму-Дарью].

¹⁰ [Течение реки Окса (Аму-Дарья) описано Мелой более подробно и отлично от описаний других древних авторов, в частности, от описаний *Страбо*на (XI, 7, 4) и *Птолема* (VI, 11, 12)].

простирающаяся без обхода и без конца¹. Но кроме утверждений ученых (physicos)² и Гомера, (45) которые говорили, что вселенная окружена морем, таково же и суждение Корнелия Непота³, как более современное, более достойное внимания. Он привлекает в подтверждение этого *мнения*, свидетельство Квинта Метелла Целера, припоминавшего, в бытность его проконсулом Галлии, следующий *случай*: царь бетов подарил ему несколько индийцев; когда он спросил их, как они попали в эти места, те ответили, что сильная буря унесла их далеко от берегов Индии и что после долгих блужданий они прибыли, наконец, к берегам Германии⁴. Стало быть, *необходимо признать, что к северу от Каспийского моря находится океан*; но его берега, скованные вечными льдами, необитаемы.

6, 55. *Берега*, лежащие против Сарматии, вследствие попеременных приливов и отливов моря иногда представляются островами, а иногда — одной непрерывной землей, так как разделяющие их пространства то покрываются волнами, то *остаются обнаженными*⁵. (56) Не только передается в баснях, но я нахожу и у писателей, заслуживающих доверия, что на этих *берегах* живут зоны (Oeonas)⁶, которые питаются только яйцами болотных птиц и злаками⁷, а также гишпоподы⁸ с лошадиными ногами и пануатии (Panuatiot)⁹, у которых длинные висячие уши, прикрывающие собой все тело, служат одеянием для наготы...

§ 57 содержит описание Туле.

58. *Остров* Талга¹⁰ в Каспийском море плодороден без обработки

¹ [Эти слова могут быть поняты как намек на существование другой точки зрения на Каспийское море, именно, как на бассейн, замкнутый со всех сторон; представителем этой точки зрения в греческой литературе был Геродот (I, 203), который считал Каспийское море замкнутым, в отличие от ионийских географов, постулировавших связь его с океаном (Strabo, II, 5, 31). Представление о замкнутости каспийского бассейна и о налччии к северу от него земли Мела считает древним, полагая, что оно неправильно и опровергнуто Патроком, навархом Селевка Никатора, плававшим по Каспию и установившим связь его с Северным океаном через узкий проток, за который им принята была река Волга (ср. RE, X, 2, 2275 сл.).]

² [Physici — термин, которым чаще всего обозначались представители древнеионийской науки. Ср. Berger, Geschichte d. wissenschaftl. Erdkunde d. Griechen, I, 32].

³ [Имеется в виду утраченное географическое сочинение Корнелия Непота с неизвестным заглавием (ср. RE, IV, 2, 1408 сл.), фрагменты которого разбросаны во многих местах «Естественной истории» Плиния (II, 170; III, 169 и др.).]

⁴ [Мела полагает, следовательно, подобно многим другим древним авторам (ср. Strabo, II, 5, 31), что Индийский океан соединяется с Северным (Скифским) океаном, если только в этом случае не сказывается влияние мнения, известного еще со времени Александра Македонского (Agr., An., VII, 16, 2), в силу которого Гирканское море соединяется посредством протока прямо с Индийским океаном. Ср. H. Berger, Geschichte d. wissenschaftlichen Erdkunde d. Griechen, I, 33].

⁵ [Имеются в виду северные берега Балтийского моря, в эпоху Мелы известные лишь понаслышке и нередко смешиваемые с берегами островов Готланда, Борнгольма и других. Ссылка на значение приливов и отливов для конфигурации скандинавских берегов показывает, что Мела судил о Балтийском море по тем впечатлениям, которые были вынесены Питеем из Массалии от его плаванья по Атлантическому океану и Северному морю].

⁶ Oeones A; Oeonas Bursian.

⁷ [Мифическое племя, жители островов Северного океана, имя которых Плиний (IV, 95), а за ним и Соплин (19, 6) переносят на самые острова. Представление о мифических людях, питающихся птичьими яйцами и рыбой, Цезарь (BG, IV, 10) связывает с жителями островов в устье реки Рейна, чем подчеркивается бродячий характер этой, заимствованной из какого-либо греческого источника, легенды и постепенное ее перенесение к северо-востоку].

⁸ [Ср. у Птолемея (Geogr., III, 5, 10), помещающего сарматское племя под этим наименованием на севере Европейской Сарматии, рядом с меланхленами, к северу от агафирсов].

⁹ Sannalos A; Panuatiot Bursian.

¹⁰ [То же, что Талка (Τάλκη) Птолемея (Geogr., VI, 9, 8), остров, отождествляемый с современным островом Челекеном у восточных берегов Каспийского моря].

и изобилует всякими земными и древесными плодами; но соседние народы считают непозволительным и святотатственным трогать то, что на нем родится: по их поверью, все это приготовлено богам и должно храниться для богов. Около тех берегов, которые мы называли пустынными¹, лежит несколько также пустынных *островов*, не имеющих собственных имен и вообще называемых Скифскими².

КВ[ИНТ] КУРЦИЙ РУФ

О времени жизни Квинта Курция Руфа, автора известного сочинения «De gestis Alexandri Magni», высказывались весьма различные предположения. Вероятнее всего, он жил около середины I в. н. э.; по некоторым данным полагают, что сочинение написано между 37 и 65 гг. н. э. и, скорее всего, около 41 г. См. Schanz-Hosius, *Gesch. d. röm. Litt.*, II⁴, стр. 596 сл. [Ср. М. Покровский, *Ист. римск. лит.*, стр. 286 сл.]. Из 10 книг сочинения две первые до нас не дошли, кроме того есть большой пробел между V и VI книгами и несколько пробелов в X [Сочинение Квинта Курция, представляющее собой довольно заурядную компиляцию и лишенное каких бы то ни было оригинальных обобщающих идей, интересно, однако, как отражение утраченных эллинистических историй Александра, из которых прежде всего надо назвать сочинения Каллисфена, Клитарха и Онесикрита, послужившие источником для Квинта Курция. Сопоставление текста Квинта Курция с текстом Диодора, писавшего о деяниях Александра Македонского по Клитарху, показывает, что и Квинт Курций в значительной степени пользовался Клитархом, хотя изложение его и содержит в то же время значительные отклонения от версии Клитарха — Диодора в сторону известного рационализма, характерного для источников Арриана, в особенности в том, что касается характеристики самого Александра. Для истории причерноморских стран Квинт Курций важен прежде всего потому, что его изложение построено на том специфически искаженном (отчасти из панегирических соображений, а отчасти вследствие совмещений и путаницы в топонимике) географическом фоне, благодаря которому оказалось, что Александр совершил, между прочим, поход на Кавказ вплоть до Танаиса и Европейской Скифии, в места, где он фактически никогда не бывал. Эта полуфантастическая историко-географическая традиция, против которой резко выступает Страбон (XI, 7, 4), известна в особенности через посредство Квинта Курция Руфа. См. Г. Р. Шмид, Когда Квинт Курций Руф написал свое сочинение *De gestis Alexandri Magni*, *ЖМНП*, 1874, №№ 7—8; Dosson, *Études sur Quinte Curce*, Paris, 1886; Petersdorff, *Diodorus, Curtius, Arrianus, quibus ex fontibus hauserint*, Danzig, 1870; он же, *Eine neue Hauptquelle d. Qu. Curtius Rufus*, Hannover, 1884].

Текст: Q. Curtii Rufi *historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt* ed. P. H. Damsté, Groning., 1897.

ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

(DE GESTIS ALEXANDRI MAGNI)

IV, 5, 4. [Эксерпты из письма, которое послал Дарий Александру в 332 г.]. Александру предстоит-де переправиться через Евфрат, Тигр, Аракс и Хоасп, важные оплоты его [т. е. Дариева] царства; придется выступить в равнины, где он покраснеет при виде малочисленности своего войска. (5) Когда он дойдет до Мидии, Гиркании, Бактрии и живущих при Океане индийцев? Я уже не упоминаю о согдианах, арахосиях и других народах, живущих у Кавказа и Танаиса...³

IV, 12, 9. [Перечисление народов, участвовавших в войске Дария в битве при Арбелах]: ... За этими народами Фрадат с 50 четырехконными

¹ [Имеются в виду северо-восточные берега Каспийского моря, ср. выше, III, 5, 45].

² [Речь идет о нескольких небольших островах близ полуострова Мангышлак и в заливе Комсомолец (Мертвый Култук)].

³ [Под Кавказом надо понимать Индийский Кавказ, т. е. великие горные хребты Центральной Азии: Гиндукуш, Тянь-Шань, Гималаи и т. д.; под Танаисом — Яксарт, с которым в древности его неоднократно смешивали; историки Александра делали это, как полагает Страбон (XI, 7, 4), сознательно, с целью прославления македонского царя и чтобы расширить славу его подвигов до пределов стран, где он фактически никогда не был].

колесницами стоял перед значительным отрядом каспиев... (10) Затем следовали жители так называемой Малой Армении... (11) далее племя парфизев¹, населявшее земли, которыми теперь владеют вышедшие из Скифии парфяне², заключало собой строй. (12) Таков был боевой строй левого крыла. На правом стояли жители великой Армении, кадусии, каппадокийцы, сирийцы и мидяне...

VI, 2, 12. ... [Александр с войском] пришел в Парфиону, к народу, тогда неизвестному, а ныне главенствующему над всеми живущими за Евфратом и Тигром до Красного моря. (13) Скифы, доныне тягостные соседи, заняли ровную и плодородную землю; живут они и в Европе, и в Азии: к Азии причисляются те, которые живут выше Боспора, а европейские простираются от левой стороны Фракии до Борисфена и оттуда по прямому направлению до Танаиса. (14) Последний течет между Европой и Азией. Несомненно, что скифы, бывшие родоначальниками парфян, проникли не от Боспора, а из европейских стран³.

VI, 4, 15—22... [При движении Александра с войском по Гиркании] и воинственное население, и тяжелые естественные условия страны доставили царю не мало забот. (16) Здесь лежит непрерывная равнина, простирающаяся до самого Каспийского моря, к которому от этой земли выдаются как бы две ветви, а середина умеренным изгибом образует залив, более всего похожий *по форме* на луну с выдающимися рогами, когда она еще не образует полного круга⁴. (17) Слева⁵ живут керкеты, мосины⁶ и халибы⁷, с другой стороны⁸ *живут* левкосиры (белые сирийцы)⁹ и *растapиаются* равнины амазонок, первые — на северном склоне, вторые — на западном¹⁰. (18) В Каспийском море, отличающемся от других более пресной водой, водятся огромной величины змеи¹¹, рыбы в нем со-

¹ [Имена «парфизев», «парфяне» употреблялись в древности синонимически (ср. Strabo, I, 2, 1; XI, 9, 1 сл.), хотя Курций Руф и прилагает первое из этих наименований к древнейшим обитателям собственно Парфии (или Парфизны), а второе — к их скифским завоевателям].

² [По словам Юстина (XLI, 1, 1), «парфы» по-скифски означает «изгнанники», а парфяне — скифы, изгнанные своими родичами и занявшие степные пространства между Гирканией, Маргианой и даями. Страбон (XI, 9, 2) сообщает, что Арсак (основатель династии Арсакидов), родом скиф, бывший вождем части племени даев, называвшейся парнами (апартанами) и кочевавшей вдоль берегов реки Оха (Атрека), подчинил себе Парфию].

³ [Утверждая так, Курций Руф имеет, вероятно, в виду тот поход европейских скифов в Азию под предводительством царя Мадия, о котором сообщает Геродот, как о причине войны Дария I против скифов (I, 103 сл.). Этому, однако, противоречит сообщение Страбона (IV, 12, 9 и прим.) о происхождении Арсакидов из вождей азиатского племени даев].

⁴ [Рисуя эту картину, Курций Руф имеет в виду южную часть Каспийского моря, ограниченную полуостровами: Апшеронским — с запада и Дарда — с востока. См. у Plin., NH, VI, 38, подобное же сравнение формы изгибов Каспийского моря с рогами месяца].

⁵ [От человека, стоящего на южном берегу Каспийского моря и глядящего на север].

⁶ [Моссины Гекатея (fr. 193) и других авторов. Под именем моссинов их знает Мела (I, 19, 106) и Плиний (NH, VI, 11)].

⁷ [При перечислении этих племен Курций Руф движется с юга на север по западному берегу Черного моря].

⁸ [К западу от поименованных племен на южном берегу Черного моря, но также «слева», если стоять на вышеуказанном месте].

⁹ [Это наименование, прилагавшееся к населению северной Каппадокии, области Амыса и Синопы (схол. к Apoll. Rhod., II, 946), знает Страбон (XII, 3, 59), распространяющий его на каппадокийцев вообще].

¹⁰ [Имеются в виду склоны горного хребта Париадра, занимавшего северо-восточную часть Каппадокии, Strabo, XI, 2, 15 и др.].

¹¹ [О чудовищах, населяющих Каспийское море, как об обстоятельстве, затруднявшем мореплавание, см. у Помпония Мелы (III, 5, 38), который заимствовал эти сведения из какого-либо древнеионийского источника, содержавшего подобные легенды в оправдание недоступности северных морей].

вершенно иного цвета, нежели другие. Некоторые называют его Каспийским морем, а некоторые Гирканским; другие полагают, что в него изливается Меотийское болото, и в доказательство приводят то, что вода в нем преснее, чем в других морях: горечь ее умеряется, *по их словам*, влившейся болотной жидкостью¹. (19) С севера вливается в берега его море, которое далеко разливает свои волны и в значительной части образует *стоячее* болото, испаряясь от зноя. Оно же при другом положении неба снова принимает в себя волны и, спадая с той же быстротой, с какой *раньше* разливалось, возвращает землю ее природе². Некоторые полагали, что *это* — не закрытое море, а впадает из Индии в Гирканию³, вершина которой, как сказано выше⁴, понижается непрерывной равниной.

(20) Отсюда царь прошел 20 стадиев по едва проходимой тропинке, над которой стоял лес, а потоки и лужи замедляли путь. Не встречая, однако, никакого врага, он подвигался вперед и, наконец, вышел в более возделанную *местность*. (21) Кроме других припасов, которыми тогда изобиловала эта страна, она производит огромное количество яблок, и почва ее весьма пригодна для произрастания винограда. (22) Там же часто встречается дерево вроде дуба, листья которого в изобилии покрываются медом; но если жители не соберут его до восхода солнца, то этот сок высыхает даже при умеренной теплоте.

VI, 5, 24. С Гирканией, как сказано выше⁵, было сопредельно племя амазонок, обитавших на равнинах темискирских у реки Термодонта. Царицей их была Талестрия, властвовавшая над всеми землями между горой Кавказом и рекой Фасисом. Возымев страстное желание увидеть царя, она выступила из пределов своего царства и, когда *уже* была недалеко, послала заявить, что прибыла царица, жаждущая увидеться и познакомиться с ним. (26) Немедленно получив разрешение притти, *царица* приказала остальным остановиться, а *сама* выступила вперед в сопровождении трехсот женщин. Как только царь оказался в виду, она соскочила с коня, держа в правой руке два дротика. (27) Одежда не прикрывает всего тела амазонок; левая сторона до груди обнажена, а затем остальное *тело* прикрыто, но изгибы одежды, которую они собирают в узел, не спускаются ниже колен; (28) левая грудь сохраняется в целости, чтобы кормить детей женского пола, а правая выжигается, чтобы легче было натягивать луки и размахивать дротиками. (29) Талестрия бесстрашно смотрела на царя, внимательно окидывая взорами его наружность, вовсе не соответствовавшую славе его деяний. Ведь всем варварам свойственно уважение к величественной внешности, и они не считают способным на великие подвиги *никого*, кроме тех, кого природа удостоила одарить выдающейся внешностью. (30) Впрочем, на вопрос, не желает ли она

¹ [Подобные доказательства в защиту теории замкнутости Каспийского бассейна и его связи с Меотийским озером, с которым он представлял как бы одно целое, приводил Поликлет из Лариссы, один из историков Александра Македонского. См. S t r a b o, XI, 7, 4].

² [Эти рассуждения основаны на представлении об океанских приливах и отливах, наблюдение которых и описание принадлежит П и т е ю из Массалии, в его утраченном сочинении «Об океане» (S t r a b o, VII, 3, 1). Ср. перенесение подобных же представлений, заимствованных у того же Питея, на берега Балтийского (Сарматского) моря (M e l a, III, 6, 55)].

³ [Теория соединения Каспийского моря с Индийским океаном (через Северный океан или непосредственно; А г г. Анаб., VII, 16, 2) также принадлежит александрийским ученым. На основании исследований Патрокла ее развил Эратосфен, изобразивший Каспийское море в качестве залива океана на своей карте (S t r a b o, XI, 7, 3). Ср. H. B e r g e r, Geschichte d. wissenschaftl. Erdkunde d. Griechen, I, 33].

⁴ [См. C u r t., VI, 4, 1, описание вступления Александра в Гирканию].

⁵ [См. VI, 4, 17].

о чем-либо попросить *царя*, она не затруднилась признаться, что пришла с целью прижить с царем детей, считая себя достойной того, чтобы он произвел от нее наследников царства; *ребенка* женского пола она удержит у себя, а мальчика отдаст отцу. (31) Александр спросил, не желает ли она участвовать с ним в походах; но она, *отклонив это предложение* под тем предлогом, что оставила *свое* царство без охраны, продолжала просить, чтобы он не допустил ее удалиться обманутой в *своей* надежде. (32) Более пламенная страсть женщины, чем царя, побудила его остановиться на несколько дней; на удовлетворение ее желания было употреблено 13 дней. Затем она направилась в свое царство, а царь — в Парфию¹.

VII, 3, 19. [Из Парапамисадов] армия Александра двинулась к горе Кавказу, которая разделяет Азию непрерывным хребтом²: одной стороной он обращен к морю, омывающему Киликию, и Красному морю, другой — к Каспийскому заливу, реке Араксу и в другом направлении к пустынным степям Скифии. (20) Тавр, гора второй величины, соединяется с Кавказом: поднимаясь от Каппадокии, она идет через Киликию и сливается с горами Армении³. (21) Таким образом горные цепи, как бы по порядку соединяясь одна с другой, образуют непрерывный хребет, из которого вытекают почти все азиатские реки, изливающиеся одни в Красное море, другие в Каспийское, третьи в Гирканское и Понтийское. (22) Войско перешло Кавказ в 17 дней. Один утес его имеет 10 стадиев в окружности, а в высоту поднимается на 4; к нему-то, по древнему преданию, был прикован Прометей⁴. (23) У подношья горы было избрано место для основания города; в новом городе позволено поселиться семи тысячам кавказцев и, кроме того, тем македонским солдатам, в службе которых царь уже не нуждался. И этот город жители называли Александрией (Alexandriam)⁵.

VII, 6, 11. [Во время пребывания Александра в Мараканде] явились послы скифов абиев (Abiogram)⁶, которые пользовались свободой со смерти Кира, но теперь изъявили готовность повиноваться. Они слыли за справедливейших из варваров; за оружие брались только вынужденно: умеренно и ровно пользуясь свободой, они уравнили высшее сословие с низшим. Благосклонно приняв их, Александр послал некоего Берду

¹ [Относительно этого мифического эпизода истории Александра ср. Plut., Alex., 46; другие упоминания об амазонках на Кавказе и в прикаспийских областях, в связи с походами Александра, см. Агг., Anab., IV, 15, 1; VII, 13, 2].

² [Кавказ в этом случае отождествляется с Тавром (ср. сказанное Курцием Руфом несколькими строками ниже), горным хребтом, но представлениям александрийских географов, воспринятым также и позднееллинистической наукой, начинавшимся в Малой Азии у берегов Кари и пересекавшим (ср. Strabo, XI, 1, 2) в широтном направлении всю Азию. Относительно приложения имени Кавказа к горам Тавра, в расширительном значении этого имени, см. Агг., Anab., V, 5, 2].

³ [В соответствии с этим описанием Тавр должен был бы иметь довольно причудливую конфигурацию. В действительности Тавр тянется от берегов Эгейского моря, через всю южную часть Малой Азии и лишь на юге Каппадокии поворачивает к северо-востоку, достигая верховьев реки Евфрата].

⁴ [О перенесении историками Александра имени Кавказа на Индийские горы (Гиндукуш или Гималаи) и о приурочении к ним мифа о Прометее см. Strabo, XI, 5, 5].

⁵ [Ἀλεξανδρεία ἢ ἐν Παρπαμισαδῶν, вероятно, идентичная Александрии ἢ πρὸς τῷ Κουχισμῷ (ср. Агг., Anab., III, 28, 4; Dioid., XVII, 87; отождествляется с современным пунктом Беграм, или Парван, к северу от Кабула; ср. RE, I, 1, 1389)].

⁶ [В то время как Страбо́н (VII, 3, 2), Дидим Александрийский, Филостефан и другие (Strab. Byz., s. v. Ἀζιοί) помещают абиев в Европе, на границе Фракии и Скифии, Пто́леме́й (VI, 15, 3) и Аммиан Марцеллин (XXIII, 25) локализируют их на севере и северо-востоке Скифии. В Азии же локализируют их и Аппиан (Anab., IV, 1, 1), рассказывающий более сжато, нежели Курций Руф, эпизод о присылке абиями послов к Александру и лишь глухо упоминающий о посылке в Скифию некоторых из числа «товарищей» Александра].

(Berdam)¹ из числа *своих* друзей к европейским скифам с поручением объявить им, чтобы они не смели без позволения царя переправляться за реку Танаис. Берде было поручено также обозреть положение страны и посетить и тех скифов, которые живут выше Боспора. На берегу Танаиса царь выбрал место для основания города, который послужил бы оплотом как против покоренных уже народов, так и тех, против которых он решил идти впоследствии². Но известие о восстании согдиан, увлекшем и бактрийцев, заставило отсрочить выполнение этого плана...

VII, 6, 28. ... Между тем Александр вернулся назад к Танаису и окружил стеной все пространство, занятое его лагерем. Стена нового города, названного по его приказу также Александрией³, была длиной в 60 стадиев. Сооружение было закончено с такой скоростью, что в семнадцать дней после начала постройки оборонительной стены были возведены также и кровли домов города. Между солдатами происходило необычайное соревнование, так что каждый старался первым продемонстрировать порученную ему работу, которая была между ними разделена. В качестве жителей нового города были назначены военнопленные, освобожденные посредством выкупа у их господ; их потомство известно и теперь еще, по прошествии стольких веков, среди того народа по причине памяти об Александре.

VII, 7, 1. Скифский царь, владения которого лежали тогда по ту сторону Танаиса, полагая, что город, построенный македонянами на берегу реки⁴, лег как бремя ему на голову, послал своего брата, по имени Картасия⁵, с большим отрядом всадников разрушить его и прогнать македонские войска далеко от реки, (2) Танаис отделяет бактриан⁶ от скифов, называемых европейскими⁷, и своим течением образует границу Азии и Европы. (3) Скифское племя, живущее недалеко от Фракии, от востока распространяется к северу и не сопредельно с сарматами, как полагали некоторые, а составляет часть их⁸; (4) затем оно по прямому направлению живет на землях, лежащих за Истром, и доходит до крайних пределов Азии, где находятся Бактры. Они [т. е. скифы] населяют местности, ближайšie к северу; затем начинаются дремучие леса и об-

¹ [Носитель этого различно читающегося имени (вариант Peridas) ближе неизвестен. Квинт Курций упоминает о нем еще VIII, 1, 7].

² [Ср. у Strabo, XI, 7, 4, критику сообщений историков Александра о походе македонских войск к реке Танаису, за которую, по его мнению, эти авторы выдавали Яксарт. На этих же географических недоразумениях, выясняющихся из VII, 7, 1, откуда явствует, что Танаис Курция — Яксарт, построены, несомненно, сообщения Курция Руфа о попытке Александра основать город на берегу реки Танаиса (Дона). В порядке такого же недоразумения Птолемей помещает у устья Танаиса «Александровы алтари» (Geogr., III, 5, 12)].

³ [Александрия дальняя (Ἀλεξάνδρεια ἡ ἐσχάτη), основанная в 328 г. до н. э. на берегу Яксарта («у крайних пределов согдиан», Ptolem., NH, VI, 16) на месте современного Ходжента].

⁴ [См. о нем выше, VII, 6, 4 и прим.].

⁵ [Ближе неизвестен].

⁶ [Имя бактриан употреблено здесь в широком смысле, включая и согдиан, живших к северу от Бактрии по берегам Окса и Яксарта (Аму-Дарья и Сыр-Дарья)].

⁷ [Здесь, как и выше, по причине отмеченного географического недоразумения, скифы азиатские (автор, видимо, понимает массагетов, живших по берегу реки Яксарта, см. Strabo, XI, 6, 2 и прим.) именуются европейскими].

⁸ [В этих словах Квинт Курций пытается объяснить перемену, произошедшую на протяжении последних столетий, предшествовавших началу н. э.; имя скифов, покрывавшее собою имя сармат (савроматов), представлявших частью скифского племени, само стало покрываться именем сармат, будучи локализуемо писателями эпохи империи на какой-либо определенной территории, то в европейских, то в азиатских пределах древнего мира, и прилагаемо, в качестве древнего и общеизвестного имени, к племенам готов, гуннов, алан и т. д.].

ширные пустыни; напротив, *места*, обращенные к Танаису и Бактрам, достаточно высоко культивированы.

VII, 8, 34. [Речь старейшего из скифских послов]. Если бы боги захотели, чтобы величина твоего тела была равна жадности твоего духа, то круг *земли* не мог бы тебя обнять; одной рукой держал бы ты Восток, другой Запад и, если бы ты этого достиг, ты захотел бы знать, где скрывается блеск столь *великого солнечного* божества. Так желаешь ты того, чего не можешь взять. Из Европы устремляешься ты в Азию, из Азии снова в Европу. И тогда, когда ты покоритшь весь человеческий род, ты пожелаешь вести войну с лесами, снегами, реками и дикими зверями. Знаешь ли ты, что высокие деревья растут долго, но за один час могут быть вырваны с корнем? Глупец тот, кто взирает на их плоды, не принимая во внимание их высоты. Смотри же, чтобы тебе в то время, как ты стремишься достичь вершины, не оборваться вниз вместе с ветвями, которые ты хватаешь. Даже лев становится иногда пищей ничтожных насекомых, а железо раздается ржавчиной. Ничто не крепко настолько, чтобы ему не угрожала опасность от *более* слабого. Что у нас к тебе за дела? Мы никогда не переступали *границ* твоей земли. Что нам, живущим в обширных лесах, до того, кто ты такой и куда ты идешь? Мы не можем никому служить и не желаем никем повелевать. Нам даны богами дары, — чтобы тебе знать о скифском народе — ярмо, плуг, копье, стрела и чаша¹. Мы пользуемся ими и с *нашими* друзьями и против врагов. Добытые с *помощью* труда быков *полевые* плоды мы даем *нашим* друзьям; вместе с ними совершаем мы возлияние богам из чаши; врагов поражаем издали стрелой, вблизи — копьем. Так победили мы сирийского царя, а затем *царя* персов и медов, и нам был открыт путь до *самого* Египта. А ты, похваляющийся тем, что пришел уничтожить грабителей, сам грабитель всех народов, к которым ты явился. Ты взял Лидию, занял Сирию, Персию держишь, Бактрия находится в твоей власти, жаждешь *захватить* Индию; теперь протягиваешь ты жадные и беспокойные руки к нашим стадам. Какая тебе польза от богатств, раз они лишь возбуждают твою жажду? Ты первый из всех, ставший голодным от изобилия, так что, чем больше ты имеешь, тем сильнее ты вожделеешь к тому, чего у тебя нет. Не думаешь ли ты о том, сколь долго задерживаешься ты около Бактр? Пока ты их [т. е. бактриан] умиряешь, начинают воевать согдианы; из победы родится для тебя *новая* война, ибо, будь ты хоть величайший и храбрейший из всех, однако никто не захочет подчиниться чужеземному владыке. (35) Перейди только Танаис — узнаешь, как широки наши *степи*; ты никогда не настигнешь скифов: наша бедность будет быстрее твоего, нагруженного добычей стольких народов, войска. И, наоборот, когда ты будешь надеяться, что мы далеко, увидишь нас в твоём лагере; ибо мы преследуем и убегаем с одинаковой скоростью. Скифские пустыни (*Scytharum solitudines*) греки, слышно, высмеивают даже в своих пословицах²; мы же предпочитаем городам и плодородным полям пустыни и лишённые обработки *степи*. Держи поэтому твоё счастье стиснутыми руками, оно обманчиво и не даёт себя удерживать против воли. Хорошо ли принятое намерение — показывает будущее лучше, чем настоящее. Надень на свое

¹ [Ср. эту древнюю, иранского происхождения легенду, символизирующую структуру иранского и скифского общества, у Н е г., IV, 5, где она влетена в рассказ о происхождении скифов, а священные предметы представлены упавшими с неба; подобную же легенду, со значительными, однако, отклонениями, но при более подходящих к рассказу Квинта Курция обстоятельствах, передает Ф е р е к и д Л е р и й с к и й (Theog., fr. 113; ВДИ, 1947, № 1, стр. 316)].

² [ἡ Σχιδίων ἐρημία употреблялось у греков еще в V в. до н. э. в качестве поговорки, для обозначения пустого пространства. Ср. A r i s t o p h., Ach., 704].

счастье узду, так ты легче с ним совладаешь. У нас говорят — богиня счастья без ног, но зато с руками и с крыльями; когда она протягивает руки, она не позволяет, тем самым, схватить ее за крылья. Наконец, если ты бог, ты должен оказывать смертным благодеяния, а не отнимать у них *то, что им принадлежит*; если же ты человек, думай всегда о том, кто ты таков; ибо глупо думать о том, из-за чего ты забываешь себя. Тех, с кем ты не будешь воевать, можешь считать хорошими друзьями, ибо дружба крепче всего между равными, а равными могут считаться те, кто не испытал своей силы *один против другого*. Тех же, кого ты победил, остерегайся считать своими друзьями: между господином и рабом нет никакой дружбы; даже и в мире сохраняется *для побежденного* право войны. Не думай, что скифы скрепляют свою дружбу клятвами; их клятва заключается в верности *слову*. Дело греков из предосторожности подписывать договоры и призывать в свидетели богов; наше благочестие заключается в самой верности. Кто не срамитя людей, — обманывает и богов; и что тебе в дружбе того, в чьем расположении ты сомневаешься. К тому же мы будем для тебя сторожами и Азии и Европы. Мы граничим с Бактрами, отделенные от них только Танаисом. По ту сторону Танаиса мы обитаем вплоть до Фракии. С Фракией же, говорят, соприкасается Македония. Подумай, должен ли ты враждовать или дружить с соседями твоих обоих царств?

VIII, 1, 7. Александр, снова покорив согдиан, возвратился в Мараканды. Здесь явился к нему Берда¹, которого он посылал к живущим выше Боспора скифам, с послами этого народа. (8) Также Фратаферн², предводитель хорасмиев³, пределы владений которых соприкасаются с массагетами и дагами, прислал посольство с обещанием покорности. (9) Скифы просили Александра соединиться брачными узами с дочерью их царя; если же он отвергнет это родство, — позволить македонским князьям породниться путем браков с первыми людьми их племени⁴; при этом они обещали, что и сам царь их явится к нему. Благосклонно выслушав оба посольства, Александр в ожидании Гефестиона⁵ и Артабаза⁶ сделал продолжительную стоянку...

X, 1, 43 ... [Александр] получил письмо о событиях, совершившихся в Европе и Азии *в то время*, как он покорял Индию: Зопирион, оставленный наместником во Фракии, во время похода против гетов погиб со всем войском⁶ вследствие внезапно поднявшихся непогод и бурь...

¹ [См. выше, VII, 6, 11].

² [У Агг., Анаб., IV, 15, 1, царем хорасмиев назван Фарасман и сказано, что он прибыл к Александру лично с 1500 всадников].

³ [Ср. более подробное изложение рассказа о скифском посольстве, прибывшем в 329—28 г. до н. э. к Александру, у Агг., Анаб., IV, 15, 1].

⁴ [Один из друзей детства и телохранителей Александра, Агг., Анаб., VI, 28, 4].

⁵ [Перс царской крови и сатрап Бактрианы при Александре, которому последний поручил заботиться о делах хорасмийского царя Фарасмана (Агг., Анаб., IV, 15, 5)].

⁶ [Ср. I u s t., XII, 1, 4; XII, 2, 16; XXXVII, 3, 1 и прим., где причины поражения Зопириона объясняются не стихийными обстоятельствами, а военной ловкостью и непобедимостью скифов].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЕМЫХ В ВДИ № 1 (27)

ARAB — Ancient Records of Assyria and Babylonia
АЕр — Année Epigraphique
BC — Bellum Civile
BG — Bellum Gallicum
ВАН — Вестник Академии Наук
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета
CICH — Corpus Inscriptionum Chaldaicarum
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы
ГАИМК (РАИМК) — Государственная (Российская) академия истории материальной культуры
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗКОРАО — Записки классического отделения русского археологического общества
ЗРАО — Записки Российского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории древностей
ЗКВ — Записки коллегии востоковедов
ИАН — (ООН) Известия Академии Наук СССР (Отделение общественных наук)
ИДО — История докапиталистических обществ
ИАНАРМ — Известия Академии Наук Арм. ССР
IOSPE — Inscriptiones orae Septentrionalis Ponti Euxini
ИЯИМК — Институт языка и материальной культуры
ЛТ — Луврская таблица
ЛОИИ — Ленинградское отделение института истории
МОПИ — Московский областной педагогический институт
МАО — Московское археологическое общество
ОАК — Отчет археологической комиссии
ПИДФ — Проблемы истории докапиталистических формаций
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
PCZ — Zeno's Papyrus of Cairo
PLG — Poetae Lyrici Graeci
PPE — Periplus Ponti Euxini
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
RE — Pauly — Wissowa — Kroll, Realencyklopädie der classischen Altertumswissenschaft
SHA — Scriptores Historiae Augustae
SIG — Sylloge Inscriptionum Graecarum
ССП — Союз советских писателей
УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Ленин и советская историческая наука	3
Проф. А. Ранович — Основные проблемы истории эллинизма	11
Проф. М. И. Артамонов — К вопросу о происхождении боспорских спартокидов	29
Проф. А. В. Мишулин — О возникновении римского провинциального управления в Испании	40
Г. А. Меликишвили — Некоторые вопросы истории Манейского царства	57
И. Д. Амузин — К эдикту Тиберия Юлия Александра	73
А. Д. Дмитриев — Падение Дакии	76
Проф. М. Е. Сергеев — Катонская «шкала доходности» разных земельных угодий	86

ОТДЕЛ ПУБЛИКАЦИЙ

Е. В. Черезов — Надписи на ленинградских сфинксах	92
А. Н. Бернштам — Древняя Фергана	100
В. Бабенчиков — Новый участок некрополя Неаполя Скифского	111

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. М. Дьяконов — Н. М. Никольский , Частное землевладение и землепользование в Древнем Двуречье	120
Проф. В. В. Павлов — Проф. М. Э. Матье — Искусство древнего Египта. Новое царство	130
И. Б. Зеест — Проф. В. Д. Блаватский , Искусство Причерноморья античной эпохи	134
И. Поступальский — Новое советское издание Горация	137
В. В. Шлеев — Дополнительный список статей по древней истории	140

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Д. Б. Шелов — К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекии	143
К. М. Колобова — Из истории архаической Греции (Архаический Родос)	153
Проф. К. Э. Гриневич — Городище „Прекрасная гавань“ в свете новейших данных	155
Д. Г. Капанадзе — О достоверности имени, выбитого на статере базилевса АКИ	161

ХРОНИКА

Д. Г. Редер и Р. И. Рубинштейн — Шестидесятилетие академика В. В. Струве	166
Список печатных трудов акад. В. В. Струве	175
Л. П. Харжо — Нумизматическая хроника	178
Диссертации по древней истории	181

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. В. Латышев . Известия древних писателей о Скифии и Кавказе	185
--	-----

А04051 Подписано к печати
9/IV 1949 г. Заказ № 1896. Печатных
листов 18,5 + 1 вклейка. Уч.-издат.
лист. 29,6. Тираж 4950 экз.

2-я типография Издательства
Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., 10

Редакционная коллегия: { Проф. *Н. А. Машкин*
Проф. *А. В. Мишулин* (редактор)
Акад. *В. В. Струве*
Акад. *И. И. Толстой*

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, Институт истории АН СССР
Телефон К-5-32-22.